
3 1761 08106700 1

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

1892.

СЕНТЯБРЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. слѣдующую страницу обертки.)

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

I.

Воспоминаніе.

Все помню: звукъ морскихъ зыбей,
И крестъ надъ дружеской могилой,
И какъ зажегся образъ милый
Въ душѣ померкнувшей моей.

Черты—блѣднѣе изваянья,
Но жизнь во взорѣ молодомъ
И въ сердцѣ трепетно-больномъ
Великодушныя желанья,—

Благословенны вы стократъ!
Мой вечеръ гаснетъ безнадежно,
Но вы взошли звѣздою нѣжной
На мой блѣднѣющій закатъ.

1886.

II.

Извиненіе.

Душа моя еще звучна,
Всѣхъ струнъ ея я самъ не знаю
И часто жадно я внимаю,
Какъ въ глубинѣ звучитъ она.

Невольно я отвѣтилъ пѣньемъ
На задушевный звукъ рѣчей,
Вниманье дѣвственныхъ очей
Невольнымъ встрѣтилъ умиленьемъ.

1887.

III.

Е. Е.

Кто крѣпокъ и богатъ душою,
Тотъ межъ людей царемъ глядитъ:
Однихъ любовью онъ даритъ,
Другихъ казнитъ своей враждою.

Но ты, несчастное созданье,
Душою скуденъ ты и хилъ;
Самъ у людей всю жизнь просилъ
Ты правъ любви, какъ подаянья.
И, какъ огонь, тебѣ всегда
Была страшна людей вражда.

1878.

IV.

Воробьевскій паркъ.

Когда душа твоя чиста
И безмятежно сердце бьется,
Ступай туда, гдѣ тѣнь густа,
Гдѣ жаркій лучъ сквозь вѣтви рвется.

Тамъ будетъ все тебя ласкать:
Свѣтъ, воздухъ, чудный видъ съ дорожки,
И золотыя будутъ мошки
Вкругъ головы твоей мелькать.

Но если духомъ ты взволнованъ,
И шевелится страсть въ груди,—
Въ мой паркъ ты лучше не ходи:
Онъ тайной силой зачарованъ.

Тебя лучъ солнца обожжетъ,
Пень самъ подъ ногу подвернется,
И видъ чудесный пропадетъ,
Клещъ жадный въ грудь тебѣ вопьется,
И будутъ жалить мухъ полки
Твой лобъ и шею, и виски.

1878.

V.

Эстетику.

Не міръ хорошъ, а хороша
Порой въ тебѣ твоя душа,
И не гармонія природы
Звучитъ среди лѣсовъ и водъ,
А сердце, въ чистый мигъ свободы,
Само въ груди твоей поетъ.

VI.

Поэту.

Коль ужь поэтомъ стать рѣшился,
То не виляй и не хитри:
Что̀ на душѣ, каковъ родился,
Чѣмъ дышишь, то и говори.

VII.

Е. Е.

И осторожно, и небрежно
По тропкѣ жизненной плетусь,
И всякой дряни я боюсь,
Но не того, что̀ неизбѣжно.

1884.

VIII.

Жалоба.

Какъ смутный сонъ, уходятъ дни за днями,
И каждый день дня прошлаго блѣднѣй;
Не дышетъ умъ высокими мечтами,
Нѣмое сердце спитъ среди людей;
Безсиліемъ, какъ тяжкими цѣпями,
Я удрученъ во цвѣтѣ лучшихъ дней,
И я томлюся жизнью безотрадной,
Какъ язвою мучительной и смрадной.

Зачѣмъ же ты, жестокая судьба,
Въ меня святую искру заронила?
Зачѣмъ тобой мнѣ суждена борьба
И не дана властительная сила?
Зачѣмъ рука и грудь моя слаба,
А ты огонь горящій въ нихъ вложила,
Огонь живой не гаснущихъ стремленій,
Огонь стыда и горькихъ сожалѣній?

1853.

IX.

Дума.

Покой и свѣтъ вокругъ меня;
Всѣ узы міра я оставилъ;
На чистый пламень бытія
Я взоръ души своей направилъ.

Но часто тусклъ усталый взглядъ,
Но язвы давняго растлѣнья
На сердцѣ старомъ вновь горятъ,
И меркнетъ радостное зрѣнье.

Богъ милосердъ! Онъ мнѣ пошлетъ
Свое святое испытанье,
Онъ зло мое во мнѣ сожжетъ
Огнемъ предсмертнаго страданья.

1888.

Н. Страховъ.

ПО ЭЛЛАДѢ.

Изъ путевыхъ воспоминаній.

Еще неотдаленно то время, когда путешествіе по Греціи считалось и въ Западной Европѣ подвигомъ со стороны ученыхъ, художниковъ и туристовъ. Тяжелыя историческія судьбы и многовѣковой деспотизмъ варварскаго народа, тяготѣвшіе надъ этою родиной лучшихъ завоеваній человѣчества въ области мысли, фантазіи и слова, въ области всего высокаго, благороднаго и изящнаго отразились исчезновеніемъ городовъ, бѣгствомъ массъ природныхъ Грековъ на чужбину, одичаніемъ нравовъ населенія, ставшаго разноплеменнымъ, запущенностью средствъ сообщенія и совершеннымъ отсутствіемъ жизненныхъ удобствъ, неразлучныхъ съ бытомъ и привычками культурныхъ народовъ. Все это, вмѣстѣ съ недостаткомъ гарантіи личной безопасности, пугало путешественниковъ, которые западали туда большею частью случайно или въ силу какой-либо служебной миссіи. До какой степени еще въ прошломъ и въ началѣ нынѣшняго столѣтія были скудны свѣдѣнія Европейцевъ о современномъ имъ состояніи Греціи, доказывается необычайнымъ и безпримѣрнымъ успѣхомъ двухъ англійскихъ археологовъ Стюарта и Реветта, сочиненіе которыхъ (The Antiquities of Athens) явилось настоящимъ откровеніемъ не только для науки, но и для практической жизни. Роскошные виды и планы опубликованныхъ ими греческихъ развалинъ священнаго и мірскаго назначенія послужили исходною точкой цѣлаго архитектурнаго движенія,

которое охватило собою всѣ страны Европы, покрывшейся къ концу прошлаго и въ началѣ текущаго вѣка множествомъ государственныхъ, общественныхъ и частныхъ построекъ въ подражательнымъ родѣ зодчеству древней Эллады. Трудно указать въ области классической археологіи другую книгу, которая оставила бы по себѣ столь яркій слѣдъ, и немногимъ научно-художественнымъ изданіямъ выпала на долю столь высокая и продолжительная честь. Это сочиненіе, при всей дороговизнѣ наполняющихъ его всевозможныхъ гравюръ, переведено было на иностранные языки и распространилось по всему образованному міру. Оно возбудило живой интересъ къ давно забытой и почти недоступной странѣ, а возникновеніе свободнаго Греческаго королевства, съ первыхъ же поръ заявившаго горячее участіе къ древности, должно было облегчать ученымъ и художникамъ пути и способы къ удовлетворенію этого интереса. [1]

---

[1] *I. Stuard* and *N. Revett*, The antiquities of Athens. London 1761 1816. 2-е изд. подъ редакціею W. Kinnard. London 1825—1830. 3-е изд. *I. Stuart* and *N. Revett*, The antiquities of Athens and other monuments of Greece. London 1858.—Труды Стюарта и Ревета нашелъ продолженіе въ изданіи *C. R. Cockerell*, *W. Kinnard*, *T. L. Donaldson*, *W. Jenkins* and *W. Railton*, The antiquities of Athens and other places in Greece, Sicily. Supplementary to the Antiquities of Athens by I. Stuart and N. Revett. London 1830. О живомъ интересѣ Англичанъ, начиная со второй половины прошлаго вѣка, къ монументальнымъ остаткамъ Греціи свидѣтельствуютъ почтенные труды *R. Chandler*, *N. Revett* and *W. Pars*, Ionian Antiquities, published with permission of the Society of Dilettanti. London 1769—1840 и изданіе той же *Society of Dilettanti* подъ заглавіемъ Antiquities of Attica, comprising the architectur remains of Eleusis, Rhamnus, Sunium and Thoricus. London 1797—1817. Сюда же относятся *Ed. Dodwell*, Classical and topographical Tour through Greece during the years 1801, 1805 and 1806. London 1819. Views and descriptions of Cyclopian or Pelasgic remains in Greece and Italy. London 1830; изданія *W. Gell* The Itinerary of Greece. London 1818, Itinerary of the Morea. 1827 и др., *Rob. Walpole*, Memoires relating to European and Asiatic Turkey. London 1817. Travels in various countries of the East... London 1820, *W. M. Leake* Travels in Morea. London 1830. Лорда Эльгина, обманомъ ограбившаго Аѳинскій Акрополь и лишившаго тамошніе храмы ихъ лучшихъ украшеній, мы конечно не считаемъ въ числѣ ученыхъ изслѣдователей. Что касается болѣе ранняго времени, то въ XVII ст наибольшая заслуга ознакомленія Европы съ Греціей принадлежала Французамъ, умѣвшимъ отправлять послами въ Константинополь людей, живо интересовавшихся греческою древностью и окружавшихъ себя нужными для этой цѣли людьми: таковы были *Deshayes* (1621—1630), и *Nointel* (1674)—послѣднему наука обязана знаменитыми Карреевскими рисунками Парѳенона.

Тѣмъ не менѣе, путешествія въ Грецію, сопряженныя со множествомъ неизбѣжныхъ лишеній, долгое время были, сравнительно, рѣдки и исключительны. Изъ европейскихъ правительствъ первымъ въ нынѣшнемъ столѣтіи вступило на почву непосредственнаго научнаго изслѣдованія сокровищъ древней эллинской цивилизаціи Французское правительство, отправившее въ Пелопоннесъ извѣстную Expédition scientifique de Morée [1] еще во время войны за освобожденіе. Французы въ Аѳинахъ первые изъ иностранцевъ создали свое особое учрежденіе Ecole Française d'Athènes для изученія археологіи, незыблемо существующее до нашего времени и считающее въ числѣ своихъ учениковъ цѣлую плеяду блестящихъ профессоровъ, ученыхъ и художниковъ. Примѣру Франціи послѣдовала, спустя около четверти вѣка, и Германія, основавшая въ Аѳинахъ отдѣленіе своего Императорскаго Археологическаго Института, до того же времени довольствовавшаяся посылками отдѣльныхъ ученыхъ на почву Греціи.

Но если медленно развивались ученыя и артистическія пилигримства въ Элладу даже въ Западной Европѣ, то тѣмъ рѣже и исключительнѣе были путешествія туда русскихъ археологовъ, посвящавшихъ свои силы изученію классическаго міра. Только въ послѣднія десятилѣтія, особенно благодаря необычайной энергіи петербургскаго профессора древней исторіи Ѳ. Ѳ. Соколова, сумѣвшаго создать институтъ профессорскихъ стипендіатовъ изъ своихъ учениковъ въ Аѳинахъ, все болѣе и болѣе развиваются въ младшихъ поколѣніяхъ нашихъ ученыхъ стремленія къ непосредственному знакомству съ этою страной и ея археологическими сокровищами. Изрѣдка начинаютъ появляться здѣсь и молодые русскіе художники. Нельзя не сочувствовать ото всей души этимъ почтеннымъ стремленіямъ нашей ученой молодежи и было бы въ высшей степени цѣлесообразно со стороны руководителей Министерства Народнаго Просвѣщенія возможно болѣе поощрять и всячески облегчать такія путешествія не только университетскимъ преподавателямъ и профессорантамъ классической филологіи, археологіи и древней исторіи, но даже и лучшимъ учителямъ классическихъ языковъ въ гимназіяхъ—на подобіе того, какъ это дѣлается теперь въ Германіи, Австріи и другихъ странахъ Западной

---

[1] Expédition scientifique de Morée. Architecture, sculptures, inscriptions et vues du Peloponnèse, des Cyclades et de l'Attique... par Abel Blouet, A. Ravoisié et A. Poirot и проч. 3 voll. Paris. 1831—1838.

Европы. Сомнѣваться въ благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ путешествій и посылокъ этого рода нѣтъ основаній — уже въ виду счастливыхъ результатовъ, достигаемыхъ въ Аѳинахъ учениками профессора Соколова, изъ которыхъ достаточно назвать В. В. Латышева, завоевавшаго себѣ такое почетное положеніе въ европейской наукѣ, какое впервые выпадаетъ на долю представителя классической филологіи въ Россіи изъ природныхъ Русскихъ. Не останутся безъ выгодныхъ послѣдствій посылки подъ небо Эллады и нашихъ молодыхъ архитекторовъ и живописцевъ. Что русскіе художники могутъ работать здѣсь съ большею пользой не только для самихъ себя, но и для науки, доказываетъ примѣръ покойнаго архитектора Сергѣя Иванова, путешествовавшаго по Аркадіи и давшаго свое, особое мнѣніе по вопросу объ именитомъ храмѣ Аполлона въ Бассахъ, мнѣніе, съ которымъ съ тѣхъ поръ принято считаться въ европейской археологической литературѣ.

Но и независимо отъ правительственныхъ командировокъ желательно, чтобы наша молодежь, по крайней мѣрѣ прошедшая курсъ историко-филологическихъ факультетовъ и художественныхъ школъ, пользовалась первою представляющеюся возможностью къ посѣщенію этой удивительной и поучительной страны. Никакія учебныя пособія, никакія роскошныя иллюстраціи памятниковъ эллинскаго искусства, никакія глубокія изысканія ученыхъ, никакое мастерство описаній и блескъ профессорскихъ лекцій не дадутъ намъ тѣхъ несравненныхъ впечатлѣній, коими неминуемо дарятъ воспріимчиваго путешественника хотя бы два–три дня жизни на мѣстѣ древней Олимпіи или даже одинъ день пребыванія на Аѳинскомъ Акрополѣ.

Отдавая въ печать нижеслѣдующія строки, навѣянныя на насъ пребываніемъ въ Греціи весной 1889 года, радуемся напередъ, если имъ суждено будетъ возбудить въ комъ-либо изъ нашихъ читателей желаніе предпринять то же самое путешествіе, которое столько сладкихъ минутъ доставило въ свое время намъ.

I.

Отъ Бриндизи до Патръ и отъ Патръ до Истма.

Пути сообщенія съ Греціей.—Выборъ времени года.—Пароходы Греческой компаніи.—Ближайшіе виды, по выходѣ изъ Бриндизи въ море.—Корфу.—У береговъ Итаки.—Патры.—Эгіонъ.—Коринѳъ.

Въ настоящее время есть два главные пути въ Грецію, восточный—чрезъ Константинополь и западный—изъ Италіи на Бриндизи и Патры. Въ недалекомъ будущемъ откроется и третій путь, южный и уже рельсовый на всемъ своемъ протяженіи, который пойдетъ отъ Болгаріи, на Македонію, Ѳессалію и центральную Грецію, вплоть до Аѳинъ. Наиболѣе живописнымъ и поэтическимъ останется все-таки первый изъ нихъ съ этими грандіозными красотами природы, которыми даритъ Золотой Рогъ Константинополя, съ этими чарующими видами Эгейскаго моря и Архипелага Цикладскихъ островoвъ, гдѣ притомъ почти каждое урочище будитъ въ образованномъ путникѣ цѣлые рои легендъ и преданій, сложенныхъ и завѣщанныхъ народомъ—поэтомъ, другаго, равнаго которому не производилъ міръ ни прежде, ни послѣ.

Второй изъ названныхъ путей, которымъ пришлось ѣхать намъ, далеко уступаетъ первому въ отношеніи красоты, но и онъ исполненъ своихъ, личныхъ прелестей, которыя испытавшій не забудетъ никогда.

Прямой переѣздъ изъ Италіи въ Грецію можетъ быть совершенъ въ 30 часовъ. Но такая быстрота путешествія не можетъ быть рекомендована людямъ, свободнымъ въ распоряженіи временемъ и любящимъ посѣщеніе мѣстъ, особо отмѣченныхъ въ исторіи. Второе условіе успѣха плаванія по этому району составляетъ извѣстная пора года; ни ранняя весна, ни жаркое лѣто, ни поздняя осень не должны быть избираемы для этой поѣздки. Лично намъ довелось плавать здѣсь уже послѣ того, какъ мартовскія бури улеглись и когда близки были восхитительные въ этихъ водахъ майскіе дни и ночи. Но и при возможности не стѣсняться временемъ, и при хорошемъ выборѣ сезона для плаванія, дѣло можетъ быть испорчено непоправимо, если вы случайно попадете въ Бриндизи на одинъ изъ

пароходовъ Греческой компаніи, конкуррирующей здѣсь съ Австрійскимъ Ллойдомъ и богатымъ итальянскимъ мореходнымъ Обществомъ Florio-Rubattino. Греки — мореплаватели съ незапамятныхъ временъ, тѣмъ не менѣе они или не считаютъ нужнымъ, или еще не научились доставлять даже скромныхъ удобствъ, простой опрятности и порядка своимъ пассажирамъ. Соръ и зловоніе въ каютахъ, грязь на палубѣ, запущенность пароходныхъ снастей, плохое питаніе и недостатокъ дисциплины въ экипажѣ, отсутствіе пунктуальности въ курсѣ плаванія у нихъ—обыденныя явленія, которыя особенно и досадно бросаются въ глаза при видѣ образцоваго порядка во всемъ и щеголеватой роскоши пароходныхъ компаній другихъ странъ. Греческими пароходами можно пользоваться только въ силу крайней необходимости, при переѣздахъ небольшихъ прибрежныхъ пространствъ.

По выходѣ изъ Бриндизійскаго порта въ открытое море, при утренней зарѣ, начинаютъ появляться на восточномъ горизонтѣ горные силуэты: то—скалистыя очертанія Албаніи и Эпира, которыя становятся яснѣе и яснѣе, по мѣрѣ приближенія къ ихъ оголеннымъ берегамъ. Видъ этихъ странъ съ моря довольно пустынный и бѣдный: города и значительныя селенія здѣсь чрезвычайно рѣдки; каменистая почва не кормитъ жителей—и потому они кроются и ютятся въ долинахъ, недоступныхъ глазамъ плывущаго. А по берегу, на большихъ разстояніяхъ, попадаются лишь рыбачьи хижины и деревни съ ихъ бѣднымъ населеніемъ. Пароходы дѣлаютъ свои рейсы такъ сравнительно близко къ берегу, что картины его видны и для слегка вооруженнаго глаза.

Часовъ черезъ десять на правой сторонѣ начинаетъ выдѣляться на поверхности моря какой-то материкъ, образуемый берегомъ Эпира съ одной стороны, и этимъ островомъ—съ другой, и пароходъ вступаетъ въ проливъ. То островъ К о р ф у, Σχερίη Гомера, Κέρκυρα или Κόρκυρα Грековъ, Corcyra Римлянъ, страна счастливыхъ Феаковъ, царя Алкиноя и дочери его красавицы Навсикаи, явившей по легендѣ столько сердечности и мужества, при неожиданной встрѣчѣ съ злополучнымъ Одиссеемъ, несмотря на всю крайнюю и непристойную легкость костюма, въ которомъ жестокій рокъ вынудилъ мудраго владѣтеля Итаки предстать предъ юною царевной.

Благодаря центральному положенію среди греческихъ и итальянскихъ водъ, этотъ островъ рано въ классической древности

пріобрѣлъ большое значеніе. Предпріимчивые Коринѳяне уже въ 734 году до Р. Хр. основали здѣсь колонію, которая скоро въ этомъ, столь удобномъ для торговли, мѣстѣ достигла такого цвѣтущаго положенія, что не прошло и семидесяти лѣтъ, какъ завязалась формальная война у метрополіи со своими выходцами. Коринѳяне и разбогатѣвшіе жители Коркиры сражались на морѣ и отцы были побѣждены своими дѣтьми. Вражда между метрополіей и колоніей возобновлялась не разъ и послѣ; дѣло доходило до вмѣшательства Аѳинъ, и помощь, оказанная Коркирянамъ Аѳинянами, была одною изъ причинъ Пелопоннезской войны, въ которой Коркиряне были союзниками Аѳинъ. Спартанцы думали наказать Коркиру въ 373 году до Р. Хр., но атака ихъ была отбита.—Съ расширеніемъ Римскаго владычества, уже въ концѣ (229) III-го вѣка до Р. Хр., этотъ островъ переходитъ во власть Римлянъ.

Бывъ предметомъ войнъ и споровъ изъ-за обладанія въ древнемъ мірѣ, Коркира или, съ Среднихъ Вѣковъ, Корфу, переиспытала много иностранныхъ владычествъ. При взятіи Византійской имперіи крестоносцами, этотъ островъ достался Венеціанцамъ, послѣ онъ перешелъ во власть Неаполитанскихъ королей, потомъ снова получили его Венеціанцы; въ XVI и началѣ XVIII вѣка пытались овладѣть имъ Турки. Въ томъ же столѣтіи царили здѣсь Французы и долгое время Англичане, пока въ 1863 году этотъ островъ окончательно не отошелъ къ Греческому королевству.

Эта смѣна столькихъ политическихъ судебъ, смѣна народностей, сюда приходившихъ для обладанія, неблагопріятно отозвались на наслѣдіи отъ древняго классическаго міра. Археологія той отдаленной поры памятниками здѣсь крайне бѣдна, и рѣдкая мѣстность, столь значительная по своему географическому положенію, и по своимъ относительнымъ размѣрамъ, представляетъ такъ мало слѣдовъ своего существованія въ классическомъ мірѣ, какъ нынѣшній Корфу.

Этой бѣдности памятниками археологіи вполнѣ соотвѣтствуетъ и отношеніе жителей острова къ отечественной исторіи. Характеръ современныхъ Корфіотовъ исключительно практическій, торговый: воздѣлываніе своихъ чудныхъ оливковыхъ рощъ, возможно большій экспортъ масла, заботы о торговлѣ хлѣбомъ съ нашими южными портами—вотъ всѣ существенные интересы и попеченія здѣшняго населенія.

Но если для археолога подготовлено мало матеріала нынѣшнею интеллигенціей острова, то сама территорія для художниковъ, любителей-туристовъ и людей, ищущихъ теплаго и мягкаго климата, представляетъ чрезвычайно много привлекательнаго. Англичане ставятъ себѣ въ справедливую заслугу высокую культуру оливковыхъ рощъ на Корфу, владѣющемъ теперь количествомъ свыше 4.000.000 деревьевъ. Это обиліе маслины, достигающей здѣсь наибольшей высоты, чѣмъ гдѣ-нибудь въ мірѣ, вмѣстѣ съ рощами кипарисовъ, также сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо въ Италіи и Греціи, привившихся здѣсь, придаетъ ландшафту острова особый, плѣнительный характеръ. Другую заслугу Англичанъ составляетъ проведеніе прекрасныхъ шоссейныхъ дорогъ по всему острову. Оттого поѣздки внутрь страны здѣсь такъ легки и удобны, какъ нигдѣ на островахъ греческихъ водъ. Окрестности города Корфу блещутъ такимъ богатствомъ южной флоры, сплошною пеленой покрывающей здѣсь и долины, и глубокіе, низкіе рвы и холмы, что становится легко понятнымъ, почему этотъ островъ въ послѣднія десятилѣтія все больше и больше сзываетъ къ себѣ иностранцевъ, ищущихъ успокоенія своимъ надломленнымъ силамъ или возможности дожить свой вѣкъ спокойно, procul negotiis. Нѣкоторые пункты этихъ окрестностей съ ихъ роскошною растительностью, свѣтлыми водами озеръ и рѣчекъ, своими видами на лазуревое море и зеленѣющій материкъ, представляются какимъ-то волшебнымъ эдемомъ.

Корфу для ѣдущаго изъ Италіи составляетъ первую греческую станцію, гдѣ слышится языкъ нынѣшней Эллады, хотя въ частую перемежку съ итальянскимъ языкомъ. Итальянскій языкъ является международнымъ въ гостинницахъ, въ ресторанахъ, кофейняхъ и въ личныхъ сношеніяхъ мѣстной администраціи съ иностранцами.

Здѣсь, на этомъ пути, впервые, если не въ виду отсутствующихъ здѣсь монументальныхъ памятниковъ греческой древности, то по историческимъ и литературнымъ воспоминаніямъ невольно настраиваешься для тѣхъ греческихъ впечатлѣній, которыя ждутъ васъ впереди, а эти впечатлѣнія не далеки, потому что лишь черезъ нѣсколько часовъ корабль понесетъ васъ мимо граціозной группы Левкадскихъ острововъ, мимо на вѣки прославленной Итаки, и въ виду Кефалоніи. Сила воспоминаній ранней юности, когда въ первый разъ вы читали вдохновенныя пѣсни

величайшаго изъ поэтовъ міра, такова, что она въ состояніи всецѣло овладѣть вами, при видѣ скалъ острова, который народное преданіе Грековъ называло родиной Улисса. Забытый исторіей въ Средніе Вѣка, этотъ островъ во многомъ сохранилъ старинный характеръ жителей до настоящаго времени. Жители Итаки и понынѣ считаются лучшими мореплавателями; многіе изъ нихъ всю жизнь проводятъ на парусныхъ судахъ, развозя товары по всему Леванту. Они предпріимчивы, отважны, необычайно смѣтливы и отличаются особенною любовью къ своей родинѣ; посѣтить свой домъ и семью, хотя на нѣсколько дней, Итакіецъ считаетъ своею завѣтною мечтой, гдѣ бы ни носили его судьба да вѣтеръ на его обыкновенно и нынѣ парусномъ суднѣ. Если смотрѣть на дѣло спокойно и, какъ говорится, прозаически, этотъ маленькій скалистый островокъ, конечно, теперь не представляетъ ничего особеннаго среди другихъ острововъ; онъ уступаетъ въ красотѣ ландшафта и Корфу, и Кефалоніи; но дѣло въ томъ, что созерцать эту картину спокойно и безучастно нѣтъ никакой возможности. Бываютъ въ жизни минуты, когда и самый холодный умъ уступаетъ мѣсто горячему чувству и когда завзятый прозаикъ становится хоть немножко мечтателемъ и поэтомъ. Такое мгновенье невольно переживаешь у береговъ Итаки... Такова уже мощь истинной поэзіи. И этой силы нечего стыдиться и несправедливо было бы стараться сдерживать охватывающее васъ чувство какого-то благоговѣйнаго, тихаго восторга, какъ нечего стыдиться и сознанія въ этой справедливой дани геніальному поэту геніальнаго народа.

Въ виду Кефалоніи пароходъ поворачиваетъ влѣво и держитъ курсъ по направленію къ заливу Патръ. Патры или Патрасъ, первый городъ, въ которомъ высаживаешься на греческій материкъ. Онъ первый по численности и зажиточности населенія (около 35.000) во всемъ Пелопоннесѣ, и второй послѣ Аѳинъ въ цѣлой Греціи. Здѣсь было поднято 21 апрѣля 1821 года знамя войны за освобожденіе отъ турецкаго владычества, и архіепископъ этого города Германъ былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ патріотовъ. Нынѣшній Патрасъ, извѣстный съ миѳическихъ временъ подъ именемъ Ἀρόη, въ греческой исторіи подъ названіемъ Πάτραι, при Августѣ сдѣлавшійся Colonia Augusta Aroe Patrensis; и сильно расцвѣтшій въ римскія времена, благодаря производству тонкихъ тканей; ранѣе другихъ греческихъ

городовъ принявшій вмѣстѣ съ Коринѳомъ христіанство, не перестававшій существовать въ теченіе всѣхъ среднихъ и новыхъ вѣковъ, раздѣляя всѣ многообразныя историческія судьбы Пелопоннеса; переходившій то къ Латинянамъ, то къ Византійской имперіи, то къ Туркамъ—этотъ городъ въ настоящемъ своемъ видѣ не сохранилъ почти ничего древняго. Сожженный и разрушенный Турками въ войну за освобожденіе, онъ, по окончаніи ея, былъ выстроенъ уже по новому плану, съ правильными и широкими улицами, обширными площадями и разными новѣйшими приспособленіями для порта, его нынѣшняго главнаго кормильца.

Если въ Корфу вы разстаетесь окончательно съ Италіей, еще отражающеюся тамъ и въ языкѣ, и въ архитектурѣ высокихъ, многоэтажныхъ домовъ и виллъ этого города и острова, то въ Патрахъ вы чувствуете себя попавшимъ уже на Востокъ. Крайняя смѣсь населенія, состоящаго изъ Грековъ, Албанцевъ, Арнаутовъ, Турокъ и различаемаго здѣсь по ихъ своеобразнымъ костюмамъ; масса босоногаго и полураздѣтаго рабочаго люда на набережной, вблизи гавани; чрезвычайное обиліе кофеенъ, съ какимъ вы, пріѣзжая изъ Западной Европы, здѣсь встрѣчаетесь въ первый разъ; такое множество мужчинъ, проводящихъ въ этихъ кофейняхъ бо́льшую часть дня то въ разговорахъ, то въ игрѣ въ кости, причемъ столики и стулья буквально занимаютъ цѣлыя площади—все это вмѣстѣ съ различіемъ языковъ и большою неопрятностью уличной публики ясно говоритъ, что вы очутились въ новой странѣ, непривычной ни для уха, ни для глаза. Слухъ вашъ поражается разнообразіемъ языковъ Балканскаго полуострова, глазъ рѣжетъ чрезвычайная пестрота костюмовъ и невольно останавливаетъ какой-то поголовно малый ростъ Греческаго народа. Послѣ Италіи Греки являются какъ-то особенно низко-рослы. Нѣтъ у нихъ и важнаго достоинства поступи, благородной осанки и граціи въ манерахъ и обращеніи — этихъ прирожденныхъ чертъ большинства Итальянцевъ. Говоря это, мы конечно далеки отъ мысли осужденія или какой-либо придирчивой критики; я только откровенно дѣлюсь съ читателями тѣми первыми впечатлѣніями, которыя невольно выносишь изъ этого портоваго города Греціи.

Сравнительное богатство населенія Патръ доселѣ не выразило ничѣмъ своей любви къ классической древности. Если желаете посмотрѣть весьма интересную коллекцію изящныхъ барельефовъ

лучшей поры греческаго искусства и различные предметы домашняго быта классическихъ временъ, то необходимо отправиться въ домъ англійскаго консула, м-ра Вуда, или за другими весьма замѣчательными въ художественномъ отношеніи бронзами и мраморами нужно ѣхать въ Лондонъ, въ его Британскій музей. Нынѣшніе Патры и здѣсь, въ этомъ безповоротномъ вывозѣ отечественныхъ древностей на далекую чужбину, являются настоящимъ городомъ экспорта, не взирающимъ ни на какія строгости и кары закона и властей. Нѣтъ здѣсь ни общественнаго музея, ни сколько-нибудь замѣчательной по своей численности частной археологической коллекціи, если не считать, что кое у кого изъ жителей, то въ одномъ, то въ другомъ домѣ случайно хранятся 2—3 надгробные или посвятительные барельефа, или та, или другая древне-греческая надпись. Въ городской управѣ, въ димархіи, также было при насъ нѣсколько рельефовъ, но одни изъ нихъ просто лежатъ на улицѣ, предъ домомъ, подвергаясь всѣмъ случайностямъ предметовъ, нисколько необерегаемыхъ отъ непогоды и людскаго невѣжества, другіе прикрѣплены къ стѣнамъ темнаго коридора. Много камней съ древними надписями употреблены въ видѣ простаго матеріала, при постройкѣ церквей, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ ближайшихъ окрестностяхъ—и никто изъ нынѣшнихъ Патрасцевъ не сдѣлалъ инвентаря тому, что̀ можетъ быть прочитано и издано. Все это дѣлается молодыми учеными Англіи, Франціи и Германіи, а изъ Грековъ присылаемыми депутатами Аѳинскимъ Археологическимъ Обществомъ. Подъ его же руководствомъ, въ нашемъ присутствіи, разрывался небольшой театръ времени Римской имперіи.

Отъ Патръ до Аѳинъ съ недавняго времени проложена желѣзная дорога, и если ѣхать безъ остановокъ, то чрезъ девять часовъ вы будете въ столицѣ Греціи. Это—одна изъ пріятнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ, какими когда-либо мнѣ приходило́сь проѣзжать во время моихъ странствій. До самаго Истма дорога идетъ по сѣверному берегу Пелопоннеса, вдоль Коринѳскаго залива, голубыя воды котораго тихо текутъ часто лишь въ нѣсколькихъ шагахъ. Справа на всемъ протяженіи—холмы и невысокія горы, изрѣдка чередующіеся съ полями и большими плантаціями коринки. Это сочетаніе причудливыхъ формъ лазуреваго залива, то съуживающагося до небольшой, неширокой рѣки, то раздвигающагося предъ вами на весьма значительное пространство, это

сочетаніе съ картинами спокойныхъ горныхъ ландшафтовъ и полей, часто перемежающихся садами, невольно настраиваютъ путешественника на лучшія чувства. Поѣзда узкоколейныхъ греческихъ дорогъ ходятъ вообще очень медленно, — потихоньку катится паровозъ съ маленькими вагонами и по этому берегу. Налѣво, по ту сторону залива, проносятся предъ вашими глазами одна за другою области Этоліи, Локриды, Фокиды и даже виднѣется часть болѣе отдаленной Бэотіи.

Сколько-нибудь значительныхъ городовъ или селеній на этомъ пути, за исключеніемъ Эгіона, вплоть до самаго Коринѳа, нѣтъ ни одного.[1] Эгіонъ (Αἴγιον), извѣстный болѣе подъ своимъ турецкимъ именемъ Востицы, портовый городъ, съ приблизительно пятитысячнымъ населеніемъ, выгодно отличается изъ ряда другихъ греческихъ провинціальныхъ городовъ своимъ значительнымъ благосостояніемъ, которое выражается большимъ сравнительно количествомъ красивыхъ домовъ и быстрымъ возстановленіемъ своего прежняго вида послѣ сильнаго землетрясенія, нанесшаго ему въ 1888 году сильный уронъ. Населеніе его ведетъ жизнь весьма дѣятельную, пользуясь и своею гаванью, лучшею на всемъ Коринѳскомъ заливѣ, и центральнымъ положеніемъ своего города, стягивающимъ сюда предметы ввоза и вывоза всей Ахаіи. Выгоды такого географическаго положенія всегда удерживали жителей на этомъ мѣстѣ, отмѣченномъ въ преданіяхъ Грековъ въ уже самое отдаленное время ихъ миѳической исторіи. Эгіонъ, по одной изъ версій преданія, былъ мѣстомъ рожденія Зевса; здѣсь онъ питался молокомъ козы. Юному богу служили красивѣйшіе мальчики, дѣти Эгійцевъ. Здѣсь послѣ были у него два святилища, храмъ въ верхнемъ городѣ и священный округъ съ рощей внизу, служившій Ахеянамъ для народныхъ собраній въ историческія времена; въ этомъ мѣстѣ, предъ походомъ въ Трою Агамемнонъ созвалъ собраніе изъ знатнѣйшихъ Грековъ и тутъ держалъ совѣтъ о лучшихъ способахъ веденія предстоящей войны. Такъ, по крайней мѣрѣ, гласило преданіе. Въ Эгіонѣ показывалась могила Талѳибія, герольда Агамемнона. И городъ, и его обильныя ключевыми водами окрест-

[1] Развалинъ большаго театра древняго Сикіона, раскопанныхъ Американцами, намъ видѣть, къ сожалѣнію, не пришлось. См. American Journal of Archaeology 1889, стр. 267 слѣд. Ср. *Sal. Reinach*, Chroniques d'Orient. Paris 1891, стр. 405 слѣд. 619.

ности заключали въ себѣ много храмовъ и святилищъ и другимъ божествамъ, Аѳинѣ, Аполлону и Артемидѣ, Діонису, Посейдону, Димитрѣ, Корѣ и пр. Важный въ религіозномъ отношеніи, Эгіонъ игралъ выдающуюся роль въ политикѣ, являясь центральнымъ, сборнымъ мѣстомъ Ахеянъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Вышеназванная роща Зевса вблизи города служила пунктомъ собраній Ахейскаго Союза. Но отъ тѣхъ далекихъ поръ не дошло до насъ почти никакого слѣда. Только и понынѣ существуетъ большой туннель, соединявшій въ древности верхній городъ съ приморскимъ кварталомъ и соединяющій верхнюю часть съ нижнею нынѣшняго Эгіона или Востицы. Начало этому крытому ходу положили морскія волны, выдолбившія своимъ прибоемъ значительное углубленіе въ скалистой почвѣ, которымъ послѣ, хотя и неизвѣстно въ какую именно пору, и воспользовались люди, продолживъ этотъ крытый ходъ до самаго верха города. До сихъ также поръ течетъ большое количество горныхъ ручьевъ, также обильно орошающихъ окрестности Эгіона, какъ и во времена Павсанія (II г. ст. нашей эры) и способствующихъ процвѣтанію здѣсь садовъ и богатой лѣсной растительности. На существованіе прежняго Эгіона указываетъ также небольшая коллекція древностей, собираемая мѣстнымъ аристократомъ г. Панагіотопуло.

Сильное разочарованіе ждетъ археолога въ Коринѳѣ. Основанный въ незапамятныя времена, по преданію Сизифомъ, вблизи двухъ заливовъ, открывавшихъ легкій доступъ кораблямъ съ запада и далекаго востока, древній городъ, сначала называвшійся Эфирой (Ἐφύρα), рано сталъ извѣстенъ Финикіянамъ, которые были совершенно своими людьми по обѣимъ сторонамъ Истма, являясь сюда съ разнообразными товарами и устраивая здѣсь свои факторіи. Они открыли здѣсь ловлю пурпуровыхъ раковинъ (близь Κεγχρέαι на Саронскомъ заливѣ), имъ обязаны Коринѳяне славой своихъ красокъ и тканей; память объ этихъ непосредственныхъ сношеніяхъ Коринѳа съ Финикіей жила въ классическія времена въ названіяхъ нѣкоторыхъ урочищъ и въ такихъ особенностяхъ религіознаго культа, какъ поклоненіе „Финикійской Аѳинѣ“, культъ Афродиты Ураніи, представлявшей собою Астарту, и др. Скудость каменистой почвы, недостатокъ территоріи, центральное положеніе между Сѣверною и Южною Греціей, близость двухъ морей, изъ которыхъ по одному можно было плавать до самыхъ Столбовъ Геркулеса, а по другому вплоть до

береговъ Понта Эвксинскаго, и примѣръ Финикіанъ, богатѣвшихъ отъ мореплаванія, должны были опредѣлить настоящее призваніе и главную роль Коринѳянъ. Коринѳъ, будучи совершенно горнымъ городомъ, акрополь котораго лежалъ на вершинѣ въ 1.770 футовъ и даже нижняя часть на 170 футовъ, обезпечилъ себя главными гаванями на обоихъ заливахъ (Λέχαιον въ 12 стадіяхъ, съ которою онъ послѣ соединенъ былъ двойными стѣнами на Коринѳскомъ и Κεγχρέαι на Саронскомъ). Дѣвственные лѣса сосѣднихъ горъ и долинъ пошли у него на судостроеніе; мѣстомъ дѣятельныхъ верфей явился у него Истмъ. Мореходство, торговля и связанныя съ нею ремесла стали жизненнымъ призваніемъ Коринѳянъ. Устремивъ свое главное вниманіе на западный бассейнъ Средиземнаго моря, не представлявшій для нихъ той конкурренціи, какую они встрѣчали на восточныхъ водахъ въ отважныхъ мореходахъ сосѣдней Эгины и отдаленнаго Милета, Коринѳяне мало-по-малу распространяютъ свое значеніе преимущественно въ этомъ направленіи. Овладѣвъ Кризейскимъ моремъ и назвавъ его своимъ именемъ, они становятся затѣмъ хозяевами на Іоническомъ морѣ; очиствивъ Адріатику отъ иллирійскихъ разбойниковъ, вводятъ её въ кругъ греческихъ морей. Городъ за городомъ и колонія за колоніей основываются ими въ чужихъ мѣстахъ, близкихъ и дальнихъ. Чтобы не говорить о другихъ поселеніяхъ меньшаго значенія, основанныхъ ими въ разныхъ направленіяхъ, достаточно припомнить важнѣйшія изъ нихъ — Керкиру, Сиракузы, Потидею. Морская торговля и выгоды обладанія перешейкомъ, соединявшимъ Среднюю и Южную Грецію, по которому шелъ значительный транзитный путь для товаровъ какъ отъ одного воднаго бассейна къ другому, такъ изъ разныхъ частей Греціи, выгоды скрещиванія у Коринѳа главныхъ торговыхъ путей изъ Ахаіи, Аркадіи и Арголиды, естественно подававшаго поводъ Коринѳянамъ взять торговое посредничество въ дѣлѣ ввоза и вывоза всего Пелопоннеса, — всё это вмѣстѣ сдѣлало этотъ городъ очень богатымъ; постоянныя же сношенія его съ иностранцами и поѣздки Коринѳянъ въ чужіе края развили въ нихъ вкусъ къ роскоши, невѣдомой другимъ городамъ дорическаго племени. Блескъ и пышность проявлялись въ постройкѣ и убранствѣ жилищъ, въ любви къ драгоцѣнностямъ Востока, въ изнѣженности привычекъ разбогатѣвшаго населенія, въ обиліи всевозможныхъ наслажденій. Ставши въ этомъ отношеніи современнымъ Парижемъ, Коринѳъ

началъ считаться опаснымъ городомъ для слабыхъ характеровъ, что̀ и подало поводъ къ поговоркѣ: „Не всякому слѣдуетъ ѣздить въ Коринѳъ“, Οὐ παντὸς ἀνδρὸς εἰς Κόρινθον ἐσθ᾽ ὁ πλοῦς.

Высшій разцвѣтъ счастія и богатства Коринѳа продолжался до начала VI столѣтія до Р. Хр. и относится ко времени правленія тиранновъ Кипсела, Періандра и Псамметиха (657—582 до Р. Хр.). Занятый исключительно собственными матеріальными интересами, онъ доселѣ принималъ мало участія во внутренней политикѣ Греціи. Только возрастаніе Аѳинъ вывело его изъ пассивнаго и индифферентнаго отношенія къ политическимъ вопросамъ. Въ Пелопоннеской войнѣ онъ всталъ на сторону Спарты, сдѣлавшись ея главнымъ совѣтникомъ и подстрекателемъ. Но послѣдствія этой войны не были благодѣтельны для Коринѳа. Раздираемый внутренними смутами и соперничествомъ политическихъ партій, вступившій во враждебныя отношенія къ Спартѣ, обманываемый своими союзниками, терявшій свое могущество на морѣ, давно враждовавшій со своими колоніями, которыя отдѣлялись отъ него и не хотѣли болѣе признавать никакихъ дальнѣйшихъ правъ на себя своей метрополіи, Коринѳъ все болѣе и болѣе терялъ свое прежнее значеніе. Съ 335 года начинается здѣсь македонское владычество, когда Акрокоринѳъ былъ занятъ чужеземнымъ гарнизономъ. Тѣмъ не менѣе, и въ эту пору въ нижнемъ городѣ, и въ многочисленныхъ гаваняхъ Коринѳіи процвѣтали торговля, искусства и ремесла. Въ 196 году до Р. Хр. Титъ Квинкцій Фламининъ торжественно освобождаетъ его отъ власти Македонянъ; составляется новый Ахейскій Союзъ, главой котораго сталъ богатый Коринѳъ. Въ стѣнахъ его возгорѣлась послѣдняя вспышка стремленій къ политической независимости; въ стѣнахъ же его разразилась и страшная за то кара Римлянъ, исполнителемъ которой былъ консулъ Луцій Муммій (146 г. до Р. Хр.). Городъ былъ преданъ полному разрушенію, богатства его разграблены, многочисленныя сокровища искусствъ увезены въ Римъ, жители частію перебиты, частію проданы съ молотка въ рабство. Смерть и запустѣніе легли здѣсь на цѣлое столѣтіе. Только Юлій Цезарь возымѣлъ мысль основать здѣсь гражданскую колонію своего имени—Laus Julia Corinthus. Возстановили тогда, какъ могли, старые памятники зодчества и застроили опустѣвшія мѣста снова. Возникъ городъ болѣе римскаго характера, достигшій впослѣдствіи опять значительнаго богатства и поведшій веселую и

привольную жизнь. Въ этомъ-то новомъ городѣ Греціи св. Апостолъ Павелъ основалъ христіанскую церковь.

Изъ римскихъ императоровъ особое покровительство оказывалъ ему Адріанъ.—Таковы, въ главныхъ чертахъ, судьбы города въ древнемъ мірѣ. Въ средніе и послѣдующіе вѣка онъ не имѣлъ никакого важнаго значенія. Въ 1458 г. крѣпостью Акрокориноа овладѣваютъ Турки, господствовавшіе здѣсь до 1821 г., за исключеніемъ приблизительно 32 лѣтъ (1682—1715), когда Кориноъ принадлежалъ Венеціанцамъ.

Что же встрѣчаетъ путешественникъ здѣсь нынѣ? Выше мы сказали, что его ожидаетъ сильное разочарованіе. Дѣло въ томъ, что нынѣшній городъ этого наименованія не имѣетъ ничего общаго съ древнимъ Кориноомъ, который совершенно изчезъ съ лица земли. Лишь очень слабые слѣды его существуютъ почти только въ видѣ незначительныхъ остатковъ храма на сосѣдней горѣ, верстахъ въ шести отъ нынѣшняго Кориноа.

Это былъ храмъ дорическаго стиля, съ шестью колоннами по восточному и западному фасаду и имѣвшій по пятнадцати колоннъ на продольныхъ сторонахъ. Внутренняя часть его, вопреки обычному типу, была раздѣлена на два самостоятельныя помѣщенія. Первая целла была продолговатая и поддерживалась внутри восемью колоннами; вторая, задняя, имѣла квадратную форму съ потолкомъ, подпиравшимся четырьмя колоннами. Это дѣленіе внутренней части зданія на два самостоятельные покоя подало ученымъ мысль предположить соединеніе здѣсь двухъ храмовъ въ одной колоннадѣ и подъ одною крышей, храмовъ, посвященныхъ двумъ разнымъ богамъ. Объясненіе, конечно, возможное; соединеніе даже трехъ святилищъ въ одномъ зданіи представляетъ такъ-называемый Ἐρέχθειον въ Аѳинахъ. Но напрашивается на языкъ и другая возможность объясненія, аналогію которой находимъ на томъ же Акрополѣ Аѳинъ, именно въ Парѳенонѣ. Внутренность этого зданія точно также раздѣлена была на два совершенно самостоятельныя помѣщенія (не считая пронаоса и опистодома), переднее—собственно храмъ Аѳины-Дѣвы, и заднее, меньшее, такъ же какъ и въ коринѳскомъ храмѣ, съ потолкомъ, подпиравшимся четырьмя колоннами, служившее для храненія казны и не имѣвшее религіознаго, храмоваго значенія. Не было ли того же самаго и въ древнемъ Кориноѣ? Это, впрочемъ, только попутное замѣчаніе, высказываемое нами къ слову.

Разсматривая пропорціи дорическихъ колоннъ этого храма и

сравнивая ихъ съ аттическими колоннами лучшей эпохи, именно съ колоннами Пареенона, мы не можемъ не замѣтить, что онѣ еще крайне тяжелы. Здѣсь стержень колонны совсѣмъ не въ той мѣрѣ суживается къ верху, какъ въ аттической колоннѣ; коринеская, до самой капители представляя изъ себя монолитъ, и на много короче той. Толщина нижней половины, при короткихъ размѣрахъ колоннъ, вмѣстѣ съ сильнымъ выступомъ капителей, дѣйствуетъ тяжело на глазъ, особенно когда представишь архитравъ, триглифный фризъ и слишкомъ высокій тимпанъ (фронтонъ) фасада. Все это уполномочиваетъ насъ заключать, что коринескій храмъ принадлежитъ къ числу наиболѣе архаическихъ образцовъ дорическаго стиля, дошедшихъ до насъ на почвѣ Греціи.[1] Остатки этого храма—единственная вещь, достойная посѣщенія и изученія археолога и художника.

Что же касается до Акрокоринеа, котораго достигаешь приблизительно въ три четверти часа, взбираясь пѣшкомъ на вершину горы, то тамъ путешественникъ встрѣчаетъ средневѣковую цитадель съ тройными стѣнами и многочисленныя развалины домовъ, христіанскихъ церквей, турецкихъ мечетей съ остатками ихъ минаретовъ. Большая часть всего этого находится въ состояніи полнаго разрушенія уже въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Разбираться въ этомъ человѣку, ищущему классической древности, не стòитъ труда: то—область не его вѣдѣнія. Но утомленіе подъема и удручающее впечатлѣніе хаоса, царящаго въ Акрокоринеѣ, вознаграждается роскошною панорамой, открывающеюся отсюда на Коринескій заливъ со многими областями средней и сѣверной Греціи, на Истмъ, который лежитъ подъ ногами зрителя, на Саронскій заливъ съ Саламиномъ, Эгиною и съ цѣлою сѣтью мелкихъ островов, на всю Аттику вплоть до мыса Суніонъ, съ Аѳинами, горами Пентеликономъ и Гимметомъ, а съ южной стороны на весь Пелопоннесъ—до горъ Аркадіи. При благопріятномъ освѣщеніи, эта картина лазуревыхъ водъ граціозныхъ заливовъ, раздѣляемыхъ лишь узкимъ перешейкомъ, этотъ видъ историческихъ горъ и долинъ, разстилающихся предъ вами, дѣйствительно, стòятъ того, чтобы не терять случая ознакомиться съ ними.

Но спустимся внизъ и пройдемся по нынѣшнему Коринеу. Онъ существуетъ немного болѣе 30 лѣтъ; основаніе его относится къ

[1] См. *Dörpfeld*, Athen. Mittheilungen XI, стр. 297 слѣд.

1859 г., когда жители деревни, существовавшей на мѣстѣ древняго Коринѳа, разрушенной въ 1858 г. землетрясеніемъ, почти всѣ спустились съ горы и поселились у самаго залива. Нынѣ здѣсь уже свыше 8.000 человѣкъ: городъ—съ широкими улицами, одноэтажными и двухэтажными домами. Въ видѣ же образчика культуры населенія можно привести тотъ фактъ, что въ двухъ-трехъ гостиницахъ этого города нельзя было получить комнату съ одною постелью; постелей здѣсь ставятъ столько, сколько позволяетъ помѣщеніе: и путешественникъ обязанъ или спать въ сосѣдствѣ со случайными товарищами по ночлегу или платить за все количество кроватей. Грекъ обыкновенно нанимаетъ только кровать и укладывается на ней на ночлегъ, мало заботясь о неизбѣжномъ сосѣдствѣ. Эта, впрочемъ, черта не составляетъ исключительной особенности коринѳскихъ „отэлей"; съ тѣмъ же самымъ порядкомъ приходится мириться и въ другихъ провинціальныхъ городахъ Греціи, даже въ такомъ многопосѣщаемомъ портовомъ городѣ какъ Навплія, гдѣ мнѣ въ первой тамошней гостиницѣ стоило большаго труда убѣдить хозяина взять плату, по крайней мѣрѣ, за двѣ кровати вмѣсто трехъ, стоявшихъ въ комнатѣ. Въ этой торговлѣ я истощилъ весь свой наличный запасъ греческихъ словъ, которыя могли придти мнѣ на память, и весь свой итальянскій и французскій языкъ.

Нынѣшній Коринѳъ, главный городъ димархіи, кромѣ земледѣлія имѣетъ значительныя выгоды и отъ своего приморскаго положенія, и отъ скрещиванія здѣсь желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ одна идетъ по сѣверному берегу Пелопоннеса, а другая проложена внутрь Арголиды, вплоть до Навпліи и Милъ (Μύλοι, древней Лерны). Городъ сравнительно быстро растетъ и численностію населенія и расширеніемъ своей территоріи. Но жители его пользуются репутаціей людей корыстолюбивыхъ, падкихъ до наживы и склонныхъ, въ силу этого, къ чрезмѣрно высокимъ требованіямъ за всякую услугу попавшему къ нимъ иностранцу. Корыстолюбіе заставляетъ нынѣшнихъ Коринѳянъ промышлять въ широкихъ размѣрахъ фабрикаціей всевозможныхъ антиковъ.

И. Цвѣтаевъ.

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XX.

Онъ былъ разбитъ, какъ Шведъ подъ Полтавой и утѣшалъ себя только тѣмъ, что его старанія затормозить помолвку остались не безъ успѣха. „А! ты показываешь мнѣ когти! мысленно обращался онъ къ Варѣ;—но погоди; ты мнѣ заплатишь за это!“

Наташа была не меньше раздражена; но по его совѣту переговоры были отложены до пріѣзда отца.

Клеванскій былъ въ Павловскѣ и имѣлъ короткое объясненіе съ женихомъ, а потомъ пространное съ дочерьми. По главному дѣлу, Степану и Варѣ объявлено было, что онъ всею душой радъ и дастъ отъ чистаго сердца свое родительское благословеніе, тотчасъ какъ только вопросъ о состояніи будетъ рѣшенъ; но сколько ни толковали объ этомъ, повидимому второстепенномъ, вопросѣ, практическаго рѣшенія не было найдено. Степанъ говорилъ, что онъ не судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ, а что касается до его согласія, то онъ приметъ безъ разговора все, что̀ сестры между собою рѣшатъ; Варнавинъ, — что онъ, какъ редакторъ, не компетентенъ въ финансовой сторонѣ соглашенія; Наташа горько жаловалась отцу, что сестра, которой не терпится играть роль, отбиваетъ у ней изданіе, мысленно прибавляя къ этому, что она отбила уже у нея Степана; Варя— что дѣло затягивается умышленно, чтобы вынудить у нея согласіе

на обидный и совершенно несправедливый раздѣлъ... Отецъ. незнавшій что̀ отвѣчать на эти жалобы, добродушно оправдывалъ то старшую, то меньшую, а когда къ нему обращались съ просьбою разсудить и рѣшить, ссылался на незнакомство свое съ финансовою обстановкой журнальнаго дѣла и стыдилъ дочерей. Но дѣло не двигалось, и Клеванскій уѣхалъ измученный, жалуясь что его пригласили въ Павловскъ сами не знаютъ зачѣмъ.— Рѣшайте, какъ знаете, сказалъ онъ.—Вы не маленькіе и мнѣ не по лѣтамъ васъ ублажать.

Къ счастью Степанъ произвелъ на него хорошее впечатлѣніе и по этому поводу тоже сказано было нѣсколько словъ съ Варнавинымъ, ѣздившимъ его провожать.

— Мы слишкомъ поторопились, сказалъ Клеванскій.—Онъ непохожъ на нахала, который, удравъ отъ живой жены, пріѣхалъ свататься на другой. Одно уже то, что онъ не торопится и не требуетъ ничего, говоритъ въ его пользу. Пройдоха на его мѣстѣ спѣшилъ бы какъ можно скорѣе окончить дѣло... Вы писали уже туда?

— Писалъ.

— Ну, дѣлать нечего;—это моя вина. Пожалуста позаботьтесь, чтобы по крайней мѣрѣ когда придетъ отвѣтъ, этотъ вопросъ о доходахъ рѣшенъ былъ къ общему удовольствію. Мнѣ кажется, если онъ согласенъ на ровный раздѣлъ, то лучшаго невозможно и требовать.

Но сѣмя раздора успѣло уже пустить ростки. Послѣ отъѣзда Клеванскаго, сестры два дня не говорили другъ съ другомъ. Еще немного и дѣло могло бы окончиться ссорой, если бы не Степанъ. Встревоженный раздраженіемъ, которое явственно пробивалось съ обѣихъ сторонъ, онъ объявилъ Варнавину и своей невѣстѣ, что если это продлится, онъ вынужденъ будетъ немедленно бросить домъ... Въ тотъ же день вечеромъ размолвка, съ грѣхомъ пополамъ, была улажена и въ семействѣ установился извѣстный „modus vivendi“.

Но едва загасили центральный пожаръ, какъ вспыхнуло на окраинахъ.

* * *

Хлюдовъ, подобно вулкану, послѣ короткаго періода бездѣйствія, началъ опять обнаруживать признаки безпокойства, свидѣтельствовавшіе, что въ нѣдрахъ его готовится новое извер-

женіе. Замѣтилъ или не замѣтилъ онъ къ этому времени что-нибудь подозрительное между своимъ предметомъ и „дутымъ Американцемъ“ (какъ онъ называлъ за глаза Почаева), только его поведеніе стало еще задорнѣе. Одинъ уже видъ соперника въ обществѣ дамъ раздражалъ его до того, что онъ становился неузнаваемъ. Бывали минуты, когда наружность его такъ живо напоминала озлобленнаго кота, загородившаго путь врагу,—что Степанъ едва удерживался отъ смѣха. Спина его подымалась горой, усы оттопыривались, вытаращенные зрачки сверкали ревнивымъ огнемъ. Въ забвеніи чувствъ онъ даже затягивалъ про себя что-то похожее на воинственно-заунывный напѣвъ, предшествующій кошачьей схваткѣ. Сестры, знакомыя съ этими странностями, мѣнялись тревожными взглядами и украдкой дѣлали знаки Степану, а порознь даже серьезно упрашивали его вести себя съ Хлюдовымъ осторожнѣе... Наташа особенно.

— Вы не знаете, говорила она:—на что̀ онъ способенъ. Обыкновенно это миролюбивый и разсудительный человѣкъ, но на него находятъ минуты, когда онъ теряетъ всякую власть надъ собой, и тогда съ нимъ опасно шутить.

Она не сказала однако, что̀ заставляетъ ее сносить отъ этого человѣка выходки, которыя она не простила бы никому, и Почаевъ узналъ объ этомъ только на дняхъ, отъ своей невѣсты, вмѣстѣ съ другими вещами, тщательно скрытыми отъ него Варнавинымъ и Наташей... Узналъ, что Хлюдова берегли совсѣмъ не для Вари, которая послѣ перваго предложенія прямо сказала сестрѣ, что никогда не будетъ его женой,—а какъ сотрудника, обезпечивающаго журналу извѣстный престижъ, въ послѣднее время сильно померкшій. Варнавинъ имъ дорожилъ, какъ полководецъ, уже давно подозрѣваемый въ невѣрности своему знамени, дорожитъ послѣдними, еще непокинувшими его сподвижниками: а тотъ, хотя и догадывался въ чемъ штука, подкупленъ былъ совершенно другими, гораздо болѣе близкими сердцу его интересами, и ради ихъ закрывалъ глаза на политическую рекламу, въ которой ему приходилось играть роль вывѣски. Открытіе это, въ свое время обезоружившее Клеванскую, теперь обезоружило и Степана. Онъ перестаю отвѣчать насмѣшками на задорные вызовы, дѣлая видъ, что не понялъ или не обратилъ вниманія на ихъ смыслъ. Но тотъ объяснилъ себѣ эту уступчивость иначе. „Дутый Американецъ“, по его понятію, смотрѣлъ на него съ высоты своего величія, какъ мѣсяцъ на лающую собаку, и это,

въ придачу къ ревнивымъ его подозрѣніямъ, окончательно выводило его изъ себя.

Разъ какъ-то, пріѣхавъ предъ обѣдомъ, онъ не засталъ ни Степана, ни Варю и на вопросъ о послѣдней узналъ, что она не вернулась еще съ прогулки,—понятно съ кѣмъ!.. Этого было достаточно, чтобы поставить крестъ надъ умирающею его надеждой, но недостаточно, чтобъ обезоружить Хлюдова. Догадка, что онъ одураченъ, и что вся дача заочно надъ нимъ подсмѣивается, ударила ему въ голову и оттуда жгучею отравой разлилась въ крови. Бѣдняга перемѣнился въ лицѣ, но не сказалъ ни слова и только при встрѣчѣ съ вернувшеюся домой влюбленною парой, замѣтили, что онъ имъ не подалъ руки. За обѣдомъ онъ только прикидывался, что ѣстъ и молча тянулъ вино. Но послѣ обѣда, въ саду, между нимъ и Варей, которую онъ догналъ въ двадцати шагахъ отъ балкона, сказано было кое-что, заставившее ее вдругъ ахнуть и отскочить отъ него, какъ отъ бѣшенаго.

— Какъ вы смѣете меня оскорблять? сказала она, покраснѣвъ до ушей.

Но онъ не успѣлъ отвѣчать, какъ между ними выросъ, словно изъ-подъ земли, Степанъ.

— Что у васъ тутъ? спросилъ онъ, окинувъ Хлюдова съ головы до ногъ, негодующимъ взглядомъ и медленно переводя глаза на Клеванскую.

— Ничего, отвѣчала Варя, съ трудомъ заставивъ себя улыбнуться, но слезы, сверкавшія у нея на глазахъ и тяжело поднимавшее грудь дыханіе, говорили другое.

Тогда онъ обратился вторично къ Хлюдову и настойчиво подтвердилъ свой вопросъ.

— Ничего касающагося васъ, отвѣчалъ взбѣшенный до бѣла экс-доцентъ.

— Вы ошибаетесь. Всякаго, уважающаго себя, касается, когда на его глазахъ оскорбляютъ женщину.

— Да убирайтесь вы къ чорту! Съ чего вы взяли, что я кого-нибудь оскорбилъ?

— Молчите! бойко вмѣшалась Варя.—Вы сами знаете, что вы лжете!.. Молчите и вы, Степанъ Никитичъ; — я не ребенокъ, чтобы нуждаться въ защитѣ, и я не могу допустить, въ своемъ присутствіи, объясненій, которыя принимаютъ подобный тонъ... Пойдемте къ Наташѣ, мнѣ надо съ нею поговорить.

Она взяла Почаева подъ руку и ушла, оставивъ несчастнаго

своего претендента въ такомъ состоянiи, которое трудно изобразить. Блѣдный, какъ гипсовый слѣпокъ, съ разинутымъ ртомъ и вытаращенными глазами, въ которыхъ выглядывало наружу безумiе, онъ могъ бы служить натурой для статуи Изступленiя.

Спѣша черезъ нижнiй балконъ, она говорила Ночаеву что-то, чего онъ повидимому не понималъ.

— Да что̀ такое онъ вамъ сказалъ? допрашивалъ онъ.

— Ни больше, ни меньше, какъ то, что̀ я его вожу за носъ! И надо сознаться, что онъ по своему правъ... Это естественный результатъ ихъ нелѣпой отсрочки... Онъ не спятилъ еще съ ума... Еслибъ ему сказали прямо, что дѣло у насъ рѣшено, это сразу бы окатило его холодною водой и заставило образумиться. Я буду требовать, чтобы меня избавили отъ него и надѣюсь, что вы не откажетесь меня поддержать; но прежде дайте мнѣ слово, что у васъ съ нимъ не будетъ болѣе ссоръ.

— Голубчикъ, Варя, я не могу за это ручаться, какъ я не могу угадать, что̀ я скажу или сдѣлаю, обороняясь отъ бѣшенаго.

— Какъ это скучно, что вы не хотите меня понять, продолжала она съ досадой.—Я не требую, чтобы вы стояли спокойно, когда васъ хватаютъ за горло; — да онъ васъ и не хваталъ. Я требую только, чтобы вы не входили съ нимъ въ объясненiе, потому что ему и безъ васъ объяснятъ все, что̀ ему нужно знать... Неужели я не могу защититься отъ этого пѣтуха, не призывая на помощь американскую кавалерiю?.. Но вы, мужчины, всѣ болѣе или менѣе пѣтухи... Зачѣмъ, напримѣръ, вы спрашивали его сейчасъ такимъ вызывающимъ тономъ что̀ тутъ случилось? Какъ-будто вы не могли узнать это безъ хлопотъ отъ меня... Вы такъ меня напугали, что у меня до сихъ поръ поджилки дрожатъ!

* * *

Наташа, испуганная, не зная что̀ отвѣчать, убѣжала къ мужу и разсказала о ссорѣ со щедрою надбавкой красокъ, созданныхъ ея собственною фантазiей... „Крикъ!.. Оскорбленiя!.. Лица были страшны, руки подняты!.. Съ Варей было дурно!“ и прочая.

Онъ хмурился и кусалъ усы, но, подумавъ сказалъ:

— Не волнуйся изъ пустяковъ. Я съ нимъ поговорю.

Отдѣлавшись отъ жены, онъ зазвалъ къ себѣ Хлюдова и просидѣлъ съ нимъ до десяти часовъ. Чай поданъ былъ въ кабинетъ, но оба такъ горячо были заняты объясненiемъ, что едва обратили вниманiе на свои стаканы.

Варнавинъ началъ безъ предисловій съ извѣстія, что его воспитанница выходитъ замужъ, слегка извиняясь, что раньше не предупредилъ.

— Съ дурными извѣстіями, молъ, не спѣшатъ. Но у меня съ Натальей была еще и другая причина... Помолвка отложена, потому что женихъ съ невѣстой не получили еще согласія отъ отца.

Онъ говорилъ съ разстановкой, поглядывая на своего сотрудника и взвѣшивая слова; но Хлюдовъ едва ли былъ въ состояніи оцѣнить такое вниманіе. Онъ слышалъ и понималъ Варнавина, какъ осужденный на казнь, за минуту до исполненія приговора, слышитъ и понимаетъ, что дѣлается вокругъ, но въ сущности ему было не до того. Въ душѣ у него происходила другая казнь. Тамъ умирали, одна за другой, истерзанныя и обезглавленныя, но все еще дорогія надежды... Въ ушахъ у него звенѣло, въ глазахъ рябило... Отворенныя окна и письменный столъ хозяина, синія книги, полъ, стѣны и потолокъ плясали какую-то пляску.— „Конецъ!“ думалъ онъ, не замѣчая, что помолвка отложена, потому что слова „еще не далъ согласія“ остановили его вниманіе.

— Отчего? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Финансовые вопросы еще не рѣшены, отвѣчалъ Варнавинъ:— но въ сущности это не болѣе, какъ предлогъ. Голубчикъ, Игнатій Петровичъ, дайте мнѣ слово, что весь этотъ разговоръ, безъ изъятія, останется между нами.

— Само собой!..

— У тестя, вотъ видите ли, возникло недоумѣніе... Нѣсколько по моей винѣ. Я знаю Кочкина со школьной скамьи и не имѣю на счетъ его никакихъ сомнѣній, но Федоръ Лаврентьевичъ сохранилъ о немъ очень смутное представленіе и, понятно, съ своей стороны пожелалъ было разспросить старика то, что я знаю на счетъ похожденій Кочкина въ Парижѣ, тѣмъ болѣе, что я знаю не все, да и то только по собственному его разсказу... Слушайте, я такъ и быть разскажу вамъ эту запутанную исторію; только помните нашъ уговоръ.— Ни гугу!

И получивъ еще разъ горячее увѣреніе, онъ разсказалъ ему то же и почти въ тѣхъ же словахъ, что было разсказано раньше Клеванскому.

Хлюдовъ слушалъ какъ каменный, не шевелясь, не выдавая ни словомъ, ни жестомъ своихъ впечатлѣній, и только когда собесѣдникъ его умолкъ, съ усиліемъ перевелъ дыханіе.

— Ну, понимаете, есть догадка, что дѣло зашло немного дальше, чѣмъ онъ говоритъ, продолжалъ Варнавинъ.—По нашему, это еще небольшая бѣда; но тесть мой, какъ человѣкъ воспитанный въ старыхъ понятіяхъ, взглянулъ на разсказанныя вамъ похожденія нѣсколько иначе. Что вы думаете онъ мнѣ сказалъ, когда вопросъ обсуждался у насъ съ глазу на глазъ?.. „А вы увѣрены", говоритъ: „что они не женили его?" Нѣтъ, говорю:—какъ я могу быть увѣренъ въ такихъ вещахъ?.. Невѣроятно, но мало ли что случается. Ну вотъ, изъ-за этой-то неувѣренности, онъ и отсрочилъ помолвку, ссылаясь, что будто вопросъ о состояніи жениха еще не рѣшенъ. Въ дѣйствительности, однако, я написалъ въ Нью-Іоркъ и мы ждемъ достовѣрныхъ извѣстій... Вотъ настоящее положеніе дѣла, но намъ остается взглянуть на него съ другой стороны. Я ничего не имѣю противъ женитьбы моего друга Степана на Варѣ; но мнѣ нѣтъ надобности васъ увѣрять, что я ничего не имѣю и противъ вашихъ надеждъ. Позвольте поэтому дать вамъ трезвый и безпристрастный совѣтъ. Не считайте дѣла вашего проиграннымъ, покуда мы не получимъ отвѣта... Чѣмъ чортъ не шутитъ?.. Шансы ваши не велики, но тѣмъ болѣе вамъ не слѣдуетъ портить своей игры, напрасно вооружая противъ себя Варвару Ѳедоровну... За что вы ее обижаете?.. Сколько я знаю, она не обѣщала вамъ ничего; а въ томъ, что она утаила отъ васъ извѣстіе такой важности, ее меньше кого-нибудь можно винить, потому что помолвка отложена прямо наперекоръ ея желанію и по причинамъ, которыя ей невозможно было открыть.

Какъ ни скудны могутъ казаться со стороны подобныя утѣшенія, но на Хлюдова они произвели такое же впечатлѣніе, какъ возможность поставить еще разъ на карту на игрока, который спустилъ до послѣдней копѣйки свое состояніе и уже думалъ не лучше ли сразу пустить себѣ пулю въ лобъ... Онъ ожилъ и краска вернулась въ его лицо, дрожащею рукой досталъ папиросу и съ жадностью закурилъ, — хватился за позабытый стаканъ и видя, что онъ остылъ, попросилъ другой... Потомъ начались разспросы, догадки, соображенія, перерываемые ядовитыми замѣчаніями по адресу „Дутаго Американца".

— Я вамъ говорилъ, что онъ похожъ на шулера!.. Говорилъ? кипятился Хлюдовъ, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Стыдитесь, Игнатій Петровичъ! Никто кромѣ васъ не находилъ ничего подобнаго... Даже тесть, подозрѣвающій его въ

покушеніи на двоеженство, и тотъ, увидѣвъ его здѣсь, въ Павловскѣ, послѣ семи лѣтъ отсутствія, согласился, что мы съ нимъ немного поторопились. Лучшаго впечатлѣнія, чѣмъ производитъ Степанъ, нельзя и желать.

— Однако, вы допускаете, что подобнаго рода низость съ его стороны возможна?

— Ну, знаете, если мѣрить на этотъ аршинъ, то мало ли что̀ возможно... Возможно, что человѣкъ, на лицѣ у котораго вы никогда не замѣчали чего-нибудь кромѣ безпечнаго равнодушія, имѣетъ на совѣсти самое черное преступленіе. „А шепни вамъ кто-нибудь свое подозрѣніе, вы сейчасъ начнете припоминать что-нибудь, чего въ дѣйствительности вамъ никогда и во снѣ не грезилось". — „Да, вы не разъ подмѣчали въ немъ что̀ то странное. Даже въ минуты безпечныхъ шутокъ, въ глазахъ у него было что то тревожное, — словно онъ видѣлъ прямо предъ собой, за спиной у друзей, кровавый призракъ." Это иллюзіи нашего субъективнаго настроенія, которыя мы безсознательно перебрасываемъ въ реальный міръ. Честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, три раза подъ рядъ обыгравшій насъ въ карты, невольно внушаетъ намъ подозрѣніе... Съ чего ему такъ везло? Мы начинаемъ припоминать и вѣроятно припомнимъ, что на лицѣ у него, во время игры, было что̀ то двусмысленное. Шепни намъ кто-нибудь въ шутку, что это извѣстный шулеръ и мы найдемъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ похожъ на шулера.

Онъ замолчалъ и подумавъ:

— Сказать вамъ по правдѣ, я ничего не жду отъ посланнаго туда запроса, какъ я не жду, садясь въ желѣзно-дорожный вагонъ, что поѣздъ гдѣ нибудь на откосѣ дастъ кувырка и меня подымутъ въ оврагѣ, съ расколотымъ черепомъ или отрѣзанными ногами. Возможно, но крайне невѣроятно.

— Однако же вы писали?

— Да, для очистки совѣсти... Но кромѣ прямой невѣроятности факта, тутъ есть еще и другія, косвенныя, зависящія отъ трудности получить о немъ достовѣрныя свѣдѣнія. Запросъ направленъ въ Нью-Іоркъ, къ одному знакомому намъ банкиру; а дѣло происходило чортъ знаетъ гдѣ, на Югѣ, въ одномъ изъ бывшихъ рабовладѣльческихъ штатовъ, въ какомъ то ***, о которомъ я не нашелъ даже въ „*Британской энциклопедіи*" ничего, кромѣ его географическаго положенія. Банкиръ разумѣется самъ не поѣдетъ туда; а напишетъ, со своей стороны, какому-

нибудь корреспонденту въ Ричмондѣ или въ Инсбрукѣ, чтобы тотъ, при случаѣ, побывалъ на мѣстѣ и разузналъ. А какъ разузнать подобную вещь, не вторгаясь въ интимную жизнь чужаго семейства, понятно мало заинтересованнаго въ огласкѣ матримоніальныхъ своихъ неудачъ. Кромѣ того, это банкиръ Почаева и возможная вещь, что, не питая ко мнѣ особеннаго довѣрія, онъ предварительно спишется съ бывшимъ своимъ кліентомъ, то-есть, другими словами, выдастъ меня головой.

Они толковали до 10-ти часовъ, но не сказано было болѣе ничего способнаго поддержать угасающую надежду въ душѣ многострадальнаго претендента на руку и сердце Вари.

Хлюдовъ уѣхалъ въ отчаяніи.

XXI.

Тѣмъ временемъ на верху окончили чай и Степанъ, едва принимавшій участіе въ разговорѣ дамъ, извиняясь, ушелъ.

— Что съ нимъ? Онъ смотритъ, какъ сказочный Ершъ, которому помѣшали „додраться", сказала Наташа, догадываясь, что ей предстоитъ щекотливое объясненіе и пытаясь какъ-нибудь дотянуть до прихода мужа.

— Нѣтъ, отвѣчала Варя:—онъ понялъ какъ это глупо и далъ мнѣ слово, что у него не будетъ болѣе столкновеній съ Хлюдовымъ. Но онъ огорченъ отсрочкой, которая ставитъ насъ обоихъ въ фальшивое положеніе и думаетъ къ августу перебраться въ городъ... Тогда и я уѣду къ отцу.

— „Не дотянуть!" рѣшила Наташа, чувствуя надвигающуюся грозу; но избѣжать ея не было никакой возможности.—Онъ насъ обидитъ! сказала она зардѣвшись.

— Вотъ именно это-то опасеніе и волнуетъ его. Надо же наконецъ войти въ его положеніе. Отецъ не даетъ согласія, покуда у насъ переговоры не кончены, а за чѣмъ остановка? никто не хочетъ ему объяснить.

— Я каждый день напоминаю объ этомъ мужу, увертывалась Наташа.

— Который однако же шагу не сдѣлалъ, послѣ того, какъ мы приняли его предложеніе.—„Я, говоритъ, не могу отвѣчать за жену."

— Ну, это онъ вретъ. Онъ просто хочетъ поговорить со Степаномъ, самимъ но послѣ его отказа совѣстится.

— Наташа, мой другъ, сказала съ усмѣшкой сестра:—какъ ты не хочешь понять, что и онъ и Стена совѣстится. О чемъ ему говорить, когда все что нужно было сказать съ его стороны уже сказано? Я говорила не отъ себя, и онъ, не задумываясь, одобрилъ все, что я вынуждена была сказать; но настаивать на своемъ онъ не желаетъ, потому что для непосредственно отъ него, это равнялось бы требованію, а онъ не хочетъ требовать отъ тебя ничего. „Я, говоритъ, безусловно вѣрю вашей сестрѣ и не могу допустить чтобы между нами вышло какое-нибудь серьезное разногласіе"... Но ты понимаешь, что онъ имѣетъ право разсчитывать на такое же неограниченное довѣріе и съ твоей стороны.

— Да, онъ не разъ говорилъ, что согласенъ безъ разговора на все, что мы сочли бы возможнымъ ему предложить.

— Нѣтъ, другъ мой, храбро сказала Варя:—это немножко не такъ. Вопервыхъ, онъ разумѣлъ не васъ обоихъ, а только тебя. Онъ ввѣрилъ свое состояніе не Варнавинымъ, а Наташѣ Клевановой. Съ какой же стати онъ будетъ вести переговоры съ нимъ? Скажи ему ты сама, что ты отказываешься отъ сдѣланныхъ ему предложеній: — это будетъ жестокій ударъ для него, но это имѣетъ по крайней мѣрѣ свой смыслъ. А вовторыхъ, онъ говорилъ, что согласенъ на все, въ такую пору когда былъ одинъ, и ему было не много нужно. Теперь, когда у него въ перспективѣ семейство, ему не можетъ быть все равно, что ты предложишь ему, потому что онъ и теперь уже не одинъ.

Ударъ былъ не отразимъ и не зная что отвѣчать, Наташа заплакала.

— Просто хоть брось! невольно сорвалось у ней съ языка.

— Да онъ и рѣшился бросить. „Я, говоритъ, не хочу чтобы вы ссорились. . Я увѣренъ, что дѣло легче уладится, если я не буду торчать у нихъ на глазахъ какъ живой попрекъ, и вы не будете ихъ торопить"... Но это легко сказать!.. Куда онъ дѣнется въ городѣ съ тѣми грошами, какіе остались въ его рукахъ?

Наташа догадывалась къ чему это клонится, но не смѣла пойти на встрѣчу сестрѣ изъ опасенья, чтобъ ей не досталось за это отъ мужа... „Безъ четверти десять!.. О чемъ они тамъ до сихъ поръ толкуютъ?" спрашивала она себя; но въ домѣ

царила мертвая тишина и ни малѣйшаго звука, свидѣтельствующаго, что Хлюдовъ уходитъ, не долетало въ отворенное окно.

— Онъ надѣется, продолжала Варя,—что ты не откажешься возвратить ему по крайней мѣрѣ хоть небольшой остатокъ, который еще уцѣлѣлъ отъ его состоянія... Шесть съ половиной тысячъ, конечно, не Богъ знаетъ что, но въ ожиданіи лучшаго онѣ все-таки развязали бы ему руки.

— Конечно... Ужо я спрошу у Петра гдѣ эти деньги.

— Лежатъ на текущемъ счету въ Волжско-Камскомъ Банкѣ.

— Такъ ли?

— Навѣрное такъ...

Она не успѣла кончить, когда, заслышавъ на лѣстницѣ шаги, Наташа вскочила и убѣжала.

— Ну, что у васъ тутъ? спросилъ ее мужъ.

— Очень не хорошо!.. Грозитъ перебраться въ городъ и требуетъ чтобъ ему воротили остатокъ.

— Онъ здѣсь?

— Нѣтъ, съ полчаса какъ ушелъ.

— А кто же съ тобой?

— Варюша.

— Это ея работа... Ну, послѣ поговоримъ... Мнѣ хочется ѣсть.

* * *

Варнавинъ хотя и сказалъ своимъ, что дѣло улажено, въ тайнѣ души былъ далеко неспокоенъ. „Кто его знаетъ?“ думалъ онъ:—„Человѣкъ отчаянный!.. Того и гляди, послѣ завтра, въ *Голосѣ* напечатаютъ некрологъ!.. А жаль!.. Ни о комъ изъ нашихъ трудолюбивыхъ пчелъ не пожалѣлъ бы такъ искренно“!

Но „некролога“ въ газетахъ онъ не нашелъ, а вмѣсто того нашелъ у себя на столѣ письмо, которое для него стало чѣмъ-то въ родѣ открытія новаго континента для мореплавателя.

„Глубоко признателенъ вамъ за вашу искренность и участіе“, писалъ Хлюдовъ. — „Отсрочку съ такою ничтожною надеждой впереди, конечно, нельзя назвать утѣшеніемъ; но все же она позволяетъ дышать, а можетъ статься и сдѣлать что-нибудь, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для той, которую я, къ стыду своему, не могу разлюбить.

„Мысли о ней и горькія жалобы на нее, на собственное свое дурачество и малодушіе — безотвязно преслѣдовали меня всю

дорогу отъ васъ; но дома мнѣ скоро пришла на умъ ваша жалоба на невѣрный путь, который вы выбрали въ торопяхъ, чтобы спасти Варвару Ѳедоровну отъ угрожающей ей бѣды и я провозился всю ночь съ вопросомъ: да неужели же не существуетъ другаго?.. Неужели тамъ, въ Америкѣ, нѣтъ никого изъ нашихъ, вѣрнаго человѣка, который принялъ бы къ сердцу общій нашъ интересъ и лично взялся за дѣло?.. Оттуда это не дорогаго стоитъ, и врядъ ли потребуется, какъ вы говорите „вторгаться въ интимную жизнь незнакомой семьи", чтобъ узнать то немногое что намъ нужно. У нихъ, какъ и въ Англіи, существуютъ приходскія книги (parish registers), конечно не составляющія секрета для тѣхъ, кому простая копія съ брачнаго документа, засвидѣтельствованная обыкновеннымъ порядкомъ, могла бы спасти отъ подлѣйшаго изъ обмановъ. Пользуясь этимъ, онъ могъ бы видѣть и друга семейства, пастора, о которомъ упоминается въ вашемъ разсказѣ (какъ-то не вѣрится, чтобъ онъ былъ плутъ!), и успокоивъ его на счетъ цѣли своихъ разспросовъ, выпытать у него такія данныя о похожденіяхъ вашего лейтенанта, которыхъ не можетъ въ себѣ заключать метрическое свидѣтельство...

„Въ надеждѣ, что вы одобрите, по крайней мѣрѣ хоть въ главныхъ чертахъ, мой планъ, сегодня же отправляюсь на поиски, о результатѣ которыхъ, если онъ будетъ благопріятенъ, увѣдомлю васъ немедленно. Въ противномъ случаѣ вы меня знаете: если я разъ взялся за что-нибудь, что̀ я считаю честнымъ и справедливымъ, никакія жертвы не остановятъ меня. Если мнѣ не удастся найти подходящаго человѣка, я, не задумываясь, собственною своею особой отправлюсь туда, и если не пропаду, узнаю что требуется узнать... Смѣю увѣрить, что этотъ послѣдній планъ, въ практическомъ исполненіи, совсѣмъ не такъ дикъ, какъ онъ могъ бы вамъ показаться въ первый моментъ по прочтеніи моего письма. Дальнее путешествіе и связанныя съ нимъ свѣжія впечатлѣнія можетъ-быть единственный выходъ изъ моего положенія, кромѣ того, другаго, который по дешевизнѣ своей всегда останется у меня въ запасѣ... Если не на тотъ свѣтъ, то по крайней мѣрѣ хоть въ „Новый Свѣтъ"... А что̀ касается матеріальныхъ средствъ, то при избыткѣ свѣжаго матеріала на мѣстѣ я ихъ могу заработать, и я почти увѣренъ, что я найду издателя, который мнѣ не откажетъ въ необходимомъ авансѣ...

„Дальнѣйшее вынужденъ отложить до слѣдующаго письма; но надѣюсь ранѣе получить отъ васъ хоть нѣсколько словъ въ отвѣтъ на это.

„Искренно преданный вамъ и право еще несумашедшій.

„И. X.“

* * *

Идея была такъ неожиданна, что Варнавинъ почти не вѣрилъ себѣ, читая и перечитывая письмо. „Вотъ штука!.. Такой и во снѣ не придетъ на умъ!“... Однако, чѣмъ долѣе онъ носился съ предложенною ему затѣей, тѣмъ менѣе находилъ ее фантастичною. Конечно, надо быть Хлюдовымъ, чтобъ уѣхать въ Америку за подобнымъ дѣломъ. Но кромѣ рѣшимости, отъ которой, что тамъ ни говори, попахиваетъ безуміемъ, все остальное казалось ему довольно трезво. Махнуть на край свѣта изъ-за простой неудачи въ любовныхъ дѣлахъ?.. А почему жь бы и нѣтъ? Въ его положеніи что его тутъ удерживаетъ?.. Деньги? Да кто-жъ ихъ не дастъ такому корреспонденту?.. Языкъ? Но онъ еще студентомъ переводилъ Стюарта Милля... Одно только страшно: это спеціальная цѣль путешествія. Если ее пронюхаютъ, то оно ему дорого обойдется, ибо народъ тамъ шустрый; а Хлюдова обойти нетрудно... Дать ему развѣ рекомендательное письмо къ Даусону?.. Это весьма добросовѣстный человѣкъ; въ добавокъ уже знакомый съ вопросомъ изъ моего письма. Онъ будетъ радъ свалить на кого-нибудь щекотливое порученіе, а добрый совѣтъ недорого стоитъ.

Отвѣтъ отправленъ былъ въ тотъ же день. Онъ былъ коротокъ какъ всѣ отвѣты, которые не должны обязывать ни къ чему.

„Ваше письмо, дорогой Игнатій Петровичъ, писалъ Варнавинъ,—глубоко меня удивило; но планъ во всякомъ случаѣ стоитъ того, чтобъ о немъ потолковать. Ждите меня послѣ завтра, утромъ, часу въ двѣнадцатомъ.

„Вашъ П. В.“

Поиски вѣрнаго человѣка въ Америкѣ, какъ и слѣдовало предвидѣть, были напрасны; но дѣловое свиданіе щедро вознаградило Хлюдова. Главнымъ предметомъ переговоровъ были издательскія надежды на корреспонденцію. „Письма объ экономическомъ положеніи Штатовъ послѣ войны“, за подписью хорошо извѣстнаго спеціалиста, такъ соблазняли Варнавина, что сыскная цѣль

путешествія сравнительно отходила на задній планъ. О ней было сказано нѣсколько словъ, какъ о дѣлѣ, требующемъ соображенія; а детали отложены до отъѣзда, съ которымъ Варнавинъ особенно торопилъ, изъ опасенія, чтобъ „отчаянный человѣкъ" на досугѣ не охладѣлъ и не бросилъ своей затѣи. Затѣмъ обѣщано было все что нужно. Адресы, письма, инструкціи, консульскія, ученыя рекомендаціи и открытый кредитъ у Беринга. Размѣръ его былъ невеликъ; но по мѣрѣ доставки корреспонденціи обѣщаны были щедрыя дополненія.

Къ августу сборы были окончены и Варнавинъ лично отвезъ своего сотрудника на Варшавскій дебаркадеръ.

* * *

Тѣмъ временемъ у Варнавиныхъ съ женихомъ и невѣстой едва не дошло до разъѣзда. Не получая рѣшительнаго отвѣта, Варя ѣздила въ Петербургъ, къ отцу, и только благодаря его вмѣшательству, достигнуты были нѣкоторыя уступки съ обѣихъ сторонъ. Деньги обѣщаны были въ сентябрѣ, по переѣздѣ изъ Павловска, и къ этому времени должна была, наконецъ, состояться помолвка; а остальное, то-есть раздѣлъ и свадьбу, пришлось отложить до Новаго Года, въ надеждѣ, что къ этому времени можно будетъ уже судить о результатѣ подписки.

Самый существенный аргументъ Варнавина заключался въ томъ, что смѣшно дѣлиться, не обезпечивъ, по крайней мѣрѣ, хоть на годъ впередъ бюджетъ изданія, на успѣхѣ котораго были основаны всѣ надежды обѣихъ сторонъ. Но главную изъ своихъ надеждъ онъ припряталъ, разсчитывая, что почва для нея еще недостаточно обработана. Истинный планъ его былъ: не входить съ женихомъ и невѣстой ни въ какія опредѣленныя долголѣтнія соглашенія, а съ каждою новою подпиской дѣлить „по чести и совѣсти" чистый доходъ, какой она оставитъ въ его рукахъ.

— Если они не лгутъ, утверждая, что вѣрятъ намъ безусловно то чего же имъ болѣе? говорилъ онъ глазъ на глазъ женѣ — Принципъ *все порознь* не имѣлъ бы смысла, еслибы мы обязались платить имъ всю жизнь извѣстный, разъ навсегда опредѣленный процентъ на основной капиталъ предпріятія и на его погашеніе. Желаешь дѣлить доходы, такъ, сдѣлай милость, дѣли и убытки.

* * *

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда случилось нѣчто, открывшее, наконецъ, Степану глаза на затѣянный противъ него обходъ.

Августъ уже подходилъ къ концу, и небольшая квартира на Николаевской набережной, недалеко отъ Варнавиныхъ, взятая по контракту на годъ, ждала своего, покуда еще холостаго, жильца. День переѣзда былъ, наконецъ, рѣшенъ, ждали артельщиковъ для упаковки громоздкихъ вещей, когда въ дождливое утро знакомый Степану павловскій почтальонъ, увидѣвъ его на балконѣ, подалъ ему газеты и при газетахъ письмо изъ Петербурга, со штемпелемъ американскаго консульства. Въ конвертѣ не было ничего, кромѣ другаго письма съ заграничными марками, и со штемпелемъ нѣсколькихъ пересылочныхъ мѣстъ на сложномъ его пути. Оно оказалось отъ стараго, хорошо знакомаго лейтенанту банкира и корреспондента его въ Нью-Іоркѣ, Авраама Даусона, и содержало слѣдующее:

Нью-Іоркъ. ** августа 187* года.

„Мой дорогой лейтенантъ!

„Считаю долгомъ предупредить васъ о розыскахъ, происходящихъ здѣсь на счетъ обстоятельствъ печальнаго вашего пребыванія въ Z*. Не далѣе какъ на дняхъ я получилъ изъ Петербурга письмо отъ стараго моего корреспондента и близко знакомаго вамъ лица, которое, сѣтуя на семейный долгъ, обязывающій его противъ воли принять участіе въ дѣлѣ, лично ему несочувственномъ, проситъ меня, буде возможно, освѣдомиться изъ достовѣрныхъ источниковъ: не вступили ли вы здѣсь, въ Америкѣ, ранѣе вашего освобожденія, въ законный бракъ? Свѣдѣнія эти, какъ онъ спѣшитъ объяснить, нужны, чтобъ успокоить старческія недоумѣнія его родственника, собирающагося отдать за васъ свою дочь.

„Нѣтъ надобности вамъ объяснять, какъ удивило меня это странное порученіе, очевидно, сдѣланное безъ вашего вѣдома. По моему чистосердечному убѣжденію, нѣтъ болѣе вѣрнаго способа выяснить истину, какъ обратиться къ вамъ: что я и дѣлаю, предупреждая васъ, что мой отвѣтъ господину Н. В. будетъ зависѣть отъ вашего усмотрѣнія.

„Примите и проч.

„А. Даусонъ.“

XXII.

Читая, Степанъ измѣнился въ лицѣ, и темныя его брови сдвинулись. Предъ нимъ стоялъ горькій вопросъ: откуда могло придти это подозрѣніе, и въ чьей головѣ оно впервые свило себѣ гнѣздо? Невольно онъ вспомнилъ свое объемистое письмо къ Наташѣ и проклялъ свое легкомысліе. Зачѣмъ ему было приподнимать завѣсу съ этой несчастной исторіи, если онъ не хотѣлъ разсказать всего, и какое безумство было надѣяться, что никто не заглянетъ дальше!.. Отчасти, пожалуй, это и оправдалось. Варя читала письмо, но ни она, ни Наташа — не заподозрили въ немъ чего-нибудь умышленно недосказаннаго. На это нуженъ былъ глазъ, вооруженный тайнымъ недоброжелательствомъ, и голова усердно работающая, чтобы связать разрозненные концы... Чья?.. Письмо изъ Петербурга къ Лаусону ссылается на отца; но неужели отцу же Вари понадобилось разбить ея молодыя надежды... Ударъ идетъ отъ другаго лица и направленъ другою рукой...

Степанъ задумался и догадки, родившіяся въ его головѣ, сплетаясь, мало-по-малу образовали нить. Только одинъ человѣкъ могъ затѣять такой подкопъ — это его старый другъ и учитель. Назадъ тому мѣсяца два онъ былъ далекъ отъ подобнаго подозрѣнія; но позже начали появляться вещи, одна за другою колебавшія его юношескую, слѣпую вѣру въ Варнавина. Какая-то странная перемѣна образа мыслей, въ которой онъ не успѣлъ еще разобраться; — слѣды его вліянія на Наташу; отзывы Хлюдова; намеки и опасенія Вари; наконецъ это извѣстіе!.. Чѣмъ объяснить такую ошибку расчетливаго и дальновиднаго человѣка? Неужели онъ не предвидѣлъ, что это могутъ выдать?.. А если предвидѣлъ, то стало-быть не боялся послѣдствій... Тогда это врядъ ли ошибка; — скорѣе вызовъ, отправленный по чужому адресу и рикошетомъ попавшій въ цѣль... Къ несчастію совѣсть и у Степана была не чиста. На ней тяготѣла вина, которую онъ не могъ оправдать ничѣмъ кромѣ самозащиты и искушенія свыше силъ... За эту вину онъ готовился дорого заплатить; но судьба вмѣшалась и порвала его обязательства. Его схватили ночью и увезли, не объясняя куда, не давъ ему даже проститься!... Степанъ не винилъ несчастную Мери, страстная искренняя любовь которой, въ его глазахъ, искупала все; — однако, надо же было

подумать и о себѣ. Онъ ненавидѣлъ ея семейство, Виллерта, Старра, всю обстановку своей неволи, и разъ на свободѣ, далъ себѣ клятву порвать съ нею навсегда. Дурно это или хорошо, онъ не спрашивалъ, потому что не онъ, а друзья и радѣтели Мери устроили западню, изъ которой онъ выскочилъ, а за нею захлопнулась дверь. Роль его въ этой несчастной исторіи сначала и до конца была вынужденная, да и за ту онъ дорого заплатилъ. На совѣсти у него осталось пятно, а въ сердцѣ жалость,—мучительная, неутолимая жалость, которая доходила порой до такого градуса, что ее нелегко было отличить отъ любви... Во снѣ онъ часто видѣлъ покинутую и что-то съ жаромъ ей объяснялъ, но она сидѣла печальная, неподвижная, какъ могильная статуя,—и молчала...

— О чемъ это вы такъ глубоко задумались? спросила Наташа, вбѣжавшая неожиданно на балконъ.

— Объ Америкѣ, отвѣчалъ Степанъ.—Сейчасъ получилъ оттуда письмо.

— Отъ Мери Питерсъ?

— Нѣтъ, изъ Нью-Іорка, отъ Даусона.

— Развѣ вы съ нимъ не кончили счетовъ?

— Думалъ что да; но это не банковый счетъ, да и не мой.

Она смотрѣла во всѣ глаза, не понимая.

— Если онъ васъ интересуетъ, то вотъ, потрудитесь прочесть, я не имѣю причины скрывать.

Письмо прочитано было съ жаднымъ вниманіемъ и обратило Варнавину въ рослый, красиво начертанный восклицательный знакъ.

— Рѣшительно ничего не понимаю, сказала она.—Позвольте мнѣ показать Петру.

— Охотно.

Прошло минутъ пять... Наташа вернулась смущенная и взволнованная; но не вошла, а, окинувъ глазами балконъ и прислушиваясь, остановилась въ дверяхъ.

— Онъ проситъ васъ на минуту къ себѣ, сказала она почти шепотомъ:—только идите скорѣе, чтобы Варя насъ не поймала... Это ее убьетъ.

— Не думаю, отвѣчалъ Степанъ.

Варнавинъ сидѣлъ у себя за утренними газетами, но не читалъ. Лицо его было озабочено, но не похоже на человѣка, пойманнаго въ расплохъ. Когда жена и Почаевъ вошли, онъ усадилъ ихъ и началъ не торопясь.

— Пожалуйста, Степа, ты на меня не сердись. Я не сказалъ тебѣ, что писалъ къ Даусону, только чтобы не тревожить тебя изъ пустяковъ. Запросъ былъ сочиненъ канцелярской, бумажный. Нельзя поступить вторично на службу безъ формуляра, а въ формулярѣ, рядомъ съ графой о дѣтяхъ и вѣроисповѣданіи, значится: — женатъ человѣкъ или холостъ... Еслибъ это имѣло какой-нибудь смыслъ, кромѣ формальнаго, я, разумѣется, обратился бы просто къ тебѣ.

Степанъ отвѣчалъ, что его удивляетъ не столько самый запросъ, сколько окольный путь, которымъ онъ былъ направленъ. — Это почти также странно, — сказалъ онъ, — какъ еслибы ты обратился въ Москву за свѣдѣніями, которыя ты могъ получить только въ Ригѣ. Чѣмъ попусту безпокоить Даусона, написалъ бы прямо въ Р..., смотрителю дома умалишенныхъ. Онъ бы не отказалъ тебѣ въ справкѣ.

— Мы съ тестемъ не такіе умные.

— Должно бы еще вѣрнѣе обойтись безъ него, такъ какъ смотритель, послѣ моей исторіи, долженъ быть смѣненъ.

— Ахъ господа, господа! вмѣшалась Наташа. — Мы споримъ о пустякахъ, тогда какъ у насъ не рѣшенъ серьезный вопросъ: сказать ли Вѣрѣ? По моему это будетъ для нея тяжелый ударъ; но Степанъ Никитичъ, кажется, думаетъ иначе.

— Я думаю, что она отнесется къ этому также индифферентно, какъ я, — отвѣчалъ Степанъ. — Какое ей дѣло до формуляровъ?.. Но врядъ ли ей будетъ пріятно узнать, что съ ней обошлись, какъ съ ребенкомъ, которому невозможно сказать всего.

— А вы увѣрены, что это ее не поссоритъ съ отцомъ?

— Да, если она узнаетъ это, стороной, помимо меня, или Натальи Ѳедоровны. Но если это дойдетъ до нея иначе...

— Какъ?

— Почемъ же я знаю какъ... Вы были тоже увѣрены, что вашъ запросъ не дойдетъ до меня, и тоже, быть-можетъ, думали: — „какъ?..“ А вышло такъ, какъ никому изъ васъ и во снѣ не снилось.

— Голубчикъ! Вы меня обижаете! протестовала Наташа.

клянусь вамъ, что я ничего не знала объ этой затѣѣ. Они сочинили это съ отцомъ и пустили въ ходъ безъ меня...

Но строгій взглядъ мужа зажалъ ей ротъ.

— Держи ты, пожалуста, свой языкъ на привязи, сказалъ онъ, когда Почаевъ ушелъ. — Зачѣмъ ты оправдываешься, когда тебя и не думаютъ обвинять?.. Я говорю: — „пустая формальность, а у тебя выходитъ подвохъ... Учись у него. Взбѣшенъ до того, что уши горятъ, а не позволилъ себѣ ни слова лишняго.

— Не понимаю я васъ, господа! говорила она, разводя руками. — Онъ, обвиненный въ гадости, жалуется, что справки о немъ идутъ окольнымъ путемъ; а ты,— обвинитель, толкуешь о формулярахъ!.. Неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что онъ сватался отъ живой жены?

— Не знаю. Это была не моя идея, да и отецъ твой теперь отъ нея отказывается. Но потому, какъ онъ принялъ это извѣстіе, можно подумать, что у него дѣйствительно что-нибудь не въ порядкѣ... Еслибъ у него на совѣсти не было ничего, онъ тотчасъ бы прибѣжалъ съ упреками и съ вопросомъ: откуда я это взялъ; а его притащили почти насильно... И ни полслова о дѣлѣ по существу.

— Петръ Осиповичъ, ты обижаешь Степу. Это честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ.

Варнавинъ задумался.

— Мало ли что̀! сказалъ онъ. — И съ благороднѣйшими людьми случаются иногда промашки... Онъ взялъ письмо Даусона?

— Взялъ...

— Ну, будетъ мнѣ отъ твоей сестры!.. Скажи ей, пожалуста, отъ себя, что еслибъ я хотѣлъ его обойти, я бы не обратился къ Даусону... Да пожалуста, если будутъ письма изъ-за границы, не оставляй на виду.

* * *

Степанъ ошибся въ разсчетѣ на стоицизмъ и хладнокровіе Вари. Письмо банкира взорвало ее до того, что руки ея тряслись и, едва дочитавъ, она швырнула его съ омерзѣніемъ отъ себя.

— Какая низость!.. Вы его видѣли?

— Видѣлъ.

— И не сказали ему въ глаза, что̀ вы думаете объ этой продѣлкѣ?

— Не было надобности... Его оправданіе свидѣтельствовало, что онъ не ошибся на этотъ счетъ.

— Весьма любопытно!.. Пожалуста разскажите.

Это происходило въ столовой, гдѣ они встрѣтились... Варя стояла блѣдная у стола и смотрѣла растерянно на Почаева. Вниманіе ея было напряжено; но судя потому, какъ часто она возвращалась къ слышанному и заставляла его повторять, ей трудно было связать разсказъ съ порывистыми скачками мысли въ своей головѣ.

— Наташа, значитъ, была въ кабинетѣ!.. Какъ жаль, что вы не позвали меня!.. Я бы заставила его пѣть другія пѣсни... Что же она говорила?.. Я не дослышала?.. „Затѣи“ мягкое выраженіе: только отецъ не могъ затѣять подобныхъ вещей... Это штуки Варнавина!.. Надо было отсрочить помолвку... Онъ только за этимъ и ѣздилъ къ отцу... Мнѣ надо видѣть Наташу... Навѣрно онъ бралъ у нея ваше большое письмо... Но я не оставлю этого такъ... Наташа!.. Ната-а-ша!

Въ дверяхъ показалась ея сестра.

— Онъ бралъ у тебя письмо, когда ѣздилъ къ отцу?

Та покраснѣла, но какъ сознаться, что нитка интриги, указанная ей Варей, дѣйствительно объясняетъ все? — Не помню, сказала она. — Если и бралъ, то нѣтъ ничего удивительнаго...

— Но онъ ссылается на отца; а откуда отцу могло придти въ голову, еслибъ ему не прочли и не перетолковали письма?.. Нужно было запутать дѣло, чтобъ отсрочить мою помолвку, а для отвода глазъ написано было къ Даусону.

— Успокойся, мой другъ, ты бредишь.

— Нѣтъ, я не брежу... Я ѣду сейчасъ къ отцу и узнаю все... Ѣду къ отцу и останусь. ...Нога моя больше не будетъ у васъ.

— Вотъ видите, что вы надѣлали!.. говорила Наташа. — Сходитъ съ ума!.. Успокоивайте ее какъ знаете; а я не могу... Не могу!.. Она плюетъ намъ въ глаза!

Въ слезахъ она убѣжала къ мужу; сестра за ней. Почаевъ съ трудомъ ее удержалъ, но она не слушала никакихъ увѣщаній и, наскоро запихавъ въ сакъ-вояжъ кое-какое бѣлье, отправила дѣвушку за извощикомъ. Степану не оставалось болѣе ничего, какъ отвезти ее на вокзалъ и усадить въ вагонъ.

* * *

Такъ кончалась лѣтняя жизнь Варнавиныхъ въ Павловскѣ. Рано поутру, на другой день, явились возы и къ вечеру всѣ перебрались въ городъ.

XXIII.

Всѣхъ болѣе огорченъ былъ отецъ, на котораго главный виновникъ безсовѣстно сваливалъ всю вину. Раскаявшись въ своихъ подозрѣніяхъ, онъ соглашался на все, чтобъ утѣшить дочь, которая, по пріѣздѣ, слегла, и 15-го числа, въ именины Степана, отпразднована была помолвка. По этому случаю между Варнавинымъ и невѣстой состоялся миръ, скрѣпленный объятіями и поцѣлуями. Но Варя, ссылаясь на хлопоты, связанныя съ свадебными приготовленіями, не воротилась къ сестрѣ, и мѣсто секретаря редакціи перешло къ одной изъ бывшихъ ея товарокъ, бойкой особѣ, которая терлась уже давно при журналѣ, ловя какъ манну небесную перепадающія работы, и для которой 600 рублей въ годъ были богатство.

Тучи разсѣялись, но въ воздухѣ было что-то зловѣщее, и Степанъ не могъ отдѣлаться отъ предчувствія, что извѣстіе, полученное имъ отъ Даусона, не болѣе какъ предвѣстникъ другихъ, болѣе важныхъ открытій. Первымъ и самымъ печальнымъ была какая-то странная перемѣна, которую онъ замѣтилъ въ Варѣ скоро послѣ помолвки. Она давно была на ногахъ, но прихварывала, и всякаго рода заботы, связанныя съ перемѣной ея положенія, болѣзненно раздражали ее. Вопросъ о раздѣлѣ съ сестрой, такъ горячо занимавшій ее на дачѣ, теперь опротивѣлъ ей до того, что она не хотѣла больше и слышать о немъ. — Послѣ, папа! Пожалуста послѣ! Дайте мнѣ отдохнуть, отвѣчала она отцу, когда тотъ заговаривалъ о дѣлахъ; но съ женихомъ она была искреннѣе.—Дорого бы дала, чтобы дѣло у васъ рѣшено было безъ меня, говорила она Степану, который обѣдалъ теперь почти каждый день въ Подъяческой.—Къ несчастію, я не могу положиться на васъ. У васъ не хватаетъ характера постоять за себя, даже когда вы и видите, что миролюбіе ваше употребляютъ во зло. Желала бы я посмотрѣть на Варнавина, еслибы вмѣсто васъ ему пришлось договариваться съ Американцемъ!

Визиты и поздравленія тяготили Варю,—покупки, заказы откладывались.—Куда мнѣ спѣшить? говорила она Марьѣ Лаврентьевнѣ, предлагавшей ей свою помощь. — До свадьбы такъ много другихъ, болѣе важныхъ дѣлъ!

Съ утра, безъ журнальной работы, она не знала, что дѣлать съ собой, и, дабы наполнить досугъ, читала, что подъ руку попадетъ. Но чтеніе требовало вниманія и гдѣ его не хватало, мысли ея немедленно разбѣгались, оставивъ свою госпожу одну съ какою-то тайною болью на сердцѣ, въ которой она боялась дать себѣ надлежащій отчетъ. Отъ этого, можетъ-быть, Варя и не любила теперь оставаться одна. Ею овладѣвало уныніе, доходившее иногда до того, что самыя золотыя надежды ея принимали какой-то пасмурный видъ. Она оживала только въ часы, когда Степанъ былъ возлѣ нея, но и тогда это была уже не прежняя Варя. Минутами ея взглядъ напоминалъ ему дни, предшествовавшіе ихъ сватовству; а въ другіе—она приставала къ нему съ вопросами, на которые онъ не зналъ, что отвѣчать.

— Давно ли онъ разлюбилъ Наташу и что охладило его къ сестрѣ:—извѣстіе объ ея замужествѣ или другая привязанность?.. Какъ это странно, что въ сердцѣ не остается слѣдовъ отъ такихъ перемѣнъ! Оно не помнитъ даже, когда онѣ наступили, точно квартира, которой все равно кто въ ней живетъ!.. А между тѣмъ не за горами тѣ дни, когда, въ этой самой комнатѣ, вы сидѣли возлѣ нея, глубоко увѣренный что ничто на свѣтѣ не въ силахъ васъ разлучить, и ни вамъ, ни ей, не приходило на умъ, что разлука уже стоитъ у васъ за спиной... Сердце болитъ, когда вспоминаешь такія вещи!.. Думается: какъ знать, гдѣ мы съ вами будемъ черезъ два года?... Старыя связи... Какъ знать, какія затѣи у вашихъ друзей?... Васъ могутъ выслать, и вы опять не захотите таскать за собою вашу жену; и я останусь одна, какъ осталась сестра, и вы... най...де...те опять... другую!... Слезы катились у нея по щекамъ.

Тонъ рѣчи ея былъ встревоженъ, предметы мѣнялись такъ быстро, что иногда невозможно было за ними поспѣть.

— Отчего вы съ пріѣзда ни разу не написали Мери?... А увѣряете, что вы ей глубоко обязаны... Какъ люди неблагодарны! Чуть съ глазъ долой, такъ и изъ памяти вонъ!... А вѣдь она васъ крѣпко любила!... Хоть упросили бы выслать карточку, чтобъ она не снилась мнѣ безъ лица... Она вѣдь—бѣлая?

— Да, съ легкими бронзовыми отливами... Но волосы и глаза какъ уголь.

— У васъ съ нею не было предъ разлукой ссоръ?

— Нѣтъ.

— Такъ просто, значитъ, забыли... Эхъ вы, короткопамятные!.. Однако, вы ей напишите, что вы женитесь?

— Да, надо бы написать... И онъ посмотрѣлъ на часы.

— Куда вы?.. Рано еще.

— Къ десяти часамъ у меня обѣщали быть...

— Кто?

— Онъ назвалъ два незнакомыя имени.

— Это изъ прежнихъ?

— Да.

И опять начался допросъ... Когда обѣщали? Зачѣмъ?.. Не запутаны ли въ политическія дѣла?

— Ахъ, Варя, голубчикъ! Какой же вы стали трусъ!

— Да, станешь трусомъ, когда подъ тебя съ двухъ сторонъ... Она хотѣла сказать „ведутъ подкопы", но оборвала.

* * *

Случалось, что онъ по дорогѣ въ Подъяческую заходилъ къ Варнавинымъ, и Наташа, по старой памяти, приходила съ нимъ объ руку; но эти прогулки, напоминавшія имъ былое, не нравились Варѣ. Самыя дикія подозрѣнія лѣзли ей въ голову и на другой же день начинался допросъ.

— Какъ онъ находитъ Наташу? Она journaillière, но у нея бываютъ дни, когда даже вы, невидавшій ея восемь лѣтъ, узнали бы ее сразу... Не можетъ быть, чтобъ у васъ не осталось къ ней ничего отъ старой горячки? Навѣрно хотѣлось бы иногда обнять и поцѣловать, хотя бы только для того, чтобы живѣе припомнить былое?

Онъ отвѣчалъ смѣясь, что онъ это дѣлаетъ каждый день, въ лицѣ другой особы, гораздо больше похожей на то, чѣмъ Наталья Өедоровна была и что это съ избыткомъ вознаграждаетъ его за всѣ перемѣны.

Опять повторялся вопросъ:

— Развѣ мы такъ похожи?.. Развѣ наружность, одна наружность, помимо того, что̀ она выражаетъ, въ вашихъ глазахъ составляетъ все?.. Всѣ говорятъ, что мы не похожи характерами. Сестра гораздо мягче меня... Только вы знаете ея слабость:—она ревнива.

— А вы? говорилъ Степанъ, обнявъ ее и заглядывая въ глаза.

Варя прикидывалась невозмутимою, но въ глубинѣ ея темныхъ зрачковъ свѣтились искорки, которыя говорили другое.

* * *

Квартира въ Подъяческой, за пять лѣтъ состарѣвшаяся за картами, помолодѣла и вспомнила лучшія времена. Въ ней появились свѣжія лица и говорились другія рѣчи. За чайнымъ столомъ стало людно. Комната Вари, давно пустая, была опять занята:—въ гостиной за старымъ роялемъ снова послышались южныя пѣсни. Изгнаннику не легко было вспомнить ихъ голосъ и подобрать забытый аккомпаниментъ; но радость его невѣсты, когда ему удавалось что-нибудь, вознаграждала его такъ щедро за трудъ, что понемногу дѣло пошло на ладъ. Тогда Наташѣ былъ сдѣланъ сюрпризъ, послѣ котораго она воротилась домой съ заплаканными глазами и не могла заснуть до утра. Ни разу, послѣ ея замужества, ранняя молодость, съ ея очарованіями, не воскресала еще такъ ярко и никогда она не жалѣла такъ искренно о своей утратѣ, — давно не завидовала такъ Варѣ!.. Голосъ и музыка, правда, прихрамывали, но это имъ не мѣшало будить золотые сны и дѣйствовать на душу съ силой волшебнаго заклинанія. Съ этого дня Варнавина стала часто бывать въ Подъяческой. Она пріѣзжала вечеромъ, когда мужъ садился за рукописи, и возвращалась нерѣдко въ сопровожденіи Степы... Дорогой говорились вещи безсмысленныя для постороннихъ, но между ними были слова, надъ которыми, воротясь домой, Наташа глубоко задумывалась.

...Что онъ хотѣлъ сказать, напримѣръ, говоря, что онъ любитъ ее еще разъ въ ея сестрѣ?.. Неужели только то, что Варя слегка напоминаетъ ее и что она не замужемъ? ...О, какъ онъ глупъ!.. Зачѣмъ онъ ранѣе этого не сказалъ?.. За симъ начиналось раскаяніе въ своей добродѣтели и сожалѣніе, что она съ первыхъ дней не добилась правды; но все это разумѣется не вело теперь ни къ чему... Разумѣется подло было бы отбивать его у родной сестры, хотя, быть-можетъ, это и не особенно мудрено. Стоитъ только заѣхать къ нему и, улучивъ минуту, обнять покрѣпче...

Наташа и заѣзжала, но у нея не хватало дерзости сдѣлать рѣшительный шагъ; а Степа не торопился навстрѣчу: — „Бо же бувъ проученъ“... Слегка поигравъ съ огнемъ, она возвращалась домой, поздравляя себя съ одержанною побѣдой, и на вопросы мужа:—„Гдѣ засидѣлась?“ могла со спокойною совѣстью отвѣчать:—„Заѣзжала къ Степѣ“.

Варнавину это очень не нравилось; но какъ сдержанный человѣкъ онъ таилъ свои опасенія про себя, разсчитывая довольно вѣрно, что у Наташи въ характерѣ нѣтъ цыганской удали и что

самый опасный моментъ искушенія уже давно позади... Свадьба не за горами, а послѣ свадьбы онъ могъ быть спокоенъ... Въ возможность какого-нибудь неожиданнаго открытія онъ не вѣрилъ... „Такъ себѣ, что-нибудь не въ порядкѣ;—но еслибы дѣйствительно былъ женатъ, послѣ письма отъ Даусона не былъ бы такъ спокоенъ“.

* * *

Октябрь приближался къ концу и крыши уже не разъ одѣвались въ свой зимній нарядъ, когда отъ Хлюдова, наконецъ, пришло письмо. Оно было изъ Z** и начиналось извѣстіемъ, что надняхъ онъ высылаетъ рукопись для январьской книжки... Далѣе слѣдовали Нью-Іоркъ, въ которомъ онъ собиралъ свои матеріалы, и Даусонъ:

„D** смѣется надъ вашимъ письмомъ, называя его „чудовищною мистификаціей“... Кто-нибудь, говоритъ, подшутилъ надъ ними, и вы (то-есть я) потеряете свое время, разыскивая не существующіе слѣды. Но если у васъ есть лишнее, то, для очистки совѣсти, справьтесь въ Уашингтонѣ у X** (начальникъ сыскной полиціи). Тамъ знаютъ болѣе моего и могутъ, по крайней мѣрѣ, хоть остеречь васъ отъ промаховъ, свойственныхъ иностранцу въ чужомъ краю...“ ...Дѣйствительно, я получилъ тамъ кое-какія справки, но мнѣ посовѣтовали молчать о политическомъ отдѣленіи въ Z** (нынѣ уже не существующемъ) и указали на пастора въ домѣ умалишенныхъ, какъ на единственное лицо, отъ котораго, если взяться умѣючи, можно узнать что-нибудь достовѣрное... Это тотъ самый B**, о которомъ я слыхалъ отъ васъ, сѣдой, но бодрый еще старикъ, лѣтъ шестидесяти, съ окладистою бородой и съ наружностью патріарха... Я видѣлъ его надняхъ, рекомендуясь корреспондентомъ русскаго періодическаго изданія, отправленнымъ для изслѣдованія экономическаго положенія Штатовъ послѣ войны, и показалъ мои адресы, между которыми, къ удивленію, онъ нашелъ и свой. По этому поводу я ему объяснилъ, что не нашелъ въ Нью-Іоркѣ той безпристрастной оцѣнки фактовъ, какой я въ правѣ былъ ожидать отъ всемірнаго города и ради провѣрки собранныхъ матеріаловъ предпринялъ объѣздъ, но что личное мое дѣло къ нему гораздо проще. Пріятель мой, лейтенантъ С. П., прожившій у нихъ военноплѣннымъ пять лѣтъ, просилъ меня передать поклонъ друзьямъ, съ которыми онъ разстался такъ неожиданно, etc... Это разбило ледъ и мы съ нимъ разговорились.

„— Гдѣ онъ? спрашивалъ В**:—и отчего не пишетъ?.. Съ отъѣзда мы не имѣли о немъ никакихъ извѣстій, а между тѣмъ онъ принятъ былъ въ нашемъ кругу, какъ родной, и оставилъ послѣ себя не одно сожалѣніе...

„Пошли разспросы. Когда я назвалъ ему семейство Питерсъ, старикъ глубоко вздохнулъ. Они еще здѣсь, сказалъ онъ,—но въ очень плохихъ обстоятельствахъ. Джонъ Питерсъ больше не состоитъ при больницѣ и временно въ Ричмондѣ; младшая дочь уѣхала къ мужу въ Саванну, но мистриссъ Питерсъ и старшая дочь ея, Мери, пока еще здѣсь, и если вы сдѣлаете имъ честь, будутъ искренно рады видѣть васъ у себя... Онѣ принимали большое участіе въ вашемъ другѣ, и прочая.

„Вчера въ сопровожденіи В. я посѣтилъ семейство и принятъ былъ очень радушно, но о женитьбѣ „моего друга“ С. П. умолчалъ, приберегая это извѣстіе до другаго случая. „Миссъ Мери“ (замѣтьте „Миссъ“) пикантная молодая смуглянка, на видъ не болѣе двадцати пяти, была ко мнѣ очень внимательна и по наружности не похожа на жертву. Одно уже то, что она не носитъ чужаго имени, служитъ порукой, что если у нихъ и было что-нибудь съ П., то осталось подъ спудомъ.

„В. самымъ любезнымъ образомъ предложилъ мнѣ свои услуги къ осмотру богатыхъ плантацій, которыми изобилуетъ край, что окончательно помирило меня съ моимъ пребываніемъ въ Z**. Завтра иду съ миссъ Питерсъ осматривать городъ, причемъ она обѣщала мнѣ показать и бывшую политическую тюрьму... И прочая.“

* * *

Письмо это было единственное, и Хлюповъ послѣ него замолчалъ. Въ редакціи даже не знали, гдѣ онъ; да мало объ этомъ и безпокоились, благо корреспонденціи въ ноябрѣ доставлено было на три книжки. Барнавинъ былъ такъ доволенъ ея содержаніемъ, что и не думалъ объ остальномъ. Не все ли ему равно, за кѣмъ Степанъ волочился въ Америкѣ и какія онъ тамъ надавалъ обѣщанія, если изъ этого ничего не вышло?... Другія, болѣе близкія опасенія вытѣснили изъ головы его Мери Питерсъ и всю эту подозрительную, нечистую на руку шайку у антиподовъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ тревожиться за жену, не разъ возвращавшуюся домой съ заплаканными глазами, вопросъ о раздѣлѣ будущаго дохода утратилъ въ его глазахъ свой

старый практическій смыслъ и сталъ казаться какою-то тяжбой изъ-за имѣнія на лунѣ...

„Кто можетъ ручаться за періодическое изданіе на сорокъ лѣтъ?" спрашивалъ онъ у себя въ глубокомъ упадкѣ духа. „Разсчетъ на подписчика, которому нянька еще утираетъ носъ, не то ли же это, что споръ о шкурѣ медвѣдя, который ходитъ еще благополучно въ лѣсу?.. Журналъ можетъ быть запрещенъ; редакторъ его можетъ отправиться въ тѣ мѣста, гдѣ нѣтъ ни печати, ни связанныхъ съ нею печалей и воздыханій; подписчикъ можетъ легко предпочесть какой-нибудь забористый фельетонъ, который не стоитъ ему ничего, ибо онъ читаетъ его въ пивной...

Такъ думалъ Варнавинъ, и это его заставляло спѣшить съ развязкой.

— Чего мы ждемъ? спросилъ онъ однажды у тестя.—Неужели ихъ нельзя обвѣнчать, не дожидаясь покуда выяснится подписка?

Клеванскій, не ожидавшій отъ зятя подобныхъ рѣчей, замялся.

— Приданое, можетъ-быть, не готово?

— Нѣтъ, сестра говоритъ, что къ праздникамъ все до послѣдней нитки будетъ въ рукахъ.

— Или боятся, что не на что̀ будетъ брать ложу въ театръ?.. Но шести тысячъ, которыя имъ уплатили, хватитъ по крайней мѣрѣ до марта; а въ мартѣ, когда опредѣлится бюджетъ, подѣлимъ выручку поровну, да и баста... Подписка идетъ отлично и на ихъ долю придется болѣе 8.000.

— Надо спросить невѣсту.

— Спросите,—только не отъ меня.

Это происходило за двѣ недѣли до праздника, въ воскресенье, когда Наташа съ мужемъ обыкновенно обѣдала у отца. Когда Варнавинъ съ женой уѣхалъ, Ѳедоръ Лаврентьичъ позвалъ къ себѣ дочь.

— Скажи пожалуста, Варя, изъ-за чего у васъ остановка?

— Съ чѣмъ?

— Да съ вашею свадьбой.

Невѣста была удивлена еще больше отца и сказала что-то неопредѣленное о подпискѣ.

— Да вѣдь подписка отъ васъ не уйдетъ... Петръ Осиповичъ мнѣ обѣщалъ, что въ мартѣ, когда опредѣлится чистая выручка, вы съ сестрой подѣлите ее по̀ровну... Онъ разсчитываетъ, что каждой придется около 8.000.

Глубокое изумленіе и затѣмъ догадка, что вѣтеръ перемѣнился.

— Не знаю, папа́, надо поговорить со Стёпой, сказала невѣста, зардѣвшись какъ макъ.

— А онъ еще не уѣхалъ?

— Нѣтъ, онъ сегодня не провожаетъ Наташу.

— Такъ попроси его на минуту сюда.

Лица у жениха съ невѣстой, когда они, очевидно потолковавъ, явились къ отцу, сіяли неудержимою радостью.

— Скажите, голубчикъ, спросилъ Клеванскій,—вы ничего не имѣете противъ того, чтобы свадьба ваша произошла 9 января?

— Рѣшительно ничего.

— Ну такъ позвольте же васъ обнять и поздравить съ счастливымъ исполненіемъ вашихъ надеждъ,—васъ и невѣсту... 9 января, помните... Все ли у васъ готово?

— Все, папочка, милый,—все!

Пяти минутъ не прошло, какъ Варя вылетѣла изъ кабинета чрезъ столовую въ комнату Марьи Лаврентьевны, которая уже ложилась спать.

— Тетушка!.. Тетушка!.. На 9 января!.. На 9 января!.. Пожалуста завтра съѣздимте къ Соловьевой... Лифъ у моего подвѣнечнаго платья какъ будто широкъ.

— Не лифъ у тебя широкъ, дружочекъ, а ты сама похудѣла... Ну, да Богъ дастъ, теперь живо поправимся... Только зачѣмъ же слёзки?..

— Ахъ, тетушка, какъ вы не понимаете?.. Это отъ радости... Слишкомъ ужь долго ждала!

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Н. Ахшарумовъ.

СОРБОННА И РУССКІЕ ЕПИСКОПЫ ПРИ ПЕТРѢ I.

(Къ исторіи попытокъ соединенія церквей). [1]

Петръ I въ Сорбоннѣ.—Примирительное предложеніе Сорбонны.—Записка Сорбонны объ условіяхъ соединенія церквей.—Сужденія о ней русскихъ епископовъ.—Проектъ отвѣта, составленный Стефаномъ Яворскимъ.—Отвѣтъ Өеофана Прокоповича, посланный Петромъ I въ Парижъ.—Заключительный актъ сорбоннской попытки.

Въ царствованіе Петра Перваго повторилась давняя и любимая мысль запада о соединеніи православной церкви съ римскою. На этотъ разъ она шла изъ Парижа. Такое происхожденіе ея даетъ основаніе предполагать, что тутъ не было намѣренія подчинить восточную церковь западной. Ближайшее ознакомленіе съ относящимися къ этому дѣлу документами вполнѣ оправ-

[1] Матеріалами при составленіи настоящаго историческаго очерка служили: Рукописный сборникъ Московскаго Публичнаго Музея № 2.915: «О примиреніи церкви греко-россійской съ церковью римскою,» 452—488 лл.; *Журналъ* или поденная записка блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго съ 1698 года даже до заключенія Нейштатскаго мира, СПБ., 1772, часть вторая, отдѣлъ I, 411—412 стр. и приложенія; *Дѣянія* Петра Великаго, М., 1788, часть V, 327—329 стр., частъ VI, 157—158, 162—175 стр.; *Житіе* Петра Великаго, переводъ Стефана Писарева, СПБ., 1772, 354—355 стр.; *Житіе* и славныя дѣла Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго, СПБ; 1774, томъ второй, 105—110 стр.; *Проповѣди* Стефана Яворскаго, Митрополита Рязанскаго и Муромскаго, часть третья, М., 1805, 272—298 стр.; Өеофанъ Прокоповичъ и его время, *И. Чистовича*, въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, томъ четвертый, СПБ., 1868, 43—45 стр.; *Журналъ* Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1843, часть 37, 166 стр.; Римскій католицизмъ въ Россіи, графа *Д. А. Толстаго*, томъ первый, СПБ., 1876, 166—172 стр. и 9 приложеніе.

дываетъ эту догадку и открываетъ любопытное предложеніе французской церкви соединиться съ русскою на одинаковыхъ и равныхъ правахъ, съ условіемъ полнаго согласія въ догматахъ и и безразличнаго отношенія къ обрядовымъ разностямъ той и другой.

* * *

Путешествуя по Европѣ, въ 1717 году Императоръ Петръ Первый посѣтилъ Парижъ. Осматривая парижскія учрежденія и достопримѣчательности, онъ 14 іюня пріѣхалъ въ Сорбоннскую Академію. Академія съ восторгомъ встрѣтила своего высокаго гостя. Очевидно, ей хорошо былъ извѣстенъ этотъ энергичный и предпріимчивый Императоръ. Быть-можетъ, ее интересовали его реформы во всѣхъ отрасляхъ русской жизни, особенно уже начавшаяся реформа церковная, тѣмъ болѣе, что Академія была въ полномъ убѣжденіи, что Петръ, „какъ обновитель государства своего, имѣетъ полную власть не меньше надъ духовенствомъ, какъ и надъ свѣтскимъ чиномъ.“ [1]

Неудивительно, что сорбоннскіе богословы съ самымъ пышнымъ почетомъ встрѣтили Императора и „употребили все свое стараніе къ снисканію особенныя къ себѣ благосклонности Его Величества.“ Академія „убралась тѣмъ, что имѣла наиновѣйшаго и любопытнѣйшаго въ экспериментахъ и машинахъ.“ Петръ съ полнымъ вниманіемъ осматривалъ всѣ новинки и самую Академію и остался весьма доволенъ пріемомъ. Онъ дружески разговаривалъ съ богословами и хвалилъ порядокъ, замѣченный имъ въ Академіи. Говорятъ, что мавзолей Ришилье возбудилъ въ немъ особое удивленіе, и Петръ, обнявъ его статую, сказалъ: „о великій мужъ! еслибы ты живъ былъ, далъ бы я тебѣ половину царства моего, чтобъ отъ тебя научиться управлять другою.“

Пріятное расположеніе и благосклонность Императора возбудили въ членахъ Академіи „надежду къ произведенію въ дѣйствіе того, въ чемъ успѣть не могли всѣ старанія Льва IX и ему послѣдующихъ папъ,“ именно, соединить восточную церковь съ западною, чего „папа Левъ IX и его преемники черезъ своихъ посланниковъ, черезъ соборы и черезъ многія деньги учинить не были въ состояніи.“

[1] Разсказъ о посѣщеніи Петромъ I Сорбонны излагается, по возможности въ подлинныхъ выраженіяхъ, указанныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи «Дѣяній» и «Житія.»

Между прочимъ, Императоръ вошелъ въ библіотеку Академіи. Здѣсь онъ заинтересовался нѣкоторыми церковно-славянскими книгами. Этимъ случаемъ и воспользовались сорбоннскіе богословы, чтобы завязать рѣчь о вѣрѣ и вступить съ Императоромъ въ богословскіе разговоры. Они „великими похвалами превозносили" его славныя дѣла и отеческія заботы о просвѣщеніи своихъ подданныхъ и при этомъ весьма осторожно замѣтили, что „Его Величество можетъ присоединить къ славѣ своей самую блистательнѣйшую, каковой никто еще не имѣлъ, то-есть славу примирителя церкви и соединителя во-едино стада вѣрующихъ во Христа," лишь бы только онъ „повелѣлъ своимъ подданнымъ соединиться съ римскою церковію." Препятствій къ такому соединенію они не находили никакихъ и потому считали это дѣло весьма возможнымъ и легкимъ.

Императоръ внимательно выслушалъ богослововъ и похвалилъ ихъ ревность о вѣрѣ. Вступивъ съ ними въ разговоръ по этому поводу, онъ замѣтилъ, что дѣло это важное, и скоро рѣшить его невозможно, тѣмъ болѣе, что между обоими вѣроисповѣданіями есть существенныя различія, изъ которыхъ онъ привелъ два. [1] Къ тому же это дѣло онъ считаетъ не относящимся къ своему „званію", и, занятый войной и другими дѣлами государственными, онъ не имѣетъ времени заниматься такимъ важнымъ вопросомъ о соединеніи церквей. Если же сорбоннскіе богословы хотятъ вступить по этому вопросу въ сношенія съ православными русскими епископами, то онъ не только не будетъ препятствовать этимъ сношеніямъ, но и „изволилъ обѣщать имъ по своей отъ Бога дарованной власти повелѣть россійскимъ архіереямъ, ежели тѣ учители будутъ писать къ нимъ, на то отвѣтствовать". При этомъ онъ предложилъ имъ изложить „на письмѣ" свои мнѣнія „съ пріобщеніемъ, въ чемъ наиболыше оное разногласіе состоитъ и какимъ образомъ сіе соединеніе учинить можно", и эту записку вручить ему. [2]

---

[1] Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли, на какія именно различія указалъ Петръ. Быть-можетъ, они приведены въ венеціанской исторіи Петра, но мы ею не пользовались.

[2] Авторъ *Житія* говоритъ по этому поводу: «Его Величество, яко твердый догматовъ восточныя церкви хранитель, и яко вѣдающій, сколь опасна есть въ вѣрѣ повинна во всякомъ государствѣ, инаго отвѣта имъ не далъ, какъ только сей: что яко то дѣло церковное, а не гражданское: богословское, а не воинское: то не можетъ онъ ничего другаго учинить, какъ токмо отдать оное ихъ письменное представленіе архіереямъ и богословамъ россійскимъ на разсмотрѣніе».

Сорбонскіе учители съ радостью приняли это предложеніе Императора и на другой же день подали ему свою записку.

Очень подробное содержаніе ея мы изложимъ возможно короче [1].

Указавъ ближайшій поводъ составленія записки въ посѣщеніи Петромъ I Сорбонны и въ томъ вниманіи, съ которымъ Императоръ относился къ церковнымъ дѣламъ, сорбонскіе богословы ставятъ цѣлью своего „писанія" „примиреніе и соединеніе россійскія церкви съ римскою". „Дѣло же сіе было бы не трудное,— заявляютъ они,—аще бы во кротости и въ дусѣ любве дѣйствовалося, яко у Россіянъ не обрѣтаются къ согласію препятія, яже у протестантовъ и у прочихъ восточныхъ ересей явно съ болѣзнію вилимъ".

Дальше все содержаніе записки посвящено подробному изложенію и подтвержденію этой мысли о легкости соединенія церквей и объ отсутствіи препятствій къ этому со стороны той и другой церкви.

Прежде всего, въ основаніе такого желательнаго соединенія сорбонскіе богословы полагаютъ полное и уже существующее согласіе обѣихъ церквей въ главныхъ догматахъ вѣры, именно: 1) въ исповѣданіи Бога въ трехъ лицахъ, 2) въ исповѣданіи Сына Божія, 3) въ ученіи о первородномъ грѣхѣ и объ искупленіи Іисусомъ Христомъ, 4) въ числѣ таинствъ, 5) въ ученіи о пресуществленіи въ таинствѣ Евхаристіи [2], 6) въ почитаніи Пресвятыя Богородицы и Святыхъ, 7) въ почитаніи мощей и иконъ, 8) въ поминовеніи усопшихъ, 9) въ установленіи церковію законовъ, которымъ и западная церковь и восточная равно повинуются, и наконецъ 10) въ принятіи церковныхъ преданій и исповѣданіи единой каѳолической церкви, какъ верховнаго и непогрѣшительнаго судіи во всемъ, касающемся вѣры, и въ признаніи того, что внѣ церкви спастись невозможно.

Если же обѣ церкви согласно исповѣдуютъ основные догматы вѣры, если внѣ соединенія церковнаго нѣтъ надежды на спасеніе, и если творящіе распри и ереси, по Апостолу Павлу,

---

[1] Рукописный сборникъ № 2[illegible]15. То же содержаніе приведено въ *Журналѣ* и *Дневникѣ*. Изложеніе записки на новомъ французскомъ языкѣ напечатано гр. Д. А. Толстымъ въ вышеуказанномъ его сочиненіи.

[2] Къ сожалѣнію, составители записки совершенно умолчали о причащеніи мірянъ подъ двумя видами, или хоть однимъ. Настаиваютъ ли они на первомъ, или на второмъ способѣ причащенія, или равнодушно относятся къ этому вопросу,— остается неизвѣстнымъ, а это очень важный вопросъ.

Царства Божія не наслѣдуютъ, то, — совѣтуютъ члены Академіи,—христіане должны употребить всевозможныя старанія къ тому, „да въ совершенное согласіе пріидутъ, и аще что отъ препятій есть, скорѣе да отринутъ“.

И какое найдется препятствіе, спрашиваютъ они, которое бы помѣшало „изряднѣйшему и вожделѣннѣйшему благу“ соединенія церквей? Неужели какія-нибудь различія въ обрядахъ и обычаяхъ церковныхъ? „Но различное можетъ быти въ различныхъ церкве частѣхъ обыкновеніе безъ поврежденія соединенія“. Въ доказательство они приводятъ свидѣтельства Фирмиліана и блаженнаго Августина о томъ, что различіе обрядовъ не нарушаетъ единства вѣры. Обряды суть внѣшнія украшенія церкви, ея внутреннее согласіе отъ нихъ нисколько не зависитъ, по мнѣнію академиковъ. По крайней мѣрѣ, такъ было до раздѣленія церквей, и въ настоящее время латинская церковь присоединяющимся къ ней Грекамъ оставляетъ ихъ восточный обрядъ:

„И тако даже до злополучныхъ Керуларія временъ миръ и согласіе, аще и различному послѣдовавше обыкновенію, востокъ и западъ содержаше; къ тому и въ сихъ латинскихъ странахъ различная по мѣстамъ обыкновенія хранятся. Еще же вси, иже отъ Грековъ сообщеніе съ нами обновили, по своимъ живутъ обычаямъ; ни что̀ же убо возбранитъ, дабы и свое хранити возмогла церковь Россійская обыкновеніе, и потому во хлѣбѣ квасномъ жертву приносити: токмо бы противнаго обычая не хулила, и совершенное у Латинъ освященіе въ опрѣснокѣ исповѣдала, яко же совершенную быти исповѣдуютъ Ѳеофилактъ, Димитрій Коматикъ, Іоаннъ епископъ Кипрскій, Варлаамъ, Григорій Протосингелъ, и иные между Греками, ученіемъ и разсужденіемъ славные. Не было бы убо бѣдства, дабы и прочихъ тоеяже церкве обыкновеній римскій епископъ не отринулъ, яко же и мы никогда же боимся, дабы онъ же пріятыхъ въ церкви французской обыкновеній не возбранилъ, егда и учимъ, яко сего не можетъ сотворити“. [1].

Если различіе въ обрядахъ не препятствуетъ соединенію церквей, то въ іерархическомъ устройствѣ и въ церковномъ управленіи сорбоннскіе богословы признаютъ русскую и французскую

[1] Обращаетъ вниманіе очень широкое пониманіе церковныхъ обрядовъ и слишкомъ свободное отношеніе къ нимъ, наравнѣ съ церковными обычаями и чинами, которые дѣйствительно могутъ быть различны по мѣстамъ даже въ одной церкви, что мы видимъ на примѣрѣ монастырскихъ уставовъ.

церкви совершенно согласными. Здѣсь они излагаютъ *почти* православный взглядъ на папу. Говоримъ *почти*, потому что ихъ сужденія о папѣ, какъ выразителѣ единства церкви и охранителѣ ея преданій, внушаютъ нѣкоторыя сомнѣнія. Признавая всѣхъ епископовъ наслѣдниками апостоловъ и Христовыми намѣстниками, они продолжаютъ: „Римскій же епископъ, иже истинный есть св. Петра наслѣдникъ, такожде властію Божіею первый есть епископъ и первый Христовъ намѣстникъ, и по сему имени соединенія центръ и сообщенія видимый союзъ, отъ него же имать апостольскій престолъ сильнѣйшее первоначальство, яко же глаголетъ святыйИриней, иже всякій иный собственнѣ престолъ, къ бодрствованію во всей церкви, да хранятся священныя правила, вѣра же и единство содержатся, яко же учитъ святый Кипріанъ". Это „первоначальство" римскаго епископа академики признаютъ основаннымъ на Евангеліи и утвержденнымъ преданіемъ первыхъ вѣковъ и свидѣтельствомъ вселенскихъ соборовъ.

Что же касается до особыхъ прерогативъ папскаго достоинства, то всѣхъ ихъ французская церковь рѣшительно не признаетъ. Папа, по заявленію сорбонскихъ богослововъ, не имѣетъ никакой преимущественной власти ни надъ другими епископами, ни тѣмъ болѣе надъ церковію. Вся власть въ церкви предоставлена вселенскому собору, которому долженъ повиноваться и самъ папа. Точно также папа не имѣетъ никакой свѣтской власти ни надъ королями, ни надъ ихъ подданными. Его сужденія по вопросамъ вѣры рѣшительно не имѣютъ непогрѣшимаго авторитета [1].

Въ виду особой важности этихъ заявленій мы ихъ приводимъ цѣликомъ:

„Во истину Французовъ ученіе сіе есть: яко сія, юже святый престолъ имать во всей церкви, и надо всякимъ церкве пастыремъ особенно, власть не вручена есть волѣ римскаго епископа, ниже по его хотѣнію и изволенію совершатися имать: но употребленіе ея, по святымъ правиламъ Духомъ Божіимъ установ-

[1] На основаніи такихъ заявленій французская церковь около двухъ сотъ лѣтъ назадъ считала себя близкою къ православію. Къ нашему времени уже не осталось въ ней и тѣни такой близости, вслѣдствіе признанія ею за догматъ всего того, что она тогда отвергала, какъ несогласное съ вселенскимъ преданіемъ. На старую почву французской церкви стали въ наше время старокатолики.

леннымъ и первыхъ вѣковъ честію освященнымъ, умѣрено быти имать: пастырей собранію подана есть непосредственнѣ отъ Христа Господа вящшая власть, ей же повиноватися долженъ и самъ папа, о вещѣхъ надлежащихъ къ вѣрѣ ко искорененію раздора и исправленію церкве, якоже уставлено есть на соборѣхъ нашихъ Вселенскихъ Констанціенскомъ и Василіенскомъ, явно объявлено отъ клира французскаго, и отъ священнаго богослововъ парижскихъ чина всегда защищено.

„Такожде содержимъ, яко разсужденіе римскаго епископа не есть непогрѣшительное вѣры правило, развѣ приступитъ согласное всея церкви разсужденіе. Власти папиной, сирѣчь, токмо духовной, ни едина отъ Христа дана власть прямая или непрямая на имѣнія временная царей, и не можетъ онъ ни коея ради вины и ради самаго благочестія подданныхъ отъ послушанія ко государемъ, или отъ клятвы вѣрности разрѣшити. Сія же и учимъ и содержимъ вѣдущимъ Римлянамъ, и симъ, иже власть римскаго епископа пространнѣе расширяюще, противно намъ мудрствуютъ. Обаче понеже вѣры самыя сія различныхъ мнѣній распри о первоначальствѣ римскомъ не досязаютъ: того ради мира ниже мы съ ними разрушаемъ, ниже они съ нами разрушаютъ; но всѣ въ единомъ и томъ же сообщеніи пребываемъ."

Не можетъ служить препятствіемъ къ соединенію церквей и латинская прибавка въ символѣ Filioque, потому что пониманіе исхожденія Святаго Духа одинаково у обѣихъ церквей. „Исповѣдуетъ бо церковь Россійская, яко Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, латинская же, яко Духъ Святый отъ Отца и Сына исходитъ. Есть обоя сія рѣчь у святыхъ отцевъ, ихъ же честь церкви обѣ почитаютъ. Показуетъ святый Василій Великій и Григорій Богословъ, яко едино и тожде суть сія два ἐξ и διὰ *изъ* и *чрезъ:* того ради учатъ знаменитые ѳеологи, яко прежде реченная словеса, въ правомъ разумѣніи пріятая, въ едино разумѣніе стекаются. Что бо сіе изъявляетъ: Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына? сіе ли едино, якоже мнятъ Греки нѣкіи нелюбящіе мира, яко Духъ Святый исходитъ убо отъ Отца, Отецъ же и Сынъ единаго и тогожде суть существа (ὁμοούσιοι)? Но аще бы сіе было рѣчей сихъ толкованіе, то сицевымъ же образомъ возможно бы рещи: яко Сынъ исходитъ отъ Отца, и Отецъ и Духъ Святый единаго и тогожде суть существа: но Сына исходити отъ Отца чрезъ Духа Святаго ни единъ Грекъ речетъ: убо инако разумѣти подобаетъ сіе, еже во святыхъ отцевъ писаніяхъ

чтемъ, яко Духъ Святый исходитъ отъ Отца чрезъ Сына. Сицевый же разумъ сего будетъ: яко не токмо Отецъ и Сынъ единаго и тогожде суть существа, но яко и упостаси обоихъ едина и таяжде суть вина, и купно отъ обоихъ Духъ Святый исходитъ: аще сіе Сынови и Отецъ даде, дабы якоже отъ него, тако и отъ онаго исходилъ: якоже напримѣръ, аще бы свѣща отъ другія свѣщи была возжена, и обѣ третію бы купно возжегли (сіе подобіе употребляетъ святый Григорій Нисскій), то оной третіей не токмо отъ первыя непосредственнѣ, но и отъ первыя чрезъ другую исходити, право и истинно реклося бы: и сіе сущее есть, еже церковь латинская исповѣдаетъ, егда поетъ, яко Духъ Святый отъ Отца и Сына исходитъ: убо единъ и тойжде разумъ содержатъ обѣ сіи рѣчи, аще законно толковати кто восхощетъ."

Въ доказательство справедливости прибавки Filioque записка ссылается на свидѣтельство отцевъ и учителей Церкви—св. Епифанія, св. Кирилла Александрійскаго, Аѳанасія и Василія Великихъ, св. Амвросія, блаженнаго Августина, также Дидима, Иларія и Льва IX папы. Если ихъ свидѣтельства, продолжаетъ записка, даютъ право видѣть въ латинскомъ Filioque — то же самое, что заключено въ православномъ διά, то и эта прибавка не можетъ служить препятствіемъ къ соединенію. Вотъ почему латинская церковь не настаиваетъ на томъ, чтобы присоединяющіеся къ ней Греки читали свой символъ съ прибавкой Filioque: „не противится и церковь Латинская, егда Греки нѣцыи возвращающіеся въ соединеніе, и на тое же съ нею ученіе о сей главизнѣ согласующіе по своему обычаю чтутъ Сумволъ, не приложивши словеси *и отъ Сына*".

Эта прибавка Filioque и потому еще не можетъ служить препятствіемъ къ соединенію, продолжаетъ записка, что не она была виной раздѣленія. По крайней мѣрѣ „Михаилъ Керуларій, патріархъ Константинопольскій, сего раздѣленія начальникъ, не обличаетъ Латинъ, токмо о прѣсномъ хлѣбѣ, и яко не поютъ во время четыредесятницы Аллилуія, и о иныхъ нѣкіихъ симъ подобныхъ".

Но такіе поводы слишкомъ незначительны для того, чтобы произвести и поддерживать раздоръ церквей. Вотъ почему, говорятъ академики, папа Левъ IX съ искреннею скорбію, какъ истинная мать на судѣ у Соломона, взывалъ къ примиренію. Однако только „сія бяху начала раздѣленія Грековъ, также и Россовъ, отъ Латинъ".

Итакъ, неужели столь незначительныя мелочи могутъ мѣшать соединенію церквей, когда онѣ совершенно согласны въ догматахъ и когда различіе въ обрядахъ не можетъ служить къ тому препятствіемъ? Поэтому сорбоннскіе богословы просятъ обратить на это особое вниманіе и помнить свидѣтельства Кипріана и Фирмиліана, а также слова Спасителя—*и будетъ едино стадо и единъ пастырь* — и увѣщанія апостола Павла: *молю же вы, братіе, именемъ Господа нашего Іисуса Христа, да тожде глаголите вси, и да не суть въ васъ распри.*

Свою записку они заканчиваютъ такъ:

„И тако сему писанію, еже ради скораго Царскаго Величества отшествія скорымъ перомъ начертахомъ, егда конецъ полагаемъ, желаніями къ высочайшему небесе и земли Господу повторяемыми августѣйшаго Государя отходящаго провождаемъ, дабы онъ, иже обновленнымъ Царства просвѣщеніемъ толикое себѣ имя содѣла, новымъ славы пріобрѣтеніемъ свое все царство святыя и каѳолическія вѣры владѣнію покорилъ, и далече бы и широко умножилъ царство Христа Іисуса, имъ же и самъ преславно царствуетъ. Да будетъ онъ Киръ вторый, его же Богъ держаше десницу милосердіемъ своимъ, по свидѣтельству пророка, и ко свѣту истины и мирному согласію да будетъ людемъ предводитель, иже средостѣніе градежа разрушая, давнія оныя между своею и Римскою церковію вражды да отъиметъ; да уже будутъ по семъ едины людіе вѣрные, якоже едина церковь есть и едина вѣра. Симъ благочестіемъ, симъ о вѣрѣ тщаніемъ, паче еще изящнѣе, неже иными своими храбрыми добродѣтелями прежнихъ своихъ славу превзыдетъ, и которую по своей добродѣтели, купно же и по скипетра Величеству, страшную имать высочайшую власть, сія ни единою вещію паче стояти будетъ тверда и невредима, якоже симъ, егда оную на защищеніе Божія дѣла, аки Божій рабъ, и аки церкве сынъ, на поисканіе соединенія церковнаго посвятитъ“.

Вѣрность записки подтверждена подписомъ и печатью викарія архіепископа Парижскаго, „канцелярія Парижской церкви“.

* * *

По пріѣздѣ въ Петербургъ, Императоръ Петръ Первый передалъ эту сорбоннскую записку на разсмотрѣніе русскимъ епископамъ.

Епископы со вниманіемъ отнеслись къ ней и остались недовольны ея содержаніемъ, особенно предложеніемъ сорбонскихъ богослововъ привести Русскій народъ къ свѣту истины, какъ будто до сего времени онъ былъ во тьмѣ невѣрія. Между тѣмъ, разсуждали епископы, восточная церковь есть самая первая и она постоянно хранитъ преданія первыхъ вѣковъ. Всѣ прочія церкви отъ нея получили свое начало и, если отступили въ чемъ, то значитъ сами нарушили единеніе съ нею. Въ вопросѣ о Filioque видѣли натяжку со стороны сорбонскихъ богослововъ, такъ какъ отцы церкви, если и учили объ исхожденіи Св. Духа чрезъ Сына, то только о временномъ исхожденіи его въ таинствахъ, а не о вѣчномъ бытіи по существу. Ту же односторонность епископы признали и во всѣхъ цитатахъ записки сорбонской, потому что отеческія писанія въ контекстѣ говорятъ противное тому, что утверждается въ запискѣ. Въ доказательство епископы подробно указывали противныя мѣста въ тѣхъ же сочиненіяхъ, на которыя ссылались сорбонскіе богословы, и притомъ изданныхъ въ самомъ Парижѣ. „А что нѣкоторые Греки, — писали епископы, — и говорили по мнѣнію Латиновъ, но были они люди отравлены прельщеніемъ, а притомъ многіе за достоинства и за деньги были и похлѣбщики двора Римскаго“. Наконецъ они указывали Императору, что всякое измѣненіе въ русской церкви „подлежитъ великой опасности“.

Императору не понравился такой отвѣтъ епископовъ въ виду сильныхъ обличеній сорбонскихъ богослововъ въ неправомъ пониманіи ими отеческихъ твореній, и онъ поручилъ Стефану Яворскому и Ѳеофану Прокоповичу составить два отвѣта на сорбонское предложеніе и представить ему на разсмотрѣніе.

Стефанъ Яворскій, очевидно, принималъ большое участіе въ составленіи перваго отвѣта и потому написалъ проектъ отвѣта въ томъ же духѣ.[1]

Послѣ самыхъ любезныхъ привѣтствій и похвалъ „сорбонскому училищу“, гдѣ „премудрость всегда пребываетъ“, тогда какъ „индѣ только гоститъ“, — Стефанъ подробно излагаетъ поводъ своего отвѣта: какъ государь разсказывалъ о своемъ путешествіи, о своемъ посѣщеніи Сорбонны, и какъ вручилъ своимъ епископамъ ея записку.

[1] См. вышеуказанные «Сборникъ», «Журналъ» и «Біографію Стефана Яворскаго».

„Сей даръ иностранный. Пресвятлѣйшій нашъ Императоръ, Его Царское Священнѣйшее Величество, вѣрнымъ подданнымъ, Россійскія Церкве Пастыремъ въ разсужденіе предаде· не дабы совѣта какова отъ насъ требовалъ, или надлежность каковую изъявлялъ, совершенъ сый своего Государства Монархъ: но да церковную честь и исполненіе невредимо и непорочно сохранитъ Царь православный. „Съ радостью и „съ честію“ принявши это „писаніе“, какъ свидѣтельство „премудрости толикихъ мужей“, Стефанъ Яворскій прибавляетъ однако, что скоро пришлось разочароваться въ ожиданіяхъ:

„Но егда прилежнѣе писанія оная испытахомъ, ничтоже и не токмо доброхотства знаменія и любви образъ въ нихъ обрѣтохомъ“.

Дальше онъ подробно излагаетъ по сорбоннской запискѣ цѣль ея составленія, а также указанные въ ней пункты согласія обѣихъ церквей и настойчивыя увѣщанія поскорѣе примириться и соединиться, въ виду апостольскихъ угрозъ тѣмъ, кто производитъ распри.

„Но обаче мы на оная призыванія, благопріятства же, любовь и оберегательства. паче же и прещенія призывающихъ, пребыхомъ нѣколико усомнѣвающеся и размышляюще: ибо на благовѣстіе Ангелово тако сотворшую чтемъ преблагословенную Дѣву Марію: *она же видѣвши*, глаголетъ Лука, *смутися о словеси его, и помышляше, каково будетъ цѣлованіе сіе* (Лук. 1, ст. 29). Исправила премудрѣйшая Дѣва порокъ праматери, яже излишно бяше вѣроятная и скорая ко увѣренію послу подзорному.

„Соединенія убо мы не укоряемъ, но насильствователей соединенія: ибо, елико изряднѣйшеее благо есть соединеніе, толико худшіи суть онаго разорителіе: понеже ничтоже вредительнѣйшее есть тѣлу цѣлому, яко разрушити между его частьми соединеніе: тѣмъ же убо аще растлѣніе изрядныя вещи есть зѣло худо, много паче сами растлителіе.

„Но кто таковъ есть толико дерзостный и всякія укоризны достоинъ: соединенія церковнаго разорительная вина? Сего недуга каковы случаи? Жалобы вездѣ слышатся множайшія, обвиненія не мала, едина страна другую обвиняетъ. Мы здѣ не хощемъ съ великою болѣзнію возобновляти раны, оную токмо Евангельскую исторію о двоихъ сестрахъ не неприлично судихомъ къ настоящему дѣлу присовокупити.

„Обвиняше иногда Марѳа сестру свою Марію, глаголющи ко

Христу: *Господи, небрежеши ли, яко сестра моя едину мя остави служити?* (Лук. 10, ст. 40). Здѣ сумнѣніе можетъ быти, которая которую оставила. И жалобная убо словеса Марѳы слышащи, мнится, яко Марія остави Марѳу. Сія бо словеса Евангельская свидѣтельствуютъ: но разсуждающе другую страну, тако Марія оставила Марѳу, яко Марѳа оставила Марію: Марія оставила Марѳу въ службѣ, Марѳа оставила Марію въ прилежаніи слышанія слова Божія: и якоже Марѳа обвиняше Марію, яко ся оставила, тако праведно Марія могла обвинити Марѳу, подобнѣ глаголющи ко Христу: Господи, небрежеши ли, яко сестра моя едину мя остави слышати слово Божіе?

„Равное нѣчто видѣти есть плачевными очима между двѣма сими иногда родными сестрами, сіесть, восточною и западною церквами, услышати здѣ жалобные гласы, егда едина обвиняетъ другую: Господи, небрежеши ли, яко сестра моя остави мя? Но прилежнѣе и пріискреннѣе вещь разсуждающи, яко между Марѳою и Маріею, тако между сими двѣма сестрами взаимное ли есть оставленіе? Восточная оставила западную въ союзѣ соединенія, западная же оставила восточную въ растлѣніи, въ повреждепіи же и новости Сумвола. Да умолчимъ прочіе члены вѣры: сіе послѣднее оставленіе есть вина перваго: аще бы оное не предварило, сіе никогда же бы послѣдовало.

„Болѣзнуемъ о семъ толикомъ, и едва возвращеннымъ быти могущемъ уронѣ.

„Но аще бы мы и восхотѣли сему злу коимъ-либо образомъ забѣжати, возбраняетъ намъ канонъ апостольскій, который епископу безъ своего старѣйшины ни что же, а наипаче въ толь великомъ дѣлѣ церковномъ творити попущаетъ: престолъ же святѣйшаго патріаршества россійскаго праздень и вдовствующій [1] быти мнимъ, яко извѣстно есть иностраннымъ: и сего ради епископомъ безъ своего патріарха хотѣти что-либо замышляти тожде было бы, аки бы членамъ безъ своея главы хотѣти движитися, или безъ первыя вины, или движенія въ звѣздахъ свое теченіе совершати. Сей есть предѣлъ крайній, который въ настоящемъ дѣлѣ больше намъ не попущаетъ глаголати что-либо, или творити.

„Кій убо послѣдній совѣтъ въ настоящемъ дѣлѣ подобаше

[1] Время отъ смерти послѣдняго русскаго патріарха Адріана до учрежденія св. Синода въ 1721 году называется временемъ вдовства русской церкви

намъ воспріяти, развѣ едино прибѣжище къ святѣйшимъ апостольскимъ престоламъ нашихъ восточныхъ православныхъ патріарховъ, на нихже яко на основаніяхъ вся исполненія и исправленія церковнаго зданія ставити благолѣпно?"

Благодаря членовъ Сорбонны за любовь и желая полнаго успѣха ихъ дѣлу, Стефанъ Яворскій обращается съ молитвой къ Тому, „Который повелѣваетъ вѣтромъ и моремъ, да укротитъ и между нами шумящія раздоровъ и несогласія волны, и возсіяетъ благосостоянію и соединенію церковному, паче же и вамъ миръ и тишину превожделѣнную".

„Писано въ Санктпетербургѣ, лѣта Господня 1718 года, въ мѣсяцѣ сентябрѣ".

Однако и этотъ отвѣтъ не былъ одобренъ Петромъ. Графъ Д. А. Толстой полагаетъ, что причиной этого былъ витіеватый слогъ отвѣта Яворскаго съ сильными намеками на то, что въ раздѣленіи церквей виноваты папы. Поэтому Петръ послалъ Сорбоннѣ отвѣтъ, написанный Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Въ немъ русскіе епископы прямо заявили, что они *не имѣютъ права* не только рѣшить столь важное дѣло, но даже *и приступить къ его разсмотрѣнію*, потому что не одна Россія, но и многія другія страны составляютъ православную церковь. Поэтому необходимо прежде всего обратиться къ четыремъ православнымъ восточнымъ патріархамъ, чтобы, ища сомнительнаго мира внѣ, не произвести несомнѣннаго раздора внутри.

Вотъ этотъ отвѣтъ Сорбоннѣ [1].

„Сіятельнымъ, Высокочестнѣйшимъ и премудрѣйшимъ богословамъ Дома Сорбоннскаго Коллегій возлюбленнымъ нашимъ братіямъ.

„Благодать, милость и миръ отъ Бога, Отца и Господа Іисуса Христа Спаса нашего.

„Державнѣйшій Государь нашъ, Царь Петръ Первый, когда по возвращеніи своемъ отъ иноземныхъ странъ между привѣтствіемъ Сената и народа Россійскаго, и отъ насъ чина священнаго привѣтствованъ былъ: тогда какъ всякому чину свое, такъ и намъ наше извѣстити изволилъ по своему дивному благоразумію. Се же есть: како Его Величеству, посѣщающему пречестный Домъ Вашъ Сорбоннскій, привнесеся по случаю слово о раздорѣ Греческой и Римской Церкве: и когда вы о томъ

---

[1] См. *Журналъ* и *Протоколы*.

пространнѣе говорить похотѣли, сказалъ намъ Его Величество, чтобъ изволила честность ваша, аще за благо судится вамъ, писать о семъ къ Россійскимъ Епископамъ. Сіе же намъ повѣствуя Государь произнеслъ и вручилъ намъ ваше, возлюбленная братіе, писаніе: пріяли мы тое съ великою радостію не для того, чтобы въ немъ новое нѣчто и любопытное усмотрѣть (понеже что-либо въ той Контроверсіи важное есть, не тайно есть богословцамъ), но что достохвальное ваше желаніе, о яковомъ изъ повѣсти Самодержца нашего разумѣть мощно было, желали мы и въ писаніи вашемъ прочесть, и аки бы очима увидѣть.

„Прочли же мы и увидѣли, и абіе прославили великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, который обѣщаніе свое, имже обѣщался пребывати съ нами до скончанія міра, и симъ образомъ исполняти благоволитъ, что и не ищущимъ его обрѣтается, и не оставляетъ ищущихъ, и самую волю исканія даруетъ, и тако о Церкви Своей премудрѣ промышляетъ.

„Похваляемъ же и васъ самихъ, братія любезнѣйшая, и о такомъ святомъ желаніи вашемъ, яко о великомъ дарованіи Божіи, сорадуемся вамъ, и да желанію сему не попуститъ Господь никогда же угаснуну быти, наипаче же добрымъ событіемъ совершитъ, всесмиренно молимся премилосердому Его Величеству.

„Не хощемъ же васъ братіе не вѣдати, что и мы тойжде духъ, тожде имѣемъ желаніе: желаемъ бо, и всеусердно желаемъ, да Христосъ, миръ нашъ, сотворитъ обоя едино, и средостѣніе граденія разрушитъ, да оба созиждетъ собою во единаго и новаго человѣка, творя миръ, и примиритъ обоихъ въ единомъ тѣлѣ Богови крестомъ, убивъ вражду на немъ. Вѣсте же, мнимъ и сами, что есть въ церквахъ нашихъ повседневное публичное моленіе о соединеніи вѣры, которое устнами произносяще, духомъ паки и паки повторяемъ. А что вы отъ Апостола о единствѣ вѣры и о противныхъ оному ередахъ, раздорахъ и ересяхъ предложили, въ томъ всегдашнее наше есть и ученіе и желаніе: сія и вамъ и намъ и всѣмъ (аще не притворный видъ на себя являютъ) общая суть.

„Прочее, какъ бы долговременный сей раздоръ церковный уврачевать, хотя и не такъ трудное дѣло, то-есть, яковое показали мимошедшіе вѣки, отъ времени наипаче Иннокентія третіяго Папы, даже до нашихъ лѣтъ: однако и не такъ скоро и удобно статься то можетъ, какъ вы можетъ быть думаете, якоже отъ писанія вашего догадываемся. Да не воспомянемъ бо злѣ о

созваніи собора, или о публичномъ разговорѣ чрезъ посланія обѣихъ сторонъ, именемъ всецѣлой сей и оной Церкве (а изъ двоихъ сихъ дѣлъ хотя одно потребно есть): сверхъ того и сіе намъ трудность задастъ, что единымъ нашимъ Россійскихъ Епископовъ дѣйствіемъ, ниже начатися дѣло сіе можетъ, а не толь, чтобы къ совершенію пріити возмогло: понеже бо не едина Россія, хотя и превеликое Государство есть, но и иные народы многіе Церковь исповѣданія нашего составляютъ. Не безъ укоризны бы оныхъ было, естьли бы что у насъ сдѣлалось безъ ихъ вѣданія и согласія всему обществу надлежащее: и того ради подобаетъ намъ вопервыхъ писать о семъ къ иноземнымъ братіямъ нашимъ, наипаче же къ высочайшимъ Епископамъ, четыремъ восточнымъ Патріархамъ, да не возмнимся презирати ихъ и раздражати, и ищуще: но всего дружества да не разсторгнемъ давнее и готовое. И воистину, аще бы мы тако погрѣшили, взыскуемый внѣуду миръ сумнительный воздвиглъ бы внутрь насъ брань несумнѣнную: и сія едина причина есть для чего мы и на ваша о примиреніи разсужденія публичными всея Церкви именемъ отвѣтствовать нынѣ оставили.

„Однако между тѣмъ ничтоже возбраняетъ быти приватнымъ разговорамъ между вашими и нашими нѣкіими ѳеологами чрезъ взаимныя, якоже обычай есть, посланія, аще вамъ сіе благоволится, только бы все было Духомъ Христовымъ кротости умиренно: ибо таковые кроткіе разговоры и не помѣшали бы общаго Церкви разсужденія, и еще чаемъ подали бы свѣтлѣйшій приступъ къ поисканію желаемаго мира.

„Но тако мы человѣцы разсуждаемъ и глаголемъ, самъ же Богъ, отъ Его же помышленія наша смертныхъ человѣкъ мнѣнія неба и земли разстояніемъ отстоятъ, якоже Самъ глаголетъ у Пророка: тотъ самъ безчисленные и удобнѣйшіе имѣетъ способы, хотя умомъ нашимъ и непостижимые, имиже святое сіе желаніе въ благополучный конецъ произвести возможетъ: и да уже иногда произведетъ, непрестанно молимъ милосердіе Его, и томужде васъ и ваше спасеніе вручаемъ.

„Въ Царствующемъ Санктпетербургѣ 1718 года, іюля 15 дня.

„Здравствуйте братія возлюбленная, вамъ всѣхъ благъ желающіе Епископы Россійскіе, тогда въ Царствующемъ Санктпетербургѣ присутствовавшіе.

„Смиренный Стефанъ, Митрополитъ Рязанскій и Муромскій.

„Смиренный Варнава, Архіепископъ Холмогорскій и Важескій.

„Смиренный Ѳеофанъ, Архіепископъ Псковскій, Нарвскій и Изборскій.“

Этотъ уклончивый отвѣтъ и былъ въ 1720 году отосланъ въ Парижъ.

Нужно предполагать, что Петръ самъ не имѣлъ въ виду выдвигать вопросъ о соединеніи церквей. Въ немъ особое сочувствіе возбудили укоризненныя отношенія епископовъ русскихъ къ папамъ. Онъ при дворѣ своемъ произвелъ Зотова въ папы и любилъ въ шуточномъ видѣ представлять кардиналовъ и конклавы. Вѣроятно, возбужденіе вопроса о соединеніи церквей не входило въ планы его церковныхъ реформъ. По крайней мѣрѣ такое предположеніе тогда существовало. [1]

Ѳеофанъ Прокоповичъ копію съ письма Сорбонны сообщилъ извѣстному протестантскому богослову, іенскому профессору Буддею, и просилъ его высказать свое мнѣніе по этому поводу. Буддей въ 1719 году издалъ въ Іенѣ небольшое сочиненіе— „Ecclesia Romana cum Ruthenica irreconciliabilis“...—въ которомъ и изложилъ свое мнѣніе. „Если бы сорбонскіе богословы,—говоритъ онъ,—попристальнѣе всмотрѣлись въ свойства этого великаго Государя, то они не увлеклись бы несбыточными надеждами“ (на соединеніе церквей).

Утвержденіе Буддея сбылось: вмѣстѣ съ отсылкой отвѣта сорбонскій вопросъ былъ похороненъ.

Тѣмъ не менѣе со стороны Сорбонны была сдѣлана еще одна попытка къ возбужденію его.

Въ концѣ 1728 года въ Россію пріѣхалъ аббатъ Жюбе, въ качествѣ наставника малолѣтнихъ дѣтей княгини Ирины Долгоруковой, урожденной Голицыной, принявшей за границей папизмъ. [2] Этому аббату члены Сорбонны и дали полномочіе вступить въ переговоры съ русскимъ духовенствомъ по вопросу о соединеніи церквей. Жюбе, сблизясь съ испанскимъ посломъ, Дюкомъ де-Лиріа, передалъ ему цѣль своего посольства и вмѣстѣ съ нимъ старался привлечь на свою сторону князя Василія Лукича Долгорукова. Аббату, дѣйствительно, покровительствовали Долгоруковы и два брата Ирины Петровны, князья Голицыны, члены

[1] Чистовичъ, см. выше.

[2] Исторія Русской Церкви, *Филарета*, Архіепископа Черниговскаго, періодъ пятый, изданіе четвертое, Черниговъ, 1862, 57—58 стр.

верховнаго совѣта. Въ домѣ одного изъ этихъ послѣднихъ, въ деревнѣ, были собранія для разсужденія о соединеніи церквей. Эти свѣтскіе разговоры, естественно, ни къ чему не привели. А паденіе дома Долгоруковыхъ, послѣдовавшее за смертію Петра II, уничтожило всѣ надежды Сорбонны: въ 1732 году Жюбе былъ высланъ изъ Россіи.

Высылкой агента Сорбонны и закончилась ея попытка возбудить вопросъ о соединеніи церквей на условіяхъ протестантскаго равнодушія къ обрядамъ церковнымъ.

Григорій Георгіевскій.

Осенняя элегія.

Роскошный уборъ свой природа роняетъ,
Спѣша поскорѣй отдохнуть,
А вѣтеръ осенній безумно рыдаетъ,
Какъ будто покойника мать провожаетъ
Въ далекій, невѣдомый путь....
Сметаются листья въ курганъ похоронный,
Деревья стенаньемъ глухимъ
Давно замѣнили свой шепотъ влюбленный,
И міръ, словно саваномъ трупъ облеченный,
Окутанъ туманомъ сѣдымъ....
Повсюду торжественной думою вѣетъ,
Печалью сжимается грудь,
И слово тревоги и страсти нѣмѣетъ,
Усталое сердце мечту лишь лелѣетъ—
Скорѣе заснуть!...

Н. А. Домогацкій.

1891 г.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ЦВѢТОКЪ.

I.

Обычные посѣтители Михайловскаго театра въ началѣ семидесятыхъ годовъ могли часто видѣть на сценѣ дѣвочку лѣтъ десяти-двѣнадцати, — точнѣе ея года опредѣлить было нельзя — въ дѣтскихъ роляхъ французскаго репертуара. Голосокъ у нея былъ слабый, немного даже писклявый, совсѣмъ какъ у ребенка, но бойкостью она отличалась чрезвычайною, особенно когда появлялась переодѣтою въ мальчика. Разъ въ какой-то пьесѣ, кажется Сарду, ей пришлось играть крошечную роль тринадцатилѣтняго мальчугана, обнаруживающаго свою раннюю испорченность тѣмъ, что крадетъ у отца, богатаго торговца, дорогія сигары и съ своими однолѣтками-товарищами придумываетъ какую-то рискованную биржевую спекуляцію. Съ огромною сигарой во рту, засунувъ руки въ карманы брюкъ, она придавала себѣ развязность и наглость поразительную и успѣхъ имѣла необыкновенный. Когда въ пятомъ дѣйствіи она являлась вся въ слезахъ, потому что юнаго спекулятора надулъ одинъ изъ сверстниковъ, стащившій у него цѣлые два золотые, и отецъ ее утѣшаетъ, говоря, что не такіе ей придется въ жизни видать виды, театръ разразился громкими рукоплесканіями. Удивительно комичною выходила ея грустная и въ то же время дерзкая рожица, когда отецъ обнималъ ее, утирая корыстолюбивыя слезы ребенка. На дѣвочку она совсѣмъ не походила въ эту минуту, да и хорошенькою ее, конечно, нельзя было назвать. За то театральные завсегдатаи были увѣрены, что современемъ изъ нея выйдетъ талантливая артистка.

Такъ прошло года три-четыре. Дѣвочка продолжала изрѣдка появляться то въ коротенькомъ платьицѣ, то переодѣтая школьникомъ и какъ-будто совсѣмъ даже не росла. Она попрежнему глядѣла ребенкомъ и на афишѣ значилась „la petite Anna". Кстати сказать, настоящее имя ея было Таня. Но плохенькая французская актриса M-lle Irma, игравшая горничныхъ въ водевиляхъ для съѣзда и взявшая дѣвочку подъ свое покровительство, сочла это русское имя неподходящимъ, перекрестила Таню по своему. Таня выросла, такъ-сказать, въ кулисахъ. Всѣ ея самыя раннія воспоминанія были связаны съ театромъ, да и родители ея уже много, много лѣтъ жили сценой и постоянно вертѣлись около подмостковъ. Отецъ ея петербургскій Нѣмецъ, Мейеръ или Мюллеръ по фамиліи, сперва былъ театральнымъ парикмахеромъ, потомъ, разорившись на этомъ ремеслѣ, сталъ играть выходныя роли слугъ, подъ именемъ M-r Alfred, и мало-по-малу вообразилъ себя настоящимъ актеромъ. Мать, Русская, въ юные дни свои была швеей или портнихой, потомъ соблазненная какимъ-то уличнымъ ловеласомъ попала въ странствующую труппу, игравшую лѣтомъ оперетки гдѣ-то на островахъ, и тамъ познакомилась со своимъ будущимъ супругомъ. Современемъ она расплылась и чувствовала себя непригодною для легкихъ ролей, стала добродушною и нѣсколько слезливою бабенкой, уже не мечтавшею объ успѣхахъ, но сохранившею отъ прошлаго поразительную неумѣлость вести свое крошечное хозяйство. За это мужъ ея, Карлъ Ивановичъ, бивалъ ее не разъ, и Прасковья Карповна,—таково было не поэтическое имя госпожи Мейеръ или Мюллеръ —утѣшала себя, перечитывая все тотъ же засаленный, но сентиментальный романъ. Разумѣется, достойные супруги, живя къ тому же почти впроголодь, о воспитаніи своей дочки не заботились и были рады-радехоньки, когда M-lle Irma пристроила Таню къ театру, выпросивъ для нея у режиссера впервые какую-то дѣтскую роль. А когда дѣвочка обнаружила свои раннія театральныя способности, да кстати научилась бойко говорить по-французски, то и дѣло вертясь среди актрисъ, супруги Мейеръ замечтали о будущей славѣ для своей дочки, а для себя о будущихъ великихъ барышахъ на счетъ ея таланта. Но все это было пока за горами. Танѣ шелъ четырнадцатый годъ, красавицей стать она не обѣщала, и платили ей всего два рубля разовыхъ, которые папаша у нея преисправно отбиралъ, когда она возвращалась домой въ конуру,

занимаемую господиномъ Мейеромъ въ четвертомъ этажѣ дома католической церкви. Дѣвочка, несмотря на это, сильно привязалась къ театру. Тамъ, по крайней мѣрѣ, ее не бивалъ никто и могла она скинуть съ себя поношенное грязноватое платьице, которое носила дома и на улицѣ, чтобъ облечься въ пышный нарядъ избалованной дочки какого-нибудь богача изъ французской пьесы, либо въ костюмъ мальчика-шалуна, тоже сына богатыхъ родителей. Въ роляхъ бѣдныхъ дѣтей она не выходила ни разу. Вокругъ нея, и на сценѣ, и въ уборныхъ артистокъ, все блестѣло, все казалось веселымъ, оживленнымъ, роскошнымъ. Она любила и всѣхъ членовъ труппы, и самый театръ, особенно когда шло представленіе, и запахъ газа, и даже самую пыль кулисъ, такъ непохожую на пыль не совсѣмъ опрятной квартиры ея родителей. Да и баловали же ее въ театрѣ всѣ: кто конфеты ей подаритъ, кто цвѣтную ленту, которою она такъ хорошо, кстати сказать, умѣла прикрасить свое бѣленькое домашнее платьице. А добрый старикъ-режиссеръ M-r Mauduit такъ поощрительно ободрялъ ее, когда на первыхъ порахъ она слегка побаивалась выйти на сцену. „Du courage, mon enfant, du courage“, говорилъ онъ ей,—„tu ne joues pas mal, mais pas mal du tout.“

Но въ одинъ прекрасный день, когда осенью представленія только-что возобновились, послѣ лѣтнихъ каникулъ, въ дѣвочкѣ всѣхъ поразила странная, неожиданная перемѣна. Она вдругъ какъ-то за лѣто вытянулась, станъ ея обрисовался, на блѣдномъ смѣшномъ дѣтскомъ личикѣ обозначились изящныя нѣжныя черты, волосы стали длиннѣе и мягче, на щекахъ показался румянецъ. Вся труппа ахнула, замѣтивъ это превращеніе. Недавній ребенокъ сталъ почти взрослою дѣвушкой. Да кстати ей шелъ уже шестнадцатый годъ.

— Mais elle devient tout-à-fait jolie la petite, трепля ее по щекѣ, сказалъ добродушный M-r Mauduit,—c'est une vraie surprise. И скоро, скоро ей нельзя уже будетъ играть мальчиковъ.

Какъ хилое растеньице сперва туго поднимается вверхъ на зябкомъ воздухѣ, и вдругъ потомъ отъ весенняго солнца разомъ пышно зацвѣтаетъ, такъ въ маленькой Танѣ неожиданно для всѣхъ тоже зацвѣла весна ея жизни. И неизвѣстно почему, недавно еще такая бойкая, такая развязная, она стала конфузиться чего-то, неловко чувствовала себя среди актеровъ, и когда прозрачная, грубоватая шутка достигала ея ушей, стыдливый

румянецъ покрывалъ ея личико, хотя она давно успѣла привыкнуть къ двусмысленнымъ рѣчамъ въ театральномъ міркѣ. Въ новой пьесѣ, которая готовилась къ постановкѣ, ей опять приходилось играть роль мальчика. На этотъ разъ, однако, она вела ее на репетиціяхъ поразительно неловко. А когда, наканунѣ представленія, на генеральной репетиціи она должна была выйти въ мужскомъ костюмѣ, Таня застыдилась чего-то и рѣшительно не захотѣла его надѣть.

— Ну, въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ, уговаривалъ ее M-r Mauduit.—Самъ вижу, что тебѣ больше нельзя играть мальчиковъ, да пойми, что нельзя же изъ-за тебя мѣнять спектакль...

И Таня, скрѣпя сердце, должна была подчиниться. Но пока шло представленіе, она испытывала совсѣмъ непонятное для нея самой мучительное чувство. Видѣть себя предъ публикой въ одеждѣ мальчика было ей до того невыносимымъ, что она испортила всю роль. Ей все казалось, что какіе-то насмѣшливые и въ то же время и зойливые взгляды слѣдятъ за ней изъ рядовъ партера, и непривычная робость овладѣла ею, полусознательная робость, вызванная совсѣмъ новымъ для нея женственнымъ чувствомъ.

Къ счастью для Тани, пьеса съ перваго же раза провалилась, и вынесенной ею пыткѣ уже повториться не суждено было. За то Карлъ Ивановичъ, когда Таня вернулась домой, пришелъ въ ярость неописанную.

— Да ты что думаешь, завопилъ онъ на своемъ ломаномъ русскомъ языкѣ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ,—я тебѣ буду позволить капризы дѣлать. Ты должна мнѣ и твоей мама за твой хлѣбъ заплатить, который ты ѣла съ самаго дѣтства. И что̀ мы будемъ дѣлать, когда тебѣ откажутъ.

Странное дѣло, Карлъ Ивановичъ, ни слова не знавшій по-нѣмецки и весь свой вѣкъ проведшій среди Русскихъ, никакъ не могъ совладать съ русскою рѣчью, да и вкусы и привычки у него были совершенно нѣмецкіе. Дома онъ носилъ ермолку съ кисточкой, всѣмъ напиткамъ предпочиталъ баварское пиво и любилъ, сидя за огромною кружкой въ портерной, медленно выкуривать трубку сквернаго табаку. Много онъ наговорилъ Танѣ жалкихъ словъ, не поскупившись при этомъ и на пощечины, но перелагать всю его грубую брань будетъ, пожалуй, излишне.

Таня выказала стойкость и хладнокровіе, совершенно изумив-

шія ея отца. Она молчала, пока онъ ругался, не проронивъ ни одной слезинки, но рѣшительно настояла на своемъ и объявила на отрѣзъ, что въ мужскихъ роляхъ являться больше не станетъ. Карлъ Ивановичъ ахнулъ, развелъ руками, хотѣлъ опять прикрикнуть на дочь и приняться снова за побои, но внезапно стихъ и отправился искать утѣшеній въ портерной.

Лучъ свѣта однако не замедлилъ блеснуть надъ сѣрою жизнью супруговъ Мейеръ. На слѣдующій день, когда Карлъ Ивановичъ въ обычный часъ отправился въ театръ, гдѣ шла репетиція большой пятиактной пьесы, г. Mauduit взялъ его въ сторону и таинственно объявилъ, что „il y a de nouveau" и для M-lle Anna открывается надежда на карьеру. Въ новой пьесѣ имѣлась не особенно большая, но отвѣтственная роль шестнадцатилѣтней дѣвушки, которую должна была играть первая ingenue труппы, г-жа Solanges. На бѣду однако актриса заболѣла и пьесу пришлось бы отложить, но старикъ режиссеръ придумалъ такую комбинацію, что роль г-жи Solanges можно поручить Танѣ, которая навѣрно справится съ нею отлично, „потому что, закончилъ онъ, ella a un vrai talent, la petite, et le public sera content, j'imagine... de voir he! he! une jolle fille à la place d'une vieillu femme".

Г-жѣ Solanges давно стукнуло сорокъ, хотя она упрямо держалась за роли молоденькихъ дѣвушекъ.

II.

Нечего и говорить, что отъ этого предложенія Карлъ Ивановичъ воспрянулъ духомъ необыкновенно. Предварительно зайдя въ портерную, онъ вернулся домой въ самомъ восторженномъ настроеніи и громко объявилъ, что изъ Тани выйдетъ прокъ и онъ давно это зналъ, потому что она совсѣмъ въ отца. И съ этой минуты обращеніе его съ дочерью рѣзко измѣнилось. Изъ дѣвочки-замарашки она вдругъ сдѣлалась въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ настоящей особы, онъ видѣлъ ее уже въ положеніи артистки, пользующейся громкимъ успѣхомъ и главное получающею большія деньги. Какъ ни твердилъ онъ, что по таланту она пошла въ него, Карлъ Ивановичъ втайнѣ сознавалъ все ничтожество своего сценическаго призванія и въ лицѣ дочери невольно преклонялся будущей артисткѣ. А сама Таня не

вѣрила своему счастью и представлялось оно ей совершенно въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ ея отцу. Въ собственныхъ глазахъ она не выросла ничуть, а про деньги ужь конечно совсѣмъ не мечтала. Въ ней говорили изумленіе, недовѣріе къ себѣ и какой-то таинственный страхъ за будущее. Въ первый разъ въ ея молодой жизни засвѣтился вдали выходъ на свободу, на самостоятельность, и она этого почти пугалась, не довѣряя своимъ силамъ. И въ то же время ей такъ тревожно, такъ болѣзненно хотѣлось сдѣлаться достойною этого нежданнаго счастья, выказать настоящій талантъ не для славы конечно - про славу она даже не думала,— а для того лишь, чтобы завоевать себѣ въ жизни хотя крошечное мѣстечко. Правда, и до сихъ поръ много добра и ласкъ Таня видѣла среди театральнаго люда, но все-таки она смутно чувствовала, что она какъ будто не такая же, какъ всѣ, что обращаются съ ней хорошо и ласкаютъ, и гладятъ по головкѣ совершенно такъ же, какъ дѣлаютъ это съ какимъ-нибудь избалованнымъ котенкомъ. И часто ей вдругъ становилось и грустно, и стыдно чего-то.

На другой день она спозаранку побѣжала къ своей покровительницѣ, M-lle Irma. И теперь только, когда отъ нея Таня услышала подтвержденіе словъ отца, она совсѣмъ повѣрила и вполнѣ отдалась своей радости.

— Теперь, мой дружочекъ, сказала цѣлуя ее M-elle Irma,— ты совсѣмъ большая, une grande personne. Посмотри, какъ всѣ иначе съ тобой обращаться станутъ, а многія даже позавидуютъ. Par ce que tu sais mon bijou tu es devenue crânement jolie..

Таня однако не возгордилась ничуть и на репетиціи объ одномъ старалась, чтобы роль свою читать какъ можно лучше. Она вся трепетала отъ боязни, какъ бы не передумалъ режиссеръ и не призналъ ея непригодною для чести играть настоящую роль. Но все прошло благополучно. Старикъ Mauduit поправлялъ и правда нерѣдко, но за то не разъ онъ кивалъ одобрительно головой. Вся почти труппа сошлась поглядѣть на Таню. Въ такой роли они въ первый разъ видѣли настоящую молоденькую дѣвушку и съ любопытствомъ выжидали, какъ съумѣетъ она выразить чувство, такъ близко подходившее къ ея лѣтамъ и положенію.

На этотъ счетъ однако Таня ихъ почти разочаровала. Роль свою она вела отчетливо и вѣрно, но какъ будто холодно. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ игра оживлялась, и въ сердцѣ молодой дѣвушки зажигались первыя искры любви, Таня будто не довѣряла

тому, что̀ произносили ея губы. Слова роли казались ей какими-то странными, почти-что смѣшными. Конечно, для нея такія слова были новостью. Мало ли чего она наслышалась и на сценѣ, и въ особенности за кулисами. Весь языкъ любви отъ самыхъ пламенныхъ и восторженныхъ до самыхъ площадныхъ выраженій былъ ей знакомъ давно. Но оттого можетъ-быть, что съ дѣтскихъ лѣтъ она пріучилась ко всѣмъ оттѣнкамъ этого языка, то ходульно страстнаго, то цинично грубаго, онъ не проникалъ далѣе ея ушей, не дразнилъ ея любопытства. И воображеніе ея оставалось спокойнымъ, точно слова, долетавшія до нея, только мимоходомъ скользили, едва затрогивая ея равнодушное вниманіе. А когда теперь самой приходилось выражать чувства, дремавшія въ ней тѣмъ болѣе глубокимъ сномъ, что вся обстановка театра успѣла какъ-то опошлить для нея это чувство, оно оставалось для нея чужимъ, а она почти готова была разсмѣяться каждый разъ, что ея губы произносили какую-нибудь горячую фразу. И на одной изъ репетицій въ третьемъ дѣйствіи пьесы, которое заканчивалось ея объясненіемъ съ полюбившимъ ее человѣкомъ, когда въ отвѣтъ на вырвавшееся у него признаніе, она должна была, охваченная волненіемъ, проговорить нѣсколько отрывочныхъ трепетныхъ словъ, Таня не въ силахъ была удержать вырвавшагося у нея громкаго, чисто дѣтскаго смѣха. Слушавшіе ее артисты труппы закачали головой и до ушей Тани дошло неодобрительное восклицаніе: „Mais ça n'ira pas... ca n'ira pas du tout.“

Таня смѣшалась, покраснѣла и не могла довести сцены до конца. Но старикъ Mauduit поспѣшилъ ее ободрить.—„Ничего, мой дружокъ, твердилъ онъ ей ласково,—не пугайся... оно пойдетъ... совсѣмъ даже пойдетъ. Я повторю съ вами эту сцену и вы сейчасъ, сейчасъ увидите, какъ надо ее играть... Ахъ, они не понимаютъ, пробормоталъ онъ вполголоса,—не понимаютъ, что предъ ними на этотъ разъ не какая-нибудь поддѣльная молодая дѣвушка, а настоящій неиспорченный ребенокъ, и что въ этомъ вся ея прелесть... Да, они этого не могли понять, хотя случайно чувствовали эту самую прелесть, и каждый разъ во время репетиціи толпились у входа въ кулисы, невольно любуясь Таней и завидуя ея молодости. Для нихъ это было нѣчто совершенно новое, не подходившее къ условной обстановкѣ театра, гдѣ сценическая правда достигается только искусною поддѣлкой и, можетъ-быть, они были правы въ своемъ недоумѣніи,

оттого правы, что настоящая неподдѣльная дѣйствительность, полная искренность недоступны для театра. Одному старику режиссеру художественное чутье подсказывало, что было что-то безконечно заманчивое въ самой неопытности молодой дѣвушки и что публика съумѣетъ оцѣнить это рѣдкое на подмосткахъ явленіе. Онъ старательно повторилъ сцену объясненія, твердя, что ей надо воплотить въ себѣ изображаемую ею дѣвушку, почувствовать все, что должна была прочувствовать та. Таня все вѣрнѣе, все лучше передавала оттѣнки своей роли, голосъ ея, интонація, выраженіе лица все правдивѣе возсоздавали первое ощущеніе просыпавшагося чувства. Но въ эту самую минуту, когда она должна была сказать, краснѣя и смущаясь: laissez moi, laissez moi de grâce... Ne voyez vous pas, que je ne puis vous répondre, шаловливая улыбка опять заиграла на ея лицѣ и, закачавъ головой, она рѣшительно объявила, что она никогда, никогда не справится со своею ролью. И когда на этотъ разъ Mauduit посмотрѣлъ на нее съ укоромъ, Таня устремила на него испуганный взглядъ, и слезы вдругъ навернулись ей на глаза.

— Нѣтъ, скажите, пробормотала она, ломая руки,—скажите, какъ вы думаете, въ самомъ дѣлѣ я не гожусь для этой роли и вы совсѣмъ, совсѣмъ отчаиваетесь во мнѣ?...

И всѣ золотыя мечты, недавно еще наполнявшія ея голову, мечты о талантѣ и независимости мигомъ разлетѣлись, точно захлопнулся предъ нею открывшійся было просвѣтъ и снова вокругъ нея одна непроглядная тьма ея будничной жизни. Но старикъ ободрилъ ее и тутъ.

— О! Погодите, мой дружокъ, попробуемъ еще. Вы недурно играете... вы только совершенный еще ребенокъ. А это милый недостатокъ. Кто знаетъ?—искра можетъ-быть загорится въ васъ очень скоро и сами вы не будете знать, когда и какъ она зажглась...

За то M-eur Alfred, или вѣрнѣе Карлъ Ивановичъ, игравшій въ пьесѣ свою неизмѣнную роль лакея и притомъ игравшій ее какъ нельзя хуже, послѣ репетиціи сильно напустился на бѣдную Таню. Изъ нея не выйдетъ ничего, говорилъ онъ ей,—и вѣчно она будетъ даромъ ѣсть родительскій хлѣбъ. Какъ, съ десятилѣтняго возраста она трется среди артистовъ, ей такъ хлопали, когда она играла разбитныхъ мальчугановъ, а теперь, когда ей приходится выступить просто въ роли молодой дѣвушки, она съ

этимъ не можетъ справиться?! Да что̀ же тутъ труднаго? Ей только надо быть такою же дѣвченкой, какъ она сама...

— Въ томъ-то и дѣло, вмѣшался старикъ Mauduit, разъ слышавшій, что̀ говорилъ Танѣ ея отецъ,—въ томъ-то и дѣло, что она черезчуръ сама, что на сценѣ она такой же невинный ребенокъ, какъ въ жизни, благодарите за это Бога, Альфредъ...

— Невинный ребенокъ! проворчалъ Карлъ Ивановичъ, пожимая плечами, — ей шестнадцать стукнуло и навидалась она довольно тоже всякой всячины за кулисами... пора бы поумнѣть...

Таня потупилась и краска стыда залила ей щеки...

— Ну полно, Alfred, сказалъ Mauduit, потрепавъ Карла Ивановича по плечу,—оставьте ее въ покоѣ со своими нравоученіями. Благодарите Бога, повторяю, что испортить вамъ ея не удалось. А вотъ я вамъ лучше что̀ скажу: намъ бы о костюмѣ для нея позаботиться, въ этомъ платьѣ она выступить не можетъ.

Таня являлась на репетиціи въ своемъ неизмѣнномъ старенькомъ платьицѣ, да въ сильно поношенныхъ башмакахъ. И хотя глядѣла она очень миловидною со своимъ розовымъ личикомъ съ волнистыми кудрями темно-каштановыхъ вьющихся волосъ и съ большими мягкими пугливыми синими глазами, то широко раскрывавшимися, то совсѣмъ прикрытыми бахромой длинныхъ рѣсницъ, даже самая мелкая сошка изъ числа актрисъ посмѣивалась надъ ея бѣднымъ нарядомъ. „Вотъ нашли тоже кому поручать одну изъ главныхъ ролей, говорила нѣкая мадемуазель Amanda, игравшая субретокъ,—нищенку какую-то достали, которая невѣсть въ какихъ трущобахъ давно истрепала свое платье."

M-ieur Alfred рѣшительно отказался принять на себя какіе-либо расходы на туалетъ дочери. „Я думалъ, дирекція, пробормоталъ онъ,—вы сами знаете, каковы мои средства."

— Гм., дирекція... это не принято... Всѣ актрисы одѣваются сами... Ну, увидимъ, для вашей дочки сдѣлаемъ, быть-можетъ, исключеніе. C'est une perle qu'il faut bien monter.

И стараніями режиссера Таню пріодѣли съ головы до ногъ. Ея всегдашняя покровительница M-lle Irma, не довѣряя вкусу Прасковьи Карловны, взяла на себя хлопоты по этой части. Танѣ сдѣлали два платья, свѣтлое, шелковое съ малиновою бахромой вокругъ лифа и юпки, другое суконное, темносинее; купили ей нарядныя ботинки изъ бронзовой кожи. А M-lle Irma до того расщедрилась, что подарила ей даже брошку съ двумя жемчугами. Ко дню генеральной репетиціи M-r Alfred, вспомнивъ про

свое парикмахерское искусство, собственноручно убралъ ей голову. И когда Таня въ своемъ нарядѣ съ иголочки вышла на сцену, ропотъ завистливаго удивленія пошелъ по женскому персоналу труппы. Недавняя замарашка, какъ ее обзывали еще наканунѣ, вдругъ обдала всѣхъ чѣмъ-то неподдѣльно свѣжимъ и яркимъ. Красота дѣвушки точно вынырнула изъ своей неприглядной оболочки, неожиданно блеснула будто весеннимъ лучомъ. Да и въ игрѣ Тани совершилась тоже перемѣна. Та искра, про которую говорилъ Mauduit, въ ней еще не зажглась. Она все еще какъ-то безсознательно, почти безучастно, вела свою роль, но какая-то неизъяснимая прелесть была въ этой самой безсознательности. Уроки стараго режиссера не прошли даромъ. Игра ея оправилась, тонкая обдуманность звучала въ каждомъ словѣ. Подѣйствовала ли на нее измѣнившаяся обстановка, лучшая игра прочихъ актеровъ, яркое освѣщеніе и зрители, наполнившіе эту до сихъ поръ убійственно пустую залу, или природное чутье таланта проснулось въ ней, только это уже была не прежняя Таня, почти не умѣвшая владѣть своимъ голосомъ и придать выразительность своему хорошенькому личику. Самъ первый любовникъ труппы M-ieur Léon Duchamp, до сихъ поръ игравшій съ какою-то холодною презрительностью къ своей новой товаркѣ, сперва ахнулъ отъ удивленія, а потомъ вошелъ какъ-то во вкусъ своего положенія влюбленнаго и съ необыкновеннымъ жаромъ провелъ свое объясненіе съ Таней. А случилось это потому, что юная красота дѣвушки казалась ему чѣмъ-то совершенно новымъ и неожиданнымъ. Онъ и прежде, конечно, замѣчалъ эту красоту, но грубое его лицо, становившееся особенно грубымъ, когда онъ уходилъ за кулисы, до сихъ поръ выражало при встрѣчахъ съ Таней одинъ только откровенный цинизмъ сорока-пятилѣтняго мужчины, привыкшаго не стѣсняться въ своемъ актерскомъ кругу, гдѣ онъ насчитывалъ много легкихъ побѣдъ. Таня была въ его глазахъ лишь дѣвченкой, взятою съ улицы, правда смазливою, но конечно нестоившею вниманія такого важнаго лица, какъ M-eur Duchamp. И если онъ удостоилъ ее такого вниманія, если онъ даже снисходитъ до нѣкотораго ухаживанія, ей слѣдовало цѣнить это, а не держать себя глупою дикаркой. И все-таки, когда M-r Duchamp послѣ одной изъ репетицій самодовольно выразилъ дѣвушкѣ свою готовность отдать ея красотѣ должную дань и, долго не думая, попробовалъ взять ее за талію, она выскользнула изъ его рукъ, и такое гордое негодованіе блеснуло на ея

загорѣвшемся личикѣ, что M-r Duchamp предъ нею опѣшилъ. Съ тѣхъ поръ онъ не щадилъ ее своими сарказмами и старался ее спутать во время репетиціи. Какъ?! Эта нищая дѣвченка, которую неожиданный случай поставилъ на ряду съ настоящими артистами, позволяла себѣ ему сопротивляться, ему, *записному* любимцу даже первоклассныхъ актрисъ? Онъ вдвойнѣ презиралъ ее, за ея бѣдность и за то, что она была Русская. И вотъ теперь эта сонная замарашка, потому должно-быть, что ее пріодѣли, неожиданно преобразилась въ такое истинно прелестное существо, все дышавшее чарами молодости и вдобавокъ несомнѣнно выказавшее недюжинный талантъ. Да, талантъ у нея былъ. Это чувствовали всѣ, и была въ ней еще бо́льшая сила, сила рѣдкой обаятельной красоты и нетронутой свѣжести. Да, ею сто́ило заняться, сколько бы времени и усилій на это не пришлось отдать. И въ игрѣ M-r Duchamp выражалось неподдѣльное увлеченіе. „Кто знаетъ“, думалъ онъ, „можетъ-быть никому иному, какъ мнѣ, суждено зажечь это нетронутое сердце.“

За одинъ этотъ вечеръ положеніе Тани рѣзко измѣнилось. Она сразу поднялась въ общемъ мнѣніи, точно возбужденныя ею и зависть, и удивленіе за одно воздвигли ей какой-то пьедесталъ. И отецъ, когда онъ повелъ ее домой изъ театра, отецъ смотрѣлъ ужь на нее иными глазами. Онъ будто заискивалъ въ ней, непріятно лебезя предъ дочерью и какъ-то особенно бережно собственными руками накидывая на ея плечи ветхую шубку. Таня подмѣчала это и какъ-то еще болѣе прежняго сторонилась отъ отца, но чувство боли и гадливости, вызванное этимъ ухаживаньемъ за нею, не могло теперь овладѣть ея сердцемъ: оно все было исполнено свѣта и волненія, того священнаго волненія, какое приноситъ съ собою заря проснувшагося таланта.

III.

Слухи объ игрѣ Тани на генеральной репетиціи въ слѣдующее же утро достигли до г-жи Solange. Актриса позеленѣла отъ злости и, хотя далеко еще не оправилась отъ болѣзни, рѣшилась въ тотъ же вечеръ поѣхать въ театръ на представленіе новой пьесы.

— Посмотримъ, сказала она, — что̀ это за новый диковинный талантъ объявился и можетъ ли въ самомъ дѣлѣ замѣнить меня „cette petite gueuse“.

Сказано, сдѣлано. Въ семь часовъ госпожа Solange, вся кипѣвшая негодованіемъ и злобой, уже сидѣла, прячась отъ глазъ публики въ одной изъ тѣхъ крошечныхъ ложъ на авансценѣ, которыя исключительно предназначаются для артистокъ. Она боялась какъ бы ея не замѣтили и уткнулась въ самую глубь ложи, откуда ея глаза, какъ двѣ стрѣлы, сердито пронизали въ самые отдаленные углы театра, одновременно наблюдая и за публикой, и за игрой актеровъ.

Театръ былъ совершенно полонъ. Приманка новой пьесы, да еще вдобавокъ объявленіе, выставленное на афишахъ: Pour le premier début de M-lle Anna Mayer привлекли въ этотъ вечеръ особенно много зрителей. Это была отборная бенефисная публика, собиравшаяся только по субботамъ, когда идутъ новинки, и цѣны гораздо выше обыкновенныхъ. Сперва возбуждала интересъ одна только пьеса, необыкновенно остроумная, бойкая и блестящая. На артистовъ, даже на бенефиціантку, мало обращали вниманія. Всѣ они были черезчуръ знакомы публикѣ и успѣли ей надоѣсть. Но когда въ самомъ концѣ перваго акта на сцену вбѣжала Таня и раздался ея звонкій свѣжій голосокъ, настроеніе мгновенно перемѣнилось. Всѣ лорнетки общимъ единодушнымъ движеніемъ направились на нее, и на лицахъ мужчинъ, сидѣвшихъ въ первомъ ряду, выразилось какое-то необычное оживленіе. Таня изображала едва вышедшую изъ дѣтскихъ лѣтъ дѣвушку-подростка. Весь характеръ ея роли заключался въ оригинальной смѣси полудѣтской наивности съ непосредственною живостью ребенка, выросшаго на полной волѣ. И это была не условная наивность французской сцены. Первый выходъ Тани ужь давалъ ей случай показать свой талантъ, отмѣтить свою игру незаурядною чертой. Она должна была стремительно вбѣжать какъ разъ въ такую минуту, когда происходила тяжелая семейная сцена, и ея неожиданное появленіе должно было смутить участниковъ этой сцены. И по идеѣ автора дѣвушка не могла понять, что происходило вокругъ нея, отчего ея мать и тотъ человѣкъ, съ которымъ она говорила, были такъ озадачены, увидавъ ее. И все-таки на лицѣ дѣвушки, когда веселымъ своимъ восклицаніемъ она прервала разговоръ и примѣтила вызванную ею натянутость, должна была выразиться полубезсознательная догадка о роковой тайнѣ, которую она чуть было не узнала. Таня передала всѣ эти оттѣнки съ поразительнымъ мастерствомъ. Глаза ея, за минуту оживленные и блестящіе, вдругъ потухли,

остановившись на матери вопрошающимъ недоумѣніемъ, и не то стыдъ за свою необдуманность, не то страхъ предъ чѣмъ-то невѣдомымъ и грознымъ сказался на ея поблѣднѣвшемъ лицѣ. Въ публикѣ раздался короткій, но единодушный взрывъ рукоплесканій. И когда кончился актъ, Таню вызывали три раза, увы! еще быть-можетъ болѣе за тѣмъ, чтобы лишній мигъ насладиться зрѣлищемъ ея миловиднаго личика, чѣмъ ради того, чтобы поощрить ея молодое дарованіе. Особенно неистово апплодировалъ рослый, довольно тучный господинъ съ крупнымъ лицомъ, налитымъ кровью, молодецки черными бакенбардами и такими же волосами, нѣсколько впрочемъ порѣдѣвшими. Онъ сидѣлъ весь выпрямившись и сильно выпячивалъ впередъ богатырскую грудь, черезчуръ туго обхваченную сильно накрахмаленнымъ передомъ рубашки. Вся его фигура дышала тупою важностью и самодовольствомъ. Это былъ нѣкто баронъ Габнеръ, всегдашній посѣтитель всѣхъ первыхъ представленій, усердный поклонникъ всѣхъ театральныхъ звѣздъ, даже сомнительнаго блеска, и обладатель очень большихъ капиталовъ—увы! нѣсколько еврейскаго происхожденія.

Mr Alfred, слѣдившій за дочерью изъ-за кулисъ, тотчасъ подмѣтилъ громкій восторгъ денежнаго барона и радостно ухмыльнулся. Подмѣтилъ этотъ восторгъ и нѣкто изъ труппы и на молодую дѣвушку, когда вся смущенная неожиданнымъ успѣхомъ она укрылась за спустившимся занавѣсомъ, посыпались довольно-таки двусмысленныя поздравленія. Но Таня не обратила на это никакого вниманія. Въ ней говорило одно только чувство робкаго пока счастья, проснувшейся въ ней надежды, что судьба подарила ей драгоцѣнный даръ таланта, она даже и не примѣтила внушительной фигуры барона. Предъ тѣмъ мѣстомъ на авансценѣ, гдѣ она остановилась, сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ, тоже увлеченный ея игрой, но увлеченный совершенно иначе, чѣмъ баронъ Габнеръ. Онъ апплодировалъ не громко, почти даже робко, но лицо его, на которомъ игралъ оживленный румянецъ, все сіяло какою-то искреннею, доброю радостью. Лицо это съ зачесанными назадъ густыми каштановыми волосами глядѣло открыто и прямо, хотя опытный глазъ подмѣтилъ бы, можетъ-быть, что-то не совсѣмъ твердое въ его мягкихъ чертахъ, въ пламенномъ и какъ будто нерѣшительномъ выраженіи глазъ, въ самой линіи чуть-чуть раскрытыхъ губъ. Но Таня не была мастерицей разгадывать

характеры, да и не до того ей было, чтобы зорко разсматривать этихъ сидѣвшихъ противъ нея людей, которымъ она такъ благодарна въ эту минуту за выказанное ими сочувствіе къ ней. И ни въ комъ это сочувствіе не показалось ей такимъ искреннимъ и теплымъ, какъ въ этомъ молодомъ человѣкѣ, предъ которымъ она остановилась случайно. Невольно даже, раскланиваясь предъ публикой она взглянула на него какою-то особою благодарною улыбкой.

Публика между тѣмъ изъ партера шумно высыпала въ коррпдоръ. Молодой человѣкъ, только-что за одно съ другими вызывавшій Таню, на минуту остался на своемъ креслѣ, весь еще погруженный въ какую-то заманчивую мечту. Потомъ онъ словно опомнился, слегка вздохнулъ почему-то и потянулся за прочими чрезъ узкій проходъ. Взбѣжавъ по лѣстницѣ во второй ярусъ, онъ быстрыми шагами направился въ курительную, желая отыскать тамъ кого-либо изъ товарищей. Ему вдругъ сильно захотѣлось подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими впечатлѣніями. Тамъ, въ тѣсной и душной комнатѣ, онъ засталъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, военныхъ и статскихъ, успѣвшихъ уже напустить цѣлое облако зловоннаго дыма. Онъ молча поздоровался съ двумя-тремя изъ нихъ и прислушался къ разговору. Шла рѣчь о томъ, что корнета Сулищева кто-то надулъ, продавъ ему лошадь съ порокомъ, а какой-то господинъ Іевлевъ, свѣже выпущенный изъ лицея маменькинъ сынокъ, только-что проигрался въ пухъ и собирается себѣ пустить пулю въ лобъ.

— Ты вѣдь его знаешь, Струйскій? спросилъ у вошедшаго какой-то офицеръ, также очень юный съ мягкимъ шепелявымъ голосомъ, но видимо старавшійся придавать себѣ необыкновенно ухарскую развязность.

— Знаю... такъ что жь? очень жаль, отвѣтилъ Струйскій такимъ участливымъ тономъ, что прочіе разсмѣялись.

Придя сюда, онъ надѣялся услышать совсѣмъ про другое, услышать о Танѣ и о впечатлѣніи, произведенномъ ея игрой. Самъ же заговорить объ этомъ онъ не рѣшался.

— Да ты что, продолжалъ все тотъ же офицеръ,—очень ужь друженъ съ этимъ Іевлевымъ или такъ, просто по добротѣ сердечной, сокрушаешься. По моему этихъ пижоновъ учить надо... подѣломъ имъ.

Струйскій не отвѣтилъ и усѣлся на лавку.

— А что̀, господа, спустя минуту, спросилъ онъ,—какъ вамъ нравится пьеса?

— Пьеса? Какая пьеса?! А вотъ, что̀ идетъ сегодня... Ну разумѣется скука смертная, терпѣть не могу такъ-называемыхъ серьезныхъ комедій...

— Да я о закладъ побьюсь, вмѣшался другой, — что онъ совсѣмъ не о пьесѣ хочетъ спросить, а на умѣ у него эта новенькая, которую сегодня показываютъ... Ну, торопись, мой другъ, торопись, а то живо пристроится.

— И не по твоему это кошельку, замѣтилъ третій, штабъ-ротмистръ Бубновъ, рослый мужчина съ сумрачнымъ лицомъ и гвардейскими усами.

Струйскій вспыхнулъ.

— Полноте, развѣ я... началъ было онъ, но его тотчасъ прервалъ дружный хохотъ.

— Да что̀ жь тутъ особеннаго, сказалъ юный офицерикъ, старавшійся всѣхъ затмить своею бойкостью.—Пришелъ, увидѣлъ, и надѣешься побѣдить? Губа у тебя не дура: она прехорошенькая.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, господа, шутки въ сторону, она прелесть, настоящая прелесть и талантъ настоящій...

— Ну кто говоритъ о талантѣ?! Экая важность, грузно разсмѣялся сумрачный офицеръ,—говори прямо и ты съ ней познакомиться хочешь, да?

— Что̀ вы, что̀ вы?... какъ познакомиться?

— Да не финти, что̀ тутъ... Дѣло самое простое, хотя откровенно говоря, проку изъ этого не выйдетъ. На такого карася не такая щука нужна, какъ ты. А коли хочешь, вотъ тебѣ мой совѣтъ на всякій случай: прикажи капельдинеру достать тебѣ букетъ, что̀ ни на есть лучше, такъ рублей въ пятьдесятъ и разумѣется не подавай его оффиціально предъ глазами всей публики, потому что зачѣмъ себя напоказъ выставлять, а пошли за кулисы со своею карточкой... Это будетъ настоящій гранъ-жанръ. Кто знаетъ? можетъ-быть, тебя и допустятъ къ твоей богинѣ... Ну, а теперь, господа, будетъ, полно этою дѣвченкой заниматься, да и кажется антрактъ кончился, пойдемъ-те...

Курильная опустѣла, но Струйскій посидѣлъ тамъ еще минуты двѣ, весь отдавшись неопредѣленнымъ, но сладостнымъ грезамъ. Ему несказанно претило все то, что̀ онъ слышалъ, весь тотъ грубый цинизмъ, съ которымъ относились къ предмету его восторга. Самъ онъ не могъ или не хотѣлъ дать себѣ отчета въ

томъ, къ чему стремилось его разгорѣвшееся воображеніе. Но совѣтомъ онъ все-таки воспользовался и вручилъ одному изъ капельдинеровъ пять красненькихъ, сумму для него, кстати сказать, довольно крупную, объяснилъ ему, краснѣя и конфузясь, чего онъ хочетъ. Тотъ обѣщалъ исполнить порученіе и принести букетъ ко второму антракту.

IV.

Во второмъ дѣйствіи у Тани была всего одна большая сцена, но за то въ этой сценѣ она могла вполнѣ выказать свое дарованіе. Герой пьесы, только-что предъ тѣмъ горько разочаровавшійся въ любимой женщинѣ, случайно встрѣтился съ молодою дѣвушкой въ саду и, замѣтивъ его унылое настроеніе, она по своему наивно, совсѣмъ еще по-дѣтски, старалась его утѣшить. Она знала его давно, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, и привыкла видѣть въ немъ человѣка много ея старшаго. Онъ смотрѣлъ на нее просто, какъ на ребенка, и ничего, даже издалека похожаго на нѣжное чувство, между ними до сихъ поръ не возникало. И ей надо было вести эту сцену, сохраняя тонъ дружеской близости, какой можетъ установиться между людьми разнаго возраста, когда они знаютъ другъ друга издавна и совсѣмъ не боятся выказывать другъ предъ другомъ, какъ разъ, потому что возможность иного, болѣе тѣснаго сближенія имъ пока и не мерещится. До самаго конца сцены дѣвушка остается все такою же невозмутимою, все такою же невинною въ своемъ ласкающемъ участіи. Но въ молодомъ человѣкѣ мало-по-малу пробуждается сознаніе ея прелести, и въ рѣчахъ его все слышнѣе звучитъ тревога зарождающагося чувства любви. Для любой актрисы вѣрно провести эту сцену было бы нелегко. Ни одной черты кокетства не должно было проявляться въ ея игрѣ и все-таки обаяніе ея должно было передаваться и герою пьесы и самой публикѣ. Таня выразила эти оттѣнки съ поразительнымъ мастерствомъ оттого, быть-можетъ, что они давались ей безсознательно. И, странное дѣло, тотъ самый г. Leon Duchamp, который до сихъ поръ на репетиціяхъ держался какъ-то небрежно, почти презрительно, невольно дошелъ на этотъ разъ до искренняго увлеченія, до того вкрадчива въ своей простотѣ была молодая прелесть Тани. Увлеченіе сообщилось и публикѣ. Дважды она прерывала юную артистку неудержимыми рукопле-

сканіями. Успѣхъ былъ еще болѣе полный, чѣмъ послѣ перваго акта. Ее неистово, бѣшено вызывали и теперь не одна только г-жа Solange, но и сама бенефиціантка была внѣ себя отъ завистливой ярости.

Танѣ однако этотъ успѣхъ не вскружилъ головы. Она попрежнему скромно, все еще не довѣряя себѣ, уходила за кулисы послѣ каждаго вызова, какъ бы извиняясь предъ старшими товарками за необычайное благоволеніе къ ней публики, за то она какъ-то невольно останавливалась каждый разъ предъ кресломъ Струйскаго, и неподдѣльный искренній восторгъ, который она читала на его молодомъ красивомъ лицѣ, былъ ей, можетъ-быть, дороже всѣхъ этихъ громкихъ рукоплесканій. Она еще не сознавала этого, вся охваченная однимъ желаніемъ до конца оправдать высказанное ей лестное одобреніе. Но когда ея робкій взглядъ случайно встрѣчался съ загорѣвшимся взглядомъ Струйскаго, какое-то странное полурадостное, полуиспуганное смущеніе охватывало ее всю. А Струйскій теперь уже не робѣлъ и не скрывалъ своего увлеченія. Онъ хлопалъ и вызывалъ до того громко и настойчиво, что, едва опустился занавѣсъ и въ первомъ ряду всѣ поднялись съ мѣстъ, хмурый офицеръ, подававшій ему столько полезныхъ совѣтовъ, обратился къ нему съ насмѣшливымъ замѣчаніемъ: „Mon cher, vous vous emballez pour de bon, prenez garde.“

Струйскій покраснѣлъ еще сильнѣе, но не отвѣтилъ ничего и поспѣшилъ отыскать капельдинера, взявшагося достать для него букетъ.

— Прикажете передать? спросилъ тотъ, получивъ отъ Струйскаго визитную карточку.

— Пожалуста, пожалуста, отнесите сейчасъ, торопливо и въ то же время смущенно проговорилъ молодой человѣкъ.—И знаете что̀, нерѣшительно добавилъ онъ,—нельзя ли будетъ потомъ меня провести на сцену? Можно вѣдь, не правда ли? Вы попросите у кого слѣдуетъ.

Зеленая бумажка, врученная капельдинеру, подкрѣпила эту просьбу. Тотъ обѣщался все уладить, хоть и увѣрялъ сперва, что это никакъ нельзя, потому что строго-на-строго запрещено начальствомъ.

Струйскій принялся тревожно расхаживать по корридору, ожидая возвращенія своего посланца. Но тотъ не показывался до самаго конца антракта, и не мало пришлось молодому человѣку

выслушать насмѣшливыхъ шутокъ отъ проходившихъ мимо товарищей. Капельдинеръ наконецъ явился, но принесъ неутѣшительную вѣсть.

— Никакъ нельзя-съ, объявилъ онъ, ухмыляясь, — всячески за васъ постарался... только ужь извините, никакъ невозможно.

— Да вы карточку передали?

— Какже-съ, какже-съ...

— Приказала васъ очень благодарить, совсѣмъ ужь насмѣшливо отвѣтилъ театральный слуга.—Только принять васъ никакъ не можетъ, строго запрещено-съ.

На самомъ дѣлѣ вотъ что случилось. Получивъ букетъ, Таня какъ-то сразу отгадала, отъ кого онъ былъ присланъ, и вся зардѣлась отъ смущенія. Ея разумѣется не пощадили насмѣшками, дѣлая всевозможныя догадки, одна другой нелѣпѣе насчетъ такъ скоро явившагося у нея обожателя. А Карлъ Ивановичъ, подбѣжавъ къ дочери, принялъ очень суровый видъ и поспѣшилъ вырвать изъ рукъ Тани поднесенный ей подарокъ.

— Это что еще за глупости, воскликнулъ онъ, негодуя.—И прислалъ бы этотъ господинъ что-нибудь настоящее, а то цвѣты, пфуй! Куда это годится?!

Онъ взглянулъ на визитную карточку: Евгеній Борисовичъ Струйскій. Милліонная, 24, прочелъ онъ.

— Кто этотъ господинъ? сердито накинулся онъ на капельдинера.

— Они хотѣли сюда придти, отвѣтилъ тотъ.—Сами увидите.

— Сюда придти? совсѣмъ не надо... Ты ему скажи... Да кто онъ такой? совсѣмъ уже инымъ смягченнымъ тономъ продолжалъ Карлъ Ивановичъ. — Молодой?

Капельдинеръ пустился въ описаніе наружности Струйскаго.

— Ну, такъ и зналъ... молокососъ... Не смѣй, не смѣй его впускать... Je tiens ma fille sévèrement, объяснилъ онъ стоявшимъ вокругъ и громко хохотавшимъ актерамъ.

У Карла Ивановича были свои причины быть особенно строгимъ. Баронъ Габнеръ тоже успѣлъ принять свои мѣры и какъ человѣкъ бывалый, давно знавшій дорогу въ кулисы, легко проникъ туда и на этотъ разъ. Только онъ не счелъ нужнымъ прямо выразить Танѣ свое поклоненіе ея таланту, а сперва обратился къ ея достойному родителю. Опытъ научилъ его предпочитать этотъ болѣе медленный путь. И нѣсколько минутъ предъ тѣмъ онъ успѣлъ расположить въ свою пользу недоступнаго Карла

Ивановича, хорошо знавшаго и самого барона и крупную цифру его состоянія. Но Карлъ Ивановичъ въ то же время понималъ, что теперь никакъ нельзя представить дочери этого болѣе солиднаго поклонника и уговорилъ его повременить своимъ посѣщеніемъ. Баронъ, знавшій, что поспѣшность не ведетъ ни къ чему, на этотъ разъ благоразумно отретировался, получивъ обѣщаніе, что его допустятъ къ Танѣ въ слѣдующій антрактъ.

А молодая дѣвушка между тѣмъ поспѣшила укрыться въ уборную отъ назойливыхъ глазъ своихъ новыхъ товарокъ и, пока на ея счетъ сыпались далеко не дружелюбные, двусмысленные намеки, она на короткій мигъ отдалась чуть слышно забившемуся въ ней радостному чувству, хоть она сама хорошенько не знала, что̀ вызвало въ ней эту радость, только глаза ея, смущенные и тревожные, устремились на лежавшій возлѣ нея букетъ изъ пышныхъ бѣлыхъ розъ и, взявъ его въ обѣ руки на одно мгновеніе, Таня прильнула къ нему своимъ загорѣвшимся личикомъ...

Но вотъ раздался звонокъ. Третье дѣйствіе начиналось. Тутъ была та самая, никогда не удававшаяся ей сцена, та первая вспышка полубезсознательной страсти, возбуждавшая въ ней до сихъ поръ непреодолимую наклонность засмѣяться. Теперь было уже не то. Съ первыхъ же ея словъ электрическая струя будто пробѣжала по всему театру. Сообщилась она и актеру, игравшему съ ней. Онъ самъ почувствовалъ, что предъ нимъ уже не прежняя робѣвшая дѣвочка. Въ каждомъ движеніи, въ мимикѣ лица была какая-то затаенная тревога, былъ сдержанный трепетъ просыпавшейся любви, и невыразимое очарованіе придавала ея игрѣ та неподдѣльная нетронутая свѣжесть первой молодости, какая такъ ясно читалась въ ея обликѣ, въ самомъ звукѣ ея голоса. Полупризнаніе вырвалось у нея съ такою искреннею стыдливостью, что казалось не сцена изъ комедіи происходила предъ зрителями, а настоящая жизнь выдавала имъ одну изъ своихъ тайнъ. И когда, досказавъ послѣднее слово, Таня въ смятеніи бросилась вонъ изъ комнаты, въ ея бѣгствѣ отъ человѣка, только-что услышавшаго ея признаніе, былъ такой неподдѣльный испугъ, что вся зала дрогнула отъ восхищенія. И за кулисами ее тоже встрѣтили на этотъ разъ съ громкими похвалами. Зависть смолкала предъ ея очевиднымъ талантомъ.

— Trés bien, mon enfant, trés bien, во всеуслышаніе объявилъ

M-r Mauduit, — la voilà enfin, l'éteinceille... Où, diable, avez vous pris ce jeu, ma petite?..

Наша бенефиціантка сочла долгомъ выразить ей свое, правда нѣсколько кисловатое, одобреніе. А мелкая актерская сошка уже не смѣла надъ нею подшучивать: она чувствовала, что Таня поднималась на высоту, недосягаемую для посредственности.

Актъ кончился, вызовамъ не было конца. На ряду съ Таней вызывали разумѣется и бенефиціантку, у которой была, кстати сказать, въ самомъ концѣ дѣйствія благодарная сцена. Она выходила къ публикѣ, держа за руку молодую соперницу, чтобы блеснуть предъ всѣми благородствомъ самоотверженія. Въ глазахъ Тани все смѣшалось теперь: зала, наполненная движущимися фигурами, и всѣ эти люди, хлопавшіе стоя передъ барьеромъ оркестра. Она уже не видѣла никого изъ нихъ порознь: ей было не до нихъ. Въ ней было одно чувство, трепетное одушевленіе искусствомъ. И когда послѣднія рукоплесканія смолкли и за кулисами къ ней подошелъ отецъ, она даже не разслышала, что говорилъ онъ ей, не примѣтила высокаго, плотнаго господина, стоявшаго немного поодаль съ какимъ-то угодливо-сіяющимъ выраженіемъ на лицѣ.

— Ma chère, Baron Gabler desire te complimenter, повторилъ Карлъ Ивановичъ, придавая себѣ важный видъ.

Таня подняла равнодушный взглядъ на высокаго господина, говорившаго ей что-то на довольно-таки ломанномъ французскомъ языкѣ. Словъ его она въ точности не разобрала и въ иную минуту его самоувѣренно-неуклюжая фигура и раскраснѣвшееся лицо пробудили бы въ ней, быть-можетъ, наклонность разсмѣяться. Но теперь въ ней было столько чистой безкорыстной радости, что внѣшность барона ея не поразила нисколько. Она выслушала его любезныя увѣренія съ благодарною улыбкой, какъ лишній признакъ необыкновенной доброты всей этой публики, съ перваго же раза принявшей ее такъ хорошо. Важности его словамъ она не придавала. Должно-быть однако равнодушное вниманіе, съ которымъ они выслушивались, не особенно польстило барона.

— M-lle est bien distraite, недовольнымъ тономъ сказалъ онъ Карлу Ивановичу и, обратившись къ ней, добавилъ:—Une autrefois j'aurai l'honneur de vous présenter de nouveau mes hommages...

Это ее нѣсколько удивило. „Съ какой стати этотъ полный господинъ собирался ей повторить свои комплименты?“ Она

едва отвѣтила на его поклонъ и тутъ только ее поразило двусмысленно-насмѣшливое выраженіе на лицахъ актрисъ, стоявшихъ вблизи. И къ чему заговорили онѣ вдругъ, когда баронъ скрылся, про его милліоны и про впечатлѣніе, какое произвела на него ея красота? Какое ей было до всего этого дѣло!! Что-то недружелюбное, ядовитое ей слышалось въ этихъ рѣчахъ. Зачѣмъ хотѣли онѣ испортить ея счастливое настроеніе этими намеками? Зачѣмъ, коли уже вздумалось одному изъ этихъ господъ ей выражать эти непрошенныя похвалы, не пришелъ сюда тотъ, другой, приславшій ей цвѣты? Того бы она сумѣла поблагодарить... И въ ней почти сказалось чувство какой-то вины предъ Струйскимъ. Но и это было только мимолетная, почти неуловимая мысль. И безхитростная радость ожидавшей ее впереди артистической жизни снова овладѣла ею нераздѣльно.

Въ четвертомъ, послѣднемъ, актѣ въ ея роли уже не было особенно выдающихся мѣстъ. Рядъ сценъ, въ которыхъ у нея было лишь нѣсколько безразличныхъ фразъ, короткое, довольно шаблонное объясненіе съ полюбившимъ ее человѣкомъ и вспышка злобы къ ней со стороны женщины, его прежде обманувшей, злобы, принужденной умолкнуть предъ ея чистотой, вотъ чѣмъ ограничилось ея участіе въ этомъ актѣ. За то въ роли бенефиціантки тоже было много блестящихъ положеній, и благодаря этому на ея долю тоже достались горячія рукоплесканія. Ея ревнивое самолюбіе могло быть удовлетворено. И когда занавѣсъ опустился въ послѣдній разъ, она даже обняла молодую дѣвушку, сказавъ ей въ порывѣ великодушія:

— Ah, ma petite, vous avez bien du talent. Très joli début, ma foi, très joli.

Карлъ Ивановичъ не сказалъ дочери ни слова. Онъ повелъ ее домой съ какою-то молчаливою угодливостью на лицѣ, къ которой примѣшивалось что-то иное, загадочное, чего Таня понять не могла. Но она и не разсчитывала на особую нѣжность со стороны отца, не ощущала желанія съ нимъ подѣлиться своею радостью. Она хранила эту радость про себя какъ дорогое сокровище. Отецъ не сумѣлъ развить и пригрѣть въ ней чувство привязанности къ себѣ. И весь непочатый запасъ нѣжности въ ея молодомъ сердцѣ пока не находилъ себѣ предмета въ окружавшихъ ее людяхъ. Для одного только билось это сердце въ своемъ первомъ безсознательномъ порывѣ,—для чистаго служенія искусству.

V.

Въ слѣдующій вторникъ шло второе представленіе. Публика была иная, менѣе праздничная и шумная, но успѣхъ Таня имѣла такой же, какъ въ первый разъ. И когда ее стали вызывать, она вышла на авансцену безо всякаго смущенія: рукоплесканія сдѣлались для нея уже чѣмъ-то привычнымъ. Но взглядъ ея вдругъ нечаянно отыскалъ среди неизвѣстныхъ лицъ знакомыя черты Струйскаго, и яркая краска тотчасъ залила ея щеки. То, что̀ онъ захотѣлъ вторично увидѣть ее, вызвало въ ней радость и смятеніе. Глаза его съ такою лаской останавливались на ней, что и она сама невольно сосредоточила всю свою благодарность вызывавшей ее публикѣ какъ бы на немъ одномъ. Она готова была видѣть въ немъ почти друга и радовалась тому, что онъ повторилъ свое посѣщеніе. Но въ то же время, что̀ могла значить поспѣшность, съ которою онъ вторично захотѣлъ посмотрѣть ту же пьесу? Она догадывалась, что здѣсь онъ ради нея одной, и волна молодой крови при этой мысли горячо хлынула къ ея лицу. Былъ тутъ впрочемъ и другой посѣтитель, черты котораго она тоже успѣла запомнить: грузная фигура барона Габлера стояла во весь ростъ предъ нею и громче всѣхъ онъ вызывалъ ея имя, сопровождая каждое ея появленіе неистовыми криками „браво!“ А послѣ втораго акта капельмейстеръ торжественно вручилъ ей огромный дорогой букетъ, на которомъ ея испуганные глаза тотчасъ замѣтили золотой обручъ съ крупнымъ жемчугомъ. Этотъ цѣнный подарокъ,—карточка барона, спрятанная въ цвѣтахъ, объяснила ей, кѣмъ онъ былъ ей поднесенъ — вызвалъ въ ней какое-то омерзѣніе и заодно съ нимъ какую-то затаенную боязнь. Она покраснѣла опять, но совсѣмъ уже отъ иного чувства, чѣмъ въ первый разъ. Ей было почему-то стыдно именно предъ Струйскимъ, точно онъ имѣлъ право осудить ее за это, какъ за какую-то вину предъ нимъ. А тамъ, за кулисами, ее ждали насмѣшливыя привѣтствія, вызывавшія въ ней уже не одинъ только стыдъ, но и негодованіе. И стремительно Таня подошла къ старику Мандини, дрожащимъ голосомъ прося возвратить этотъ подарокъ, котораго она не приметъ ни за что. Но Карлъ Ивановичъ не допустилъ этого, онъ подоспѣлъ какъ-разъ во̀время, чтобы вырвать изъ рукъ дочери браслетъ.

— Это еще что такое, ты съ ума сошла, прикрикнулъ онъ на Таню;—когда тебѣ этого не надо, мнѣ оно очень пригодится.

Таня не противилась. Ей было все равно, лишь бы отдать кому-нибудь эту дорогую вещь, до которой стыдилась прикоснуться ея пальчики, лишь бы всѣ знали, что она не хочетъ такихъ подарковъ. И когда фигура барона опять показалась въ кулисахъ, Таня не стала выслушивать его льстивыхъ похвалъ и поспѣшила укрыться въ уборную; Карлъ Ивановичъ заботливо принялся успокоивать барона, извиняя „маленькую дикарку“.

— Это все глупости, это пройдетъ, говорилъ онъ,—она такъ еще молода... и все кажется ей такимъ страннымъ, такимъ непривычнымъ.

А Таня въ своей каморкѣ снова задавалась вопросомъ, зачѣмъ не тотъ, не Струйскій пришелъ сказать ей о впечатлѣніи, произведенномъ ея игрой. Его бы она, кажется, готова была выслушать... И при этой мысли яркая краска опять залила ея щеки...

Было въ этотъ вечеръ и нѣчто иное, слегка омрачившее ея успѣхъ. Старикъ Mauduit былъ что-то молчаливъ, даже угрюмъ, и на вопросъ дѣвушки: какъ онъ доволенъ ею сегодня? онъ не отвѣтилъ, только пробормоталъ себѣ что-то подъ носъ. Загадка впрочемъ разъяснилась скоро. Всегдашняя покровительница Тани, M-lle Irma, повѣдала ей послѣ окончанія пьесы, что г-жа Solange, выведенная изъ себя ея торжествомъ, подняла цѣлую бурю и потребовала, чтобы пьесу сняли съ афиши, пока она не въ состояніи будетъ играть въ ней роль временно данную Танѣ. Какъ?! За ней стало-быть не сохранятъ эту роль навсегда? И вотъ чѣмъ такъ опечаленъ добрый Mauduit. Но ее поспѣшили утѣшить. Требованія раздраженной актрисы нашли себѣ твердый отпоръ въ старомъ режиссерѣ.

— Ma chère, сказалъ онъ ей,—la role est donné à la petite, et vous pouvez en faire votre deuil...

Но г-жа Solange на этомъ не успокоилась. Раскричавшись, какъ истая прачка, она объявила напрямикъ, что не уступитъ своихъ правъ этой нищей-дѣвченкѣ, у которой вмѣсто таланта есть только смазливое личико, „cette péronnelle de rien“, какъ она выразилась, что тутъ грязная интрига, которую она хорошо понимаетъ и что, коли надо, она дойдетъ пожалуй до самого министра. Не только роль, принадлежащую ей по праву, она Танѣ не отдастъ, но дѣвченка эта совсѣмъ не должна появляться на

сценѣ, иначе она откажется играть, а безъ нея, г-жи Solange, какъ обойдется труппа?

Гроза собиралась нешуточная,—и Таня это хорошо понимала. За нее правда Mauduit, но въ состояніи ли онъ будетъ противиться, если взбѣшенная артистка исполнитъ свою угрозу. И съ трепетомъ на сердцѣ Таня ожидала третьяго представленія. Оно было назначено на четвергъ. Въ среду утромъ она побѣжала въ театръ гдѣ шла репетиція новой пьесы. Тамъ однако ничего положительнаго не знали. Носились только слухи, что г-жа Solange накануне успѣла побывать въ дирекціи и тамъ переполошила всѣхъ своими жалобами и угрозами. Танѣ было очень хорошо извѣстно, что заслуженная актриса, столько лѣтъ упорно игравшая молодыхъ дѣвушекъ, пользовалась благоволеніемъ начальства. И что жъ? Неужели, думала она, пьеса будетъ снята съ репертуара и всѣмъ ея радужнымъ мечтамъ суждено разсѣяться? Неужели улыбнувшаяся ей надежда только призракъ, обманчиво посуливший ей независимость и можетъ-быть даже славу?

Старика Mauduit она разспрашивать не стала. Онъ смотрѣлъ еще болѣе суровымъ и замкнутымъ въ себя, чѣмъ тогда вечеромъ. Она догадывалась, что̀ значила эта неприступность. Добрый старикъ прикрывался ею, чтобы не выказать предъ бѣдною дѣвушкой, что ее ждетъ неминуемое разочарованіе. Онъ не рѣшался должно-быть сказать ей горькую правду и нарочно прикидывался сердитымъ и холоднымъ.

Таня всю ночь не смыкала глазъ. Она чуяла заранѣе бѣду, а упорная надежда все-таки не переставала дразнить ее обманчивыми образами. И вотъ ея предчувствіе сбылось. Утромъ ей дали знать, что представленіе отмѣнено подъ предлогомъ болѣзни одной изъ артистокъ. Итакъ, г-жа Solange восторжествовала. Но дадутъ ли ей, по крайней мѣрѣ, новый случай испробовать свои силы или навсегда замкнется предъ нею только-что начатое поприще. Ея испуганное воображеніе разомъ обняло всю мѣру ея несчастія, подсказавъ ей, что злобная соперница не удовольствуется одною этой побѣдой. И Карлъ Ивановичъ грубо подтвердилъ ея опасенія.

— Ну, конечно, сказалъ онъ насмѣшливо, — поздравляю... помазали по губамъ, да и только... видно не бывать тебѣ актрисой.

Ей страннымъ показалось, что отецъ, хоть и разразился сердитыми ругательствами по адресу г-жи Solange и всего театраль-

наго начальства, какъ будто совсѣмъ не раздѣлялъ ея горя. Онъ. заранѣе разсчитывавшій на богатую жатву отъ успѣховъ дочери, теперь даже совсѣмъ не падалъ духомъ, какъ это прежде всегда съ нимъ случалось при малѣйшей невзгодѣ. Черезъ его раздраженіе просвѣчивала какая-то затаенная увѣренность, что такъ или иначе осуществятся его золотыя мечты. Въ его обращеніи съ Таней не произошло даже рѣзкой перемѣны: оно попрежнему оставалось какимъ-то ласково-заискивающимъ. Но не это конечно могло ее утѣшить. Черезчуръ высоко унесло ее пылкое молодое воображеніе, и теперь, когда рухнулъ ея воздушный замокъ, она не могла съ высоты идеала, носившагося передъ ней такъ недавно, опуститься въ заурядную дѣйствительность, не почувствовавъ, что крылья ея смяты и все вокругъ нея заволоклось какою-то сѣрою мглой.

И опять стало-быть ея жизнь замкнется въ эту обыденную рамку между отцомъ съ его грубою руганью и еще болѣе грубою похвальбой, и матерью, погрязшею въ мелочные, копѣечные разсчеты, не дававшіеся ей благодаря непобѣдимой наклонности къ неряшливой лѣни. И всего хуже было то, что у Тани не было даже своего уголка, гдѣ бы она могла укрыться отъ этой неприглядной семейной обстановки. Тяжело оставаться наединѣ со своимъ разочарованіемъ, но еще тяжелѣе, когда съ близкими людьми нельзя имъ подѣлиться, нельзя услышать отъ нихъ ободряющаго ласковаго слова. День тянулся мрачно и тяжело, сумрачный петербургскій день.

Но вотъ въ передней раздался звонокъ, и къ своему радостному удивленію Таня узнала голосъ старика Mauduit. Карлъ Ивановичъ бросился принимать гостя и помогъ ему скинуть шубу. Это была такая неожиданная и такая высокая честь. И какимъ добрымъ, какимъ участливымъ прозвучалъ его голосъ, когда онъ спросилъ у Карла Ивановича, дома ли его дочь. Таня встала къ нему на встрѣчу и блеснувшими глазами всмотрѣлась въ его лицо, какъ бы надѣясь прочесть на немъ утѣшительныя извѣстія, но по выраженію старика она тотчасъ поняла, что надѣяться ей не на что̀.

— Дружокъ мой, сказалъ онъ грустно, — я съ недобрыми вѣстями... Не сердитесь на меня... я постоялъ за васъ, какъ могъ; не моя вина, коли вышла неудача...

Она стояла предъ нимъ вся безпомощная и нѣмая. Она знала теперь, что все кончено, что закрылась навсегда блеснувшая ей

на мигъ свѣтлая дорога. Mauduit старался ее утѣшить, но печальной истины онъ скрасить не могъ. Таня не была принята въ труппу. Г-жѣ Solange удалось этого добиться. Таня не въ силахъ была понять, какъ всемогущее театральное начальство могло уступить завѣдомо нелѣпымъ требованіямъ актрисы. За что въ угоду причудамъ этой актрисы такъ безжалостно смяли ея только-что расцвѣтавшую жизнь, отняли у нея надежду на свѣтъ и свободу? Ея молодое сердце громко возмущалось противъ несправедливости. Она была такая слабая, такая безпомощная: она не мѣшала вѣдь никому. И зачѣмъ ей, ей, этой беззащитной дѣвушкѣ не хотѣли дать возможность заработать себѣ независимый хлѣбъ, выказать, развить свои крошечныя силы? Она бы удовольствовалась самымъ скромнымъ положеніемъ, она бы стала трудиться бодро, горячо, отъ всего сердца... За что же ее такъ грубо отталкивали, за что, за что?. Таня все это высказала старому режиссеру, и горькія, негодующія слезы показались у нея на рѣсницахъ.

Невыразимо тяжело было старику разочаровывать это молодое неопытное существо, вѣрившее до сихъ поръ въ свѣтлое будущее, порывавшееся къ простору и труду. Оставлять ей несбыточныя надежды было нельзя: это вѣдь значило бы только отрывать ее отъ всякой иной работы, не давая ничего взамѣнъ. И Mauduit сказалъ Танѣ всю безжалостную правду, хоть и стараясь эту правду смягчить добрыми, участливыми словами.

— И стало-быть никогда уже, никогда меня не пустятъ на сцену? скрестивъ руки, съ отчаяніемъ промолвила дѣвушка.

— Этого я не скажу, нерѣшительно отвѣтилъ Mauduit.—Никогда это такое слово, котораго произносить не слѣдуетъ. Времена и люди перемѣнчивы. Кто знаетъ? можетъ, въ будущемъ году... Вы еще такъ молоды, дитя мое, вамъ можно подождать. И главное, не давайте своему таланту заглохнуть, онъ пригодится когда-нибудь. Читайте побольше, разучивайте въ свободныя минуты подходящія роли и, если хотите, даже разучивайте ихъ со мною. Я буду вамъ давать уроки...

Онъ видѣлъ, что лучше было бы не оставлять ей и этой слабой надежды. Но онъ не рѣшился этого сдѣлать. Состраданіе иногда приноситъ вредъ: оно порой безжалостнѣе суровой правды. И все-таки развѣ можно отказать въ немъ, когда такъ настойчиво проситъ его молодая душа, какъ увядающій цвѣтокъ проситъ влаги въ жаркій лѣтній день.

Таня однако не поддалась искушенію повѣрить этимъ словамъ. Природа у нея была не робкая и, уступивъ первому взрыву отчаянія, она сказала себѣ твердо, что нечего тѣшиться призраками и надо поискать иной, хотя бы грубой, заурядной работы: „А читать я все-таки буду, подумала она, — въ этомъ онъ правъ, этотъ добрый старикъ, потому что въ самомъ дѣлѣ, кто знаетъ?..“ И непобѣдимая вѣра въ будущее, всегда свойственная юнымъ лѣтамъ, упорно твердила ей, что яркое солнце успѣха и счастья опять можетъ засвѣтить когда-нибудь въ ея непроглядной жизни...

VI.

Уже на слѣдующее утро бодрое сердечко Тани подсказало ей рѣшеніе. Она припомнила, что въ молодые годы мать ея долго работала у какой-то мастерицы, и какъ ни скромно было это средство завоевать себѣ независимость, она ухватилась за него тотчасъ, не колеблясь. Наканунѣ старикъ Mauduit, уходя, сунулъ ей въ руку такъ, чтобы не замѣтили этого ея родители, сорокъ рублей за два представленія, въ которыхъ она участвовала. Ей почти стыдно было получить эти деньги тайкомъ отъ отца и матери, и въ то же время она гордилась этимъ своимъ первымъ заработкомъ, первымъ шагомъ къ будущей самостоятельности. И горячее желаніе трудиться, имѣть свой независимый кусокъ хлѣба ее поддержало среди неожиданнаго крушенія ея надеждъ.

Она прямо сказала матери про свое рѣшеніе, прося ее помочь отыскать работу. Прасковья Карповна покачала головой и кисло усмѣхнулась. Она помнила, какъ плохо удалась ей трудовая жизнь и какъ скоро она сбилась тогда съ честнаго пути. А Карлъ Ивановичъ, когда онъ узналъ о намѣреніи Тани, разразился грубымъ тяжелымъ хохотомъ.

— Ну ужь нашла чтò придумать. Такъ и отпустимъ тебя... извѣстно, чтò выйдетъ...

Таню не смутило это однако нисколько. Вѣрная принятому рѣшенію, она обратилась къ своей покровительницѣ M-lle Irma. Француженка раскрыла удивленные глаза и не поскупилась на довольно-таки скоромныя насмѣшки. Какъ, она хорошенькая такая, умненькая и, главное, успѣхъ имѣла такой, а теперь собирается въ какія-то портнихи, un métier de chien, que diable! — И къ

чему это ее приведетъ: къ какому-нибудь глупѣйшему уличному роману... Всѣ онѣ вѣдь такъ кончаютъ. А если ужь идти по этой дорожкѣ... всѣ вѣдь по ней идутъ рано или поздно, развѣ она не можетъ лучше пристроиться?—Съ ея наружностью? Изъ числа ея товарокъ на сценѣ много такихъ, которыя просто ни на что̀ непохожи... de vraies guenons... А поди, въ какихъ экипажахъ разъѣзжаютъ... Надо себѣ цѣну знать, вотъ что̀!

Таня все это выслушала спокойно, хоть и сдвинулись у нея бровки отъ чувства гадливости, и продолжала настаивать на своемъ. M-lle Irma въ концѣ концовъ обѣщала-таки ее пристроить. Несмотря на ея похвальбу, знакомства у нея скорѣе насчитывались въ мірѣ содержательницъ модныхъ магазиновъ второго разряда, чѣмъ въ блестящей средѣ раззолоченнаго полусвѣта. И она сдержала слово. Для Тани отыскалось уже черезъ нѣсколько дней мѣсто у какой-то французской портнихи. И молодая дѣвушка стала аккуратно ходить на работу, довольная тѣмъ, что не должна она уже цѣлые дни выслушивать грубыя шутки отца, да видѣть неряшливую праздность матери.

Разъ, когда она возвратилась подъ вечеръ изъ своей мастерской, она дома застала нежданнаго гостя. Это былъ никто иной, какъ баронъ Габлеръ. При ея появленіи его грубая фигура тотчасъ поднялась съ мѣста, и баронъ разсыпался въ выраженіяхъ преувеличенной любезности. Карлъ Ивановичъ такъ и шнырялъ вокругъ него, льстиво ухмыляясь. Таня холодно поклонилась и хотѣла пройти въ другую комнату, но отецъ ее удержалъ.

— Куда ты? сверкнувъ глазами, повелительно сказалъ онъ.— Господинъ баронъ такъ любезенъ, что захотѣлъ посѣтить насъ... это надо умѣть цѣнить.

Таня присѣла на кончикъ стула и вся выпрямившись, неподвижная и нѣмая, безучастно, казалось, выслушивала цвѣтистыя рѣчи своего неуклюжаго поклонника. А въ душѣ у нея поднималось негодующее сознаніе обиды, и съ трудомъ она силилась удержать готовую хлынуть ей въ лицо мятежную волну крови. „Такъ вотъ оно, думалось ей,—то счастіе, которое сулила мнѣ Ирма. Стоитъ захотѣть... О, ни за что̀, никогда!“ Ей не трудно было догадаться, что̀ значило посѣщеніе богача. На этотъ счетъ кулисы вышколили ее хорошо.

— Что̀ жь ты не благодаришь господина барона за браслетъ, замѣтилъ ей Карлъ Ивановичъ.

Она посмотрѣла на отца спокойнымъ гордымъ взглядомъ и

промолчала. А Карлъ Ивановичъ сталъ угодливо извинять ее предъ гостемъ, ссылаясь на ея робость и непривычку разговаривать съ новыми знакомыми. О, какъ отвратительно было ей выслушивать эти низкія извиненія, возмущавшія ея молодую душу своимъ плохо скрытымъ цинизмомъ! Ей хотѣлось выбѣжать вонъ и наплакаться вдоволь. Но она пересилила себя и осталась все такая же безучастная на видъ, такая же холодная и молчаливая. Врядъ ли барону особенное удовольствіе доставилъ его визитъ. Всѣ его старанія вызвать наконецъ улыбку на этихъ строгихъ, твердо стиснутыхъ губкахъ оказывались тщетными. Но онъ былъ не изъ тѣхъ, которые скоро признаютъ себя побѣжденными; на то онъ слишкомъ вѣрилъ въ чудодѣйственную силу своихъ денегъ. И уходя все съ тѣмъ же противно лебезящимъ выраженіемъ на лицѣ, съ тѣми же выпученными глазами, подернутыми влагой, онъ протянулъ Танѣ свою большую мясистую руку, украшенную дорогими перстнями. Ей было невыразимо отвратительно самое прикосновеніе этой руки, но она и тутъ сдержала себя, поспѣшивъ только высвободить свои пальчики, пока баронъ продолжалъ увѣрять ее, что скоро, на дняхъ поспѣшитъ вновь ею полюбоваться.

Съ этихъ поръ тяжелая жизнь настала для бѣдной Тани. Отецъ не давалъ ей покоя своими попреками и насмѣшками. Онъ сталъ попрекать ее даже за трудовой родительскій хлѣбъ, которымъ она пользуется, не принося ничего взамѣнъ. Онъ высчитывалъ, что̀ стоило ея воспитаніе. И что̀ жь теперь? Неужто она воображаетъ, что вознаградитъ его за это своими грошевыми заработками! Нечего сказать, хорошему научится она въ магазинѣ, куда бѣгаетъ каждый день. Извѣстно, вѣдь, чѣмъ кончаютъ всѣ эти дѣвченки, которыя подъ предлогомъ работы цѣлый день только шатаются по улицамъ. А коли такъ, не лучше ли развѣ пристроить себя, благо отыскался такой прекрасный и щедрый человѣкъ, какъ этотъ баронъ? А она, вмѣсто того, чтобъ оцѣнить по достоинству высокую честь, какую онъ имъ сдѣлалъ, обошлась съ нимъ такъ высокомѣрно, почти грубо, точно она принцесса какая-нибудь, право! Но онъ этого не допуститъ: онъ сломитъ ея строптивый нравъ и заставитъ ее отвѣчать, какъ слѣдуетъ, на любезности барона. Другая на ея мѣстѣ обрадовалась бы, что встрѣтился случай обезпечить себя и отблагодарить бѣдныхъ родителей, которые трудятся всю жизнь ради куска черстваго хлѣба...

Таня была такъ возмущена этими словами, что негодованіе помогло ей осилить готовыя выступить слезы. Въ первый же разъ, когда отецъ принялся упрекать ее—это было тотчасъ послѣ ухода барона—она бросилась въ свою каморку и принесла оттуда деньги, отданныя ей старикомъ режиссеромъ.

— Возьмите, вотъ, сказала она чуть слышно, кладя деньги на столъ...—я ничего не хочу для себя... А про этого барона я и слушать не стану...

И съ этой минуты она еще болѣе прежняго замкнулась въ себя, въ надеждѣ на свои молодыя силы, на упрямую твердую вѣру въ свое будущее. Найдутся вѣдь добрые люди, думалось ей, въ которыхъ она встрѣтитъ поддержку и сочувствіе. И, вспомнивъ о предложеніи старика Mandrin, она въ свободные дни заходила къ нему, чтобъ учиться. Старикъ принималъ ее охотно, восхищаясь юною бодростью дѣвочки, и на всѣ его разспросы о ея житьѣ-бытьѣ она отвѣчала съ такимъ свѣтлымъ спокойствіемъ, что, при всей своей опытности, онъ не разгадалъ ея тягостнаго положенія. Таня ни за что не захотѣла бы пожаловаться ему на родителей. Со своею пріятельницей M-lle Irma она была откровеннѣе, но та, услыхавъ о посѣщеніи барона, совсѣмъ не отозвалась на ея негодующее чувство. У Француженки скорѣе даже зависть промелькнула въ дружескихъ совѣтахъ, которыми она не поскупилась.

— Вотъ какъ? Баронъ Габлеръ? сказала она.—Да ты бобра убила, мой дружокъ... Поздравляю... Tu as gagné le gros lot...

Таня сперва посмотрѣла на нее съ огорченнымъ недоумѣніемъ, а потомъ, когда Француженка, не смущаясь, принялась ее наставлять доводами практической мудрости, какъ-то разомъ отстранилась и отъ нея, сказавъ себѣ, что одною опорой у нея стало меньше, но что ей и не нужно чужой помощи и никогда уже, никогда она не вернется къ этой Irma...

Такъ прошло недѣли двѣ. Таня крѣпилась въ своемъ одиночествѣ, работая усердно, но не сближаясь ни съ одною изъ новыхъ подругъ, въ смутной увѣренности, что отъ нихъ она услышитъ почти то же, что̀ отъ Француженки; къ счастью, хозяйка у нея оказалась добрая. Она сумѣла оцѣнить искреннее рвеніе Тани, не бранила ее, когда работа у нея выходила не складно, даже принималась ее отстаивать, когда на дѣвушку сыпались насмѣшки за то, что она такая недотрога, такая горячка, и въ особенности за то, что она такая хорошенькая. А

самой Танѣ хозяйка надавала много добрыхъ совѣтовъ, совсѣмъ не въ духѣ M-lle Irma. И она была видимо довольна, что дѣвушка выслушиваетъ ихъ съ такою покорностью и такъ очевидно намѣрена вести себя честною, не поддаваясь соблазну. И Таня говорила себѣ, что пока у нея вѣрныя занятія у этой славной хозяйки—да уроки съ Mauduit, на которые она смотрѣла какъ на праздничное удовольствіе, ей нечего безпокоиться и тужить.

Но такъ продолжалось недолго. Въ одно воскресенье, какъ разъ когда Таня собиралась идти къ режиссеру, въ передней раздался звонокъ, и въ маленькую комнату вошелъ баронъ Габлеръ, все такой же улыбающійся и самодовольный. На этотъ разъ онъ явился не съ пустыми руками, сообразивъ вѣроятно, что любой замокъ всего лучше отпирается золотымъ ключемъ. Онъ досталъ изъ кармана маленькій футляръ, въ которомъ оказались серьги съ крупными рубинами.

— Это какъ нельзя лучше пойдетъ, сказалъ онъ, ухмыляясь,—къ такой очаровательной брюнеткѣ, какъ вы.

Но Таня не приняла подарка и, холодно извиняясь, объявила, что ей надо спѣшить на урокъ.

— Какой урокъ? Полноте, сказалъ баронъ, фамильярно удерживая ее за обѣ руки.

Она хотѣла ихъ отдернуть и теперь, уже прямо не обинуясь, высказать барону, что ей не надо его любезностей и она проситъ его не повторять своихъ посѣщеній, но Карлъ Ивановичъ повелительно вмѣшался въ дѣло и почти насильно усадилъ дочь, рѣзкимъ тономъ сказавъ, что онъ не позволитъ ей дурачиться.

— Извините ее, обратился онъ лебезящимъ голосомъ къ барону,—она еще такой ребенокъ, такая дикарка.—И онъ хотѣлъ взять изъ рукъ Габлера цѣнный подарокъ. Но баронъ, хоть его нисколько не смутило обращеніе съ нимъ Тани—и не такихъ строптивыхъ красавицъ ему доводилось укрощать—не захотѣлъ однако на сей разъ выказать глупую щедрость.

— Коли M-lle Anna, сказалъ онъ развязно, кладя футляръ обратно въ карманъ,—не желаетъ получить эту вещицу, я подожду, когда она будетъ любезнѣе.

И все тѣмъ же самодовольнымъ тономъ онъ принялся болтать всякую чепуху, то выказывая дѣвушкѣ что-то похожее на отеческую заботливость и говоря съ ней, какъ съ настоящимъ ребенкомъ, то пересыпая свою рѣчь льстивыми замѣчаніями на

счетъ ея прелестной наружности и не менѣе прелестнаго нрава. Его повидимому не смущало даже упорное молчаніе дѣвушки. Болѣе четверти часа онъ говорилъ безъ устали, поощряемый только хихиканьемъ Карла Ивановича. Такъ и не дождавшись отвѣта отъ Тани, онъ, наконецъ, поднялся съ мѣста и развязно протянулъ ей руку:

— Au revoire, ma chère la petite, сказалъ онъ, любезно расшаркиваясь,—я заверну въ другой разъ, и тогда, можетъ-быть, вамъ угодно будетъ благосклонно принять отъ меня эту маленькую вещицу...

Едва онъ вышелъ, Карлъ Ивановичъ грозно напустился на дочь, говоря ей, что ея поведеніе непозволительно, что она не понимаетъ даже, какую высокую честь ей дѣлаетъ баронъ.

— Извините меня, сдерживая свое негодованіе, холодно перебила его Таня,—но я должна спѣшить на урокъ...

— Къ этому старому дураку Mauduit? воскликнулъ Карлъ Ивановичъ.—ну, ступай, ступай и разскажи ему пожалуста, какъ ты ведешь себя съ барономъ. Посмотримъ, станетъ ли онъ тебя за это хвалить...

Таня уже не слушала. Поспѣшно накинувъ шляпу и бурнусъ, она сбѣжала съ лѣстницы и жадно вдохнула въ себя морозный воздухъ, какъ-бы надѣясь, что онъ не только освѣжитъ ея пылавшія щеки, но и сотретъ самое воспоминаніе о слышанныхъ ею позорныхъ рѣчахъ.

Mauduit тотчасъ замѣтилъ ея непривычное возбужденіе и заботливо спросилъ, что̀ случилось. Теперь только, услыхавъ его добрый участливый голосъ, она дала волю накипѣвшему у нея на душѣ негодующему болѣзненному чувству. Слезы мигомъ хлынули изъ ея глазъ, точно въ ней что-то смягчилось и растаяло отъ его ласковаго привѣта и, прерываясь на каждомъ словѣ, она сказала ему все: и про докучливое посѣщеніе барона, и про недостойныя преслѣдованія отца. Странное дѣло, пока она говорила это, лицо старика почему-то становилось все холоднѣе и строже. Голова его откинулась назадъ и онъ принялся упорно глядѣть на нее, не то съ жалостью, не то съ недовѣріемъ.

— Что̀ жь, моя милая, сказалъ онъ,—этого слѣдовало ожидать... Немудрено, что такая хорошенькая дѣвочка, какъ вы, находитъ себѣ достойную оцѣнку... А вы такъ-таки и не приняли подарка?.. Это похвально...

Слезы ея остановились разомъ. Она не знала, что̀ отвѣтить, разслышавъ въ его тонѣ плохо скрытую иронію...

— На первыхъ порахъ это всегда такъ бываетъ, продолжалъ Mauduit, какъ бы отстраняя себя отъ нея...—Покипятятся сперва, обидятся даже, а потомъ и смягчатся понемногу, благо у этого барона денегъ довольно, чтобы предложить вамъ что-нибудь поблестящѣе и посолиднѣе этихъ сережекъ...

— Какъ?! Вы можете думать? воскликнула она въ недоумѣніи и почти въ испугѣ.

— Много я видалъ на своемъ вѣку такихъ, какъ вы, которыя въ концѣ концовъ пошли по удобной и торной дорожкѣ... И что̀ жь? Я не могу ихъ упрекнуть за это... Онѣ пристроились, нашли, можетъ-быть, счастье. На счастье вѣдь указки нѣтъ: всякій его понимаетъ по-своему...

— И меня, меня вы тоже считаете за такую, упавшимъ голосомъ возразила Таня,—и это вы называете счастьемъ?

Его обидныя слова болѣзненнѣе отозвались въ ея сердцѣ, чѣмъ всѣ упреки, всѣ совѣты отца.

— Я? Нѣтъ, конечно, не называю... По моему первая молодая любовь, это такое сокровище, которое отдать можно только взамѣнъ за такую же, то-есть за настоящую, за непокупную любовь. Съ вами я про это не говорилъ еще никогда, я васъ считалъ почти ребенкомъ, но коли жизнь ужь къ вамъ постучалась въ дверь, могу вамъ сказать только одно: вамъ самой выбирать надо. Коли прельщаютъ васъ туалеты, брилліанты, экипажи, послушайтесь вашего батюшки. А коли дороже всего этого для васъ то другое опьяняющее счастье, когда отдаешся и тѣломъ и душой любимому человѣку, счастье, помимо котораго ни про что̀ и знать не хочешь, такъ подождите еще, поберегите себя. Такой человѣкъ найдется... Вы слишкомъ хороши, чтобы любовь, понимаете ли, истинная любовь долго заставила себя ждать.

— Да я не хочу ни того, ни другаго... слышите ли, не хочу... Я честная, и такою останусь!

— Ну, мой дружокъ, это конечно очень хорошо. Только говорите вы такъ потому, что никого не успѣли полюбить. Одна честность, это очень благородно, конечно, но и холодно немножко.

Таня была такъ поражена. Такою неожиданностью были для

нея эти слова человѣка, котораго она привыкла уважать и любить, что негодующій отвѣтъ такъ и останавливался на ея устахъ. За урокъ она, разумѣется, не принялась—не до урока ей было теперь—и съ лишнимъ разочарованіемъ, съ лишнею обидой на сердцѣ отъ старика режиссера еще болѣе прежняго пустою и безотрадною ей показалась жизнь. А на улицѣ, по которой она шла, сама хорошенько не зная куда и зачѣмъ спѣшитъ, вечерняя мгла уже спустилась съ потемнѣвшаго неба и тускло горѣли фонари, окутанные холоднымъ туманомъ, такими же холодными и тусклыми, какъ тотъ, который сжималъ въ своихъ тяжелыхъ объятіяхъ заныввшее сердце бѣдной дѣвушки.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. Орловскій.

ПО БѢЛУ СВѢТУ.

Путевыя замѣтки.

15 марта. Сингапуръ съ моря имѣетъ видъ красиваго и величественнаго города. Цѣлый лѣсъ мачтъ, разноцвѣтныхъ парусовъ пестрѣютъ на горизонтѣ. Корабли всѣхъ націй оживляютъ рейдъ. По переписи 1883 года на островѣ Сингапурѣ 145.000 жителей, число которыхъ увеличилось съ того времени. Китайцевъ 90.000, Малайцевъ 227, Европейцевъ только 2.765 и въ числѣ оныхъ много Нѣмцевъ. Въ самомъ городѣ Сингапурѣ жителей 95.000. Въ Сингапурѣ хорошій докъ, верфи, и портъ имѣетъ громадное значеніе какъ угольная станція и какъ складочный пунктъ для торговли съ крайнимъ Востокомъ. Торговые обороты Сингапура доходятъ до 140.000.000 долларовъ. Ограничимся этими фактами и взглянемъ, что̀ дѣлается на нашемъ пароходѣ, который уже оставилъ Сингапуръ и проходитъ мимо красивыхъ, зеленыхъ острововъ. Пароходъ старый и давно годится на сломъ, но онъ все-таки лучше англійскаго *Nowshera*. По крайней мѣрѣ, я избавился отъ густыхъ суповъ, отъ наперцованной тюри, отъ крысъ, стоножекъ и другихъ пріятныхъ насѣкомыхъ. На *Годавери* кормятъ хорошо, Китайцы подъ присмотромъ Француза-буфетчика служатъ очень исправно, а что̀ касается морскихъ качествъ нашего парохода, то объ этомъ скажетъ будущее. Море въ этихъ широтахъ обыкновенно спокойное, гладкое какъ зеркало, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасное, такъ какъ здѣсь много коралловыхъ острововъ, которые незамѣтно выростаютъ изъ морской пучины и на которые можно наткнуться каждую минуту.

Въ двѣнадцать часовъ мы на просторѣ. Свѣжій вѣтерокъ. Небо облачно, 30° въ тѣни, а ночью 28° Р.

Къ ночи все затихаетъ на пароходѣ, каютъ-компанія погрузилась во мракъ. Но какъ-то не хочется идти въ душную каюту. Прохлада, конечно, относительная, манитъ всѣхъ на верхъ. На палубѣ скользятъ какія-то тѣни. Голландцы въ легчайшихъ шелковыхъ пиджакахъ (кофточка и шаровары) тихо бесѣдуютъ и наслаждаются тихимъ плескомъ волны и лучезарнымъ, фосфористымъ блескомъ моря. Ярко горятъ звѣзды, и на равномъ разстояніи отъ горизонта, но только на разныхъ полушаріяхъ, красуются Южный Крестъ и наша родная Большая Медвѣдица. При переходѣ черезъ экваторъ здѣсь не окачиваютъ водой новичка, не появляется Нептунъ, нѣтъ тѣхъ церемоній, которыя продѣлываются на нашихъ военныхъ судахъ. Да и гдѣ флегматичнымъ Голландцамъ затѣвать такую возню. Разговоры ведутся подъ сурдинку, точно всѣ находятся подъ обаяніемъ чудной ночи и не хотятъ нарушить торжественный покой природы. Одинъ голландскій плантаторъ разсказываетъ своему сосѣду о китайскихъ куліяхъ (рабочихъ) на Суматрѣ. Получаютъ они ½ флорина въ день. Это очень безпокойный и ненадежный народъ. На табачныхъ плантаціяхъ они часто бунтуютъ. Еще недавно убили контролера, и убійца Китаецъ самъ явился въ полицію. Его, конечно, повѣсили. Главное зло у Китайцевъ — тайныя общества, часто враждующія между собою. Европейцы должны принимать мѣры предосторожности и имѣть при себѣ оружіе.

— Это не Индія, сознался другой, — гдѣ можно спать съ открытыми окнами и дверями.

— Голландское правительство, жаловался другой, — мало поддерживаетъ колонистовъ. Дороги приходится имъ дѣлать на свой счетъ, а доходы съ Явы теперь идутъ на эту разорительную войну съ Ачинцами. Да и сами плантаторы не вѣрятъ своему правительству и капиталы держатъ въ Пенангѣ. Еще хорошо, что колоніальное правительство не позволяетъ Китайцамъ покупать земли на Суматрѣ, а то этотъ островъ обратится въ такую же китайскую колонію, какъ Пенангъ и Сингапуръ. При этомъ Китайцы большіе трусы, одинъ Сикхъ можетъ разогнать сотню Китайцевъ.

Французъ, бывшій на пароходѣ, жаловался на застой. Сахаръ не покупается. Послѣ катастрофы въ Кракатао, когда цѣлый островъ провалился въ море, послѣ этого небывалаго землетря-

сенія и изверженія вулкана, всѣ такъ перепугались, что ликвидируютъ дѣла.

Серьезный читатель, вѣроятно, будетъ недоволенъ мною. И охота ему, скажетъ онъ, приводить эти отрывочные разговоры? Къ чему это нужно? люди собрались покурить, переливаютъ передъ сномъ изъ пятаго въ десятое, говорятъ о политикѣ...

Такому читателю подай факты, статистику страны. Я, пожалуй, согласенъ.

Изъ сочиненія фанъ-денъ-Берга (The Financial and economical progress and condition of Nethеslands Indin) мы видимъ, что въ Явѣ 2.411 кв. м. и двадцать милліоновъ жителей, въ другихъ островахъ 27.821 кв. м. и 6 милл. жителей. Доходу Ява приносила въ 1886 году 87 милл. флориновъ, а другіе только 17. Вывозъ изъ Явы равняется 150 милл. фл., съ другихъ островъ 40. Ввозъ 122 и 40 милліоновъ.

Доходы страны были самые большіе въ 1877 году (154 милл.). Съ тѣхъ поръ они упали, и правительство не выходитъ изъ дефицитовъ. Паденіе доходовъ можно приписать плохимъ цѣнамъ на кофе, продажа котораго составляетъ государственную монополію. Ачинская война поглотила тоже не мало денегъ (243 милл. за 12 лѣтъ).

Надо сказать, что колоніальное правительство управляло колоніей, какъ управляютъ своею вотчиной. Ставъ на мѣсто прежнихъ феодальныхъ владѣльцевъ, правительство сохранило въ свою пользу барщину и монополизировало въ своихъ рукахъ всѣ производства (индиго, чай, табакъ, кошениль, перецъ, хину, кофе, сахаръ, соль и т. д.) и себѣ же предоставило исключительную продажу этихъ продуктовъ. Ява въ прежнее время походила на громадную ферму въ рукахъ правительства. Частной иниціативѣ тутъ не было мѣста, и въ странѣ не было колонистовъ, а только служащіе или откупщики.

Въ настоящее время эта система потерпѣла нѣкоторыя измѣненія. Многія монополіи уже отмѣнены, другія, какъ сахаръ, доживаютъ свой вѣкъ. Эта система сохранилась еще для кофейныхъ плантацій, которыя устраиваются принудительнымъ способомъ посредствомъ барщины. Для кофейныхъ плантацій выбираютъ возвышенное мѣсто (отъ 1.000 до 4.000 ф.). Каждое туземное семейство должно посадить извѣстное количество растеній и держать въ исправности питомникъ. За исправнымъ исполненіемъ этой натуральной повинности, за хорошимъ уходомъ

и за сборомъ наблюдаютъ чиновники. Весь урожай поступаетъ въ руки правительства, которое выдаетъ туземцамъ-плантаторамъ по 14 флориновъ за пикуль (125 амст. фунтовъ, или 61, 76 килограммъ).

Въ прежнее время эта система была очень выгодна, но съ тѣхъ поръ, какъ Бразилія завела у себя кофейныя плантаціи, барыши правительства уменьшились. Съ другой стороны появилась болѣзнь кофейнаго растенія, заставившая цейлонскихъ плантаторовъ уничтожить кофейныя плантаціи и замѣнить ихъ чаемъ. Что касается сахарной монополіи, то она почти оставлена, и самая культура сахарнаго тростника потерпѣла много отъ конкурренціи свекловичнаго сахара. До 1881 года за пикуль давали 15 флориновъ, а въ 1884 году цѣна упала до 6 флориновъ. Сахарный кризисъ кончился крахомъ и банкротствомъ многихъ фирмъ. Табакъ оказался очень выгоднымъ предпріятіемъ въ Суматрѣ (въ восточной части острова, въ Дели), но воинственные Ачинцы не даютъ Европейцамъ развить свое дѣло.

Страна, кромѣ того, богата рисомъ, съ котораго туземцы даютъ пятую часть урожая, хиной, индиго, перцемъ, какао, ванилью, корицей, гуттаперчей, мускатнымъ орѣхомъ, кокосовыми пальмами, хлопчатникомъ. Изъ минеральныхъ богатствъ надо отмѣтить олово, каменный уголь, нефть на Явѣ, алмазы на Борнео, и золото въ Суматрѣ.

Очень оригинальный промыселъ составляетъ добываніе ласточкиныхъ гнѣздъ въ Шерибонѣ. Эти гнѣзда достаются иногда съ большою опасностью для жизни на прибрежныхъ скалахъ. Цѣнятся они очень дорого: Китайцы даютъ иногда за пикуль до тысячи долларовъ. Промышленники потому стараются добыть ихъ какъ можно больше и для этого прибѣгаютъ, какъ мнѣ разсказывали знающіе люди, къ слѣдующей уловкѣ.

Не успѣла птица сдѣлать гнѣздо, какъ его уже срываютъ со скалы. Птица дѣлаетъ на томъ же мѣстѣ новое, его опять срываютъ, и такъ до трехъ разъ. Въ послѣднихъ гнѣздахъ видны слѣды крови, и они уже не цѣнятся такъ дорого. Въ своемъ первобытномъ видѣ ласточкино гнѣздо похоже на бѣлую слегка прозрачную яйцевидную раковину.

Довольно странно, что при такихъ ресурсахъ страна переживаетъ тяжелый кризисъ. Рабочій трудъ при этомъ очень дешевъ. Кули получаютъ отъ двадцати до пятидесяти копѣекъ въ

день. Мастеровые получають дороже: до двухъ флориновъ съ половиной въ день.

18 марта мы подошли къ Батавіи. Пароходъ останавливается очень далеко отъ берега, и пассажировъ беретъ маленькій паровой катеръ. Батавскій рейдъ нельзя назвать оживленнымъ. Кораблей очень мало въ сравненіи съ Сингапуромъ, гдѣ тысячи и тысячи мачтъ бѣлѣютъ на воздухѣ. Въ таможнѣ очень любезно пропустили багажъ, и въ одинъ мигъ на него набросилась цѣлая орда людей шоколатнаго цвѣта. Голые по поясъ, они щеголяютъ красными поясами и зелеными тюрбанами. Мы проѣзжали на маленькихъ лошадкахъ сначала нижній городъ, заселенный туземцами. Экипажи здѣсь такія же двухколески, какъ и въ Индіи. Туземцы съ золоченою кострюлей на головѣ не поражаютъ красотой. Большею частью у нихъ лица плоскія и сплюснутый носъ, и по типу они очень похожи на Японцевъ. Въ глаза бросаются коробейники, которые на коромыслѣ носятъ свой скарбъ. Множество женщинъ, дѣтей полощатся въ каналахъ, которые прорѣзываютъ городъ во всѣхъ направленіяхъ. Такая нагота женщинъ какъ-то не мирится со строгими требованіями мусульманской религіи, но виной такого отступленія, вѣроятно, жаркій климатъ. Каналы эти очень грязны и служатъ разсадниками всякихъ болѣзней. Говорятъ, что въ нихъ водятся кайманы, предпочитающіе, впрочемъ, бѣлое мясо шоколатному. За что купилъ, за то и продаю. Европейцы бываютъ въ этомъ кварталѣ только по дѣламъ. Тутъ сосредоточены банки, конторы и вся торговая дѣятельность города.

Еще подъемъ, и картина измѣняется. Кокосовыя пальмы, вѣерообразныя деревья „путника", гигантскіе кактусы, громадные банановые листья, деревья съ пунцовыми цвѣтами, баніаны съ тысячами вѣтвей, спустившихся къ землѣ, какъ будто заслоняютъ отъ васъ солнце. Это какой-то очарованный садъ. Ошибаетесь — это все тотъ же городъ, но городъ, обитаемый Европейцами. Да гдѣ же тутъ живутъ, вѣдь это сплошной паркъ. Вотъ тутъ за этими деревьями мраморные дворцы въ одинъ этажъ съ широкими верандами, съ маленькимъ дворикомъ на греческій манеръ, съ фонтанами съ многочисленною прислугой, безшумно скользящею по мраморному полу и исполняющею всѣ прихоти своихъ господъ. Если вѣрить старожиламъ, то жизнь здѣшнихъ баръ очень похожа на то, какъ жили у насъ при крѣпостномъ правѣ. При одѣваніи и раздѣваніи присутствуетъ

прислуга обыкновенно женская, и мингерру одна надѣваетъ одинъ чулокъ, другая другой. Когда господинъ выходитъ, то слуга несетъ надъ нимъ зонтикъ. Выходъ ограничивается только нѣсколькими шагами отъ дома до кареты, которая довозитъ его до конторы или присутственнаго мѣста. Отъ двѣнадцати мингерръ почиваетъ до трехъ часовъ или позднѣе, и прежде чѣмъ господинъ погрузится въ глубокій сонъ, его массируютъ рабыни. Массажъ этотъ очень разнообразенъ. Разновидности его слѣдующія: *пиджитъ* состоитъ въ растираніи всего тѣла, не исключая и головы, *кисокъ*—въ растираніи теплыми, согрѣтыми полотенцами, *томбокъ* — легкіе удары кулакомъ, *тжобитъ* — легкое щипаніе ногтемъ большаго пальца, и *рамасъ*—такая манипуляція, которая похожа на то, какъ мѣсятъ тѣсто. Вечеромъ, или вѣрнѣе ночью, его опять ожидаетъ прислуга, чтобъ уложить въ постель. Служанка должна выгнать комаровъ изъ-подъ полога и настроить своего господина на пріятный ладъ.

Вотъ какъ живутъ за этою оградой! Днемъ улицы или, вѣрнѣе сказать, бульвары совсѣмъ пусты; только изрѣдка увидишь туземца въ золоченой шляпѣ на подобіе гриба; красный, бѣлый или розовый цвѣтъ туземцевъ выпукло выдѣляется на яркой зелени. Умора́тельное зрѣлище представляютъ солдаты, одѣтые въ черное сукно и желтыя панталоны. Иногда увидишь женщинъ съ распущенными волосами. Туземный костюмъ состоитъ изъ саронга, то-есть куска матеріи, обмотаннаго вокругъ бедеръ, и изъ кабаіо, или кофточки. Китайцы тоже ходятъ въ такой кофточкѣ и вмѣсто саронга носятъ широкія шаровары. Всѣ туземцы, къ сожалѣнію, жуютъ бетель, и ихъ окровавленный ротъ съ черными зубами производитъ непріятное впечатлѣніе.

Наконецъ мы добрались до гостиницы. Въ комнатахъ царитъ полумракъ и температура свѣжѣе, чѣмъ на воздухѣ. Всѣ комнаты выходятъ на широкую веранду или балконъ.

Въ десять часовъ позвонили къ завтраку. Въ столовой цѣлый полкъ прислуги, но, къ сожалѣнію, ни одного человѣка, говорящаго на европейскомъ языкѣ. Голландцы держатся такой системы, что съ туземцами надо говорить на туземномъ языкѣ, и если туземецъ заговоритъ по-голландски, то его слѣдуетъ наказать за такую дерзость. Онъ человѣкъ низшей расы и не смѣетъ говорить на языкѣ господъ. Школъ въ странѣ довольно много, но преподаваніе происходитъ на малайскомъ языкѣ. Учить туземцевъ по-голландски неудобно еще потому, что тогда всѣ

разговоры за столомъ, между собою, будутъ извѣстны прислугѣ. Я вспомнилъ наше родное:—„не парле па деванъ ле жансъ“.

Все это, можетъ-быть, очень хорошо для престижа Голландцевъ, но очень неудобно для заѣзжаго человѣка. Нельзя же знать всѣ языки въ мірѣ! Мѣстные жители утѣшаютъ васъ тѣмъ, что малайскій языкъ очень легокъ.

Я пришелъ въ столовую, когда тамъ было еще немного народу. Столъ былъ весь уставленъ маленькими тарелочками, на которыхъ были рыбы во всѣхъ видахъ и всякихъ наименованій, говядина, дичь, яичница, живность, пикули, соленья и большое блюдо съ рисомъ. Думая, что это нѣчто въ родѣ нашей закуски, я началъ пробовать то то, то другое, и сейчасъ же замѣтилъ, что попался впросакъ. Чѣмъ же я погрѣшилъ противъ этикета? Посмотрѣлъ на своего сосѣда и увидѣлъ, что онъ ото всего набираетъ на свою тарелку, прибавляетъ къ этому изрядное количество риса, обливаетъ все кёрри и, замѣшавъ все вмѣстѣ, этотъ странный винегретъ ѣстъ ложкой. Это, видите ли, у нихъ называется рисовою закуской. — По правдѣ сказать, эта смѣсь очень вкусная и очень питательная.

Начали подавать другія кушанья. Въ это время въ комнату вошла молодая красивая блондинка. Она была въ туземномъ костюмѣ, то-есть въ саронгѣ и кобаіо, да еще въ туфляхъ на босу ногу. Я не зналъ, что̀ и думать при видѣ такого легкаго костюма. Но вотъ вошла другая, третья, и въ томъ же нарядѣ. Оказывается, что всѣ здѣшнія дамы ходятъ въ такомъ легкомъ дезабилье до самаго вечера и въ такомъ костюмѣ принимаютъ даже визиты. Только барышнямъ обязателенъ европейскій нарядъ. Къ обѣду дамы являются въ бальномъ туалетѣ, въ корсетѣ, декольте и въ бриллiантахъ. Впрочемъ, это обязательно для парадныхъ обѣдовъ; интимныхъ друзей и къ обѣду принимаютъ въ саронгѣ и кобаіо. Привыкнувъ къ легкому и удобному костюму, дамы, конечно, тяготятся корсетомъ и всѣми аттрибутами европейскаго наряда. Просто жалко на нихъ смотрѣть, когда вмѣсто легкой кисейной кофточки онѣ надѣнутъ корсетъ. Съ какою радостью онѣ сбрасываютъ съ себя эту обузу!

У меня была сосѣдка; на обѣдъ она являлась въ полномъ парадѣ, но какъ только кончался обѣдъ, она спѣшила въ свою комнату и въ одно мановеніе ока уже облачалась въ саронгъ и кобаіо, и въ бабушахъ на босу ногу приходила на веранду, и усаживалась за книгу. Нашъ капитанъ какъ только приходилъ

въ Батавію, сдавалъ командованіе старшему офицеру и уѣзжалъ въ Бандонгъ, гдѣ цѣлый день ходилъ въ пижамахъ. Простота нравовъ изумительная... Говорятъ, что въ Вестъ-Индіи существуютъ такіе же порядки. Разсказываютъ, что одинъ Англичанинъ отпустилъ свою жену къ роднымъ въ Вестъ-Индію и затѣмъ пріѣхалъ за нею. Приходитъ и застаетъ у нее большое общество и — верхъ неприличія — жена его въ бабушахъ на босу ногу.

— Гдѣ твои чулки? спросилъ остолбенѣвшій отъ удивленія чопорный Англичанинъ.

Но я забылъ сказать еще объ одной особенности. Въ Батавіи при страшной жарѣ не увидишь нигдѣ панки, столь обыкновенной въ Индіи. Голландцы, видите ли, боятся сквозняка и говорятъ, что панка вредна для здоровья.

Послѣ рисовой закуски, Голландцы, какъ я сказалъ раньше, отдыхаютъ. Если вы вздумаете дѣлать визиты въ это время, то застанете вездѣ сонное царство. Даже слуга Малаецъ и тотъ предается сладкимъ сновидѣніямъ. Надо и ему отдохнуть. Жизнь здѣсь начинается еще до разсвѣта. Всѣ спѣшатъ въ ванну, и по верандѣ раздается безпрестанное шлепанье бабушъ.

Хотѣлось и мнѣ отдохнуть, но это не удалось, потому что меня осаждали все время торговцы-Китайцы. Нѣкоторые приносили диковинные фрукты и, между прочимъ, мангустаны. Это, по моему мнѣнію, царь фруктовъ. Разрѣзавъ темно-красную твердую оболочку, вы найдете въ серединѣ бѣлую сердцевину съ нѣсколькими отдѣленіями и съ крупнымъ зерномъ въ каждомъ изъ нихъ. Такъ же вкусно и прохладительно, какъ и мороженое. Предлагали и манго, желтый фруктъ, похожій на большой огурецъ. Когда онъ не первой свѣжести, то пахнетъ скипидаромъ. Китайцы вообще очень оборотливый народъ и приносятъ въ домъ все, что нужно для хозяйства, наряды и платья, вещи, бумагу, предметы роскоши. Одна дама говорила мнѣ, что это избавляетъ хозяйку отъ скучнаго хожденія по лавкамъ и магазинамъ. А главное, у Китайцевъ все дешевле, чѣмъ въ магазинѣ. Если вы знаете цѣну и умѣете торговаться, то покупайте у Китайца, который довольствуется очень маленькимъ барышомъ, лишь бы нѣсколько разъ обернуть капиталъ. Приносили мнѣ прекрасныя шляпы изъ бамбука. Бамбуки и кокосовыя пальмы истинные благодѣтели человѣчества. Изъ кокосовой пальмы можно приготовить все, что нужно для мѣстныхъ судовъ. Изъ ствола дѣлаютъ

корпусъ судна, изъ волокна орѣховъ веревки и снасти, а изъ скорлупы всю домашнюю посуду простолюдина. Чего только не дѣлаютъ изъ бамбука. И дома строятъ, и крыши кроютъ, и мебель дѣлаютъ и въ пищу употребляютъ (въ пищу употребляютъ бамбуковые ростки). О кокосовомъ молокѣ и маслѣ вы уже слышали.

Предлагали мнѣ и знаменитые *крисы*—большіе кривые кинжалы туземцевъ, тупые и точно изрытые оспой. Пораненіе этимъ оружіемъ, говорятъ старожилы, довольно опасно, потому что въ каждой рытвинкѣ имѣется смертельный ядъ.

Въ шесть часовъ берутъ опять ванну и мужчины одѣваются для прогулки въ экипажѣ. Ходить пѣшкомъ здѣсь не принято. Сливки общества собираются на музыку, и въ Кенигспленѣ, Ватерло-плэнѣ—обиліе нарядныхъ экипажей. Мужчины всѣ безъ шляпъ.

Обѣдалъ я у одного мѣстнаго богача. Домъ красивый, помѣстительный, похожій на феодальный замокъ съ башнями, бойницами. Мужчины были во фракахъ, дамы въ бальномъ туалетѣ. Сервировка роскошная, обиліе цвѣтовъ, тонкаго хрусталя, фарфора и серебра. Обѣдъ слишкомъ даже сытный; въ серединѣ обѣда подаютъ что-то сладкое, а потомъ опять жаркое. Разговоръ какъ-то не клеился, пока я не заговорилъ о туземцахъ. Тутъ мнѣ опять повторили, что туземцы не должны говорить по-голландски. Это нужно для престижа. Если Малаецъ выучится по-голландски, одѣнетъ сапоги, онъ почувствуетъ себя такимъ же человѣкомъ, какъ и его господинъ.—Это наши рабы (nos esclaves), пояснила очень полная дама, которая задыхалась въ корсетѣ.

— Не рабы, поправилъ ее мужъ,—а люди низшей расы, которыхъ слѣдуетъ держать на почтительной дистанціи.

— Да что говорить, сказалъ одинъ изъ гостей,—въ городахъ престижъ исчезаетъ! Надо поѣхать въ глубь страны, чтобы видѣть какой ореолъ окружаетъ бѣлаго; туземецъ при видѣ Европейца присѣдаетъ на корточки и отворачиваетъ отъ него свое лицо, показывая, что онъ, недостойный рабъ, не можетъ смотрѣть въ лицо на такую важную персону. А въ Батавіи, гдѣ туземцы видятъ европейскую голь и зачастую пьяныхъ матросовъ, почтеніе къ Европейцу исчезнетъ. Исчезнетъ престижъ, исчезнетъ и наша власть. Вѣдь власть наша держится на ниточкѣ. Подумайте, двадцать милліоновъ и горсть Европейцевъ!

Система во всякомъ случаѣ очень мудрая. Нигдѣ бѣлый человѣкъ не приходитъ въ соприкосновеніе съ массами. Народъ, какъ онъ управлялся раньше, такъ управляется и теперь своими султанами, императорами, королями, принцами, но только къ каждому туземному властителю приставленъ дядька или резидентъ. Въ рукахъ Голландцевъ вся земля, которая считается государственною собственностью. Исключеніе составляетъ Батавія, гдѣ земля принадлежитъ частнымъ лицамъ. Въ провинціи Преангеръ Европейцы получаютъ землю въ аренду на 67 лѣтъ. Кромѣ земли, въ рукахъ Голландцевъ еще всѣ доходы страны, и туземные государи получаютъ пенсію отъ Голландскаго правительства. Туземные султаны имѣютъ свой дворъ, почетный караулъ, однимъ словомъ, всю декорацію власти. Если онъ начнетъ перечить Голландцамъ, то ему скоро найдутъ преемника въ его собственной семьѣ, и потому эти азіятскіе деспоты послушно исполняютъ приказанія резидента. Да и туземцы, управляемые своими государями и находящіе иногда защиту своихъ интересовъ у резидента, свыкаются съ этимъ режимомъ. Народъ кроткій, добрый, мягкій какъ воскъ и довольствуется малымъ. Въ настоящее время 15 или 20 центовъ достаточно для прокормленія цѣлой семьи. Потребности небольшія. Рисъ стоитъ недорого, одежда почти ничего.

— Вотъ мой садовникъ, пояснилъ хозяинъ,—получаетъ 6 флориновъ въ мѣсяцъ на собственныхъ харчахъ и кормитъ семью въ 8 человѣкъ, да позволяетъ себѣ еще роскошь и покупаетъ дѣтямъ летучихъ змѣй или лакомства. У туземца много хорошихъ качествъ, и первое изъ нихъ—трезвость. Получая немного, онъ не бѣдствуетъ,—здѣсь нѣтъ нищихъ, какъ это видно въ Индіи на каждомъ шагу. Нѣтъ, жаловаться на народъ нельзя. Это настоящія дѣти. Иногда и они бунтуютъ. Вотъ на плантаціяхъ вашего соотечественника Краузе взбунтовались туземцы. Онъ впрочемъ молодецъ, энергичный, справился съ толпой въ тысячу человѣкъ.

— А что это разсказываютъ про ихъ мстительность, замѣтилъ я,—когда они съ крикомъ бѣгаютъ по улицамъ и убиваютъ всякаго встрѣчнаго?

— Это случается очень рѣдко, отвѣтилъ хозяинъ,—причина всегда есть и всегда очень серьезная.

Обѣдъ кончился, и мужчины пошли въ кабинетъ покурить.

— Все хорошо, замѣтилъ одинъ старый морякъ,—но нехорошо,

что Голландцы, какъ болѣе сердечный народъ, не умѣютъ удержаться на высотѣ, какъ это дѣлаютъ Англичане въ Индіи. У каждаго Голландца есть малайская подруга, есть и дѣти. Когда они подрастутъ, то ихъ принимаютъ въ обществѣ. По этой причинѣ общественный уровень постепенно понижается, да и что̀ хорошаго можно почерпнуть въ постоянномъ общеніи съ людьми необразованными?

Начались разговоры довольно игриваго свойства, и, между прочимъ, кто-то разсказалъ о томъ, что малайскія женщины очень ревнивы. Если Европеецъ разстается съ нею и ѣдетъ въ Европу, то она будто бы отравляетъ его какимъ-то медленнымъ ядомъ. Если онъ вернется къ ней, то у ней есть противоядіе. Говорятъ даже, что сынъ бывшаго губернатора былъ отравленъ.

— А какъ вы думаете, спросилъ я,—понимаетъ ли прислуга то, что̀ вы говорите? Вы, положимъ, не учите ихъ по-голландски, но вѣдь они, постоянно бывая съ вами, могутъ выучиться языку.

Вопросъ мой поразилъ всѣхъ, и мнѣнія раздѣлились, но тѣмъ не менѣе всѣ разговоры на эту тему прекратились. Туземцы же въ высокихъ цвѣтныхъ тюрбанахъ услуживали намъ, безшумно двигаясь по комнатѣ съ невозмутимыми и спокойными лицами.

Да, нужно было много умѣнья, чтобъ удержать за собою такой громадный и богатый край! Было одно время, когда Голландцы учили туземцевъ, что Голландія первая страна въ мірѣ. Консулы другихъ державъ долгое время не могли имѣть флаговъ на своей мачтѣ. До настоящаго времени, чтобы поѣхать за черту Батавіи, надо взять у губернатора *permis de séjour*. Турецкій консулъ и теперь не можетъ поѣхать дальше Бютензорга. Голландцы опасаются происковъ мусульманскаго духовенства, имѣющаго большое вліяніе на народныя массы. Каждый Яванецъ мечтаетъ о паломничествѣ въ Мекку, и хаджи (паломникъ) пользуются большимъ значеніемъ среди народа. Было, однако, время, когда Яванцы были страстными приверженцами браминской религіи, пришедшей къ нимъ изъ Индіи, и съ мечомъ въ рукахъ отстаивали ее отъ напора мусульманства. Многія горныя племена не хотѣли принять мусульманства и, понуждаемыя къ этому огнемъ и мечомъ, побросали свои жилища и ушли еще дальше въ горы.

Резиденція генералъ-губернатора въ Бютензоргѣ (беззаботное) находится въ болѣе возвышенной мѣстности. Тамъ живутъ счастливцы судьбы, люди, которые могутъ подышать болѣе чистымъ и свѣжимъ воздухомъ. Туда я отправился рано утромъ по

желѣзной дорогѣ съ однимъ Французомъ, инспекторомъ пароходной компаніи „Messageries Maritimes“. Страна неописанной красоты, тропическіе лѣса изъ кокосовыхъ пальмъ, бамбуковъ необычайной величины, банановиковъ перемежаются съ рисовыми полями! Попадаются изрѣдка деревушки, но онѣ тщательно спрятались за высокою оградой изъ кактусовъ и фруктовыхъ деревьевъ. Каждая деревушка образуетъ изъ себя естественную крѣпостцу. Если судить по тому, что̀ видишь, то кажется, что Ява очень мало населена.

Бютензоргъ нельзя назвать городомъ. Это сплошной паркъ съ разбросанными въ разныхъ мѣстахъ дачами. Губернаторскій дворецъ среди парка поражаетъ своею царственною пышностью и великолѣпіемъ. Генералъ-губернаторъ получаетъ громадное содержаніе, которое даетъ ему возможность принимать высокихъ гостей съ большою роскошью и устраивать для нихъ охоты на крокодиловъ и носороговъ.

Если вы пріѣхали на короткое время, то сейчасъ идите въ ботаническій садъ. Тамъ и незнакомый съ ботаникой кое-чему выучится, такъ наглядно и умѣло сгруппированы растенія по родамъ, видамъ и семействамъ. Но и для фланера есть что̀ посмотрѣть: тутъ есть горы, рѣка и красивыя кущи деревьевъ. Мнѣ понравился особенно видъ съ одной бесѣдки. Холмы, горы и долины одинаково очаровываютъ взоръ. Рисовыя поля съ яркою и свѣтлою зеленью, темно-зеленыя ограды деревушекъ, рѣки и искусственныя запруды, плодородныя долины, оживленныя народомъ, придаютъ какую-то особую прелесть пейзажу. Куда ни взглянешь, вездѣ зелень, такая свѣжесть, такое богатство, такое разнообразіе, такой избытокъ силъ, такая пышная и гордая собою природа, что человѣкъ чувствуетъ себя совсѣмъ маленькимъ! При взглядѣ на эту роскошную растительность, которая поднялась до самаго неба, до голубыхъ вершинъ вулкановъ, какъ-то невольно воскликнешь: „Да это рай земной“!..

Да, одно только грустно, что солнце здѣсь жестокое, немилосердное. Принимаешь, кажется, всѣ предосторожности: выходишь очень рано, выбираешь тѣнистыя аллеи, берешь зонтикъ, и все не помогаетъ. Подъ конецъ прогулки разболится голова, и уже не смотришь на богатства, разсыпанныя въ саду: на хорошую коллекцію орхидей, на гигантскія victoria regia, расцвѣтъ которой ожидается у насъ въ Петербургѣ съ такимъ трепетомъ, растущія здѣсь сотнями на водѣ, на ядовитыя растенія; не

обращаешь вниманія на странныхъ насѣкомыхъ, принимающихъ цвѣтъ или форму сухаго листа или сухой вѣтки. Право, не до того. Счастливые туземцы! они идутъ очень часто съ непокрытою головой или обвяжутъ голову платочкомъ, а Китайцы закрываются отъ солнца однимъ вѣеромъ.

По дорогѣ изъ Бютензорга только одинъ тоннель. Мѣстность очень красивая, но нѣтъ такихъ ландшафтовъ, какъ по дорогѣ изъ Коломбо въ Кенди. Желѣзная дорога постепенно поднимается и огибаетъ горный кряжъ. Только-что мы пріѣхали въ Бандонгъ, какъ уже начался ливень. Тонкая сѣтка закрыла окружающую мѣстность. Прошелъ дождь, и зелень заблистала еще ярче, сочнѣе, и воздухъ, напоенный ароматомъ, и нѣжилъ и раздражалъ нервы.

Въ читальнѣ гостиницы я познакомился съ однимъ Австралійцемъ, который пріѣхалъ сюда изучать полезныя растенія съ тѣмъ, чтобы перевезти эту культуру на родную почву. Въ настоящее время онъ не зналъ какъ ему добраться домой. Австралійское правительство учредило карантинъ для судовъ, приходящихъ изъ Явы, и голландское пароходное общество прекратило свои рейсы въ Австралію. Натянутыя отношенія между Явой и Австраліей возникли изъ-за рабочихъ-Явансцевъ, работавшихъ на австралійскихъ плантаціяхъ. Плантаторы были жестоки съ рабочими, и между ними возникли несогласія. Голландское правительство заступилось за своихъ, Англичане за плантаторовъ. Когда Голландцы запретили вывозъ кулієвъ въ Австралію, Англичане въ отместку устроили карантинъ. Пострадали, конечно, плантаторы, которые даютъ Китайцамъ по два шиллинга съ половиной въ день, тогда какъ въ Явѣ работникъ получаетъ двадцать коп. въ день. Въ Калькуттѣ обѣщались помочь горю и выслать въ Австралію Тамильцевъ съ Южной Индіи (они также дешевы, т.-е. по 15 к. въ день).

Французъ вернулся съ прогулки и сообщилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ визитъ помощнику резидента и что недурно будетъ, если и я сдѣлаю то же самое, такъ какъ помощникъ резидента очень обязательно взялся все устроить для нашей поѣздки къ вулкану Танго-банъ-прао. Нечего дѣлать, надо шлепать по грязи и въ темнотѣ отыскивать квартиру г. Ситова. Бандонгъ, хотя и считается главнымъ городомъ провинціи и резиденціей туземнаго князя, носящаго титулъ регента и султана, но освѣщенія въ немъ не полагается. У регента одна законная жена и много

второстепенныхъ женъ. Обыкновенно у нихъ большія семейства и много дѣтей.

Свадебный обрядъ для всѣхъ классовъ состоитъ, кромѣ благословенія муллы, въ томъ, что молодой и молодая сидятъ вмѣстѣ на одной цѣновкѣ, подъ шелковымъ балдахиномъ и берутъ бетель изъ одного сосуда. *Суда мапинангъ*, т.-е. они вмѣстѣ жевали пинангъ, или бетель, значитъ они обручены.

Браки бываютъ трехъ родовъ: 1) *джеджеръ*, когда покупаютъ дѣвушку и тогда она почти раба мужа, который можетъ ее продать кому-нибудь другому; 2) *амбиль анакъ*, когда покупаютъ мужа въ богатую семью и 3) *семандо*, когда бракъ заключается на правахъ полнаго равенства, съ письменнымъ договоромъ о томъ, что имущество должно быть общее и въ случаѣ развода должно дѣлиться пополамъ.

Въ пять часовъ утра мы сѣли на лошадей и отправились въ Танго-банъ прао. По дорогѣ встрѣчаются туземцы, которые при видѣ туземца Европейца снимаютъ свой грибъ и садятся на корточки. Костюмы женщинъ доведены до минимума. Многія изъ нихъ, почти голыя, несутъ ребенка, подвязаннаго какъ-то сбоку, на бедрѣ. Часто встрѣчаешь крытыя повозки съ двумя громадными деревянными колесами изъ одного куска дерева и съ деревянною осью. Повозки эти по типу похожи на наши крымскія арбы. Такую тяжелую и скрипучую повозку тащитъ пара громадныхъ буйволовъ, при видѣ которыхъ лошади пугаются и бросаются въ сторону. Это могучее животное съ страшно выгнутыми рогами лучшій другъ поселянина,—оно свыкается съ нимъ, понимаетъ каждое его слово и неутомимо въ работѣ. Буйвола, который не страшится единоборства съ тигромъ, ловятъ такимъ образомъ. Мѣсто, гдѣ пасутся дикіе буйволы, окружаютъ высокимъ, непроницаемымъ тыномъ или заборомъ и оставляютъ только одинъ выходъ въ довольно широкую аллею, также загороженную. Эта аллея постепенно суживается и ведетъ къ воротамъ, которыя закрываются сами собою. Какъ только буйволы попадутъ за ворота, охотники съ деревьевъ бросаютъ веревку на рога и прикручиваютъ ихъ къ дереву. Послѣ этого имъ завязываютъ глаза и затыкаютъ уши и въ такомъ видѣ ведутъ въ деревню, гдѣ они по истеченіи трехъ или четырехъ недѣль становятся совсѣмъ ручными, такъ что ихъ можно выпускать на пастбище. Яванцы иногда для потѣхи и по случаю большаго праздника устраиваютъ единоборство между тигромъ и буйволомъ, причемъ каждаго

изъ противниковъ стараются раздразнить колючими растеніями. Обыкновенно тигръ боится вступить въ борьбу и прижимается къ стѣнѣ. Пока буйволъ не выпускаетъ своего противника изъ виду, побѣда на его сторонѣ, и въ большинствѣ случаевъ буйволъ остается побѣдителемъ. Только если тигру удастся прыгнуть на спину буйвола и вонзить свои когти въ его могучій затылокъ, онъ можетъ считать себя спасеннымъ. Прежніе туземные государи для потѣхи публики ставили противъ тигра какого-нибудь преступника и давали несчастному маленькій кинжалъ. Смерть въ этомъ случаѣ неминуема, но одинъ изъ осужденныхъ рѣшился бороться до конца, и когда его вывели на арену, крѣпко обмоталъ лѣвую руку платкомъ, которымъ онъ обвязывалъ голову, и не спускалъ глазъ со своего страшнаго противника. Когда тигръ бросился на него съ разинутою пастью, туземецъ въ одно мгновеніе запустилъ ему въ пасть свою руку, и запустилъ ее какъ можно глубже, а правою рукой распоролъ ему живот. За такой доблестный поступокъ онъ былъ прощенъ и даже возведенъ въ дворянское достоинство (мантри).

Вернемся опять въ деревню. Хотя дома туземцевъ состоятъ изъ жалкихъ плетенокъ, но окруженные со всѣхъ сторонъ высокими фруктовыми деревьями, цвѣтами, щедро разбросанными повсюду, всякая деревушка производитъ пріятное впечатлѣніе. Бывая въ новой странѣ, меня всегда интересуетъ, какъ живетъ поселянинъ, и его жизнь, его достатки являются показателемъ, по которому можно судить о благосостояніи государства. Яванца нельзя назвать лѣнивымъ; еще до разсвѣта онъ уже въ полѣ со своимъ вѣрнымъ помощникомъ. Земледѣльческія орудія у него такія же примитивныя, какъ и его повозка. Какъ только солнце подымется выше, надо прекратить работу, потому что буйволъ не переноситъ жары и потому на буйволахъ возятъ тяжести большею частью ночью. Яванецъ идетъ къ себѣ домой, купается и обѣдаетъ вмѣстѣ съ семьей, а буйволъ погружается въ воду и не выходитъ изъ рѣки, пока жара не спадетъ. До трехъ или четырехъ часовъ Яванецъ занимается домашними работами, чинитъ орудія, плететъ цѣновки, поправляетъ свои сѣти. Жена занимается пряжей, нянчитъ дѣтей, а внѣ дома собираетъ фрукты и помогаетъ мужу въ полевыхъ работахъ. Пища Яванца заключается въ рисѣ съ зеленью, съ солью, перцемъ и съ копченою рыбой. Мяса онъ не употребляетъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ закалываетъ буйвола. Пьетъ онъ только воду. Пальмовое

вино пьютъ только на праздникѣ и то въ очень умѣренномъ количествѣ. Довольствуясь очень малымъ, Яванецъ отличается тихимъ и кроткимъ нравомъ, рѣдко бранится, не знаетъ крупной ругани и самымъ обиднымъ словомъ считается у него: „ты буйволъ, ты козелъ или ты глупый.“ Яванецъ не позволитъ себѣ какого-нибудь неприличія и, всегда ровный въ обращеніи, никогда громко не смѣется или не выходитъ изъ себя. Верхомъ неприличія у нихъ считается поцѣловать женщину при другихъ или поцѣловать у нея руку. Яванецъ очень чистоплотенъ и очень часто моется. Нравы горныхъ жителей проще и патріархальнѣе, чѣмъ у жителей долинъ, прилегающихъ къ большимъ городамъ. Тамъ цивилизація измѣнила къ худшему несложную натуру Яванца. При всей косности, которою отличается характеръ Яванца, у него очень сильна страсть къ азартной игрѣ, къ пѣтушинымъ боямъ, на которыхъ Яванецъ проигрываетъ все свое имущество, и чтобъ играть дальше, даже отдаетъ себя въ рабство. Къ торговлѣ Яванецъ не выказываетъ особенныхъ способностей, и торговля вся въ рукахъ Китайцевъ. Китайцевъ много и внутри страны. Они обыкновенно держатъ корчму при станціяхъ, гдѣ мѣняютъ лошадей. Станція эта устроена очень оригинально. На самой дорогѣ устроенъ большой навѣсъ, удобный и широкій, дающій возможность не выходить изъ экипажа пока перепрягаютъ лошадей, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляющій хорошую защиту отъ дождя и отъ солнца. Обыкновенно на станціи распоряжается и хозяйничаетъ Китаецъ, взявшій себѣ въ жены Яванку и надѣленный очень многочисленнымъ семействомъ. Отъ Лембаха начинается адская дорога. Вообразите себѣ вмѣсто дороги сплошную, мокрую и скользкую глину, и въ такой глинѣ устроены еще ступени. Несчастная лошадь взойдетъ на ступень и скользитъ со всѣхъ ногъ. Я попробовалъ было идти пѣшкомъ, но вышло еще хуже. Сдѣлаешь шагъ и скользишь точно по паркету, или глина такъ засосетъ ногу, что ее не вытащишь. Надо было изъ двухъ золъ выбрать наименьшее и сѣсть опять на лошадь, уже привычную къ такимъ дорогамъ.

А мѣстность между тѣмъ была дивной красоты. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ дальше проникали въ самую чащу тропическаго лѣса. За высокими деревьями, густо перевитыми ліанами, не проникало солнце. Что ни шагъ, то разнообразный видъ, остроконечныя скалы, обвитыя плющемъ и другими ползучими растеніями, зеленые своды изъ гигантскихъ папоротниковъ. Сначала

идетъ порода фиговыхъ деревьевъ, потомъ уже показываются хвойные, стройные кипарисы, рододендроны въ цвѣту, лиственныя, и все это переплетено ліанами въ какую-то непроницаемую сѣтку. Посмотришь внизъ, и на днѣ обрыва растутъ пальмы, филодендроны, а тамъ дальше раскинулся цѣлый коверъ цвѣтовъ.

Все это видишь только урывками и, по правдѣ сказать, въ данный моментъ мало наслаждаешься этимъ зрѣлищемъ, потому что дорога ужь очень плоха, и лошадь поминутно скользитъ со всѣхъ ногъ. Говорятъ, что она къ этому привычна, но вѣдь кто ее знаетъ, не даромъ говоритъ пословица, что и конь спотыкается, а малѣйшій неудачный шагъ можетъ кончиться очень плачевно. Стòитъ только упасть въ этотъ обрывъ и вашихъ костей никто уже не отыщетъ. Иногда мы проѣзжали мимо плантацій хиннаго или кофейнаго дерева и на минуту останавливались для осмотра. Кофейныя деревья сажаютъ изъ питомника на разстояніи пяти, а иногда десяти футовъ другъ отъ друга, и чтобъ охранить деревцо отъ жгучихъ лучей солнца сажаютъ рядомъ съ нимъ, также рядами, erythrina corallodendrum. На хорошей почвѣ урожай бываетъ черезъ два, три года, и даетъ въ сухое время два или три сбора. При собираніи зеренъ надо быть очень осторожнымъ, а то на слѣдующій годъ не будетъ плодовъ, и только листья. Когда кофе получилъ темнокрасную окраску, его собираютъ и сушатъ въ сараяхъ, въ которыхъ устроена рѣшетка. Снизу имѣется огонь, и во время согрѣванія, или скорѣе сушки кофе переворачиваютъ съ одной стороны на другую. Огонь долженъ быть очень медленный и слабый. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сушатъ прямо на солнцѣ, но кофе теряетъ при этомъ свой ароматъ. Когда сушка кончилась, кофе очищаютъ отъ его скорлупы, но не такъ, какъ это дѣлается съ рисомъ, въ каменной ступѣ, а въ болѣе нѣжныхъ сосудахъ съ тѣмъ, чтобы не раздавить нѣжныхъ бобовъ. Машина для очистки шелухи дѣлается изъ буйволовой кожи и тонкаго мягкаго дерева.

Къ десяти часамъ сильно запахло сѣрой. Деревья были безъ листьевъ, цвѣты исчезли, умолкло пѣніе птицъ. Вулканъ былъ близокъ. На днѣ вулкана (5,500 ф. надъ уровнемъ моря) два кратера съ клокочащею въ нихъ черною массой и съ сильными испареніями сѣры. Шумъ такой, какъ изъ колоссальнаго паровика. Отъ сѣрнаго воздуха слезятся глаза, и я старался поскорѣе убраться изъ такого непривлекательнаго мѣста.

Ява очень богата вулканами, и многіе изъ нихъ дѣйствуютъ и

въ настоящее время. Послѣ изверженія, поглотившаго много деревень, поселяне забываютъ о катастрофѣ и опять селятся у подножія вулкана. У Иванцевъ есть очень оригинальная легенда о происхожденіи Танго-банъ-прао. Одинъ изъ прежнихъ героевъ-Иванцевъ Санги Керіанъ воспылалъ преступною страстью къ своей матери и въ страстныхъ выраженіяхъ объяснился ей въ любви. Онъ не давалъ ей покоя своими неотступными мольбами и грозилъ ей, если она не пожалѣетъ его, употребить силу. Испуганная мать согласилась исполнить его желаніе только съ тѣмъ условіемъ, что онъ въ теченіе одной ночи устроитъ плотину къ рѣкѣ и, кромѣ того, построитъ корабль, на которомъ она могла бы уѣхать. Служебные сыну духи или дивы очень быстро устроили плотину, и мать уже къ полночи увидѣла, что плотина будетъ скоро готова и что остается еще только построить корабль. Тогда мать обратилась съ жаркою мольбой ко всѣмъ богамъ и призвала на помощь великаго Браму. Въ то же мгновеніе насталъ день, и солнце стало высоко надъ землей. Сынъ въ отчаяніи бросилъ работу и бѣжалъ въ горы. Неоконченная работа дивовъ придала всей мѣстности какой-то особенный характеръ. Громадное дерево, предназначенное для запруды, обратилось въ гору Бекитъ-Тенгель, изъ неоконченнаго корабля сдѣлался вулканъ Танго-банъ-прао. Изъ другихъ деревьевъ образовалась гора Берангренъ. Точильный камень распустился въ водѣ, и изъ него образовалась рѣка.

Возвращаясь назадъ, мы посѣтили Кюперовскія плантаціи хиннаго дерева. Управитель и тутъ жаловался на паденіе цѣнъ. Прежде за килограммъ давали 800 гульденовъ, а теперь только 80. Недалеко отъ плантаціи мы встрѣтили помощника резидента г. Ситова. Онъ совсѣмъ не похожъ на Голландца. Черные выразительные глаза, черные курчавые волосы обличаютъ въ немъ скорѣе человѣка смѣшаннаго происхожденія. Онъ любитъ побалагурить и разсказывалъ намъ какъ живетъ здѣшняя молодежь. На первомъ планѣ, конечно, женщины и женщины туземныя. Подругу выбираютъ самаго нѣжнаго возраста, почти ребенка десяти лѣтъ. Это обстоятельство очень важно, потому что когда она достигаетъ зрѣлости, то ее отпускаютъ къ родителямъ. Получивъ хорошее приданое, она легко найдетъ мужа. Итакъ, и волки сыты и овцы цѣлы.

Благодаря Ситову намъ показали правительственный садъ, который даетъ около 200 тысячъ дохода. Хинное дерево послѣ

десяти лѣтъ срѣзаютъ и снимаютъ кору, причемъ кора съ сучьевъ считается худшаго достоинства. Но до наступленія десяти лѣтъ сдираютъ кору и обвязываютъ дерево рогожей, такъ что въ пять, шесть мѣсяцевъ кора опять наростаетъ. Намъ показали, какъ сортируютъ кору. Сушильни и другія постройки очень удобны, дешевы и незатѣйливы. Въ чайной плантаціи мы не застали управляющаго. Листья свертываютъ машиной, сушатъ чай въ печахъ, но тѣмъ не менѣе чай по вкусу не можетъ сравниться съ китайскимъ или цейлонскимъ.

Вечеромъ г. Ситовъ заѣхалъ за нами, то-есть за Австралійцемъ, его дочерью и за мной, и повезъ насъ во дворецъ. Въ каретѣ онъ объяснилъ Австралійцу и его дочери, что они должны подать регенту руку, а то онъ обидится. „Вѣдь это туземный султанъ“, прибавилъ онъ для большей убѣдительности. Резидентъ вѣроятно опасался, что чопорный Англичанинъ свысока посмотритъ на какого-то nigger'а. Когда мы подъѣхали къ крыльцу, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Къ каретѣ подбѣжалъ одинъ изъ придворныхъ съ громаднымъ зонтикомъ, который оказался очень полезнымъ. Но не для защиты отъ дождя принесли зонтикъ, а какъ эмблему власти и въ видѣ особеннаго почета. Мы вошли въ открытое совсѣмъ зданіе, на четырехъ столбахъ и съ соломенною крышей. Такое зданіе называется *пандоппо* и устраивается всегда рядомъ съ жилымъ домомъ яванскаго князя и можетъ въ случаѣ нужды быть обращеннымъ въ жилье. Стоитъ только со всѣхъ сторонъ устроить переносныя стѣны изъ плетенаго бамбука, убрать все коврами, и предъ вами роскошное помѣщеніе Востока. У регента два дома; въ одномъ онъ живетъ на туземный ладъ, а въ другомъ онъ устроилъ европейскую обстановку для пріема знатныхъ гостей. Когда мы вошли, регентъ съ большимъ и низкимъ поклономъ отвѣтилъ на наше привѣтствіе. Въ немъ очень типично выразился господствующій типъ: лицо плоское и некрасивое. Хотя обыкновенно онъ ходитъ въ европейскомъ платьѣ, но на этотъ разъ онъ былъ въ національномъ костюмѣ. На головѣ платокъ съ застежкой на серединѣ изъ драгоцѣнныхъ камней. На груди тоже большой брилліантъ въ видѣ застежки. Онъ, говорятъ, очень экономный и имѣетъ болѣе одного милліона сбереженій. Онъ получаетъ отъ голланд-

скаго правительства двадцать тысячъ, да отъ кофейныхъ плантацій вдвое больше и имѣетъ еще другіе доходы. Въ его присутствіи придворные не имѣютъ права стоять, а если они должны пройти по комнатѣ или поднести ему что-нибудь, то они должны ползти на четверенькахъ.

Для увеселенія гостей дано было представленіе маріонетокъ съ аккомпаниментомъ мѣстнаго оркестра *гамеланга*, состоящаго изъ гонговъ, барабановъ, цимбалъ, колокольчиковъ, маленькихъ деревяшекъ, тамбуриновъ и малайскихъ скрипокъ. Зала, въ которой насъ принималъ регентъ, была раздѣлена на двѣ части большимъ бамбуковымъ столомъ и бананниками. На столѣ прыгали куклы разныхъ видовъ (ихъ было болѣе сотни). Въ рукахъ искуснаго режиссера куклы объяснялись другъ другу въ любви, дрались, исчезали въ преисподнюю. Режиссеръ словами пояснялъ ихъ дѣйствія, а оркестръ, помѣщавшійся между куклами и публикой, услаждалъ зрителей пѣніемъ и жалобною музыкой, не лишенной мелодичности. На сцену являлись какія-то чудовища, и регентъ пришелъ въ восторгъ, когда я догадался, что на сценѣ представляютъ эпизоды изъ Рамаяны.

Послѣ этого начались танцы, и на сцену явились баядерки. При одномъ этомъ словѣ сколько прелести, сколько очарованія для человѣка, читавшаго много путешествій. Воображеніе представляетъ какія-то неземныя, полныя нѣги и граціи, созданія, достойныя обитать въ раю Магомета. На этотъ разъ предъ нами были султанскія баядерки. Хотѣлось бы и мнѣ окружить ихъ поэтическимъ ореоломъ, воспѣть ихъ неземную красоту и грацію и пробудить въ читателѣ страстное желаніе посмотрѣть ихъ на мѣстѣ. Но зачѣмъ же морочить читателя?

Баядерки были, правда, молодыя, стройныя, но очень некрасивыя. На головѣ что-то въ родѣ каски съ дракономъ, золотой поясъ, обиліе браслетовъ, украшеній, и вмѣсто юбки шелковая матерія, плотно облегающая станъ. Весь танецъ состоялъ изъ подергиванія плечами и покачиванія бедрами. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ прокуроръ, не смѣйтесь, настоящій procureur, какъ мнѣ сказали. Онъ медленно поворачивался, помахивалъ платочкомъ, какъ у насъ дѣвушки въ хороводѣ, и баядерки слѣдовали его движеніямъ. Потомъ были танцы съ воинственнымъ характеромъ, и баядерки, вооружившись стрѣлами и лукомъ, представляли какое-то сраженіе.

Придворные, усѣвшись на корточки въ темномъ углу залы, съ интересомъ слѣдили за представленіемъ. Послѣ этого начали разносить угощенія, и самъ регентъ показывалъ зрителямъ кожаныя маріонетки, сдѣланныя въ Явѣ. Въ числѣ этихъ маріонетокъ были боги Индіи, японскій принцъ, Европейцы въ смѣшномъ видѣ, Гануманъ и т. д. Всѣ разговаривали, не обращая никакого вниманія на представленіе. Когда все это порядкомъ надоѣло, мы раскланялись, и надъ нами, то-есть вѣрнѣе надъ резидентомъ, показался зонтикъ. Престижъ прежде всего...

Для разнообразія мы вернулись черезъ Синдалаю и познакомились со всѣми прелестями малайской двухколески. Красивыхъ видовъ было много, но мы потеряли способность восхищаться, да и разныя неудобства вслѣдствіе постоянныхъ дождей пересиливали всякія другія впечатлѣнія. Мы проѣхали Чипань, резиденцію генералъ-губернатора, водоемъ, образовавшійся въ глубинѣ кратера, который все еще дымился, рисовыя поля, расположенныя террасами, рощи съ хлѣбными деревьями, плантаціи бетеля, столь любимаго туземцами, ванили, оба принадлежащія къ паразитнымъ растеніямъ, деревья съ крупными пампельмусами, похожими на большіе апельсины, и, наконецъ, попали въ Синдалаю. Голландское правительство устроило на этомъ возвышенномъ мѣстѣ санитаріумъ. Устройство его образцовое и надпись „pax entratibus" съ переводомъ на китайскій языкъ не мертвая буква. Тутъ офицеры и солдаты, потерявшіе здоровье въ Суматрѣ, могутъ отдохнуть въ хорошемъ климатѣ. Послѣ неудобствъ бивуачной жизни, опасностей и лишеній, они могутъ понѣжиться, лежать цѣлый день на бамбуковыхъ кушеткахъ, вставать съ зарей и ложиться рано, развлекаться разговорами, игрой на билліардѣ и набраться новыхъ силъ.

Послѣ Синдалаи очень трудный подъемъ: пять лошадей едва тащили насъ въ гору. Когда не было дождя, мы восхищались красивыми видами, темными массами дѣвственнаго лѣса, изумлялись богатству и разнообразію колоссальныхъ еще не виданныхъ мною пауковъ, которые плели свою паутину на высотѣ нѣсколькихъ саженъ. Когда шелъ дождь, то мы закупоривались со всѣхъ сторонъ и проклинали свою судьбу. На станціяхъ нашъ возница пилъ чай и намъ предлагали сласти, чай и табакъ.

Стемнѣло, и дождь пошелъ не на шутку, фонари потухли и возница, потерявъ дорогу, заѣхалъ въ какую-то колдобину и чуть

не сломалъ экипажъ. Съ трудомъ мы опять зажгли фонарь, и поочередно охраняли его отъ порывовъ вѣтра и хлеставшаго въ насъ дождя. Послѣдствіемъ этого было, что мы вымокли до послѣдней нитки.

Начался спускъ. Темно какъ въ печкѣ. Началась настоящая гроза съ молніей, съ раскатами грома. Среди этого мы слышали шумъ водопада. Нашъ возница бранился со встрѣчными, которые чуть не наѣхали на насъ. Удовольствія было мало, и мы съ большою радостью увидѣли огни гостепріимной гостиницы въ Бютензоргѣ.

Въ Батавіи слѣдуетъ посѣтить музей, очень богатый золотыми издѣліями изъ Борнео, Суматры и другихъ острововъ архипелага, индусскими древностями, оружіемъ въ богатой оправѣ, пушками и карабинами. Группировка очень раціональная. Читаешь надпись „Суматра“ и видишь все, что̀ касается этого острова, начиная отъ царскихъ уборовъ, дорогихъ шелковыхъ матерій и кончая земледѣльческими орудіями. Тутъ и модели жилищъ, остатковъ старины и храмовъ. Въ одной залѣ были собраны музыкальные инструменты Яванцевъ. Потомъ цѣлая комната отведена маріонеткамъ мѣстнаго издѣлія. Еще комната съ рѣдкими монетами и даже коллекція марокъ. Есть и орудія пытки, оригинальная гильотина, топоръ, падающій сверху помощью блока. Индусскихъ древностей очень много. Старинные храмы показываютъ, что Ява получили свою цивилизацію изъ Индіи. По типу и по своему маленькому росту, по нѣкоторымъ обычаямъ Яванцы очень напоминаютъ Японцевъ, но языкъ у нихъ совершенно другой и ученымъ врядъ ли удастся доказать происхожденіе Японцевъ изъ Явы.

Цѣлый вечеръ провелъ я очень пріятно у одного здѣшняго Француза. Толковали рѣшительно обо всемъ: объ общинномъ устройствѣ въ Явѣ, о томъ, что на Суматрѣ престолъ переходитъ по женской линіи, о томъ, что золотыя времена для здѣшнихъ дѣльцовъ уже прошли и вѣроятно не скоро вернутся, о симпатичныхъ сторонахъ Яванцевъ, объ ихъ расточительности, о злобѣ дня, или Ачинской войнѣ. Въ Ачинѣ, или Аттіе, Голландцамъ приходится дѣлать то, что̀ дѣлали мы на Кавказѣ, то-есть покорять страну шагъ за шагомъ. Противники, или 80.000 мусульманъ,

живутъ въ неприступныхъ горахъ и смѣются надъ усиліями слабаго европейскаго войска, теряющаго много людей отъ болѣзней въ мелкихъ стычкахъ и въ засадахъ. Голландцы занимаютъ плодородныя мѣста, долины или тонкую прибрежную полосу. Отступить они не могутъ. Отступленіе равносильно потерѣ всѣхъ другихъ колоній. Потеря престижа въ Явѣ, гдѣ сотни солдатъ держатъ въ повиновеніи милліоны, вещь очень серьезная, и Голландцы волей-неволей продолжаютъ эту игру въ солдатики и тратятъ на это громадныя суммы.

Мы вышли изъ Батавіи при чудномъ закатѣ. Предъ нами опять море, море спокойное, густое, точно расплавленное золото. Въ Сингапурѣ я остался всего нѣсколько часовъ. Переходъ отъ Сингапура до Сайгона ознаменовался качкой. На пути островъ Пуло Кондоръ — онъ же колонія для ссыльныхъ — предсталъ предъ нами въ своемъ грозномъ величіи. Миновавъ маякъ св. Якова (St. Jacques,) называемый Аннамитами Муй Вунгъ Тау, мы вошли въ широкую и мутную рѣку. Французы сожалѣютъ о томъ, что городъ основали не на маякѣ, а въ Сайгонѣ. Устье Меконга богато лагунами, между которыми извивается много рукавовъ. Мы вошли въ одинъ изъ бывшихъ рукавовъ Меконга, который соединяется съ нимъ посредствомъ судоходнаго канала. Вода мутная, кофейнаго цвѣта. Низменные берега покрыты жалкою растительностью, низкорослыми пальмами, юкки, драценами, тростникомъ и папоротниками. Джонгли, въ которыхъ водятся тигры и кайманы, смѣняются рисовыми полями, лугами, выжженными въ джонгляхъ пажитями и рыболовными деревушками. Движеніе по рѣкѣ довольно значительное. Туземныя барки, имѣющія форму рыбы, китайскія джонки, сампанги снуютъ безпрестанно по рѣкѣ. Сампанги управляются исключительно Аннамитами. Головной уборъ Аннамитовъ—зачесанные назадъ волосы и съ гребнемъ на головѣ—очень напоминаетъ Сингалезцевъ, но этимъ сходство и кончается. Лица у Аннамитовъ большею частью плоскія съ приплюснутымъ носомъ. Аннамиты тоже постоянно жуютъ бетель. Говорятъ, что это необходимо, потому что бетель уничтожаетъ дурной запахъ во рту, происходящій отъ принимаемой пищи. Аннамиты, такъ же какъ и Китайцы, гребутъ стоя и для этого у нихъ приспособлены высокія, около аршина, уключины, а на борту особая приступка для ступни. Средняя часть лодки занята на подобіе венеціанской гондолы маленькимъ домикомъ. На кормѣ помѣщается

кухня; огонь разводится въ небольшомъ переносномъ очагѣ изъ обожженой глины. Въ домикѣ настлана цѣновка, и тамъ же помѣщается маленькій алтарикъ и статуя Будды. Все это украшено павлиньими перьями. Ночью сампангъ освѣщается внутри лампочкой, снаружи—бумажнымъ фонаремъ.

Мы пришли рано утромъ въ столицу Кохинхины, въ городъ Сайгонъ, на рѣкѣ того же имени. Завоеванный Французами въ 1857 году, онъ сдѣлался главнымъ городомъ области. Свое названіе онъ получилъ отъ извѣстной породы хлопчатника, который растетъ на берегахъ Меконга. Тридцать лѣтъ тому назадъ это была жалкая деревушка, а теперь, благодаря соединенію съ Меконгомъ, главною артеріей края, и стараніямъ Французовъ, это городъ съ красивыми бульварами, изящными скверами, монументальными постройками, театромъ и со всѣми усовершенствованіями европейской культуры. Одно главное неудобство—это жаркій и влажный климатъ, неблагопріятно дѣйствующій на здоровье Европейцевъ. Здѣсь сдѣлано очень много: осушены болотистыя мѣста, каналы засыпаны, уровень земли поднятъ гораздо выше, устроены тѣнистые бульвары, въ домахъ вездѣ панка, комнаты въ домахъ высокія, ставни умѣряютъ дневной жаръ, но всего этого мало. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ пребыванія въ краѣ развивается малокровіе, болѣзнь печени, сердца, желтая или рисовая лихорадка, и паціенту надо искать болѣе суровый, но болѣе здоровый климатъ.

День проведенный въ Сайгонѣ останется для меня вѣчно памятнымъ. Послѣ сѣверо-восточнаго вѣтра, господствовавшаго въ морѣ, мы всѣ изнемогали отъ жары и до четырехъ часовъ не трогались съ парохода. До четырехъ весь городъ отдыхаетъ, fait la sieste, какъ говорятъ Французы. Не отдыхаютъ туземцы и Китайцы, которыхъ въ Сайгонѣ большое множество. У Китайцевъ есть свой особый городъ Чоленъ, который соединяется съ Сайгономъ желѣзною дорогой. Итакъ, въ пять часовъ мы облачились въ бѣлый костюмъ, состоящій изъ бѣлаго вестона, или куртки со стоячимъ воротникомъ, и изъ бѣлыхъ панталонъ. Въ бѣломъ шлемѣ или tropical helmet и съ бѣлымъ зонтикомъ можно было пуститься въ путь, и мы веселою гурьбой направились къ пристани. Тамъ насъ ожидали экипажи самыхъ разнообразныхъ видовъ. Есть тутъ пикарныя коляски съ кучеромъ Малабарцемъ (изъ Индіи) шоколатнаго цвѣта, каретки въ одну лошадь съ Китайцемъ съ длинною косой, двухколески, какъ въ

Индіи, въ которыхъ надо сидѣть спиной къ кучеру, джинрикши и тачки съ однимъ колесомъ. Этими послѣдними средствами передвиженія пользуются только Китайцы и туземцы. Приличному Европейцу надо ѣхать въ коляскѣ и, пожалуй, въ каретѣ.

Съ набережной тянется рядъ лачугъ подъ тростниковыми крышами и съ яркими признаками бѣдности. Оттуда выглядываютъ полуголые или, вѣрнѣе сказать, почти голые Аннамиты. Затѣмъ, переѣхавъ мостъ, вы попадаете въ европейскій городъ, въ которомъ много Китайцевъ, захватившихъ въ свои руки всю торговлю страны и обладающихъ большими капиталами. Городъ построенъ на красной глинѣ и потому шоссированныя дороги, такъ же какъ и въ Коломбо, кажутся красными и эффектно выдѣляются среди зеленыхъ бульваровъ. Въ садахъ и бульварахъ растутъ тамаринды, бѣлыя акаціи, муза, бамбуки, рицинное дерево, датура, манго, пальмы и много цвѣтовъ. Городъ имѣетъ изящный, нарядный видъ. Проѣхавъ улицу Катина—Невскій проспектъ Сайгона,—съ его красивымъ бульваромъ, кафе, магазинами, осмотрѣвъ соборъ, губернаторскій дворецъ, мы отправились въ туземный кварталъ. Тамъ полное смѣшеніе народовъ: Аннамиты, Малайцы, малабарскіе Индусы и Китайцы. Все это покупаетъ, продаетъ, жуетъ бетель, куритъ, закусываетъ, толкается, споритъ и разсуждаетъ о событіяхъ дня. Аннамиты на видъ тщедушны и малорослы. Цвѣтъ кожи темно-коричневый. Глаза узкіе и тусклые, лица приплюснутыя и безъ растительности. Губы толстыя и красныя отъ бетеля и зубы вслѣдствіе употребленія бетеля совсѣмъ черные. Женскій костюмъ состоитъ изъ длинной рубахи-балахона съ косымъ воротомъ и широкими рукавами и изъ панталонъ. Цвѣтъ балахона преимущественно черный (цвѣтной считается нарядньмъ, а бѣлый траурнымъ), матерія—коленкоръ, ластикъ или шелкъ. Густые волосы зачесываются назадъ и укладываются нѣсколько сбоку двумя или тремя буфами въ шиньонъ, заколотый шпилькой. Украшеніями служатъ яркій поясъ, серьги, ручные и ножные браслеты (изъ золота, серебра, каменнаго угля и стекла), бусы. Обувь (туфли съ острымъ носкомъ, загнутымъ кверху) имѣется только у богатыхъ женщинъ. Вмѣсто головнаго убора плоскоконическая шляпа изъ бамбука и рисовой соломы съ длинною шелковою кистью, которая болтается сзади до поясницы. Женщины носятъ дѣтей верхомъ на бедрѣ и поддерживаютъ ихъ за спину рукой. У мужчинъ повязка и шляпа

грибомъ, черный или синій балахонъ съ узкими рукавами и бѣлыя панталоны, а на ногахъ китайскія туфли.

Съ базара мы попали въ ботаническій садъ, который отличается обиліемъ пернатыхъ самыхъ разнообразныхъ видовъ, есть и тигры, медвѣди, крокодилы и павіаны. Тигры здѣсь не рѣдкость, и около маяка Св. Якова они зачастую перелѣзаютъ черезъ заборы и заглядываютъ въ садъ или на веранду.

Вечеромъ мы пошли слушать оперетку и вернулись на пароходъ довольно поздно. Тамъ выгружали товары, и Аннамиты своимъ крикомъ, французская команда „впередъ", москиты мѣшали мнѣ уснуть, и я очень обрадовался, когда мы тронулись въ путь.

За обѣдомъ общій разговоръ о колоніальной системѣ, жаркій споръ за и противъ, разсказы о богатствѣ Кохинхины, которая ничего не стоитъ правительству и даетъ большой излишекъ, къ сожалѣнію идущій на Тонкинъ, въ которомъ Французы никакъ не могутъ справиться съ китайскими пиратами. Говорилось и о характерѣ Аннамитовъ, которые, по мнѣнію большинства, очень кроткій народъ, но лживый и съ очень развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Но споръ начался не на шутку, когда началось обсужденіе разныхъ колоніальныхъ системъ. Французы, сказалъ одинъ,—повсюду вводятъ свои учрежденія, кодексъ Наполеона и самаго послѣдняго туземца надѣляютъ правами французскаго гражданина. Развѣ это хорошо? Туземецъ привыкаетъ третировать Европейца за панибрата. Англичане молодцы, держатся другой системы. Съ другой стороны, надо сознаться, что французскій языкъ распространяется очень скоро среди покоренныхъ народовъ. Давно ли присоединена Кохинхина, а туземцы, Аннамиты и Китайцы уже бойко говорятъ по-французски.

Отъ Аннамитовъ разговоръ перешелъ къ одному Европейцу и сильно досталось одному доктору-неудачнику. Никто изъ присутствовавшихъ не выказалъ никакой жалости. „Горе побѣжденнымъ", такъ и слышалось въ каждомъ словѣ. Безсердечіе, эгоизмъ, уваженіе только силы и богатства—вотъ отличительная черта здѣшнихъ искателей приключеній. Есть, конечно, исключенія. Разговоръ былъ прерванъ неожиданнымъ событіемъ. Тигръ переплывалъ рѣку. Всѣ высыпали на палубу смотрѣть на неви-

данное зрѣлище. Палуба была вся запружена Китайцами, которые, какъ сельди въ боченкѣ, занимали каждый свободный вершокъ. Какой-то специфическій запахъ чеснока и гнилой рыбы разносится по всему пароходу. Китайцы ведутъ себя очень чинно: пьютъ чай, курятъ опіумъ и играютъ въ карты.

Отъ 30 марта до 2 апрѣля. Желтыя воды Меконга смѣнились темно-синими волнами. 27° Реомюра. На слѣдующій день температура падаетъ до 21° Р. въ тѣни. На третій день поднимается свѣжій вѣтеръ, и всѣ показываются въ зимнихъ платьяхъ.

2 апрѣля. Проходимъ цѣлый рядъ островковъ. Мой соотечественникъ, потерпѣвшій крушеніе на одномъ изъ русскихъ пароходовъ, сильно опасается такихъ мѣстъ. Къ двумъ часамъ мы подходимъ къ Гонгъ-Конгу, и предъ нами развертывается великолѣпная бухта, которая можетъ вмѣстить въ себѣ громаднѣйшій флотъ. Англичане и тутъ показали себя хорошими администраторами. Дикій и скалистый островъ, убѣжище пиратовъ, непривѣтливый и лишенный растительности, обратился въ умѣлыхъ рукахъ въ цвѣтущую колонію съ богатымъ населеніемъ и съ милліонными торговыми оборотами [1].

Гонгъ-Конгъ расположился амфитеатромъ на горѣ. Европейскій кварталъ можно назвать городомъ дворцовъ. Когда мы встали на якорь, то къ намъ подошелъ маленькій пароходикъ гонгъ-конгской гостиницы, которая находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Тутъ же и почта, англійскій клубъ, пріютъ комфорта и роскоши, прекрасные магазины, нѣмецкій клубъ. Паланкины (chaise á porteur), или кресла на двухъ палкахъ, предлагаются на перебой носильщиками-Китайцами. Точь-въ-точь наши извощики на станціяхъ. Стòитъ только Европейцу показаться у подъѣзда гостиницы, какъ къ нему летятъ Китайцы съ паланкинами и чуть не валятъ его съ ногъ. Ну и достается имъ отъ швейцара гостиницы. Онъ при мнѣ угостилъ ихъ здòрово кнутомъ, такъ что они только почесывали спины и въ отдаленіи ругались самыми отборными выраженіями. Кромѣ паланкиновъ есть и японскія колясочки, но респектабельный Европеецъ (я употребляю мѣстный терминъ) ими

[1] По отчету 1891 года населенія на островѣ Викторія или Гонгъ-Конгѣ 221.482. Доходовъ колонія дала около двухъ милліоновъ долларовъ, расходы полтора милліона. Судоходство въ круглыхъ цифрахъ: судовъ 36 тыс. и 11 милл. тоннъ.

не пользуется. Главные магазины на улицѣ Queen's Road, параллельной набережной. Кромѣ богатыхъ европейскихъ магазиновъ, тутъ есть магазины китайскіе, японскіе и индусскіе. Глаза разбѣгаются при видѣ китайскихъ шелковыхъ матерій, парчи, издѣлій изъ слоновой кости, вышивокъ по атласу, крепа, акварелей на шелку, кантонской мебели изъ чернаго дерева, этажерокъ, экрановъ, столиковъ съ инкрустаціями, ажурныхъ ширмъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ издѣлій, фаланocc или клуазонне изъ Японіи и Китая, серебряныхъ издѣлій и т. д. Несмотря на большое движеніе, порядокъ образцовый благодаря рослымъ и красивымъ сикхамъ, которые и здѣсь исполняютъ полицейскую службу.

Европеецъ въ Гонгъ-Конгѣ, работая безъ устали, въ большинствѣ случаевъ живетъ большимъ бариномъ. Въ конторѣ надъ нимъ развѣвается панка, и онъ въ жаркое время сидитъ въ туфляхъ и безъ сюртука. Кончилась работа въ пять часовъ, и онъ принимаетъ участіе въ спортахъ. Ѣздитъ верхомъ, играетъ въ лаунъ-теннисъ, идетъ въ клубъ. Обѣдаетъ поздно и рано ложится спать. Живетъ онъ на горѣ, въ красивой виллѣ, окруженной зеленью. Теперь, благодаря проволочной дорогѣ, доведенной до самой вершины Victoria Peak (3.000—4.000), и тѣмъ, которые побѣднѣе, можно круглый годъ пользоваться хорошимъ воздухомъ и зеленью. Пріѣзжій, конечно, не пользуется этими удобствами и, вмѣсто роскошной жизни въ какомъ-нибудь дворцѣ, долженъ довольствоваться сквернымъ нумеромъ въ гостиницѣ, сквернымъ чаемъ, похожимъ на бурду.

Прислуга здѣсь—Китайцы въ бѣлыхъ кофточкахъ, въ шароварахъ и въ башмакахъ на мягкой, тонкой подошвѣ. Прислуга многочисленная, но очень невнимательная. Всѣ объясненія съ нею, какъ и съ мѣстными Китайцами, происходятъ на такъ-называемомъ pigeon—собственно происшедшій отъ слова business—то-есть дѣловой разговоръ, какой-то исковерканный Китайцами англійскій языкъ. Обѣдъ отличается обиліемъ блюдъ, но въ англійскомъ вкусѣ съ обязательнымъ рисомъ и кёрри.

Если хотите видѣть Гонгъ-Конгъ въ полномъ блескѣ, то надо посѣтить его во время скачекъ, когда весь англійскій флотъ въ сборѣ и когда на рейдѣ еще нѣсколько иностранныхъ военныхъ судовъ. Это праздникъ не только для Англичанъ, но и для всего туземнаго населенія, особенно для Китайцевъ, которые въ эти дни закрываютъ свои конторы и магазины. Китаецъ разсчетливъ, даже скупъ, но это не мѣшаетъ ему быть игрокомъ до мозга

костей. Очень часто Китаецъ, собравшій почтенный капиталецъ по грошамъ, въ одинъ вечеръ спуститъ все, что нажилъ съ такимъ трудомъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Даже простолюдинъ Китаецъ (Японецъ въ этомъ не отстаетъ отъ него) любитъ попытать счастье. Вы часто увидите на улицѣ цѣлую группу Китайцевъ-носильщиковъ, играющихъ въ азартныя игры. Вотъ отчего скачки, пари, тотализаторы, биржевая игра пришлись Китайцамъ по вкусу.

Въ день скачекъ Счастливая Долина (Happy Vallees) кишмя-кишитъ народомъ. Парсы въ черныхъ шелковыхъ остроконечныхъ шапкахъ, Китайцы въ свѣтло-голубыхъ или зеленыхъ парчевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, въ бѣлыхъ атласныхъ панталонахъ, въ шелковыхъноскахъ и башмакахъ, Португальцы и метисы въ европейскомъ костюмѣ, негры, Индусы въ красивыхъ тюрбанахъ, Малайцы—всѣ стремятся къ скаковому полю. Среди этой толпы выдѣляются красные мундиры англійскихъ солдатъ, парадныя носилки съ дамами въ красивыхъ туалетахъ. Носильщики у богатыхъ носятъ красивую ливрею, да и носилки устроены съ нѣкоторою роскошью. Такая же разница какъ между собственнымъ экипажемъ и извощиками. Сами скачки для любителей спорта и для игроковъ, конечно, интересны, но въ сущности не отличаются разнообразіемъ.

---

4 апрѣля. Смотрѣть въ Гонгъ-Конгѣ почти нечего, если вы хотите ограничиться европейскимъ кварталомъ. Дворцы, казармы, въ которыхъ благоденствуетъ англійскій солдатъ, асфальтовая мостовая могутъ поразить васъ при первомъ знакомствѣ, но въ этомъ нѣтъ ничего оригинальнаго. Очень хорошъ и ботаническій, или общественный садъ; Англичане на скалахъ разсадили милліоны деревьевъ, которыя принялись очень хорошо. Очень комфортабельно устроенъ госпиталь, въ которомъ мы посѣтили одного нашего соотечественника, офицера съ фрегата *Димитрій Донской*. Несмотря на роскошную обстановку,—садъ съ красивыми деревьями и цвѣтами,—нашъ соотечественникъ былъ не очень доволенъ. Послѣ Сингапура онъ не могъ согрѣться (печи неизвѣстны въ Гонгъ-Конгѣ), да и порціи выдавались не русскія, а какія-то микроскопическія, и онъ жилъ впроголодь.

Вечеромъ мой австралійскій знакомый г. Парсонсъ сообщилъ мнѣ, что онъ имѣетъ случай осмотрѣть досконально трущобы китайскаго квартала и пригласилъ меня вмѣстѣ съ другими въ эту экспедицію. Мы вышли въ 9 часовъ вечера и, поднявшись вверхъ по ступенямъ, очень скоро очутились передъ рѣшеткой. Китайцы на ночь запираютъ свои улицы. Еще нѣсколько темныхъ и узкихъ улицъ—и мы попали въ китайскій клубъ. Распорядитель клуба принялъ насъ въ комнатѣ, убранной на китайскій манеръ. Очень много рѣзьбы и позолоты, но твердыя сидѣнья и такія же твердыя спинки и дивановъ и стульевъ дѣлаютъ ихъ неудобными въ наше изнѣженное время. Столы мраморные съ рѣзьбой изъ чернаго дерева. Угостивъ насъ хересомъ, распорядитель повелъ насъ по всѣмъ комнатамъ клуба. Въ китайскомъ клубѣ разрѣшаются азартныя игры, куреніе опіума и женщины. Женщины, страшно намазанныя, но пріятныя на видъ, робко выглядывали изъ другой комнаты, распорядитель поманилъ ихъ рукой, и онѣ вышли къ намъ, хихикая и съ любопытствомъ осматривая заморскихъ чертей, какъ Китайцы называютъ Европейцевъ. Въ другихъ комнатахъ лежали Китайцы-курильщики опіума, и около нихъ вертѣлось нѣсколько женщинъ.

Въ другой комнатѣ происходила игра. Одинъ важный Китаецъ съ рѣдкою бородой, въ громадныхъ очкахъ и съ громаднымъ каменнымъ кольцомъ на большомъ пальцѣ, даже не удостоилъ насъ взглядомъ. Ногти у этого Китаца были грязные, предлинные, ясно доказывающіе, что хозяину ихъ не нужно работать руками.

Когда мы вышли на балконъ, бывшій во второмъ этажѣ, распорядитель разсказалъ намъ объ устройствѣ клуба. Членскій взносъ очень маленькій, отъ одного доллара до трехъ въ мѣсяцъ. За эту сумму дается столъ и помѣщеніе. Главный доходъ клуба, конечно, азартная игра, т.-е. 10% съ выигрыша, и плата за билліардъ.

Желая познакомиться поближе съ китайскими порядками, мы заказали обѣдъ и вышли изъ клуба. Насъ повели сначала въ очень шикарную гостиницу. Въ большой залѣ мы застали большую компанію Китайцевъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ говорилъ что-то, и присутствующіе выражали ему свое одобреніе. Въ гостиницѣ такая же роскошная обстановка, какъ и въ клубѣ: рѣзьба, позолота и красивыя лампы, оригинальные подсвѣчники и мебель изъ чернаго дерева. Наше появленіе въ залѣ вызвало всеобщій смѣхъ, и мы поспѣшили отретироваться.

Пройдя лабиринтъ узкихъ и темныхъ улицъ, мы пришли въ китайскій театръ. Въ зрительной залѣ нѣсколько Китайцевъ въ покойныхъ позахъ лежали около самой рампы и лѣниво слѣдили за представленіемъ. Другіе въ обществѣ женщинъ сидѣли вдоль стѣны и попивали рисовую водку. Были тутъ и койки для курильщиковъ опіума. Одинъ изъ нихъ съ воспаленными глазами и краснымъ лицомъ подошелъ къ намъ и сталъ разсматривать насъ съ большимъ любопытствомъ. Въ числѣ зрителей были и высокопоставленные люди и богачи. У многихъ были украшенія изъ драгоцѣнныхъ камней. Около одного изъ возлежавшихъ—манджурскаго генерала съ калмыцкимъ лицомъ и съ большими усами—увивались какія-то женщины. Музыка иногда напоминаетъ наши хороводныя пѣсни. Только бѣда, что Китайцы ни къ селу ни къ городу щелкаютъ трещоткой.

О представленіи судить очень трудно, давалось что-то очень длинное, фантастическое, являлись колдуны, духи, чудовища, красивая дѣвица. Иногда эти представленія тянутся нѣсколько дней.

Посидѣвъ немного, мы распростились съ нашими сосѣдями. Китацы очень вѣжливо отвѣтили на нашъ поклонъ.

Намъ хотѣлось посмотрѣть притонъ, гдѣ курятъ опіумъ, но наши провожатые, интеллигентные Китайцы, водили насъ кругомъ да около. Наконецъ, когда мы прижали ихъ къ стѣнѣ, то они сказали, что тамъ очень уже грязно (a very dirty place). Но мы настаивали, и они обѣщались свести насъ туда. По дорогѣ мы зашли въ одинъ изъ притоновъ. Ихъ было кажется очень много, потому что вся улица была занята ими. По грязной и неосвѣщенной лѣстницѣ мы поднялись въ третій этажъ и увидѣли одну громадную залу, разгороженную на множество маленькихъ клѣтушекъ. Въ каждой клѣтушкѣ стоитъ кровать съ китайскими подушками. Въ нѣкоторыхъ имѣются даже зеркала и олеографіи даже русскаго происхожденія. Женщины, которыя попались намъ навстрѣчу, были очень некрасивы. Ихъ лица, намазанныя свекловичнымъ сокомъ и бѣлилами, съ подведенными бровями и волосами, покрытыми мастикой, съ алыми губами отъ розовой помады, были похожи на какія-то маски, и сами Китаянки казались какими-то разрисованными куклами, а не людьми. Увидѣвъ насъ, онѣ захихикали и прижались въ уголъ. Нашъ путеводитель сказалъ, что этотъ домъ одинъ изъ лучшихъ. Что̀ же такое тѣ, которые похуже? Оттуда мы отправились въ

настоящія трущобы. Грязь, вонь, вмѣсто улицъ какіе-то узкіе, скользкіе корридоры и въ концѣ концовъ притонъ для курильщиковъ. Мы пришли въ темную, низкую, грязную комнату, всю пропитанную смрадомъ и запахомъ опіума. Тутъ же и кухня, въ которой при тускломъ освѣщеніи одной лампочки готовилось кушанье. Курильщики лежали на жесткихъ, деревянныхъ койкахъ. Нашъ приходъ произвелъ большую сенсацію. Нѣкоторые изъ курильщиковъ приподнялись на койкахъ и уставились на насъ посовѣлыми глазами. Лица курильщиковъ не произвели на меня особеннаго впечатлѣнія. Я ожидалъ чего-то большаго. На улицѣ я уже видѣлъ какъ джинрикши везутъ Китайцевъ, опьяненныхъ опіумомъ до безчувствія. При яркомъ свѣтѣ дня эти изможденныя лица, безчувственныя тѣла, кидаемыя изъ стороны въ сторону отъ каждаго толчка, производятъ дѣйствительно отвратительное впечатлѣніе. Многіе послѣ опіума дѣлаются болтливыми, а другіе затѣваютъ ссору. Послѣ сильнаго возбужденія настаетъ апатія и полнѣйшее безсиліе. Страданія этихъ несчастныхъ въ это время ужасны.

Но вернемся въ клубъ. Распорядитель опять угостилъ насъ пивомъ, хересомъ и чаемъ, поданнымъ на китайскій манеръ въ чашкахъ съ крышкой. Ложекъ не даютъ, надо приподнять немножко крышку и такимъ образомъ пить чай. Распорядитель оказался очень разговорчивымъ, далъ намъ на память свою визитную карточку на большой красной бумагѣ и показалъ намъ кольцо изъ пахучаго дерева. Порошекъ изъ этого дерева отличное средство противъ дисентеріи. Онъ одѣваетъ его на большой палецъ, когда ему приходится посѣщать мѣста, отличающіяся зловоніемъ, а такихъ мѣстъ очень много въ китайскомъ кварталѣ. Послѣ этого онъ снялъ его и надѣлъ другое кольцо съ малахитомъ. Въ это время пришелъ слуга и доложилъ, что обѣдъ готовъ. Круглый столъ былъ накрытъ бѣлою скатертью, и на столѣ, какъ у дѣтей наставлено множество маленькихъ фарфоровыхъ тарелочекъ. Мы обѣдали не одни, но къ намъ присоединились еще почетные члены клуба, два чиновника съ чрезвычайно бѣлыми, аристократическими руками. Они усѣлись около распорядителя. Предъ каждымъ изъ гостей было маленькое блюдечко, китайскія палочки и фарфоровая ложка. Назначеніе послѣдней я узналъ, когда подали супъ изъ акульихъ перьевъ. Каждый своею ложкой черпалъ изъ общей миски и затѣмъ подносилъ ее ко рту. Около каждаго стояло маленькое

блюдечко съ коричневымъ соусомъ (соя). Туда макаютъ твердую пищу. Меню чрезвычайно разнообразное. Намъ подавали безсчетное количество блюдъ. Были тутъ и лягушки, шелковичные черви, птицы, изрѣзанныя ломтиками съ чеснокомъ, икра, приготовленная особеннымъ способомъ, тухлыя яйца, ласточкины гнѣзда, форшмакъ изъ собачьяго мяса, лотусы, луковицы лилій, очень вкусная морская капуста, облитая, къ сожалѣнію, сладкимъ соусомъ, крысы, утка съ имбиремъ, и т. д. Все это запивалось рисовою водкой въ маленькихъ чашкахъ величиной съ наперстокъ. Сосѣдъ мой Французъ пробовалъ всего и на другой день долженъ былъ принять слабительное. Австраліецъ не могъ справиться съ палочками и возбуждалъ этимъ всеобщее веселіе. Сначала насъ усердно подчивали и все подливали рисовой водки. Произносились тосты, все съ тѣмъ, чтобы напоить заморскихъ чертей. Среди обѣда къ намъ подсѣли веселыя подруги нашихъ хозяевъ. Дома у нихъ своя семья, законныя супруги, ну, а здѣсь, въ клубѣ, надо развлекаться. Всѣ эти Китаянки еле-двигаются на своихъ изуродованныхъ ногахъ. Австраліецъ попросилъ позволенія посмотрѣть ножку Китаянки, и о ужасъ, какое зрѣлище представилось намъ. Для того, чтобъ имѣть маленькую ножку, Китаянка подвертываетъ подъ ступню всѣ пальцы, за исключеніемъ большаго, и въ теченіе времени получается какой-то безобразный обрубокъ; подъ ступней видно сырое мясо. Только богатыя Китаянки пользуются этою привилегіей: лодочницы и женщины изъ простонародья не уродуютъ своихъ ногъ. Сначала Китаянки только искоса посматривали на насъ и видимо стѣснялись нашимъ присутствіемъ, но потомъ пріободрились и начали кокетничать съ знакомыми мужчинами. Одинъ изъ Китайцевъ, красивый и видный мужчина, настоящій Донъ-Жуанъ, заигрывалъ со всѣми женщинами и вызвалъ страшную сцену ревности со стороны своей метрессы. Послѣ обильнаго угощенія водкой Китайцы начали какую-то игру, въ которой одинъ изъ-за спины показываетъ столько-то пальцевъ на рукѣ и другой въ одно мгновеніе долженъ крикнуть вовсеуслышаніе это число. [1] Неотгадавшій число долженъ въ видѣ штрафа выпить рюмку водки, но онъ очень часто передавалъ свою порцію своей сосѣдкѣ. Это дѣлалось и съ разными кушаньями. Рисовая водка и игра сдѣлали свое дѣло.

[1] Это итальянская игра „mora“, въ которой надо отгадать сумму пальцевъ показываемое обоими играющими.

и наши Китайцы вмѣстѣ съ Китаянками такъ увлеклись игрой, что совершенно забыли о нашемъ существованіи. Изъ-за наружной полировки выглянули настоящіе люди съ ихъ страстями. И это очень интересно, потому что Китаецъ свысока смотритъ на Европейца, называетъ его варваромъ за то, что тотъ не умѣетъ обуздывать себя, даетъ волю своимъ чувствамъ, раздражается и говоритъ въ сердцахъ то, что̀ не подобаетъ благовоспитанному человѣку. Не надо забывать, что культура у Китайцевъ насчитываетъ нѣсколько тысячелѣтій, что и теперь самый несчастный кули читаетъ свою газету и что китайское образованіе доступно всѣмъ классамъ. Моимъ товарищамъ надоѣло смотрѣть на неприкрашенныхъ Китайцевъ, и они собрались уходить. Тогда намъ сказали, что обѣдъ далеко не конченъ. Чай и куреніе—только маленькій антрактъ въ обѣдѣ. Намъ подали умыться и послѣ этого новыя кушанія. Я удивлялся Китайцамъ, какъ они могутъ еще ѣсть, многіе изъ нихъ рыгали съ особымъ шикомъ и остентаціей (это принадлежитъ къ хорошему тону), показывая намъ, что они сыты. Уйти отъ гостей, не кончивъ обѣда, было конечно неловко съ нашей стороны, но что̀ дѣлать, мои товарищи рѣшительно заявили, что они хотятъ уйти. Австралійцу было поручено расплатиться за насъ всѣхъ, но тутъ вышло опять какое-то недоразумѣніе и распорядитель не хотѣлъ съ него брать денегъ. Кончилось тѣмъ, что переводчикъ разрубилъ гордіевъ узелъ и сунулъ деньги Австралійца себѣ въ карманъ.

На другой день Китайцы, не желая оставаться предъ нами въ долгу, пригласили насъ на форменный банкетъ съ шампанскимъ. Приглашены были десять высокопоставленныхъ Китайцевъ. Я не былъ свободенъ на этотъ разъ, и Австраліецъ разсказалъ мнѣ, что обѣдъ былъ еще богаче нашего, но что не было игры и женщинъ. Обѣдъ продолжался до двухъ часовъ утра и былъ замѣчателенъ своею торжественною скукой, которая прервалась на время театромъ маріонетокъ и пѣніемъ.

6 апрѣля. Утро провелъ, гуляя по улицамъ и по набережной. Меня интересовала жизнь Китайца въ сампангахъ, уже описанныхъ мною раньше. Просто удивительно, какъ на такомъ маленькомъ пространствѣ умѣщается семья въ нѣсколько человѣкъ. Другаго дома у нихъ нѣтъ. Дѣтей, когда они глупы, привязываютъ къ лодкѣ съ тѣмъ, чтобъ они не упали въ воду. Главныя работницы обыкновенно краснощекія, здоровыя Китаянки съ

нормальными ногами, съ развитыми формами и мускулами. На этихъ сампангахъ живетъ всякій народъ и, говорятъ, бывали случаи ограбленія какого-нибудь одинокаго путешественника, если онъ ночью рѣшался ѣздить по рейду. Похоронить концы очень легко, стòитъ только выбросить тѣло въ море... Надо правду сказать, что китайское населеніе въ Гонгъ-Конгѣ собралось туда съ бору да съ сосенки. Между живущими на водѣ есть завѣдомые пираты, которые пользуются покровительствомъ англійскихъ законовъ. Если услышите о нападеніи пиратовъ на какой-нибудь пароходъ, то ищите концы въ Гонгъ-Конгѣ, тамъ скрываются всѣ бѣжавшіе отъ китайской, португальской и французской полиціи. Вся жизнь Китайца происходитъ на улицѣ. Въ сампангахъ вся семья ѣстъ рисъ и копченую или вяленую рыбу въ маленькихъ чашкахъ, въ китайскихъ ресторанахъ продается всякая снѣдь, тутъ же на улицѣ брѣютъ, въ сосѣдней лавкѣ рѣжутъ свинью, которая пищитъ благимъ матомъ. Лица у всѣхъ при этомъ важныя, торжественныя и невозмутимыя...

Мой знакомый разсказалъ мнѣ, какъ живутъ здѣсь Нѣмцы. Ихъ тутъ очень много и нѣмецкій клубъ такъ же хорошо поставленъ, какъ и англійскій. Каждый годъ изъ Гамбурга, Бремена пріѣзжаютъ молодые приказчики, получившіе на родинѣ хорошую подготовку, и очень охотно принимаются не только у своихъ соотечественниковъ, но и у Англичанъ, которые очень цѣнятъ нѣмецкую аккуратность, прилежаніе, а главное то, что Нѣмцы довольствуются меньшимъ содержаніемъ. Въ былое время, когда Гонгъ-Конгъ ворочалъ милліонами (онъ и теперь по торговымъ оборотамъ и по судоходству послѣ Лондона и Ливерпуля занимаетъ третье мѣсто), въ то блаженное время, когда золото лилось рѣкой, англійскіе приказчики жили у своего патрона въ роскошныхъ дворцахъ, ѣли и пили всласть на его счетъ и шампанское лилось рѣкой на такихъ обѣдахъ. Эти героическія времена миновали; Китайцы, работающіе дешевле Европейцевъ, стали конкуррировать съ успѣхомъ и вырвали изъ рукъ Европейцевъ самыя выгодныя дѣла. Многія европейскія фирмы прогорѣли, многіе дворцы опустѣли, и Европейцы стали довольствоваться меньшими барышами, а многіе сдѣлались просто коммиссіонерами

Китайцевъ. Такъ, напримѣръ, въ торговлѣ съ французскими колоніями, съ Сіамомъ, Сингапуромъ и Явой Китайцы вытѣснили Европейцевъ и остались единственными хозяевами дѣла, фрахтуютъ европейскіе пароходы и держатъ на жалованьѣ Европейцевъ. Въ банкахъ тоже китайскіе капиталы, да и Китайцы уже не тѣ, что прежде, китайскіе милліонеры знаютъ себѣ цѣну. Подъ сѣнью англійскихъ законовъ, не страдая отъ вымогательствъ и произвола, они могутъ развиться во всю ширь и дать полную волю своей фантазіи.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Г. де-Волланъ.

ВЕНЕЦІАНСКІЙ КУПЕЦЪ.

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Венеція. Улица.

Входятъ **Салярино и Солячіо**

Соляніо.— Ну, что новаго на Ріальто?

Салярино—Да-что!.. Ничѣмъ еще не опровергается, что у Антоніо корабль съ богатымъ грузомъ потерпѣлъ крушеніе въ проливѣ: Годвиновы пески, кажется, по ихнему называется мѣсто: очень опасная отмель, и гибельная даже и для громадныхъ кораблей: многіе остовы, какъ говорятъ, лежатъ тамъ погребены, если только моя сплетница-молва можетъ быть вѣрна своему слову [1].

Соляніо.—Когда-бъ она въ этомъ оказалась такою же сплетницей-лгуньей, какъ та, которая, пережевывая толченый имбирь, увѣряла своихъ сосѣдей, что горько оплакиваетъ смерть своего третьяго мужа [2]. Но не вдаваясь въ разглагольствія и не сходя съ прямой стези разговора,—правда, что добрый Антоніо, что честный Антоніо—О, еслибъ я могъ придумать достойное названіе, которое могъ бы поставить на ряду съ его именемъ!

---

[1] Годвиновы пески находятся противъ Кентскаго берега; по преданію это былъ нѣкогда островъ, составлявшій владѣнія кентскаго графа, Годвина, и поглощенный моремъ въ 1097. Пескамъ этимъ приписывалась необыкновенная прожорливость и всасывательная способность, такъ что громаднѣйшихъ размѣровъ судно, стоило ему только натолкнуться на нихъ, въ нѣсколько дней бывало поглощаемо совершенно.

[2] Толченый имбирь, какъ средство производить слезливость въ глазахъ, чтобы казаться плачущимъ.

Салярино.—Ну же, договаривай до конца—до настоящей точки.

Соланіо.—Э, да что говорить!—Конецъ весь въ томъ, что у него погибъ корабль.

Салярино.—Хорошо еще, еслибъ это оказалось концомъ его потерь.

Соланіо.—Спѣшу скорѣе сказать *аминь*, чтобъ дьяволъ не перешелъ поперекъ молитвы, потому что вонъ онъ приближается въ подобіи Жида.

Входитъ Шейлокъ.

Ну, что, Шейлокъ? Что слышно новаго въ торговомъ мірѣ?

Шейлокъ.—Это вы знали...—Никто лучше васъ, никто лучше васъ—объ уходѣ моей дочери.

Салярино.—Еще бы. Я съ своей стороны знаю даже портнаго, изготовлявшаго крылья, на которыхъ она упорхнула.

Соланіо.—А Шейлокъ съ своей стороны не могъ не знать, что птичка уже пооперилась, и что это ужь у нихъ такая комплекція, чтобы послѣ этого оставлять гнѣздо.

Шейлокъ.—И она осуждена за это.

Салярино.—Разумѣется, если дьяволу придется быть ея судьею.

Шейлокъ.—Моя собственная плоть и кровь—и бунтовать!

Соланіо.—Поди ты, старая падаль!—Какъ? Бунтуетъ еще и въ эти годы?

Шейлокъ.—Я говорю, моя дочь—моя плоть и кровь.

Салярино.—Ну, между твоимъ и ея тѣломъ больше разницы, чѣмъ между агатомъ и слоновою костью; а между ея кровью и твоей—чѣмъ между краснымъ и рейнскимъ виномъ? Скажи ка ты намъ лучше, не слыхалъ ли, что у Антоніо были какія-нибудь потери на морѣ, или нѣтъ?

Шейлокъ.—Вотъ и еще другая скверная сдѣлка: банкротъ, мотишка, который почти уже носу не смѣетъ показать на Ріальто; нищій, который бывало, такимъ франтомъ, приходитъ на биржу. Пускай-ка онъ помнитъ о своемъ обязательствѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе обзывать меня ростовщикомъ: пусть онъ помнитъ о своемъ обязательствѣ;—онъ имѣлъ обыкновеніе раздавать деньги въ долгъ изъ-за христіанской вѣжливости: пусть онъ помнитъ о своемъ обязательствѣ.

Салярино.—Ну, что жь: хоть бы онъ и просрочилъ, я увѣренъ, не станешь же ты требовать кусокъ его мяса: на что бы оно тебѣ пригодилось?

Шейлокъ.—Приманивать на него рыбъ: если ужь не можетъ

питать ничего другаго, оно будетъ питать мое мщеніе. Онъ меня поносилъ и позорилъ, онъ мнѣ испортилъ дѣло въ полмилліона; насмѣхался надъ моими потерями, издѣвался надъ моими барышами; племя мое презиралъ, сдѣлкамъ моимъ подставлялъ ногу; онъ охлаждалъ друзей моихъ, и распалялъ враговъ моихъ.—И какая-жь его на то причина? То, что я Жидъ.—И что же, у Жида нѣтъ глазъ? У Жида нѣтъ рукъ, органовъ, размѣровъ, чувствъ, ощущеній, страстей? Не питается онъ тою же пищей, не ранится тѣмъ же оружіемъ, не подверженъ тѣмъ же недугамъ, не врачуется тѣми же средствами? Не грѣется и не студится тѣми же зимою и лѣтомъ, какъ и вашъ христіанинъ? Если вы прободаете насъ, и что же—мы не истекаемъ кровью? Если вы щекочите насъ, что же—мы не хохочемъ? Если вы отравляете насъ, и мы не умираемъ? И если вы оскорбляете насъ, мы не должны отомщать? Если мы вамъ подобны во всемъ, то хотимъ быть подобны и въ этомъ. Если Жидъ оскорбляетъ христіанина—въ чемъ его хваленое смиреніе? Въ отмщеніи. Если христіанинъ оскорбляетъ Жида, въ чемъ должно состоять его терпѣніе, по примѣру христіанина? въ чемъ—въ отмщеніи. Я приведу въ исполненіе мерзость, которой вы же научаете меня; и это будетъ еще худо, если я не превзойду учителей.

Входитъ слуга.

Слуга.—Господа, мой хозяинъ Антоніо теперь у себя и желаетъ переговорить съ вами обоими.

Салярино.—А мы-то его искали повсюду.

Соляніо.—Вонъ идетъ еще другой изъ того же колѣна: третьяго къ нимъ подобрать нельзя, развѣ ужь самъ дьяволъ превратится въ Жида *(уходятъ Соляніо, Салярино и слуга).*

Входитъ Тубалъ.

Шейлокъ.—Ну, что, Тубалъ? Что новаго изъ Генуи?—Нашелъ ты мою дочь?

Тубалъ.—Нѣсколько разъ нападалъ на слухи о ней, но отыскать не могъ.

Шейлокъ.—Ай-вотъ, вотъ, вотъ, вотъ! Алмаза нѣтъ—стоилъ мнѣ двѣ тысячи дукатовъ во Франкфуртѣ! Проклятіе никогда еще не обрушалось на голову нашего племени до этого дня: я никогда еще его такъ не чувствовалъ его до этого дня. — Двѣ тысячи

дукатовъ въ этомъ одномъ. А еще другіе драгоцѣнные, драгоцѣнные камни! Когда бъ моя дочь издохла у моихъ ногъ, а брилліанты были бы у нея въ ушахъ! Когда бъ ее въ гробъ уложили у моихъ ногъ, а дукаты были бы у нея въ гробу! И ничего, ничего не слышно о нихъ? И все тутъ.—И я не знаю, во что еще обошлись развѣдки. И что же это—потери на потери! Воръ ушелъ: столько-то унесъ, и столько-то на то, чтобъ разыскать вора—и никакого удовлетворенія, никакого отмщенія! Не стрясется бѣды, чтобы не на мои плечи[1]; ни вздоха безъ моего воздыханія, ни слезы безъ моего проливанія.

Тубалъ.—Есть и у другихъ тоже свои несчастія... Вонъ у Антоніо, какъ я слышалъ въ Генуѣ—

Шейлокъ.—Что, что, что? Несчастіе? Несчастіе?

Тубалъ.—Большой торговый корабль выброшенъ на мель—шелъ изъ Триполи.

Шейлокъ.—Благодареніе Господу! Благодареніе Господу! Правда ли? Правда ли?

Тубалъ.—Я говорилъ съ матросами, спасшимися во время крушенія.

Шейлокъ.—Благодарю тебя, добрый Тубалъ!—Добрыя вѣсти! Добрыя вѣсти! Га-га!—Гдѣ, гдѣ? Въ Генуѣ?

Тубалъ.—А про дочь твою я слышалъ въ Генуѣ, что она въ одну ночь разбросала восемьдесятъ дукатовъ.

Шейлокъ.—Ты въ меня вонзаешь ножъ: я никогда уже снова не увижу моего золота. Восемьдесятъ дукатовъ за одинъ присѣстъ! Восемьдесятъ дукатовъ!

Тубалъ.—Тутъ прибыли со мной въ Венецію нѣсколько кредиторовъ Антоніо; они божатся, что ему не миновать банкротства.

Шейлокъ.—Этому я радъ, очень радъ: я буду мучить его: я буду терзать его. Этому я радъ.

Тубалъ.—И одинъ изъ нихъ показывалъ мнѣ кольцо, полученное имъ отъ твоей дочери за обезьяну.

Шейлокъ.—Ну ее!—Ты терзаешь меня, Тубалъ: это моя бирюза—

---

[1] Всѣ эти библейскія ветхозавѣтные обороты можно почитать умѣстными въ рѣчи Шейлока, и я не вижу никакой возможности замѣнить эти страстныя семитическія особенности сухими и пошлыми, грамматически-построенными фразами: ...всякое горе падаетъ только на мои плечи, вздыхаетъ только моя грудь, льются только мои слезы... Какъ-то мнѣ *однако* предлагаютъ въ оффиціальной бумагѣ, то-есть *собственно* въ томъ смыслѣ, что я обязанъ сдѣлать «такія *исправленія*» (?!).

Тюркуазъ [1], подаренная мнѣ Лiей, когда еще я былъ женихомъ: я бы не отдалъ ее за цѣлую пустыню обезьянъ... [2]

Тубалъ.—А Антоніо-то, внѣ всякаго сомнѣнія, раззоренъ.

Шейлокъ.—А что? вѣдь это и правда: это истинная правда: пойди, Тубалъ, пойди, возьми мнѣ хорошаго пристава; договори его на двѣ недѣли впередъ.—Знаешь, если просрочитъ, я у него вырѣжу сердце: потому, какъ только его не будетъ въ Венеціи, тогда ужь я поведу дѣла, какъ я хочу. Иди же, Тубалъ, и приходи ко мнѣ въ нашу синагогу. Иди же, добрый Тубалъ. Такъ въ нашу синагогу, Тубалъ (*уходятъ*).

СЦЕНА II.

Бельмонтъ. Залъ въ замкѣ.

Входятъ Бассаніо, Порція, Граціано, Нерисса *и ихъ приближенные.—Ларцы уже выставлены.*

Порція.—Прошу васъ, не спѣшите,—погодите
День, или два дня—прежде чѣмъ рискнете;
При неудачномъ выборѣ теряю
Я ваше общество—такъ лучше подождите:
Мнѣ что-то говоритъ (хотя и не любовь),
Что я бы не хотѣла васъ лишиться.
И сами знаете, что ненависть не можетъ
Такъ говорить. Но чтобы вы могли
Не впасть въ ошибку и меня узнать,
(Языкъ же дѣвушки—въ дѣвичьихъ грёзахъ),
Мнѣ-бъ такъ хотѣлось задержать васъ здѣсь
На мѣсяцъ, на два, прежде чѣмъ рискнете
Вы собственной судьбой изъ-за меня.

---

[1] Французская форма слова Тюркуа, означающаго сѣро-голубой алмазъ, привозимый изъ Персіи. Этому камню приписывалось таинственное свойство произвольнаго движенія, когда его хозяину угрожало какое-либо бѣдствіе; его также воображали настолько симпатичнымъ, что онъ терялъ свой блескъ, когда носившій его заболѣвалъ, или впадалъ въ тоску: его даже считали способнымъ продлить сердечныя привязанности и примирять разошедшихся друзей. Изъ этого уже можно видѣть, какую цѣнность долженъ былъ имѣть Тюркуазъ въ глазахъ Шейлока, получившаго его отъ Лiи, когда еще онъ былъ женихомъ.

[2] То-есть не отдалъ бы за столько обезьянъ, сколько могло бы понадобиться, чтобъ населить пустыню; но вставить въ текстъ, какъ мнѣ оффиціозно предлагаютъ, слова: «населенную обезьянами» невозможно, потому что иное дѣло комментарій, иное поэтическій текстъ: пустыня *населенная* уже перестаетъ быть пустыней, и кромѣ того, это бы разрушило весь юморъ восклицанія, когда человѣкъ внѣ себя говоритъ иногда не совсѣмъ логично.

Я васъ могла бы научить, какъ выбрать,—
Но это было-бъ клятвопреступленье—
И этого не будетъ: но тогда
Вы можете и не найти меня;[1]
И тѣмъ меня заставить сожалѣть,
Что я отвергла клятвопреступленье.
Проклятые глаза, которые меня
Обворожили такъ и раздвоили:
Я—и своя, и въ то же время—ваша;
И, какъ бы ни звала себя своей,
Но, какъ своя, выходитъ тоже ваша,—
Итакъ, вся ваша! О! несносный вѣкъ,
Что ставитъ такъ несвойственно преграды
Межъ господиномъ и его правами:
Итакъ, хотя и ваша, но не ваша.—
Что̀ бъ ни случилось, я тутъ въ сторонѣ:
За все судьба останется въ отвѣтѣ...
Я говорю такъ долго, чтобъ продлить,
Замедлить время, затянуть его—
И отдалить вашъ выборъ.

Бассаніо.—Позвольте выбирать: такъ, какъ я есть,
Я просто какъ на пыткѣ.

Порція.— Какъ на пыткѣ?—
Такъ сознавайтесь же, что̀ за измѣна
Въ любви таится вашей?—

Бассаніо.— Развѣ только
Несносная измѣна недовѣрья
Къ возможности успѣть въ моей любви.
Возможнѣй дружба межъ огнемъ и снѣгомъ,
Чѣмъ межъ измѣной и моей любовью.

Порція.—Но я боюсь, вы говорите съ пытки,
Когда со страху подтверждаютъ все.

Бассаніо.—Даруйте жизнь—и я сознаюсь въ правдѣ.

Порція.—Вотъ это такъ—Сознайся и живи.

Бассаніо.—Сознайся и люби—вотъ полный смыслъ
Такого беззавѣтнаго сознанья.
О, пытка—счастье, если самъ мучитель

[1] Тутъ мнѣ опять дѣлали *по рынку* (?) «потерять» вмѣсто «не найти»... Но какъ *потерять* то, чего онъ еще не нашелъ—очевидно, разумѣется тотъ ларецъ, гдѣ находится ея портретъ. Какъ легко такъ *все попрекать*!..

Отвѣтамъ учитъ для освобожденья!—
Позвольте у ларцовъ спросить судьбу.
Порція.—Отстаньте!—Я хранюсь въ одномъ изъ нихъ:
Коль любите—съумѣете найти..
Нерисса и другіе—отойдите.
И пусть, пока онъ дѣлаетъ свой выборъ,
Играетъ музыка, чтобъ при несчастьи
Имѣлъ конецъ онъ, какъ тотъ чудный лебедь,
Растаявъ въ звукахъ: къ полнотѣ сравненья
Пусть перейдутъ глаза мои въ потокъ—
То ложе смерти для него изъ влаги...
Онъ можетъ выиграть—и что̀ тогда?—
Пусть будетъ музыка ему привѣтомъ,
Съ какимъ предъ вновь вѣнчаннымъ королемъ
Главы склоняютъ вѣрные вассалы.—
Тогда она, что сладостные звуки,
На утренней зарѣ, порою грёзъ,
Когда, прокравшись къ слуху жениха,
Они его къ вѣнчанью будятъ—Да!
Вотъ онъ идетъ съ неменьшею осанкой,
Но съ большею любовью, чѣмъ Алкидъ,
Когда онъ спасъ Трояиъ отъ женской дани,
Платимой встарь чудовищу морскому:
Я представляю жертву, тѣ—поодаль—
Дарданскіи жёны, съ ужасомъ на лицахъ,
Пришедшія смотрѣть на страшный подвигъ—
Иди, Гераклъ. Ты живъ—и я жива!
Ужаснѣе—теперь я сознаю—
Смотрѣть на бой, чѣмъ дѣйствовать въ бою.
Музыка, пока Бассаніо *разсуждаетъ про себя надъ ларцами.*

Пѣсня.

Скажи мнѣ, гдѣ родится страсть?
Ума-ль то бредъ, иль сердца власть?
Какъ рождена, какъ вскормлена—
Скажи, скажи!,.
Страсть зарождается въ глазахъ;
Живетъ же въ призрачныхъ мечтахъ.
И вотъ—ея же колыбель—
Ея же смертная постель.

Звонимъ же погребальный звонъ
Ей дружно всѣ — Дингъ, дингъ, динъ-донъ.

Всѣ.—Дингъ, дингъ, динъ-донъ.

Бассаніо.—Такъ внѣшность можетъ быть сама въ себѣ
Послѣднимъ дѣломъ: свѣтъ не перестанетъ
Обманываться внѣшнею прикрасой.
Въ судахъ, какъ ни пролажно, грязно дѣло,
Но подъ приправой обаянья рѣчи
Скрашается видъ зла. Въ повѣрьяхъ черни [1]
Найдется-ль роковое заблужденье,
Котораго бы къ слову не могла
Какая-нибудь постная фигура
Благословить, и текстомъ подкрѣпить,
Скрывая вздоръ подъ ловкою прикрасой?
Нѣтъ столько простоватаго порока,
Чтобъ онъ не взялъ для внѣшности своей
У доблести какой-нибудь прикрасы.
Трусовъ какъ много, коихъ сердце лживо
Какъ своды изъ песку,—а принимаютъ
Геракла поступь, Марса грозный видъ,
Тогда какъ посмотрѣть внутри—ихъ печень
Бѣлѣе молока; они берутъ
У доблести—лишь внѣшніе наросты,
Чтобъ быть страшнѣй на видъ. А красота,
Смотрите—покупается на вѣсъ;
Причемъ свершается такое чудо,
Что легче тѣ, на комъ закупокъ больше.
И таковы: какъ вьющіяся змѣи
Златые локоны, играющіе съ вѣтромъ

---

[1] Это смягчено. Въ подлинникѣ буквально такъ:

. . . . «Въ религіи
Найдется-ль роковое заблужденье» и т. д., Здѣсь подъ словомъ «религія» безъ всякаго сомнѣнія должно понимать безчисленное множество разнородныхъ ученій (tenets), на которыя тогда раздробился протестантизмъ, и которыя всѣ враждовали, обличали, проклинали, и преслѣдовали другъ друга—одни требовали столовъ вмѣсто престоловъ, другіе духовенства безъ таинствъ, третьи церкви безъ духовенства; и всѣ вмѣстѣ волновали и раздирали общество той эпохи, такъ что безпристрастный наблюдатель могъ, конечно, составить себѣ о нихъ одно невыгодное понятіе. Въ дальнѣйшемъ упоминаніи о «постной фигурѣ» уже прямой намекъ на Джона Нокса, личнаго врага королевы.

На мнимой красотѣ: когда извѣстно,
Что это даръ невольный съ головы
Чужой, и тлѣетъ ихъ взрастившій черепъ
Давно въ землѣ. Такъ внѣшнія прикрасы -
Предательскій утесъ въ сквернѣйшемъ морѣ:
Прелестный шарфъ, скрывающій арапку [1].
Ну, словомъ, видимость одна, что̀ хитрый вѣкъ
Пускаетъ въ ходъ для уловленья мудрыхъ.
А потому ты, праздничное злато,
Мидасовъ жесткій кормъ — ты мнѣ не нужно.
Не нуженъ мнѣ и ты—истертый, блѣдный
Посредникъ-проходимецъ межъ людей.
Но ты, свинецъ невзрачный—ничего
Не обѣщающій, наоборотъ—грозящій.—
Твой блѣдный, тощій видъ меня смущаетъ,
И трогаетъ сильнѣе краснорѣчья:
Мой выборъ здѣсь. Да будетъ съ нами радость!

Порція.—Какъ отлетаютъ всѣ другія страсти:
Сомнѣнья, безотчетная тоска,
И трепетъ страха, и зеленоглазый
Бѣсъ ревности! [2]—О! Умѣряй восторгъ,
Будь сдержанна, любовь! Дай въ мѣру волю
Слезамъ блаженства.—Ограничь излишекъ:
Я слишкомъ чувствую твое блаженство!
Убавь его, чтобъ я не задохнулась...

Бассаніо—*(открывая свинцовый ларецъ.)*
Что̀ вижу я—ея изображенье!
Какой же полубогъ сумѣлъ такъ смѣло
Приблизиться къ творенью? И глаза
Не движутся-ль? Иль отразились такъ

---

[1] Хотя въ подлинникѣ и сказано—«an Indian beauty»,—но смыслъ противупоставленія, лежащій въ основѣ всей тирады, ясно показываетъ, что здѣсь вовсе не подразумѣвалась наружность малайскихъ или дравидскихъ красавицъ, которыя дѣйствительно красивы, а что-нибудь явно безобразное; и комментаторы въ поясненіе приводятъ слова Монтеня... «тѣ описываютъ красоту черною и лоснящеюся, съ раздутыми толстыми губами, съ широкимъ и плоскимъ носомъ»... Что̀ въ нашемъ русскомъ представленіи всего нагляднѣе выражается традиціоннымъ понятіемъ «*арапка*.»

[2] Полагаютъ, что названіе ревности „зеленоглазой", какъ это встрѣчается и въ Отелло „зеленоглазое чудовище"... обозначаетъ то же, что̀ довѣрчивый, то-есть легко поддающійся заблужденію.

Въ моихъ зрачкахъ, что кажутся въ движеньи?
Уста полуоткрытыя дыханьемъ...
Такая сладкая преграда раздѣляетъ
Такихъ подругъ. Вотъ волосы ея:
Здѣсь живописецъ тоньше паука
Сплелъ золотую ткань для уловленья
Людскихъ сердецъ, вѣрнѣе комаровъ.
Да—но ея глаза! Какъ могъ глядѣть онъ, –
Чтобъ кончить ихъ? Нарисовавъ одинъ,
Онъ могъ, мнѣ кажется, свои утратить оба,—
И трудъ бы не былъ конченъ.—Но смотрите:
Насколько сущность всѣхъ моихъ похвалъ
Ничтожнѣе ея изображенья,
Такъ это самое изображенье
Блѣднѣетъ передъ сущностью своей.
Здѣсь и записка—списокъ благъ моихъ:
Выбиралъ ты не по виду,
Такъ и выбралъ не въ обиду.
Такъ какъ счастье предъ тобой,
Не гонись за новизной.
Если ты вполнѣ доволенъ,
И сбылись мечты твои;
То ты взять невѣсту воленъ,
Давъ ей поцѣлуй любви.
Записка милая! Позволено ли будетъ
По ней вполнѣ отдать и получить. *(Цѣлуетъ ее.)*
Какъ тотъ изъ состязателей на призъ,
Кто мнитъ, что заслужилъ въ глазахъ народа,
Заслыша крикъ и вопли одобренья—
Стоитъ въ припадкѣ головокруженья,
Глядя безъ цѣли, сомнѣваясь самъ—
Къ нему-ль летятъ всѣ эти похвалы;
Такъ я, втройнѣ прекрасная, предъ вами,
Такъ именно въ сомнѣніи стою—
Не знаю: все что вижу, точно-ль правда?—
Пока не получило подтвержденья,
Ратификаціи и подписи отъ васъ.

Порція.—Вы видите меня, синьоръ Бассаньо,
Какъ я вотъ здѣсь стою,—такъ, какъ я есть,
Хотя-бъ и для себя самой нельзя

Считать пустымъ, заносчивымъ—желанье
Быть много, много лучше, чѣмъ я есть;
Но мнѣ-бъ хотѣлось, чтобъ для васъ могла я
Быть трижды двадцать разъ самой собой!
Разъ въ тысячу прекраснѣй, въ десять тысячъ
Богаче, чтобъ—съ единственною цѣлью
У васъ стать выше на счету—могла я
Въ богатствѣ, добродѣтеляхъ, друзьяхъ,
И въ красотѣ, и въ знаньяхъ, и—во всемъ
Превысить всякій счетъ: теперь же счетъ мой
Весь сводится къ нулю; въ итогѣ я
Лишь дѣвочка безъ выправки, безъ знаній,
Безъ опыта; счастливая лишь тѣмъ,
Что не стара еще, чтобы учиться;
Счатливѣй тѣмъ, что и не такъ глупа,
Чтобъ не могла учиться; но всего
Счастливѣй тѣмъ, что свой незрѣлый умъ
Повѣрить можетъ вамъ для направленья,
Какъ другу, какъ наставнику, какъ власти.
Сама и все мое—преобразится
Пусть въ васъ и ваше: только вотъ была
Я господиномъ этого дворца,
Главою слугъ, своею королевой;
И вотъ теперь же, именно теперь—
Дворецъ, прислуга, лично я сама—
Все ваше, мой властитель.—Съ этимъ перстнемъ
Ихъ вамъ передаю. Но еслибъ вы
Разстались съ этимъ перстнемъ, потеряли,
Иль отдали его кому-нибудь,—
То это будетъ предзнаменованьемъ
Конца любви; и дастъ законный поводъ
Мнѣ съ вами ссориться—[1]

---

[1] О нескончаемыхъ и ни къ чему не ведущихъ брачныхъ искательствахъ у королевы Елисаветы въ новѣйшей монографіи Соколова, между прочимъ, читаемъ:... «съ герцогомъ алансонскимъ (онъ же впослѣдствіи анжуйскій, братъ короля Французскаго) дѣло у нея заходило такъ далеко, что разъ въ присутствіи двора она его поцѣловала, и снявъ со своей руки кольцо, сама надѣла его ему на палецъ»... (Strype, Ann. III—Hume, VI—Froud XI, и друг.) Но и послѣ этого все-таки ничего не вышло, такъ какъ она постоянно назначала такія неисполнимыя условія и требованія (загадки), что всегда могла уклониться въ самую послѣднюю минуту отъ ненавистнаго ей брака

Бассаніо.— Синьора, у меня

Вы отняли возможность всякихъ словъ:
Во мнѣ лишь чувства могутъ говорить;
И всѣ способности мои въ такомъ броженьѣ,
Какъ послѣ рѣчи, сказанной прекрасно
Любимымъ государемъ, то бываетъ
Съ жужжащей шумно, радостной толпой,
Гдѣ изъ чего-то, смѣшаннаго вмѣстѣ,
Помимо тайнаго и явнаго восторга
Выходитъ просто—дикое ничто.
Когда-жь кольцо простится съ этимъ пальцемъ,
Простится съ нимъ и жизнь. О, можно смѣло
Тогда сказать: Бассаніо ужъ нѣтъ.

Нерисса.— *(Всѣ приближаются.)*

Теперь пора и намъ, синьоръ, синьора,
Стоявшимъ здѣсь и видѣвшимъ свершенье
Желаній нашихъ, тоже восклицать—
Да здравствуютъ! Да здравствуютъ на радость,
Нашъ господинъ, и наша госпожа!

Граціано.— Синьоръ Бассаніо, и свѣтлая синьора,

Желаю вамъ всѣхъ благъ, какихъ вы сами
Себѣ могли бы только пожелать:
Вѣдь отъ меня ужъ ничего, конечно,
Вы пожелать не можете. И такъ какъ
Изволите оторжествлять вы сдѣлку
Союза вашего, то я прошу,
Чтобъ тѣмъ же причтомъ я женился и я.

Бассаніо.— Я очень радъ, достань себѣ невѣсту.

Граціано.—Благодарю, синьоръ: вы мнѣ ее достали.

Мои глаза, синьоръ, не хуже вашихъ:
Ты высмотрѣлъ владѣтельную даму,
Я — барышню ея свиты: ты влюбился,
Влюбился я: какъ видно, проволочки
Не по сердцу и мнѣ, какъ и тебѣ.
Твой кушъ зависѣлъ отъ ларцовъ, вонъ тамъ:
И также мой - стеченье обстоятельствъ:
Ухаживаньемъ до втораго пота,
И клятвами до изсушенья нёба—
Отъ клятвъ любви!—я добылъ наконецъ
(Коль обѣщанье можетъ быть концомъ),

Я добылъ обѣщанье вотъ отъ этой
Красавицы—на всю ея любовь.—
Какъ скоро счастіе тебѣ добудетъ
Ихъ принципалку, да—

Порція.— Нерисса, это правда?

Нерисса.—Такъ точно—если будетъ вамъ угодно.

Бассаніо.—А ты, Граціяно, въ этотъ разъ серьезенъ?

Граціано.—Въ сурьезѣ, монсиньоръ.[1]

Бассаніо.—Ну, праздникъ нашъ почтится вашимъ бракомъ.

Граціано.—(*Къ Бассан. тихо.*) И мы сыграемъ съ ними на пари
За первенца на тысячу дукатовъ.

Нарисса.—(*Подслушавъ.*) А ставку, что же, вынешь напередъ?

Граціано.—Кто-жь выигралъ когда въ такомъ пари.
Сначала вынувъ ставку?—Но, кто это?
Лоренцо и съ язычницей своей—
Какъ! И мой старый другъ Соляньо.

Входятъ Лоренцо, Іессика и Соляніо.

Бассаніо.—Лоренцо и Соляніо, прошу васъ,
Какъ скоро юность правъ моихъ даетъ
Мнѣ право здѣсь просить.—Позвольте вотъ
Представить вамъ—друзья и земляки
И пригласить ихъ.

Порція.— Ваше приглашенье
Есть и мое—отъ всей души прошу ихъ.

Лоренцо.—Благодарю васъ, я никакъ не думалъ
Васъ беспокоить:—я настигъ Соляньо
Въ пути, и онъ уговорилъ меня,
До полной невозможности отказа—
Съ нимъ вмѣстѣ ѣхать къ вамъ.

Соляніо.— Уговорилъ-съ;
И у меня на это есть причины.
Вотъ это отъ синьоръ Антоньо къ вамъ—
(*Подаетъ письмо*).

Бассаніо.—Но прежде, чѣмъ открою, я прошу васъ:
Скажите, какъ онъ, другъ мой, поживаетъ?

---

[1] Такой человѣкъ, конечно, не задумается, ради краснаго словца и удачной игры словъ, назвать [illegible] хорошенькую дѣвушку, стоящую ниже его по положенію. И всякое сомнѣніе въ этомъ можно объяснить только тѣмъ, что восприятіе живыхъ образовъ, равно какъ и воссозданіе ихъ, требуетъ не умственныхъ усилій во всеоружіи знаній, а свободной силы воображенія.

Соляніо.—Не боленъ, если только не душою;
И не совсѣмъ здоровъ, какъ развѣ лишь душою;
Его письмо вамъ лучше объяснитъ...
Граціано.—Нерисса, обласкайте незнакомку:
Займи ее.—Соляньо, вашу руку!
Чтò новаго въ Венеціи у насъ?
Ну, чтò Антоніо, сей царственный купецъ? [1]
Порадуется нашему успѣху...
Вѣдь мы Язоны, братъ,—мы добыли руно.
Соляніо.—Когда-бъ вы добыли руно, что потерялъ онъ!
Порція.—Есть что-то непріятное въ бумагѣ,
Такъ омрачившей цвѣтъ его лица:
Не умеръ ли кто изъ друзей—ничто
Такъ не могло бы сильно потрясти
Съ его характеромъ... Съ нимъ хуже все и хуже!
Позвольте,—кажется, я не чужая вамъ—
И половина мнѣ принадлежитъ во всемъ,
Что можетъ заключаться и въ письмѣ...
Бассаніо.—Ахъ, милая! Немного горькихъ словъ,
Которыя когда-либо пятнали
Бумагу!—Милая, когда впервые
Я говорилъ вамъ о моей любви,
Я вамъ открылъ, что все, что я имѣю,—
Въ патриціанской лишь моей крови;
И я сказалъ вамъ правду;—и, однако,—
Моя безцѣнная, держа себя такъ скромно,
Увидите, какъ я безбожно хвасталъ:
Когда я говорилъ, что состоянье
Мое—ничто, я-бъ долженъ былъ сказать вамъ,
Что это хуже чѣмъ ничто; и точно:
Я обязался дорогому другу,
Я дорогаго друга обязалъ
Его лютѣйшему врагу, чтобъ тѣмъ
Себѣ доставить средства. Вотъ письмо:
Бумага—тѣло дорогаго друга,

---

[1] Изъ современниковъ, царственнымъ купцомъ называли Sir Thomas Gresham'а отчасти по причинѣ его громаднаго богатства, главнымъ же образомъ вслѣдствіе отличія всегда оказываемаго ему королевой, которая часто обращалась къ нему за совѣтомъ по дѣламъ торговли.

А слово каждое—зіяющая рана,
Сочащаяся кровью.—Что же это,
Соляніо?—Неужто предпріятья
Всѣ лопнули? Не вышло ни одно!
Изъ Триполи, изъ Мексики, изъ Индій,
Изъ Лиссабона, Англіи, Морокко?
И ни одинъ не избѣжалъ корабль
Прикосновенья безпощадныхъ скалъ,
Столь роковаго...

Соляніо.— Ни одинъ, синьоръ.
Къ тому же, кажется, есть основанье думать,
Что еслибъ у него и были деньги
Въ наличности, чтобъ уплатить Жиду,
То онъ не приметъ ихъ. Не знаю существа,
Имѣющаго образъ человѣка,
Котораго такъ жадно и такъ страстно
Манила бы погибель человѣка.
Онъ осаждаетъ дожа днемъ и ночью,
Хуля порядки наши и свободу,
Коли ему откажутъ въ правосудьи.
Купцы, самъ дожъ и всѣ маньификосы,
Изъ наивысшихъ, препирались съ нимъ;
Но, что жь—никто не могъ его отвлечь
Отъ скареднаго довода просрочки,
И обязательства и правосудья.

Іессика.—Когда я у него жила, онъ клялся
Тубалу, Кущу—племени его,
Что плоть Антоніо ему дороже,
Чѣмъ въ двадцать разъ количество той суммы,
Которую должны ему; и знаю,
Мой господинъ, что если судъ, законы,
Господствія и власти не откажутъ—
Несчастному Антоньо будетъ худо.

Порція.—Это вашъ вѣрный другъ въ такомъ несчастьѣ?

Бассаніо.— Вѣрнѣйшій другъ, добрѣйшій изъ людей,
Великодушнѣйшій, во вѣкъ неутомимый
На подвиги добра; одинъ, въ которомъ
Вся доблесть римская соединялась,
Какъ болѣе въ Италіи ни въ комъ.

Порція.—Какую жь сумму долженъ онъ Еврею?
Бассаніо.—Три тысячи дукатовъ за меня.
Порція.—Какъ, только?—заплатить ему шесть тысячъ.
И уничтожить сдѣлку; шесть удвоить,
Затѣмъ еще утроить эту сумму,
Чѣмъ довести, чтобы подобный другъ
Могъ волосъ потерять черезъ Бассаньо.
Но прежде—въ церковь—назовите тамъ
Меня своей женою; и затѣмъ
Въ Венецію скорѣй на помощь другу:
Вы не должны приблизиться ко мнѣ
Съ тревожнымъ сердцемъ. А на ваши траты
Вамъ станетъ, чтобъ разсчесться въ двадцать разъ:
Тогда являйтесь вмѣстѣ съ вашимъ другомъ.
Я и моя Нерисса между тѣмъ
Жить будемъ, какъ дѣвицы, или вдовы.
Пойдемте же; когда ужь надо такъ,
Чтобъ ты отсюда уѣзжалъ въ день свадьбы.
Привѣтливъ будь, имѣй веселый видъ...
Такъ какъ тебя я дорого купила,
Тебя я буду дорого цѣнить.
Прочти же мнѣ, что пишетъ этотъ другъ.

Бассаніо (читаетъ). „Милый Бассаніо, всѣ мои корабли потонули, мои кредиторы ожесточаются, мое состояніе въ совершенномъ разстройствѣ, мое обязательство Жиду просрочено; и такъ какъ невозможно, чтобы, уплачивая ему неустойку, я остался въ живыхъ, то всѣ счеты между нами должны почитаться оконченными. Еслибъ только мнѣ еще разъ увидать тебя передъ смертью! Дѣлай, однакожь, какъ тебѣ лучше: если твоя любовь не убѣждаетъ тебя пріѣхать, то письмо мое и не должно.“

Порція.—О, милый! брось ты все—и отправляйся.
Бассаніо.—Какъ скоро вы мнѣ разрѣшили ѣхать,
Я поспѣшу.—Пока не возвращусь,
Меня не взманитъ никакое ложе,
Ни сна покой не станетъ между нами *(Уходятъ.)*

СЦЕНА III.

Венеція. Улица.

Входятъ Антоніо, Салярино, Шейлокъ и тюремщикъ.

Шейлокъ.—Тюремщикъ, стереги его. Не говорите
О милосердьи мнѣ—это глупецъ,
Который раздавалъ въ долгъ деньги даромъ;—
Тюремщикъ, стереги его.
Антоніо.—Послушай, добрый Шейлокъ, выслушай меня.
Шейлокъ.—Мнѣ нужно получить по неустойкѣ.
Не возражайте противъ неустойки:
Я клятвою поклялся получить
По обязательству и неустокѣ.
Ты обзывалъ уже меня собакой,
Когда еще и не имѣлъ причины.—
Ну, если я собака, берегись
Моихъ клыковъ.—Дожъ дастъ мнѣ правосудье.—
Я удивляюсь и тебѣ, тюремщикъ,—
Какъ ты, болванъ, и можешь быть такъ глупъ,
Чтобъ съ нимъ ходить, какъ только онъ попроситъ.
Антоніо.—Прошу же, выслушай, что я тебѣ скажу.
Шейлокъ.—Мнѣ нужно получить по неустойкѣ.
Не нужно мнѣ, что̀ будешь говорить.
Мнѣ нужно получить по неустойкѣ.
А потому молчи—не говори.
Я не хочу, чтобъ дѣлали меня
Раскисшей плаксою съ напухшими глазами,
Который бы разнѣжился, вздыхалъ,
И, помавая головой, сдавался
На всякія заступки христіанъ.
Отстань же: мнѣ не нужно говоренья;
Мнѣ нужно получить по неустойкѣ. *(Уходитъ.)*
Салярино.—Ну,—этакій неумолимый песъ
Едва-ль когда-нибудь вращался въ мірѣ.
Антоніо.—Оставь его въ покоѣ: я не стану
За нимъ гоняться съ тщетными мольбами.
Ему нужна, я знаю, жизнь моя—

И поводы мнѣ хорошо извѣстны:
Не разъ я выручалъ отъ пень его
Всѣхъ приходившихъ съ просьбами ко мнѣ:
За то-то онъ меня и ненавидитъ.

Салярино.—Дожъ никогда не выдастъ разрѣшенья
На исполненье по такой просрочкѣ.

Антоніо.—И дожъ не остановитъ ходъ закона.
Во обезпеченье тѣхъ капиталовъ,
Что иностранцы помѣщаютъ къ намъ:
Останови его—нарушится довѣрье,
И скажется вредомъ на государствѣ,
Такъ какъ богатства наши и торговля
Зависятъ отъ довѣрія всѣхъ націй.
А потому—разстанемся.—Идемъ:—
Всѣ эти огорченья и потери
Ужь такъ меня успѣли извести,
Что я едва-ли сохраню фунтъ мяса
На удовлетворенье кредитора.—
Идемъ, тюремщикъ.—Еслибъ только могъ
Бассаніо пріѣхать—посмотрѣть,
Какъ я его выплачиваю долгъ:—
Тогда мнѣ все равно—*(уходятъ)*.

СЦЕНА IV.

Бельмонтъ. Зала въ замкѣ.

Входятъ Порція, Нерисса, Лоренцо, Іессика *и* Бальтазаръ

Лоренцо.—Синьора, въ вашемъ же присутствіи скажу:
У васъ возвышенное, вѣрное понятье
О неземномъ, священномъ чувствѣ дружбы:
И это видно изъ того ужь, какъ
Вы переносите отсутствіе супруга.
Но еслибъ только знали вы, кому
Оказываете вы эту честь,
И что за человѣку шлете помощь,
Какъ вѣрному и преданному другу
Супруга вашего, то я увѣренъ,—
Вы болѣе-бъ гордились этимъ дѣломъ,
Чѣмъ всякою обычной благостыней.

Порція. - Мнѣ никогда еще не приходилось
Раскаяться въ добрѣ - и не придется.
Вотъ видите—мнѣ кажется, что люди,
Которые проводятъ вмѣстѣ время
Въ обмѣнѣ мыслей, соединены
Сочувствіемъ въ одно ярмо любви,—
Не могутъ не имѣть и схожихъ свойствъ
Ума, характера и обращенья.
А это все меня и убѣждаетъ,
Что вашъ Антоніо, какъ искренній другъ мужа,
И долженъ быть похожъ во всемъ на мужа. [1]
А если такъ—какъ мало стòитъ все,
Что издержала я на искупленье
Подобья собственной души отъ адскихъ мукъ!
Но это близко къ самовосхваленью.
Итакъ, довольно.—Лучше о другомъ:
Лоренцо, я сдаю на ваши руки
Хозяйство все и управленье домомъ
До возвращенья мужа. Я жь сама
Дала таинственный обѣтъ, чтобы въ молитвѣ
И помыслахъ пребыть благочестивыхъ,
Въ уединеніи, съ одной только Нериссой,
До самаго прибытія мужей.
Тутъ монастырь не далеко отсюда—
Мы тамъ и будемъ.—Очень бы желала,
Чтобъ вы не отклонили это бремя,
Которое навязываютъ вамъ
Моя любовь—моя необходимость.

Лоренцо.—Сударыня, готовъ отъ всей души
Исполнить ваши милыя велѣнья.

Порція.—Всѣмъ людямъ дома это ужь извѣстно.
Всѣ будутъ признавать васъ и Іессику
На мѣсто мужа и меня самой.
Итакъ, желаю счастья—до свиданья.

---

[1] Комментаторы, въ поясненіе къ этимъ строкамъ, дѣлаютъ ссылки на Ц и ц е р о н а (*De Amicitia*), который, въ отношеніи нравственнаго сходства между друзьями принимая опредѣленіе Аристотеля, называетъ истиннаго друга „*alter idem*“—*другой я*... И Бэконъ Веруламскій въ цѣломъ особомъ трактатѣ „О дружбѣ» тоже развиваетъ какъ разъ тѣ же самые взгляды, которые выражаютъ тутъ Лоренцо со своею принципалкой.

Лоренцо.—Прелестныя мечты и чувство счастья
Да не покинутъ васъ.
Іессика.— Желаю вамъ
Всего, всего прекраснаго, синьора.
Порція.—Благодарю за добрыя желанья.
И вамъ желаю счастія, Іессика.
(Лоренцо и Іессика *уходятъ.*)
Ну, Бальтазаръ—какъ я тебя всегда
Знавала честнымъ, вѣрнымъ—такъ надѣюсь
Ты будешь и теперь: возьми письмо,
И не щади ужь никакихъ усилій,
Чтобъ быть скорѣе въ Падуѣ. Тамъ въ руки
Подашь его кузену моему—
Смотри, какія дастъ тебѣ онъ—докторъ
Белларіо—бумаги и одежды,
Вези со всевозможной быстротой
Къ traghetto ихъ,—ну, просто, къ перевозу,
Что тамъ у нихъ въ Венеціи [1]. Не трать
Минуты на отвѣтъ, а отправляйся:
Мнѣ надобно опередить тебя.
Бальтазаръ.—Лечу со всевозможной быстротой. (Бальтаз. *уходитъ.*)
Порція.—Впередъ, Нерисса:—тутъ такое дѣло,
Какого ты и не подозрѣваешь:
Мы можемъ увидать своихъ мужей,
Когда они подумать не успѣютъ
Еще о насъ.
Нерисса.— И насъ они увидятъ?
Порція.—Должны, Нерисса; но въ такихъ костюмахъ,
Что могутъ въ насъ и то предполагать,
Чего мы не имѣемъ. На пари,
Какое хочешь, что когда мы обѣ
Преобразимся въ молодыхъ людей,

[1] „Tranect“ въ подлинникѣ не опечатка, какъ нѣкоторые думаютъ, такъ какъ таковую было бы уже довольно времени исправить, а скорѣе та наивная небрежность въ обращеніи съ чужими словами, какою отличались тѣ времена: вѣдь сдѣлали же изъ изящнаго имени M-lle de Queroille мистрисъ Карвелль. Такъ точно и тутъ: французское Trajet, итальянское traghetto—мѣсто переправы, перевоза въ Венеціи—бродъ. Коріатъ, путешественникъ 1611 года упоминаетъ: „Тамъ у нихъ въ Венеціи тринадцать перевозовъ, съ которыхъ прохожіе могутъ быть доставлены на какое угодно мѣсто въ городѣ.“

Я выйду болѣе красивымъ малымъ
Изъ насъ двоихъ: сумѣю и кинжалъ
Носить съ изящнымъ видомъ забіяки;
И говорить тѣмъ переходнымъ тембромъ,
Съ вибраціей ни мальчика, ни мужа;
И превращать два крошечныхъ шажка
Въ мужской широкій шагъ; и толковать о схваткахъ,
Какъ настоящій юноша хвастунъ;
Разсказывать хорошенькія враки,
Какъ высокопоставленныя дамы
Моей любви искали, какъ страдали
И померли отъ моего отказа—
И что жь я могъ тутъ сдѣлать?—А потомъ
Приду къ раскаянью и выражу желанье,
Что все жь бы лучше мнѣ не убивать ихъ...
И двадцать наскажу такихъ пустыхъ
И минимальныхъ лжей, что поклянутся всѣ,
Что я ужь больше года, какъ изъ школы!..
Въ моемъ умѣ есть тысячи сырья
Всѣхъ этихъ штукъ хвастливыхъ болтуновъ,
Которыя и примѣню я къ дѣлу.

Нерисса.—И превратиться намъ совсѣмъ въ мужчинъ?

Порція.—Ай-ай! Что̀ за вопросъ такой, Нерисса!—
Случись вдругъ тутъ худой истолкователь...
Идемъ; мой планъ тебѣ повѣдаю въ каретѣ,
Которая насъ ждетъ въ воротахъ парка; [1]
А потому, пожалуйста, скорѣй:
Намъ нынче жь надо смѣрить двадцать миль. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА V.

Тамъ же. Садъ.

Входятъ **Іессика** *и* **Ленчелотъ.**

Ленчелотъ.—Нѣтъ, по истинной правдѣ; потому, вотъ видите ли, это именно, что грѣхи родителя должны возлагаться на голову дѣтей; а потому—вотъ помяните мое слово, я васъ боюсь.

[1] Это, конечно, одинъ изъ тѣхъ анахронизмовъ, которыми не стѣснялось тогдашнее поэтическое творчество. Что̀ до всѣхъ этихъ мелкихъ нарушеній внѣшнихъ подробностей, когда мистическій мракъ и холодные туманы Скандинавіи чувствуются въ Гамлетѣ не меньше оттого, что Офелія приказываетъ подать себѣ карету.

Я вѣдь съ вами завсегда попросту: такъ и теперь выражаю мое разстройство по этой части. Такъ ужь будьте благонадежны: а ужь это я вамъ именно говорю, что вы осуждены. Есть тутъ одна только надежда, которая можетъ вамъ послужить къ добру, да и та такъ, самая дрянная, непристойная надежда.

Іессика.—Какая жь это надежда, скажи, пожалуйста?

Ленчелотъ.—Да, право: вы можете отчасти быть въ надеждѣ, что вашъ отецъ никогда не производилъ васъ на свѣтъ: что вы не дочь Жида.

Іессика.—Ну, это была бы и въ самомъ дѣлѣ непристойная надежда: этакъ должны были бы обрушиться на меня грѣхи моей матери.

Ленчелотъ.—Именно такъ оно и есть: боюсь, вы осуждены сугубо, и по отцу, и по матери: такъ что чуть только я прочь отъ Сциллы вашего отца, какъ попадаю въ Харибду вашей матери. Очень хорошо, вы все равно погибли и тѣмъ и другимъ путемъ [1].

Іессика.—Я буду спасена моимъ мужемъ, который сдѣлалъ меня христіанкой.

Ленчелотъ.—Именно, что за это-то его и нельзя похвалить. Мало, что ли, насъ было христіанъ до сихъ поръ? Какъ разъ столько, чтобы прожить одному возлѣ другаго безъ обиды. Это усиленное производство христіанъ только подымаетъ цѣну на свиней: если доживемъ до того, что всѣ станутъ ѣсть свинину, нельзя будетъ достать и ломтикъ сала ни за какія деньги.

Іессика.—Вотъ я скажу моему мужу, Ленчелотъ, что ты тутъ говоришь: вотъ онъ идетъ.

Входитъ Лоренцо.

Лоренцо.—Я скоро стану тебя ревновать къ женѣ, Ленчелотъ, если ты все будешь такъ-то заговаривать ее по угламъ.

Іессика.—Нѣтъ, Лоренцо, тебѣ нечего тутъ опасаться: мы съ Ленчелотомъ все ссоримся. Онъ мнѣ объявилъ напрямикъ, что для меня не можетъ быть на небесахъ милосердія, потому что я дочь Жида; а про тебя говоритъ, что ты дурной гражданинъ

---

[1] Два классическіе водоворота — одинъ у береговъ Италіи, другой у береговъ Сициліи. Новѣйшій поэтъ на латинскомъ языкѣ, Philip Gualtier, изобразилъ эту лоцманскую дилемму въ слѣдующей поговоркѣ: „Incidit in Scyllam cupiens vitare Charybdim“. Этою-то поговоркой и пользуется эрудиція Ленчелота.

республики, такъ какъ обращеніемъ Жидовъ въ христіанъ поднимаешь цѣну свинины.

Лоренцо.—Мнѣ, пожалуй, легче будетъ въ этомъ держать отвѣтъ передъ республикой, чѣмъ тебѣ въ томъ прибавленіи, какое получила негритянка: арапка-то вѣдь это по твоей милости, Ленчелотъ—[1].

Ленчелотъ.—Ежели *арапка* можетъ не быть *рабою* чистаго разума, то это еще, по моему, не бѣда; но если она дошла до всего не безъ *боли*, то она *больше* того, чѣмъ за что̀ ее вообще принимали.

Лоренцо.—Просто ужь нѣтъ глупца, который бы не сумѣлъ отыгрываться словами! Я думаю, скоро изящнѣйшія свойства остроумія превратятся въ молчаніе, и даръ слова будетъ восхваляться въ однихъ попугаяхъ.—Ступай, дурень, въ комнаты; скажи, чтобъ приготовлялись къ обѣду.

Ленчелотъ.—Ужь это готово, синьоръ: у всякаго есть желудокъ.

Лоренцо.—Боже милостивый! Что̀ за перебрасыватель словъ! Ну, такъ поди скажи имъ, чтобъ приготовляли обѣдъ.

Ленчелотъ.—И это ужь тоже готово, синьоръ; только бы вотъ накрыть—вотъ словцо.

Лоренцо.—Ну, накрывайте—накрывайтесь вы, что ли, тамъ.

Ленчелотъ.—Нѣтъ, нѣтъ—ужь это не извольте, синьоръ; я тоже знаю мое положеніе.

Лоренцо.—Опять препирательство о словахъ! Ты не хочешь ли ужь въ одну секунду показать всѣ богатства своего остроумія? Прошу тебя, потрудись понять человѣка съ здравымъ смысломъ, говорящаго на языкѣ здраваго смысла: отправляйся къ своей тамъ братіи—и прикажи накрывать на столъ, и подавать кушанья, а мы придемъ обѣдать.

Ленчелотъ.—Что̀ насчетъ стола, синьоръ, онъ будетъ поданъ, что̀ насчетъ кушанья, оно будетъ накрыто; ну, а что̀ ужь насчетъ вашего прихода къ обѣду, синьоръ, то это будетъ, ка̀къ вамъ укажутъ ваше расположеніе и настроеніе минуты. *(Уходитъ.)*

Лоренцо.—Оригинальная подборка словъ!

Глупецъ понасажалъ въ своемъ умѣ
Безъ счета присказокъ... И что жь, я знаю

---

[1] Здѣсь *Арапка* принимается не въ смыслѣ арабской расы, когда слово пишется чрезъ *б*, а въ смыслѣ находящейся въ услуженіи негритянки, что̀ называлось въ старину арапкой, черезъ *п*. (См. примѣчаніе къ словамъ Бассаніо во II сценѣ.)

Такихъ глупцовъ, стоящихъ лучше въ свѣтѣ,
Снабженныхъ такъ же, какъ и онъ, которымъ
Все нипочемъ для краснаго словца.
Ну, кàкъ ты чувствуешь себя, Іессика?
Скажи же, душка, мнѣніе свое—
Какъ нравится тебѣ хозяйка дома?

Іессика.—Превыше выраженья.—Такъ прилично
Бассаніо быть непорочнымъ въ жизни,
Такъ какъ имѣя столько въ этой дамѣ
Благословенья, здѣсь же на землѣ
Познаетъ онъ небесныя блаженства;
И если на землѣ онъ не пойметъ ихъ,
Тогда ужь для чего ему на небо.
Когда бы двое изъ боговъ сразились
Въ божественной борьбѣ, и какъ залоги
Поставили себѣ двухъ смертныхъ женщинъ,
Одной изъ нихъ—*она*... Пришлось бы много
Къ другой прибавить—такъ какъ грубый свѣтъ
Ей не представитъ равной.

Лоренцо. И такого
Во мнѣ ты видишь мужа, каковà
Она въ женахъ.

Іессика.—Нѣтъ, мнѣнья у меня спроси объ этомъ.

Лоренцо.—Ну-да, сейчасъ; сперва пойдемъ обѣдать.

Іессика.—Нѣтъ! дай себя хвалить, пока охота...

Лоренцо.—Нѣтъ, ужь пожалуйста, пусть это будетъ темой
Застольной болтовни; тамъ, чтò бы ты
Ни говорила, я межь тѣмъ могу
Переварить все это вмѣстѣ съ прочимъ.

Іессика.—Ну, хорошо: я-жь выставлю тебя.—*(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА I.

Венеція. Залъ судебнаго засѣданія.

Входятъ: **Дожъ, маньификосы, Антоніо, Бассаніо, Граціано, Салярино, Соляніо** *и проч.*

Дожъ.—Что,—здѣсь Антоніо?
Антоніо.— Здѣсь, ваша свѣтлость.
Дожъ.—Печалюсь о тебѣ: приходишь ты
Къ отвѣту предъ противникомъ изъ камня,
Безчеловѣчнымъ, чуждымъ состраданья,
Свободнымъ, чистымъ отъ самомалѣйшей
Частички милосердія—
Антоніо.— Я слышалъ,
Вы, ваша свѣтлость, принимали трудъ
Немалый, чтобъ смягчить его жестокость:
Но такъ какъ онъ все такъ же непреклоненъ,
И нѣтъ законныхъ средствъ меня спасти
Изъ власти лютой зависти его—
То я могу лишь противупоставить
Его неистовству мое терпѣнье;—
И я вооружился претерпѣть
Съ невозмутимостью его жестокость.
Дожъ.—Служитель, позовите въ судъ Жида.
Соляніо.—Онъ здѣсь за дверью.—Вотъ онъ, монсиньоръ—

Входитъ **Шейлокъ.**

Дожъ.—Раздвиньтесь: пусть онъ станетъ передъ нами.
— Шейлокъ, свѣтъ хочетъ думать—и я также—
Что ты ведешь только игру въ жестокость,
Дабы въ послѣднемъ актѣ представленья—
— Такъ полагаютъ—вдругъ затѣмъ явить
Раскаянье и даже состраданье,
Способныя сильнѣе изумить,
Чѣмъ изумлялъ насъ видъ жестокосердья;
И гдѣ теперь ты вымогаешь пеню,—
Фунтъ мяса этого несчастнаго купца—

Тамъ ты не только сложишь неустойку,
Но, движимъ милосердьемъ и любовью,
Простишь и половину капитала;
Воззрѣвъ печальнымъ окомъ на потери,
Которыя недавно такъ внезапно
Обрушились на рамена его,—
Что ихъ довольно, чтобы придавить
И принца изъ купцовъ, и вырвать состраданье
Изъ мѣдныхъ душъ, изъ каменныхъ сердецъ
Злыхъ Турокъ и Татаръ, непосвященныхъ
Въ обычаи смягчающей культуры.—
— Мы ждемъ, Шейлокъ, любезнаго отвѣта.

Шейлокъ.—Я вашей свѣтлости представилъ, въ чемъ мой искъ;
И я-же поклялся святой Субботой,
Чтобъ все, что надлежитъ мнѣ получить
По обязательству и по просрочкѣ.
Откажите—накличите бѣду
На ваше право и—свободу вашу.
Вы спросите—зачѣмъ предпочитаю
Я лучше фунтъ дохлятиннаго мяса,
Чѣмъ получить три тысячи дукатовъ?—
На это я могу не отвѣчать—
Ну, скажемъ: прихоть—будетъ то отвѣтъ?
Что если домъ мой разоряетъ крыса,
И мнѣ угодно стратить десять тысячъ
Чтобъ извести ее.—Такъ что же?
И это вы почтете-ль за отвѣтъ?
Есть люди, что терпѣть не могутъ визга
Свиньи съ разверстой пастью; есть другіе,
Бѣснуются, когда увидятъ кошку; [1]

[1] По поводу отвращенія отъ кошки мы узнаемъ отъ комментаторовъ, что существовалъ нѣкій докторъ Беквиллъ, создавшій даже цѣлый ученый трактатъ «Медицинскія познанія *Шекспира*», (?!) какъ будто и не подозрѣвая, что такой же точно можно бы написать и о его астрономическихъ, ботаническихъ, зоологическихъ и историческихъ познаніяхъ, о его знаніи политическихъ наукъ, о полномъ и вполнѣ усвоенномъ знаніи всѣхъ, до него существовавшихъ философскихъ системъ, такъ что онъ иногда даже мѣтко подшучиваетъ надъ Аристотелемъ, и т. п., до управленія кораблемъ и до дрессировки лошадей включительно.—И есть люди, которые до сихъ поръ еще убѣждены, что соединеніе всего этого возможно и исполнимо въ одномъ человѣкѣ, проведшемъ всю свою жизнь за кулисами, тогда какъ для всякаго, даже и самаго геніальнаго изъ людей, въ суткахъ все-таки только двадцать четыре часа.

И есть такіе, что когда имъ подъ носъ
Гнусливо запищитъ гудокъ, не могутъ
Отъ раздраженья удержать мочи: [1]
Владыко чувствъ узаконяетъ нраву,
Что̀ для него пріятно, иль противно.
Итакъ, теперь за вашъ отвѣтъ—какъ нѣтъ
Довлѣющей причины, почему
Не можетъ тотъ терпѣть свинаго визга;
Другой—полезной, безобидной кошки;
А тотъ—хрипни мохнатаго гудка:
И долженъ подвергаться противъ воли
Такому непристойному стыду,
И наносить обиду за обиду—
Такъ не могу и я вамъ дать причину,
— И не обязанъ!—Кромѣ застарѣлой,
Тамъ ненависти, что-ль, иль отвращенья,
Которыя питаю я къ нему,
Къ Антоніо—Что я себѣ въ убытокъ
Противъ него вчинаю этотъ искъ.—
— Теперь вы получили вашъ отвѣтъ? [2]

---

[1] (Цензур.). Отъ раздраженія не выйти изъ себя.

[2] Всуе мнящимъ о возможности все постичь посредствомъ транспортира, линейки и циркуля, курса грамматики и элементарной логики—вотъ уже около трехсотъ лѣтъ кажется непонятнымъ, почему Шейлокъ въ своемъ первомъ объясненіи съ судомъ говоритъ: „Вашъ отвѣтъ", вмѣсто того, чтобы сказать „Мой отвѣтъ". Но благодаря людямъ, способнымъ заглянуть глубже, во всѣхъ изданіяхъ подлинника даже и до сего дня все-таки остается попрежнему нерушимо „Вашъ отвѣтъ", вмѣсто требуемаго „Мой отвѣтъ".—Дѣло въ томъ, что Шейлокъ ставитъ все это первое свое объясненіе съ судомъ въ такомъ свѣтѣ, какъ будто-бы завѣдомо пристрастный къ Антоніо судъ, съ предвзятою цѣлью сбить его въ словахъ и спутать въ отвѣтахъ, старается внушить ему coûte que coûte, и даже силой навязать такіе отвѣты, которые могли-бы послужить въ пользу отвѣтчику,—тогда какъ онъ, Шейлокъ, явился сюда требовать по формальному, неоспоримому обязательству, а не разговаривать. И вотъ, совершенно въ духѣ своей глубокой, застарѣлой недовѣрчивости и ненависти, рѣшившись не вдаваться въ эту ловушку, онъ тонко и ловко издѣвается надъ враждебнымъ ему христіанскимъ судомъ, предупреждая его вопросы, и давая ироническіе отвѣты, предпославъ напередъ, что онъ *по праву „могъ бы и вовсе на это не отвѣчать"*, но желаетъ исполнить во всей точности всѣ требованія суда,—все затрудненіе его только въ томъ, что̀ *имъ угодно* будетъ принять отъ него за *отвѣтъ*—подразумѣвается, въ христіанскихъ видахъ спасти Антоніо (котораго никакъ и ничѣмъ спасти нельзя!) „И что жь бы вы принять хотѣли за отвѣтъ?.." — И поставивъ все дѣло въ такомъ искусно-

Бассаніо.—То не отвѣтъ, безчувственный старикъ,—
Стараться оправдать влеченья звѣрства.
Шейлокъ.—Я обязательства не выдавалъ,
Чтобъ ублажать тебя своимъ отвѣтомъ.
Бассаніо.—Всѣ-ль убиваютъ то, чего не любятъ?
Шейлокъ.—Кто-бъ, ненавидя, не хотѣлъ убить?
Бассаніо.—Не всякъ раздоръ—ужь ненависть вначалѣ.
Шейлокъ.—И что жь—ты-бъ далъ змѣѣ себя ужалить дважды?
Антоніо. Прошу васъ, помните, вы спорите съ Жидомъ:
Вы-бъ столько-же могли, придя на взморье,
Велѣть приливу сбавить высоты;
Вы-бъ столько же могли заспорить съ волкомъ,
Зачѣмъ заставилъ мать блеять по агнцу;
Могли-бы запрещать и соснамъ горъ
Раскачивать ихъ горнія вершины,
Шумѣть, когда ихъ клонитъ и трясетъ
Дыханье неба—столько-жь вы могли-бы
Свершить и все, что̀ невозможно, сколько
Надѣяться—чего ужь невозможнѣй!—
Смягчить его израильское сердце.—
А потому, я васъ прошу, оставьте,
Не дѣлайте дальнѣйшихъ предложеній,
И не ищите средствъ; а съ соблюденьемъ
Простѣйшихъ и кратчайшихъ формъ закона,
Мнѣ дайте судъ, Жиду же, что̀ онъ хочетъ.—
Бассаніо.—За эти за три тысячи дукатовъ
Плачу я шесть.
Шейлокъ.— Когда-бъ дукатъ и каждый
Изъ этихъ шести тысячей дукатовъ
Былъ изъ шести частей, и каждая—дукатомъ
—Они не нужны мнѣ: мнѣ нужно получить
По обязательству.

населенномъ свѣтѣ, онъ уже смѣло затѣмъ подтверждаетъ и подчеркиваетъ эту мысль на каждомъ шагу, называя каждый свой отвѣтъ не иначе, какъ *ихъ отвѣтомъ*... То-есть такимъ отвѣтомъ, какой они въ интересахъ отвѣтчика хотѣли бы изъ него выжимать. „Теперь, за *вашъ отвѣтъ*...“ „Теперь вы получили *вашъ* отвѣтъ?“ Еслибъ это объясненіе нашли неправильнымъ и неудовлетворительнымъ, то я бы покорнѣйше просилъ указать мнѣ такіе аппараты, которыми рѣшаются такіе вопросы.

Дожъ.— Какъ можешь ожидать
Ты милосердія, не зная милосердья?
Шейлокъ.—Какого-же страшиться мнѣ суда,
Не причиняя никому обиды?
У всѣхъ васъ много купленныхъ рабовъ,
Которыхъ, какъ ословъ, собакъ, муловъ,
Вы назначаете на подлыя занятья,
На рабскій трудъ,—такъ какъ вы ихъ купили—
Скажу-ли вамъ—освободите ихъ,
Жените ихъ на вашихъ феодалкахъ:
Зачѣмъ потѣть имъ подъ ярмомъ? Пусть ложа
Ихъ будутъ такъ же мягки, какъ и ваши;
Пусть угощается гортань ихъ и утроба
Такими же мясами.—И вы мнѣ
Отвѣтите: рабы—наши рабы.—
И я вамъ такъ отвѣчу: тотъ фунтъ мяса,
Что̀ требую я отъ него, мной купленъ—
И дорого! Онъ мой—и я хочу
Его принять въ законное владѣнье.
Откажите—къ чему тогда законъ?
Въ опредѣленіяхъ Венеціи—нѣтъ силы!
Жду правосудья: отвѣчайте—долженъ
Его я получить?
Дожъ.— По силѣ власти
Мнѣ данной, я могу отсрочить судъ,
Пока Белларіо, ученый правовѣдъ,
За коимъ я послалъ на этотъ случай,
Прибудетъ къ намъ.
Солянiо.— Здѣсь, монсиньоръ, за дверью
Стоитъ съ письмомъ отъ доктора гонецъ
Изъ Падуи.
Дожъ.— Спросить письмо, позвать гонца.
Бассаніо.—Не унывай, Антоньо! Не робѣй.
Пусть Жидъ возьметъ мою кровь, мясо, кости,
И все до нельзя, прежде чѣмъ истратишь
Ты за меня хоть каплю крови.
Антоніо.—Изъ стада я отмѣченный баранъ,
Пригодный смерти: слабый родъ плода
Скорѣе падаетъ на землю, такъ и я!

Ты лучше ничего не могъ-бы сдѣлать,
Бассаніо, какъ оставаться жить,
И написать надгробную мнѣ надпись.

Входитъ Нерисса, *одѣтая какъ судейскій писецъ.*

Дожъ.—Вы отъ Белларіо, изъ Падуи?
Нерисса.—Такъ точно, и Белларьо изъявляетъ
Почтенье вашей свѣтлости. (*Подаетъ письмо*)

Бассаніо.—Къ чему ты такъ усердно точишь ножъ?
Шейлокъ.—Чтобъ вырѣзать за неустойку пеню
Вонъ-изъ того банкрота.
Граціано.—Не на подошвѣ, на душѣ своей
Ты, жидъ-мясникъ, наточишь лезвеѐ;
Но никакой металлъ и въ половину,
Ни самая сѣкира палача,
Не могутъ поравняться остротой
Съ твоей язвящей злобой... Никакія
Тебя пронять не могутъ и молитвы?
Шейлокъ.—Нѣтъ, не такія, на какія смысла
Въ тебѣ достало-бъ сочинить.
Граціано.—Будь проклятъ ты, неумолимый песъ!
Пусть жизнь твоя позоритъ справедливость...
Ты ужь меня почти колеблешь въ вѣрѣ
И обращаешь къ мнѣнью Пиѳагора,
Что души низшихъ тварей переходятъ
Въ тѣла людей: твой песій духъ былъ въ волкѣ;
Когда-жь онъ былъ повѣшенъ за убійства,
То хищный духъ изъ самой петли прянулъ
Въ тебя, и воплотился, какъ еще
Ты пребывалъ въ утробѣ нечестивой!
Твои желанья хищны, кровожадны,
И ненасытны—волчія желанья.
Шейлокъ.—Пока ругней не можешь снять печати
Прочь съ обязательства—своимъ лишь легкимъ
Ты повредишь, крича такъ громко, лучше
Исправь-ка, юноша, свой смыслъ; а то онъ
Придетъ въ неизлѣчимое разстройство.—
Я здѣсь стою отъ имени закона.

Дожъ.—Вотъ отъ Белляріо письмо—рекомендуетъ
Намъ юнаго, ученаго юриста
Для нашего суда.—Но гдѣ-же онъ?
Нерисса.—Онъ ожидаетъ здѣсь недалеко
Отвѣта вашего, и будетъ-ли онъ принятъ.
Дожъ.—Отъ всей души:—Подите кто-нибудь
Втроемъ, иль вчетверомъ, чтобъ пригласить
Его сюда приличнѣй. Между тѣмъ
Судъ долженъ выслушать Белляріо письмо.

Писецъ.—*(Читаетъ.)* „Ваша свѣтлость, примите во вниманіе, что при полученіи письма вашего я былъ удрученъ болѣнью; но въ самую минуту пріѣзда вашего гонца, у меня находился въ гостяхъ по дружбѣ одинъ молодой докторъ изъ Рима: имя его Бальтазаръ. Я познакомилъ его съ этимъ спорнымъ дѣломъ между Евреемъ и купцомъ Антоніо: мы вмѣстѣ попереворнули съ нимъ множество томовъ: онъ вполнѣ проникся моимъ мнѣніемъ, каковое дополнилъ и своею собственною ученостью, обширность которой нельзя достаточно восхвалить; онъ отправляется по моему настоянію, во исполненіе требованія вашей свѣтлости, для замѣщенія меня. Умоляю васъ, не допустите, чтобъ его молодость содѣлалась для него неудобствомъ, допускающимъ недостатокъ почтительной оцѣнки; никогда еще я не знавалъ столь зрѣлой головы на столь юномъ тѣлѣ. Оставляю его на ваше милостивое усмотрѣніе, въ надеждѣ, что испытаніе, которому вы его подвергните, лучше всего послужитъ къ распространенію его извѣстности.“

Дожъ.—Вотъ слышали:—Белляріо ученый—
Что̀ онъ намъ пишетъ?—А, какъ полагаю,
Вотъ и самъ докторъ.

Входитъ **Порція** *въ одеждѣ доктора правъ.*

Вашу руку.
Вы прямо къ намъ отъ стараго Беллярьо?
Порція.—Такъ точно, ваша свѣтлость.
Дожъ.—Мы рады вамъ: займите ваше мѣсто.—
Знакомы вы со свойствами процесса,
Который въ разсмотрѣньи у Суда?
Порція.—Я въ совершенствѣ ознакомленъ съ дѣломъ.
Который здѣсь купецъ, и кто Еврей?
Дожъ. Антоніо и старый Шейлокъ—оба! *(Тѣ выходятъ впередъ.)*
Порція.—Такъ васъ зовутъ Шейлокъ?

Шейлокъ.— Меня зовутъ Шейлокъ.
Порція.—Вы странныхъ свойствъ преслѣдуете искъ:
Однако-же въ такомъ порядкѣ, что законъ
Венеціи вамъ помѣшать не можетъ.
Покуда вы въ предѣлахъ доказательствъ.—
А вы—вы, кажется, стоите подъ его
Ударами, не такъ-ли?
Антоніо.— Такъ онъ говоритъ.
Порція.—И обязательство вы признаете?
Антоніо.—Признаю.
Порція. Такъ жидъ быть долженъ милосерднымъ.
Шейлокъ.—А въ силу-же какого понужденья
Я это долженъ?—Это мнѣ скажите.—
Порція. Духъ милосердья выше понужденья:
Оно, какъ благодатный дождь, спадаетъ съ неба
На дольній міръ—благословенно дважды:
Благословенъ въ немъ тотъ, кто подаетъ,
И кто пріемлетъ.—Это, что́ всего
Могущественнѣе во всемогущемъ:
Имъ власть красна и самая корона:
Скипетръ представляетъ силу свѣтской власти,
Онъ знакъ величія, благоговѣнья,
Въ немъ только страхъ и трепетъ королей;
Но милосердье выше власти скипетра:
Его престолъ въ сердцахъ у королей:
Оно есть признакъ Бога самого:
Земная власть тогда сходнѣе съ Божьей,
Коль милость умѣряетъ справедливость.
И такъ, хотя твой доводъ—справедливость,
— Формальная, сухая справедливость,—
Сообрази—кто-бъ увидалъ спасенье
Путемъ лишь справедливости одной?
Мы молимся о милосердьи, учитъ
И самая молитва эта насъ
Дѣламъ-же милосердья...—Я такъ долго
Распространяюсь, чтобы эту справедливость
Умѣрить въ твоихъ доводахъ; но если
Ты будешь такъ вести ихъ до конца...—
Что̀-жь!..—судъ Венеціи и противъ воли
Приговоритъ несчастнаго купца.

Шейлокъ.—Дѣла мои на голову мою!
Я требую закона: за просрочку
По обязательству—условленную пеню.[1]
Порція.—Что онъ—не въ силахъ развѣ заплатить?
Бассаніо.—Какъ! Я здѣсь за него передъ судомъ
Плачу, да противъ суммы вдвое; если
И это мало, то я обяжусь
Все выплатить по счету въ десять разъ,
А въ неустойку—голову и сердце.
Когда-жь и это мало—то ужь явно,
Что злоба ломитъ правду. И молю васъ,
Пригните разъ законъ своею властью
Къ великой правдѣ, съ маленькой неправдой:
И обуздайте злобу сатаны
Въ его упорствѣ.
Порція.— Этого не будетъ.
Въ Венеціи нѣтъ власти, чтобъ могла
Такъ упразднить законъ, вошедшій въ силу:
Потомъ-бы это стало прецедентомъ,
И много разныхъ правонарушеній
Вошли-бъ въ законъ по этому примѣру.
Нѣтъ, это невозможно.
Шейлокъ.— Даніилъ
Пришелъ судить! Да-да, самъ Даніилъ!—
О, молодой, премудрый судія,
Какъ много чту тебя!
Порція.— Позвольте мнѣ взглянуть
На обязательство.
Шейлокъ.— Здѣсь,—вотъ-оно!
Наисвѣтлѣйшій докторъ,—вотъ-оно!
Порція.—Шейлокъ, тебѣ уплачиваютъ втрое...
Шейлокъ.—А клятва—клятва,—у меня въ томъ клятва

---

[1] Изумительный примѣръ сосредоточенія въ трехъ стихахъ міровоззрѣнія и историческихъ судебъ племени—безусловнаго поклоненія буквѣ закона, и принятія затѣмъ на себя приговора,—что, по словамъ Шлегеля, „дѣлаетъ Шейлока эпитомомъ всей исторіи народа“; вообще же указываетъ на ту особенность творчества, которая могла изображать нѣсколькими мѣткими чертами цѣлыя историческія эпохи, и которая возможна только при соединеніи въ поэтѣ вмѣстѣ и великаго историческаго мыслителя. (См. Предисловіе въ началѣ и въ серединѣ „о Шейлокѣ“.)

Предъ небесами: на душу я долженъ
Взять клятвопреступленье?—Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ни за Венецію—

Порція.— Что-жь, обязательство
Просрочено; и потому по праву
Жидъ можетъ требовать себѣ фунтъ мяса,
„Чтобъ вырѣзать въ ближайшемъ къ сердцу мѣстѣ".—
Будь милосердъ: возьми уплату втрое:
Скажи, чтобъ обязательство порвать.

Шейлокъ.—Когда исполнится согласно смыслу.
Вы, кажется, достойный судія;
Вы знаете законъ; вы изложили
Все такъ толково: именемъ закона,
Котораго вы столь великій столпъ,
Обязываю васъ—рѣшайте дѣло.
Душой моей клянусь—такой нѣтъ силы
На языкѣ людей, чтобы могла
Переломить меня. Я здѣсь стою
На обязательствѣ.

Антоніо.— Отъ всей души
Я умоляю судъ—рѣшайте дѣло.

Порція.—Ну, если такъ, то это просто значитъ:
Подставьте вашу грудь ему подъ ножъ.

Шейлокъ.—О, благородный судія! О, чудный
По мудрости и юности своей!

Порція.—Какъ смыслъ и назначеніе закона,
Не обинуясь, допускаютъ пени
По обязательствамъ, уплатѣ подлежащимъ...

Шейлокъ.—То истинная правда: такъ, такъ, такъ...
О, мудрый, неподкупный судія!
Какъ много ты почтеннѣй лѣтъ своихъ. [1]

Порція.—А потому—откройте вашу шею...

Шейлокъ.—Нѣтъ, грудь: такъ въ обязательствѣ.—
Не такъ-ли, благородный судія?

---

[1] Общеупотребительное выраженіе, даже превратившееся въ общее мѣсто всѣхъ восторженныхъ похвалъ, расточавшихся королевѣ Елизаветѣ, въ первое время по ея вступленіи на престолъ, двадцати пяти лѣтъ, когда еще и протестанты и католики одинаково возлагали на нея наивныя надежды, и она еще не смутила ихъ своими загадками,—и много лѣтъ спустя, уже по привычкѣ и изъ лести, всегда въ этомъ видѣ благосклонно принимавшейся.

„Въ ближайшемъ къ сердцу мѣстѣ...“ Вотъ слова,
Самонаиточнѣйшія слова.
Порція.—Такъ, такъ.—А есть вѣсы, чтобъ взвѣсить мясо?
Шейлокъ.—Готовы—
Порція.— И имѣй вблизи, Шейлокъ.
Врача, чтобъ сдѣлать перевязку ранамъ;
Чтобъ онъ не умеръ, истекая кровью.
Шейлокъ.—И въ обязательствѣ такъ оговорено?
Порція.—Не выражено такъ; ну—что-же? Это
Вамъ сдѣлать хорошо-бъ изъ милосердья.
Шейлокъ.—Не нахожу—такого ничего
Нѣтъ въ обязательствѣ.
Порція.— Ну, вы, купецъ,—
Вы что-нибудь имѣете сказать?
Антоніо.—Немного. Я готовъ, вооруженъ.—
Дай руку мнѣ. Бассаніо,—прощай.
Не огорчайся тѣмъ, что за тебя я
До этого дошелъ, такъ какъ судьба
Являетъ здѣсь себя еще добрѣе,
Чѣмъ завсегда. Ея обыкновенье
Бросать людей переживать богатство,
Чтобъ впалыми глазами созерцать
Съ изборожденнымъ лбомъ—вѣкъ нищеты!
И отъ медлительной такой-то пытки
Нужды—она меня отрѣжетъ сразу.
Представь о мнѣ своей высокочтимой
Женѣ, и разскажи ей мой конецъ;
Какъ я тебя любилъ—будь справедливъ
Ко мнѣ по смерти; и когда сказанье
Ты кончишь, то поставь ее судьей—
Бассаніо имѣлъ-ли въ жизни друга?
Не сожалѣй, что ты его теряешь,
Какъ онъ не сожалѣетъ, что уплатитъ
Твой долгъ, такъ какъ жиду рѣзнуть лишь стóитъ
Поглубже—и—я заплачу его
Мгновенно и всѣмъ сердцемъ.
Бассаніо.—Антоніо, я только что женатъ;
И мнѣ она, жена, дороже жизни.
Но жизнь, жена и цѣлый Божій свѣтъ
Въ моихъ глазахъ твоей не стóютъ жизни;

Готовъ все потерять, принесть все въ жертву
Тутъ чорту этому—тебя-бъ спасти!
Порція.—Жена-бы ваша вамъ была не очень
Признательна, когда была-бы здѣсь,
И слышала такое предложенье.
Граціано.—И у меня жена—любовь къ ней протестую:
Желалъ-бы, чтобъ она была на небѣ,
Чтобъ умолить какую-нибудь власть
Объ обращеньи подлаго жида.
Нерисса.—Все это ладно за ея спиной:
А иначе—подобныя желанья
Не водворятъ спокойствія въ дому.
Шейлокъ.—Вотъ христіанскіе мужья!—Имѣю дочь,
Желалъ-бы, чтобъ изъ племени Варравы
Былъ лучше мужъ ей, чѣмъ христіанинъ!
Мы тратимъ время попусту: прошу,
Закончите судебное рѣшенье.
Порція.—Фунтъ мяса этого купца тебѣ
Судъ присудилъ, законъ передаетъ.
Шейлокъ.—Наиправдивѣйшій, мудрѣйшій судія!
Порція.—И вырѣзать то мясо изъ груди
Судъ присудилъ, законъ-же разрѣшаетъ.
Шейлокъ.—Наиученѣйшій, великій судія!—
Рѣшенье!—Ну-жъ, готовься—
Порція.— Погоди—
Есть кое-что еще:—по обязательству
Не слѣдуетъ тебѣ ни капли крови.
Здѣсь говорится въ точности „фунтъ мяса“;
И такъ, по обязательству бери
Фунтъ мяса; только если вырѣзая
Прольешь хоть каплю христіанской крови,—
Твои имѣнья тотчасъ отберутся
Въ Венеціанскую казну—согласно
Венеціанскаго закона.
Граціано.—О, праведный судья! О, неподкупный!—
Жидъ, слышишь-ли?—Ученѣйшій судья!
Шейлокъ.—И есть такой законъ?—
Порція.— Самъ можешь видѣть текстъ
Поклонникъ справедливости формальной,

Повѣрь мнѣ.—ты ее получишь больше,
Чѣмъ ты-бы самъ хотѣлъ.

Граціано.— О, вотъ ученость!
Жидъ, слышишь-ли?—Ученѣйшій судья!

Шейлокъ.—Ну-ну!—Я принимаю предложенье:
Платите втрое,—и христіанинъ
Пускай идетъ.

Бассаніо.— Вотъ деньги, вотъ они...

Порція.—Потише, вы!—
Жидъ долженъ получить лишь справедливость.
И онъ ее получитъ—не спѣшите,—
Хотя и въ уголовномъ лишь порядкѣ.

Граціано.—О, жидъ, что за судья—ученый, неподкупный!

Порція.—А потому готовься рѣзать мясо.
Ни капли крови; въ точности, фунтъ мяса,
Не больше и не меньше; если больше,
Иль меньше фунта—будь то хоть настолько,
Что можетъ сдѣлать легче, иль тяжелѣ
Ничтожнѣйшую часть двадцатой части
Подраздѣленья бѣднаго скрупула;
Нѣтъ, если чашка тронется хоть столько,
Чтобы означить тяжесть волоска,—
— Ты мертвъ, и все твое добро и достоянье
Отобраны въ казну.

Граціано.— А?—Даніилъ!
Вѣдь Даніилъ второй!—Что жидъ-язычникъ?
Теперь-то я словлю тебя за ляжку. [1]

Порція.—Что-жъ медлишь, жидъ? Бери-же неустойку.

Шейлокъ.—Отдайте самый долгъ, и отпустите.

Бассаніо.—Онъ у меня въ готовности; вотъ онъ—

Порція.—Онъ ужъ отвергъ его при всемъ судѣ:
Пусть начисто получитъ справедливость
По обязательству.

---

[1] Тутъ опять въ числѣ обязательныхъ для меня поправокъ мнѣ разъяснили, что слова: „I have thee on the hip“, будто бы значутъ: „Я тебя ранилъ въ ляжку“. Тогда какъ ни о какомъ оружіи для нанесенія ранъ тутъ нѣтъ и помину, а по объясненію англійскихъ комментаторовъ, это просто намекъ на преимущество, которое получалъ ручной борецъ въ состязаніи, когда ему удавалось схватить подъ ляжку своего противника и тѣмъ лишить его возможности продолжать борьбу. Это также и охотничій терминъ, когда неопытная собака, неумѣвъ поймать звѣря, натыкалась и хватала его за ляжки.

Граціано.— Самъ Даніилъ!—
Я-жъ говорю: самъ Даніилъ второй!
Спасибо жидъ открылъ,—а то-бъ не зналп...
Шейлокъ.—Такъ мнѣ-жъ не получить и капитала?
Порція.—Ты можешь получить лишь неустойку—
И то, беря все это на свой страхъ.
Шейлокъ.—Такъ пусть же ей воспользуется чортъ!
Мнѣ нечего тутъ больше препираться...
Порція.—Жидъ погоди.—Законъ еще имѣетъ
Съ тобой другіе счеты.
Въ Венеціи такъ узаконено,
Что если уличится чужеземецъ,
Что покушался косвенно, иль прямо
На жизнь онъ гражданина,—сторона,
Противъ которой было покушенье,
Вступаетъ въ обладанье половиной
Его имущества;—другая-жъ половина
Идетъ въ распоряженье государства;
А жизнь преступника—на милосердье Дожа.
Противу всякаго другаго мнѣнья...
Въ разрядѣ этомъ, знай, ты состоишь,
Такъ какъ изъ явныхъ дѣйствій очевидно.
Что ты злоумышлялъ, и косвенно, и прямо
На жизнь отвѣтчика; и тѣмъ себѣ навлекъ
Вышеизложенныя мною затрудненья.
Пади—моли помилованья Дожа.
Граціано.—Моли, чтобъ предоставили тебѣ
Повѣситься свободно; и, однако,
Какъ ужь отобраны твои имѣнья,
Не будетъ у тебя и на веревку,—
И все-жъ тебѣ висѣть на счетъ казны.
Дожъ.—Чтобъ могъ ты видѣть разницу понятій,
Дарую жизнь тебѣ еще до просьбы.
А что до половины состоянья,
То первая—Антоніо; другая
Отчислится на нужды государства;
Твоя-жъ покорность можетъ превратить
Часть эту только въ небольшую пеню.
Порція.—Что государству—да; но не Антонью.

Шейлокъ.—Нѣтъ, жизнь мою берите ужь,—и все...
Не милуйте: вы ужь берете домъ,
Какъ скоро вы берете ту подпору,
Которая поддерживала домъ;
Вы взяли ужь и жизнь, когда вы взяли
Тѣ средства, на которыя я жилъ.
Порція.—Антоніо, какую милость
Ему могли-бъ вы оказать?
Граціано.—Веревку gratis, только—ради Бога!
Антоніо.—Угодно-ль монсиньору и суду,
Чтобъ ограничить пеню половиной
Имущества—я удовлетворенъ,
Какъ скоро надъ другою половиной
Дано мнѣ будетъ пользованіе такъ,
Чтобъ послѣ его смерти передать
Тому лицу, которое недавно
Украло дочь его.—Еще двѣ вещи:
Чтобы за эти милости онъ сталъ
Тотчасъ христіаниномъ: а второе,
Чтобы онъ сдѣлалъ тутъ-же на судѣ
Всему, что̀ будетъ у него по смерти, запись
На дочь и зятя своего Лоренцо.
Дожъ.—Онъ это сдѣлаетъ, иль я беру назадъ
Помилованье, данное ему.
Порція.—Доволенъ-ли ты, жидъ? Что̀ скажешь ты?
Шейлокъ.— —Доволенъ.
Порція.—Писецъ, строчи намъ дарственную запись.
Шейлокъ.—Прошу, дозвольте мнѣ уйти отсюда,—
Мнѣ нездоровится.—Пришлите запись,
Я подпишу.
Дожъ.— Ступай; но все исполнить—
Граціано.—Въ крещеньи будутъ у тебя два крестныхъ:
Будь я судьей—еще-бъ ихъ было десять, [1]
Чтобъ привести тебя къ петлѣ, а не къ купели.
(Шейлокъ уходитъ.)
Дожъ.—Я васъ прошу, синьоръ, ко мнѣ откушать.
Порція.—Я льщу себя надеждой, ваша свѣтлость,
Не взыщите: мнѣ въ ночь необходимо

---

[1] То-есть двѣнадцать человѣкъ присяжныхъ, чтобы сдѣлать законнымъ приговоръ о повѣшеніи.

Быть на дорогѣ въ Падуу, и должно
Тотчасъ пуститься въ путь.
Дожъ.—Весьма жалѣю, что вы такъ спѣшите.—
Антоніо, почтите монсиньора—
По моему, ты всѣмъ ему обязанъ. *(Дожъ, маньифики и свита уходятъ.)*
Бассаніо.—Достойнѣйшій синьоръ, я и мой другъ
Сегодня были мудростію вашей
Избавлены отъ страшнаго отвѣта;
И эти самые три тысячи дукатовъ,
Которые должны были жиду,
Позвольте предложить вамъ за труды.
Антоніо.—И оставаться все-таки въ долгу
(Превыше всякой степени и мѣры),
Признательной и преданной любви.
Порція.—Тотъ награжденъ съ избыткомъ, кто доволенъ.
И я, васъ выруча, вполнѣ доволенъ,
И въ этомъ смыслѣ награжденъ вполнѣ.—
Продажнѣй не бывалъ еще мой умъ.—
Прошу васъ, если встрѣтимся мы снова,
Меня узнать. Желаю вамъ всего
Прекраснаго,—и такъ прощаюсь съ вами.
Бассаніо.—Безцѣнный!— Не могу васъ такъ оставить:
Возьмите-же отъ насъ хоть что-нибудь,
Какъ скромный даръ, на память, не какъ плату
Двѣ милости, прошу васъ, окажите:
Не откажите взять, и извините.
Порція.—Вы такъ настойчивы, что я сдаюсь:
Перчатки дайте мнѣ носить на память;
А въ знакъ любви возьму у васъ кольцо.
Не прячьте руку: больше не возьму,
Вы-жъ вѣрно не откажите мнѣ въ этомъ.
Бассаніо.—Кольцо—синьоръ?—Ахъ, это бездѣлушка..
Мнѣ было-бъ стыдно это вамъ дарить.
Порція.—А мнѣ другаго ничего не нужно,
Какъ только это; у меня къ нему
Явилось вдругъ какое-то влеченье.
Бассаніо.—Въ немъ скрыто нѣчто большее цѣны:
Цѣннѣйшее въ Венеціи кольцо
Я вамъ дарю, и разыщу его

Посредствомъ объявленій; только это—
Я умоляю—вы меня увольте.

Порція.—Я вижу—щедры вы на обѣщанья.
Сперва просить меня вы научили;
Теперь-же учите, какъ кажется, тому
Какъ отвѣчать прилично попрошайкамъ.

Бассаніо.—Синьоръ, это кольцо подарено мнѣ
Моей женой; и какъ она его
Мнѣ надѣвала—обязала клятвой:
Не сбыть, не потерять, и не продать.

Порція.—Такія отговорки служатъ многимъ,
Чтобъ лучше сохранить свои подарки.
Когда у васъ жена въ своемъ умѣ,
То вѣчной къ вамъ вражды питать не станетъ,
За то, что мнѣ его вы подарили—
Узнавши, ка̀къ я заслужилъ кольцо!
Ну какъ угодно. Миръ да будетъ съ вами!
(Порція и Нерисса уходятъ.)

Антоніо.—Синьоръ Бассаніо, отдай ему кольцо;
Его заслуга и моя любовь
Пусть перевѣсятъ заповѣдь жены.

Бассаніо.—Пойди, Грацьяно, догони его;
Отдай ему кольцо, и приведи
Его къ Антоніо, какъ только можно
Скорѣй.—*(Грац. уходитъ.)* А мы туда идемъ теперь-же,
И утромъ рано оба мы летимъ
Въ Бельмонтъ.—Идемъ, Антоніо, идемъ. *(Уходятъ.)*

СЦЕНА II.

Тамъ-же. Улица.

Входятъ **Порція** и **Нерисса.**

Порція.—Найди, гдѣ домъ жида; вручи ему
Бумагу—пусть подпишетъ. Къ ночи въ путь
Чтобъ дома за-день быть передъ мужьями.—
Бумажка та порадуетъ Лоренцо.

Входитъ **Граціано.**

Граціано.—Нашъ свѣтлый гость!—Спасибо, что поймалъ—
Синьоръ Бассаніо, по большемъ размышленьи,
Вамъ шлетъ кольцо, и умоляетъ васъ
Къ нимъ отобѣдать.
Порція.— Это невозможно...
Кольцо я благодарно принимаю,
И такъ прошу васъ передать ему.—
Еще я попрошу васъ, покажите
Вотъ—юношѣ домъ стараго Шейлока.
Граціано.—Извольте—
Нерисса.— Надо съ вами мнѣ поговорить.—
Посмотримъ, получу-ли я кольцо отъ мужа,
Что онъ мнѣ поклялся хранить во вѣки.
Порція.—Получишь, я ручаюсь:—и услышимъ
Мы снова клятвы, старыя, какъ время,
Что кольца отдали они мужчинамъ;
А мы ихъ уличимъ, и разбранимъ...
Ступай скорѣй!—Гдѣ буду я—ты знаешь.
Нерисса.—Синьоръ, идемте; покажите домъ. *(Уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА I.

Бельмонтъ. Аллея къ замку.

Входятъ **Лоренцо и Іессика.**

Лоренцо.—Какъ свѣтитъ мѣсяцъ.—И въ такую ночь,
Когда лобзалъ деревья вѣтерокъ,
Не шелохнувъ,—въ такую ночь, какъ эта,
Представь, Троилъ всходилъ на стѣны Трои
Вздыхать въ пространство къ греческимъ шатрамъ—
Кресида тамъ была—[1].

[1] Въ древнихъ троянскихъ преданіяхъ ни о какой Крессидѣ нѣтъ и помину. Первый Чоосеръ изобрѣлъ Троила и Крессиду, и изобразилъ „*Принца*“ на стѣнахъ Трои въ ожиданіи „*Принцессы*“.

Іессика.— Въ такую ночь
Тисбэ ступала робко по росѣ;
И вмѣсто льва, увидѣвъ тѣнь его,
Въ смятеніи ушла—
Лоренцо.— Въ такую ночь
Дидона, стоя съ ивою въ рукѣ
На дикомъ взморьѣ, милаго манила
Вернуться въ Карѳагенъ.
Іессика.— Въ такую ночь
Медея набрала волшебныхъ зелій—
И отъ ея неотразимыхъ чаръ
Помолодѣлъ Езонъ—
Лоренцо.— Въ такую ночь
Іессика скрылась отъ богатаго жида,
И изъ Венеціи съ безумцемъ пробралась
Далёко...—какъ Бельмонтъ—
Іессика.— Въ такую ночь
Лоренцо клялся ей въ любви сердечной;
И сердце выкралъ множествомъ обѣтовъ,
Которые—всѣ ложь...
Лоренцо.— Въ такую ночь
Прелестная Іессика клеветала,
Какъ злая и сварливая ворчунья,
На милаго, который ей прощалъ...
Іессика.—Нѣтъ!—я тебя бы переночевала,
Когда-бъ никто не приходилъ; но—тсс...
Мужскіе мнѣ послышались шаги...

Входитъ **Стефано.**

Лоренцо.—Кто это такъ спѣшитъ въ безмолвьи ночи?
Стефано.—Свои.
Лоренцо.— Свои? Но кто свои? Нельзя ли имя?
Стефано.—Меня зовутъ Стефано; я съ извѣстьемъ,
Что наша госпожа передъ разсвѣтомъ
Прибудетъ къ намъ въ Бельмонтъ: она тутъ ходитъ
Вокругъ святыхъ крестовъ, молясь усердно,
Колѣнопреклоненно, о счастливомъ
Союзѣ въ бракѣ [1].

[1] На распутьяхъ и перекресткахъ дорогъ ставились кресты, какъ это дѣлалось и у насъ въ южныхъ губерніяхъ. Они внушали путнику набожныя чувства, и у подножія ихъ пилигримы преклоняли колѣна и молились.

Лоренцо.— Кто прибудетъ съ ней?
Стефано.—Одинъ святой пустынникъ, да подруга.—
Позвольте, что̀ синьоръ уже вернулся?
Лоренцо.—Нѣтъ, и не слышно ничего о немъ.—
Однако же пойдемъ домой, Іессика.
И распорядимся, какъ лучше встрѣтить.
И подобающе принять хозяйку замка.

Входитъ Ленчлотъ.

Ленчлотъ.— Со-ля! Со-ля! Го, го! Со-ля, Со-ля! [1]

Лоренцо.—Кто тамъ оретъ?

Ленчлотъ.—Со-ля! Не видали ли господина Лоренцо и госпожу Лоренцо? Со-ля, Со-ля!

Лоренцо.—Брось завыванье—здѣсь.

Ленчлотъ.—Со-ля! Гдѣ, гдѣ здѣсь?

Лоренцо.—Здѣсь.

Ленчлотъ.—Такъ скажите ему, что прибылъ посланный отъ моего господина съ рогомъ изобилія хорошихъ новостей: самъ будетъ здѣсь еще до утра. *(Уходитъ.)*

Лоренцо.—Душа моя, войдемъ, чтобъ тамъ ихъ встрѣтить.—
А впрочемъ, все равно: зачѣмъ входить?
Мой другъ Стефано, объяви, прошу,
Тамъ въ домѣ, что сейчасъ они прибудутъ;
И музыку тащи сюда на воздухъ. *(Стефано уходитъ.)*
Какъ сладко дремлетъ кроткій лунный свѣтъ
На этомъ берегу. Вотъ здѣсь мы сядемъ,
И звуки музыки пусть крадутся намъ въ уши:
Задумчивая ночь и тишина
Приличествуютъ сладостной гармоньи.
Сядь и смотри, Іессика: какъ сводъ неба
Отдѣланъ густо золотымъ узоромъ;
И изъ всѣхъ этихъ блестокъ, что̀ ты видишь,
Самомалѣйшей нѣтъ, чтобы не пѣла,
Подобно ангелу въ своемъ движеньи,
Сливаясь съ пѣснью юныхъ херувимовъ: [2]

[1] Здѣсь Ленчлотъ старается подражать рожку почтальона, чтобы тѣмъ яснѣе, по его мнѣнію, дать понять, что онъ принесъ извѣстіе о приближеніи своего господина.

[2] Этимъ поэтъ дѣлаетъ указаніе на древнее ученіе о музыкѣ сферъ, такъ какъ предполагалось, что быстрота движенія планетъ производить музыкал-

Такъ и гармонія безсмертныхъ душъ...
Пока же грязный, тлѣнный сей покровъ
Ее стѣсняетъ грубо—мы не слышимъ...

Входятъ музыканты.

Вотъ и они, идите,—пробудите
Діану гимномъ: сладкимъ струнъ бряцаньемъ
Проникните до слуха госпожи—
И музыкой домой ее маните. *(Музыка.)*

Іессика.—Мнѣ музыка всегда наводитъ грусть.

Лоренцо.—И это значитъ, что душа твоя
Ей предается до самозабвенья.
Взгляни на дикій, вѣтренный табунъ
Неприрученныхъ, вольныхъ жеребятъ,
Какъ бѣшено они несутся съ ржаньемъ,
Какъ прыгаютъ, косятся и храпятъ,—
— Что̀ вѣрный знакъ огня у нихъ въ крови;
И вдругъ они заслышатъ звукъ трубы,
Или напѣвъ, положимъ, музыкальный
Нечаянно до ихъ коснется слуха—
Увидишь, какъ они всѣ разомъ станутъ,
Ихъ острые глаза засмотрятъ кротко—
То музыки плѣнительная власть!
И такъ, поэтъ могъ грезить, что Орфей
Сдвигалъ деревья, камни и потоки:
Такъ какъ ничто не можетъ быть такъ черство,
Такъ безпощадно, иль окаменѣло,
Чтобъ не смягчалось музыкой подчасъ.
Тотъ, въ комъ нѣтъ чувства музыки совсѣмъ,
Кого не тронетъ сочетанье звуковъ—
Способенъ къ грабежу, враждѣ, измѣнѣ:
Движенія души его какъ ночь,
Его привязанности мрачны, какъ Эребъ!—[1]
Не вѣрь никто такому человѣку.—
Послушай—что̀ за звуки...

ные звуки съ извѣстнымъ созвучіемъ, но слишкомъ широкіе, громкіе, и постоянные, чтобъ они могли быть доступны смертному чувству. Многіе изъ поэтовъ того времени дѣлали на это намеки, не лишенные поэтической прелести—Campbelle, Milton, Addison, и друг.

[1] Эребъ—мрачнѣйшая часть изъ наимрачнѣйшихъ областей ада, по свидѣтельству людей его вполнѣ изучившихъ.

Входятъ Порція *и* Нерисса, *вдалекѣ*.

Порція.—Вонъ видишь свѣтъ—вѣдь онъ изъ нашей залы.
Какъ далеко ничтожная лампадка
Несетъ лучи!—Такъ и благое дѣло
Сіяетъ въ скверномъ мірѣ.

Нерисса.— Все-жъ пока
Былъ мѣсяцъ—мы лампады не видали.

Порція.—Такъ слава бо́льшая мрачитъ меньшую славу:
Намѣстникъ ярко свѣтитъ, какъ король,
Пока нѣтъ короля; тогда жъ его величье
Изсчезнетъ словно дождевой потокъ
Въ величіи морей.—Ахъ, музыка!

Нерисса.—Да это ваша музыка изъ замка.

Порція.—Какъ вижу то̀ лишь хорошо, что̀ кстати:
Мнѣ кажется, теперь она звучитъ
Пріятнѣе, чѣмъ днемъ.

Нерисса.— Всю эту прелесть
Ей придаетъ безмолвье ночи.

Порція.—И грачъ не хуже жаворонка споетъ,
Какъ скоро ихъ никто не будетъ слушать:
И кажется, что днемъ и соловей,
При громкомъ гоготаніи гусей,
Окажется чижа не музыкальнѣй.
Какъ многое, лишь отъ того, что кстати,
Достигло похвалы и совершенства.
Но, тише!—Спитъ луна съ Эндиміономъ—
— И не желаетъ, чтобъ ее будили... [1]

(Музыка останавливается.)

Лоренцо.—Хоть-что̀... А это голосъ госпожи.

---

[1] **Эндиміонъ.**

Эндиміонъ былъ юноша дивно-прекрасный:
Дни проводилъ онъ во снѣ въ пещерѣ Латмоса, въ Каріи.
Ночи-жъ любилъ онъ охотиться въ лунномъ сіяньи
Въ рощахъ за быстрою ланью—и дѣвственнымъ сердцемъ
Крѣпко его полюбила владычица тварей—Діана...

(Изъ средневѣковыхъ перифразъ миѳологическихъ преданій, печатавшихся тогда готическимъ чернымъ шрифтомъ временъ Гуттенберга и Какстона.)

А въ прозѣ это будетъ—образное представленіе доисторическихъ племенъ о молодомъ серпѣ луны, сливающемся раннимъ вечеромъ съ ясной зарей.

Порція.—Онъ по дурному голосу меня,
Какъ нашъ слѣпой кукушку узнаетъ.
Лоренцо.—Сударыня, привѣтствую васъ дома.
Порція.—А мы молились за успѣхъ мужей,
Который будетъ вѣрно несомнѣннѣй
Отъ нашихъ словъ.—Они не возвращались?
Лоренцо.—Покуда нѣтъ-съ еще; но прискакалъ
Впередъ гонецъ съ извѣстіемъ, что ѣдутъ.
Порція.—Поди, Нерисса, прикажи прислугѣ,
Чтобы никто какъ бы не замѣчалъ
Того, что̀ отлучались мы отсюда.
И вы, Лоренцо,—также вы, Іессика. *(Тушъ.)*
Лоренцо.—Супругъ вашъ: узнаю его трубу.—
Мы-съ не болтливы: насъ не опасайтесь.
Порція.—Ночь эта, какъ не ночь, а день больной,
Лишь нѣсколько блѣднѣй; а впрочемъ день,—
Но день такой, когда не видно солнца.

Входятъ Бассаніо, Антоніо *и* Граціано.

Бассаніо.—Придется днемъ считать день антиподовъ,
Когда гулять ты будешь послѣ солнца.
Порція.—Хотѣла бъ я источникомъ быть свѣта;
Но не желаю быть блуждающимъ огнемъ:
Вертушка мужа дѣлаетъ тяжелымъ;
А мужъ такимъ не будетъ для меня...
Но,—воля Божья!—Здравствуйте, синьоръ.
Бассаніо.—Благодарю,—синьора. Вотъ, примите,—
Мой другъ, Антоніо—се самый онъ и есть,
Кому я безконечно такъ обязанъ.
Порція.—Да,—вы должны во всѣхъ быть отношеньяхъ
Ему обязаны, такъ какъ и онъ
Былъ слишкомъ, кажется, обязанъ изъ-за васъ.
Антоніо.—Не больше, какъ ужь мнѣ и заплатили.
Порція.—Вы въ нашемъ домѣ драгоцѣнный гость:
И это будетъ выражено вамъ
Иначе, чѣмъ словами—потому
Я сокращаю формулу привѣтствій.
Граціано. (Говоря особо съ Нериссой.)—Ну,—вотъ тѣмъ мѣся-
цемъ клянусь, что ты ко мнѣ
Несправедлива, да!—Ну вотъ ей-ей!

Я подарилъ его писцу судьи.
Но мнѣ хоть бы повѣсили его[1]
За то, что взялъ,—ужь если ты, мой другъ,
Такъ близко это принимаешь къ сердцу.
Порція.—Что̀ это—ссора?—А?—Ужe!—Въ чемъ дѣло?
Граціано.—За обручъ золотой... Такъ, дрянь-колечко.
Что̀ мнѣ она дала... И надпись-то на немъ,
Какъ у ножевщиковъ литература
На ихъ ножахъ—на цѣлый Божій свѣтъ:
„Люби меня—не покидай меня."
Нерисса.—Что̀ вы толкуете о надписяхъ, о цѣнахъ!
Вы мнѣ клялись, какъ я его давала,
Что будете носить его до гроба;
И что оно и въ гробъ-то съ вами ляжетъ...
Хотя бъ не для меня, а ради клятвъ
Въ васъ стало совѣсти хранить его.
Отдалъ писцу судьи!—Отлично знаю—
Писецъ, который получилъ его,
До бороды не доживетъ во вѣки.
Граціано.—А если доживетъ, чтобъ быть мужчиной!
Нерисса.—Да, если женщина,—и доживетъ.
Чтобъ быть мужчиной.
Граціано.— Ну, отсохни-жь руки.
Когда его не юношѣ я отдалъ,
Такъ юному мальчишкѣ—ростомъ будетъ
Не болѣе тебя—писцу судьи.
Болтунъ мальчишка, выпросилъ какъ плату.
Ну,—не хватило духу отказать.
Порція.—Вы дурно сдѣлали, скажу вамъ прямо.
Простившись такъ легко съ подаркомъ первымъ
Своей жены; онъ долженъ былъ прирость
Вамъ къ пальцу въ силу клятвъ, и въ силу чести
Съ особой вашей слиться. Вотъ и я
Дала ему кольцо, а онъ мнѣ клятву,
Что никогда не разлучится съ нимъ.
И вотъ онъ здѣсь: я присягну на томъ,
Что онъ его не сниметъ, не дозволитъ

[1] Въ подлинникѣ: это выражено рѣзче.. Въ текстѣ напечатано допущенное Театральною Цензурой.

Сорвать его за всѣ богатства міра.
Ну, вправду, Граціано, вы женѣ
Даете важный поводъ къ огорченью.
Когда бъ со мной то, я-бъ сошла съ ума.
Бассаніо. (Про себя.)—Вотъ лучше бъ лѣвую себѣ отрѣзалъ руку,
И клясться могъ, что потерялъ кольцо,
Стараясь защищаться.
Граціано.— Да-синьоръ
Бассаніо свое кольцо ужъ отдалъ
Судьѣ, который у него просилъ,
И заслужилъ его—признаться надо:
А тутъ ужъ и мальчишка, что̀ писцомъ,
Вѣдь тоже потрудился въ перепискѣ—
Присталъ ко мнѣ; и ничего они
Взять не хотѣли,—ни писецъ, ни докторъ,
Какъ эти два кольца.
Порція.— Какое тамъ кольцо,
Синьоръ, вы отдали? Не то, конечно,
Что̀ получили отъ меня.
Бассаніо.— Когда бы
Я къ преступленью могъ прибавить ложь,
Я-бъ отрицалъ... Но, видите, мой палецъ
Свободенъ отъ кольца: его ужъ нѣтъ.
Порція.—Свободно, видно, также ваше сердце
Отъ всякой правды. Небомъ я клянусь,
Что если не увижу я кольца,
То никогда во вѣкъ не буду вашей.
Нерисса.—Ни я—покуда тоже не увижу.
Бассаніо.—Ахъ, милая, когда бъ вы только знали,
Кому я далъ кольцо; когда бъ вы знали,
Далъ за кого кольцо; когда бъ могли
Вы оцѣнить, за что̀ я далъ кольцо;
И какъ я неохотно далъ кольцо,
Когда ничто не бралось—лишь кольцо—
Тогда бъ вы вѣрно уменьшили горечь
Своей немилости.
Порція.— Когда бъ вы знали
Достоинство кольца; иль въ половину
Значенье той, кто вамъ дала кольцо;

Иль чувство чести, чтобъ хранить кольцо.—
Тогда бы вы не отдали кольца.
И кто-жъ бы былъ настолько безразсуденъ,
Что сталъ бы такъ нескромно вымогать
Вещь, чтимую священной, еслибъ вы
Хоть съ нѣкоторымъ видимымъ усердьемъ
Изволили отстаивать ее?
Нерисса поняла, чему тутъ вѣрить:
И я готова поручиться жизнью—
У женщины какой-нибудь кольцо.

Бассаніо.— Нѣтъ, честію, душой моей клянусь.
Нѣтъ, не у женщины—у доктора-юриста,
Не взявшаго три тысячи дукатовъ,
Чтобъ выпросить кольцо. Я отказалъ,
И отпустилъ его уйти сердитымъ—
Его, которому обязанъ жизнью
Безцѣнный другъ. Да чтò тутъ говорить?
Подавленный стыдомъ за нелюбезность,
Я долженъ былъ послать за нимъ кольцо.
Могла ль дозволить честь себя пятнать
Неблагодарностью? Простите мнѣ.— Клянусь
Благословенными свѣтильниками ночи,—
Что еслибы вы сами были тамъ,
Увѣренъ, вы бы сами упросили
Вамъ возвратить кольцо, чтобы вручить
Его достопочтенному юристу.

Порція.—Ну, чтòбы никогда этотъ юристъ
И къ дому моему не подходилъ!—
Ужь если получилъ онъ драгоцѣнность,
Которую я такъ любила, вы же
Клялись хранить; такъ буду же и я
Такой же щедрой, и не откажу
Ему ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ.
Ни даже въ моей собственной особѣ!
Ужь я его узнàю—это вѣрно;
Не спите жъ ночи ни одной внѣ дома,
Какъ Аргусъ сторожите—если-жъ нѣтъ,
И вы меня оставите въ покоѣ—
Ну вотъ, клянусь же вамъ моею честью,

Которая пока еще моя,
Что доктору я этому отдамся!—[1]
Нерисса.—А я—писцу; а потому, не очень
Такъ оставляйте—чтобы на свободѣ...
Граціано.—Ну! что̀ хотите: только бъ не засталъ я:
А то перо попорчу я писцу.
Антоніо.—И я—несчастная причина этихъ ссоръ!
Порція.—Синьоръ, не огорчайтесь; вы все также
Гость драгоцѣнный, несмотря на все.
Бассаніо.—Прости же мнѣ невольную ошибку:
И вотъ, въ присутствіи моихъ друзей
Клянусь тебѣ,—ну даже и твоими
Прекрасными глазами, гдѣ я вижу
Себя же самого—
Порція.— Замѣтьте только это—
Онъ видитъ въ двухъ моихъ глазахъ себя вдвойнѣ:
По одному въ глазу;—клянитесь же двойнымъ
Самимъ собой—вотъ это будетъ клятва
Достойная довѣрья.
Бассаніо.— Нѣтъ, послушай,—
Прости мнѣ это, и душей клянусь,
Что никогда ужь не нарушу клятвы
Моей тебѣ.
Антоніо.— Ужь я однажды жизнью
Рискнулъ за состоятельность его...
И эта жизнь подверглась бы крушенью
Безъ помощи того, кто взялъ кольцо
У мужа вашего: и смѣю снова
Дать обязательство,—и душу въ неустойку—
Что мужъ вашъ никогда ужь не нарушитъ,
Сознательно, вамъ даннаго обѣта.
Порція.—Такъ вы хотите быть его порукой:—
Отдайте жь вотъ ему—и прикажите,
Чтобъ это онъ берегъ вѣрнѣй, чѣмъ то.
Антоніо.— Ну вотъ, синьоръ Бассаніо,—клянитесь
Хранить это кольцо.

---

[1] Въ подлинникѣ: ...«*Что буду съ этимъ докторомъ въ постели!*» *Нерисса.*— А я—съ писцомъ... Въ текстѣ напечатано такъ, какъ допущено Театральною Цензурой.

Бассаніо. Клянусь же небомъ!
Это то самое, что̀ отдалъ я судьѣ.
Порція.—Я отъ него-жъ его и получила:
Простите: въ силу этого кольца
Онъ ночью былъ со мной.
Нерисса.— Да.—и меня простите.
Мой милый Граціано, такъ какъ этотъ
Дрянной мальчишка,—да, писецъ судьи,
По милости кольца со мной былъ ночью.
Граціано.—Ну! это то же, что̀ справлять дороги
Въ жары, когда онѣ и такъ исправны:
Такъ мы съ рогами, до вступленья въ право?
Порція.—Не выражайтесь такъ!..—Всѣ въ изумленьи?
Вотъ вамъ письмо—прочтите на досугѣ—
Изъ Падуи, отъ доктора Белларьо:
Увидите, что Порція есть докторъ,
Нерисса же писецъ; а вотъ Лоренцо
Вамъ можетъ засвидѣтельствовать, что
Мы тотчасъ отлучились вслѣдъ за вами.
И только возвратились. Я еще
И не входила въ домъ.—Антоніо,
Безцѣнный гость,—а у меня для васъ
Есть лучше новости, какихъ не ожидали.
Скорѣе распечатайте вотъ это—
И тамъ прочтете, что внезапно три
Изъ вашихъ кораблей, съ богатымъ грузомъ,
Вошли вдругъ въ гавань. Вамъ не разузнать,
Какъ до меня дошло это письмо.
Антоніо.—Я—нѣмъ.
Бассаніо.— Вы докторъ, нашъ спаситель—
И я васъ не узналъ...
Граціано.—А вы—писецъ, чтобъ надѣлять рогами?
Нерисса.—Да—но писецъ, который и не думалъ...
Ужъ развѣ доживетъ, чтобъ быть мужчиной—
Бассаніо.—Прелестный докторъ,—вы—мой замѣститель—
Въ моемъ отсутствіи вы будете съ женой.
Антоніо.—Сударыня, вы мнѣ даете жизнь,
И то, чѣмъ жить, такъ какъ я здѣсь читаю,
Что корабли мои дѣйствительно всѣ въ портахъ

Порція.—Ну-что̀, Лоренцо? А у моего
Секретаря есть и для васъ подарки.
Нерисса.—И я ихъ выдамъ безъ взысканья пошлинъ.
Вотъ вамъ съ Іессикой дарственная запись
На все, что̀ у богатаго жида
Останется имущества по смерти.
Лоренцо.—Прекрасныя синьоры, манну съ неба
Вы сыплете оголодавшимъ смертнымъ.
Порція.—Почти ужь утро, я-же все еще
Увѣрена, что далеко неполнымъ
Казаться можетъ разъясненье дѣла:
Войдемте: тамъ чините свой допросъ,
А мы по совѣсти вамъ все покажемъ. [1]
Граціано.—Да будетъ такъ: и первый же допросъ,
Въ которомъ присягнетъ моя Нерисса,—
Что̀, ждать ли будемъ слѣдующей ночи,
Или въ постель, хоть ужь второй часъ дня?
Но будь хоть день, я пожелаю мрака,
Чтобы на ложѣ пріютить писца.
Ни въ жизнь не испытаю гаже страха,
Какъ страхъ за цѣлость женина кольца!—

(Занавѣсъ падаетъ.)

Іюнь, 1887.

---

[1] Любезная хозяйка, какъ видно, все еще не вышла изъ своей юридической роли, блистательный успѣхъ которой, конечно, способствуетъ удержанію ее подъ своимъ обаяніемъ. По крайней мѣрѣ, въ подлинникѣ она и Нерисса все время употребляютъ судейскіе обороты и даже сокращенія.

РИМСКАЯ КОМЕДІЯ.[1]

Всякому, хотя немного знакомому съ исторіей литературы, хорошо извѣстно, что поэзія драматическая—та отрасль поэзіи вообще, время высшаго процвѣтанія которой въ данной странѣ совпадаетъ съ періодомъ высшаго процвѣтанія ея культуры, высшаго общественнаго и политическаго благосостоянія. Въ древнемъ мірѣ блистательнѣйшій примѣръ тому представленъ Греціей, гдѣ время полнаго расцвѣта драматической поэзіи было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ высшаго политическаго могущества Аѳинъ, гдѣ драма,—что вполнѣ естественно при раціональномъ, правильномъ развитіи литературы вообще,—завѣнчала собой зданіе поэзіи, явившись уже тогда на послѣдней ступени совершенства, въ лицѣ Эсхила, Софокла и Эврипида, когда остальные виды литературнаго творчества—эпосъ, лирика—прошли уже всѣ фазисы своего развитія,—и поэтому сдѣлавшись дѣйствительно *вѣнцомъ* поэтическаго творчества этого народа.

Не то было въ Римѣ, гдѣ въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемся съ любопытнымъ явленіемъ. Тутъ драматическая литература—и именно *комедія*, представлявшая собою въ Римѣ лучшую часть ея—поднялась на высшую ступень какъ разъ въ то время, когда римскій народъ сдѣлалъ первые, да и то подражательные, шаги на пути культуры, вслѣдствіе чего, само собою разумѣется, она не могла имѣть ни одного изъ тѣхъ высокихъ достоинствъ, которыми изобиловала драма греческая въ пору своего полнаго

[1] Три публичныя лекціи изъ систематическаго курса всеобщей исторіи литературы, читаннаго въ Педагогическомъ музеѣ, въ Петербургѣ.

процвѣтанія. И затѣмъ—возникла эта отрасль поэзіи въ Римѣ тогда, когда остальные виды литературнаго творчества еще совсѣмъ не появлялись, дала лучшіе образцы свои болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до появленія лучшихъ произведеній лирики и эпоса. О причинахъ этихъ обоихъ явленій будетъ рѣчь ниже; но уже они сами по себѣ—отрицательное ручательство за полное, всестороннее достоинство римской драматической литературы.

И дѣйствительно, ей (не только трагедіи, отличающейся отсутствіемъ мало-мальски выдающихся въ художественномъ отношеніи произведеній, но даже и комедіи, нашедшей себѣ такого высокоталантливаго, почти геніальнаго представителя въ Плавтѣ) не доставало многаго, чтобы мы могли видѣть въ ней гармоническое соединеніе всѣхъ элементовъ художественности. И если эта драма (опять-таки, собственно и главнѣйшимъ образомъ, комедія) имѣетъ полное право на наше вниманіе, если изученіе ея интересно и плодотворно во многихъ отношеніяхъ, то это обусловливается другими ея достоинствами и другими обстоятельствами, между которыми,—скажу уже теперь то, о чемъ придется еще говорить подробнѣе,—очень важно принятіе римскою комедіей, подъ перомъ своихъ лучшихъ дѣятелей, того космополитическаго характера, который сдѣлалъ ее близкою и для послѣдующаго, даже отчасти для нашего времени. За трагедіей же римскою нѣтъ и этого достоинства, нѣтъ и этого отличія.

Причины тутъ внутреннія и внѣшнія.

Между первыми главнѣйшая лежитъ въ самомъ характерѣ народа, его вкусахъ и наклонностяхъ, его умственномъ и эстетическомъ строѣ. У энергическаго и положительнаго Римлянина напрасно стали бы мы искать не только поэтическихъ элементовъ—чувства, красоты и любви къ идеальному, а слѣдовательно и любви къ поэзіи, но и искренняго уваженія къ той работѣ мысли, которая находитъ себѣ внѣшнее выраженіе въ формѣ литературной. Здѣсь римскій народъ и цѣнилъ и уважалъ только то, что̀ было выражено, а въ мысли, подлежавшей такому выраженію—только цѣль, которую имѣлось въ виду достигнуть. Въ ту эпоху, когда этотъ народъ уже совсѣмъ вышелъ изъ своей грубости, когда, быть-можетъ, немного не слово — греческая муза сдѣлалась, наконецъ, для него предметомъ удивленія, онъ относился къ литературѣ латинской съ какимъ-то систематическимъ пренебреженіемъ: „какъ бы ни горяча, какъ бы ни упорна была работа ума, Римлянинъ не хотѣлъ видѣть въ ней

ничего, кромѣ одной изъ формъ праздности..." И что̀-же въ этомъ удивительнаго по отношенію къ *массѣ*, если наиболѣе прославленный *поэтъ* Виргилій восклицалъ, обращаясь къ своимъ соплеменникамъ: „Другіе съумѣютъ, пожалуй, мягче выковать мѣдь, изваять изъ мрамора одушевленные лики... ты же, Римлянинъ, помышляй объ одномъ: державно править народами, подвизайся въ искусствѣ водворять вездѣ благонадежный миръ, щади покорныхъ и оружіемъ низлагай строптивыхъ!..." Мечъ и вѣсы — вотъ что сдѣлалось эмблемой римскаго народа, точно такъ же, какъ лиру Аполлона можно вполнѣ признать символомъ эллинства, и „свѣтлая юность человѣчества — по замѣчанію Карьера — уступаетъ здѣсь мѣсто мужеской важности, надъ фантазіей получаетъ рѣшительное преобладаніе разсудокъ, практическій реализмъ овладѣваетъ уже дѣйствительностью, чтобы воспользоваться ею въ своихъ интересахъ, на свой ладъ, а не для того, чтобы свободно претворить его по идеалу". Совершенно естественно, что все это должно было рѣзко и глубоко отразиться на искусствѣ вообще, а слѣдовательно, и на поэзіи, лучшимъ доказательствомъ чему служитъ превосходство относительно какъ быстроты хода, такъ и внутренняго, художественнаго достоинства прозы предъ поэзіей: между тѣмъ какъ прозаическая литература менѣе чѣмъ въ полтора столѣтія достигла классической законченности въ своихъ формахъ, представивши первоклассные образцы въ краснорѣчіи, философіи, исторіи, литература поэтическая успѣла выработать окончательно только драму, да и то въ какой степени и въ какомъ видѣ!.. представивъ нѣкоторые опыты въ дидактическомъ родѣ, а въ эпоху Цицерона только приступила къ обработкѣ лирики!..

Особенно печально подѣйствовали вышеупомянутыя обстоятельства на развитіе римской *трагедіи*, представляющей собою, отъ Ливія Андроника, перваго дѣятеля въ этой области (около 240 г. до Р. Х.) до Сенеки (въ вѣкѣ императоровъ), рядъ произведеній крайне-подражательныхъ, лишенныхъ почти всякаго національнаго элемента, истиннаго драматизма, являвшихся скорѣе ученическими разсужденіями, чѣмъ трагедіями, совершенно ничтожными, какъ созданія искусства. Но совсѣмъ иное видимъ мы въ *комедіи* — и это именно обстоятельство служитъ несомнѣннымъ подтвержденіемъ сказаннаго выше о вліяніи римскаго національнаго элемента на развитіе римской литературы: комедія Римлянъ потому и поднялась такъ высоко — собственно по

сравненію съ трагедіей ихъ—что эта отрасль, гораздо болѣе многихъ другихъ, соотвѣтствовала кореннымъ свойствамъ римскаго характера. Тутъ, къ практичности этого народа, его здравому смыслу, отсутствію идеализаціи, присоединилась еще рѣзкая, безпощадная, даже грубая насмѣшливость, находившаяся въ полной гармоніи съ тѣмъ свойствомъ римскаго духа, которое Эдельстанъ дю-Мериль хорошо характеризуетъ терминами „наступательный и драчливый“ (agressif et batailleur), и которое проявилось также и въ его политическихъ публичныхъ преніяхъ и въ гласныхъ обсужденіяхъ дѣлъ совершенно частнаго свойства: „тутъ не только старались защищать *дѣло*, о которомъ шла рѣчь, но противники нападали другъ на друга и со стороны ихъ личнаго самолюбія: всякій зналъ, что сатирическое изображеніе, что рѣзкая брань произведутъ на публику впечатлѣніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ холодныя объясненія факта и логическое примѣненіе той или другой статьи закона“... Конечно, это далеко не тѣ элементы, которыхъ достаточно для созданія комедіи художественной; но Римлянину и не нужна была художественность: онъ ни безсознательно, по врожденному эстетическому чувству, ни сознательно не стремился къ ней. Театръ для Римлянина былъ почти тѣмъ же, чѣмъ служилъ для него циркъ до начала въ Римѣ собственно драматическихъ представленій,—циркъ, которымъ онъ вполнѣ довольствовался, пока случай - именно, какъ увидимъ, случай, а не внутренняя потребность, не естественный ходъ вещей, какъ у Грековъ – не поставилъ его лицомъ къ лицу съ зрѣлищами другаго рода. Театръ явился, такимъ образомъ, для Римлянина мѣстомъ простаго развлеченія (хотя сценическія представленія въ Римѣ были на первыхъ порахъ одною изъ принадлежностей религіознаго празднества, ибо давались исключительно во время „игръ“, имѣвшихъ, какъ извѣстно, кромѣ политическаго значенія и религіозное); въ театрѣ искалъ онъ только одного — шумной, оживленной веселости народнаго праздника. Этой массѣ нравился въ особенности „рѣзкій и гримасничающій комизмъ каррикатуры, и достойнымъ Римлянина, соизволившаго снисходить до увеселенія себя, она считала только шумный искренній смѣхъ—тотъ смѣхъ, котораго источникъ еще больше въ нервахъ, чѣмъ въ мысли“. При отсутствіи литературнаго воспитанія, которое могло бы выполировать умъ, и такихъ общественныхъ привычекъ, которыя могли бы развить чувство простаго приличія, Римляне

(я имѣю здѣсь въ виду то время, когда возникла и развилась *классическая* комедія, т.-е. лучшій періодъ римской драматической литературы) остались такими, какими создала ихъ природа—грубыми и цинично-неприличными,—и писателямъ, желавшимъ нравиться такой публикѣ, приходилось наполнять свои пьесы самыми безцеремонными проявленіями этой грубости, этого цинизма. Послушайте, какъ характеризуетъ римскую театральную аудиторію одинъ изъ лучшихъ изслѣдователей этого предмета: „У нея не было ни тѣхъ наклонностей, ни тѣхъ требованій, которыя имѣла и предъявляла публика афинская. Она судила, какъ попало, сообразно впечатлѣнію данной минуты, не занятая никакими литературными соображеніями,—и несмотря на то, что рѣшеніе участи пьесы находилось вполнѣ въ ея рукахъ: ей были совершенно чужды то умѣнье и то желанье сосредоточиться, которыя невольно являются въ человѣкѣ, когда онъ слушаетъ вещи, подлежащія его окончательному и безапелляціонному приговору. Эти зрители приходили въ театръ повеселиться и ни о чемъ другомъ, кромѣ своего увеселенія, не заботились... Присутствовать на „играхъ“, а слѣдовательно, и въ театрѣ было не только правомъ каждаго гражданина, но, въ нѣкоторой степени, и долгомъ. Они прибѣгали въ театръ задолго до начала, многіе даже вставали до разсвѣта, лишь бы успѣть занять получше мѣсто (такъ какъ *билеты* — собственно *жетоны*—съ обозначеніемъ мѣстъ, заранѣе резервированныхъ, имѣлись только для сенаторовъ и всадниковъ). Въ театрѣ проводился цѣлый день, такъ какъ спектакль, состоявшій изъ нѣсколькихъ пьесъ, длился съ утра до вечера. Въ качествѣ свободныхъ людей они не стѣсняли себя ни для кого и страшно стѣсняли другъ друга, давали себѣ полную волю и полный просторъ, не обращая никакого вниманія на своихъ сосѣдей, выражали другъ другу вслухъ свои чувства и мысли и при малѣйшемъ неудовольствіи подымали сильный и продолжительный шумъ. Деревенскіе жители, еще болѣе неполированные и шумливые, чѣмъ горожане, нарочно стекались въ городъ повеселиться. Движимыя любопытствомъ женщины, не боясь давки и необходимости долго ждать у дверей, прибѣгали сюда же, давая полную волю невоздержному языку, притаскивая съ собою крикливыхъ и неспокойныхъ дѣтей, иногда даже голодныхъ грудныхъ, которыя (какъ сказано въ одномъ прологѣ) мычали точно козлята. Рабы, по закону, въ театръ не допускались; но это не мѣшало

имъ проникать туда безъ особенныхъ препятствій,—можетъ-быть потому, что „игры“ на первыхъ порахъ праздновались прямо на площади, не въ закрытомъ мѣстѣ, — и они вносили съ собою свое игнорированіе всякой дисциплины и свое обычное нахальство (такъ что въ одномъ „прологѣ“ этой части публики совѣтовали во время представленія лучше идти въ кабакъ). Долгое время полагали, что это смѣшеніе всѣхъ классовъ было необходимо для чести и безопасности республики, ибо народъ и его приверженцы не потерпѣли бы существованія въ театрѣ отдѣльныхъ мѣстъ, откуда наиболѣе образованные могли бы руководить вкусами остальныхъ, а наиболѣе почетные—сдерживать безчинство зрителей и циническія выходки на сценѣ. А когда, наконецъ, богатымъ было позволено устраивать себѣ собственныя, особыя сидѣнья, когда законъ призналъ за правительственными сословіями исключительное право занимать первые ряды—привычки народа уже были окончательно сформированы, вкусы его совсѣмъ сложились, а политическое чувство сдѣлалось уже слишкомъ общимъ и слишкомъ живымъ для того, чтобъ у знати являлось желаніе вмѣшиваться въ увеселенія народа и раздражать его антипатіи ради любви къ литературѣ, которую она, эта знать, презирала... Въ этой наивной и грубой публикѣ—которую даже поэтъ Горацій, то-есть уже въ *золотой вѣкъ* римской поэзіи, сравнивалъ съ „глухими ослами“—публикѣ, въ то же время насмѣшливой и безпощадно рѣзкой, преобладали склонность къ грубымъ остротамъ, вкусъ къ краскамъ пестрояркимъ и изображеніямъ преувеличеннымъ, любовь ко всему распущенному и животно-циническому“...

Возможно ли было писателю не считаться съ такою публикой, не сообразоваться съ ея вкусами и наклонностями? Конечно, нѣтъ. Явись онъ такимъ самостоятельнымъ и строптивымъ, ему, во-первыхъ, приходилось бы плохо каждый разъ, какъ онъ отваживался бы поступать такимъ образомъ; вовторыхъ, это отражалось бы очень невыгодно и на его матеріальныхъ интересахъ: съ одной стороны, публика не церемонилась съ писателемъ драматическимъ, и расправа съ нимъ „по-свойски“ отнюдь не была дѣломъ необычайнымъ, тѣмъ болѣе, что и государство оказывало этому писателю весьма малую защиту и, въ полную противоположность Грекамъ, такъ мало цѣнило его дѣятельность, такъ мало признавало его права, что не выдавало ему никакихъ почетныхъ наградъ; съ другой стороны, отъ успѣха пьесъ,

исключительно отъ него, зависѣлъ размѣръ матеріальнаго вознагражденія автора, такъ что комедія, понравившаяся зрителямъ, продавалась авторомъ антрепренеру спектакля по два, по три раза. Единственнымъ судьей, и судьей безапелляціоннымъ, достоинства пьесы являлась эта публика во всей массѣ своей, а не въ отдѣльныхъ цѣнителяхъ.—И въ такой же зависимости отъ нея находились актеры, которыхъ крайне незавидное, даже позорное положеніе тоже необходимо имѣть въ виду, какъ съ одной стороны — препятствіе къ облагороженію комедіи, съ другой — еще одно доказательство того „шутовского“ значенія, которое Римляне придавали своему театру. И здѣсь опять напрашивается на умъ сравненіе съ Греціей. Между тѣмъ какъ въ ней актеры пользовались большимъ почетомъ, доходившимъ до того, что лучшихъ изъ нихъ чествовали послѣ смерти какъ „героевъ“, между тѣмъ какъ тамъ на сцену выступали даже такіе писатели, какъ Софоклъ, и какой-нибудь актеръ Пиколимъ употреблялся для важныхъ государственныхъ порученій, — въ Римѣ, на первыхъ порахъ, а большею частью и впослѣдствіи, актеры выходили изъ двухъ одинаково презиравшихся сословій: иностранцевъ и рабовъ. А если становился актеромъ кто-нибудь изъ пользовавшихся гражданскими правами, то съ выступленіемъ своимъ на сцену онъ лишался этихъ правъ, какъ лишился римскаго „гражданства“, напримѣръ, всадникъ Лаберій, котораго именно съ этою цѣлью заставилъ сыграть одну роль гнѣвавшійся на него Цезарь. Драматическая труппа называлась по-латыни *grex* — стадо; членовъ ея именовали „босоногими“; если, какъ мы только что видѣли, публика не затруднялась чинить судъ и расправу надъ писателями, то, понятно, не стѣснялась она относительно актеровъ, и дѣло нерѣдко доходило до побіенія этихъ „босоногихъ“ плетьми какъ самими зрителями, такъ и театральными антрепренерами. Въ преторскихъ постановленіяхъ актеры помѣщены на ряду съ такими лицами, какъ отставленные отъ службы за постыдные проступки и занимающіеся самыми позорными профессіями, — и справедливо было замѣчено, что это обстоятельство служило одною изъ существенныхъ причинъ неуспѣха *трагедіи* на римской сценѣ: народъ не признавалъ такихъ презрѣнныхъ людей достаточно правдоподобными въ такихъ „почтенныхъ“, благородныхъ роляхъ, какія занимаютъ главное мѣсто въ трагедіи, считалъ нелѣпостью и ложью въ *ихъ* устахъ тѣ возвышенныя и тонкія чувства и мысли, которыми надѣлилъ ихъ авторъ. Ко всему этому

присоедините еще способъ постройки римскихъ театровъ, также препятствовавшій тому, чтобы сценическое искусство — а слѣдовательно, и драматическая литература — были поставлены правильно, серьезно и съ достоинствомъ. Эти театры были не что иное, какъ балаганы, построенные весьма дурно и разбиравшіеся тотчасъ же по окончаніи въ нихъ представленій: первый постоянный театръ былъ построенъ уже при Помпеѣ, но сооруженіе вызвало неудовольствіе многихъ гражданъ, несмотря на то, что строитель далъ этому зданію характеръ храма и посвятилъ его Венерѣ...

Я однако отвлекся нѣсколько въ сторону отъ внутреннихъ причинъ, *способствовавшихъ* развитію римской комедіи. Но существовали и другія причины, тоже болѣе внутренняго, чѣмъ внѣшняго свойства, тоже хранившіяся въ характерѣ и міровоззрѣніи Римлянъ, которыя *задерживали* это развитіе въ самостоятельномъ направленіи и національномъ духѣ. Это, прежде всего — проникавшее Римлянина чувство собственнаго достоинства, со значительною долей кичливости, даже нѣкотораго шовинизма, которое считало всякое явное, публичное осмѣяніе того, что касалось политической и общественной жизни собственно Римлянъ, покушеніемъ на это достоинство, неприличнымъ и достойнымъ наказанія оскорбленіемъ его. Аристократы съ одной стороны, плебеи — съ другой, старательно охраняли себя въ этомъ отношеніи, и всякій намекъ на явленіе общественное или политическое, въ формѣ осужденія, сатиры, и тѣмъ болѣе въ формѣ драматической, когда вопросъ ставился наглядно и всенародно — всякій такой намекъ могъ приводить въ волненіе страсти, никогда не дремавшія, вызвать такой, выражаясь нашимъ языкомъ, „скандалъ", который погубилъ бы пьесу и навлекъ бы бѣду на автора. Это, дѣйствительно, и случалось — случалось не разъ. Лучшимъ примѣромъ служитъ тутъ судьба драматурга Невія (предшественника Плавта), въ рукахъ котораго комедія является „политическою силой и стремится бичевать пороки вліятельныхъ людей почти съ Аристофановскою смѣлостію". Но за эту смѣлость, за задѣваніе такихъ лицъ, какъ, напримѣръ, Сципіонъ Африканскій, онъ поплатился дорого — обвиненіемъ въ диффамаціи, тюремнымъ заточеніемъ, принесеніемъ покаянія въ своихъ „продерзостяхъ", наконецъ, изгнаніемъ и смертью на чужбинѣ. Но не то еще видимъ мы въ правленіе тирановъ — императоровъ: Калигула за оскорбительные стихи, произнесенные противъ него

однимъ актеромъ, сожигаетъ его тутъ же на сценѣ живаго; Домиціанъ умертвилъ одного писателя за отдаленный намекъ на разводъ этого чудовища съ женой...

Таковы главныя причины внутреннія. Что касается до внѣшнихъ, то ихъ покажетъ намъ фактическая исторія римской комедіи, къ которой пора теперь обратиться.

Отличительная черта римской комедіи, даже въ произведеніяхъ ея лучшихъ представителей, есть, какъ увидимъ, подражательность чужимъ образцомъ по содержанію, формѣ, отдѣльнымъ подробностямъ, при существованіи многихъ самостоятельныхъ элементовъ. По этимъ произведеніямъ предшествовали такія явленія, которыя, повидимому, заключали въ себѣ задатки развитія вполнѣ самостоятельнаго, національнаго. То были продукты чисто народнаго творчества, наивные, простые, грубые, но тѣсно связанные съ римскою народною жизнью, проникнутые чисто народнымъ римскимъ духомъ. О какомъ бы то ни было планѣ, о мало-мальски литературной обработкѣ, о чемъ-нибудь похожемъ на правильное сочинительство тутъ не было и не могло быть рѣчи: на празднествахъ послѣ сбора винограда деревенскіе жители—какъ это было и въ Греціи—перебрасывались импровизировавшимися тутъ же пѣснями, шутками, насмѣшками и т. п., и такимъ образомъ возникла первая форма комическаго діалога—*фесценины* (отъ этрусскаго города Фесценніума). До какой степени доходили въ этихъ измышленіяхъ ѣдкость и язвительность, видно изъ того, что законъ Двѣнадцати Таблицъ установилъ смертную казнь посредствомъ палочныхъ ударовъ за переступленіе границъ приличія въ фесценинахъ; точно также Горацій свидѣтельствуетъ о „явномъ неистовствѣ" этихъ „жестокихъ шутокъ", объ ихъ „кровожадныхъ зубахъ" и другихъ крайностяхъ смѣнившихся потомъ, подъ вліяніемъ боязни палочныхъ ударовъ „ловкимъ словомъ и веселою шуткой"... Когда Римъ посѣтила моровая язва, забава, продуктомъ которой были эти фесценины, получила какъ бы религіозную санкцію: изъ Этруріи были вызваны въ Римъ актеры, танцоры и другіе искусники этого рода, привыкшіе, въ качествѣ спеціалистовъ, участвовать въ религіозныхъ празднествахъ—вызваны для умилостивленія боговъ, которые, какъ думалъ народъ, негодовали на общее

уныніе, общій трауръ и требовали себѣ жертвоприношеній веселыхъ, при звукѣ инструментовъ, при оживленныхъ и смѣшныхъ плясках. Очень пришлись по сердцу эти процессіи молодежи римской—и вотъ, къ музыкѣ и пляскѣ стала присоединять она діалоги, а затѣмъ дѣло пошло такъ послѣдовательно и быстро впередъ, что въ концѣ IV ст. мы находимъ уже въ Римѣ особое сословіе актеровъ (гистріоны) и первыя проявленія римской народной драмы подъ названіемъ *сатиры*. За ними послѣдовали *мимы*—тоже отдѣльныя сцены безо всякаго плана, исполнявшіяся „босоногими“, и, наконецъ,—*ателланы* (отъ Ателлы, города въ Кампаніи)—самая почетная форма, потому что до представленія ихъ не допускались гистріоны, а исполнителями выступала римская молодежь привилегированныхъ сословій, и за это участіе въ сценическомъ представленіи они не лишались своихъ гражданскихъ правъ. Къ сожалѣнію, ничего не дошло до насъ отъ этихъ первыхъ ателланъ, и только по позднѣйшимъ произведеніямъ этой категоріи, когда они снова появились, и притомъ уже въ чисто литературной обработкѣ, можно судить о характерѣ ихъ предшественницъ, такъ какъ древнія, несомнѣнно, служили во многомъ образцомъ для новыхъ.

Какъ разъ въ эту пору, вслѣдствіе завоеванія греческихъ городовъ южной Италіи, Римъ столкнулся съ греческою образованностью,—и остроумно сближаетъ проф. Модестовъ это событіе съ реформой Петра В. по отношенію къ Россіи: „У Римлянъ, какъ и у насъ, произошелъ быстрый переворотъ въ умахъ отъ знакомства съ чужою, но гораздо болѣе развитою цивилизаціей“; но отъ этого и литература приняла подражательный характеръ потому, что „коль скоро низшая образованность столкнулась съ образованностью высшею, коль скоро безыскусственная литература пришла въ столкновеніе съ литературой, богатою содержаніемъ и обладающею выработанными формами,—то подчиненіе этимъ формамъ, получивши первый толчокъ, продолжаетъ захватывать умственную дѣятельность народа и доводитъ его въ скоромъ времени до полнаго переворота въ литературныхъ формахъ. Описывая въ письмѣ къ Августу этотъ литературный переворотъ, Горацій имѣлъ полное право произнести: Побѣжденная Греція побѣдила суроваго побѣдителя и внесла искусство въ грубый Лаціумъ“...

Собственно въ области литературы вліяніе Греціи сказалось на литературѣ драматической: первыя произведенія, создавшіяся

подъ этимъ вліяніемъ, прямо заимствовавшіяся изъ греческихъ или передѣлывавшіяся по нимъ, были произведенія драматическія. Вотъ въ этомъ-то заключается причина тѣхъ двухъ явленій, о которыхъ мы говорили въ началѣ: высшаго процвѣтанія комедій въ ту пору, когда Римъ сдѣлалъ только первые шаги на пути умственной культуры, и возникновенія драмы прежде всѣхъ другихъ видовъ поэзіи. Было бы очень интересно разсмотрѣть вопросъ: почему же писатели прежде всего принялись именно за драму; но я оставлю его въ сторонѣ, какъ не входящій прямо въ рамки занимающаго насъ здѣсь предмета, и ограничусь только однимъ замѣчаніемъ, выставленнымъ на видъ историками римской литературы: въ ту пору, когда Римляне встрѣтились съ греческою цивилизаціей, ихъ языкъ былъ такъ мало обработанъ, что воспроизведеніе формъ греческой *лирики* было положительно недостижимо; поэзія *эпическая* въ это время не могла развиться вслѣдствіе неумѣнья найти сюжеты туземные въ древнѣйшей римской исторіи; что же касается до поэзіи *драматической*, то „основы общественной жизни въ Греціи и Римѣ, несмотря на разницу въ образованности обоихъ народовъ, были однѣ и тѣ же; поэтому явленія обыденной греческой жизни, какъ ихъ изображала *новая* аттическая комедія, были вполнѣ понятны Римлянамъ и могли быть переносимы на римскую почву тѣмъ легче, что римское общество, столкнувшись съ греческою гражданственностію, требовало ознакомленія съ греческою жизнью". Я подчеркнулъ слово *новая* (аттическая комедія). Это потому, что только она и легла въ основаніе комедіи римской, вопервыхъ, по близости времени существованія первой и происхожденія второй, затѣмъ, благодаря ея основнымъ свойствамъ и элементамъ. Не могла привиться у Римлянъ, при ихъ, уже извѣстномъ намъ, чувствѣ крайней щекотливости, комедія Грековъ *древняя*, то-есть Аристофановская, съ ея чисто-политическимъ характеромъ, называвшая вещи и лица, какъ бы высоко ни стояли они, собственными именами, ничего не щадившая, представлявшая собою страшную политическую сатиру,—не могла бы удовлетворить ихъ и комедія *средняя*, по ограниченности среды, въ которой она стала вращаться послѣ уничтоженія свободы общественной, національной жизни въ Греціи—и пришлась имъ по вкусу, а съ другой стороны и оказалась для нихъ понятною комедія греческая въ третьемъ ея фазисѣ, то-есть *новая*, съ ея больше общечеловѣческимъ, чѣмъ исключительно національнымъ, даже личнымъ

характеромъ, куда присоединился и элементъ нравственный—комедія, создавшая уже, въ сферѣ изображавшейся ею частной, домашней жизни, извѣстные *типы* (правда, въ ограниченномъ количествѣ и постепенно сдѣлавшіеся шаблонными, съ весьма незначительными видоизмѣненіями) и представляющаяся намъ уже прототипомъ позднѣйшей „комедіи нравовъ", завѣщанной древностію и нашему времени.

Вотъ эта именно сторона римской комедіи и составляетъ главный предметъ настоящаго очерка, и въ обозрѣніи ея я останавливаюсь исключительно на двухъ главнѣйшихъ, характеристичнѣйшихъ представителяхъ ея—Плавтѣ и Теренціи, а особенно на первомъ.

Очень недолго задержитъ насъ біографія Плавта, родившагося въ гор. Сарсинѣ (въ Умбріи) въ 254 г. до Р. Х., умершаго въ Римѣ въ 184 г., уже потому, что существуетъ самое ничтожное количество матеріаловъ для нея. Знаемъ, что онъ былъ рабъ, потомъ отпущенъ на волю, вертѣлъ на мельницѣ жернова, чтобы добывать себѣ пропитаніе, служилъ при театрѣ, и, наконецъ, занялся сочинительствомъ, котораго не оставлялъ уже до своей смерти, написавъ много комедій, изъ коихъ дошли до насъ въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ двадцать. Но за то, какой богатый матеріалъ для изслѣдователя представляетъ его дѣятельность литературная! Какими важными и интересными страницами обогатила она исторію римской поэзіи!..

На двѣ категоріи, по существу своему, распадается то, что̀ вышло изъ-подъ пера Плавта, или, вѣрнѣе опредѣляя, два элемента сходятся въ его драматическомъ творчествѣ: интрижность, потому что все дѣло въ запутанности завязки и развязки, во всевозможныхъ усложненіяхъ и коллизіяхъ, qui pro quo и т. п. аттрибутахъ нашихъ новыхъ водевилей, — и рисовка нравовъ, такъ что комедія Плавта представляетъ собою, употребляя наши современные термины, „комедію интриги" и „комедію нравовъ". Особенную важность, особенный интересъ имѣетъ для насъ изъ этихъ двухъ категорій послѣдняя, но далеко не лишена значенія и первая, главнымъ образомъ въ отношеніи историко-литературной, вопервыхъ, какъ явленіе новое (хотя, какъ увидимъ, новизна здѣсь принадлежитъ не Плавту, а его образцамъ—греческимъ драматургамъ), вовторыхъ, какъ первообразъ той же

„комедіи интриги“ у новыхъ европейскихъ народовъ. Два, три примѣра дадутъ намъ ясное понятіе обо всемъ остальномъ въ этой области Плавтовской производительности.

Вотъ, напримѣръ, комедія *Домовой*. Молодой Филолахесъ закутилъ въ отсутствіе отца своего Ѳеопропида, отправившагося путешествовать. Но вотъ старикъ, проѣздивъ въ чужихъ краяхъ три года, возвращается на родину, и возвращается какъ разъ въ то время, когда въ домѣ его происходитъ веселая пирушка его сынка съ друзьями. Ѳеопропидъ человѣкъ строгій и экономный: если онъ узнаетъ о такомъ поведеніи его наслѣдника,—быть большой бѣдѣ! И на выручку молодаго человѣка является обыкновенное въ этихъ случаяхъ лицо римской комедіи—рабъ. Траніонъ, какъ и большинство римскихъ рабовъ, человѣкъ ловкій, хитрый, изворотливый. Едва онъ завидѣлъ Ѳеопропида, какъ заперъ накрѣпко двери дома, гдѣ происходитъ кутежъ, и не пускаетъ туда старика-отца, подъ предлогомъ сохраненія его безопасности. Почему? Потому что—разсказываетъ онъ—въ этомъ домѣ, нѣсколько времени назадъ, поселился домовой: это духъ человѣка, убитаго прежнимъ домовладѣльцемъ изъ корыстныхъ видовъ и положеннаго тутъ же, подъ поломъ; это обстоятельство и заставило молодаго Филолахеса переѣхать отсюда въ другое помѣщеніе, предоставивъ свое жилище въ распоряженіе домоваго... Въ ту минуту, когда Траніонъ оканчиваетъ свой остроумный разсказъ, изъ дома доносится до нихъ шумъ совершающейся тамъ оргіи. Что это? Да это и есть не дающій покоя домовой, поясняетъ рабъ — и трусливый Ѳеопропидъ приходитъ въ ужасъ. „У меня вся кровь оледенѣла!—восклицаетъ онъ.—всѣ мертвецы зовутъ меня въ Ахеронъ!..“ Дѣйствіе усложняется появленіемъ тутъ же ростовщика, которому Филолахесъ задолжалъ большую сумму и который пришелъ потребовать свои деньги; но Траніонъ неистощимъ въ своей изобрѣтательности: требуемыя деньги, изволите видѣть, дѣйствительно взяты были его молодымъ господиномъ, но взяты для того, чтобы послужить задаткомъ за новый, купленный имъ домъ, вмѣсто оставленнаго домовому! Гдѣ же этотъ домъ? Ѳеопропиду хочется увидѣть свое новое помѣщеніе. Ничего нѣтъ легче для нашего раба: это — вотъ здѣсь не далеко стоящій домъ (дѣйствіе, какъ всегда въ комедіи, происходитъ на улицѣ) гражданина Симона; только, проситъ Траніонъ старика, „пожалуста, когда будете осматривать, не говорите ничего бывшему хозяину, который оттуда

еще не выѣхалъ, объ этой покупкѣ, потому что Симонъ продалъ свою собственность по крайней нуждѣ, и ему тяжела будетъ всякая бесѣда объ этомъ предметѣ"... Пока Өеоропидъ собирается, рабъ успѣваетъ повидаться и съ Симономъ и предупреждаетъ его, что Өеоропидъ столько наслышался хорошаго объ образцовомъ устройствѣ его дома, что очень желаетъ произвести подробный осмотръ всему. Само собою разумѣется, что послѣ этихъ и еще нѣсколькихъ путаницъ въ томъ же родѣ правда все-таки выходитъ наружу, причемъ, конечно, надо прежде всего наказать вѣроломнаго раба; но онъ не испугается, потому что, по его словамъ, „человѣкъ, который въ опасности теряется, не стóитъ ни гроша"; какъ только пришелъ Өеоропидъ въ сопровожденіи двухъ здоровенныхъ рабовъ, вооруженныхъ плетьми и цѣпями, предназначенными для спины и ногъ Траніона, такъ тотъ укрывается въ семейномъ алтарѣ, откуда, по закону, нельзя вывести его силой. И начинаются переговоры. Очень убѣдительно доказываетъ Траніонъ старику, что ничего особенно дурнаго не сдѣлалъ его сынъ, что точно также поступаютъ всѣ умные люди; очень благоразумно совѣтуетъ ему лучше проглотить все это и молчать, потому что иначе за свою довѣрчивость онъ, пожалуй, попадетъ въ новую комедію. Все оканчивается благополучно: Филолахесъ получаетъ прощеніе, того же самаго добился и Траніонъ на основаніи любопытнаго для характеристики личности раба его же (собственно авторскаго) аргумента, что удовольствіе, которое намѣревался старикъ доставить себѣ угощеніемъ его плетьми, только отсрочено на нѣкоторое время, ибо несомнѣнно, что онъ, Траніонъ, завтра же устроитъ какую-нибудь новую штуку въ этомъ родѣ, заслуживающую порки...

Войдемъ теперь въ домъ старика Сталино, гдѣ предъ нами разыграется комедія *Казина*, которая, независимо отъ своей чисто-водевильной интриги, напомнитъ намъ по многимъ своимъ подробностямъ любой изъ современныхъ скабрезныхъ фарсовъ Пале-Рояльскаго театра. Этотъ Сталино, вмѣстѣ со своимъ сыномъ Эвтинпкомъ, влюблены въ одну и ту же дѣвушку—Казину, подкидыша, воспитанную женой Сталино, Клеостратой, которая въ то же время тщательно оберегаетъ добродѣтель своего пріемыша. Начинается правильно организованная война между двумя лагерями—осаждающихъ эту добродѣтель и осажденной стороны, причемъ защитница этой послѣдней, то-есть старуха Клеострата, держитъ

все-таки сторону своего сына. Сталино беретъ себѣ въ помощники и союзники своего раба Олимпія, и заключается между ними слѣдующее условіе: Олимпій попроситъ руку Казины, получитъ согласіе хозяйки и, женившись, уступитъ на время своему барину свои супружескія права, а потомъ ужь самъ вступитъ въ обладаніе ими. Молодой Эвтиникъ заключаетъ такое же условіе со своимъ оруженосцемъ, Халиномъ — и уѣзжаетъ, отправляемый отцомъ въ дальнее путешествіе. Кто же изъ двухъ претендентовъ на руку Казины получитъ ее? Ни тотъ, ни другой не желаетъ уступить — кидаютъ жребій, онъ выпадаетъ въ пользу Олимпія. Все готово къ вѣнчанію, и Сталино заранѣе наслаждается плодами своего условія; но Клеострата не допуститъ до этого, она хитрѣе и изобрѣтательнѣе своего супруга: Олимпій вѣнчается — только не съ вожделѣнною Казиной, а съ рабомъ Халиномъ, котораго переодѣли въ платье молодой дѣвушки, причемъ обрядъ совершается въ полутьмѣ, чтобъ обманъ тутъ же не открылся. Вотъ и брачная комната послѣ вѣнчанія: совсѣмъ темно — и Олимпій, вмѣстѣ съ Сталино, которому онъ долженъ по условію теперь же уступить права, ухаживаетъ за мнимою Казиной, давая этимъ автору поводъ придумывать такія подробности, за которыя въ наше время дорого заплатили бы многіе изъ палерояльскихъ драматическихъ фабрикантовъ. Въ результатѣ конечно разоблаченіе правды, совершающееся въ формѣ побоевъ, наносимыхъ Халиномъ своимъ ухаживателямъ, насмѣшекъ надъ старымъ волокитой со стороны его жены и т. п.; и эта развязка пополняется еще открытіемъ, что Казина — дочь Алцезама, сосѣда Сталино, послѣ чего ее выдаютъ замужъ за возвратившагося между тѣмъ изъ путешествія Эвтиника...

Кому неизвѣстна Шекспировская *Комедія Ошибокъ* съ ея уморительною путаницей отъ поразительнаго сходства двухъ Антифоловъ и двухъ служителей ихъ? По фабулѣ это не что̀ иное, какъ *Менехмы (Близнецы)* Плавта, только тутъ служителей нѣтъ, и все вертится на сходствѣ двухъ братьевъ-близнецовъ, сходствѣ до того невѣроятномъ, что оно вводитъ въ заблужденіе даже такихъ близкихъ къ этимъ людямъ лицъ, какъ ихъ жены.. Всякій читалъ также, конечно, Мольеровскаго *Амфитріона* — это тоже передѣлка комедіи Плавта подъ тѣмъ-же заглавіемъ — комедіи еще больше запутанной, чѣмъ *Близнецы*, воспроизводящей въ драматической формѣ извѣстный греческій миѳъ о Юпитерѣ и Алкменѣ. Алкмена осталась одна, послѣ того какъ ея мужъ,

Амфитріонъ, отправился на войну; этимъ пользуется Юпитеръ, отличавшійся, какъ извѣстно, донъ-жуанскими наклонностями въ очень значительной степени. Онъ принимаетъ на себя наружность Амфитріона, облекши при этомъ сопровождавшаго его Меркурія въ наружность Созія, раба настоящаго Амфитріона. Алкмена, какъ вѣрная и любящая жена, очень рада такому скорому и неожиданному возвращенію супруга—и царь боговъ не видитъ себѣ ни въ чемъ отказа. Но въ то время, когда онъ блаженствуетъ, пріѣзжаетъ изъ похода настоящій, подлинный Амфитріонъ; только онъ не войдетъ въ свой домъ, потому что тутъ на сторожѣ стоитъ Меркурій-Созія, котораго пытается сбить съ толку и слѣдовательно уличить во лжи Созія настоящій вопросами на счетъ всего, происходившаго съ Амфитріономъ во время похода, и который—онъ вѣдь не даромъ богъ! — даетъ на этотъ счетъ такіе вѣрные и опредѣлительные отвѣты, что бѣдный рабъ начинаетъ сомнѣваться въ собственномъ тождествѣ. Да вѣдь и наружность ихъ обоихъ такъ изумительно одинакова! „Сознаюсь, говоритъ Созія, когда я смотрю на него, и при этомъ вспоминаю мое лицо, которое я такъ часто видѣлъ въ зеркалѣ, то не могу не дивиться сходству. Та же шляпа, то же платье, все то же: нога, икра, стрижка, ростъ, глаза, носъ, губы, щеки, подбородокъ, борода, шея—ну, словомъ, все! Если у него на спинѣ есть еще слѣды плетей, то мы похожи другъ на друга, какъ двѣ капли воды... А между тѣмъ я вѣдь тотъ же, что̀ былъ прежде; я знаю нашего господина, знаю нашъ домъ и чувствую, что не сошелъ съ ума...“ Мудрено и безполезно доказать Алкменѣ, что *онъ*—ея мужъ, когда въ это самое время этотъ мужъ, во плоти и крови, въ ея объятіяхъ!..

Много еще найдется у Плавта пьесъ именно въ такомъ родѣ: но не въ этой запутанности, не въ томъ, что̀ мы назвали интрижностью, заключается отличительная, существенная черта его произведеній, и я уже упоминалъ, что значеніе *этой* стороны его сочинительства главнымъ образомъ историко-литературное: важна и драгоцѣнна комедія Плавта какъ „комедія нравовъ“, и въ этомъ отношеніи она отличается съ одной стороны несомнѣнною во многихъ случаяхъ высокою талантливостью изображенія, съ другой—представляется прекраснымъ историческимъ матеріаломъ. Правда, достаточна ограничена сфера дѣйствія, какъ ограничены и интересы лицъ, въ которыхъ сосредоточено это дѣйствіе (что̀ можно было видѣть изъ нашего крат-

каго обзора двухъ-трехъ комедій),—но это ужь не вина автора: припомнимъ сказанное выше о „шовинизмѣ“ Римлянъ, о строгости театральной цензуры и т. п. условіяхъ, заставлявшихъ даже Плавта, несмотря на общественное положеніе людей, выводившихся имъ на сцену, и на невинность, съ цензурной точки зрѣнія, осмѣивавшихся явленій, — постоянно вести дѣйствіе въ Греціи. За то въ *этой* сферѣ современная жизнь являлась изображенною въ такой яркости и съ такою глубиной при видимой поверхностности, что названіе „комедія нравовъ“ можетъ быть примѣнена тутъ безусловно, безо всякихъ ограниченій. Фонъ, на которомъ рисуются Плавтомъ всѣ подробности, лишенъ всякой отвлеченности, взятъ, такъ-сказать, живьемъ изъ современной римской дѣйствительности: это—крайняя, глубочайшая распущенность нравовъ, отсутствіе всякихъ нравственныхъ устоевъ—рядомъ съ явленіями совершенно противоположнаго характера; тутъ предъ нами совмѣстныя любовныя похожденія отцовъ и сыновей, какъ въ *Казинѣ*, а иногда и погрязнѣе, какъ въ *Погонщикѣ Ословъ*, гдѣ батюшка и сынокъ совершаютъ эти похожденія не тайкомъ другъ отъ друга, а по взаимному соглашенію; тутъ сыновья, цинично обманывающіе своихъ родителей; тутъ полное униженіе человѣческаго достоинства въ рабствѣ и прихлебательствѣ (паразитствѣ), торговлѣ женщинъ своими прелестями, доходящей до такой беззастѣнчивости, которой позавидовали бы многіе экземпляры нашего современнаго полусвѣта—и въ той же самой панорамѣ высокая, идеально преданная любовь жены къ мужу, дѣвушки къ избранному сердца, самопожертвованіе вѣрнаго раба и т. п. Все это выражено нѣсколькими *типами*, въ чемъ и заключается особенность какъ внѣшняя, такъ и внутренняя комедій Плавта—точно такъ же какъ и новой греческой комедіи, которую онъ пересаживаетъ—но, какъ увидимъ, вполнѣ самостоятельно на римскую почву. Типовъ этихъ, переходящихъ съ разными видоизмѣненіями изъ комедіи въ комедію, составляющихъ болѣе или менѣе существенную принадлежность ихъ, немного, потому что (о чемъ мнѣ уже приходилось упоминать) ограничена какъ среда, гдѣ вращается дѣйствіе, такъ и сфера затрогиваемыхъ интересовъ и „вопросовъ“. Въ „прологѣ“ къ комедіи *Плѣнники* Плавтъ предупреждаетъ зрителей, что въ этой пьесѣ не встрѣтятъ они ни „вѣроломныхъ сводниковъ, ни злобныхъ и хищныхъ куртизанокъ, ни воиновъ-хвастуновъ“: если къ этому прибавить раба, пара-

зита и женщину честную, то этимъ исчерпается весь контингентъ тѣхъ дѣйствующихъ лицъ Плавта, которыя могутъ быть названы типами и знакомство съ которыми есть въ то же время знакомство со всею Плавтовскою комедіей въ ея главной сущности. Остальныя лица,—за исключеніемъ, можетъ-быть, одного, одиноко-стоящаго, скряги въ *Горшкѣ съ Золотомъ*, первообраза Мольеровскаго Гарпагона—уже не типы въ собственномъ смыслѣ этого слова, а нужны, какъ лица „обстановочныя", хотя служатъ главными побудительными пружинами дѣйствія. Остановимся же на этихъ типическихъ представителяхъ тогдашняго общества (пользуясь въ этомъ случаѣ преимущественно прекраснымъ сочиненіемъ Мейера *Études sur le théâtre latin).*

И тутъ прежде всего остановитъ на себѣ наше вниманіе *рабъ*, стоящій почти во всѣхъ комедіяхъ на первомъ планѣ, ведущій все дѣйствіе, такъ сказать выносящій его на своихъ плечахъ,—потому что, вопервыхъ, онъ игралъ весьма важную роль въ частной и домашней жизни Римлянъ, а вовторыхъ—надъ нимъ смѣяться, его всячески шельмовать можно было писателю, не боясь оскорбить никого въ щепетильной и проникнутой чувствомъ собственнаго достоинства судимости. Всякому извѣстно положеніе раба въ древности—положеніе, полное страшнаго трагизма, въ которомъ поруганіе человѣческаго достоинства представляется въ ужасающемъ видѣ, переходитъ всѣ границы, и которое, можетъ быть, никому незнакомо, не близко сердцу въ такой степени, какъ намъ, пережившимъ невѣроятныя явленія крѣпостнаго права. „Рабъ вещь, а не человѣкъ"—провозглашаетъ римское право, и въ словахъ одного изъ рабовъ Плавтовской комедіи: „тебѣ (то-есть его господину) и плеть въ руки, ибо я твой, дѣлай со мной что̀ угодно" — намъ слышится какъ бы признаніе самими рабами справедливости этого юридическаго постановленія. Не было такихъ наказаній и истязаній, которыя считались бы слишкомъ ужь позорными или мучительными для этихъ, по выраженію Плавта, „статуй, предназначенныхъ для сѣченія ихъ розгами"; ничего не значило, напримѣръ, заставить ихъ проводить ночь на висѣлицѣ, подвергаясь при этомъ безпрерывному битью; никому и въ мысль не приходило возмущаться тяжкими работами этихъ несчастныхъ (знакомыми нашему драматургу по

личному опыту на мельницѣ, гдѣ, по словамъ одного современнаго писателя, „вмѣсто людей—двигались людскія тѣни, вся кожа которыхъ была исполосована плетьми и покрыта синяками и ранами“...). Все это выпадаетъ на долю не однихъ только мужчинъ; женскій полъ щадятъ не больше: Плавтовская старуха Стафила, живо напоминающая Еремѣевну нашего *Недоросля*, доведена обращеніемъ своихъ „господъ“ до такого положенія, что хочетъ удавиться—подробность, подтверждаемая свидѣтельствами историческими. Но страданіе Еремѣевны находится въ тѣсной связи съ существованіемъ госпожъ Простаковыхъ,—и въ этихъ послѣднихъ у Римлянъ тоже нѣтъ недостатка; развѣ восклицаніе Ювеналовской матроны: „безумный! да какъ будто рабъ—человѣкъ!“ не тоже самое, что̀ знаменитыя слова почтенной матушки Митрофана: „лежитъ! ахъ, бестія, лежитъ, точно благородная!...“

Но не *эти* явленія жизни раба воспроизводитъ предъ нами Плавтъ. Ихъ онъ касался только вскользь, скорѣе намеками,—потому что вѣдь иначе комедія перешла бы въ трагедію, а это не входило въ литературныя цѣли автора и было бы опасно для него, раздражая многочисленныхъ Простаковыхъ, занимавшихъ мѣсто въ театрѣ. Что такой порядокъ вещей вызывалъ въ душѣ нашего драматурга жалость и негодованіе—въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія; это ясно доказывается влагаемыми имъ въ уста его рабовъ протестами, въ родѣ заявленій Созіи Амфитріону, что „для несчастнаго и вѣрнаго слуги, говорящаго правду своему барину, большое горе оказываться неправымъ только потому, что онъ—самый слабый“,—или отвѣта раба Леонида на слова: „какъ! рабъ смѣетъ оскорблять свободнаго человѣка!“ словами: „я такой же человѣкъ, какъ и ты!“—или въ жалобахъ того же Созіи на свою судьбу и т. п. Но это такіе одиночные, такіе немногочисленные, такіе робкіе, и притомъ чисто-теоретическіе, протесты! Болѣе протестующаго нахожу я въ томъ издѣвательствѣ надъ самимъ собой, надъ своимъ положеніемъ, которое неоднократно прорывается у Плавтовскихъ рабовъ и часто звучитъ почти трагически въ ихъ устахъ, хотя несомнѣнно, что Римлянинъ-зритель отъ души хохоталъ, слушая эти выходки. Протестующее представляется мнѣ и въ тѣхъ порокахъ, которыми надѣляетъ своихъ рабовъ авторъ, ибо не трудно прочесть у него между строками, что эти пороки—продуктъ ихъ общественнаго положенія. Протестующее и въ созданіи

такихъ типовъ раба, гдѣ благородные инстинкты и поступки, въ родѣ, напримѣръ, самопожертвованія, стоятъ на первомъ планѣ и, слѣдовательно, должны служить какъ бы косвеннымъ, скрытымъ укоромъ безчувственному въ этомъ отношеніи зрителю. Наконецъ, протестующее, по моему мнѣнію, заключается въ той главной роли, которую отводитъ Плавтъ въ своихъ комедіяхъ рабамъ, въ томъ, почти исключительномъ, положеніи, въ которомъ онъ показываетъ ихъ намъ—положеніи извѣстной силы, безъ которой Римлянину свободному—въ предѣлахъ того, что̀ составляетъ сферу Плавтовской комедіи—нельзя обойтись: этого раба оскорбляютъ, бьютъ, но въ каждомъ затруднительномъ случаѣ прибѣгаютъ именно къ нему; и онъ часто пользуется такимъ положеніемъ своимъ. Но не станемъ дѣлать преждевременные выводы—познакомимся прежде съ нѣсколькими личностями изъ этого Плавтовскаго міра—такими, гдѣ только что сказанное находитъ себѣ болѣе или менѣе яркое и широкое проявленіе.

Вотъ уже отчасти извѣстный намъ Созія, рабъ самаго низшаго разбора по происхожденію и положенію, въ то же время надѣленный всяческими пороками, въ которыхъ самъ онъ наивно сознается: онъ воришка, лгунъ, трусъ, онъ до такой степени лишенъ сознанія своего человѣческаго достоинства, что съ веселымъ смѣхомъ разсказываетъ объ истязаніяхъ, которымъ его подвергаютъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ беззавѣтно - впрочемъ тоже съ отсутствіемъ человѣческаго достоинства — преданъ своему господину; вѣдь это ему принадлежатъ приводившіяся выше слова: „я твой, дѣлай со мною что̀ тебѣ угодно!..“

Но роль этого раба (въ *Амфитріонѣ*) больше пассивная: онъ не дѣйствуетъ, а нуженъ только для хода дѣйствія. Гораздо больше активности въ другой разновидности этого типа—двухъ рабовъ въ комедіи *ПогонщикъОсловъ* (одной изъ самыхъ, замѣчу кстати, „скабрезныхъ“ пьесъ Плавта). Здѣсь предъ вами два отъявленные мошенника, помогающіе одинъ отцу, другой сыну въ ихъ безнравственныхъ похожденіяхъ, тайкомъ отъ жены и матери, и, благодаря этому, забирающихъ и старика, и молодаго человѣка въ свои руки, дѣлающихся относительно ихъ дерзкими и нахальными до такой степени, что въ одной сценѣ—принадлежащей къ области чисто карикатурнаго фарса, во вкусѣ тогдашней римской публики—рабъ Либанъ заставляетъ своего молодаго барина возить его на себѣ по сценѣ; „это весьма комическое изображеніе хозяина, на которомъ ѣздилъ верхомъ его

слуга, не есть ли, замѣчаетъ Мейеръ, въ концѣ концовъ ничто иное, какъ матеріальное воспроизведеніе дѣйствительности?..“

Этотъ Либанъ далеко не единственный рабъ, забирающій въ руки своего господина благодаря тому, что этотъ послѣдній нуждается въ немъ для своихъ похожденій и проказъ. Точно таковъ же Эпидамъ, въ пьесѣ этого названія, человѣкъ смѣлый, умный, изворотливый, который два раза выручаетъ изъ бѣды своего безпутнаго молодаго барина и черезъ то пріобрѣтаетъ власть надъ нимъ... Таковъ же и знакомый намъ Траніонъ, изобрѣтатель сказки о домовомъ... Еще характеристичнѣе въ этой категоріи тоже знакомый нашъ Олимпій, помогающій своему старику-хозяину Сталино ухаживать за Казиной и доводящій стараго волокиту до того, что онъ заискиваетъ у своего раба такими, напримѣръ, словами: „Мой Олимпіецъ (намекъ на имя Олимпія), мой отецъ, мой патронъ, я твой!“ на что рабъ сентенціозно замѣчаетъ: „вотъ это умно сказано!..“ Въ той же самой *Казинѣ* мы видѣли и другаго раба, Халина, наносящимъ удары барину—чего конечно онъ не рѣшился бы сдѣлать, еслибы не чувствовалъ своей силы. И много еще такихъ же экземпляровъ, какъ много рабовъ злыхъ, готовыхъ на всѣ пакости; но рядомъ со своими собратьями совсѣмъ иного рода, выводимыми у Плавта по уже извѣстной намъ причинѣ. Отличительною чертой этой категоріи служитъ преданность раба своему господину, присутствующая въ немъ и тогда, когда онъ вообще человѣкъ далеко не нравственный. Послушайте, напримѣръ, какъ старикъ Деменетъ отзывается о только-что появившемся предъ нами Либанѣ: „Нѣтъ на свѣтѣ раба болѣе коварнаго, болѣе опаснаго, болѣе изворотливаго; но если желаешь, чтобы порученіе твое было исполнено—поручи только ему, и онъ скорѣе умретъ отъ труда, чѣмъ не сдержитъ даннаго слова...“ И еще характеристичнѣе звучатъ для насъ слова самого Либана, при обдумываніи имъ плана спасенія влюбленной четы: „Ну, не медли, не лѣнись и призови къ себѣ на помощь свой прежній духъ интриги: тебѣ предстоитъ спасти твоего господина. Не бери себѣ въ примѣръ многихъ другихъ рабовъ, которые употребляютъ умъ и ловкость только на то, чтобъ обманывать своихъ господъ...“ Правда, что въ основаніи этой преданности иногда лежитъ разсчетъ, собственная польза, какъ у раба Хризала, который интересенъ для насъ и своею житейскою философіей, выражающеюся въ разсужденіи: „Человѣкъ (а слѣдовательно и рабъ) имѣетъ цѣну единственно постолику, посколику онъ умѣетъ дѣлать

добро или зло: будь обманщикъ съ обманщиками, воръ съ ворами, грабь съ ними сколько можешь. Надо—если только есть у тебя немного здраваго смысла и ума—умѣть подходить къ дѣлу со всякой стороны: хорошо поступать съ хорошими, дурно съ дурными, примѣняться къ обстоятельствамъ..." Но *такой* преданности, явленію грубой дѣйствительности Плавтъ противопоставляетъ преданность иную, въ изображеніи которой онъ, безпощадный реалистъ, доходитъ до полной идеализаціи. Чтобы познакомиться съ воплощеніемъ ея, прочтите комедію *Плѣнники* (которую, замѣчу кстати, великій критикъ Лессингъ, съ достаточнымъ, впрочемъ, преувеличеніемъ, признавалъ „прекраснѣйшею пьесой, какая когда-либо появлялась на сценѣ" и которая, на самомъ дѣлѣ, отличаясь, правда, серьезностью и чувствомъ, спокойнымъ и пропорціональнымъ развитіемъ дѣйствія, имѣетъ, особенно въ настоящее время, только историко-литературное значеніе, служа какъ бы первообразомъ такъ-называемой „слезливой комедіи" XVIII вѣка). Въ этихъ *Плѣнникахъ* — пьесѣ съ значеніемъ дидактическимъ, потому что въ ней, по словамъ автора, „добрые должны были научиться сдѣлаться еще добрѣе и лучше" — предъ нами такой рабъ, который, подъ угрозой самыхъ страшныхъ мукъ, даже смерти, укрѣпляется мыслью, что этимъ онъ, по крайней мѣрѣ, купитъ спасеніе своего любимаго господина, и изъ устъ котораго, въ минуту экзальтаціи, вырывается восклицаніе: „погибающій за добродѣтель не умираетъ!.." Можетъ-быть, Плавтъ и былъ правъ въ своемъ дидактическомъ расчетѣ: можетъ-быть, и могло подѣйствовать такое изображеніе благотворно хоть на небольшое число привилегированныхъ лицъ и рабовъ, являясь для первыхъ назиданіемъ, для вторыхъ — соблазнительнымъ примѣромъ и одобреніемъ, тѣмъ болѣе, что и господинъ этого раба относился къ нему совершенно необычайно: „я назвалъ бы тебя, говорилъ онъ ему (и ужъ конечно не въ томъ смыслѣ и не по тѣмъ соображеніямъ, какія руководили волокитой Сталино) моимъ отцомъ, еслибы могъ, и тому что, послѣ моего отца, ты мой самый близкій отецъ".. Это впечатлѣніе, этотъ результатъ, если они въ самомъ дѣлѣ вызывались пьесой, и нужны были Плавту: ужь лучше *такая* постановка вопроса, если невозможно вообще уничтоженіе обязательныхъ отношеній вообще между рабомъ и господиномъ; да мысль объ этомъ послѣднемъ конечно и не приходила, и не могла придти въ голову нашему драматургу...

Подъ взятые нами здѣсь экземпляры Плавтовскихъ рабовъ подходятъ болѣе или менѣе всѣ остальные; разница только въ подробностяхъ внѣшнихъ—въ степени изобрѣтательности ихъ, остроуміи и пакостничествѣ выдумокъ и т. п. Мейеръ раздѣляетъ ихъ на три главные класса: услужливыхъ по своему положенію или почему-то въ родѣ братства, товарищества со своими патронами; равнодушныхъ или полныхъ ненависти; преданныхъ съ педантизмомъ или безъ него. „Подъ эти три главныя рубрики подведено множество разныхъ оттѣнковъ, и, несмотря на ихъ греческія этикетки, все это — настоящіе Римляне"... Но какъ бы ни разнообразны были эти оттѣнки, сколько бы ни было категорій этихъ рабовъ—*одно* ихъ свяжетъ, дѣлая очень важными въ бытовомъ отношеніи, составляя и объясняя литературную необходимость этого лица: это—ихъ несомнѣнная сила въ той сферѣ, которая служитъ главною сферой Плавтовской комедіи, то-есть частной, домашней жизни — сила, примѣненіе которой состоитъ въ томъ — по крайней мѣрѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ, — чтобы служить страстямъ (и преимущественно, даже исключительно—страсти любовной) своихъ молодыхъ господъ, и быть умѣлымъ, изворотливымъ, изобрѣтательнымъ, только для того, чтобы доставить побѣду этимъ интрижкамъ и похожденіямъ. „Рабъ, говоритъ Мейеръ, привязанный къ дому, часто къ интересамъ господина—самый дѣятельный, самый обычный, самый веселый или самый плутоватый пособникъ страстей тѣхъ, кому онъ служитъ. Это личность для насъ очень важная: это типъ, объясняющій намъ пороки римскаго юношества, потому что онъ чаще всего поддерживаетъ ихъ и самъ живетъ ими. Онъ является какою-то необходимостью, поставленный между брюзгливыми отцами и мотоватыми сыновьями; помогая тѣмъ и другимъ, всего чаще способствуя слабостямъ матерей относительно ихъ дѣтей, онъ сообщаетъ пикантный интересъ изображенію внутренняго быта свободныхъ семействъ, кидаетъ на него яркій или забавный свѣтъ." Но если справедливо въ этомъ замѣчаніи, что рабъ часто поддерживаетъ эти пороки и живетъ ими, то слѣдовало бы тутъ же прибавить, что съ другой стороны и рабъ—въ томъ видѣ его дѣятельности, въ какомъ изображаетъ его римская комедія—созданъ этими пороками, этими нравами, этими семейными отношеніями. Не будь этихъ послѣднихъ, къ чему бы нужна была такая именно дѣятельность раба?—и вотъ въ этомъ-то и заключается то бытовое значеніе

этой комедіи, о которомъ сказано выше и которое придаетъ ей столько драматической цѣнности. Тутъ, такъ-сказать, подкладкой служитъ устройство семейнаго быта у Римлянъ, господство въ римской семьѣ патріархальнаго начала. Отецъ—полный владыка въ семьѣ, имѣющій право распоряжаться не только личною свободой сына, то-есть продавать его, но и жизнью его; жена тоже тѣсно ограничена стѣнами своего дома, несмотря на свои юридическія права въ нѣкоторыхъ случаяхъ; нуженъ, стало-быть, посредникъ, помощникъ, и имъ является рабъ, который, при тогдашнемъ устройствѣ семьи, есть вѣдь тоже членъ ея (какъ впослѣдствіи слуги въ феодальныхъ за́мкахъ, какъ наши крѣпостные въ помѣщичьихъ домахъ). „Еслибы въ древности — думаетъ Эдельстанъ дю-Мериль – супружеская жизнь не была составлена изъ двухъ, совершенно противоположныхъ одна другой, сторонъ: одной—совершенно внѣшней, для мужчинъ, другой—совершенно затворнической, для женщинъ; еслибы между супругами господствовало равенство — продуктъ новаго времени“; еслибы—надо прибавить къ этому замѣчанію—существовали раціональныя отношенія между отцами и сыновьями, признавалась самостоятельность нравственная и матеріальная этихъ послѣднихъ—то роль *посредника* утратила бы свою важность, и рабъ снизошелъ бы на ту ступень, на которой онъ стоитъ въ наше время“... А что въ роли посредника являлся всегда рабъ, то это обстоятельство, независимо отъ только что упомянутой принадлежности его къ семейству, обусловливалось и тѣмъ, что онъ представлялъ собою единственный комическій элементъ въ этомъ обществѣ, гдѣ все было въ высшей степени оффиціально и регламентировано, гдѣ всякій былъ слишкомъ занятъ своимъ достоинствомъ и своею важностью, чтобы представлять изъ себя хорошую тему для комической насмѣшки... Притомъ же и третировать раба можно было съ полною безцеремонностью...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Петръ Вейнбергъ.

ДУХОВЕНСТВО И ОБЩЕСТВО ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ РЕЛИГІОЗНОМЪ ДВИЖЕНІИ.

I.

Настоящее время всѣми признается временемъ особеннаго оживленія религіознаго чувства въ образованномъ обществѣ. И правда, немного было за послѣдніе годы политическихъ событій, способныхъ возбудить такую оживленную полемику, какую возбудилъ, напримѣръ, извѣстный рефератъ г. В. Соловьева. Выразительнымъ показателемъ настроенія общества является также сильный притокъ „свѣтскихъ" въ ряды духовенства, особенно монашествующаго. Такихъ признаковъ времени не мало. Въ однихъ они возбуждаютъ недовольство, какъ проявленіе „реакціи". Другіе, напротивъ, видятъ въ нихъ залогъ духовнаго возрожденія Россіи. Но фактъ вообще одинаково признается всѣми.

Въ этомъ движеніи, какъ бы мы ни опредѣляли его размѣры, есть, однако, одна очень странная черта, заслуживающая вниманія какъ Церкви, такъ и самихъ людей общества, дѣйствительно чувствующихъ въ себѣ пробужденіе *религіозныхъ* интересовъ. Это нѣкоторая разобщенность, подчасъ даже явный антагонизмъ, между духовенствомъ и общественнымъ религіознымъ движеніемъ. Во времена еще очень недавнія отношеніе къ Церкви со стороны вѣрующихъ и невѣрующихъ было чрезвычайно просто. Кто не вѣрилъ, тотъ часто былъ ярымъ врагомъ Церкви, но всегда *открытымъ*. Кто вѣрилъ и приходилъ къ Церкви, тотъ приходилъ искренне, съ довѣріемъ, не для того, чтобы какъ-нибудь

воздѣйствовать на Церковь, но чтобы *воспринять ся воздѣйствіе.* Нынѣ эта простота отношеній чрезвычайно запуталась. Вѣрующихъ какъ-будто стало гораздо больше, но во что̀ они вѣруютъ? Этотъ вопросъ невольно ставишь себѣ, когда видишь ихъ отношеніе къ духовенству. Въ старыя времена если бывшій атеистъ или самовольно ищущій Бога становился монахомъ, то каждый понималъ, что стало-быть въ немъ произошелъ глубокій переворотъ, что стало-быть бывшій невѣрующій отрекался отъ прошлаго, и не для какихъ-либо новыхъ умствованій, а для того, чтобы смиренно спасать душу по ученію и руководству Церкви. Нынче—этой увѣренности далеко нельзя имѣть. Религіозное движеніе общества скорѣе похоже на „броженіе“, результатъ котораго еще очень и очень подлежитъ сомнѣнію.

Въ самомъ дѣлѣ. Огромная доля этого броженія уходитъ прямо въ *сектантство* или противное Церкви (какъ Пашковщина) или даже незаслуживающее названія христіанскаго (какъ Толстовщина). Другая часть движенія не только не ищетъ руководства Церкви, но страстно критикуетъ ее и открыто выражаетъ стремленіе сверху до низу ее передѣлать. Наконецъ, обращаясь къ самой массѣ людей религіознаго движенія въ образованномъ обществѣ, мы замѣчаемъ въ нихъ уже по малой мѣрѣ недостаточную нравственную связь съ Церковью, замѣчаемъ работу духа самовольную, „самочинную“.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно выразителенъ уже одинъ фактъ *свѣтскаго* учительства. По всему духу церковныхъ наставленій, съ древнѣйшихъ апостольскихъ временъ, учительство есть право и обязанность *клира.* „Не подобаетъ мірянину брать на себя учительское достоинство“, какъ формулировали отцы шестаго Вселенскаго Собора. Въ исторіи же „возсоединенія“ образованнаго общества къ христіанству, учительство мірянъ почти заслоняетъ Церковь. Миссіонерами общества съ самаго начала являются: журналисты, романисты, „вольные пророки“. Это ненормальное явленіе доходитъ до такихъ размѣровъ, что въ „религіозныхъ“ спорахъ иного интеллигентнаго кружка не услышишь другихъ ссылокъ, кромѣ какъ на Хомякова, Достоевскаго, Леонтьева, Соловьева и т. д. Словно они имѣютъ хотя тѣнь церковнаго авторитета! Общество учится религіи у *своихъ* людей. А въ то же время—церковные учители, законные пастыри и наставники, какъ-то отсутствуютъ въ процессѣ обра-

щенія общества. Отдѣльныхъ лицъ они обучаютъ и наставляютъ, а цѣлое *движеніе* для нихъ какъ бы не существуетъ.

Эти странности въ основѣ нашего „религіознаго движенія" не могутъ не имѣть какой-либо глубокой причины. Когда мы обращаемся за разъясненіемъ недоумѣнія къ обществу, то получаемъ отвѣтъ ничуть не убѣдительный, но только подтверждающій отсутствіе духовнаго единства между людьми общества и пастырями Церкви. Мы слышимъ рядъ обвиненій противъ духовенства. Духовенство будто бы „косно", будто бы „кастово замкнуто", „не умѣетъ понять запросовъ общества", даже „не умѣетъ говорить его языкомъ". При малѣйшемъ вниманіи не трудно видѣть, что всѣ эти обвиненія, еслибы даже они и заключали извѣстную частицу правды, совершенно ничего не объясняютъ. Въ самомъ дѣлѣ: причемъ тутъ „кастовая замкнутость?" Развѣ она мѣшаетъ духовенству *знать* вѣру? Развѣ духовенство отказываетъ ищущему истины въ объясненіи ея? Почему же человѣкъ общества идетъ за разъясненіями не къ своему священнику, а напримѣръ, къ г. Соловьеву? Совершенно нелѣпо подумать, чтобы духовенство, особенно если оно *замкнуто* въ сферѣ религіозной жизни, могло не понимать запросовъ общества, если только эти запросы дѣйствительно *религіозны*, направлены на исканіе Бога. Еще страннѣе упрекъ въ разности языковъ. Но наше образованное общество, находя въ какомъ-либо ученіи нѣчто родственное своимъ стремленіямъ, научается понимать самые невѣроятные языки Гегеля, Фурье, Канта и кого угодно. Неужели столь недоступенъ его пониманію только прекрасный русскій языкъ митрополита Филарета? Очевидно, что все это однѣ натяжки, одинъ предлогъ для прикрытія чего-то другаго, быть-можетъ, плохо сознаваемаго обществомъ, но составляющаго ***дѣйствительную*** **причину розни.**

II.

Образованному обществу нравится думать, будто бы духовенство не понимаетъ его возвышенныхъ запросовъ и потому держится около него съ холодностью „кастовой замкнутости". Такъ ли это? Не въ томъ ли дѣйствительная причина, что „возвышенныя стремленія" общества ничуть не возвышенны, не Бога ищутъ, мало *религіозны?* Къ сожалѣнію, это предположеніе именно и

объясняетъ все дѣло. Оставимъ общія, поголовныя обвиненія. Вглядимся въ частные факты, болѣе понятные. Каково бы ни было наше духовенство *вообще*, во всякомъ случаѣ за весь періодъ „пробужденія религіозныхъ интересовъ“ Церковь не имѣла недостатка въ пастыряхъ, учителяхъ и служителяхъ, къ которымъ неприложимы обвиненія въ косности или непониманіи. Неужли жь митрополитъ Филаретъ не могъ возвыситься до пониманія *религіозныхъ* запросовъ Хомяковыхъ и Аксаковыхъ? Сравнимъ Достоевскаго и епископа Ѳеофана Тамбовскаго. Кто кого могъ *учить?* На нашихъ глазахъ десятки образованныхъ интеллигентовъ посѣщали о. Амвросія Оптинскаго, и всѣ единогласно признаютъ, что онъ прекрасно понималъ „тонкости“ ихъ образованной души. Почему же всѣ такіе служители Церкви, не жалѣя силъ на спасеніе даже одной отдѣльной души, стоятъ въ сторонѣ отъ нашего „религіознаго движенія“ въ цѣломъ? Почему они не становятся его руководителями вмѣсто нашихъ романистовъ и журналистовъ? Странная „косность!“ Но образованному обществу еще болѣе поучительно вдуматься въ тотъ фактъ, что его собственные, и далеко не худшіе люди, становясь дѣйствительно религіозными и православными, почему-то изъ „активныхъ“ чрезвычайно легко превращаются въ такихъ же „косныхъ“ людей, какъ и природные члены „кастово замкнутаго“ духовенства. Любопытенъ разсказъ К. Н. Леонтьева о бесѣдахъ его съ о. Климентомъ Зедергольмомъ. О. Климентъ, въ мірѣ, тоже былъ человѣкъ общества и даже протестантъ (что̀ его конечно дѣлало еще болѣе родственнымъ религіозному духу образованнаго общества). Обратившись въ православіе, сдѣлавшись монахомъ, о. Климентъ, казалось бы, представлялъ прекраснаго церковнаго руководителя для общества. Что̀ же видимъ? О. Климентъ— живой, отзывчивый,—очень много трудится, но ничуть не вмѣстѣ съ „обществомъ“. Онъ переводитъ и издаетъ Авву Дорофея, Іоанна Лѣствичника и т. п. Общество читаетъ гг. Достоевскихъ и Соловьевыхъ, о. Климента даже не знаетъ, и самъ о. Климентъ столь же мало объ этомъ заботится, какъ любой „косный“ и „узкій“ монахъ. Это не значитъ, чтобъ онъ не велъ проповѣди. Напротивъ. Но къ *обществу* и онъ ее не рискуетъ обращать, а заботится о выработкѣ отдѣльныхъ личностей. Такъ онъ много сдѣлалъ для К. Н. Леонтьева. Сначала они долго не могли ни до чего договориться. Между ними очевидно лежала та же преграда, которая вообще отдѣляетъ религіоз-

ные интересы общества отъ религіозныхъ интересовъ духовенства. „Сначала, разсказываетъ К. Н. Леонтьевъ, я думалъ, что *онъ меня не понимаетъ* (какъ однообразно это предположеніе является у самовлюбленныхъ нашихъ людей общества), но потомъ убѣдился, что не онъ меня, а *я его не понималъ*". Въ чемъ же дѣло? К. Н. Леонтьевъ въ то время, толкуя о религіи, еще „никакъ не могъ забыть исполинскую культурную борьбу" двухъ міросозерцаній: центръ тяжести его интереса находился въ судьбахъ ея. „Я, говоритъ онъ, думалъ о *судьбахъ Европы*, а онъ (о. Климентъ), тревожно и настойчиво возражая мнѣ, *думалъ о душѣ моей*"... [1].

Вотъ гдѣ, смѣю думать, причина разности языковъ и т. п. Одни интересуются яко бы религіозными вопросами, собственно какъ условіемъ тѣхъ или иныхъ судебъ гражданскаго общежитія, другіе думаютъ о спасеніи души. Еслибы наше образованное общество имѣло искренность и чутье К. Н. Леонтьева,— оно бы, какъ и онъ, давно перестало толковать о „косности", „непониманіи" и т. п. духовенства. Не въ косности дѣло, а въ разности *стремленій*, разности пониманія того, что въ жизни есть главное и что второстепенное. Это гораздо важнѣе и печальнѣе, нежели была бы „косность" духовенства.

III.

Различіе основныхъ *стремленій* духовенства и общества составляетъ настоящій центральный пунктъ вопроса о значеніи и будущности современнаго религіознаго „пробужденія" общества. Хороши или дурны его основные интересы, право ли это „движеніе" или Церковь — эти вопросы, конечно, смотря по міросозерцанію человѣка, рѣшаются различно. Но самый фактъ долженъ быть сознанъ всякимъ, кто желаетъ понимать, куда идетъ и чего можно ждать отъ нашего „религіознаго пробужденія". Въ дѣйствительности его конечные результаты, его историческая миссія можетъ быть и очень полезною и очень вредною, смотря по тому, какіе элементы „религіознаго" движенія получатъ верхъ. Если различіе основныхъ стремленій общества и Церкви не сойдутся, то Церкви отъ него можно ждать только опасностей, о

[1]) *О. Климентъ Зедергольмъ*, стр. 97.

которыхъ мы уже слышали предостереженіе покойнаго М. О. Кояловича.

„Въ нашемъ русскомъ обществѣ, говорилъ онъ на академическомъ актѣ 1890 года, замѣчается одно направленіе, которое требуетъ большой заботливости и въ то же время *большой и своевременной предосторожности*. Въ нашу духовную среду теперь чаще и чаще поступаютъ лица свѣтскаго сословія... „Это, продолжалъ М. О. Кояловичъ — хорошее направленіе. Но не надобно забывать, что при этомъ направленіи въ нашу духовную среду могутъ вступать новые люди и изъ такихъ слоевъ свѣтскаго званія, которые больше всего изломаны петровскими преобразованіями и могутъ даже помимо воли вносить въ нашу духовную среду воззрѣнія, пріемы дѣйствія и привычки, выработанные на почвѣ западно-европейскаго иновѣрія—латинисты, протестанты и даже реалисты."

Эти опасенія, конечно, не покажутся преувеличенными, когда мы вспомнимъ, что въ интересующей насъ части общества различіе съ Церковью заходитъ гораздо далѣе простыхъ пріемовъ дѣйствія и простирается на самыя основныя *стремленія*. Это можно видѣть ужь изъ того, что проповѣдь духовныхъ для него яко бы „непонятна". „Понятною" оказывается проповѣдь свѣтскихъ миссіонеровъ, въ которой центръ тяжести заботъ и помышленій оказывается перенесеннымъ въ область чисто мірскихъ, земныхъ интересовъ. Ихъ „религія" постоянно является какъ орудіе земнаго благоустройства. О православіи постоянно говорится какъ о религіи Русскаго народа. Значеніе православія показывается постоянно не съ его дѣйствительно существенной стороны (какъ *истины* самодовлѣющей и какъ *пути ко спасенію* души), а со стороны его значенія для Русскаго государства, русскаго общественнаго строя. У иныхъ православіе является въ видѣ какихъ-то варіацій на мечты Евреевъ о пришествіи Мессіи. Православіе является орудіемъ выработки русскаго (непремѣнно русскаго) „всечеловѣка", который воплотитъ въ себя стремленія всѣхъ народовъ и приведетъ ихъ къ какому-то „тысячелѣтнему царству", подъ своимъ конечно главенствомъ. У иныхъ еще — „націонализмъ" религіи исчезаетъ, но только для того, чтобъ уступить мѣсто космополитическимъ соціальнымъ мечтаніямъ то въ прогрессивномъ, то въ реакціонномъ духѣ. У иныхъ замѣтно — разочарованіе въ соціальной жизни, но опять лишь для того, чтобъ уступить мѣсто заботѣ, какъ лучше прожить *на*

землѣ безъ страданія. Вездѣ и повсюду — интересъ земной и временный заслоняетъ собою интересъ религіозный и вѣчный. Безъ сомнѣнія—религія имѣетъ огромное вліяніе и отраженіе на всѣхъ „земныхъ“ дѣлахъ. Но важенъ исходный пунктъ, *центральный* интересъ. Важно то, къ земной ли заботѣ подходимъ мы съ точками зрѣнія, данными абсолютною истиной религіи, или наоборотъ — изъ-за земнаго попеченія стремимся такъ или иначе опредѣлить религіозную истину?

Одни — землю подчиняютъ небу; другіе — небо землѣ. Противоположность коренная. Духовенство, какъ мы видимъ, не было обмануто тѣмъ, что внѣрелигіозная сущность прикрывалась религіозною терминологіей. Это зависитъ не отъ одной личной проницательности (потому что одинаково сказывается въ людяхъ выдающихся и среднихъ), а прежде всего отъ того, что духовенство является носителемъ вѣковой *церковной мудрости.* Оно сразу поняло или почувствовало, что *совмѣстной* работы съ такимъ движеніемъ у него не можетъ быть, и потому продолжало дѣлать *свое*, особое дѣло, не вступая въ общеніе, которое могло быть только вреднымъ для него. Общество, наоборотъ, до сихъ поръ не поняло ни себя, ни духовенства. Видя его отчужденіе отъ себя, люди общества не нашли ничего глубже фразъ о косности, рутинѣ, замкнутости.

Такъ юноша-студентъ, прочтя двѣ-три книжки, обвиняетъ своего профессора въ косности и рутинерствѣ. Дѣло объясняется просто тѣмъ, что профессоръ видитъ ненаучность пріемовъ юноши и, конечно, не соглашается ихъ усвоить. То же самое происходитъ нынѣ между обществомъ и духовенствомъ по вопросу о задачахъ Церкви и значеніи религіи. Профессоръ не можетъ насильно повысить пониманіе юноши, а принужденъ ждать, чтобы тотъ самъ къ нему пришелъ, хотя бы первоначально по довѣрію къ его ученымъ трудамъ. Такъ и духовенство *не можетъ* стать объ руку со смутнымъ религіознымъ движеніемъ общества и принуждено ждать, чтобъ общество къ нему пришло, хотя бы по довѣрію къ той фактической работѣ, въ которой Церковь уже наглядно доказала правильность *своего* пониманія жизни.

Общество хлопочетъ о благоустройствѣ соціальномъ. Церковь Православная и вѣрное ея духу духовенство русское *прежде всего* заботятся о спасеніи душъ, то-есть о *духовной выработкѣ*

человѣка. Обществу очень не трудно исторически справиться о результатахъ такой постановки вопроса человѣческой жизни.

IV.

Насъ конечно не обвинятъ въ пристрастіи къ русской церкви, если мы обратимся за рѣшеніемъ вопроса къ г. В. Соловьеву. Очевидность факта однако приводитъ и такихъ людей къ самымъ неожиданнымъ признаніямъ. „Обыкновенно, говоритъ онъ,— народъ, желая похвалить свою національность, въ самой этой похвалѣ выражаетъ свой національный идеалъ, то, что для него *всего лучше*, чего онъ *больше всего желаетъ*. Такъ Французъ говоритъ о *прекрасной* Франціи и о французской *славѣ* (la belle France, la gloire du nom français). Англичанинъ съ любовью говоритъ: *старая* Англія (old England). Нѣмецъ подымаетъ выше и, придавая этическій характеръ своему національному идеалу, съ гордостью говоритъ *die deutsche Treue*. Что же въ подобныхъ случаяхъ говоритъ Русскій народъ, чѣмъ онъ хвалитъ Россію? Называетъ ли онъ ее прекрасною, говоритъ ли онъ о русской славѣ или о русской честности и вѣрности? Ничего такого онъ не говоритъ желая выразить свои лучшія чувства къ родинѣ, говоритъ только о *святой Руси*. Вотъ идеалъ не консервативный, не либеральный, не политическій, не историческій, даже не формально этическій, а идеалъ нравственно-религіозный“. [1]

Нельзя конечно сильнѣе признать заслугъ Церкви. Привести человѣка къ тому, чтобъ онъ мечталъ о святости, какъ высшемъ идеалѣ,—это значитъ дать ему то „единое на потребу“, при которомъ все остальное, второстепенное, приложится само собой. Ни латинство ни своевольныя умствованія протестантства не могли дать своимъ воспитанникамъ этого главнаго, существеннѣйшаго. Одна русская церковь, по признанію г. Соловьева, умѣла понять задачу и выполнить ее. То же признаніе г. Соловьевъ повторяетъ черезъ нѣсколько лѣтъ въ обширномъ памфлетѣ противъ православія, *La Russie et l'eglise Universelle* (Paris, 1889). Это въ полномъ смыслѣ Валаамово благословеніе. Г. Соловьевъ собственно пришелъ проклинать. Онъ доказываетъ будто бы миссію христіанства исполняло только папство.

---

[1] *Національный вопросъ въ Россіи*, стр. 72, 1888 годъ.

Православіе, по его увѣреніямъ, пало еще во времена вселенскихъ соборовъ. Вотъ какую картину „византійскаго православія“ онъ рисуетъ:

„Обѣ власти (императорская и церковная) объяснились и подали другъ другу руки. Ихъ связала общая обѣимъ идея: *отрицаніе христіанства, какъ силы соціальной*, какъ двигательнаго принципа историческаго прогресса. Императоры разъ навсегда приняли православіе, какъ отвлеченную догму, а православная іерархія благословила in saecula saeculorum язычество публичной жизни“. „Это такъ называемое византійское православіе, продолжаетъ онъ, было въ дѣйствительности *возрожденіемъ всѣхъ ересей*“. И съ самою забавною серьезностью начинаетъ увѣрять, будто бы въ православіи соединились воедино *всѣ* ереси: аріанство, несторіанство, монофелитство и т. д. вплоть до иконоборства... Изъ этого-то букета соединенныхъ ересей онъ производитъ *русское православіе*!

Въ это именно время мы приняли христіанство. „Народъ русскій, повѣствуетъ нашъ вольный пророкъ, купилъ, со св. Владиміромъ, евангельскую жемчужину, всю покрытую византійскою пылью“ (стр. 17).

Итакъ, стало-быть, Россія съ самаго рожденія своего была обречена на духовную гибель, неизбѣжную при такомъ происхожденіи. Между тѣмъ на Западѣ въ то же время ярко блещетъ свѣтило благотворительнаго папизма. Папы учатъ, дѣйствуютъ, воспитываютъ. И что же получается черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ? Увы, г. Соловьевъ принужденъ сознаться, что въ Европѣ получается настоящее кораблекрушеніе христіанства: „Идея христіанства исчезла: ....національная ненависть въ размѣрахъ совершенно неизвѣстныхъ Среднимъ Вѣкамъ: глубокій и непримиримый общественный антогонизмъ: борьба классовъ... прогрессивный упадокъ нравственныхъ силъ личности“ (LVIII). Положеніе столь отчаянное, что во всѣхъ предѣлахъ міра, воспитаннаго папизмомъ, г. Соловьевъ не находитъ средствъ спасенія. По его соображеніямъ необходимо отыскать *государство*, которое было бы настолько проникнуто христіанскимъ духомъ, чтобы добровольно явилось къ услугамъ церкви (то-есть папы) и дополнило ея работу. Но, удивительная вещь, хотя у папъ были десятки государствъ, ими взрощенныхъ, всѣ они развратились, разстроились, отреклись отъ Христа. И вотъ г. Соловьевъ принужденъ обратить взоры — къ кому же? къ Россіи, къ этой злопо-

лучной Россіи, родившейся inter feces et urinas византійскихъ ересей!

„Остается узнать, есть ли въ христіанскомъ мірѣ сила, способная съ лучшими надеждами возобновить дѣло Константина (то-есть Равноапостольнаго) и Карла Великаго". Гдѣ же она? „Глубоко религіозный характеръ Русскаго народа", отвѣчаетъ онъ самъ себѣ, и другія обстоятельства „указываютъ, повидимому, что историческое назначеніе Россіи—доставить вселенской церкви (то-есть папизму) политическую силу, необходимую ей для того, чтобы спасти и возродить Европу и весь свѣтъ" (LIX).

Папство погубило всѣ народы, имѣвшіе несчастье попасть къ нему на воспитаніе. Слѣдовательно, заключаетъ г. Соловьевъ, нужно отдать папѣ и тотъ единственный народъ, который, по милости Божіей, воспитанъ православною церковью въ истинно христіанскомъ духѣ. Такая логика—внѣ обсужденія. Да я и не имѣю въ виду полемизировать съ г. Соловьевымъ. Я хотѣлъ лишь указать, что *факты* даже и такихъ, какъ онъ, приводятъ къ невольному признанію мудрости и истины православія. Сами же по себѣ факты говорятъ, конечно, еще больше, чѣмъ слышится изъ устъ нашихъ Валаамовъ.

Если спасеніе Европы требуетъ вмѣшательства Россіи, то, конечно, не только въ смыслѣ матеріальной силы государства. Европа имѣла и имѣетъ достаточно сильныхъ государствъ. Если ей нужно *русское*, то лишь *по духу*, его (сравнительно говоря) одушевляющему. Но откуда этотъ духъ? Отъ православія, отъ православной церкви, отъ православнаго духовенства. Отнимите постоянное воздѣйствіе духа православія, и тогда чѣмъ же Русское государство будетъ отличаться отъ всякаго другаго? Слѣдовательно, Европѣ нужно не государство, а *православіе*. Еслибъ Европа проникласъ духомъ православія, она бы создала столь же православныя государства, какъ наше, и даже болѣе, почему нѣтъ? Не къ государству стало-быть, а къ церкви нашей должна прибѣгнуть латинская и протестантская Европа. У церкви нашей она должна искать секрета христіанскаго воспитанія народовъ, то-есть усвоить православное воззрѣніе на то, что̀ есть царство Божіе и царство міра сего, каково между ними отношеніе и куда, стало-быть, должны быть направляемы стремленія и помыслы людей.

Вотъ къ какимъ выводамъ приходится придти при безпристрастной оцѣнкѣ. Оказывается, значитъ, что не переучивать

нужно духовенство русской церкви, а *у него учиться.* И если этотъ выводъ относится къ папѣ римскому и протестантизму, то вдесятеро сильнѣе относится онъ къ нашему „религіозному движенію“, насквозь пропитанному продуктами разложенія этихъ двухъ искаженныхъ разновидностей христіанства.

V.

Убѣдиться въ томъ не трудно. Въ жизни Православной Церкви, а вовсе не въ одной Россіи, мы постоянно видимъ наглядныя доказательства того, какъ правильныя основанія ея міросозерцанія благодѣтельно отзываются на развитіи личномъ и общественномъ. Такіе примѣры даетъ и Византія, въ которой свою духовную выработку личности Церковь примѣняла къ средѣ природно очень неблагодарной. Т. Н. Грановскій, указывая на мѣшанину варварскихъ, наиболѣе испорченныхъ племенъ, изъ которыхъ состояла Византійская Имперія, съ величайшимъ почтеніемъ останавливается передъ „силой, которая собрала воедино и сдерживала разнородныя, отчасти враждебныя между собою стихіи“, создавая государственныя формы и понятія, въ сравненіи съ которыми строй тогдашней Западной Европы представлялся чѣмъ-то „варварскимъ, безконечно грубымъ“.[1] Примѣрами животворящаго воздѣйствія церковно-православнаго вліянія на различные народы и отдѣльные слои ихъ полна исторія.

Но та же исторія еще болѣе полна примѣрами, заранѣе предсказывающими только деморализацію и разложеніе всему, созидаемому стремленіями, которыя наблюдаются въ „религіозномъ движеніи“ современнаго образованнаго общества нашего. Въ немъ повторяются психологическіе мотивы, уже достаточно демонстрированные Римомъ и протестантизмомъ. Оно очень хочетъ устроить житейское благополучіе, очень хочетъ сдѣлать людей счастливыми, но ничего не достигнетъ, потому что берется за дѣло не съ того конца.

Можетъ показаться страннымъ, какъ люди, только и думающіе о земномъ благополучіи, вкладывающіе всю душу въ его осуществленіе, добиваются только разочарованія и истощенія силъ. Люди, погруженные въ заботы о неосязаемой загробной жизни,—

[1] Соч. *Грановскаго*, т. IV, стр. 111—120.

наоборотъ,—здѣсь на землѣ достигаютъ результатовъ, которые составляютъ высшіе извѣстные на землѣ примѣры личнаго и общественнаго развитія! Эта странность объясняется, однако, сама собой. Дѣло въ томъ, что *человѣкъ*, по природѣ своей, именно таковъ, какъ его *вѣрой* понимаетъ христіанство, цѣли жизни, указываемыя намъ *вѣрой*, именно таковы и есть въ дѣйствительности, а не таковы, какими ихъ рисуетъ разсудокъ, отдѣленный отъ вѣры. Поэтому, воспитывая человѣка сообразно православному міросозерцанію, мы ведемъ его воспитаніе *правильно*, а отсюда получаемъ и результаты благопріятные не только въ главномъ (о которомъ не заботятся невѣрующіе), но и во второстепенномъ (къ которому только и лежитъ ихъ сердце). Утрачивая *вѣру*, переставая поэтому заботиться о главномъ, люди, напротивъ, теряютъ возможность развивать человѣка сообразно съ его дѣйствительною природой, а потому — и въ земной жизни получаютъ результаты искаженные.

Потому-то появленіе у насъ „религіознаго движенія" съ оттѣнками, видимо отграничивающими его отъ церковнаго ученія, можетъ возбуждать только тревогу и опасеніе за его будущее, за его вліяніе на Россію.

Въ этомъ движеніи, прежде всего, крайне мало *религіознаго* элемента, оно попреимуществу есть движеніе *умственное*. Оно ищетъ Бога не для того, чтобы стать тѣмъ, что̀ указываетъ Богъ, а для того, чтобы закрѣпить и усилить *свои* желанія, *свои* требованія отъ жизни. Это ложный пріемъ въ рѣшеніи вопросовъ жизни. Онъ самъ по себѣ обнаруживаетъ упадокъ *духовной* природы людей, впадающихъ въ такую ошибку. Не искаженная духовныя природа человѣка ведетъ его къ исканію *самодовлѣющей* истины, безо всякаго предписыванія ей прикладныхъ цѣлей. Таково *религіозное* исканіе. Оно ищетъ Бога въ томъ проявленіи, какое угодно было Ему дать, и не позволяетъ себѣ перебирать эти проявленія, одни отбрасывать, другія принимать, обращаться съ текстами св. Писанія и фактами Божественнаго проявленія, какъ адвокатъ обращается съ законами, подтасовывая ихъ по указанію интересовъ кліентовъ. Вотъ этого-то дѣйствительнаго, повелительно-религіознаго чувства и мало у насъ. Не даромъ же г. Соловьеву такъ не нравится „византійское православіе", которое онъ сравниваетъ съ Исламомъ за пониманіе сущности вѣры. Но въ Исламѣ ложно не заимствованное изъ истинной вѣры понятіе о *подчиненіи* Богу, а то, что это „подчиненіе" осталось у Магомета пустымъ

звукомъ. А вѣра, конечно, по существу есть актъ подчиненія Богу, точно такъ же какъ и всякое другое *искреннее* исканіе истины есть заранѣе предрѣшенное подчиненіе тому, что окажется истиной. Прикладныя стремленія нашего якобы „религіознаго“ движенія удивительнымъ образомъ совпадаютъ съ такимъ же господствомъ прикладныхъ стремленій въ другихъ отрасляхъ его духовныхъ и душевныхъ интересовъ. Не та ли же самая неспособность къ безвозмездному исканію истины въ этотъ самый періодъ проявляется у насъ въ отношеніяхъ къ „чистой наукѣ“, „чистому искусству?“ „Образованный слой“, воспитанный европейскими воздѣйствіями и лишь чуть-чуть одухотворенный небольшими жилками, связывающими его черезъ Россію съ православіемъ, обнаруживаетъ чисто европейское оскудѣніе духа, то самое, на которое жалуется г. Соловьевъ въ Европѣ. На этой почвѣ, духовно истощенной, является наше „религіозное“ движеніе, въ которомъ менѣе всего главнаго—*вѣры*, безкорыстной, самоотверженной и болѣе всего *умствованій*. Что ни вольный пророкъ, то новая вѣра. Всякій смѣетъ представлять себѣ Бога, какъ вздумаетъ, словно будто въ самомъ дѣлѣ Богъ *Самъ Себя* не показываетъ съ начала жизни рода человѣческаго!

Эти умствованія, всегда безплодныя, составляютъ проявленіе религіозной *слѣпоты*, отсутствіе чувства *вѣры*. Разъ нѣтъ вѣры, непремѣнно приводящей къ церковному единству, неизбѣжно появляются философскія попытки разсудкомъ найти Бога. Но разсудокъ — способность подчиненная. Если онъ не направляется высшимъ единымъ органомъ религіознаго воспріятія—чувствомъ вѣры, то онъ будетъ направляться низшими стремленіями, которыя безконечно многочисленны. Отсюда всѣ ереси, всѣ „толки“, всѣ и современныя умствованія. Это такой путь исканія, который заранѣе предсказываетъ только безконечное разложеніе, раздробленіе, во всѣхъ проявленіяхъ одинаково безплодное, а потому, въ концѣ-концовъ, лишь утомляющее и приводящее людей къ ложному убѣжденію, что въ сущности никакой религіозной истины *не существуетъ*. Конецъ его, въ лучшемъ случаѣ—холодный скептицизмъ, съ одной стороны, грубый, чувственный мистицизмъ, разврать нервовъ, съ другой. Ничего другаго не можетъ быть, и наша церковь, по первымъ же ложнымъ шагамъ „движенія“, совершенно правильно почувствовала, что у нея съ нимъ нѣтъ ничего общаго, что въ отношеніи его она можетъ только спасать *отдѣльныхъ людей*, вырывая ихъ съ ложнаго пути, да еще —

неуклонно твердо занимаясь *своимъ* дѣломъ, въ *своей* православной средѣ, держать маякъ спасенія для всѣхъ гибнущихъ, способныхъ еще оглянуться и спросить себя, гдѣ берегъ.

VI.

Типическія черты „религіознаго“ броженія въ образованномъ обществѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія потому, что слой этотъ чрезвычайно *вліятеленъ*. Онъ господствуетъ въ прессѣ, въ наукѣ, искусствѣ, силенъ въ государственной службѣ, проникаетъ и въ промышленность. У него тысячи средствъ вліять на всю Россію. Эта возможность вліянія нравственно обязываетъ его самого относиться къ себѣ не спустя рукава, а съ сознаніемъ великой отвѣтственности за свои ошибки. Это такое положеніе, когда ошибающійся губитъ не себя одного, а еще, сверхъ того, многихъ другихъ, можетъ-быть, даже и всю страну. Дѣйствительно, если предположить, что религіозное движеніе образованнаго общества не выходитъ на правильную дорогу, то почти немыслимо надѣяться, чтобъ оно не сдѣлалось очагомъ разложенія для чрезвычайно большой части населенія. А это обстоятельство, не мѣшая, конечно, остальной православной части населенія попрежнему оставаться въ истинной Церкви, будущность Россіи, въ цѣломъ, несомнѣнно компрометтируетъ. Страна въ цѣломъ не можетъ развиваться въ духѣ только *одной* части населенія, а представляетъ нѣкоторую „равнодѣйствующую“ *всѣхъ* составляющихъ силъ. Никакое сектантство верхнихъ слоевъ не помѣшаетъ Церкви Православной существовать въ Россіи, но можетъ очень помѣшать Россіи быть *православною страной*, то-есть страной, всецѣло проникнутою духомъ православія, въ культурѣ, въ учрежденіяхъ, въ исторической роли своей.

Съ другой стороны, еслибы предположить, что верхніе слои, столь дѣятельные и вліятельные, не отрывали Россію отъ православія, а, наоборотъ, стали орудіемъ его укрѣпленія въ странѣ, то трудно себѣ даже представить всѣ великія послѣдствія этого. Правду сказать, несвоевременно говорить объ этомъ при нынѣшнемъ всеобщемъ помѣшательствѣ на величіи. Конечно, пока мы не перестанемъ мечтать о великомъ, то ничего не только великаго, а и малаго не сдѣлаемъ. Но оставляя въ сторонѣ это обстоятельство и разсуждая *вообще*—конечно отъ содѣйствія обще-

ства можно бы ожидать многаго. Церковь, лишенная сознательнаго и вѣрнаго содѣйствія верхнихъ слоевъ уже почти двѣсти лѣтъ, не можетъ воздѣйствовать на Россію такъ всесторонне, какъ это было бы желательно, особенно при настоящемъ состояніи христіанскаго міра, на Востокѣ слабаго внѣшне, на Западѣ разлагающагося внутренне. Въ такихъ условіяхъ православное развитіе Россіи, какъ *цѣлаго*, во всѣхъ сторонахъ ея культуры, учрежденій и т. д. могло бы имѣть дѣйствительно міровое значеніе. Но для этого необходимо *дѣйствительное* православіе верхнихъ, образованныхъ слоевъ страны.

Но даже помимо „міровыхъ“ дѣлъ, даже для нашей собственной, мѣстной и личной жизни, вопросъ о дальнѣйшемъ ходѣ нашего „религіознаго движенія“ представляетъ весьма жгучій интересъ. Оставимъ въ покоѣ „міръ“,—но мы *сами* не можемъ не страдать отъ всего, что ложно и фальшиво въ мысли и настроеніи наиболѣе вліятельныхъ слоевъ нашей страны. Какъ же избавиться отъ этого источника заразы? Гдѣ же средства дать этому движенію правильный ходъ и предохранить отъ ложнаго? На вопросъ этотъ можно отвѣтить не обинуясь. Въ *самомъ себѣ* оно не носитъ задатковъ здраваго развитія. Его коренной недостатокъ — слабость *вѣры* и обиліе *умствованій*. Его движеніе, въ религіозномъ смыслѣ, регрессивно. Религіозное развитіе первыхъ славянофиловъ несомнѣнно выше ихъ преемниковъ. Въ позднѣйшій періодъ и до настоящаго времени „религіозное движеніе“ это вырисовываетъ черты очевиднаго духовнаго разложенія. Достаточно указать на популярную идею русскаго „всечеловѣчества“. Эта злополучная идея, приглашающая Россію *пережить* всѣ духовныя болѣзни прочихъ народовъ, „перестрадать“ ихъ заблужденія, и потомъ все и всѣхъ привести ко Христу, очень ярко показываетъ смѣсь распущенности и гордости, наполняющихъ наши яко бы „религіозныя“ стремленія. *Просто* позаботиться о своемъ спасеніи — кажется слишкомъ сухо, не интересно. Нужно сначала по уши забраться во всякую грязь, какая только гдѣ-нибудь на свѣтѣ найдется, заразиться всѣми грѣхами, и потомъ ужь изъ самой глубины паденія вознестись въ святость, да еще поднять съ собою весь міръ—вотъ что „эффектно“, затрогиваетъ нервы нашего больнаго интеллигента! Кстати же, пока до святости, идея разрѣшаетъ всякую распущенность, можно и должно всласть нагрѣшиться. Нечего и говорить, что всѣ эти измышленія только роютъ яму

охваченнымъ ими. Мы теперь видимъ много образчиковъ этихъ „перестрадавшихъ": типы больные, изломанные, потерявшіе всѣ силы, всякую способность придти къ духовному равновѣсію. Это путь такой же нелѣпый, какъ еслибы мы, желая развить физическое здоровье человѣка, съ этою цѣлью подвергали его всѣмъ заразамъ, предписали ему попеременно пожить въ чумномъ госпиталѣ, лихорадочныхъ долинахъ, лепрозныхъ убѣжищахъ и т. д. Конечно, съ такимъ „санитарно-гигіеническимъ" воспитаніемъ можно получить только трупъ, либо хилый, въ конецъ испорченный организмъ.

Для полученія здоровой личности нужно здоровое воспитаніе. Не портить себя, не уродовать до невозможности исправленія, а хранить и развивать здоровье. У насъ есть сѣмена здороваго духовнаго развитія, насажденныя Церковью. Ихъ только и нужно развивать, а вовсе не грѣхи и заблужденія. Нужно поступить въ добрую, умную школу, а не шататься по всѣмъ притонамъ духовнаго разврата. Только такимъ путемъ мы можемъ спастись сами и—если намъ это указано—дать *примѣръ* міру, исполнить „всечеловѣческую" миссію, прельщающую воображеніе нашихъ образованныхъ людей. На этотъ путь должно направиться ихъ „религіозное" движеніе для того, чтобъ изъ него вышло добро, а не зло.

Но внутреннихъ силъ для такого здороваго развитія въ этомъ движеніи нѣтъ. Его тенденціи совсѣмъ иныя. Нашему образованному обществу нужно поэтому искать помощи *извнѣ*, самостоятельно, добровольно подчинившись оздоравливающему вліянію Церкви, или говоря конкретнѣе — *духовенства*. Это единственный путь, которымъ общество можетъ привести въ порядокъ свои стремленія. Когда основной тонъ даетъ жизнь духовная, стремленія *вѣры*, все остальное сложится и разовьется правильно. Когда искаженное развитіе перемѣститъ центръ тяжести отъ главнаго во второстепенное, изъ основнаго въ производное — все путается, какъ мы и теперь видимъ. Для возстановленія правильнаго развитія нашему обществу необходимо *воспитаніе чувства вѣры*, и, стало-быть, отрѣшеніе отъ умствованій, отъ глубокоошибочной привычки *разсудкомъ* „самочинно" искать религіозной истины. Первый актъ стремленія къ культурѣ чувства *вѣры* есть скромное обращеніе *за наученіемъ* туда, гдѣ Богу угодно было Самому показать себя, то-есть въ Церковь, къ духовенству, которому ввѣрено *наученіе*. Этотъ первый шагъ еще

лежитъ предъ нашимъ „религіознымъ“ движеніемъ, и люди общества могутъ его сдѣлать только самостоятельнымъ усиліемъ, добровольно. Церковь вообще, а духовенство въ частности дѣйствительно обладаютъ истиной, дѣйствительно *могутъ* ее дать, но только *желающему*. Это не безучастіе, не косность, а послѣдствіе того основнаго факта духовной природы, что для познанія религіозной истины нужно *внутреннее*, самостоятельное пробужденіе *вѣры*. Безъ этого никто ничего не можетъ сдѣлать.

Скромное, безхитростное подчиненіе авторитету Церкви есть для общества первый шагъ, можетъ-быть, самый трудный. Но когда онъ будетъ сдѣланъ, то люди общества сразу попадутъ въ надлежащую школу духовной выработки. Все остальное— простой вопросъ времени и личныхъ способностей. Весь вопросъ и все будущее въ томъ: будетъ ли общество *само* устраивать свое религіозное развитіе, все глубже и безнадежнѣе его разстраивая, или, оставивъ шатанье, придетъ на выучку къ духовенству. Пойметъ ли умствующее общество, что его вольные пророки— въ общемъ пониманіи законовъ духовной жизни не больше какъ испорченныя дѣти, въ сравненіи съ носителями вѣковой мудрости Церкви? Сохранитъ ли само духовенство въ отношеніи „шатающихся“ свое твердое положеніе, безо всякихъ недозволительныхъ „уступокъ“ и „компромиссовъ“? Въ этихъ вопросахъ все будущее общественнаго „религіознаго“ движенія настоящаго времени.

Л. Тихомировъ.

ПО СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

X. Виѳлеемъ.

Въ Іерусалимѣ все проникнуто трагическимъ величіемъ историческаго прошлаго. Надъ нимъ носятся грозные отголоски древнихъ пророчествъ, его развалины политы праведною кровью, въ его обезображенныхъ остаткахъ до сихъ поръ кипитъ непримиримая вражда вѣроисповѣданій и народностей, почерпающая неизсякаемую силу изъ ненависти и проклятій, глубоко пропитавшихъ кремнистую почву со временъ Хананеевъ. Только закрывъ глаза и уши для настоящаго, для пенелопиной работы людей надъ безконечною тканью земной исторіи, душа путника, жаждущая примиренія, можетъ отыскать среди историческихъ терній слѣды пребыванія божественной любви, припасть къ нимъ, прозрѣть въ нихъ вѣчную, незыблемую основу бытія, „градъ грядущій".

Иное дѣло Виѳлеемъ. Всѣ сказанія о немъ отмѣчены идиллическимъ характеромъ сельской поэзіи. Во времена патріарховъ онъ назывался Ефраѳа. Уходя отъ мести за Сихемлянъ, измѣнически избитыхъ Симеономъ и Левіемъ, Іаковъ раскинулъ свой шатеръ невдалекѣ отъ Виѳлеема, и здѣсь Рахиль почувствовала родовыя муки. Роды были трудны, смертельный исходъ представлялся неизбѣжнымъ; повитуха могла утѣшать умирающую мать только тѣмъ, что новорожденное дитя было мужскаго пола. „И когда выходила изъ нея душа, ибо она умирала, то нарекла его „сыномъ скорби моей"—Бенони, но отецъ его назвалъ

Веніаминомъ. И умерла Рахиль, и погребена на дорогѣ въ Ефраѳу, то-есть Виѳлеемъ. Іаковъ поставилъ надъ гробомъ ея памятникъ. Это надгробный памятникъ Рахили до сего дня". (Бытія XXXV, 18—20). Оттуда Іаковъ двинулся далѣе на югъ, къ Мамрѐ, гдѣ въ то время былъ среди стадъ своихъ престарѣлый патріархъ Исаакъ.

До сихъ поръ невзрачная купольная часовня, принадлежащая мусульманамъ, указываетъ мѣсто погребенія Рахили. Послѣдній патріархъ, Веніаминъ, родился у воротъ Виѳлеема, который такимъ образомъ является предѣломъ патріархальной эпохи израильской исторіи. Съ первой встрѣчи на водопоѣ граціозная дѣвочка, пасущая мелкій скотъ, очаровала юношу Іакова на всю жизнь. Ради нея онъ 14 долгихъ лѣтъ служитъ Лавану, женится на сильной и некрасивой Ліи, терпитъ безплодіе Рахили, ея упорную привязанность къ идоламъ, явное божеское наказаніе (въ судьбѣ Іосифа) за этотъ грѣхъ. Идеалистъ и Боговидецъ, Іаковъ неизмѣнно преданъ своей первой и единственной любви. Въ могилѣ Рахили хоронитъ Іаковъ послѣдніе лучи счастья, озарявшіе печальную и многотрудную жизнь его. Этимъ женскимъ чарующимъ образомъ сопровождается первое появленіе имени Виѳлеема въ исторіи.

Проходитъ нѣсколько вѣковъ. Евреи подѣлили завоеванную Палестину. Хананейская Ефраѳа сдѣлалась іудейскимъ Виѳлеемомъ. Патріархальныя отношенія отошли въ историческую даль. Болѣе сложныя родовыя аристократическія отношенія легли въ основу быта многочисленныхъ потомковъ Израиля, прошедшихъ государственную школу Египта и героическій періодъ борьбы за Ханаанъ. Вокругъ небольшаго городка раскинулись плодоносныя поля пшеницы и ячменя. Богатый и бездѣтный Воозъ выходитъ утромъ изъ города въ поля наблюдать за своими жнецами и жницами. Между ними является бѣдная и красивая Моавитянка Руѳь подбирать забытые колосья. Беззащитность, кротость, довѣріе Моавитянки трогаютъ Вооза. Оказывается, что юная вдова родственница ему. Простота первобытныхъ нравовъ необыкновенно ярко изображается въ совѣтахъ ея свекрови и въ послѣдующей ночной сценѣ на гумнѣ, среди свѣжихъ скирдъ, подъ яркими звѣздами, блистающими на высокомъ и темномъ небѣ Палестины. Утромъ дѣйствіе переносится къ городскимъ воротамъ. Чинно усѣвшись, старцы-родоначальники всенародно творятъ здѣсь въ прохладные утренніе часы обычный судъ и

расправу. Обсуждается вопросъ о наслѣдственномъ участкѣ умершаго мужа Руѳи: кто купитъ землю, тотъ принимаетъ обязанность возстановить племя умершаго, женившись на его вдовѣ. Первое право принадлежитъ ближайшему родственнику, но онъ отказывается: выморочный участокъ онъ купилъ бы и слилъ бы его въ общее владѣніе со своимъ удѣломъ, но вести особое хозяйство для Руѳи и ея будущихъ дѣтей, хотя бы онъ и былъ ихъ отцомъ, которыя будутъ считаться продолжателями рода ея перваго мужа, родственникъ не желаетъ и готовъ поступиться правомъ своимъ Воозу, бездѣтному. По старой правдѣ поступилъ Воозъ. Онъ взялъ Руѳь въ жены Радовались городскіе старцы и народъ, что не нарушенъ былъ древній добрый обычай, хвалили Вооза и желали Руѳи многочадія Ліи и счастья Рахили, устроившихъ домъ Израиля". Веселою свадьбой завершился судъ старцевъ. Когда родился у Руѳи сынъ, женщины, которыя не могли не сочувствовать простодушному кокетству Моавитянки, радовались появленію первенца, славили Руѳь и предрекали ей свѣтлую и безмятежную старость. Бабушка Ноеминь не могла наглядѣться на внука и была ему нянькой. Этотъ внукъ, Овидъ, былъ дѣдомъ царя и псалмопѣвца Давида, величайшаго изъ героевъ Израиля, послѣ Моусея.

Съ великою, безыскусственною поэзіей развертывается картина мирной сельской жизни племени Іудина въ окрестностяхъ Виѳлеема во время одного изъ рѣдкихъ спокойныхъ моментовъ пребыванія еврейскихъ племенъ въ завоеванномъ Ханаанѣ Все въ ней дышетъ миромъ и благоденствіемъ. Изъ иноплеменниковъ упоминается одинъ Моавъ, но и съ тѣмъ Израиль живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Никого не смущаютъ родственныя связи съ Моавомъ. О Хананеяхъ, живущихъ въ Іерусалимѣ, на перепутьѣ между Виѳлеемомъ и Моавомъ, не говорится ни слова. Двѣ женщины спокойно и безопасно переходятъ изъ Заіорданья, черезъ дикую и нагорную Іудею, и приходятъ въ Виѳлеемъ. Ни слова о сосѣднихъ Филистимлянахъ. Мы встрѣчаемся въ книгѣ *Руѳь* съ единственнымъ памятникомъ полнаго политическаго затишья въ Іудеѣ. — Въ это время Виѳлеемъ оказывается городомъ, окруженнымъ стѣнами. Роды, поселившіеся въ немъ, еще помнятъ его прежнее имя, называютъ себя Эфраѳянами, но внуки Руѳи уже зовутся просто Виѳлеемлянами. Въ Виѳлеемъ приходитъ грозный Самуилъ взять царя на смѣну Саула. Здѣсь совершается помазаніе Давида и сходитъ на него Духъ Госпо-

день, почивавшій дотолѣ на царѣ Саулѣ. Но это символическое дѣйствіе не влечетъ за собою немедленнаго воцаренія. Саулъ, по прежнему, признается царемъ; избранникъ Божій Давидъ служитъ ему съ величайшимъ усердіемъ: къ царству ведутъ его несчастія Саула, народная любовь, собственные подвиги, но не честолюбивая воля. Виѳлеемъ въ этомъ эпизодѣ вновь является небольшимъ городкомъ, среди виноградниковъ, полей и пастбищъ: онъ производитъ вино, сыръ, хлѣбъ. Давидъ оказывается искуснымъ музыкантомъ на гусляхъ. Послѣ этого Виѳлеемъ исчезаетъ изъ исторіи. Онъ сохраняетъ только историческое значеніе, какъ родина царя Давида; во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ онъ „малъ“ (Михей, V, 2). Гдѣ родился славный родоначальникъ царей, оттуда же пророкъ ожидаетъ и Мессію, и надежда Израиля исполняется.

Реализмъ ветхаго завѣта уступаетъ мѣсто одухотвореннымъ, воздушнымъ образамъ, которыми окружаютъ Евангеліе и апокрифы Рождество Христово. Декабрьскій день склонялся къ вечеру. Утомленные путники изъ далекой Галилеи спѣшатъ въ Виѳлеемъ. Обрученная Дѣва ѣдетъ, погруженная въ созерцаніе видѣній иного міра. Она видитъ толпы народа въ слезахъ и отчаяніи: вѣрное отраженіе настоящаго времени; но вслѣдъ за этимъ является пышное, всенародное торжество и ликованіе: испытаніе кончилось, Спаситель сошелъ на землю и она Его мать! [1] Путь оконченъ, но городъ негостепріименъ и пристанище найдено только въ подгородной пещерѣ, куда загоняется на ночь стадо. Эти путники: Марія, Іосифъ и, если вѣрить древней *протоевангельской* традиціи—юноша погонщикъ осла. Наступаетъ холодная декабрьская ночь, преисполненная таинственныхъ чудесъ. Марія чувствуетъ приближеніе родовъ. Іосифъ спѣшитъ найти бабку и отправляется въ городъ. Вся природа замираетъ въ трепетномъ ожиданіи появленія воплотившагося Сына Божія. Іосифъ съ изумленіемъ видитъ, какъ овцы и козлы остановились, опустивъ головы къ водѣ, и не пьютъ; какъ пастухи точно застыли, протянувъ руки къ пищѣ. На вечерѣющемъ небѣ зажигается надъ вертепомъ звѣзда невиданной яркости и блеска. Вертепъ озаряется появленіемъ чуднаго Младенца. Въ то время какъ радостная мать, свободная отъ болѣзненной слабости, любовно обвиваетъ его бѣлымъ убрусомъ и согрѣваетъ въ мягкомъ свѣжемъ сѣнѣ, къ

[1] Протоевангеліе Іакова.

которому протягиваютъ свои теплыя морды темногнѣдой палестинный волъ и умный сѣрый осликъ, необычайныя происшествія совершаются кругомъ. Въ долинкѣ между холмами пастухи, расположившись въ небольшой рощицѣ у котелка, слышатъ неземное пѣніе и ликованіе въ небесахъ. Безтѣлесные ангелы нисходятъ къ нимъ съ радостною вѣстью о рожденіи Спасителя. Мессіи, котораго никогда народъ не ждалъ съ такимъ напряженнымъ нетерпѣніемъ, какъ въ тяжкое время нечестиваго Идумеянина Ирода, ненавистнаго каждому Іудею. Не глубокимъ знатокамъ закона, изсушившимъ свой умъ надъ буквой затемненныхъ хартій, не священникамъ, ежедневно воскуряющимъ оиміамъ у жертвенника во храмѣ, но безыменнымъ бѣднымъ пастухамъ маленькаго мѣстечка было первымъ возвѣщено о пришествіи Искупителя міра. Безъ колебаній они встали и принесли ему съ привѣтомъ свои бѣдные дары и первые поклонились ему отъ всей вселенной.

Мерцаніе далекихъ сіяющихъ звѣздъ [illegible] зовомъ любви и вѣры, а іудейскіе умы оставались въ плѣну фарисейскаго знанія, формальной саддукейской праведности. Разсуждай, испытуй, держись записаннаго факта, не отступай отъ документа, связавшаго тебя завѣтомъ съ Божествомъ, и въ томъ — все спасеніе Израиля, полное твое право на господство и власть надъ всѣми народами, на привольное и почетное житье, подобное житью очередныхъ священниковъ въ Іерусалимскомъ храмѣ въ праздничные дни, когда всѣ Іудеи несутъ туда масло, вино, мясо, хлѣбъ, первые плоды, куренія и проч., а священники только поютъ гимны и принимаютъ почетъ.

Не этой гордынѣ и тщеславію было вмѣстить новое слово и вѣру въ совершающійся переломъ вселенской жизни. На далекомъ востокѣ жили другіе мудрецы, иного болѣе высокаго закала, не заключившіе духовную силу въ логическіе выводы изъ буквы, узко понятой. Въ нихъ держалось вѣщее предчувствіе и прозрѣніе будущаго, переступающія рамку осязательныхъ фактовъ и писанной буквы. Звѣзда, сіявшая надъ пещерой вифлеемскою, непостижимо соединялась съ таинственными древними ученіями объ Искупителѣ міра отъ обуревающихъ его золъ, и повела восточныхъ мудрецовъ въ римскую державу поклониться Младенцу. Искупитель сходилъ на землю не для однихъ Іудеевъ, но призывалъ къ себѣ всѣхъ людей, весь міръ, всю тварь, которая стенаетъ и мучится. И они пришли съ тремя символиче-

скими дарами востока, принеся Христу злато—какъ царю, благовонный ладонъ — какъ Божеству, и похоронную смирну—какъ идущему на смерть...

Кровавою трагедіей заключается древняя исторія Виѳлеема. Потоками крови младенцевъ орошаются улицы и дома мирнаго городка. Неслыханное преступленіе падаетъ на черную душу Ирода. Казалось, сама Рахиль возстала изъ гроба и съ громкимъ воплемъ воздѣла свои ветхія руки къ небу, рыдая за всѣхъ несчастныхъ матерей. И Виѳлеемъ обрываетъ свою исторію на этомъ величайшемъ олицетвореніи безвыходнаго материнскаго горя. Ніобея — дѣйствительно холодный мраморъ въ сравненіи съ образомъ, который создалъ пророкъ Іеремія.

Проходитъ болѣе ста лѣтъ, и Виѳлеемъ на мгновеніе мелькаетъ въ исторіи: при Домиціанѣ и Нервѣ на папскомъ престолѣ возсѣдаетъ виѳлеемскій Іудей — Эварестъ. Адріанъ изгоняетъ Евреевъ изъ Виѳлеема навсегда. Мистическая натура наводитъ императора на мысль посвятить городъ Давидовъ и рощи его культу Адониса. Храмъ украшается рельефнымъ изображеніемъ кабана, умерщвляющаго это сирійское божество, и зрѣлище такого нечистаго животнаго еще болѣе отвращаетъ Іудеевъ отъ Виѳлеема, чѣмъ запрещеніе царя. Въ окрестныхъ рощахъ совершаются странныя и нечестивыя празднества погребенія и воскресенія Адониса. Есть нѣчто загадочное въ томъ, что враждебный христіанству и еврейству императоръ на мѣстахъ, освященныхъ величайшими воспоминаніями христіанства, воздвигаетъ памятники, символизующіе побѣду надъ смертью, возрожденіе къ высшей жизни. Въ то время какъ Евреи покинули Виѳлеемъ, христіане не забыли его и посѣщали для поклоненія священный вертепъ. О немъ вспоминаетъ во II вѣкѣ св. мученикъ Іустинъ Философъ и язычникъ Цельзій. Но язычество клонилось къ неизбѣжному паденію, а христіанство укрѣплялось. Отъ Адріана осталось въ Виѳлеемѣ одно: полное отсутствіе Евреевъ. Если Адріанъ въ своихъ безпрерывныхъ странствіяхъ по имперіи оставлялъ на пути своемъ новыя и реставрированныя капища, то усердіе Св. Елены далеко оставило за собой строительную ревность языческаго императора. „Пришедши въ Виѳлеемъ (въ 330 г.) она (св. Елена) построила тамъ великую, продолговатую и крестообразную церковь во имя Христа Бога нашего и отдѣлила внутри, внизу великаго жертвенника, ясли и св. вертепъ; потомъ вышла изъ Виѳлеема и отыскала мѣсто, гдѣ были убиты святые младенцы,

умерщвленные Иродомъ, и построила тутъ церковь и затѣмъ посѣтила священную паству; найдя мѣсто, на которомъ святые ангелы благовѣствовали пастырямъ рожденіе Господа нашего Іисуса Христа, она воздвигла удивительный храмъ въ честь Богородицы Маріи и Обручника Іосифа". [1] Виѳлеемскій храмъ былъ оконченъ раньше храма св. Гроба. О великолѣпіи Константиновской базилики и другихъ христіанскихъ зданій Виѳлеема свидѣтельствуетъ письмо св. Павлы, писанное въ началѣ V вѣка. „Гдѣ еще можно найти такіе широкіе портики, позлащенные потолки, базилики, воздвигнутыя усердіемъ бѣдныхъ грѣшниковъ, подобныя царскимъ дворцамъ?" спрашиваетъ знаменитая подвижница, покинувшая свой пышный патриціанскій дворецъ въ Римѣ ради Виѳлеемской пещеры.

Имя св. Павлы вызываетъ въ воспоминаніяхъ цѣлый рядъ личностей, характерно олицетворяющихъ высшее и просвѣщенное римское общество въ эпоху варварскаго погрома и крушенія Римской имперіи. Государственный геній Рима угасъ на западѣ и ушелъ въ новую столицу на Босфорѣ. Римскіе вельможи утопали въ неслыханной роскоши. Одни, устранившись отъ политики, въ мелочахъ праздной, изнѣженной жизни убивали время, живя минутою, со дня на день, не думая ни о будущемъ, не вспоминая о славномъ прошломъ. Другія, лучшія натуры, простились съ прошедшимъ, но не найдя достоинства въ настоящемъ, всею душой отдались тому будущему царству Божію, которое возвѣщено имъ было новою религіей. Римъ, кончался, но съ нимъ неминуемо ожидалось и окончаніе всей земной жизни. Въ мірѣ былъ одинъ „градъ", *civitas*,—Римъ и другимъ могъ быть только градъ Божій, civitas Dei; къ этому послѣднему прилѣпились всѣ лучшія помышленія лучшихъ людей античнаго міра. Остатокъ жизни посвящался пріуготовленію къ новой жизни во Христѣ. Аскетическія стремленія проникаютъ въ общество. Отрасль Сципіоновъ и Гракховъ, колоссально богатая патриціанка Паула, собираетъ въ своемъ дворцѣ общину, въ которую вступаютъ дѣвы и вдовы, принадлежащія къ знатнѣйшимъ и древнѣйшимъ родамъ и простыя, предаются молитвѣ, изученію св. Писанія въ оригиналѣ и дѣламъ благотворенія. Величайшій

---

[1] Житіе Константина и Елены (VII в.). Палест. Сборникъ, выпускъ 11, стр. 261.

ученый того времени, искушенный въ подвигахъ иночества, блаженный Іеронимъ является духовнымъ руководителемъ общины. Уходя отъ варваровъ, идущихъ на разграбленіе Рима, Паула, дочь ея Евстохія, Іеронимъ и другія сподвижницы предпринимаютъ далекое странствіе къ святымъ мѣстамъ Египта и Палестины, посѣщаютъ египетскихъ пустынниковъ, святыя мѣста Палестины и, наконецъ, находятъ тихое пристанище въ Виѳлеемѣ, въ женской обители, устроенной на уцѣлѣвшіе остатки прежняго богатства. Мирно и тихо течетъ жизнь благочестивыхъ женъ среди идиллической природы Виѳлеема. Кто изобразитъ сладкія слезы, восторги и видѣнія добровольныхъ изгнанницъ умиравшаго Рима, покинувшихъ славу и роскошь, и потому глубоко потрясаемыхъ смиреніемъ Царицы Небесной, воплотившагося Божества, когда дано было имъ, Римлянкамъ, припасть къ яслямъ, пріютившимъ Божественнаго Младенца въ простомъ вертепѣ, служившемъ пріютомъ для скота! Живо представляетъ себѣ св. Паула умиленнымъ духомъ первыя заботы Богоматери и обливается слезами, вспоминая жестокое избіеніе невинныхъ младенцевъ и плачъ ихъ матерей. Знакомыми ей материнскими чувствами живутъ онѣ въ Виѳлеемѣ болѣе, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Здѣсь странницы окончили свой путь. Молитва, постъ, труды монастырскія чередуются съ пріемомъ пилигримовъ, и одна за другой первыя монахини Виѳлеема сходятъ въ безвѣстныя могилы. „Въ Римѣ, посреди богатствъ, могущества и обширности этого города,—пишетъ Іеронимъ къ одной изъ своихъ ученицъ, оставшихся въ столицѣ,—мы должны принимать друзей и сами видѣться съ ними, слушать или говорить, и невольно окружать себя людскою толпой, а все это не согласуется съ рѣшимостью посвятить себя тихой и уединенной жизни. Ибо одно изъ двухъ: или мы видимъ приходящихъ къ намъ и должны прерывать молчаніе, или, не принимая ихъ, подвергнуться осужденію въ гордости. А потомъ, для отданія визитовъ, идемъ въ пышные портики, и среди встрѣчающаго шепота слугъ, входимъ въ позлащенныя двери... А въ селѣ Христовомъ, въ Виѳлеемѣ, царствуетъ сельская простота. Ничего не слышимъ, кромѣ псалмовъ, вездѣ тихо и спокойно. Куда не обратишься, тамъ или земледѣлецъ, идя за плугомъ, воспѣваетъ аллилуія, или покрытый потомъ жнецъ поетъ псаломъ, или садовникъ, подрѣзывая кривымъ ножомъ гнилую лѣторосль, поетъ что-либо изъ Давидовыхъ пѣсней... Такова-то

поэзія этого затишья: она свирѣль пастуха, она услада и помощь поселянина въ полевыхъ работахъ“. [1]

Въ Виѳлеемскомъ уединеніи, въ общеніи съ возвышенными душами своихъ духовныхъ дочерей, Іеронимъ совершаетъ свой великій трудъ—латинскій переводъ Библіи съ еврейскаго и греческаго языковъ и замѣчательныя толкованія на священныя книги. О трудности и важности этого труда можно судить уже по тому, что самый текстъ предстояло предварительно установить и очистить; нужно было самому Іерониму, восторженному цѣнителю классическихъ писателей Рима, побѣдить въ себѣ литературные вкусы и проникнуть въ своеобразную красоту древне-еврейскихъ писаній. Онъ считалъ себя богачомъ, когда удалось ему достать шестистолбцовую библію Оригена. Твореніе Іеронима, Вульгата, „признана въ латинской церкви достовѣрнѣйшимъ переводомъ Библіи и вытѣснила всѣ бывшія до того латинскія переложенія священнаго писанія. День и ночь трудился блаженный Іеронимъ, диктуя переводъ и многочисленныя письма во всѣ мѣста, гдѣ еще держалась римская образованность, въ отвѣтъ на предложенные ему вопросы. Заживо онъ приготовилъ себѣ гробницу, въ той же скалѣ, въ которой былъ вертепъ Рождества; здѣсь же онъ положилъ во гробъ св. Павлу, и въ томъ же гробѣ схоронилъ и Евстохію. „Путь одной по этой юдоли плача былъ короче, другой—длиннѣе, но обѣ счастливо достигли цѣли“, замѣчаетъ арх. Леонидъ. Чрезъ годъ одинокая душа старца Іеронима встрѣтилась со своими друзьями въ лучшемъ мірѣ. Онъ умеръ въ 420 г., 82 лѣтъ отъ рожденія. Смерть застала неутомимаго труженика за работой. Его могила тамъ же, вблизи отъ Павлы и Евстохіи.

Другая группа столь же благородныхъ изгнанниковъ, совершивъ такой же кружный путь къ Святой Землѣ, основалась на Елеонской горѣ. Равная знатностью рода и богатствомъ Павлѣ, патриціанка Меланія и спутникъ ея, ученый монахъ Руфинъ, литературный врагъ бл. Іеронима, были основателями латинской монашеской жизни въ Іерусалимѣ. Аскетическая строгость жизни на Елеонѣ проявлялась въ болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ въ Виѳлеемѣ. Меланія привлекла туда свою внуку, Меланію младшую, чтимую нашею церковью и послѣдняя, вмѣстѣ съ мужемъ, положили начало мужскимъ и женскимъ монастырямъ на Елеонской

---

[1] *Арх. Леонидъ*, Старый Іерусалимъ, 355.

горѣ. Слава Меланіи младшей, постницы и затворницы, творившей чудеса, широко распространялась по тогдашнему міру. Меланія привлекла въ Іерусалимъ вдову Θеодосія Младшаго, имп. Евдокію, и была ей духовною матерью. Культурное, изящное подвижничество Павлы и Евстохіи поблѣднѣло и отступило на второй планъ предъ суровымъ, непреклоннымъ и слишкомъ прямолинейнымъ аскетизмомъ Меланіи младшей, достойной преемницы свойствъ ея бабки. Наши Четьи-Минеи даже не упоминаютъ именъ Павлы и Евстохіи, и только мимоходомъ касаются св. Іеронима. Свѣтлые образы этихъ трехъ лицъ, ихъ чистая и поэтическая дружба, ихъ кроткія спутницы облечены такимъ тихимъ, притягательно-симпатичнымъ сіяніемъ, что, вспоминая о нихъ, невольно думаешь о цѣломудренныхъ, одухотворенныхъ и возвышенно-простыхъ созданіяхъ искусства ранняго возрожденія, до-рафаэлевской эпохи. Отъ ихъ римскихъ собраній, бесѣдъ съ пустынниками Египта, молитвъ у яслей вѣетъ поэзіей старинныхъ, поблѣднѣвшихъ фресковъ на стѣнахъ упраздненныхъ и опустѣлыхъ монастырей Италіи.

Высшаго процвѣтанія достигаетъ Виѳлеемъ въ VI вѣкѣ. Юстиніанъ обводитъ городъ крѣпкими стѣнами, сноситъ обветшавшую базилику св. Елены и возводитъ новый храмъ, превосходящій великолѣпіемъ даже всѣ іерусалимскія церкви. Отъ стараго удержана была базиличная форма, а послѣдующія поколѣнія старались только поддержать сооруженія Юстиніана, не мечтая о чемъ-либо лучшемъ. Этотъ соборъ въ основныхъ частяхъ сохранился до нашего времени, уцѣлѣвъ даже подъ мусульманскимъ владычествомъ. Магометане не завладѣли Виѳлеемомъ и до сихъ поръ составляютъ въ немъ ничтожное меньшинство. Въ началѣ IX вѣка паломникъ Епифаній посѣтилъ базилику и говоритъ: „подъ трапезой есть двойная пещера: на восточной сторонѣ родился Христосъ, на западной же святыя ясли; обѣ пещеры вмѣстѣ: онѣ позолочены и расписаны сообразно съ тѣмъ, что здѣсь случилось“[1]. Базилика спаслась даже отъ безумнаго халифа Хакема. Крестоносцы въ 1099 году нашли ее во владѣніи *сирійскихъ* христіанъ въ цѣлости, среди недавно разореннаго Сарацинами города. Русскій игуменъ Даніилъ въ первыхъ годахъ XII вѣка подробно описываетъ базилику, ея монолитныя колонны, мраморную облицовку стѣнъ внутри и вертепъ, украшенный стѣн-

[1] Васильевскій. Епифаній, стр. 24.

ными мозаичными иконами. Въ 1169 г. базилика, сильно обветшавшая, обновляется усердіемъ греческаго царя Мануила Комнина и короля Амори. Икона съ изображеніемъ царя Мануила и храма, копія древней, исчезнувшей иконы, виситъ надъ входомъ въ греческое отдѣленіе: царь съ окладистою русою бородой, въ высокой коронѣ—митрѣ, въ парчевомъ плащѣ и длинной туникѣ. Подъ руководствомъ византійскаго художника Ефрема стѣны главнаго нефа покрываются мозаичными иконами. Въ концѣ XVII вѣка отъ нихъ оставались жалкіе остатки, дошедшіе до насъ, но еще въ XV вѣкѣ мозаика была въ достаточной сохранности и по описаніямъ путешественниковъ можно имѣть представленіе о системѣ иконнаго расписанія базилики. На западной стѣнѣ, надъ дверью, изъ реберъ Адама поднималось вѣтвистое дерево съ пророками на вѣтвяхъ, причемъ упоминаются Іезекіиль, Іаковъ. Михей, Амосъ, Іоиль, съ хартіями, на которыхъ написаны мессіаническія пророчества. Внизу продольныхъ стѣнъ, надъ капителями колоннъ шелъ рядъ медаліоновъ съ поясными фигурами царей и другихъ предковъ Христа. Надъ ними находился рядъ престоловъ, осѣненныхъ арками, съ евангеліями, крестами, кадилами и свѣтильниками; каждый престолъ соотвѣтствовалъ одному изъ соборовъ: Анкирскому, Антіохійскому, Сардикійскому, Карѳагенскому, Гангрскому, Никейскому, Эфесскому, Константинопольскому и Халкидонскому. По сторонамъ престоловъ надписи объясняли наименованіе соборовъ, главныя постановленія ихъ, число епископовъ и имена лжеучителей, осужденныхъ соборомъ. Соборы отдѣлялись одинъ отъ другаго, какъ бы коврами, квадратными промежутками съ изображеніемъ сосудовъ и растеній. Надъ соборами былъ фризъ изъ волютъ растительнаго типа, обрамленный полосками изъ ромбовъ и жемчужинъ. Между окнами были изображены ангелы, направляющіеся къ алтарю, а надъ ними такой же фризъ, какъ подъ ними. Въ алтарѣ главное среднее мѣсто занимало Благовѣщеніе, потомъ: Введеніе во храмъ, Сошествіе Святаго Духа и Успеніе Богородицы; въ сѣверномъ полукружіи: Явленіе Ѳомѣ (уцѣлѣвшее), Вознесеніе и, вѣроятно, другія событія по воскресеніи Христовомъ; въ южномъ: Рождество Христово, Поклоненіе волхвовъ, Возвращеніе волхвовъ, Христосъ и Самаритянка, Преображеніе, Входъ въ Іерусалимъ, Моленіе о чашѣ, Распятіе. Положеніе во гробъ, евангелисты. Мозаика вертепа описана византійскимъ паломникомъ Іоанномъ Фокой (1177 г.). Тамъ была изображена возлежащая Богородица,

взирающая на Младенца: „ликъ ея не блѣденъ и не изможденъ, какъ у обыкновенной женщины тотчасъ послѣ первыхъ родовъ, но цвѣтущъ и озаренъ улыбкой. Подлѣ Младенца стоятъ волъ и оселъ, а подальше — пастыри, каждый въ особомъ положеніи, стараясь внимательно прислушаться къ возвѣщаемому имъ. Ангелъ указываетъ имъ ясли, вокругъ въ безпорядкѣ бродятъ овцы, однѣ наклонились къ травѣ, другія бѣгутъ къ ручейку; собака смотритъ съ удивленіемъ. Волхвы, съ коней, преклоняютъ колѣни предъ Богородицей". [1] Немного, однако, юстиніановская базилика красовалась византійскою живописью: уже при Саладинѣ она потерпѣла отъ иконоборческаго фанатизма мусульманъ, а затѣмъ начинается долгій періодъ непрерывнаго паденія. Мраморная облицовка стѣнъ обдирается, мозаика осыпается, крыша гніетъ, свинцовая кровля отдирается на пули для Турокъ, дожди безпрепятственно льются въ дырявую крышу, птицы вьютъ гнѣзда въ стропилахъ и на капителяхъ. Въ концѣ XVII вѣка храмъ превращается въ неописуемую развалину. Въ [illegible] году Московскій архимандритъ Арсеній Сухановъ посѣщаетъ Виѳлеемъ вмѣстѣ съ Іерусалимскимъ патріархомъ, и такими словами передаетъ свои впечатлѣнія: „и тутъ въ церкви всякъ народъ ночуетъ по своимъ мѣстамъ, и овцы ночуютъ въ углахъ мѣстахъ въ великой церкви, и тутъ спятъ. Въ церкви большой кто хочетъ въѣзжій дворъ, и крикъ, и шумъ, а дѣти приходятъ и въ суки играютъ и робята шумятъ; кричатъ, играютъ, скачутъ по всей церкви велми много и тако творятъ [illegible], а иные и третій день остаются". Греки пожаловались на плохое состояніе крыши и просили о пособіи для церкви. „Арсеній говоритъ: не вѣдаю: если государь увѣдаетъ, что вы въ церкви сдѣлали конюшню, тако государь не велитъ покрыть. И братія старцы сеѣ то говорили, что у нихъ недобро творится, а игуменъ говорилъ Арсенію: а ты того не сказывай государю". Арсеній пришелъ къ убѣжденію, что вѣчная греческая пѣсня о турецкихъ притѣсненіяхъ по отношенію къ Виѳлеему — пустая отговорка для сокрытія своей нерадивости или сребролюбія; онъ не стѣснялся указывать патріарху на отступленія отъ монастырскихъ уставовъ, на непостриженныхъ, однако носящихъ иноческую одежду (что усмотрѣно въ Бессарабіи между іерусалимскими Греками даже въ наше время), прямо

[1] *Gerspach*, La Mosaique. 119. — *Пр. Троицкій*: Іоанна Фоки сказаніе. Пал. Сборн. № 23, гл. 27.

и рѣзко ставилъ старцамъ въ примѣръ уваженіе франковъ и мусульманъ къ своимъ святынямъ и утверждалъ, что Греки, владѣя въ то время базиликой безраздѣльно, могли бы сами привести ее въ порядокъ и установить благочиніе, да не хотятъ. [1] Въ 1672 году патріархъ Досиѳей произвелъ наконецъ нѣкоторыя поправки въ церкви, главнымъ образомъ для того, чтобъ утвердить греческое владѣніе базиликой, но въ половинѣ XVIII вѣка она вновь пришла въ такое состояніе, что въ нее, какъ въ развалину, мусульманскіе пастухи стали загонять скотъ. Здѣсь же иногда располагались войска, а кадіи творили судъ и расправу у самаго алтаря. Чтобъ оградить по крайней мѣрѣ алтарь, Греки перегородили храмъ, отдѣливъ длинную западную вѣтвь креста каменною стѣнкой, испортивъ величественный видъ, открывавшійся отъ входа на алтарную апсиду.

Въ моемъ дорожномъ дневникѣ отмѣчено, что мы отправились съ Русскаго Подворья въ Виѳлеемъ 27 сентября около 6 часовъ утра. Послѣ нѣсколькихъ томительно знойныхъ дней, ранняя поѣздка была въ особенности привлекательна. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть, чудное палестинское небо было безоблачно и сіяло какъ самоцвѣтный темноголубой сапфиръ. Коляска катилась по прекрасной дорогѣ, проложенной по бѣловатому каменистому грунту, развѣтвлявшейся по сторонамъ. Въ Іерусалимъ шли ослики съ корзинами угля, выступали сановитые верблюды съ мѣшками шерсти и зерна, шли пѣшеходы въ сѣроватыхъ и полосатыхъ бурнусахъ. По сторонамъ потянулись ограды масличныхъ плантацій. Іерусалимскій старожилъ, ѣхавшій со мной, объяснилъ, что плантаціи принадлежатъ святогробскимъ старцамъ и разведены на счетъ нашихъ поклонниковъ, которыхъ увѣряютъ, что масло изъ этихъ плантацій пойдетъ въ лампады,

[1] Проскинитарій Арсенія Суханова. Прав. Палест. Сборникъ, выпускъ 21, стр. 57 и сл.

„На Өедоровой недѣлѣ, въ четвергъ, избраніе было въ церкви царя Константина, митрополита Неофита въ Виѳлеемъ. А въ пятокъ діаконъ Исаія-русинъ ему, нареченному митрополиту, говорилъ у патріарха въ кельѣ: хотятъ тебя поставить въ митрополиты, а ты еще непостриженъ: какъ тебѣ будетъ иныхъ постригать, а ты и самъ не сподобленъ того дара? Патріархъ то услышалъ и спросилъ: что̀ вы говорите? И они то сказали: и патріархъ молвилъ: перестригу я и всѣхъ ихъ, дай мнѣ мало сроку“. Ib., 70.

возжигаемыя во спасеніе душъ жертвователей. Вскорѣ показались на холмѣ разбросанныя строенія Виѳлеема. Сельскія и садовыя работы въ это время всѣ уже кончились, солнце давно выжгло полевую траву, а сѣроватыя масличныя деревья мало оживляли строгую, монашескую природу Іудеи, какъ будто бы посыпанную пепломъ и облеченную во вретище. Въ тѣсныхъ и кривыхъ улицахъ Виѳлеема, несмотря на глухое время, толпилось и двигалось множество народа. Дома не такъ высоки, какъ въ Іерусалимѣ, свѣта и воздуха больше и потому въ гигіеническомъ отношеніи Виѳлеемъ лучше Св. Града. Вмѣсто мостовой, улицы покрыты массой обломковъ и изрыты какими-то ямами. Туземный элементъ рѣшительно господствуетъ. Іерусалимской пестроты народностей здѣсь нѣтъ. На улицахъ повсюду видите бодрое племя Виѳлеемлянъ, сильныхъ съ хорошимъ смуглымъ цвѣтомъ лица. Женщины не прячутся подъ фатами и свободно показываютъ свои красивыя лица. Нѣтъ и такихъ лохмотьевъ, которыя нерѣдкость въ Іерусалимѣ у Арабовъ и Жидовъ. Большинство жителей до сихъ поръ держится православія, хотя въ послѣднія двадцать лѣтъ латинство крѣпнетъ, распространяется, привлекаетъ дѣтей православныхъ въ свои учебныя заведенія и пріюты и, несомнѣнно, имѣетъ будущее за себя, если греческое духовенство останется попрежнему глухо и слѣпо къ требованіямъ паствы, стойко отстоявшей вѣру отцовъ въ вѣка величайшихъ насилій мусульманскихъ.

Съ большимъ трудомъ нашъ экипажъ пробирался по рытвинамъ виѳлеемскихъ улицъ къ храму Рождества Христова. Мы добрались до засоренной мусоромъ и камнями площади, на которой поднималась голая высокая стѣна съ маленькою дверью, пробитою въ стѣну. Видны были слѣды, что дверь когда-то была просторнѣе. По сторонамъ этой стѣны такія же глухія стѣны окружали армянскій, греческій и латинскій монастыри, обхватившіе базилику съ трехъ сторонъ, какъ храмъ Св. Гроба. Очевидно, что пустырь предъ храмомъ занялъ мѣсто древняго атріума и великолѣпные портики, восхищавшіе св. Паулу и ея спутницъ даже послѣ чудесъ Рима и Александріи, безвозвратно исчезли, ушли въ мечети Іерусалима и другихъ мѣстъ. Изъ темной паперти вы входите въ „корабль" церкви. Внутренность сохранилась больше и вознаграждаетъ за печальный наружный видъ. Предъ вами открывается величественная колоннада изъ 4 рядовъ колоннъ, которыя дѣлятъ церковь на пять

продольныхъ галлерей. Сначала виѳлеемская церковь сильно напоминаетъ мечеть Омара и Римскую базилику св. Павла, но отсутствіе арокъ между колоннами средняго нефа, связанными архитравомъ, и болѣе тѣсные промежутки между колоннами отличаютъ эту базилику и придаютъ ей болѣе строгій и древній видъ. Средняя вдвое шире боковыхъ и занимаетъ третью часть ширины базилики, около 5 саженъ. Колонны, изъ красноватаго песчаника съ бѣлыми прожилками, достигаютъ, съ базисомъ и капителью, до 3 саженъ высоты. Капители коринѳскаго ордена и, вѣроятно, принадлежатъ еще Константиновской базиликѣ. Въ каждомъ ряду—11 колоннъ. Благодаря такой перегородкѣ колоннады составляютъ особое отдѣленіе въ храмѣ Рождества. Пространство занятое ими образуетъ продолговатую залу около 11 саженъ въ длину и 9 саж. въ ширину. На колоннахъ средняго нефа положены стѣны, возвышающіяся надъ боковыми галлереями сажени на четыре слишкомъ, и въ этихъ продольныхъ стѣнахъ пробиты большія окна, дающія много свѣта. Двускатная крыша лежитъ на этихъ стѣнахъ, поддерживаемая стропилами, которыя ничѣмъ не замаскированы изнутри и лишены всякихъ украшеній. Боковые нефы покрыты односкатными кровлями, примыкающими снаружи къ верхнимъ стѣнамъ ниже оконъ. Стропила прежде были расписаны красками и золотомъ, теперь же представляютъ потемнѣвшую клѣтку лѣсовъ. Мозаичное украшеніе, какъ и въ св. Софіи Константинопольской, находилось на стѣнахъ средняго нефа, надъ колоннами. Фигуры составлены изъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ кубиковъ на золотомъ фонѣ. Комниновской мозаики сохранилось немного: на южной стѣнѣ семь поясныхъ старческихъ фигуръ въ медальонахъ и надъ ними аркады, престолы осѣненные занавѣсами, а на престолахъ раскрытыя книги; надписи содержатъ извлеченія изъ правилъ Константинопольскаго собора; на сѣверной сторонѣ уцѣлѣлъ фризъ, а подъ нимъ два открытые храма, изображающіе Антіохію и Сардику съ правилами соборовъ, бывшихъ тамъ. Между окнами сѣверной стороны—остатки ангеловъ. Остальное пространство стѣнъ покрыто штукатуркой. Перегородка, закрывающая поперечный нефъ и главный алтарь, отнимаетъ у описаннаго помѣщенія церковный характеръ. Вы ходите по какой-то опустѣлой палатѣ неопредѣленнаго назначенія. Нужно сказать правду, что нечистота, поразившая Тоблера въ сороковыхъ годахъ и заставившая его припомнить, что и въ Родосскомъ храмѣ Аполлона

греческіе язычники не стѣснялись никакими приличіями, нынѣ не существуетъ, и я склоненъ думать, что этимъ мы обязаны никому иному, какъ латинянамъ, которые въ приснопамятный 1852 годъ получили право на базилику наравнѣ съ Греками и Армянами. Въ храмѣ теперь по крайней мѣрѣ чисто. Не взирая на это, томительное чувство пустоты охватываетъ душу, когда вспомнишь, чѣмъ была эта превосходная базилика въ прежнее время!

Греки все сваливали на мусульманъ и ради нихъ перегородили базилику: по всему судя, поперечная стѣна теперь совсѣмъ не нужна. Въ обыкновенное время мусульмане не посмѣютъ безчинствовать въ виѳлеемскомъ храмѣ, а въ моментъ сильнаго возбужденія магометанскаго фанатизма стѣнка не поможетъ. Зачѣмъ же она существуетъ? Не Грекамъ ли слѣдуетъ снять ее и хотя отчасти возвратить базиликѣ ея настоящій видъ? Но закоренѣлая косность проявляется даже и въ этомъ отношеніи.

Базилика имѣетъ нѣкоторыя интересныя особенности въ своихъ очертаніяхъ. За продолговатымъ кораблемъ, съ сѣверной и южной сторонъ, выступаютъ два полукружія, за которыми продолжаются длинныя стѣны двумя уступами съ каждой стороны и на восточной стѣнѣ завершаются полукружіемъ алтаря, діаметръ котораго равенъ ширинѣ средняго нефа. Полукружія сѣверной и южной стѣнъ соотвѣтствуютъ крылосамъ аѳонскихъ церквей. Алтарное полукружіе продолжается двумя стѣнами внутрь церкви; середины этихъ стѣнъ соединены иконостасомъ, а съ обоихъ концовъ его, сѣвернаго и южнаго, въ стѣнахъ пробиты маленькія двери, ведущія внизъ, въ пещеру Рождества Христова. Эта пещера простирается отъ иконостаса до поперечной стѣны. Такимъ образомъ, вся базилика представляетъ подобіе креста, въ которомъ поперечная перекладина изображается выступающими полукружіями (крылосами), а верхній (восточный) конецъ — полукружіемъ алтаря и четырьмя угловатыми выступами, уменьшающимися по направленію къ алтарю. Ближайшіе къ алтарю углы были, вѣроятно, жертвенникомъ (или проскомидіей) и діаконникомъ (ризницей). Стройное расчлененіе базилики искажено вѣроисповѣдными распрями. Главный алтарь принадлежитъ православнымъ. Въ сѣверномъ углу (проскомидіи) и сѣверной апсидѣ прислонились армянскіе алтари; въ соотвѣтствующемъ южномъ устроена лѣстница къ помѣщеніямъ Грековъ; въ слѣдующемъ за нимъ выступѣ второй греческій алтарь;

такимъ образомъ православнымъ принадлежитъ средина и южное отдѣленіе отгороженнаго пространства базилики, Армянамъ— сѣверная треть его, латиняне не имѣютъ мѣста въ юстиніановской базиликѣ и пользуются только правомъ прохода въ сѣверную дверь къ пещерѣ Рождества Христова.

Въ этой греко-армянской части сосредоточены главные остатки комниновской мозаики. Въ южномъ полукружіи сохранилось изображеніе Входа въ Іерусалимъ. Сохранились: одинъ апостолъ, Христосъ на осляти, женщина съ ребенкомъ на плечѣ, дѣти постилающія свои одежды, мужчина на деревѣ, срѣзающій ваію. Въ сѣверной апсидѣ находится явленіе Іисуса Христа Ѳомѣ. Апостолы безъ нимбовъ. Въ стѣнѣ, украшенной арками, видна затворенная дверь. Ѳома — въ юношескомъ видѣ. Третій фрагментъ представляетъ нижнюю часть Вознесенія: уцѣлѣло изображеніе Богоматери между двумя ангелами.

Въ общемъ мозаика носитъ признаки паденія византійскаго искусства. Цвѣта тусклы, фигуры угловаты, головы слишкомъ крупны, типы грубоваты. Густой слой пыли и копоти покрываетъ мозаику, отчего, быть-можетъ, всѣ тоны и кажутся такими мутными. По достоинству мозаика ниже венеціанской, палатинской, монреальской и кахріеджалійской и едва ли выше многоличныхъ кіевскихъ мозаикъ XII вѣка; но въ ней все-таки чувствуется отблескъ древняго величаваго стиля; она кажется хуже, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе нищенской ободранности базилики, вообще, и представляется заплатами изъ полинявшей драгоцѣнной парчи на грубомъ и неопрятномъ рубищѣ, но все-таки, какъ орнаментація, значительно превосходитъ жалкіе образчики туземной новѣйшей живописи на колоннахъ и образахъ греческаго и армянскаго алтарей. Въ православномъ алтарѣ стоятъ богатая серебряная плащаница и образъ Богоматери въ золотой ризѣ, пожертвованные изъ Россіи. Конечно, предъ иконами иконостаса лампадки не теплились и свѣчи не горѣли. По дурному греческому обычаю на верху иконостаса *въ наклонномъ положеніи* было утверждено распятіе. Смотришь и опасаешься, что крестъ того и гляди упадетъ.

Снизу слышалось громкое пѣніе. По тринадцати ступенямъ южной лѣстницы мы спустились въ главную святыню базилики и преклонили колѣна. Францисканцы служили обѣдню. Ярко освѣщенное подземелье было наполнено хористами въ бѣлыхъ стихаряхъ, европейскими и туземными монахинями въ черныхъ

мантіяхъ и Арабками латинской вѣры. Отдѣленіе Яслей Христовыхъ, гдѣ совершалась месса, было залито огнями. Греческій престолъ Рождества свѣтился разноцвѣтными огоньками лампадъ, священникъ громко произносилъ латинскіе возгласы съ итальянскимъ акцентомъ. По окончаніи службы всѣ набожно приложились къ серебряной звѣздѣ на полу у греческаго алтаря. Звѣзда окружаетъ небольшой кусокъ натуральной скалы, незакрытой мраморнымъ помостомъ, и на ней сдѣлана надпись: Hic de virgine Maria Iesus Christus natus est (здѣсь родился Іисусъ Христосъ отъ Дѣвы Маріи). Когда всѣ ушли, мы приступили къ осмотру священной пещеры.

Вертепъ Рождества Христова представляетъ продолговатую крипту, подземелье, въ шесть саженъ длины, около двухъ саженъ въ ширину и столько же въ вышину. Потолокъ имѣетъ видъ низкаго, круглаго свода. Полъ и стѣны покрыты мраморными плитами. Между лѣстницами, идущими изъ базилики, на восточномъ концѣ длинной оси находится выступъ скалы и въ немъ — ниша, почти подъ царскими вратами базилики: эта ниша и есть мѣсто Рождества Христова. Она вся выложена мраморомъ; только въ потолкѣ замѣтны слѣды мозаики, описанной Іоанномъ Фокой, да въ полу открыта частица скалъ, о чемъ сказано выше. Надъ звѣздой установлена мраморная доска на колонникахъ, служащая престоломъ. Надъ звѣздой виситъ 16 неугасимыхъ лампадъ, принадлежащихъ православнымъ (6), латинянамъ (4) и Армянамъ (6). На престолѣ, за особою рѣшеткой, стоятъ небольшія греческія иконы. Здѣсь имѣютъ права совершать литургію только православные и Армяне. Въ сводѣ вертепа подвѣшено 32 неугасимыя лампады. Стѣны покрыты толстыми коврами съ гербами франковъ. Вертепъ освѣщается только лампадами и не имѣетъ просвѣтовъ. Копоть отъ ламиъ уничтожила живопись на потолкѣ, которую видѣли еще въ началѣ XVIII вѣка.

Отъ южной двери налѣво находится въ вертепѣ небольшое отдѣленіе, въ которомъ стоятъ мраморныя ясли и находится небольшой выступъ. Въ ясляхъ былъ положенъ спеленутый Божественный Младенецъ, а на выступѣ сидѣла Богоматерь, когда пришли на поклоненіе волхвы. Подлинныя ясли вырублены и увезены въ Римъ, въ церковь Маріи Великой (S-ta Maria Maggiore). Это мѣсто принадлежитъ латинянамъ. Оно украшено порядочными картинами новѣйшей работы.

Съ западной стороны пещеръ находится третья дверь въ длинный рядъ пещеръ, чрезъ которыя выходятъ въ латинскую церковь Св. Екатерины, пристроенную къ сѣверной стѣнѣ базилики. Была на сѣверной сторонѣ вертепа и четвертая дверь, также въ латинскія помѣщенія, нынѣ заложенная. Послѣднія двѣ двери позднѣйшаго происхожденія, но Тоблеръ полагаетъ, что прежде была только одна дверь, лучше сказать—цѣлая открытая сторона пещеры, впослѣдствіи съуженная. Пещера должна была подвергнуться нѣкоторой искусственной обработкѣ внутри уже при построеніи Константиновской базилики. Въ VIII вѣкѣ паломникъ Виллибальдъ говоритъ о вертепѣ слѣдующимъ образомъ: „Мѣсто, гдѣ родился Христосъ, было нѣкогда подземною пещерой, а теперь представляется домомъ (domus), четыреугольнымъ, изсѣченнымъ въ скалѣ (petro), почва же кругомъ выкопана и снесена (et est terra circumquaque esfossa et inde projecta). Трудно представить себѣ въ настоящее время наружный, надземный видъ этого сооруженія, но имъ объясняется возвышенное положеніе той части базилики, которая занята нынѣ алтарями Грековъ и Армянъ надъ уровнемъ западныхъ галлерей. Въ первый разъ упоминается о числѣ ступеней, ведущихъ въ пещеру, у Фоки, въ 1177 году, и указывается ихъ число—16; до сихъ поръ это число сохранилось на сѣверной лѣстницѣ. О второй, южной, первыя извѣстія относятся къ XIV столѣтію. Она была устроена для удобства поклонниковъ. Если старѣйшинство принадлежитъ сѣверной двери, то слѣдуетъ предположить, что первоначально пещера открывалась съ сѣверной стороны, но какъ широкъ былъ этотъ проходъ, въ настоящее время опредѣлить невозможно послѣ произведенныхъ построекъ. Тоблеръ предполагаетъ, что даже и потолокъ пещеры въ настоящее время не натуральная скала, а сложенъ изъ тесаныхъ камней.

Въ одномъ углу западной стѣны пещеры находится цистерна, въ которую, по латинской легендѣ, опустилась благовѣстная звѣзда, въ другомъ—входъ въ длинный рядъ подземныхъ помѣщеній, принадлежащихъ латинянамъ. Длинный корридоръ проходитъ подъ землей поперекъ базилики съ юга на сѣверъ и кончается въ латинской церкви Св. Екатерины. Идя изъ вертепа по корридору, на правой сторонѣ входятъ въ капеллу Св. Іосифа, гдѣ будто бы повелѣно ему было бѣжать въ Египетъ; затѣмъ—въ капеллу Избіенныхъ младенцевъ; далѣе, налѣво—гробниц аббата Евсевія Кремонскаго, ученика Іеронимова, гробница Павлы

и Евстохіи и напротивъ ихъ—гробница Св. Іеронима, наконецъ довольно обширная капелла Св. Іеронима. Въ этой-то капеллѣ, по латинскому преданію, Св. Іеронимъ молился, постился и трудился надъ переводомъ Библіи. Изъ пещеры Іеронима былъ выходъ въ латинскій монастырь, но этотъ проходъ теперь замурованъ и нужно вернуться ко гробу Евсевія, чтобы достигнуть выхода въ церковь Св. Екатерины.

Какъ и всѣ латинскія преданія въ Св. Землѣ, легенды, пріурочившія къ названнымъ именамъ разные уголки пещеръ, возникли въ очень позднее время, послѣ крестовыхъ походовъ. Изъ житія Св. Елены мы уже видѣли, что мѣсто избіенія младенцевъ находилось вдали отъ вертепа Рождества; тамъ же прежде показывали и пещеру, куда были брошены тѣла избіенныхъ. Точно также мѣсто погребенія Павлы и Евстохіи означалось въ церкви, нынѣ посвященной Св. Екатеринѣ. Изъ древняго житія Іеронима извѣстно, что онъ завѣщалъ похоронить себя вблизи отъ Св. Вертепа и приказалъ высѣчь въ камнѣ могилу; ни слова не говорится объ ученыхъ занятіяхъ въ полутемной пещерѣ, которую называютъ нынѣ келіей святаго мужа. Въ Виѳлеемѣ произошло такое же сосредоточеніе мѣстъ благочестивыхъ воспоминаній, какое мы уже видѣли въ храмѣ Гроба Господня. Надъ этими гробницами помѣщены очень хорошія новыя картины. Въ дни поминовенія этихъ святыхъ латинской церкви, на гробницахъ читается месса. Мы посѣтили эти мѣста, зная недостовѣрность ихъ, чтобы пожить нѣсколько минутъ въ воспоминаніяхъ той тяжелой эпохи, среди которой такимъ кроткимъ сіяніемъ мерцаютъ симпатическія личности Іеронима, Павлы и Евстохіи, ихъ друзей и спутниковъ, дѣлившихъ съ ними мистическіе восторги и труды виѳлеемскаго уединенія.

Изъ темныхъ переходовъ мы вышли въ пышную базилику Св. Екатерины и здѣсь впервые отдохнули отъ безвкусицы и запущенности, водворившихся въ юстиніановой базиликѣ. Эта церковь, принадлежащая Францисканцамъ, выстроена въ романскомъ стилѣ, съ коринѳскими колоннами. Она вся озарена голубоватымъ свѣтомъ. Размѣры ея прекрасны. Возвращаясь къ стариннымъ архитектурнымъ формамъ, латиняне не рискуютъ возвратиться къ такой же старинной живописи, а новая, очевидно, не мирится ни съ прежнею архитектурой, ни съ религіозными требованіями храмоздателей. Оттого послѣ перваго пріятнаго впечатлѣнія, душу охватываетъ ощущеніе пустоты. Храмъ молчитъ, нѣтъ „облака

свидѣтелей" христіанской истины. Церковь какъ будто конфузится предъ иконоборцами и становится неуютною лютеранскою молельней. Художественное достоинство базилики Св. Екатерины заключается, главнымъ образомъ, въ ея цѣльности. Здѣсь вы находитесь въ храмѣ не раздѣленномъ между многими враждующими хозяевами, который стройно и спокойно приспособленъ къ литургическимъ дѣйствіямъ безо всякихъ сокращеній и урѣзокъ въ обычныхъ ритуальныхъ подробностяхъ.

Невзрачная колокольня, устроенная въ греческомъ монастырѣ, передѣлана изъ древней башни, которая составляла часть прежней укрѣпленной ограды вокругъ базилики Рождества Христова. Въ монастырѣ живетъ греческій виѳлеемскій митрополитъ, предстоятель самой доходной изъ іерусалимскихъ епархій. Само собою разумѣется, что не только евангельская важность Виѳлеема, но и близость его къ Іерусалиму привлекаетъ туда массу поклонниковъ. Многіе не рѣшаются на далекій и трудный путь въ Галилею или на Іорданъ, но никто не пропуститъ возможности поклониться вертепу Рождества Христова. Усердіемъ поклонниковъ, конечно, Греки пользуются елико возможно, не стѣсняясь ничѣмъ, такъ что происходятъ весьма прискорбныя недоразумѣнія. Одно изъ нихъ случилось въ 1888 году съ русскимъ священникомъ. [1] Греческій митрополитъ (Спиридонъ, нынѣшній патріахъ антіохійскій) призналъ необходимость извиниться въ своей ошибкѣ. Русское подворье неоднократно получало жалобы отъ нашихъ паломниковъ на греческую алчность.

Русское подворье, обязанное ограждать нашихъ паломниковъ, успѣло, однако, нѣсколько обуздать алчность виѳлеемской братіи. Бывшему патріарху Никодиму были представлены неопровержимыя доказательства вифлеемскихъ безчинствъ: скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ принять нѣкоторыя мѣры. Замѣтимъ, что Спиридонъ, архіепископъ Ѳаворскій, только временно управлялъ Виѳлеемскою митрополіей и вопросъ, кому распоряжаться доходами отъ святынь Виѳлеема, былъ жгучимъ предлогомъ пререканій между митрополитомъ и патріархомъ, который считалъ доходы вакантной митрополіи своими, Спиридонъ же мужественно отстаивалъ правило: beati possidentes. Безъ сомнѣнія, такой принципіальный споръ усугубилъ ревность блаженнѣйшаго Никодима противъ виѳлеемскихъ черноризцевъ.

---

[1] *Св. Коровицкій*: «Дневникъ Паломника», стр. 151, сл. Житоміръ, 1891.

Но поэзія Виѳлеема отравляется не одними дѣяніями святогробской братіи. Пещера Рождества Христова служитъ мѣстомъ столкновеній между православными и латинянами. Послѣдніе не могутъ примириться съ устраненіемъ отъ мѣста Рождества Христова и базилики Юстиніана. Въ концѣ XVII в. латиняне утвердились въ исключительномъ обладаніи яслями, но за то Греки вытѣснили ихъ изъ ниши Рождества Христова, хотя Латиняне и удержали право на серебряную звѣзду въ полу ниши. Такъ какъ Грекамъ принадлежатъ южная дверь и право прохода, не съ литургическими дѣйствіями, по сѣверной лѣстницѣ, принадлежащей латинянамъ, то полтора года тому назадъ между Францисканцами и греческими монахами на этой лѣстницѣ произошла кровопролитная драка, потребовавшая вмѣшательства Турокъ. При насъ еще въ базиликѣ, при входѣ въ пещеру, стоялъ турецкій часовой.

Да, лучше не знать, подобно нашимъ простецамъ-паломникамъ, той грязи, которая облѣпила собой святыни Св. Земли: лучше предполагать, что безобразія не вошли тамъ въ систему эксплуатаціи, а являются случайнымъ исключеніемъ: лучше не подозрѣвать даже, что, кромѣ греческихъ чернорясцевъ и широковѣщательныхъ титуловъ, въ Палестинѣ еще existsъ...

Угрюмо и враждебно посматривали на насъ какіе-то чернорясцы въ базиликѣ и въ вертепѣ, сторонясь при видѣ сопровождавшихъ насъ служащихъ въ Русскомъ Подворьѣ. Не къ кому было обратиться съ просьбой отслужить молебенъ. Еслибы не латинская месса у яслей, мы ушли бы, не услыхавъ молитвеннаго пѣнія въ священной пещерѣ...

Изъ прохладныхъ колоннадъ базилики мы вновь очутились на залитой солнцемъ площадкѣ и направились къ лавкамъ. Виѳлеемъ болѣе трехъ сотъ лѣтъ славится своими рѣзными работами изъ дерева, камня и перламутра. Здѣсь приготовляются четки, крестики и рельефныя иконы. Благодаря западнымъ образцамъ, иконы достигаютъ замѣчательнаго изящества. Крестики можно

найти на всякую цѣну. Нѣкоторые сплошь покрыты розами, гроздіями винограда. Слоистый, легко раскалывающійся перламутръ требуетъ большой осторожности при обработкѣ и случается бросать двѣ, три раковины на половинѣ работы; арабскіе рѣщики съ замѣчательною ловкостью окружаютъ мелкія иконы на раковинѣ широкою кружевною каймой сквозной работы. Цѣны высоки, но по работѣ — не дороги. Въ глухое осеннее время спросъ былъ ничтоженъ, Американцы и Англичане покупали на гроши, поэтому франковъ на 60 — 70 я пріобрѣлъ столько вещей, что въ настоящій паломническій сезонъ за нихъ нужно было заплатить не менѣе 200 франковъ. Кресты и образъ Младенца въ ясляхъ, дѣйствительно, были прелестны.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. Соловьевъ.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ — ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

ЧИСТИЛИЩЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

(Посвящается И. Е. Гуллету.)

ПѢСНЬ СЕДЬМАЯ.

Преддверіе Чистилища.—Сорделло.—Невступная ночь.—Властители нерадѣвшіе о своемъ вѣчномъ спасеніи.—Императоръ Рудольфъ.—Оттокаръ.—Филиппъ Смѣлый.—Генрихъ Наваррскій.—Петръ Арагонскій.—Генрихъ III Англійскій.—Гульельмо ди Монферрато.

1. И вѣжливымъ и радостнымъ привѣтомъ
Три раза и четыре обмѣнявшись,
Сорделло отступилъ, спросивъ—„кто вы?“—
4.—„Еще для душъ узрѣть достойныхъ Бога
Къ горѣ сей не было пути, когда
Землѣ мои Октавій предалъ кости.
7. Виргилій я, и не за грѣхъ иной,
Какъ лишь за то, что не имѣлъ я вѣры,
Небесъ лишенъ я.“—Такъ отвѣтилъ вождь.
10. Какъ тотъ, кто, нѣчто увидавъ внезапно,
Отъ изумленья вѣритъ и не вѣритъ
И говоритъ: то—это есть, то—нѣтъ,
13. Такъ и Сорделло: онъ потупилъ очи,
Почтительно къ Виргилію припалъ
И какъ дитя обнялъ его колѣни.

16. — „О, Лаціума слава“—онъ сказалъ,
— „Ты, показавшій сколь языкъ нашъ мощенъ,
О, гордость вѣчная моей отчизны!
19. Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ тебя узрѣть!
Скажи, коль я внимать тебѣ достоинъ,
Изъ ада-ль ты идешь и изъ которой
22. Юдоли?“—Вождь сказалъ:—„Чрезъ царство скорби,
По всѣмъ кругамъ его я шелъ сюда,
Поддержанъ свыше силою небесной.
25. Не дѣйствіемъ лишенъ, а упущеньемъ
Я солнце зрѣть, Его же ты алкаешь,
И слишкомъ поздно я позналъ Его.
28. Есть мѣсто въ глубинѣ, не отъ мученій
Печальное, отъ тьмы: тамъ голосъ скорби
Звучитъ не стонами, а воздыханьемъ.
31. Со мной тамъ вмѣстѣ малый сонмъ невинныхъ,
Пронзенныхъ жаломъ смерти, прежде чѣмъ
Отъ перваго онъ былъ грѣха искупленъ.
34. Со мной тамъ тѣ, кто не облекся въ три
Святыя добродѣтели, но зналъ лишь
И соблюдалъ четыре остальныя.
37. Но если можешь, дай намъ указанье
Какъ намъ дойти поспѣшнѣе туда,
Гдѣ собственно Чистилища начало.
40. Отвѣтилъ онъ:—„Не связаны мы мѣстомъ:
Кругомъ и вверхъ дозволено ходить намъ,
И сколь могу, тебя я провожу;
43. Но видишь ты, что день уже склонился,
А ночью подыматься невозможно;
Итакъ, пора подумать о ночлегѣ.
46. Отсель направо нѣсколько есть душъ
Въ уединеньи, къ нимъ пойдемъ, коль хочешь,
Тебѣ пріятно будетъ ихъ знакомство“.—

34—36. Три святыя (богословскія) добродѣтели—вѣра, надежда, любовь; остальные четыре (философскія)—см. П. I.

44—53—58. Символически стихи эти значатъ, что нравственный подвигъ самопожертвованія возможенъ только при свѣтѣ божественной благодати. Человѣкъ, лишенный этого свѣта, можетъ въ лучшемъ случаѣ только коснѣть въ своемъ грѣховномъ состояніи, но еще легче ему пасть на низшую степень грѣховности.

49. — „Но какъ же это“—вождь отвѣтилъ.—„развѣ
Тому, кто ночью-бъ пожелалъ подняться,
Кто помѣшалъ-бы, иль онъ самъ не могъ бы?“—
52. И пальцемъ по землѣ Сорделло добрый
Провелъ, сказавъ:—„Взгляни, такой черты
Не переступишь по заходѣ солнца.
55. И не иное что̀ для восхожденья
Помѣхой служитъ, кромѣ тьмы ночной.
Но эта тьма оковываетъ волю.
58. За то во тьмѣ легко спуститься внизъ
И пробродить, по берегу блуждая,
Покуда день сокрытъ подъ горизонтомъ“.—
61. Тутъ мой Владыка, словно изумленный
— „Веди-же насъ“—сказалъ.—„туда гдѣ можно,
Какъ говоришь, найти пріютъ прекрасный“.—
64. Ужь были мы недалеко оттуда,
Когда замѣтилъ я, что здѣсь гора
Какъ на землѣ долинами изрыта.
67. И тѣнь сказала:—„Мы пойдемъ туда,
Гдѣ выемка въ горѣ образовалась:
Тамъ новый день мы будемъ ожидать“.—
70. Извилистой тропой по косогору
До края углубленья мы дошли,
Тамъ гдѣ откосъ на половину срѣзанъ.
73. Ни серебро, ни золото, ни червлень,
Ни индиго блестящій, ни бѣлила,
Ни только что расколотый смарагдъ,
76. По силѣ красокъ не могли-бъ сравниться
Съ цвѣтами той долины и травой,
Какъ не сравнится меньшее съ великимъ.
79. И мало что природа расписала
Тотъ уголокъ—отъ тысячъ благовоній
Невѣдомый тамъ лился ароматъ.
82. Тамъ души я узрѣлъ, что̀ пѣли: *Salve,*
Regina, сидя на травѣ въ цвѣтахъ
Долины, ихъ отъ насъ сперва скрывавшей.
85. — „Пока хотя немного свѣтитъ солнце“—

---

82. Salve, Regina—начало одной изъ молитвъ католической вечерни: *Радуйся, Царица, матерь милосердія, жизнь, сладость и надежда наша, радуйся!*

Такъ началъ Мантуанецъ насъ приведшій:
— „Не требуйте, чтобъ къ нимъ я васъ провелъ.
88. Отсель съ уступа различите лучше
Вы ихъ движенья, выраженье лицъ,
Чѣмъ еслибъ къ нимъ спустились мы въ долину.
91. Кто выше всѣхъ сидитъ, имѣя видъ
О долгѣ нерадившаго и нынѣ
Не отверзаетъ устъ для пѣснопѣнья,
94. Рудольфъ былъ императоръ, тотъ, что̀ могъ
Цѣлить Италію отъ ранъ смертельныхъ,
Что̀ для другаго поздно ужь теперь.
97. Другой, что̀ на него глядитъ съ участьемъ,
Царилъ въ землѣ, гдѣ воды родились,
Тѣ, что̀ Молдавой въ Эльбу, Эльбой въ море
100. Несутся. Оттокаръ онъ, Венцеслава
Отецъ. Дитей онъ лучше былъ чѣмъ сынъ
Уже брадатый, но лѣнтяй, развратникъ.
103. Вотъ тотъ курносый, погруженный весь
Въ совѣтъ вотъ съ этимъ, добрымъ столь по виду,
Онъ умеръ въ бѣгствѣ, общипавъ лилею;
106. Смотрите, какъ онъ въ перси бьетъ себя.
А тотъ другой, что̀ оперся рукою
На длань свою, вздыхая, былъ отцомъ,
109. А первый тестемъ Франціи заразы,
Чьей жизни грязь, порокъ извѣстны имъ;
Отъ этого и скорбь ихъ такъ пронзаетъ.
112. Вотъ тотъ, что̀ кажется такимъ дороднымъ
И вторитъ большеносому теперь,
Былъ доблестями всѣми препоясанъ.

---

94. Рудольфъ, первый императоръ изъ дома Габсбурговъ (1273—1291)

98.—Въ землѣ—въ Богеміи.

100.—Оттокаръ II съ 1253 г. король Богеміи, ярый противникъ императора Рудольфа, съ которымъ велъ войны Венцеславъ IV наслѣдовалъ отцу въ 1278 г. Избранъ королемъ Польши въ 1300 г. Умеръ въ 1305 г.

103—111 —Курносый - Филиппъ III Смѣлый, король Французскій (1270—1285), воевалъ съ Петромъ III Арагонскимъ и умеръ во время отступленія изъ Каталоніи. Другой духъ, „добрый столь по виду", тотъ что̀ „оперся щекой на длань свою" Генрихъ Наваррскій, на дочери котораго былъ женатъ сынъ Филиппа III, Король Филиппъ IV Красивый (1285—1314). Данте во многихъ мѣстахъ Божественной Комедіи порицаетъ Филиппа Красиваго. Здѣсь онъ называетъ его—„заразой Франціи".

112.—Дородный—Петръ III Арагонскій (1276—1285).

113.—Большеносый - Карлъ Анжуйскій, отецъ Карла II, захватившій послѣ побѣды при Беневентѣ въ 1265 г. (см. П. III, 112—117) королевства Неаполя и Сициліи. Умеръ въ 1285 г.

115. И еслибъ вслѣдъ за нимъ вступилъ на царство
Тотъ юноша, что̀ позади сидитъ,
Отцовской доблести сосудъ онъ былъ бы.
118. Не таковы наслѣдники другіе:
Имѣютъ царства Федерикъ и Яковъ,
Но лучшаго наслѣдства—ни одинъ.
121. Не часто благородство переходитъ
Къ потомкамъ: такъ хотѣлъ его дающій,
Чтобъ у него просили мы его.
124. Къ носастому слова мои подходятъ,
Не меньше чѣмъ къ Петру, что̀ съ нимъ поетъ;
Вотъ отчего скорбятъ Провансъ съ Апульей.
127. Растенье меньше сѣмя своего,
Насколько Беатриче съ Маргаритой
Супруговъ хвалятъ менѣе Констанцы.
130. На короля простой взгляните жизни:
То Генрихъ Англійскій, сидитъ одинъ онъ,
Онъ былъ счастливѣе въ своихъ потомкахъ.
133. А этотъ духъ, что̀ ниже всѣхъ сидитъ,
Взирая кверху—былъ Маркизъ Гульельмо.
Изъ-за него съ Алессандріей споръ
136. Ввергъ Монферрато въ плачъ и Канавезе.

116.—Юноша—Альфонсъ III, сынъ Петра III.

119.—Федерикъ — король Сициліи; Яковъ—король Арагона. (См. П. III 112—117).

124.—Носастому—Карлу Анжуйскому.

127—129.—Растенье (Карлъ II) меньше, то-есть хуже сѣмени своего (Карла Анжуйскаго) насколько супруги Беатриче (Карлъ Анжуйскій) и Маргариты (Людовикъ IX Французскій) менѣе заслуживаютъ похвалы, чѣмъ супругъ Констанціи (Петръ III Арагонскій). Констанція—дочь Манфреда Сицилійскаго (см. П. III, 112—117).

130—132.—Генрихъ III король Англійскій (1216—1272), отецъ Эдуарда I (1272—1307)—искусный военачальникъ и мудрый законодатель.

134—136.—Гульельмо VII, Спадалунга маркизъ Монферрато былъ схваченъ возмутившимися противъ него жителями города Алессандріи и посаженъ въ желѣзную клѣтку, въ которой и умеръ. Сынъ его, чтобъ отомстить за смерть отца, началъ войну съ Алессандріей, которая навлекла большія бѣдствія на Монферрато и Канавезе.

ПѢСНЬ ВОСЬМАЯ.

Преддверіе Чистилища.—Нерадивые.—Цвѣтущая долина.—Ангелы хранители.—Нинъ Висконти.—Змѣй.—Куррадо Маласпина.

1. Насталъ тотъ часъ, когда слабѣетъ воля
И бьется мягче сердце у пловца
Въ день разставанья съ милыми друзьями.
4. И странника недавняго охватитъ
Порывъ любви, коль издали услышитъ
Онъ колоколъ, какъ плачъ о днѣ угасшемъ.
7. Въ тотъ часъ я слушать пересталъ, любуясь
Одной изъ душъ, которая, возставъ,
Движеньемъ рукъ къ вниманью призывала.
10. Она воздѣла сложенныя длани,
Глядя къ востоку, какъ бы говоря:
Единъ Господь покровъ мнѣ и надежда.
13. *Te lucis ante* съ устъ ея слетѣло
Благоговѣйно такъ и сладкозвучно,
Что я невольно впалъ въ самозабвенье.
16. И остальныя набожно и нѣжно
Ей вторили и весь пропѣли гимнъ,
Къ небеснымъ сферамъ устремивши взоры.
19. Здѣсь изощри свои, читатель, очи,
Чтобъ видѣть истину: покровъ такъ тонокъ,
Что нынѣ чрезъ него легко проникнуть.
22. Я зрѣлъ, какъ благородный этотъ полкъ
Въ молчаніи смотрѣлъ на верхъ, какъ будто
Чего-то ждалъ онъ блѣдный и смиренный.
25. И видѣлъ я: съ высотъ спустились дòлу
Два Ангела съ пылавшими мечами,
Короткими, тупыми на концахъ.

13.—Te lucis ante—начало католическаго гимна: *Предъ захожденіемъ свѣта, молимъ тебя. Творецъ міра, по твоему милосердію будь намъ вождемъ и стражей.*

27.—Мечи тупые на концахъ символизируютъ Божественное правосудіе, смягченное Божественнымъ милосердіемъ.

28. Зеленая, какъ юные листочки,
Одежда ихъ, отъ взмаха крылъ зеленыхъ
За ними развѣвалась и неслась.
31. Одинъ спустился выше насъ немного,
Другой же сталъ съ противной стороны,
А сонмъ тѣней межъ нихъ расположился.
34. Я различалъ ихъ свѣтлые власы,
Но видѣть ликъ ихъ было выше силы:
Глаза мои чрезмѣрно утомлялись.
37. — „Изъ лона оба принеслись Маріи“—
Сказалъ Сорделло—„охранять долину
Отъ змѣя, что̀ появится сейчасъ“.—
40. А я, откуда змѣя ждать не зная,
Глядѣлъ вокругъ и, весь оледенѣвъ,
Прижался крѣпко къ раменамъ надежнымъ.
43. Затѣмъ Сорделло:—„Спустимся теперь
Къ тѣнямъ великимъ, съ вами говорить
И видѣть васъ имъ будетъ очень лестно“.—
46. Я сдѣлалъ, мнится, только три шага
И былъ внизу, какъ увидалъ кого-то,
Кто на меня смотрѣлъ, узнать стараясь.
49. Ужь воздухъ потемнѣлъ, но не настолько,
Чтобъ скрыть отъ взоровъ то, что̀ разсмотрѣть
Мнѣ до тѣхъ поръ мѣшало разстоянье.
52. Я къ тѣни той пошелъ,—она ко мнѣ
—„Почтенный Нинъ, судья, какъ мнѣ пріятно,
Что я тебя не между грѣшныхъ вижу“.—
55. Умолчанъ нами не былъ ни единый
Привѣтъ любви. И онъ спросилъ.—„Давно-ли,
По дальнимъ водамъ ты къ горѣ сей прибылъ?“—
58.—„О“—я сказалъ,—„чрезъ всѣ юдоли скорби
Пришелъ я нынѣ; въ первой жизни я
И симъ путемъ пріобрѣсти другую
61. Надѣюсь я“.—Мой выслушавъ отвѣтъ,
Какъ люди пораженные внезапно,
Сорделло съ Ниномъ быстро обратились:

28.—Зеленый цвѣтъ—символизируетъ надежду, добродѣтель, свойственную, по ученію Ѳомы Аквинскаго, подвизающимся на землѣ и страждущимъ въ Чистилищѣ, ибо „для осужденныхъ и для блаженныхъ—нѣтъ надежды“.

53. Уголино или Нино Висконти былъ судьей въ Галлурѣ въ Сардиніи.

64. Одинъ къ Виргилію, другой къ кому-то
Сидѣвшему, воскликнувъ:—„Встань Куррадо,
Приди взглянуть сколь милосердъ Господь!“—
67. Затѣмъ ко мнѣ:—„Во имя благостыни
Тебѣ явленной Тѣмъ, Кто скрылъ отъ насъ
Въ глубокой мглѣ свои предначертанья,
70. Когда по о̀нъ-полъ водъ широкихъ будешь,
Скажи моей Джьованнѣ, обо мнѣ
Да молитъ тамъ, гдѣ слышатъ вопль невинныхъ.
73. А мать ея меня едва-ли любитъ
Съ тѣхъ поръ, какъ бѣлую сняла фату,
Которую должна-бъ желать обратно.
76. Не трудно видѣть по ея примѣру,
Какъ въ женщинѣ горитъ огонь любви
Безъ помощи очей и осязанья.
79. Не сдѣлаетъ столь пышныхъ похоронъ
Ей та змѣя, что̀ въ бой ведетъ Миланцевъ,
Какія-бъ ей пѣтухъ Галлуры сдѣлалъ“.—
82. Такъ говорилъ онъ, весь запечатлѣнный
Той правой ревностью, огонь которой
Умѣренно въ душѣ его пылалъ.
85. На небо между тѣмъ глядѣлъ я жадно,
Туда, гдѣ звѣздъ медлительнѣй теченье,
Какъ въ томъ кругу, который ближе къ оси.
88. И вождь:—„На что̀ ты къ верху смотришь?“—
А я къ нему;—„На тѣ три огонька,
Отъ свѣта коихъ весь нашъ полюсъ рдѣетъ“.—
91. И онъ:—„четыре яркія звѣзды,
Что̀ ты по утру видѣлъ, внизъ спустились,
А эти три на мѣсто ихъ взошли“.—
94. Когда онъ говорилъ, его Сорделло
Привлекъ къ себѣ и, указавъ перстомъ,
Куда смотрѣть, сказалъ:—„Вотъ супостатъ нашъ!“—

---

71. Джьованна—дочь Нино.

74—75. Въ эпоху Данте вдовы носили черное платье и бѣлую фату. Вдова Нино вышла во второй разъ замужъ за Миланца Галеацио Висконти и была несчастлива въ бракѣ.

80—81. Змѣя—гербъ Висконти; пѣтухъ—гербъ судей Галлуры.

89. Три огонька—звѣзды α Eridani (Achernar), α Argus (Canopus) и ζ Argus; въ символическомъ смыслѣ три богословскія добродѣтели.

97. Съ той стороны, гдѣ малый этотъ долъ
Не огражденъ,—былъ змѣй, не тотъ-ли самый,
Что̀ горькій плодъ когда-то подалъ Евѣ?
100. Въ травѣ между цвѣтовъ злой гадъ поползъ.
Онъ головой ворочалъ безпрестанно,
Облизывая спину, какъ скотина...
103. Не видѣлъ я и не могу сказать
Какъ соколы небесные слетѣли,
Но что слетѣли, это видѣлъ ясно.
106. Зеленыхъ крылъ почуя взмахи, въ бѣгство
Змѣй обратился. Ангелы же въ высь
Къ своей обратно полетѣли стражѣ.
109. Та тѣнь, что̀ подошла на зовъ судьи,
Все время этой схватки не сводила
Съ меня очей.—„Да обрѣтетъ лампада,
112. Тебя ведущая въ свободной волѣ
Твоей, елея столько, сколько нужно
Чтобы достичь лазури высочайшей".—
115. Такъ началъ онъ,—„и коль имѣешь ты
О Вальдимагрѣ вѣрныя извѣстья,
Повѣдай мнѣ, тамъ былъ я знаменитъ.
118. Меня Куррадо звали, Маласпина
Потомокъ древняго—къ своимъ питалъ я
Любовь, что̀ здѣсь стремится къ совершенству".—
121. —„О",—я сказалъ,—„я не былъ никогда
Въ отчизнѣ вашей, но едва-ль есть мѣсто
Въ Европѣ всей, гдѣ бы о васъ не знали.
124. Молва, которою почтенъ вашъ домъ,
Владѣльцевъ славитъ, славитъ всю округу
И знаетъ ихъ, кто даже не былъ тамъ.
127. Клянусь вамъ небомъ, къ коему стремлюсь я,
Почтенный домъ вашъ славенъ, какъ и прежде,
Своимъ мечомъ и щедрою казной.
130. Такъ одаренъ вашъ домъ и такъ воспитанъ,
Что пусть весь міръ ведетъ преступный вождь,—
Вашъ домъ одинъ пойдетъ дорогой правой".—

---

109. Тѣнь Куррада Маласпина, маркиза Виллафранки († около 1294), внукъ Куррада I, женатаго на Констанціи, сестрѣ короля Манфреда.

121. Преступный вождь—папа Бонифацій VIII.

133. И духъ ко мнѣ:—„Иди и знай, что солнце
Семь разъ не ляжетъ въ ложе, гдѣ Овенъ
Со всѣхъ четырехъ ногъ расположился,
136. Какъ въ голову твою ужь будетъ вбитъ
Любезный отзывъ твой гвоздемъ крѣпчайшимъ,
Чѣмъ толкъ чужой, конечно, если ходъ
139. Верховнаго рѣшенья не прервется.“

133—134. Солнце не успѣетъ семь разъ вернуться въ знакъ Овна, то-есть пройдетъ менѣе семи лѣтъ.

136—138. Куррадо предсказываетъ, что Данте собственнымъ опытомъ убѣдится въ доблестяхъ и гостепріимствѣ дома Маласпина. Во время своего изгнанія Данте нашелъ убѣжище, между прочимъ, и у Мороэлло Маласпина, маркиза Виллафранка.

ПѢСНЬ ДЕВЯТАЯ.

Преддверіе Чистилища.—Цвѣтущая долина.—Сновидѣніе Данте.—Орелъ.—Лючія.—Врата Чистилища.—Ангелъ Привратникъ.—Входъ въ первый кругъ.

1. Наложница маститаго Тиѳона
Ужь забѣлѣла на краю востока
Въ разлукѣ съ другомъ преданнымъ своимъ.
4. Ея чело алмазами сверкало,
Являвшими подобье существа
Холоднаго, чей хвостъ людей сражаетъ.
7. И ночь въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы находились,
Поднялась кверху на свои два шага,
И третій шагъ ужь крылья опускалъ,—
10. Когда, неся Адамово наслѣдье,
Я сномъ былъ побѣжденъ и на траву
Прилегъ, гдѣ всѣ мы пятеро сидѣли.
13. Въ тотъ часъ, когда тоскующія пѣсни
Предъ самымъ утромъ ласточка заводитъ,
Быть-можетъ вспомнивъ прежнія стенанья,
16. Когда душа, ставъ болѣ чуждой тѣлу
И меньше въ помыслы погружена,
Какъ бы божественна въ своихъ видѣньяхъ,—
19. Во снѣ, казалось, видѣлъ я орла:
Раскинувъ крылья съ перьями златыми
Парилъ онъ въ небѣ, ринуться готовый.

1—9. Тиѳонъ—братъ царя Пріама, мужъ Авроры (зари), которая вымолила у Зевса безсмертіе своему возлюбленному, но не догадалась вымолить вѣчную юность. Наложницей Тиѳона Данте называетъ то сіяніе, которое предшествуетъ восходу луны; это какъ бы лунная заря. Существо холодное—Скорпіонъ: созвѣздіе Скорпіона находилось надъ горизонтомъ предъ восходомъ луны.

7.—Шаги ночи—часы. Все это мѣсто означаетъ что было около 9 часовъ вечера.

10.—Адамово наслѣдье—тѣло.

13—15. Въ ласточку превращена была Прокнэ, которая, чтобъ отмстить мужу своему за оскорбленіе, нанесенное сестрѣ своей Филомелѣ, убила своего сына и приготовила изъ него кушанье своему мужу.

22. Мнѣ представлялось: былъ я въ мѣстѣ томъ,
Гдѣ Ганимедъ родныхъ своихъ покинулъ,
Когда въ совѣтъ похищенъ былъ верховный.
25. И думалъ я: быть-можетъ только здѣсь
Привыкъ онъ бить, а изъ другаго мѣста
Гнушается унесть въ когтяхъ добычу,
28. Затѣмъ, я видѣлъ: покружась немного,
Какъ молнія ужасный онъ упалъ
И до огня увлекъ меня онъ кверху.
31. Тамъ, мнѣ казалось, вспыхнули мы оба,
И такъ былъ жгучъ присниввшійся огонь,
Что долженъ былъ мой сонъ уже прерваться.
34. Не иначе очнулся Ахиллесъ
И пробужденными водилъ очами
Вокругъ себя, не зная гдѣ онъ самъ,
37. Когда онъ спящій взятъ былъ отъ Хирона
И матерью на Скиросъ унесенъ,
Откуда послѣ Греками похищенъ,—
40. Какъ я очнулся, лишь мое лицо
Покинулъ сонъ и также былъ я блѣденъ,
Какъ тотъ, кого испугъ оледенитъ.
43. Со мною былъ одинъ мой покровитель,
Поднялось солнце выше двухъ часовъ,
И взорами я обращенъ былъ къ морю.
46. — „Не бойся ничего—сказалъ Владыка—
— „Спокоенъ будь, въ хорошемъ мѣстѣ мы,
Не ослабляй, но напряги всѣ силы:
49. Ты наконецъ Чистилища достигъ,
Вотъ та стѣна, его что̀ окружаетъ,
А входъ вотъ тутъ, гдѣ прервана стѣна.
52. Сегодня рано, утренней зарею,
Когда душа внутри тебя спала,
Въ тотъ нижній долъ, гдѣ такъ цвѣты прекрасны,
55. Пришла жена, промолвилъ: я Лючія.

30.—Во время Данте предполагали, что между атмосферой и сферой луны находится сфера огня.

53.—Св. Лючія, которую Данте особенно чтилъ, символизируетъ благодать содѣйствующую (gratia cooperans) тому, чтобы человѣкъ не только желалъ добра, но и дѣйствительно совершалъ его.

Дай спящаго я на руки возьму,
И тѣмъ ему я облегчу дорогу.
58. Сорделль остался съ прочими тѣнями,
Она-жь взяла тебя и, только день
Забрезжилъ, вверхъ пошла и я за нею.
61. Здѣсь положивъ тебя, открытый входъ
Прекрасными очами указала,
Потомъ ушла и вмѣстѣ съ нею сонъ".—
64. Какъ человѣкъ, разсѣявшій сомнѣнья,
Увѣренностью замѣняетъ страхъ,
Когда ему раскрыта будетъ правда,—
67. Такъ измѣнился я и увидавъ
Что успокоенъ я, мой вождь уступомъ
Пошелъ впередъ, я-жь на гору за нимъ.
70. Читатель, видишь ты какъ возвышаю
Я свой предметъ, не удивись, что я
Его съ искусствомъ большимъ украшаю.
73. Мы шли впередъ и вотъ ужь тамъ гдѣ прежде
Расщелину я, мнилось, различалъ,
Потомъ въ стѣнѣ проломъ какъ будто видѣлъ,
76. Я зрѣлъ врата, къ нимъ три вели ступени,
Имѣвшія всѣ три различный цвѣтъ,
И былъ привратникъ тамъ, пока молчавшій.
79. Вглядѣться я старался и узрѣлъ:
На верхней возсѣдаетъ онъ ступени,
Но ликъ его для глазъ невыносимъ.
82. И мечъ въ рукѣ онъ держитъ обнаженный,
Такъ сильно отражающій лучи,
Что на него не разъ смотрѣлъ я тщетно.
85. И началъ онъ: „Не подходя, скажите—
Чего хотите вы, гдѣ проводникъ?
И какъ бы вамъ не повредилъ приходъ вашъ".—
88. Учитель рекъ:—„Небесная жена,
Искусная въ дѣлахъ сихъ, намъ сказала
Сегодня утромъ: здѣсь врата, идите".—
91. —„И да направитъ васъ она ко благу"—
Привратникъ такъ любезный продолжалъ,—
—„Идите же теперь къ ступенямъ нашимъ".—

94. И вотъ мы къ первой подошли: такъ чистъ
Былъ бѣлый мраморъ, гладко такъ шлифованъ,
Что въ немъ я зрѣлъ себя, какимъ кажусь.
97. И цвѣтъ второй былъ красновато-черный,
А камень обожженый и шершавый,
Весь въ трещинахъ и вдоль, и поперекъ.
100. Казалась третья верхняя—порфиромъ
И цвѣтъ ея огнисто-красный былъ,
Какъ кровь, что̀ брызжетъ изъ открытой жилы.
103. На верхнюю ступень поставивъ ноги,
Господень Ангелъ на порогѣ вратъ
Сидѣлъ. Алмазнымъ мнѣ порогъ казался.
106. По тремъ ступенямъ вверхъ весьма охотно
Поднялся я вслѣдъ за вождемъ, сказавшимъ:
— „Моли смиренно, чтобъ замокъ онъ отперъ".—
109. Я набожно припалъ къ святымъ стопамъ,
Моля, да мнѣ отверзетъ Милосердый;
Но прежде ницъ трикраты я повергся.
112. И на челѣ семь П мнѣ начерталъ
Онъ остріемъ меча, сказавъ:—„Такъ смой же
Когда внутри ты будешь эти раны".—
115. Зола иль изсушенная земля
Одинъ имѣла-бъ цвѣтъ съ его одеждой,
Изъ-подъ которой два ключа онъ вынулъ:
118. Одинъ серебряный, другой златой.
Сначала свѣтлымъ, послѣ темнымъ онъ
Съ вратами сдѣлалъ то, чего желалъ я.
121. — „Коль скоро хоть одинъ изъ сихъ ключей
Не вертится легко въ замочной щели",—
Сказалъ онъ намъ,—„не будетъ входъ открытъ.
124. Одинъ дороже, для другаго-жъ надо
Искусства много вмѣстѣ съ разумѣньемъ,

94—109. Восхожденіе по ступенямъ символизируетъ таинство покаянія съ его тремя моментами: исповѣданіе устъ, сокрушеніе сердца, удовлетвореніе дѣлами.

112—114. Семь П, т.-е. латинскихъ P (peccatum—грѣхъ). Данте долженъ очиститься въ семи кругахъ Чистилища отъ семи смертныхъ грѣховъ: гордости, зависти, гнѣва, лѣности, скупости, чревоугодія, сладострастія.

117—118. Серебряный ключъ символизируетъ необходимое для духовника умѣнье распознавать состояніе души человѣческой; золотой—власть вязать и рѣшить.

Затѣмъ, что онъ развязываетъ узелъ.
127. Мнѣ далъ ихъ Петръ, сказавъ, что отворить
Ошибкой лучше, чѣмъ не сдѣлать это,
Когда къ стопамъ мнѣ люди припадутъ".—
130. Затѣмъ врата святыя распахнувши,
Онъ рекъ:—„Входите, но остерегитесь;
Назадъ взглянувшій изгнанъ будетъ вонъ".—
133. И вотъ, когда на крючьяхъ повернулись
Воротъ священныхъ вереи, что̀ были
Изъ твердаго, звучащаго металла,
136. Раздался скрипъ, пронзительнѣй чѣмъ тотъ,
Что̀ издала Тарпея, какъ былъ отнятъ
У ней Метеллъ и всѣ ея богатства.
139. Я грому первому внималъ и мнилось,
Что слышу я: Te Deum laudamus
И голоса и вторы нѣжный звукъ.
142. И слышанное мной напоминало
То впечатлѣнье, что̀ воспринимаешь,
Когда, внимая пѣнью подъ органъ,
145. Порой не слышишь словъ, порой ихъ слышишь.

Александръ Саломонъ.

---

126. Узелъ—совѣсть грѣшника, опутанная сѣтями грѣха.

136—138. На Тарпейской скалѣ находилась сокровищница Римской Республики, ввѣренная охранѣ Метелла. Юлій Цезарь могъ только силой принудить Метелла допустить его въ сокровищницу, которую и опустошилъ.

139. Te Deum laudamus—знаменитый гимнъ Св. Амвросія: Тебе Бога хвалимъ.

РОССІЯ И АНГЛІЯ.

Вышедшій на дняхъ новый томъ Собранія трактатовъ и конвенцій, снабженный прекраснымъ предисловіемъ и обстоятельными комментаріями проф. Мартенса, а также донесенія англійскихъ посланниковъ, недавно напечатанныя Императорскимъ Историческимъ Обществомъ, даютъ намъ поводъ взглянуть на наши отношенія къ Англіи въ прошломъ вѣкѣ.

I.

Въ половинѣ XVI вѣка образовалось въ Англіи „Общество купцовъ, искателей странъ, земель, острововъ, государствъ и владѣній неизвѣстныхъ и доселѣ не посѣщаемыхъ морскимъ путемъ“. Цѣль этой компаніи была открыть новыя страны для сбыта англійскихъ товаровъ. Въ 1553 г. три корабля, снаряженные Обществомъ, отправились на сѣверъ и добрались до Норвегіи; внезапно поднялась буря, налетѣлъ шквалъ, суда потеряли другъ друга изъ вида, и одно изъ нихъ съ кормчимъ Ричардомъ Ченслеромъ было занесено къ устью Сѣверной Двины. Здѣсь Англичане узнали, что они въ странѣ московскаго царя и просили позволенія явиться въ Москву. Имъ не только дано было это позволеніе, но Ченслеръ былъ даже любезно принятъ Іоанномъ Грознымъ, которому онъ представилъ грамоту отъ Эдуарда VI, адресованную на всякій случай ко всѣмъ государямъ „обитающимъ страны сѣверныя и восточныя за Ледовитымъ моремъ, а также Восточную Индію“.

Благодаря случайному обстоятельству Англичане открыли Россію совершенно такъ, какъ открывали Америку и разныя необитаемыя острова. Предпріимчивые мореплаватели сейчасъ же поняли, что они сдѣлали важное открытіе. Эта новая, дотолѣ невѣдомая, страна оказалась очень обширною, нуждавшеюся въ мануфактурныхъ издѣліяхъ и обладавшею значительнымъ количествомъ сырья, воска, тюленьяго жира, сала, мѣховъ и т. п.

Англичанамъ у насъ посчастливилось: Іоаннъ Грозный даровалъ имъ право на безпошлинную торговлю всякими товарами по всей Россіи. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда образовалось лондонское общество „Московія", монополизировавшее всю торговлю съ Россіей, царь далъ ему неслыханную привилегію: онъ запретилъ всякому иноземцу, и даже Англичанину, не члену лондонской компаніи, пріѣзжать къ устьямъ Двины, въ Колу и Мезень, компаніи же разрѣшалось владѣть своимъ дворомъ въ Москвѣ,[1] на Варваркѣ, и, кромѣ того, учредить свои склады въ другихъ мѣстахъ Московскаго царства; разрѣшалось ей безпошлинно провозить товары въ Шемаху, Бухару, Самаркандъ и Катай (т.-е. Китай). Дѣлая такія льготы Англичанамъ, царь Іоаннъ надѣялся получить также нѣкоторыя преимущества: онъ желалъ заключить съ Англіей оборонительный союзъ противъ общихъ враговъ. Онъ поручилъ пріѣзжавшему въ Москву Дженкинсону объявить англійской королевѣ, что царь требуетъ, чтобъ ея величество была другомъ его друзей и врагомъ его враговъ, и также наоборотъ, и чтобъ Англія и Россія были во всѣхъ дѣлахъ заодно. Кромѣ того, Грозный царь, постоянно видѣвшій крамолу даже тамъ, гдѣ ея не было, и опасавшійся какъ бы ему не пришлось бѣжать, просилъ убѣдительно, чтобы между нимъ и англійскою королевой было учинено клятвенное обѣщаніе, что еслибы съ кѣмъ-либо изъ нихъ случилась какая-либо бѣда, то каждый изъ нихъ имѣетъ право прибыть въ страну другаго для сбереженія себя и своей жизни, и жить тамъ и имѣть убѣжище безъ боязни и опасности до того времени, пока бѣда не минуетъ и Богъ не устроитъ иначе, и что одинъ будетъ принятъ другимъ съ почетомъ.

Главными врагами Москвы были въ то время Швеція и Польша.—

---

[1] Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, по порученію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, составилъ Ф. Мартенсъ. Томъ IX. Трактаты съ Англіей. Спб. 1892 г.

державы, съ которыми Англія была въ дружбѣ,—а потому въ Лондонѣ рѣшили совсѣмъ не отвѣчать на странныя предложенія царя, съ которымъ поддерживали сношенія только ради торговыхъ цѣлей. Царь обидѣлся и, по завоеваніи устьевъ Наровы, открылъ Нарву для свободной торговли всѣмъ иноземцамъ. По просьбѣ пострадавшаго общества „Московія", послали въ Москву посланника Рандольфа, которому дано порученіе не вступать ни въ какіе переговоры о союзѣ, а добиваться только нѣкоторыхъ вольностей въ пользу своихъ купцовъ. Рандольфу удалось уладить дѣло и увѣрить Іоанна въ расположеніи Англіи. „Мы ни мало не сомнѣваемся, писала королева царю, въ продолженіи мира въ нашемъ правленіи, не опасаясь ни нашихъ подданныхъ, ни кого-либо изъ иностранныхъ враговъ, съ другой стороны намъ неизвѣстно что-либо противное сему и о положеніи царя, о могуществѣ и мудрости коего получаемъ лучшія донесенія отъ нашихъ подданныхъ, торгующихъ въ его государствѣ." Тѣмъ не менѣе Рандольфу поручается увѣрить царя, что если бы въ правленіе его произошло какое-либо несчастіе, онъ будетъ дружески принятъ во владѣніяхъ королевы и найдетъ надежную дружбу для поддержанія справедливыхъ его желаній. Слѣдствіемъ этого посольства были новыя льготы для Англичанъ: повелѣно прекратить въ Нарвѣ торговлю Англичанъ, не принадлежащихъ къ лондонскому обществу, членамъ же „Московіи" разрѣшено вести безпошлинную торговлю съ Персіей, искать желѣзную руду въ Вычегдѣ и переплавлять монету въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ.

Царь Іоаннъ понялъ объясненія Рандольфа такъ, что англійское правительство склоняется къ союзу съ Россіей, и на этомъ основаніи отправилъ въ Лондонъ посланника Совина, которому данъ былъ наказъ требовать подписанія формальнаго союзнаго договора. Совину не удалось исполнить возложеннаго на него порученія, и онъ вернулся съ неопредѣленною грамотой, въ которой королева увѣряетъ, что вступаетъ съ царемъ въ дружественный союзъ и обязуется „нападать на всѣхъ, которые будутъ общими врагами намъ обоимъ, помогать, пособлять и благопріятствовать одинъ другому противъ нашихъ общихъ враговъ въ той мѣрѣ, какъ установляется сею нашею грамотой". Но какъ разъ эти мѣры не были установлены, и Россія не могла разсчитывать на дѣйствительную помощь Англіи.

Грозный царь разсердился за такой уклончивый отвѣтъ,

разсердился, что не прислали изъ Лондона посла, какъ онъ желалъ, и въ письмѣ къ королевѣ Елизаветѣ выразилъ свой гнѣвъ. „Теперь, пишетъ Іоаннъ, возвратился изъ Англіи посолъ Совинъ, съ которымъ королева своего посла не прислала. А такія великія дѣла безъ крѣпостей не дѣлаются и безъ пословъ. А ты то дѣло (оборонительнаго союза) отложила на сторону, а дѣлали съ нашимъ посломъ твои бояре все о торговыхъ дѣлахъ. И мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь и своей государской чести смотришь и своему государству прибытка. И мы потому такія дѣла и хотѣли съ тобою дѣлать. Ажно у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, но мужики торговые, и о нашихъ государскихъ головахъ и о земляхъ прибытка не смотрятъ, а ищутъ своихъ торговыхъ прибытковъ. А ты пребываешь въ своемъ дѣвическомъ чину какъ есть пошлая (то-есть настоящая) дѣвица“. Царскій гнѣвъ имѣлъ и болѣе существенныя послѣдствія: англійскіе купцы были не только лишены прежнихъ льготъ и правъ торговать чрезъ Россію съ Персіей, но у нихъ отобраны товары и велѣно не платить имъ долговъ.

Англичане дорожили своими привилегіями и потому для улаженія инцидента послали въ Москву Дженкинсона, который, между прочимъ, долженъ былъ объяснить Грозному, какое оскорбленіе онъ нанесъ Елизаветѣ. „Посолъ разскажетъ, писала королева царю, что никакіе купцы не управляютъ у насъ государствомъ и дѣлами, но что мы сами печемся о вѣдѣніи дѣлъ, какъ приличествуетъ дѣвѣ и королевѣ, поставленной Преблагимъ и Превысочайшимъ Богомъ, и что никакому государю не оказывается болѣе повиновенія его подданными, чѣмъ намъ нашими народами“. Поговоривъ съ Дженкинсономъ, царь положилъ гнѣвъ на милость и постановилъ: предать забвенію свое неудовольствіе и возвратить англійскимъ купцамъ ихъ прежнія привилегіи.

Это было въ 1573 г., а на слѣдующій годъ, по повелѣнію царя, всѣ англійскіе товары, находившіеся въ англійской конторѣ въ Вологдѣ, были отобраны въ царскую казну. Англичане лишились права безпошлинной торговли, и имъ было разрѣшено платить таможенныя пошлины на половину меньше противъ платимыхъ другими иностранными купцами.

Въ грамотѣ отъ 20 августа 1574 г. царь объясняетъ англійской королевѣ причины новой опалы. Англійскіе купцы привозятъ въ Россію чужіе товары, не-англійскіе, и также требуютъ

для нихъ безпошлиннаго пропуска. Они оказываются въ рядахъ враговъ царя, Поляковъ и Шведовъ, и съ оружіемъ въ рукахъ взяты въ плѣнъ. Наконецъ англійская королева все-таки не исполнила желанія царя относительно договора, который все еще не заключенъ.

Нѣсколько лѣтъ не было у насъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей, но въ 1582 г. Іоаннъ Грозный отправилъ въ Лондонъ дворянина Ѳедора Писемскаго. Ему дано было два порученія. Въ то время жилъ въ Москвѣ присланный королевой Елизаветой докторъ Робертъ Яковъ (называвшійся у насъ Романомъ Елизарьевымъ); онъ разсказалъ, что есть въ Англіи „удѣльнаго князя дочь дѣвка Марія, а королевѣ она племянница". Царь вздумалъ жениться на этой Маріи Гастингсъ, и Писемскому дано было порученіе „высмотрѣть накрѣпко ту дѣвку: какова ростомъ, сколь велика, и какова обличіемъ, бѣла или смугла?" Вовторыхъ, московскій посланникъ долженъ былъ заключить союзъ съ Англіей противъ польскаго короля Стефана Баторія и требовать вспомоществованія людьми, деньгами и всякими военными снарядами.

Ѳедоръ Писемскій и подъячій Неудача-Ховралевъ 23 іюня прибыли въ Холмогоры, гдѣ они намѣревались сѣсть на англійскій корабль за неимѣніемъ собственныхъ судовъ. На ту пору не случилось въ Холмогорахъ ни одного корабля, и только 18 іюля пришло одиннадцать англійскихъ кораблей. Когда они нагрузились, они взяли съ собой московское посольство и отправились въ обратный путь 11 августа. Черезъ пять недѣль, 16 сентября, пристали они къ англійскому городу Скарборо. „И тотъ же часъ, сообщаетъ нашъ посланникъ, пріѣхалъ того городка воевода Едваръ Ганъ и Ѳедора и Неудачу началъ разспрашивать: какимъ вы дѣломъ пріѣхали или вы посланы? И Ѳедоръ и Неудача ему говорили: Пріѣхали мы отъ государя своего царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руси къ вашей государынѣ королевѣ Елизаветѣ о ихъ государевѣ о великомъ дѣлѣ посольствомъ, а не съ торгомъ, и ты намъ вели дать кормъ и къ городу къ Лундѣ (т.-е. Лондону) подводы. И онъ Ѳедору и Неудачѣ сказалъ: подводы вамъ и кормъ готовы. Да тотъ же часъ велѣлъ дать кормъ. А лошади подъ васъ пришлю утре." Къ 27 сентября нашъ посланникъ подъѣхалъ къ окрестностямъ Лондона, гдѣ его поселили въ мѣстечкѣ Тотенгамѣ (Tottenham High Cross). Къ нему пріѣхали его спутники,

англійскіе купцы, и объяснили ему, что „въ Лунду водить его не велѣли для того, что въ Лундѣ моровое повѣтріе“. „Октября въ 1-й день, разсказываетъ Писемскій, пріѣхалъ отъ королевы дворянинъ Иванъ и говорилъ Ѳедору и Неудачѣ, снявъ шляпу: сказали-де про васъ государынѣ нашей королевѣ Елизаветѣ ея ближніе люди, что вы пришли къ ней отъ великаго государя въ посланіе. И она, слышавъ брата своего, о вашего государя здоровьѣ рада, потому что государь вашъ съ нею живетъ въ братской любви и въ пріязни и людей ея, которые ѣздятъ на Русь, жалуетъ. А вамъ королева велѣла поклониться и велѣла васъ спросить: здорово ли вы до англійской земли доѣхали и какъ ѣхали англійскою землей, нужи какія и безчестья вамъ отъ кого не было ли? И Ѳедоръ и Неудача противъ королевина слова говорили, снявъ шапки: До англійской земли доѣхали мы здорово, и нужи намъ, идучи англійской землей, не было, подводы намъ и кормъ въ англійской землѣ давали. И ты донеси до королевы или до ея совѣтниковъ, чтобы она велѣла намъ у себя быть на посольствѣ.“

Королева приняла московское посольство только 4 ноября въ Виндзорѣ. „Пришедъ на королевинъ дворъ, ввели Ѳедора и Неудачу въ палату и велѣли посидѣть подождать отъ королевы присылки. И въ тотъ же часъ пришли къ Ѳедору и къ Неудачѣ отъ королевы ея ближніе совѣтники удѣльные князья: князь алмиралъ ерль Линконскій (Edvard Clinton earl of Lincoln), да князь ерль Бедфордскій (earl of Bedford), да князь Гундочъ (lord Hunsdon), да съ нимъ королевинъ думный дьякъ Ѳранцысъ Вальсингамъ (статсъ-секретарь Francis Walsingham), да дворянъ королевиныхъ десять человѣкъ. А пришедши къ Ѳедору и Неудачѣ говорили: государыня наша королева Елизавета прислала насъ къ вамъ, а велѣла васъ молить, чтобы вы о томъ не досадовали, что вамъ велѣли здѣсь подождать, ужо вамъ велитъ у себя быть. Пришедши передъ королеву, Ѳедоръ началъ править отъ государя королевѣ поклонъ; королева противъ государева имени и поклону встала и, отошедъ отъ мѣста съ сажень, велѣла Ѳедору и Неудачѣ къ себѣ близко подойти; и Ѳедоръ и Неудача подступили къ ней близко, и правилъ Ѳедоръ королевѣ поклонъ по цареву наказу. И королева Ѳедора звала къ рукѣ, и Ѳедоръ у королевѣ былъ у руки.“ Затѣмъ посланникъ передалъ Елизаветѣ подарки, присланные царемъ, и отъ себя сорокъ соболей. Послѣ того онъ сказалъ рѣчь, за нимъ говорилъ

Неудача, потомъ опять Θедоръ. „И королева начала быть весела и говорила Θедору и Неудачѣ: я брата своего, а вашего государя братской любви и пріязни рада, и желаю того, чтобъ мнѣ велѣлъ Богъ самого брата своего, а вашего государя въ очи видѣть. Θедоръ и Неудача говорили: у государя нашего со многими царями и королями ссылка, а ни къ кому у государя нашего такой любви нѣтъ, какъ съ тобою имѣетъ братство и любовь; имѣетъ тебя себѣ сестрою любительною и любитъ не словомъ, всею душою въ правду, и хочетъ съ тобою быть въ братской любви." Когда посланники вышли изъ палаты отъ королевы, королевинъ дворецкій началъ подчивать ихъ „овощами и питьемъ".

Вскорѣ послѣ этого Θедоръ и Неудача имѣли совѣщаніе съ королевиными совѣтниками. И Θедоръ и Неудача говорили: „государь нашъ хочетъ съ королевой Елизаветой въ доканчанье и въ соединенье быть (то-есть въ союзѣ), потому что учинился государю нашему недругъ Стефанъ, король польскій, а помогаетъ ему папа и цесарь (германскій императоръ), а королевины Елизаветы люди отъ многихъ лѣтъ живутъ въ государя нашего землѣ, и государь нашъ ихъ жалуетъ потому-жь какъ и своихъ людей. И государь нашъ того хочетъ отъ королевы Елизаветы: кто будетъ государю нашему другъ, тотъ бы и королевѣ Елизаветѣ другъ, а кто государю нашему недругъ, тотъ бы и королевѣ недругъ, и на всѣхъ бы недруговъ стоять за одинъ, и гдѣ возможно, тутъ способствовать другъ другу людьми, а гдѣ невозможно людьми и казною способствовать, да пушки, пищали, доспѣхи королева Елизавета велѣла бы къ государю нашему пропускать, и сѣру, и нефть, и мѣдь, и олово, и свинецъ и всякое оружье, что̀ къ ратному дѣлу пригожается". Англійскіе министры отвѣтили уклончиво, что безъ согласія королевы они не могутъ заключить договора. Когда московскій посланникъ заговорилъ о томъ же на аудіенціи, Елизавета отказалась вести съ нимъ переговоры и сказала, что отправляетъ въ Москву посла, которому поручаетъ договориться съ царемъ.

Также неудачно исполнилъ Писемскій и второе возложенное на него порученіе. Портретъ Маріи Гастингсъ ему дали, дали и возможность повидать ее, но изъ словъ королевы видно было, что она не склонна выдать свою племянницу за пятидесятилѣтняго царя, бывшаго женатымъ уже нѣсколько разъ. Хотя Елизавета и увѣряла, что она, любя брата своего, рада съ нимъ быть въ свойствѣ, но отговорилась тѣмъ, что племянница ея некра-

сива и царь ее не полюбитъ,—она была больна оспою, и на лицѣ ея остались слѣды этой болѣзни). Изъ описанія Писемскаго не видно, чтобъ она была некрасива. „Марія Хантисъ, писалъ онъ,—ростомъ высока, тонка, лицомъ бѣла, очи сѣры, волосомъ руса, носъ прямъ, у рукъ пальцы тонки и долги.“

Елизавета исполнила свое обѣщаніе и вмѣстѣ съ Писемскимъ отправила въ Москву Еремѣя Боуса, который долженъ былъ хлопотать о возвращеніи прежнихъ привилегій и вмѣстѣ съ тѣмъ отклонять предложенія о союзѣ и сватовствѣ. Поэтому положеніе его было довольно неловкое, онъ часто путался въ отвѣтахъ, боярамъ говорилъ одно, царю другое. Иванъ Грозный требовалъ отъ посла категорическаго отвѣта, что̀ думаетъ англійская королева о союзѣ, ссылаясь на Писемскаго, которому сказано было, что договариваться будетъ Боусъ. Но англійскій дипломатъ отвѣчалъ, что королева не дала ему никакого порученія, а приказала только выслушать и передать ей мнѣніе царя. О Маріи Гастингсъ Боусъ говорилъ, что она очень больна и некрасива, думать о ней не сто̀итъ, а есть у королевы до десяти красивыхъ племянницъ, изъ которыхъ царь можетъ сдѣлать выборъ; впослѣдствіи посланникъ отъ этихъ словъ отказался, и когда бояре требовали, чтобъ онъ подробно разсказалъ имъ объ англійскихъ невѣстахъ, онъ утверждалъ, что ничего подобнаго царю не говорилъ.

Своею запосчивостью и дерзкимъ поведеніемъ Боусъ раздражилъ бояръ, которые должны были вести съ нимъ переговоры, Никиту Романовича Захарьина, Бѣльскаго и особенно думнаго дьяка Щелканова. Послѣдній говорилъ англійскому посланнику, что его слѣдуетъ высѣчь за дерзкіе отвѣты русскимъ уполномоченнымъ. Когда, въ 1584 г., умеръ Іоаннъ Грозный, Щелкановъ подвергъ Боуса домашнему аресту и продержалъ его взаперти девять недѣль. Наконецъ онъ былъ приглашенъ откланяться царю Ѳедору Іоанновичу, но при входѣ во дворецъ у него отняли мечъ и кинжалъ и обезоружили всѣхъ его слугъ.

Боусу вручили царскую грамоту и объявили, что на выѣздъ изъ Москвы ему дано только трое сутокъ. Посланникъ такъ разсердился, что изъ Архангельска отослалъ обратно царскую грамоту и подарокъ на томъ основаніи, что грамота ничего важнаго не содержала, а подарокъ, три сорока соболей, потому, что дряннѣе этихъ соболей не могли отыскать во всей Москвѣ.

Съ жалобой на Боуса посланъ былъ толмачъ Бекманъ. Въ

грамотѣ, которую онъ везъ англійской королевѣ, говорилось между прочимъ: „Царь Иванъ Васильевичъ послу твоему Еремѣю Боусу велѣлъ встрѣчи и почесть учинить во всемъ не токмо по его достоинству и свыше иныхъ великихъ государей пословъ, и кормы ему велѣлъ давать великіе, чего нѣкоторымъ посламъ не давали. И посолъ твой, будучи у отца нашего, многія непригожія слова передъ отцомъ нашимъ говорилъ, чего никоторому послу говорить передъ великимъ государемъ не пригоже; а на бояръ нашихъ покладывалъ ложь, будто они не съ тѣми словами къ отцу нашему приходили, что съ нимъ говорятъ; а дѣлу никоторому толку не далъ, только искалъ своея безпутныя чести и корысти, чтобы ему кормы многіе давали, а дѣла никотораго не говорилъ.“

О своемъ пребываніи въ Англіи Бекманъ разсказываетъ слѣдующее: „Пришелъ ко мнѣ отъ королевы діакъ Вальсингамъ и началъ мнѣ говорить: мы о твоемъ пріѣздѣ королевѣ докладывали, и какъ королева пойдетъ въ садъ свой гулять, мы тебя предъ королевой поставимъ, а самъ пошелъ опять къ королевѣ, а мнѣ велѣлъ дожидаться. И я ждалъ четыре часа и королевинъ діакъ прислалъ ко мнѣ подъячего своего, и подъячій мнѣ говорилъ: нынѣшній день дождевенъ, и нашей королевѣ въ своемъ саду не быть, и тебя нынче нельзя предъ королевой поставить, и если завтра будетъ день красный, мы тебя завтра предъ королевой поставимъ. И на завтра прислали ко мнѣ сына боярскаго, и велѣли мнѣ быть у королевы на дворѣ, и я поѣхалъ къ королевѣ на дворъ, и королевинъ діакъ мнѣ говорилъ: ждать тебѣ здѣсь до вечерни, какъ королева пойдетъ въ свой садъ гулять, тебѣ быть предъ королевой. А далъ мнѣ діакъ дворянина королевина и приказалъ тому дворянину поставить меня предъ королевой, и тотъ дворянинъ ввелъ меня въ садъ, да со мною гулялъ въ саду, а англійскій посолъ Еремѣй тутожъ въ саду гулялъ“. Въ саду королева бесѣдовала съ Бекманомъ и высказала свое недовольство по тому поводу, что съ англійскихъ купцовъ берутъ пошлины. Своимъ пребываніемъ въ Англіи Бекманъ остался недоволенъ особенно потому, что отпускъ ему вручилъ Вальсингамъ и ему не дано было прощальной аудіенціи.

Вслѣдъ за возвращеніемъ Бекмана посылаютъ въ Лондонъ Англичанина Горсея, управлявшаго нѣсколько лѣтъ московскою конторой лондонской компаніи, и вручаютъ ему царскую грамоту, въ которой изложены пункты недовольства московскаго

правительства. Царь жалуется вновь на непригожіе поступки Боуса, который не только говорилъ многія непригожія слова, но и выдумывалъ многія неправды на нашихъ бояръ. Ни одному послу, ни папы римскаго, ни императора германскаго, ни султана, не было оказано такого почета и милости и не было отпускаемо такихъ кормовъ и не было дано ихъ посольскимъ людямъ свободы по ихъ волѣ всюду ходить, какъ англійскому послу Боусу. Между тѣмъ Боусъ бросилъ царскую грамоту, и того ни въ какомъ государствѣ не водится, чтобы посланникъ такъ невѣжливо велъ себя съ государемъ, пренебрегая государское къ себѣ жалованье и бросая грамоту, которую получилъ отъ онаго государя для отвозки къ собственному своему государю. Что за слуга тотъ, кто отказывается везти письмо къ своему господину? Отъ всѣхъ гостей, пріѣзжающихъ въ Московское государство, съ незапамятнаго времени берется полная пошлина, „а съ твоихъ людей, въ преимущество ихъ передъ другими, мы беремъ только половину той пошлины". Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти льготы, англійскіе подданные все-таки не живутъ по жалованной грамотѣ и постоянно нарушаютъ московскіе законы и порядки. Имъ указано провозить свои товары оптомъ и не продавать въ розницу, по аршину или мѣрѣ, имъ не позволено провозить и выдавать за свои товары какихъ-либо иныхъ иностранцевъ, не привозить, выдавая за своихъ, людей иного народа или племени; а твои гости покупаютъ и продаютъ свои товары въ розницу, а не оптомъ и привозятъ товары иныхъ иноземцевъ, выдавая за свои, и вывозятъ чужестранцевъ изъ иныхъ областей въ наши государства подъ именемъ своихъ Англичанъ. Царь отказываетъ королевѣ въ ея требованіи, чтобы въ предѣлы Московскаго государства были допускаемы только такіе Англичане съ товарами, которые имѣютъ отъ нея особенныя разрѣшительныя грамоты. „Кто бы ни былъ, пишетъ царь, или кто бы изъ какой бы земли ни пріѣхалъ въ наше государство, тому можно и торговать товарами. Обязывать насъ въ томъ, чтобы мы въ своемъ государствѣ не дозволяли другимъ торговлю, не пригоже. Очевидно, что подданные королевы хотятъ забрать всѣ прибытки для себя однихъ и не хотятъ никого иного допускать приходить въ наши пристанища, а это была бы для нашего государства помѣха. Ради однихъ англійскихъ гостей запрещать многимъ людямъ изъ многихъ государствъ приходить къ намъ было бы неразуміе." Московское правительство не придавало ни малѣйшаго значенія

праву, признанному англійскою королевой за русскими купцами, свободно пріѣзжать въ Англію и торговать тамъ на общемъ основаніи. „Напрасно, пишетъ царь, королева такъ много говоритъ о такомъ маломъ дѣлѣ и даже печалуется, что московскіе купцы такъ рѣдко пріѣзжаютъ съ своими товарами въ Англію. Купцы наши какъ въ прошлое время въ твою землю не ѣздили, такъ и послѣ въ томъ не будутъ имѣть нужды. Царь охотно готовъ поддерживать чрезъ посредство пословъ постоянныя сношенія съ любительнѣйшею сестрой королевой Елизаветой. Только въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы королева не присылала людей, подобныхъ Боусу, и оказывала царскимъ больше почета. чѣмъ было оказано Бекману, которому, напротивъ, было нанесено великое безчестіе. Этого царскаго гонца не только долгое время не допускали къ королевѣ, но, кромѣ того, его отпустила домой не сама королева, но писецъ Вальсингамъ, который даже осмѣлился приказать гонцу править царю поклонъ отъ королевы. Глѣ это слыхано, что какой-либо государь такому великому государю поклоны правилъ чрезъ писца? Одинъ государь другому самъ посылаетъ."

Во все время царствованія Ѳедора Іоанновича отношенія наши съ Англіей были натянуты и поправились только въ царствованіе Бориса Годунова, который благоволилъ къ англійскимъ купцамъ и разсчитывалъ за данныя имъ привилегіи пріобрѣсти союзную помощь англійскаго правительства. Въ 1600 году былъ посланъ въ Лондонъ Григорій Ивановичъ Микулинъ, который долженъ былъ объявить королевѣ Елизаветѣ о восшествіи на престолъ Бориса Годунова. Посланнику приказано было сказать королевѣ: „Нынѣ вы на наше царское величество надежю держите, что и впередъ наша любовь къ вамъ неподвижна будетъ, а ты сестра наша любительная съ своей стороны къ нашему всякою дружбою и доброхотѣніемъ дружелюбство дѣлать рада. И мы хотимъ быть съ тобою въ братской любви и въ крѣпкой дружбѣ и въ соединеньи и вашихъ торговыхъ людей, которые торгуютъ въ нашемъ государствѣ въ Московскомъ, для тебя, сестры нашей любительной, какъ прежъ сего жаловали, такъ и впередъ жаловать хотимъ. А по челобитью твоихъ подданныхъ торговыхъ людей, которые торгуютъ въ нашемъ государствѣ, позволили имъ торговать въ нашемъ государствѣ попрежнему безпошлинно". Далѣе Микулинъ долженъ былъ сказать, что отъ купцовъ въ Москвѣ узнали, будто англійская королева помогала

турецкому султану противъ христіанъ. и „мы тому подивились, такъ христіанскимъ государямъ дѣлать не годится. Тебѣ бы впередъ съ бусурманскими государями не соединяться и не дружиться и ничѣмъ не помогать, ни людьми, ни казной, а радѣть о томъ, чтобы всѣмъ великимъ государямъ христіанскимъ межъ себя быть въ любви и въ крѣпкой дружбѣ и стоять на бусурманъ за одинъ, чтобы христіанская рука высилась, а бусурманская низилась.“

Микулинъ остался доволенъ своею поѣздкой въ Лондонъ, что видно изъ составленнаго имъ подробнаго донесенія. 15 мая Микулинъ и подъячій Ивашка Зеновьевъ получили приказаніе отправляться. 9 іюля они прибыли въ Архангельскъ, а 17 августа сѣли на англійскій корабль. Сначала путешествіе ихъ было неудачно: они отошли отъ устья верстъ съ пятнадцать, какъ всталъ встрѣчный великій вѣтеръ и корабли разнесло врозь (ихъ было всего тринадцать), остались съ Григоріемъ только три корабля и стояли на якоряхъ три дня. 20 августа буря стихла, и посланникъ могъ продолжать свое плаваніе, но 8 сентября начало быть на морѣ погодье великое встрѣчное и носило корабли семь денъ и шли съ великимъ страхованьемъ, спустя парусы, съ великою нужею. 14 сентября подошли наконецъ къ англійскому берегу. Какъ Григорій и Ивашка вышли изъ судовъ на берегъ, встрѣтилъ Григорья и Ивашку королевинъ дворовый воевода, лордъ Харбертъ Пенброкъ, а съ нимъ князья, дворяне, дѣти боярскія и гости на жеребцахъ и на коняхъ, въ нарядѣ и золотыхъ цѣпяхъ, человѣкъ съ триста, и пѣшіе многіе люди, да королевиныхъ дворовыхъ людей дробантовъ человѣкъ сто, съ рогатинами золочеными. И снемшись лордъ Харбертъ съ Григорьемъ и съ Иваномъ витался за руки, и говорилъ лордъ Харбертъ отъ королевы рѣчь, снявъ шляпу: „великая государыня наша Елисавета королева, любя брата своего государя вашего царя Бориса Ѳедоровича, а васъ жалуя, прислала меня, воеводу своего двороваго, и велѣла васъ встрѣтить съ великою честію и велѣла мнѣ васъ спросить про любительнаго своего брата, царя Бориса Ѳедоровича и про царевича Ѳедора Борисовича здоровье. И Григорій противъ королевина слова говорилъ, снявъ шапку: какъ поѣхали отъ великаго государя, царь нашъ и сынъ его, далъ Богъ, были въ добромъ здоровьи. Когда московское посольство въѣзжало въ посадъ въ Лунду (Лондонъ), въ тѣ поры было по рѣкѣ по Темзѣ въ судахъ и по берегамъ и по улицамъ людей въ сборѣ

много, изъ города и съ кораблей стрѣляли изъ многаго наряду."

Въ серединѣ октября королева приняла московское посольство въ окрестностяхъ Лондона, въ Ричмондѣ. Григорій, приступясь къ королевѣ, правилъ отъ царя поклонъ. И королева напротивъ царскаго поклона поклонилась. Послѣ того Григорій правилъ королевѣ поклонъ отъ царевича. Когда королева освѣдомилась о здоровьѣ царя, Микулинъ подалъ ей грамоту отъ Годунова, затѣмъ сказалъ рѣчь, какую ему приказано было произнести, и удостоившись цѣлованія королевской руки, поднесъ Елизаветѣ отъ себя подарокъ, сорокъ соболей. Королева освѣдомилась, какъ доѣхалъ Микулинъ, такъ какъ она слышала, что морское плаваніе было сопряжено съ затрудненіями. На это посланникъ отвѣтилъ, какъ истый дипломатъ: „какъ мы увидѣли твои очи и великое твое къ себѣ жалованье, ту нужду всѣ забыли."

„Ноября въ 1-й день, разсказываетъ Микулинъ, пріѣхалъ отъ королевы къ Григорью дворянинъ сэръ Джанъ и говорилъ Григорію отъ королевы: государыня наша велѣла вамъ говорить, чтобы вамъ съѣхаться съ боярами моими въ Лундѣ на дворѣ у лорда Кипера (lord Keeper, хранитель государственной печати) говорить о тѣхъ дѣлахъ, что вамъ отъ государя вашего наказано." Микулинъ считалъ унизительнымъ ѣхать для совѣщанья въ домъ министра. „Мы, по королевину велѣнью, отвѣтилъ онъ, ѣхать къ боярамъ на королевинъ дворъ готовы, а къ боярамъ намъ на боярскій дворъ о царскомъ дѣлѣ ѣхать не годится." Посланникъ отъ королевы объяснилъ, что всѣ послы, французскіе, польскіе, испанскіе и германскіе, собираются въ домѣ какого-нибудь министра и тутъ происходитъ совѣщаніе о дѣлахъ, но Микулинъ отвѣтилъ: „намъ тѣ послы и посланники не образецъ". Микулину сдѣлали уступку, и совѣщаніе съ министрами происходило во дворцѣ.

Московскій посланникъ имѣлъ высокое понятіе о достоинствѣ представителя великаго государя. Это сказалось и въ другомъ случаѣ. Лондонскій лордъ-меръ пригласилъ къ себѣ обѣдать Микулина, но при этомъ ему объяснили, что самъ меръ будетъ сидѣть на первомъ мѣстѣ, потому что онъ считается замѣстителемъ королевы; Микулинъ отказался отъ этого приглашенія, говоря: „если меня мѣстомъ выше себя почтить нельзя, мы къ нему не ѣдемъ."

Королева часто приглашала къ себѣ московскаго посланника, онъ присутствовалъ при всѣхъ придворныхъ торжествахъ, между

прочимъ былъ во дворцѣ въ день восшествія на престолъ Елизаветы и королевнину потѣху видѣлъ, какъ передъ нею бились, съѣзжаясь межъ себя князья, боярскія дѣти и дворяне въ полныхъ доспѣхахъ на аргамакахъ и на жеребцахъ. Въ Крещенье московское посольство было также приглашено во дворецъ, и Микулинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ то, что̀ онъ видѣлъ въ церкви: „Королева изъ палатъ своихъ пошла къ церкви, а Григорія и Ивашку приставы ввели въ палату, а изъ той палаты видно было въ церковь; а какъ королева вошла въ церковь и въ тѣ поры начали играть въ церкви въ варганы и въ трубы и пѣти, а сказывали приставы, что поютъ псалмы Давыдовы. А на мѣстѣ, гдѣ попы служатъ, сдѣланъ рундукъ, а на рундукъ поставленъ столъ покрытый камкою, а на столѣ лежатъ двѣ книги обложены золотомъ, а называются Апостоломъ да Евангеліемъ, да на столѣ жъ поставлены двѣ свѣчи не зажжены. А попы стояли въ ризахъ золотыхъ, а по клиросамъ стояли подіаки въ стихаряхъ бѣлыхъ. А какъ начали отпѣвать обѣдню, королева; подошедъ къ мѣсту, гдѣ попы служатъ, приклякнула на колѣни и дала попамъ на блюдо въ трехъ бумажкахъ; а сказывали приставы, что королева по своей вѣрѣ по вся праздники приноситъ даръ къ Богу злато и ливанъ и смирну, и отдавъ пошла къ себѣ въ палату."

За обѣдомъ королева пила за здоровье царя и царицы. А какъ у королевы столъ отошелъ, и королева изъ-за стола встала и начала умывать руки, и умывъ руки велѣла серебреникъ съ водой поднести Григорью, и Григорій челомъ билъ, а рукъ не умывалъ и говорилъ: „государь нашъ зоветъ тебя королеву Елизавету любительною сестрой, и мнѣ, холопу его, при ней рукъ умывать не годится". И королева начала быть весела и Григорьято похвалила, что ее почтилъ, рукъ при ней не умывалъ.

Микулинъ пробылъ въ Лондонѣ всю зиму; на прощанье королева подарила ему шесть кубковъ: кубокъ большой съ покрышкой, да три кубка не велики съ покрышками, да два кубка безъ покрышки, да двѣ сулеи круглыя серебряныя, да лохань, да рукомойникъ серебряный. Московскій посланникъ вернулся въ Москву болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ своего отъѣзда, обласканный англійскимъ правительствомъ, но безъ важныхъ результатовъ: въ Англіи никто серьезно не думалъ о союзѣ съ варварскою Московіей.

Несмотря на это, Годуновъ въ 1602 г. пожаловалъ Англичанамъ новую грамоту на безпошлинную торговлю въ Россіи. „Не

подлежитъ сомнѣнію, говоритъ проф. Мартенсъ, что исключительно торговыми цѣлями, преслѣдуемыми Англичанами, поддерживается извѣстный обмѣнъ мыслей между обоими государствами. Правда, московское правительство временъ Ивана Грознаго неоднократно выражало желаніе вступить въ тѣсныя союзныя и даже родственныя отношенія къ англійской королевѣ, но всѣ эти предположенія оставались тщетными, потому что не находили въ Лондонѣ ни малѣйшаго отклика. Съ другой стороны, формы дипломатическихъ сношеній, соблюдавшіяся Посольскимъ Приказомъ, существеннымъ образомъ отличались отъ порядковъ, принятыхъ лондонскимъ правительствомъ. Представители московскаго правительства относились обыкновенно весьма высокомѣрно къ англійскимъ посланникамъ и о королевѣ англійской писали, что она можетъ только „челомъ бить“ царя, но царь королеву не можетъ просить о чемъ-либо, а можетъ только требовать отъ нея. Словомъ, королева англійская никакъ не считалась особой равною царю московскому. Однако, несмотря на кичливость московскихъ дипломатовъ, все-таки Англичане добивались своей завѣтной цѣли: коммерческой эксплуатаціи московскаго народа. Ихъ исключительныя права и льготы постоянно были подтверждаемы московскимъ правительствомъ, которое, однако, въ случаѣ надобности не церемонилось произвольно отмѣнять эти права и конфисковать англійскіе товары и собственность безо всякаго справедливаго основанія.

Правовое положеніе Англичанъ и ихъ торговли было въ концѣ XVI столѣтія слѣдующее.

Англійскимъ подданнымъ было разрѣшено торговать вольною торговлей, не уплачивая никакихъ пошлинъ. Но Англичане не должны были привозить въ Московское государство чужихъ, неанглійскихъ товаровъ, и русскимъ поданнымъ запрещено было торговать англійскими товарами, купленными у Англичанъ. Закупней Англичане не имѣли права посылать по городамъ и должны были мѣнять товаръ на товаръ и не продавать на своемъ дворѣ въ развѣсъ или на аршинъ. Выѣзжая изъ Россіи въ Англію или другія страны, англійскіе купцы должны были брать товары изъ царской казны, продавать и мѣнять ихъ на товары, потребные Московскому государству, и отдавать ихъ въ царскую казну. Англійскіе купцы могли жить свободно по старинѣ, на дворѣ своемъ у св. Максима за торгомъ и, кромѣ того, содержать свои дворы въ Холмогорахъ, Ярославлѣ и Вологдѣ.

II.

Михаилъ Ѳеодоровичъ сохранилъ за Англичанами ихъ прежнія привилегіи, разсчитывая, что они помогутъ ему противъ Шведовъ и Поляковъ.

Въ 1614 году прибылъ въ Москву англійскій посланникъ Джонъ Мерикъ, торговавшій раньше въ Москвѣ и отлично знавшій московскіе порядки. Мерику поручено было добиться новаго подтвержденія со стороны царя прежнихъ привилегій англійскимъ купцамъ и, кромѣ того, получить разрѣшеніе Англичанамъ торговать чрезъ Россію съ Персіей и искать путь въ Восточную Индію, рѣками Обью и Леною. Желая получить эти важныя льготы, англійскій король Іаковъ I разрѣшилъ своему посланнику принять на себя посредничество между Россіей и Швеціей, воевавшихъ уже много лѣтъ. Дѣйствительно, при посредничествѣ Мерика былъ заключенъ Столбовскій миръ со Швеціей, и обрадованный царь наградилъ англійскаго посланника золотою цѣпью со своимъ портретомъ и другими драгоцѣнными подарками.

Тогда Мерикъ обратился со своими ходатайствами. Старыя вольности англійской торговли были подтверждены, но въ то же время московское правительство заявило, что въ Персію имъ ѣздить нельзя, такъ какъ московскіе купцы сами не ѣздятъ въ Персію, потому что персидскій шахъ вступилъ въ принадлежащую московскому царю Грузинскую землю, и съ нимъ идутъ по этому предмету переговоры. Русскіе купцы, недовольные плагами Англичанъ, сдѣлали правительству слѣдующее заявленіе: „Англичанамъ нужна не Персія, а приискиваютъ они дорогу въ Индѣйское государство, куда они ходятъ моремъ, тогда какъ путь этотъ очень тяжелъ, а государевою землею имъ ходить будетъ легче, только отъ того государю прибыли не будетъ, потому что съ нихъ и съ ихъ товаровъ по государеву жалованью пошлинъ не берутъ и товаровъ ихъ не пересматриваютъ, а русскимъ людямъ въ томъ убытокъ будетъ. Русскимъ людямъ сообща съ Англичанами торговать нельзя: Англичане люди сильные и богатые, у нихъ съ нашими ни въ чемъ не сойдется.“

На этомъ основаніи была отклонена просьба англійскаго посланника, чтобъ англійскимъ купцамъ было разрѣшено отыскать путь въ Индію и Китай, рѣкою Обью. Ему объяснили, что Сибирь страна далекая и студеная, и что сами обыватели Сибири

не знаютъ, откуда вышла рѣка Обь и куда она вошла. „Про Китайское же государство сказываютъ, что оно невеликое и небогатое и добиваться къ нему нечего.“

Черезъ нѣсколько лѣтъ Мерикъ вновь появился въ Москвѣ и опять добивался права безпошлинно торговать съ Персіей и Китаемъ. Спрошенные объ этомъ, московскіе купцы сказали слѣдующее: „Такъ какъ Голландцы предлагали польскому королю въ то время, когда ожидали, что Москва завоевана будетъ Поляками, сто тысячъ рублей за право ходить черезъ Россію въ Персію, то нѣтъ основанія отдавать Англичанамъ такое право даромъ. Лучше поторговаться съ Голландцами и Англичанами вмѣстѣ, и отдать это право тому, кто больше дастъ. Брать же съ Англичанъ небольшую пошлину и думать нельзя, потому что московскимъ торговымъ людямъ быть безъ промыслу, такъ какъ имъ съ Англичанами не стянуть.“

Хотя не всѣ просьбы Англичанъ исполнялись, тѣмъ не менѣе въ царствованіе Михаила Θеодоровича они пользовались еще старыми привилегіями; въ слѣдующее царствованіе, Алексѣя Михайловича, замѣчается рѣзкій переворотъ въ нашей торговой политикѣ. Съ извѣщеніемъ о воцареніи новаго государя отправили въ Англію гонца Дохтурова и тутъ же узнали объ обстоятельствѣ, которое не могло расположить московскаго царя къ Англичанамъ. Въ Лондонѣ начиналась революція, король Карлъ I воевалъ съ парламентомъ. Дохтуровъ очень удивился, узнавъ, что короля нѣтъ въ столицѣ; когда онъ освѣдомился у купцовъ, зачѣмъ у нихъ война съ королемъ, ему отвѣчали: „Король захотѣлъ владѣть всѣмъ королевствомъ по своей волѣ, какъ въ другихъ государствахъ государи владѣютъ, а здѣсь исконн земля вольная и прежніе короли ничѣмъ не владѣли, а владѣлъ всѣмъ парламентъ, думные люди. Началъ было король все дѣлать по своей волѣ; но парламентъ этого не захотѣлъ; король, видя, что парламентъ началъ владѣть по своему обычаю, а не по королевскому хотѣнію, выѣхалъ изъ Лондона“. Дохтурова спросили: есть ли у него грамота къ парламенту? Онъ отвѣчалъ: „къ парламенту грамоты и приказу никакого нѣтъ, пусть парламентъ отпуститъ меня къ королю немедленно, пристава и подводы мнѣ дастъ“. Но московскому гонцу объявили: „парламентъ тебя къ королю не отпуститъ, потому что за королевскимъ величествомъ тѣхъ людей, которые торгуютъ въ Московскомъ государствѣ, никого нѣтъ, вся компанія за парламентомъ, а не за

королемъ". Тогда Дохтуровъ потребовалъ, чтобъ его немедленно отпустили домой, такъ какъ ему въ Лондонѣ дѣлать нечего. Московскаго гонца задержали на нѣсколько мѣсяцевъ, до короля все-таки не допустили, но устроили ему торжественный пріемъ въ парламентѣ.

Извѣстіе, привезенное Дохтуровымъ, что Англичане бунтовщики и возстали противъ своего законнаго государя, непріятно подѣйствовало на Алексѣя Михайловича. Къ тому же у него явилось сознаніе, что не въ интересахъ Россіи отдавать всю внѣшнюю торговлю въ руки Англичанъ, не допускать свободной конкурренціи между разными народами. Царь обратилъ вниманіе на жалобу, поданную ему московскими купцами. „Послѣ московскаго разоренія, писали въ своей челобитной купцы, какъ воцарился отецъ твой государевъ, англійскіе Нѣмцы, зная то, что имъ въ торгахъ отъ Московскаго государства прибыль большая, и желая всякимъ торгомъ завладѣть, подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулами, взяли изъ Посольскаго Приказа грамоту, что торговать у Архангельска и въ городахъ Московскаго государства двадцати тремъ человѣкамъ; а намъ челобитье ихъ встрѣтить и остановить въ то время некому было, потому что всѣ были разорены до конца и отъ разоренія бродя скитались по другимъ городамъ. И какъ взяли они, Нѣмцы, грамоту изъ Посольскаго Приказа, то и начало пріѣзжать въ Московское государство Англичанъ человѣкъ по шестьдесятъ и по семьдесятъ и болѣе, построили и купили себѣ на Холмогорахъ, на Вологдѣ, въ Ярославлѣ, на Москвѣ и въ другихъ городахъ дворы многіе и анбары, построили палаты и погреба каменные и начали жить въ Московскомъ государствѣ безъ съѣзду; у Архангельска русскимъ людямъ свои товары перестали продавать и на русскіе товары мѣнять, а начали свои всякіе товары въ Москву и въ другіе города привозить. Всѣми торгами, которыми искони мы торговали, завладѣли англійскіе Нѣмцы, и оттого мы отъ своихъ вѣчныхъ промысловъ отстали и къ Архангельску больше не ѣздимъ. Они все Московское государство оголодили: покупая въ Москвѣ и въ городахъ московскихъ харчъ и хлѣбъ, вывозятъ въ свою землю. Не только на своихъ корабляхъ, но также на голландскихъ и гамбургскихъ судахъ тайно и безпошлинно вывозятъ товары и твою государеву пошлину крадутъ. Англійскіе купцы не допускаютъ мысли, чтобы русскіе купцы могли привозить въ ихъ земли свои товары и тамъ ихъ продавать. Это пробовалъ сдѣлать одинъ

ярославскій купецъ, который поѣхалъ въ Голландскую землю съ соболями и другими мѣхами и съ ними же возвратился, потому что никто купить тамъ этихъ товаровъ не захотѣлъ". Челобитная кончается слѣдующими словами: „Милосердый государь! Пожалѣй насъ, холопей и сиротъ своихъ, всего государства торговыхъ людей: воззри на насъ бѣдныхъ и не дай намъ, природнымъ твоимъ государевымъ холопамъ и сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчномъ нищенствѣ и скудости, не вели искони вѣчныхъ нашихъ промышленниковъ у насъ бѣдныхъ отнять."

Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ прежнія привилегіи Англичанъ. Въ 1646 году на всѣ иностранные товары, не исключая англійскихъ, была наложена двойная пошлина „для пополненія ратныхъ людей". Въ 1649 году, послѣ казни Карла I, послѣдовалъ царскій указъ слѣдующаго содержанія: „Вамъ, Англичанамъ, со всѣмъ своимъ имѣніемъ ѣхать за море, а торговать съ московскими торговыми людьми всякими товарами, пріѣзжая изъ-за моря у Архангельскаго города; въ Москву же и другіе города съ товарами и безъ товаровъ не ѣздить. А и потому вамъ, Англичанамъ, въ Московскомъ государствѣ быть не довелось, что прежде торговали вы по государевымъ жалованнымъ грамотамъ, которыя даны вамъ по прошенію государя вашего англійскаго Карлуса короля для братской дружбы и любви; а теперь великому государю нашему вѣдомо учинилось, что Англичане всею землей учинили большое злое дѣло: государя своего Карлуса короля убили до смерти, за такое злое дѣло въ Московскомъ государствѣ вамъ быть не довелось".

„Этотъ царскій указъ, говоритъ проф. Мартенсъ, былъ роковымъ ударомъ для англійской торговли въ Россіи, и долгое время Англичане не могли оправиться отъ чувствительныхъ потерь, причиненныхъ имъ распоряженіемъ московскаго правительства Лишая Англичанъ права жить во внутреннихъ городахъ государства и отмѣняя безпошлинную ихъ торговлю даже въ томъ единственномъ городѣ, въ который они отнынѣ могли пріѣзжать,—въ Архангельскѣ, царь Алексѣй Михайловичъ желалъ дать удовлетвореніе справедливымъ жалобамъ своихъ подданныхъ. Но, кромѣ того, его возмущала казнь Карла I, и онъ проникся чувствомъ ненависти къ Англичанамъ, одобрявшимъ это преступленіе."

Это особенно ясно изъ отвѣта, даннаго Алексѣемъ Михайловичемъ претенденту на англійскій престолъ Карлу II, прислав-

шему своего представителя и просившему у царя сто тысячъ рублей, чтобъ отомстить за отца и снарядить войско противъ бунтовщиковъ. „Слыша, писалъ царь Карлу II, про такое злое и страшное дѣло, что учинилось надъ отцомъ вашего королевскаго величества отъ подданныхъ его измѣнниковъ, слыша, что теперь тѣ же измѣнники и въ вашемъ королевскомъ достойномъ наслѣдіи помѣшку и непослушаніе чинятъ и войну ведутъ, жалостно скорбимъ и памятуя отца нашего съ вашимъ дѣдомъ и нашу съ отцомъ вашимъ братскую дружбу, любовь и ссылку, желая вашему королевскому величеству получить свое достойное наслѣдіе и надъ измѣнниками побѣды и одолѣнія, дали мы вашему послу соболей на двадцать тысячъ рублей.“

Нѣсколько лѣтъ не было у насъ дипломатическихъ сношеній съ Англіей, пока не прибылъ въ Москву Вильямъ Придаксъ, съ письмомъ отъ протектора Оливера Кромвеля. Въ письмѣ протекторъ объясняетъ царю, почему онъ сдѣлался властителемъ Англіи и долженъ считаться законнымъ главой англійскаго правительства. „Великій земскій сеймъ, писалъ онъ, отчаявшись въ исправленіи многихъ злоупотребленій, бывшихъ въ англійской землѣ при державѣ прежнихъ королей, перемѣнилъ правленіе и поставилъ самаго добраго и премудраго государя Оливера, который посылаетъ съ большою любовью поклонъ великому государю кесарю Алексѣю Михайловичу.“

При этомъ Кромвель просилъ о возвращеніи англійскимъ купцамъ прежнихъ вольностей по торговлѣ въ Московскомъ государствѣ. Царь согласился принять Придакса, но не хотѣлъ считать протектора равнымъ королю, потому онъ не всталъ, когда спросилъ о здоровьѣ Кромвеля. Посланникъ обидѣлся на такое неуваженіе къ властителю Англіи и сталъ доказывать, что „хотя нынѣ въ англійской землѣ и учинены статы (то-есть республика), однако государству нашему не убыло: испанскіе, французскіе и португальскіе короли воздаютъ властителю нашему честь такъ, какъ и при прежнихъ короляхъ“. На эту рѣчь посланника ему отвѣтили слѣдующее: „Англійскому королевству учинилось премѣненье. Отъ властителя вашего къ царскому величеству присылка первая, и съ какимъ дѣломъ ты присланъ, про то царскому величеству было невѣдомо; а венеціанскіе и голландскіе властители царскому величеству не примѣръ, и тебѣ про то выговаривать не годилось“. Тогда посланникъ, разсердившись, сказалъ: „Въ какихъ государствахъ я ни былъ, такой почести себѣ

не видывалъ: приставъ сидѣлъ у меня въ саняхъ по правую сторону, и шпагу съ меня сняли!“ На это бояре отвѣтили: „Какъ въ Московскомъ государствѣ въ обычаяхъ повелось, такъ и дѣлаютъ. А тебѣ въ чужомъ государствѣ про чины выговаривать не годится.“

Алексѣй Михайловичъ не согласился, конечно, давать Англичанамъ какія бы то ни было привилегіи и выразилъ это въ письмѣ къ Кромвелю, въ которомъ даетъ ему скромный титулъ честности. „Что вы съ нами дружбы и любви ищете, писалъ царь,— то мы отъ васъ принимаемъ въ любовь, въ дружбѣ, любви и пересылкѣ съ вами, протекторомъ, быть хотимъ, и поздравляемъ васъ на вашихъ владѣтельствахъ, въ чемъ васъ Богъ устроилъ. Что̀, ваша честность, пишете о торговыхъ людяхъ, намъ теперь объ этомъ дѣлѣ вскорѣ разсмотрѣнье учинить за воинскимъ временемъ нельзя, а впередъ нашъ милостивый указъ будетъ, какой пристоенъ обоимъ государствамъ къ покою, прибыли, дружбѣ и любви.“

Съ воцареніемъ Карла II установились вновь дружескія сношенія съ Англіей. Въ 1662 г. было отправлено въ Лондонъ великое московское посольство, съ княземъ Прозоровскимъ и Желябужскимъ во главѣ. На это посольство были возложены слѣдующія порученія: 1) поздравить короля Карла II съ воцареніемъ, 2) увѣрить его во взаимной любительной дружбѣ, 3) подтвердить склонность царя возвратить Англичанамъ прежнія вольности и отнятые отъ нихъ дворы, если король пришлетъ въ Москву своихъ пословъ для переговоровъ по этому предмету. Кромѣ того, Желябужскому было поручено тайнымъ образомъ занять въ Англіи довольно крупную сумму денегъ. Хотя московское посольство было принято съ большимъ почетомъ, въ деньгахъ отказали. Послы просили дать взаймы 10.000 пудъ ефимковъ, которые царь обязался уплачивать товарами, пенькой и поташомъ, ежегодно. Но англійскіе министры отвѣтили, что такой заемъ дѣло великое и скоро рѣшить его нельзя. Самъ же король, отпуская Прозоровскаго, сказалъ ему слѣдующее: „Я вселучшно бы радъ помочь любительному моему брату, да мо̀чи моей нѣтъ, потому что я на королевствѣ вновѣ, ничѣмъ не завелся, казна моя въ смутное время вся безъ остатку разорена, и нынѣ въ большой скудости живу, а какъ Богъ дастъ на своихъ престолахъ укрѣплюсь и съ казною сберусь, то буду радъ и послѣднее дѣлить съ великимъ государемъ.“

Когда заемъ у правительства не удался, Желябужскій началъ переговоры съ англійскими купцами. Лондонскій лордъ-меръ сказалъ послу, что онъ радъ работать великому государю и станетъ говорить торговымъ людямъ, кто что̀ захочетъ дать, а иное и самъ дастъ, что̀ сможетъ. Но, несмотря на поддержку лорда-мера англійское купечество оказалось несговорчивымъ. „Теперь, говорили купцы Желябужскому, нельзя давать взаймы, у Архангельска въ торгахъ стала неправда и неповольность: если дать взаймы, то почитай за пропалое. И прежде платежъ бывалъ займамъ худъ, а теперь и спрашивать нечего по нынѣшнимъ торгамъ и товарамъ... Отдаемъ здѣсь ваши товары дешевле чѣмъ покупаемъ, у насъ и такъ много въ долгахъ пропадаетъ на московскихъ людяхъ". „Никогда у васъ въ займахъ ничего не пропадало", отвѣтилъ посолъ разсердившись. „Если купцамъ должники не платили, они должны были бить челомъ великому государю, и будетъ розыскъ и расправа по справедливости. Теперь же я желаю получить взаймы не для холоповъ великаго государя, но для самого царя, отъ имени котораго будетъ дана запись."

Еслибы заемъ этотъ удался, то можетъ-быть прибывшій вслѣдъ затѣмъ англійскій посолъ Карлейль достигъ бы болѣе значительнаго результата. Ему поручено было, во 1) подтвердить желаніе короля находиться съ царемъ въ тѣсной дружбѣ и союзѣ, во 2) добиться возвращенія англійскимъ купцамъ прежнихъ привилегій по торговлѣ. Бояре, переговаривавшіе съ Карлейлемъ, заявили ему слѣдующее: „Торговали Англичане въ Московскомъ государствѣ безпошлинно лѣтъ сто и нажились, а узорочныхъ тканей и другихъ товаровъ, которые были годны въ царскую казну, по своей заморской цѣнѣ не давали и заповѣдные товары привозили и вывозили тайкомъ. Одинъ изъ купцовъ лондонской компаніи пріѣзжалъ въ Балтійское море на военномъ кораблѣ и хотѣлъ грабить царскихъ подданныхъ, которые ѣздятъ въ Швецію для торговли. Мы думаемъ, что королю все это неизвѣстно, иначе онъ не сталъ бы просить о подтвержденіи прежнихъ жалованныхъ грамотъ". Московское правительство сдѣлало только ту уступку, что позволило десяти англійскимъ купцамъ ѣздить изъ Архангельска въ Москву и купить себѣ тамъ дворъ. Карлейль разсердился и воскликнулъ: „если царское величество привилегій не возвратитъ, то какъ между обоими государями основанію дружбы быть крѣпку?" На этотъ вопросъ бояре не безъ ехидства отвѣтили другимъ вопросомъ: „А когда король отказался дать взаймы денегъ, отъ этого дружба не нарушилась?"

Когда англійскій посолъ убѣдился, разсказываетъ проф. Мартенсъ, что его рѣзкости не производятъ никакого впечатлѣнія на уполномоченныхъ царскаго правительства, онъ перемѣнилъ тонъ и любезно предложилъ свое посредничество для примиренія Россіи съ Польшей. Это предложеніе было принято, и Карлейля просили немедленно отправить своего гонца къ польскому королю. Но посолъ требовалъ, чтобы сперва привилегіи англійскихъ купцовъ были возстановлены. Когда послу категорически объявили, что разъ принятое на этотъ счетъ рѣшеніе не будетъ измѣнено, Карлейль немедленно взялъ назадъ свое посредничество, просилъ объ отпускѣ и объявилъ, что „впередъ король нашъ къ царскому величеству великихъ пословъ присылать не будетъ.“

Благодаря посольству Карлейля взаимныя сношенія между Россіей и Англіей значительно измѣнились къ худшему. Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ въ Англію, въ августѣ 1664 г., стольника Дашкова съ порученіемъ принести жалобу на дерзкое поведеніе Карлейля и предупредить дѣйствіе враждебныхъ его замысловъ противъ московскаго правительства. Но Дашковъ, по прибытіи въ Англію, немедленно убѣдился, что донесенія Карлейля уже успѣли произвести свое дѣйствіе. Новый московскій посланникъ былъ принятъ въ Лондонѣ самымъ небывалымъ образомъ: ему никакой почетной встрѣчи не было сдѣлано, и ему не дали ни подводъ, ни кормовъ, ни квартиры. Только по отъѣздѣ изъ Лондона, король приказалъ выдать ему 1.200 рублей, въ видѣ вознагражденія за то, что жилъ на своемъ иждивеніи. Такимъ образомъ окончательно былъ рѣшенъ вопросъ о торговыхъ вольностяхъ Англичанъ въ Россіи въ смыслѣ подчиненія ихъ порядкамъ, существующимъ для всѣхъ другихъ иностранцевъ.

Только вступленіе на престолъ Петра I, по справедливому замѣчанію проф. Мартенса, дало отношеніемъ Россіи къ Англіи совершенно новое направленіе и русской политикѣ новыя цѣли. Вмѣстѣ съ коммерческими интересами, почти исключительно господствовавшими во взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ государствъ до конца XVII вѣка, обнаруживается съ царствованія Петра I дѣйствіе политическихъ цѣлей, поставленныхъ русской политикѣ геніальнымъ умомъ Великаго Преобразователя.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

П. Безобразовъ.

ФИЛОСОФСКІЕ ВЗГЛЯДЫ ЭРНЕСТА РЕНАНА.[1]

Въ новую книгу Ренана „*Разрозненные Листки*"[2], составляющую продолженіе его „Воспоминаній дѣтства и юности", вошла, между прочимъ, философская статья, напечатанная имъ два года тому назадъ въ Revue des deux mondes и въ газетѣ Temps.[3] Статья эта представляетъ очень интересный образчикъ того рода философскихъ произведеній, которыя всего легче находятъ читателей. Не требуя для своего усвоенія предварительной научной подготовки, написанныя языкомъ простымъ и образнымъ, подобныя произведенія вполнѣ удовлетворяютъ любопытству свѣтскихъ людей, которые всегда рады получить въ изящной формѣ готовое рѣшеніе глубокихъ философскихъ вопросовъ.

Авторъ придаетъ помянутой статьѣ особое значеніе. „Я считалъ бы себя покинувшимъ задачи, которыя должны охватывать всякую благородную жизнь, говоритъ онъ въ предисловіи къ *Разрозненнымъ Листкамъ*, еслибъ я не помѣстилъ въ этомъ томѣ, рядомъ со статьями, содержаніе коихъ покажется легкимъ, нѣсколькихъ философскихъ изслѣдованій, въ частности моей провѣрки совѣсти,—своего рода философскаго баланса,—написанной въ 1888 г. Съ тѣхъ поръ я не во многомъ измѣнилъ мой способъ воззрѣнія на вселенную". Основываясь на этихъ словахъ, мы имѣемъ право смотрѣть на Examen de conscience philosophique, какъ къ подлинное выраженіе того міросозерцанія,

---

[1] † 20 сентября.

[2] Feuilles détachées faisant suite aux souvenirs d'enfance et de jeunesse. Par Ernest Renan Paris 1892.

[3] Examen de conscience philosophique. Le 16 Août 1889.

къ которому на склонѣ дней своихъ пришелъ Ренанъ, въ которомъ онъ нашелъ разрѣшеніе волновавшихъ его философскихъ вопросовъ. Совершенно естественно, что подобная исповѣдь маститаго и вліятельнаго писателя не можетъ не оказать извѣстнаго дѣйствія на тотъ обширный кругъ читателей, для котораго предназначены *Разрозненные Листки*, который имѣютъ и Revue des deux mondes и Temps. Тѣмъ болѣе важно подвергнуть міросозерцаніе Ренана критическому разбору, сдѣлать оцѣнку тѣхъ идей, которыя проводятся имъ въ сознаніе общества.

Одинъ изъ критиковъ Ренана характеризуетъ его способъ изложенія словами: „l'admirable á peu presde M-r Renan." Въ этой особенности Ренана заключается большое затрудненіе для передачи своими словами его мыслей и хода его аргументаціи; сплошь и рядомъ мысль его, какъ угорь, выскальзываетъ изъ рукъ при первой же попыткѣ извлечь ее изъ-подъ красивой оболочки словъ. Умозаключенія его иногда такъ неожиданны, что излагающій его воззрѣнія легко можетъ подвергнуться обвиненію въ непослѣдовательности, если не оградитъ себя текстуальными цитатами изъ Ренана. Этому послѣднему пріему мы рѣшили слѣдовать, излагая статью „Examen de conscience philosophique. Мы приводимъ статью in extenso въ буквальномъ переводѣ, помѣщая свои критическія замѣчанія непосредственно за подлежащими аргументами автора.

I.

Ренанъ начинаетъ свою статью слѣдующимъ вступленіемъ:

„Первѣйшая обязанность человѣка искренняго требуетъ, чтобъ онъ не вліялъ на свои собственныя мнѣнія, чтобъ онъ предоставилъ дѣйствительности отражаться въ немъ, какъ въ камеръ-обскурѣ фотографа, и чтобы самъ онъ, какъ зритель,присутствовалъ при внутреннихъ битвахъ идей въ глубинѣ его сознанія. Не слѣдуетъ вмѣшиваться въ эту самобытную работу; мы должны оставаться пассивными передъ внутренними измѣненіями въ нашей умственной сѣтчатой оболочкѣ; не то, чтобы результатъ безсознательной эволюціи былъ для насъ безразличенъ, или не долженъ былъ повлечь за собою важныхъ послѣдствій, нѣтъ, но мы не имѣемъ права имѣть желанія, когда говоритъ разумъ, мы должны слушать и только слушать, будучи готовы предоставить увлечь себя со связанными руками и ногами туда, куда повлекутъ насъ лучшіе

аргументы. Возникновеніе истины есть явленіе объективное, постороннее нашему *я*, происходящее въ насъ безъ насъ, нѣчто въ родѣ химическаго осадка; разсматривать его съ любопытствомъ — вотъ все, чѣмъ мы должны удовольствоваться. Отъ времени до времени хорошо остановиться, такъ-сказать сосредоточиться, чтобы взглянуть, въ чемъ измѣнился нашъ способъ воззрѣнія на міръ, какимъ путемъ, при восхожденіи отъ вѣроятности къ достовѣрности могли слѣдовать положенія, которыя мы сдѣлали основаніемъ своей жизни.“

Оградивъ себя приведенными словами отъ всякаго пристрастія въ изслѣдованіи философской истины, авторъ долженъ былъ взять за исходную точку своего разсужденія такое положеніе, достовѣрность котораго представлялась бы безспорною.

„Есть нѣчто, говоритъ онъ, стоящее безусловно внѣ сомнѣнія, а именно, что во вселенной, доступной нашему опыту, не наблюдается и никогда не наблюдалось ни одного преходящаго факта, который былъ бы произведеніемъ воли или воль высшихъ, чѣмъ воля человѣка.“

Авторъ слѣдующимъ образомъ развиваетъ далѣе это основное положеніе.

„Общій складъ міра, говоритъ онъ, полонъ намѣреній, по крайней мѣрѣ, кажущихся, но въ единичныхъ фактахъ нѣтъ ничего преднамѣреннаго. То, что̀ приписывается ангеламъ, демонамъ (daimones) или частнымъ богамъ, мѣстнымъ, планетнымъ, или же единому Богу, дѣйствующему чрезъ посредство частныхъ воль, — все это, въ дѣйствительности, не существуетъ. Въ наше время нельзя констатировать ничего подобнаго. Есть письменные памятники, на основаніи которыхъ, если относиться къ нимъ серьезно, можно бы повѣрить, что такіе факты нѣкогда бывали, но историческая критика показываетъ, какъ мало довѣрія заслуживаютъ подобные разсказы. Еслибы строй (régime) частныхъ воль былъ въ какую-либо эпоху міровымъ закономъ, то какой-либо остатокъ, какой-либо обрывокъ такого строя былъ бы виденъ въ теперешнемъ состояніи міра. Между тѣмъ въ теперешнемъ состояніи незамѣтно ни малѣйшаго слѣда какого-либо дѣйствія, идущаго извнѣ. То положеніе вещей, которое теперь предъ нами, есть результатъ развитія, начала коего мы не видимъ; въ безчисленныхъ звеньяхъ этой цѣпи мы не открываемъ ни одного свободнаго дѣйствія ранѣе появленія человѣка, или, если угодно, ранѣе появленія живыхъ существъ. Со времени

явленія человѣка явилась свободная причина, которая воспользовалась силами природы для достиженія произвольныхъ цѣлей, но сама эта причина истекаетъ изъ природы, это—природа обрѣтшая себя, пришедшая къ самосознанію. Никогда не было видано вмѣшательства высшаго дѣятеля, который исправлялъ бы или направлялъ слѣпыя силы, просвѣщалъ или улучшалъ человѣка, мѣшалъ ужасному несчастью, предупреждалъ несправедливость, подготовлялъ пути къ осуществленію даннаго плана. Достаточно обратить вниманіе на характеръ безусловной точности, свойственный міру, который мы называемъ матеріальнымъ, чтобъ устранить идею намѣренія, ибо все преднамѣренное почти всегда выдаетъ себя отсутствіемъ геометріи и приблизительностію.

„Только-что сказанное нами приложимо съ достовѣрностью, въ нѣкоторомъ родѣ экспериментальною къ планетѣ-землѣ, исторія которой намъ достаточно хорошо извѣстна, чтобъ отъ насъ могла ускользнуть крупная особенность ея строя. То же самое можемъ мы безъ колебанія примѣнить къ солнцу и цѣлой солнечной системѣ, которая вмѣстѣ съ нами образуетъ одинъ маленькій космосъ. Мы можемъ примѣнить это даже ко всей звѣздной системѣ, которая открывается жителю земли благодаря прозрачности воздуха и пространства [1], несмотря на разстоянія, превосходящія всякое воображеніе, которыя отдѣляютъ эти различныя тѣла другъ отъ друга и отъ насъ, можно было констатировать, что физика, механика, химія этихъ тѣлъ тѣ же, что̀ и въ солнечной системѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что они слѣдуютъ, какъ солнечная система, законамъ развитія, которое въ себѣ самомъ заключаетъ свои причины. Во всякомъ случаѣ, еслибъ это было иначе, то onus probandi лежалъ бы на тѣхъ, кто поддерживалъ бы противоположное положеніе, согласно тому принципу, что нельзя разсуждать, какъ о возможномъ, о томъ, предположеніе о чемъ не вызывается никакимъ признакомъ. Всякій признакъ, даже слабый, долженъ быть ревностно прослѣженъ наукой; но голословное утвержденіе не требуетъ опроверженія. Quod gratis asseritur gratis negatur.

„Подобно тому, какъ надъ собою мы не видимъ слѣдовъ разумной силы, дѣйствующей въ виду опредѣленныхъ цѣлей, не видимъ мы такой силы и подъ собою; муравей, хоть и очень малъ, однако разумнѣе лошади, но еслибы въ мірѣ микробовъ были

---

[1] Это то, что̀ въ этомъ очеркѣ я буду называть вселенной. *Прим. Ренана.*

существа очень разумныя, то мы бы замѣтили это по исходящимъ отъ нихъ обдуманнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ дѣйствіе этихъ маленькихъ существъ, они же суть причина почти всѣхъ болѣзненныхъ явленій, простирается такъ недалеко, что замѣтить его могла лишь очень развитая наука. Въ настоящую минуту дѣйствіе ихъ почти смѣшивается съ силами химическими и механическими. На основаніи нашего, конечно, ограниченнаго опыта разумность исчерпывается царствомъ конечнаго. Выше и ниже—ночь.

„Итакъ, можно выставить тезисъ, что fieri (становленіе) путемъ внутренняго развитія безъ вмѣшательства извнѣ есть законъ всей доступной нашему воспріятію вселенной. Такъ какъ число толчковъ безконечно, то все и бываетъ, и цѣли, достигнутыя случайно, кажутся достигнутыми произвольно. Доступная нашему опыту вселенная не управляется никакимъ обдумывающимъ разумомъ. Богъ, какъ понимаетъ его простонародье, Богъ живой, Богъ дѣйствующій, Богъ—Провидѣніе не обнаруживаетъ себя во вселенной. Но вопросъ въ томъ, исчерпывается ли этою вселенной всякое бытіе. Здѣсь начинается сомнѣніе. Дѣйствующій Богъ отсутствуетъ въ этой вселенной, не существуетъ ли онъ за ея предѣлами?"

Основное положеніе принимаемое Ренаномъ за исходную точку своего изслѣдованія можетъ быть кратко выражено словами: въ извѣстномъ намъ мірѣ не совершается чудесъ.

Не входя въ оцѣнку этого положенія по существу, мы должны замѣтить, что оно не имѣетъ того характера безспорности, которымъ должна отличаться первоначальная истина, полагаемая въ основу философскаго изслѣдованія. Дѣйствительно, для полнаго опроверженія выставленнаго Ренаномъ тезиса было бы достаточно привести хоть одинъ примѣръ чуда. Защитникъ Ренановскаго тезиса былъ бы вынужденъ тогда войти въ подробную оцѣнку приведеннаго примѣра и доказать, что въ данномъ случаѣ не было чуда. Но за первымъ примѣромъ могъ бы последовать второй, третій и такимъ образомъ споръ затянулся бы до безконечности. Иное дѣло, еслибы Ренанъ утверждалъ логическую невозможность чуда. Тогда onus probandi перешелъ бы на сторонниковъ противоположнаго воззрѣнія. Но какъ мы увидимъ далѣе, Ренанъ въ извѣстномъ смыслѣ признаетъ возможность чуда, или, выражаясь его словами, возможность вмѣшательства въ строй нашего міра дѣятеля высшаго, чѣмъ воля

человѣка. Такимъ образомъ съ самаго начала своего изслѣдованія Ренанъ становится на довольно шаткую почву, что́ отражается и на послѣдующихъ его разсужденіяхъ. Такъ, по словамъ Ренана, хотя общій складъ міра и полонъ намѣреній, по крайней мѣрѣ кажущихся, но идея намѣренія должна быть въ концѣ-концовъ устранена въ виду характера безусловной точности свойственнаго матеріальному міру. Здѣсь есть прежде всего недоразумѣніе. Безусловная точность свойственна только математическимъ формуламъ. Это знаетъ любой токарь, который на самомъ совершенномъ станкѣ не выточитъ безусловно точнаго цилиндра. Наиболѣе точная физическая наука—астрономія можетъ гордиться только тѣмъ, что неизбѣжныя въ области ея изслѣдованій ошибки доведены до нѣкотораго минимума, что для житейскихъ, такъ сказать, цѣлей, эти ошибки ничтожны. Но если даже не разумѣть употребленное Ренаномъ выраженіе „безусловная точность“ буквально, то, спрашивается, на какомъ основаніи должны мы признать исключающими другъ друга понятія точности и преднамѣренности? Скорѣе наоборотъ. Въ видѣ грубаго, но нагляднаго доказательства можно сослаться на разницу между случайными движеніями рукъ паралитика и преднамѣренными движеніями рукъ здороваго человѣка. Не подлежитъ сомнѣнію, что преднамѣренныя движенія втораго точнѣе случайныхъ движеній перваго. Изучая внѣшній міръ, мы замѣчаемъ, что есть строгое соотвѣтствіе между достигаемыми природой результатами и совокупностью пріемовъ, которые ведутъ къ этому достиженію, и что чѣмъ это соотвѣтствіе полнѣе и совершеннѣе, тѣмъ оно устойчивѣе. Отсюда является у насъ понятіе о преднамѣренности, цѣлесообразности и, позволяемъ себѣ такъ выразиться, *планосообразности* въ явленіяхъ природы. Но допустимъ, что это иллюзія, что мы переносимъ на внѣшній міръ данныя нашего внутренняго опыта, допустимъ, что человѣкъ есть единственная причина обдуманныхъ и цѣлесообразныхъ дѣйствій. Сдѣлавъ Ренану эту новую уступку, мы опять впадаемъ въ противорѣчіе. Если человѣкъ есть созданіе, или какъ говоритъ Ренанъ, эманація природы, то въ немъ не можетъ быть ничего такого, чего нѣтъ въ природѣ, значитъ и воля, и представленіе, эти двѣ причины произвольныхъ дѣйствій человѣка уже заключаются въ природѣ; если же въ природѣ нѣтъ ни творческой воли, ни устрояющаго разума, то нѣтъ ихъ и въ человѣкѣ, и тотъ внутренній опытъ, изъ котораго Ренанъ почерпнулъ представленіе о

самопроизвольности нашихъ дѣйствій есть чистая иллюзія. За этотъ второй рогъ дилеммы Ренанъ не желаетъ ухватиться. Въ послѣдующемъ изложеніи онъ допускаетъ нѣчто въ родѣ міровой воли или души міра, здѣсь же онъ говоритъ о невмѣшательствѣ въ строй міра дѣятеля высшаго, чѣмъ человѣкъ. Возраженіе его направлено противъ библейскихъ повѣствованій о непосредственномъ участіи Бога въ судьбахъ міра и человѣка. Эти повѣствованія не подтверждаются современною естественною наукой, значитъ нѣтъ божественнаго Провидѣнія и міръ есть только сцѣпленіе случайностей. Этотъ аргументъ могъ бы имѣть силу, еслибы Ренанъ предварительно доказалъ, что библейскіе разсказы допускаютъ одно буквальное толкованіе, а что естественныя науки разрѣшили всѣ міровыя загадки и строй нашей природы извѣстенъ намъ до малѣйшихъ подробностей. За отсутствіемъ же такихъ доказательствъ и аргументація Ренана, и всякій споръ по этому пункту долженъ быть признанъ дѣломъ совершенно безплоднымъ.

Но авторъ спрашиваетъ себя: если Богъ—Провидѣніе отсутствуетъ въ нашей вселенной, не существуетъ ли онъ за ея предѣлами? Къ отвѣту на этотъ вопросъ Ренанъ подходитъ путемъ слѣдующаго пространнаго разсужденія, которое мы приведемъ цѣликомъ, чтобы затѣмъ подвергнуть его разбору.

„И прежде всего, спрашиваетъ онъ,—безконечна ли эта вселенная? Та, неравномѣрно распредѣленная, золотая пыль, которую мы видимъ надъ своею головой въ ясную ночь, наполняетъ ли она безконечность пространства? Можно ли быть увѣреннымъ, что нѣтъ въ пространствѣ областей, изъ которыхъ глазъ увидалъ бы по одну сторону небо, населенное звѣздами, какъ то, которое мы созерцаемъ, а по другую сторону темную бездну, пустоту, лишенную всякаго свѣтящагося тѣла? Неизмѣрима вселенная—это вѣрно; но что значитъ децилліонъ верстъ въ сравненіи съ безконечностью?

„И еслибы было достовѣрно, что пространство, наполненное солнцами, безгранично, слѣдовало ли бы изъ этого, что нѣтъ другихъ безконечностей высшаго или низшаго порядка? Исчисленіе безконечно-малыхъ вертится, безъ сомнѣнія, лишь на формулахъ, но эти формулы суть поразительные символы. Есть различные порядки безконечности, изъ коихъ низшіе по отношенію къ высшимъ равны нулю. Этотъ кажущійся парадоксъ служитъ основаніемъ для абсолютно вѣрныхъ исчисленій. Всякое конеч-

ное количество, прибавленное къ безконечности или вычтенное изъ нея, равно нулю, всякое конечное количество есть ничто въ сравненіи съ безконечностью. Наши понятія о пространствѣ и времени совершенно относительны. Разстояніе отъ земли до Сиріуса громадно по нашимъ мѣрамъ. Внутреннія пустоты въ молекулѣ могутъ быть столь же значительны для существа, одареннаго другимъ критеріумомъ величины. Долговѣчность нашего міра могла бы въ глазахъ нѣкоего бога казаться равною одному дню.

„Итакъ, все состоитъ, повидимому, изъ міровъ, которые по отношенію другъ къ другу едва существуютъ, сами же для себя представляются безконечными. Тотъ, кто всего лучше знакомъ съ Франціей, не знаетъ, что̀ дѣлается въ тысячѣ маленькихъ провинціальныхъ центровъ; тотъ, кто знакомъ съ однимъ изъ этихъ маленькихъ центровъ, ничего не видитъ за его предѣлами и находитъ, что самый этотъ центръ состоитъ изъ меньшихъ еще центровъ, изъ которыхъ каждый видитъ только себя. Истина состоитъ въ томъ, что одни міры заключаютъ въ себѣ другіе, при томъ такъ, что безконечно малый въ сравненіи съ однимъ безконечно великъ по отношенію къ другому. Наша дѣйствительность (та, въ которой мы живемъ и которая по отношенію къ намъ есть міръ конечнаго) образована изъ безконечностей низшаго порядка, сама же она служитъ для образованія безконечностей высшихъ порядковъ. Она безконечно велика для того, что̀ ниже ея, и безконечно мала для того, что̀ выше, она — середина между двумя безконечностями.

„Мы мало видимъ порядокъ той безконечности, которая насъ превосходитъ, но бытіе безконечности низшаго порядка, міръ атома, клѣточки, микроба, состоящаго изъ микробовъ—это бытіе столь же достовѣрно, какъ и бытіе порядка конечнаго, обычнаго предмета нашихъ изысканій и нашихъ размышленій. Клише нашей памяти, эти безчисленныя маленькія изображенія, которыя мы можемъ по произволу отчищать и оживлять, занимаютъ подъ костяною коробкой, заключающею въ себѣ нашъ мозгъ, очень ограниченное пространство. Типы размноженія, заключенные одни въ другихъ, какъ почка цвѣтка въ почкѣ, представляютъ другой примѣръ безконечной гибкости пространства или, скорѣе, его относительности [1]. Атомъ можетъ заключать въ себѣ

[1] Соображеніясовременной геометріи о пространствѣ, имѣющемъ болѣе трехъ измѣреній, находятъ, можетъ-быть, здѣсь свою связь съ дѣйствительностію.
Прим. Ренана.

безконечность. Каменный уголь, поддерживающій жаръ въ нашихъ каминахъ, есть сочетаніе маленькихъ міровъ, которыми нашъ міръ пользуется, а мы представляемъ изъ себя, быть-можетъ, атомъ углерода, поддерживающій теплоту другаго міра. Мы не видимъ Бога въ этой вселенной: здѣсь атеизмъ логиченъ и фаталенъ, но сама эта вселенная есть, можетъ-быть, вселенная подчиненная. Мы потому, быть-можетъ, и атеисты, что не видимъ достаточно далеко. Подчиняются ли другъ другу эти безконечные круги или, быть можетъ, нѣкій неизмѣнный и неподвижный абсолютъ обнимаетъ собою эти безконечныя зоны измѣнчиваго и подвижнаго, согласно прекрасному библейскому изреченію: Tu autem idem ipse es et anni tui non deficiunt. Это намъ безусловно невѣдомо.

„Соображенія о безконечномъ находятъ справедливое примѣненіе при сравненіи атома со вселенною. Въ отношеніи къ порядку величинъ, въ которомъ мы живемъ, атомъ есть нѣчто безконечно малое, есть нуль; въ отношеніи къ порядку величинъ низшихъ его, атомъ есть нѣчто безконечно большое. Для насъ атомъ есть точка сопротивленія; представленіе объ атомѣ какъ сплошномъ тѣлѣ, какъ бы мало оно ни было, должно быть устранено, ибо въ природѣ нѣтъ ничего сплошнаго, недѣлимаго. Хотя наша вселенная и состоитъ изъ тѣлъ, между которыми остаются огромныя пустыя пространства, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности она непроницаема. Предположимъ, что къ границамъ вселенной пущена съ безконечною силой стрѣла, она не пролетѣла бы сквозь вселенную, даромъ-что послѣдняя, повидимому, такъ рѣдко заселена; стрѣла встрѣтила бы безчисленное множество тѣлъ, которыя остановили бы ее; такъ точно пуля не могла бы пронзить облако, не замочившись.

„Атомъ простаго тѣла, напр. атомъ золота, можно разсматривать какъ вселенную, составныя части коей, вовсе не образуя сплошнаго тѣла, также далеко отстоятъ другъ отъ друга, какъ различные центры солнечныхъ системъ. Непроницаемость была бы тогда слѣдствіемъ внутренней неизмѣнности такого тѣла, которая еще не могла быть до сихъ поръ нарушена никакимъ природнымъ или научнымъ способомъ. Несокрушимость простаго тѣла была бы фактомъ аналогичнымъ устойчивости законовъ нашей вселенной или скорѣе отсутствію частныхъ воль въ управленіи этою вселенной. Отсутствіе всякаго внѣшняго вмѣшательства въ наблюдаемый нами порядокъ вещей соотвѣтствовалъ бы

тому факту, что ни одному химику не удалось до сихъ поръ разрушить ту, созданную первоначальною безконечною силой, группировку, которая образуетъ атомы.

„Итакъ, говоря, что вселенная, которую мы видимъ, вѣчна, мы выражаемся такъ же не точно, какъ еслибы мы сказали: „атомъ вѣченъ". Атомъ есть явленіе, имѣвшее свое начало—это явленіе кончится. Наша вселенная есть явленіе, имѣвшее свое начало—она будетъ имѣть конецъ. То, что̀ не имѣло начала и никогда не кончится есть абсолютное все, есть Богъ. Метафизика есть наука, заключающаяся въ одной строчкѣ: нѣчто существуетъ, слѣдовательно, нѣчто существовало отъ вѣчности... Такое утвержденіе равнозначуще положенію: нѣтъ слѣдствія безъ причины, а это положеніе заключаетъ въ себѣ конечно что-то экспериментальное; но между этимъ изначальнымъ существованіемъ и наблюдаемымъ нами міромъ есть цѣлая безконечность промежутковъ. Міръ, который мы видимъ, и атомы простаго тѣла существуютъ, можетъ-быть, децильоны децильоновъ вѣковъ, или что̀ то же самое, въ теченіе децильоновъ децильоновъ вѣковъ никакая частная воля не коснулась ни нашей вселенной, ни атома. Такъ какъ воображеніе человѣка не схватываетъ различія между безконечнымъ и неопредѣленнымъ, то этого достаточно для той степени достовѣрности, въ которой мы нуждаемся. Между вѣроятностью одного милліарда противъ единицы и достовѣрностью мы не дѣлаемъ различія. Индукція—солнце встало сегодня, значитъ оно встанетъ завтра—имѣетъ для насъ полную достовѣрность; жизнь человѣческая, это великое сооруженіе изъ приблизительностей, находитъ основаніе болѣе твердо, чѣмъ она сама въ томъ фактѣ, что, насколько мы знаемъ, законы природы не были нарушены".

„Но изъ того обстоятельства, что это еще не случалось, по крайней мѣрѣ въ теченіе громаднаго промежутка времени, въ правѣ ли мы заключить, что это никогда не случится? Міръ есть, можетъ-быть, игра высшаго существа, опытъ производимый трансцендентальнымъ ученымъ, обладающимъ послѣдними тайнами бытія. Не удастся ли когда-нибудь какому-нибудь геніальному химику разложить или упразднить простой атомъ? До самаго кануна того дня, когда подобное открытіе будетъ сдѣлано, сознательныя существа, которыя могли бы существовать въ атомѣ [1], говорили бы какъ

[1] „Атомъ не болѣе одаренъ сознаніемъ, чѣмъ вселенная, ничто, по крайней мѣрѣ, этого не доказываетъ; но подобно тому какъ вселенная, безсознательная

и мы: міръ неподвиженъ, вѣченъ и въ моментъ открытія они познали бы свое заблужденіе. Равнымъ образомъ высшее существо нарушитъ, можетъ-быть, нѣкогда законъ устойчивости нашей вселенной, также мало заботясь о находящихся въ ней существахъ, какъ работникъ, разбивающій комъ земли, заботится о насѣкомыхъ, которыя могутъ проводить въ этомъ комѣ свою маленькую жизнь. Не проникая въ глубины химическаго дѣйствія, возьмемъ какъ предметъ для нашего размышленія любой атомъ, затеренный въ массѣ гранита, образующаго подслой нашихъ морскихъ береговъ. Вотъ уже тысячи столѣтій какъ существуетъ этотъ атомъ и если есть въ немъ мыслящія существа, то они должны думать, что ихъ міръ столь малый для насъ, столь великій для нихъ, непроницаемъ, безконеченъ, самозаконенъ, живетъ самъ собою. Однако они находились бы въ заблужденіи. Напротивъ береговъ Бретани, гдѣ я пишу эти строки[1] я видѣлъ въ моемъ дѣтствѣ островъ называемый Большой островъ, который въ настоящее время почти исчезъ. Г. Гаусманъ стеръ его съ лица земли. Массы гранита, изъ коихъ онъ состоялъ, образуютъ теперь тротуары парижскихъ бульваровъ, устроенные при второй имперіи. Когда въ глубинѣ этихъ скалъ начали работать мины, велико должно было быть удивленіе милліоновъ милліоновъ маленькихъ міровъ скрытыхъ тамъ въ абсолютной для насъ тьмѣ и только тѣ изъ этихъ гранитныхъ вселенныхъ, которыя находились въ точкахъ излома, замѣтили что-то. Внутри плитъ, которыя мы въ Парижѣ попираемъ ногами, милліоны вселенныхъ спятъ столь же спокойныя въ своемъ заблужденіи относительно самозаконности своихъ міровъ, сколь спокойны они были, когда составляли часть Бретанскихъ утесовъ. Свѣтъ коснется ихъ въ тотъ день, когда ихъ разобьютъ на щебень".

„Удивленіе, которое испытали маленькія вселенныя гранитныхъ утесовъ Большаго острова, удивленіе, которое испыталъ бы міръ, заключенный въ атомѣ золота, еслибъ оказалось возможнымъ разложить золото, это удивленіе предстоитъ можетъ-быть и намъ. Быть-можетъ наступитъ день, когда откроется намъ нѣкій богъ Разъ мы въ правѣ предполагать, что наша все-

въ цѣломъ, заключаетъ въ себѣ сознаніе, напр. сознаніе людей, такъ и атомъ въ своихъ элементахъ сугубо безконечно меньшихъ сравнительно съ нами можетъ заключать въ себѣ сознанія, которыя точно также не даютъ себя чувствовать въ цѣломъ". *Прим. Ренана.*

[1] „Сентябрь 1888 г." *Прим. Ренана.*

лепная есть нѣчто конечное, подчиненное безконечному — вѣчность ея болѣе не обезпечена. Высшая безконечность можетъ располагать этою вселенной, пользоваться ею, употреблять ее для своихъ цѣлей. Выраженіе—природа и ея творецъ можетъ быть не такъ нелѣпо, какъ кажется. Все возможно, даже Богъ. Намъ скажутъ, пожалуй, что исторія вселенной, насколько человѣкъ можетъ знать, не даетъ никакого основанія для построенія такой гипотезы. Несомнѣнно, что атомы глубокихъ слоевъ гранита на Большомъ островѣ очень долго существовали, прежде чѣмъ увидали, что существуетъ человѣчество. Богъ не появляется въ мірѣ, который мы наблюдаемъ и измѣряемъ, но нельзя доказать, чтобъ онъ не явился въ безконечности временъ. Зрѣніе человѣка не ложно, какъ предполагаютъ скептики-субъективисты, оно ограничено. Вселенная человѣка несомнѣнно велика и стара: это а въ формулѣ $\infty + a$, но въ этомъ случаѣ $a = o$.

„Итакъ не невозможно, что внѣ извѣстной намъ вселенной (конечной или безконечной—все равно) есть безконечность другаго порядка, для которой наша вселенная есть только атомъ. Эта безконечность, которая для насъ была бы богомъ, [1] открывается быть-можетъ чрезъ промежутки для насъ чрезвычайно долгіе и ничтожные въ предѣлахъ абсолютнаго. Съ этой точки зрѣнія существованіе Бога съ отдѣльными хотѣніями, который не является въ нашей вселенной, можетъ быть признано возможнымъ на лонѣ безконечности. По крайней мѣрѣ отрицать эту возможность—столь же отважно, какъ и утверждать ее.“

Итакъ, отвѣчая на поставленный выше вопросъ, Ренанъ утверждаетъ, что за предѣлами нашей вселенной бытіе Божіе возможно. Но если вообще нельзя дѣлать заключеній отъ возможнаго къ дѣйствительному, то въ данномъ случаѣ самая возможность остается недоказанною. Чтобъ убѣдиться въ этомъ. необходимо разобрать, что̀ именно Ренанъ разумѣетъ подъ предѣлами вселенной въ томъ смыслѣ, который въ границахъ настоящаго очерка онъ придаетъ этому выраженію. Здѣсь прежде всего необыкновенно поражаетъ своею странностью одна возможность предположенія, будто гдѣ-то, очень далеко отъ насъ,

---

[1] Я говорю въ смыслѣ относительномъ: существо, безконечно насъ превосходящее и открывающееся намъ въ отдѣльныхъ намѣренныхъ дѣйствіяхъ, было бы для насъ Богомъ, какъ человѣкъ есть богъ для животнаго.

Прим. Ренана.

есть точка, изъ которой въ одну сторону видна наша вселенная, въ другую—темная зіяющая бездна. Подобное предположеніе основано на такомъ наивномъ представленіи о пространствѣ, которое просто совѣстно приписать Ренану. Говоря о предѣлахъ вселенной, онъ вѣроятно разумѣетъ нѣчто иное, чѣмъ конецъ свѣта народныхъ сказокъ. Но что же именно? Отвѣта приходится искать въ томъ пространномъ разсужденіи о различныхъ порядкахъ безконечности, съ которымъ только-что познакомился читатель. Принимая математическое понятіе о безконечной величинѣ, какъ о величинѣ неопредѣленной, Ренанъ заключаетъ, что извѣстная намъ вселенная, по отношенію коей составляющіе ее атомы суть безконечно малыя величины, сама есть можетъ-быть только атомъ въ составѣ безконечно превосходящаго ее по размѣрамъ цѣлаго. Это заключеніе еще не вызывало бы возраженій, но дальнѣйшіе выводы, которые дѣлаетъ изъ него Ренанъ, отличаются совершенною произвольностью. Какъ ни безконечно малъ въ сравненіи со вселенною атомъ простаго тѣла, но онъ принадлежитъ къ тому же порядку бытія, какъ и вселенная, онъ подчиненъ тѣмъ же условіямъ пространства времени и причинности, какъ и тотъ міръ, который Ренанъ называетъ порядкомъ конечнаго. И когда пороховая мина извлекла изъ нѣдръ Бретанскихъ утесовъ на свѣтъ Божій одну изъ микроскопическихъ гранитныхъ вселенныхъ, въ порядкѣ бытія этой вселенной не произошло ни малѣйшаго измѣненія; жители ея не перестали познавать свой міръ подъ формами пространства времени и причинности, и увидѣнный ими свѣтъ не больше поразилъ ихъ, чѣмъ удивило бы насъ открытіе въ телескопъ какого-либо новаго туманнаго пятна. Если извѣстные намъ, или вѣрнѣе воображаемые нами, атомы принадлежатъ къ тому же порядку бытія, какъ и наша вселенная, то и громадное цѣлое, въ составѣ коего нашъ міръ есть атомъ, не находится внѣ этого порядка. Въ границахъ математическаго понятія о безконечности говорить о подчиненіи однихъ порядковъ безконечности другимъ, значитъ играть словами. Иное дѣло, если бы Ренанъ исходилъ изъ философскаго понятія о безконечномъ. Въ философскомъ смыслѣ безконечно то, что имѣетъ въ себѣ самомъ причину и цѣль своего бытія. Въ отличіе отъ математическаго отрицательнаго понятія о безконечности, какъ о чемъ-то лишенномъ всякаго содержанія, философское понятіе о безконечности предполагаетъ положительное

содержаніе, полноту бытія... Въ математической формулѣ $\infty + a$, a не зависитъ отъ ∞, но, сливаясь съ нею, теряетъ свое содержаніе, становится равнымъ 0; въ философской формулѣ $\infty + a$, a зависитъ отъ ∞, ибо свое содержаніе получаетъ отъ ∞, обладающей полнотой всякаго содержанія; сливаясь съ безконечностью, a все-таки остается само собою, а не становится равнымъ нулю. Въ этомъ смыслѣ можно, дѣйствительно, говорить о различныхъ порядкахъ бытія. Такъ можно различать явленіе и вещь о себѣ; признавая человѣка существомъ духовно-матеріальнымъ, можно говорить, что онъ принадлежитъ одновременно къ двумъ порядкамъ бытія и т. под.

Съ этой точки зрѣнія дѣйствительно можно разсуждать о предѣлахъ нашей вселенной. Эти предѣлы не гдѣ-нибудь тамъ за Сиріусомъ и не въ воображаемыхъ Ренаномъ составныхъ частяхъ атома, эти предѣлы вездѣ вокругъ насъ и въ насъ—это предѣлы того нашего познанія, которое пользуется, какъ необходимыми условіями,—формами пространства, времени и причинности. Но изъ разсужденій Ренана не видно, чтобъ онъ становился на эту точку зрѣнія [1], а потому и употребляемое имъ выраженіе, предѣлы вселенной, не имѣетъ въ его изложеніи философскаго смысла. Мы вынуждены или понимать предѣлы вселенной въ наивномъ значеніи „конца свѣта", или же признать, что этихъ предѣловъ совсѣмъ не существуетъ. Если же такъ, то міръ безконечный есть только неопредѣленное продолженіе міра конечнаго. Но въ этомъ послѣднемъ мірѣ Ренанъ не признаетъ возможности бытія Бога съ отдѣльными хотѣніями, Бога дѣйствующаго, Бога—Провидѣнія; слѣдовательно, оставаясь логичнымъ, онъ долженъ отвергнуть эту возможность и въ мірѣ безконечномъ. Не менѣе произвольнымъ является другое утвержденіе Ренана, что сама вселенная конечна, ибо и атомъ конеченъ. Если, дѣйствительно, все содержаніе метафизики исчерпывается, какъ говоритъ Ренанъ, одною строчкой: „нѣчто существуетъ, слѣдовательно, нѣчто существовало отъ вѣчности", то кто мѣшаетъ намъ подставить подъ x этой формулы, подъ „нѣчто",

---

[1] Впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ, правда мимоходомъ, Ренанъ говоритъ, что атомъ нельзя разсматривать какъ сплошное тѣло, ибо въ природѣ нѣтъ ничего сплошнаго, недѣлимаго. То же относится конечно и до воображаемыхъ составныхъ частицъ атома, но если атомъ, или его части суть, по выраженію Ренана, только «точки сопротивленія, то онѣ принадлежатъ къ міру безпространственному, т. е. къ иному, чѣмъ нашъ, порядку бытія. *Прим. авт.*

любую величину, атомы ли, изъ комбинацій коихъ состоитъ наша вселенная, или самую эту вселенную въ ея извѣстномъ намъ строѣ? Мы имѣемъ полное право или утверждать, что атомы вѣчны, а комбинаціи ихъ, изъ коихъ одна есть наша вселенная, измѣнчивы и преходящи, или же признавать вѣчною нашу вселенную въ ея цѣломъ. Во всякомъ случаѣ между изначальными атомами и міромъ въ его теперешней формѣ можетъ быть „цѣлая безконечность промежутковъ", о которой говоритъ Ренанъ, но между „нѣкимъ неподвижнымъ абсолютомъ" и нашимъ міромъ—промежутковъ нѣтъ. Отношеніе между ними совершенно иного рода, а именно то, которое мы указали въ философской формулѣ ∽ ÷ *a*. Абсолютное существо (∽), обладающее полнотой бытія, даетъ міру конечному (*a*) относительное бытіе и содержаніе: но не поглощаетъ его и имъ не ограничивается. Такого отношенія между Богомъ и міромъ Ренанъ не находитъ, а потому, снисходительно принимая подъ свою защиту выраженіе „Природа и ея Творецъ", онъ поступаетъ непослѣдовательно. Въ строѣ его мыслей—это выраженіе нелѣпо.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ал. С—нъ.

АМЕРИКАНСКІЙ ПРЕТЕНДЕНТЪ.

Романъ Маріи Твэна.

(Переводъ съ англійскаго.)

I.

Прелестное утро озаряетъ красивый сельскій пейзажъ Англіи. На высокомъ холмѣ виднѣются причудливыя постройки: это завитыя плющемъ стѣны и башни зàмка Чольмондли, величественнаго остатка и свидѣтеля средневѣковыхъ порядковъ... Здѣсь лѣтнее пребываніе графа Росморъ, лорда, пера и проч., и проч., обладателя дворцовъ и двухъ тысячъ акровъ англійской земли, собственника цѣлаго лондонскаго прихода въ двѣ тысячи домовъ и владѣльца ежегоднаго дохода въ двѣсти тысячъ фунтовъ. Основателемъ этого гордаго древняго рода считается никто иной, какъ самъ Вильгельмъ-завоеватель; объ основательницѣ, правда, исторія умалчиваетъ, ибо ея участіе здѣсь было лишь случайнымъ, и для новой аристократической вѣтви имя ея имѣло небольше значенія, какъ и имя дочери фалезскаго кожевника.

Въ это прелестное утро въ столовой зàмка можно было увидать двухъ лицъ и простывшіе остатки завтрака на столѣ. Одинъ изъ нихъ былъ самъ старый лордъ. Высокій, широкоплечій, прямой, съ совершенно бѣлыми волосами и нахмуреннымъ челомъ старикъ своею каждою позой и движеніемъ обличалъ крупный характеръ. Видно было, что семьдесятъ лѣтъ лежатъ на его плечахъ меньшею тяжестью, чѣмъ на иномъ человѣкѣ сорокъ.

Другой былъ его сынъ, мечтательный молодой человѣкъ, которому по наружности никто не далъ бы болѣе двадцати шести лѣтъ, хотя въ дѣйствительности онъ уже приближался къ тридцати. Съ перваго же взгляда было не трудно разгадать, что искренность, сердечная доброта, прямота, простота и скромность составляли основныя черты его характера. Несмотря на весь блескъ имени, его окружавшій, онъ казался человѣкомъ совершенно иного круга: а между тѣмъ его имя и титулъ были: высокородный Эарлъ Киркенбрайтъ Лლановеръ Меркорибэнксъ Селлерсъ, виконтъ Беркли Чольмондли.

Онъ стоялъ у большаго окна. Видно было, что молодой человѣкъ съ почтительнымъ вниманіемъ слушаетъ своего отца и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ почтительное же возраженіе на каждое изъ положеній и аргументовъ послѣдняго. Отецъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и по тону его разговора было замѣтно, что онъ сильно взволнованъ.

— Ты, дѣйствительно, очень смиренъ и мягокъ Беркли: но вѣдь я знаю очень хорошо, разъ ты пришелъ къ заключенію, которое тебѣ подсказали твои понятія о чести и справедливости, всякія возраженія и доказательства будутъ также напрасны, какъ шутка, противорѣчіе, или даже прямое приказаніе. Поэтому...

— Еслибы, ты, отецъ, захотѣлъ взглянуть на дѣло безпристрастно и безъ предубѣжденія, ты долженъ былъ бы согласиться, что я вовсе не дѣлаю никакого необдуманнаго, поспѣшнаго, или своевольнаго шага, котораго нельзя было бы оправдать строго логически. Ты согласишься, что не я же выдумалъ американскаго претендента на графство Росморъ, не я же его отыскалъ, или заставилъ тебя съ нимъ считаться. Онъ самъ отъискался, самъ ворвался въ нашу жизнь...

— И сдѣлалъ мою, по крайней мѣрѣ, за послѣднія десять лѣтъ настоящимъ адомъ: эти длиннѣйшія скучныя письма, эти многословныя разсужденія, эти безконечныя доказательства...

— Которыхъ ты отецъ даже, какъ кажется, не потрудился основательно изучить. А согласись, что на это стоило бы обратить самое серьезное вниманіе. Пора бы уже наконецъ рѣшить вопросъ: или онъ дѣйствительно законный лордъ Росморъ и тогда совершенно ясно, что мы должны дѣлать, или наоборотъ, его претензіи вздорныя и тогда передъ нами опять же все было бы ясно. Я, отецъ, его документы изслѣдовалъ, очень внимательно провѣрилъ, терпѣливо и основательно изучилъ. Генеалогія,

повидимому, совершенно выдержана и возразить противъ нея нечего. Да, онъ дѣйствительно законный лордъ...

— Ну, а я узурпаторъ, нищій безъ имени, бродяга? Опомнись, что́ ты говоришь!

— Отецъ, еслибъ онъ былъ настоящимъ лордомъ и ты бы въ этомъ совершенно убѣдился, неужели бы ты рѣшился хотя бы на одинъ день, что я говорю день...—на одинъ часъ, на одну минуту удерживать за собой его титулъ и имущество?..

— Это безуміе, это безсмыслица! Послушай, ты вынуждаешь меня, словно судья, давать тебѣ показанія. Да, это вѣрно! Я этихъ документовъ не читалъ и читать не желаю. Они мнѣ извѣстны въ подробности раньше еще при жизни отца этого несчастнаго претендента и моего отца, то-есть лѣтъ за сорокъ назадъ. Предки этого человѣка за всѣ истекшія полтораста лѣтъ напоминали о себѣ нашимъ предкамъ. Дѣло въ томъ, что настоящій наслѣдникъ уѣхалъ въ Америку вмѣстѣ или почти одновременно съ молодымъ Фэрфоксомъ; затѣмъ его слѣдъ потерялся въ пустыняхъ Виргиніи; онъ тамъ женился и велъ довольно дикую жизнь; домой не писалъ и всѣ считали его мертвымъ, а титулъ и имущество наслѣдовалъ его младшій братъ. Но когда этотъ Американецъ дѣйствительно умеръ, его старшій сынъ тотчасъ же заявилъ свои претензіи. Письмо его объ этомъ предметѣ у меня. Онъ умеръ раньше, чѣмъ получилъ отъ своего дяди отвѣтъ, котораго тотъ можетъ-быть не хотѣлъ и давать. Остался маленькій сынъ и пока онъ выросъ, никто насъ не безпокоилъ; затѣмъ опять пошли письма и доказательства. Дальнѣйшіе его потомки дѣлали то же самое вплоть до послѣдняго, нынѣ здравствующаго глупца. Это былъ цѣлый рядъ нищихъ, изъ которыхъ ни у одного не было даже средствъ добраться до Англіи и начать противъ насъ судебный процессъ. Фэрфоксы тѣ, несмотря на то, что живутъ въ Мэрилендѣ, удерживаютъ свои права и титулъ, но ихъ пріятель, нашъ претендентъ, потерялъ ихъ по своей собственной неосмотрительности. Изъ всего этого ясно, что выводъ можетъ быть сдѣланъ только одинъ: да, съ нравственной точки зрѣнія этотъ американскій бродяга несомнѣнный лордъ Росморъ, но по закону правъ у него не больше, чѣмъ у всякой собаки. Ну, ты удовлетворенъ теперь?

Наступило молчаніе. Затѣмъ сынъ посмотрѣлъ на фамильный гербъ, вырѣзанный на ближайшей мебели, и произнесъ тихо, почти жалобно:

— Съ тѣхъ поръ какъ появились геральдическіе символы, девизомъ нашего рода было: *suum cuique*, каждому свое. Согласно только-что высказанному тобой прямому и безусловному признанію, отецъ, девизъ этотъ отнынѣ становится жестокимъ сарказмомъ. Если Симонъ Латерсъ...

— Пожалуста не произноси этого проклятаго имени! Десять лѣтъ подрядъ оно до такой степени измучило мои глаза и уши, что кажется мои собственные шаги раздаются въ тактъ этимъ отвратительнымъ звукамъ! Симонъ Латерсъ, Симонъ Латерсъ... Ты кажется желаешь, чтобъ эти звуки совершенно отравили мое существованіе и поэтому ты рѣшился... постой, впрочемъ, я не совсѣмъ ясно понимаю, на что же ты рѣшился?

— Я рѣшилъ поѣхать въ Америку, явиться къ Симону Латерсу и помѣняться съ нимъ ролями.

— Какъ? Передать ему права на графство Росморъ?

— Разумѣется.

— И ты хочешь сдѣлать эту колоссальную глупость раньше, чѣмъ верхняя палата выскажется по этому вопросу?

— Да, отвѣчалъ сынъ, однако не безъ тайнаго колебанія.

— Какъ это ни странно, но мнѣ кажется, что ты немного помѣшанъ. Очевидно ты снова совѣтывался съ этимъ безумцемъ или радикаломъ, если тебѣ это названіе пріятнѣе, хотя здѣсь дѣло не въ словахъ, съ лордомъ Тэнси Толльметчъ.

Сынъ не отвѣчалъ ничего. Старый лордъ продолжалъ:

— Ты молчишь, значитъ я угадалъ. Этотъ несчастный безумецъ, позорящій свое семейство и свой классъ, считаетъ всѣ сословныя привилегіи и наслѣдственные титулы узурпаціей, аристократію ненужною мишурой, наши историческія учрежденія — обманомъ; разница въ общественныхъ положеніяхъ для него—закономъ освященное мошенничество и обманъ; и только тотъ хлѣбъ въ его глазахъ является честнымъ, который выработанъ собственными руками... гм! собственными руками!

При этихъ словахъ старый патрицій потеръ руки, какъ бы желая стряхнуть съ нихъ пыль отъ воображаемой работы.

— Очевидно, ты усвоилъ себѣ эти воззрѣнія.

— Да, и нисколько этого не стыжусь. Поэтому я и рѣшилъ отказаться отъ моего наслѣдства. Я не желаю пользоваться незаконнымъ положеніемъ и правами и намѣренъ начать совершенно новую жизнь, въ полномъ смыслѣ слова новую, на основаніи однихъ чистыхъ правъ и достоинства человѣка, безъ ма-

лѣйшихъ искусственныхъ преимуществъ. Я приду къ моей цѣли, или погибну на дорогѣ въ зависимости только отъ моей личной энергіи и заслугъ. Поѣду въ Америку, гдѣ всѣ люди равны и гдѣ каждому открыты одинаковыя условія успѣха. Буду ли живъ, или умру, выплыву или потону, выиграю или потеряю, но единственно, какъ человѣкъ, безъ помощи всякихъ искусственныхъ и несправедливыхъ подпорокъ...

— Вотъ какъ!

Собесѣдники пристально посмотрѣли другъ другу въ глаза, послѣ чего старикъ сказалъ задумчиво, но рѣшительно!

— Да, мой милый, — ты окончательно помѣшался, о-кон-ча-тель-но!

Послѣ небольшаго молчанія, стараго лорда озарила новая мысль, словно лучъ солнца, прорвавшій облака.

— Мнѣ остается, впрочемъ, еще одно удовлетвореніе: итакъ, этотъ Симонъ Латерсъ пріѣдетъ сюда принимать отъ меня его собственность. Я велю бросить его въ прудъ, гдѣ купаютъ лошадей. Этотъ несчастный въ своихъ письмахъ представляется такимъ угнетеннымъ, такимъ жалкимъ и униженнымъ, исполненнымъ такого священнаго страха предъ нашимъ высокимъ происхожденіемъ и положеніемъ, такъ заискиваетъ и старается, чтобы мы признали его своимъ родственникомъ и удостовѣрили, что въ его жилахъ течетъ немного нашей славной крови; и при всемъ этомъ онъ кажется такимъ оборванцемъ и нищимъ, чувствуетъ на себѣ такое всеобщее презрѣніе, что становится просто смѣшно. Довольно прочесть нѣсколько строкъ изъ перваго письма наудачу... Что́ тебѣ?

Этотъ вопросъ относился къ высокому статному лакею, одѣтому въ кафтанъ изъ цвѣтнаго плюша съ блестящими металлическими пуговицами и въ пантолоны до колѣнъ. На головѣ у него былъ напудренный парикъ. Онъ вошелъ и остановился, почтительно изогнувшись впередъ и подавая письма на серебряномъ подносѣ.

— Письмо вашей свѣтлости.

Милордъ взялъ письмо и лакей исчезъ.

— Какъ разъ, вотъ и письмо изъ Америки! Однако, клянусь Юпитеромъ, есть перемѣна! Конвертъ на этотъ разъ не бурый, украденный изъ какой-нибудь мелочной лавочки съ печатною фирмой торгаша наверху. Наоборотъ, конвертъ совершенно порядочный и вдобавокъ съ широчайшею черною рамкой, — вѣро-

ятно надѣлъ трауръ по своей кошкѣ... больше оплакивать ему некого, такъ какъ онъ холостякъ. Сургучъ, однако, красный и припечатанъ комкомъ съ полкроны величиной... Господи! Это печать! А на печати гербъ Росмаровъ и даже девизъ... Почеркъ на адресѣ тоже не прежній, неловкій и разбѣгающійся; очевидно, у него завелся уже секретарь и даже съ недурнымъ почеркомъ. Должно-быть бродяга разбогатѣлъ...

— Отецъ! лучше прочти письмо.

— Изволь, изволь хотя бы ради той кошки, по которой наложенъ трауръ.

«Вашингтонъ 2-го мая,
14.042; 16-я улица.

„Милордъ!

„Повинуясь печальной обязанности, имѣю честь извѣстить васъ, что глава нашего славнаго дома изволилъ скончаться. Высокоблагороднѣйшій Симонъ Латерсъ, лордъ Росморъ, покинулъ этотъ міръ (наконецъ то! Ахъ, мой милый, какое это драгоцѣнное извѣстіе!) въ своей резиденціи въ окрестностяхъ Вейлерсъ-Дюффи-Корнерса въ старинномъ штатѣ Арканзасъ; одновременно съ нимъ скончался его братъ близнецъ; оба были раздавлены упавшею балкой при постройкѣ коптильни. Случай этотъ столь прискорбный, имѣвшій мѣсто единственно вслѣдствіе величайшей непредусмотрительности присутствовавшихъ, вызвалъ ироническія замѣчанія уличной черни. (Преумная это чернь, ей-Богу! Неправда ли, Беркли?) Произошло это пять дней назадъ и ни одинъ изъ членовъ нашего славнаго дома не былъ въ наличности, чтобы закрыть умирающему глаза и воздать ему тѣ почести, которыя приличествуютъ его историческому имени и высокому сану. До самой настоящей минуты высокородный лордъ и его братъ продолжаютъ лежать обложенные льдомъ; друзья ихъ организовали, было, сборъ на ихъ погребеніе, но я распорядился, чтобы благородные останки безвременно погибшихъ были какъ можно скорѣе отправлены къ вамъ съ первымъ отходящимъ пароходомъ, дабы вы, милордъ, могли предать ихъ погребенію въ нашей родовой усыпальницѣ съ подобающими почестями (праведное небо!); одновременно съ симъ я заказалъ для моего дома гербы и покрылъ ихъ трауромъ, что надѣюсь сдѣлаете и вы во всѣхъ вашихъ владѣніяхъ.

„Мнѣ остается обратить ваше вниманіе, милордъ, на то

обстоятельство, что настоящее прискорбное событіе дѣлаетъ меня единственнымъ наслѣдникомъ и владѣльцемъ всѣхъ титуловъ, привилегій, земель и иныхъ недвижимостей нашего справедливо-оплакиваемаго родственника, о чемъ, сколь ни прискорбна для меня эта обязанность, я намѣреваюсь извѣстить Верхнюю Палату для зависящихъ отъ нея распоряженій касательно предоставленія мнѣ всего означеннаго, находящагося нынѣ въ незаконномъ вашемъ, милордъ, владѣніи.

„Прошу васъ принять увѣреніе въ моемъ къ вамъ отличномъ уваженіи и родственныхъ чувствахъ, съ коими пребываю вашимъ, милордъ, покорнымъ слугой.

„Мёльберри Селлерсъ, лордъ Росморъ.“

— Это чудовищно! Но вмѣстѣ съ тѣмъ это очень забавно. Его наглость безгранична и вмѣстѣ съ тѣмъ величественна. Ты не находишь Беркли?

— Этотъ, по крайней мѣрѣ, не ползаетъ и не унижается.

— Ползаетъ? Да онъ едва ли понимаетъ и самое это слово. Ты только обрати вниманіе: траурные гербы! Въ память этого-то бродяги и его близнеца братца! Затѣмъ — посылать сюда ихъ трупы! Нѣтъ, мой милый: если тотъ претендентъ былъ просто дуракъ, то этотъ очевидно совсѣмъ помѣшанный. И что за чудное, звучное имя: Мёльберри Селлерсъ! Это цѣлая музыка! Симонъ Латерсъ—Мёльберри Селлерсъ, Мёльберри Селлерсъ—Симонъ Латерсъ, точно чурбанъ пилой перепиливаютъ... Ты уже уходишь?

— Если ты позволишь, отецъ!

Старый аристократъ, проводивъ глазами сына, оставался нѣсколько минутъ у окна. Облеченныя въ слова его мысли звучали бы приблизительно такъ:

„Онъ отличный малый и не любить его нельзя. Что дѣлать, пусть идетъ своею дорогой! Мѣшать ему невозможно, только будетъ хуже. Мои слова и убѣжденія тетки остались безъ результата. Посмотримъ, какъ подѣйствуетъ Америка съ ея равенствомъ, братствомъ и тяжелою жизнью на духовное здоровье свихнувшагося англійскаго лорда. Онъ отказывается отъ своего графства и желаетъ „стать человѣкомъ“? Въ добрый часъ!“

II.

За нѣсколько дней предъ тѣмъ, какъ сочинить приведенное выше письмо къ лорду Росмору, полковникъ Мёльберри Селлерсъ сидѣлъ въ своей „библіотекѣ“, комнатѣ бывшей вмѣстѣ съ тѣмъ его гостиной, картинною галлереей и рабочимъ кабинетомъ. Эти имена прилагались къ ней поочередно, смотря по обстоятельствамъ. Полковникъ усердно работалъ надъ какимъ-то предметомъ, походившимъ на чрезвычайно хрупкую игрушку. Его волосы были совершенно бѣлые, но чисто юношеское оживленіе, мечтательность и предпріимчивость виднѣлись во всемъ его существѣ. Пріятная старуха, жена его, сидѣла неподалеку со спящею кошкой на колѣняхъ и вязаньемъ въ рукахъ, бросая задумчивые, но не печальные взгляды то на мужа, то на свою любимицу. Комната была большая и свѣтлая и производила впечатлѣніе пріятности и удобства, несмотря на то, что мебель была очень скромная, а обычныя комнатныя украшенія и безделушки немногочисленны и не цѣнны. За то на окнахъ стояли свѣжіе цвѣты и во всей обстановкѣ было что-то обличавшее присутствіе женщины съ добрымъ вкусомъ и ловкою рукой. Даже аляповатыя олеографіи на стѣнахъ мало оскорбляли глазъ: онѣ казались органическою частью этихъ стѣнъ и даже представляли собой извѣстную притягательную силу: посмотрѣвъ на нихъ нельзя было отвести взгляда, чтобъ эти картины не рисовались въ памяти сами собою. Есть такія произведенія искусства.

Однѣ изъ олеографій были уродливые ландшафты, на другихъ виднѣлось карикатурное море, третьи были портреты, но все вмѣстѣ было преступленіемъ противъ искусства. Портреты изображали умершихъ американскихъ знаменитостей, хотя приклеенныя надписи и передѣлали ихъ въ графовъ Росморовъ. Самый свѣжій изъ нихъ, едва успѣвшій оставить фабрику въ качествѣ Андрью Джексона, уже былъ переименованъ въ Симона Латерса, наслѣдственнаго графа Росмора.

На одной изъ стѣнъ висѣла старая желѣзнодорожная карта Барвикшира; на ней была крупная надпись: „территорія графства Росморъ“. На противуположной отъ входа стѣнѣ висѣла другая карта, составлявшая украшеніе всего жилища и по своей величинѣ первою бросавшаяся въ глаза посѣтителямъ. Когда-то

она носила надпись „Европейская Турція", но впослѣдствіи эта надпись была замѣнена другою: „Страна будущаго". Сдѣланы были и другія измѣненія на самой картѣ. Красными чернилами были проставлены новые города съ огромнымъ числомъ жителей въ такихъ пунктахъ, гдѣ, сколько извѣстно, совсѣмъ нѣтъ ни городовъ, ни жителей

Вилла,—такъ обыкновенно называлъ полковникъ свой домъ,—представляла изъ себя старое, обветшавшее двухъэтажное деревянное зданіе, которое, если и было когда окрашено, то само объ этомъ давно позабыло. Оно стояло совершенно уединенно въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ предмѣстій Вашингтона и служило, вѣроятно, прежде дачей, такъ какъ постройки окружалъ широкій запущенный дворъ, окруженный палисадникомъ, настоятельно требовавшимъ ремонта. Калитку уже нельзя было отворить, а надъ воротами виднѣлось нѣсколько скромныхъ дощечекъ, служившихъ вывѣсками. На самой большой изъ нихъ было написано: „Полковникъ Мёльберри Селлерсъ, нотаріусъ и агентъ". Изъ другой надписи можно было узнать, что полковникъ, кромѣ того, матеріализаторъ, гипнотизеръ и массажистъ. Словомъ, полковникъ былъ человѣкъ, не любившій сидѣть безъ дѣла и умѣвшій находить себѣ достаточно разнообразныхъ занятій.

Совершенно сѣдой Негръ въ очкахъ и продранныхъ нитяныхъ перчаткахъ вошелъ въ комнату, почтительно наклонился и доложилъ:

— Господинъ Вашингтонъ Гаукинсъ.

— Не можетъ быть! Скорѣе Дэнль, веди его сюда, скорѣе!

Въ одну минуту полковникъ и его жена были на ногахъ и еще черезъ минуту дружески пожимали руки приземистому, какъ бы слегка придавленному человѣку, которому, судя по его внѣшности, можно было дать лѣтъ пятьдесятъ, а по однимъ волосамъ цѣлыхъ сто.

— Ахъ Вашингтонъ, милый мой Вашингтонъ, какъ я радъ, что вижу тебя! Садись, располагайся поудобнѣе. Вотъ такъ! Ты совсѣмъ не измѣнился. Постарѣлъ немного, но на самые пустяки. Мы бы тебя вездѣ сразу узнали; не правда ли Полли?

— Конечно, конечно, Берри, онъ ужасно похожъ на своего отца. Будь тотъ живъ, былъ бы теперь какъ разъ такой. Скажите уже намъ, ради Бога, откуда вы сейчасъ такъ неожиданно? Дайте сообразить, сколько лѣтъ какъ мы съ вами не видались?

— Я думаю, не меньше пятнадцати лѣтъ, мистрисъ Селлерсъ.

— Да, да, какъ идетъ время! Сколько перемѣнъ...

Голосъ ея вдругъ оборвался и губы задрожали.

Гость и хозяинъ почтительно ждали, пока она оправится и доскажетъ начатое, но она послѣ небольшой внутренней борьбы отвернулась отъ нихъ, прижала фартукъ къ глазамъ и тихо вышла изъ комнаты.

— При видѣ тебя она бѣдняжка вспомнила о дѣтяхъ; да, да, всѣ померли, до самаго маленькаго, осталась одна дочь. Но не будемъ горевать, некогда! Мое правило: пляши пока пляшется и наслаждайся жизнью пока живется, хотя въ сущности не до пляски и не до наслажденій. Но вѣдь во всякомъ случаѣ съ этимъ правиломъ лучше жить; во всякомъ случаѣ, Вашингтонъ. Говорю это по опыту, а я, таки, довольно насмотрѣлся на міръ Божій. Скажи мнѣ, однако, гдѣ ты пропадалъ всѣ эти годы? Откуда ты сейчасъ?

— Откуда я? Едва ли полковникъ угадаешь. Я изъ Чироки-Стрипъ.

— Ты шутишь!

— Клянусь жизнію...

— Это совершенно невѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, ты тамъ проживалъ?

— Проживалъ, если это можно назвать жизнію. Мнѣ кажется, что это выраженіе немножко сильно, имѣя въ виду однихъ дикихъ зайцевъ, пареные бобы, обманутыя надежды и нищету во всѣхъ ея видахъ.

— Неужели и Луиза была съ тобой?

— И дѣти.

— Они и теперь тамъ?

— Да ихъ захватить было нельзя.

— Насколько я догадываюсь у тебя есть дѣло къ правительству. Будь покоенъ я тебѣ все это устрою.

— Никакого дѣла къ правительству у меня нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Ты, можетъ-быть, хочешь быть почтмейстеромъ? Отлично, получить это мѣсто плевое дѣло!

— Ты совершенно ошибаешься; ни на какой почтѣ я сидѣть не хочу.

— Такъ скажи же ты мнѣ, ради Бога, Вашингтонъ, почему не говоришь ты прямо въ чемъ дѣло? Почему ты такъ скрытенъ и недовѣрчивъ къ такому старому другу, какъ я? Можетъ-быть ты думаешь, что я не сумѣю сохранить твоей тай...

— Да никакой тутъ тайны нѣтъ. Ты же мнѣ самъ не даешь...

— Послушай, старый другъ, я знаю людей и могу впередъ сказать, что откуда бы человѣкъ ни пріѣхалъ въ Вашингтонъ, съ луны ли онъ свалится, или даже изъ Чироки-Стрипъ, онъ непремѣнно чего-нибудь добивается. Но я знаю также, что обыкновенно онъ не получаетъ ничего; онъ застреваетъ здѣсь, перемѣняетъ свой планъ и начинаетъ добиваться другаго. Не удается и это. Такая же судьба съ его слѣдующимъ, третьимъ, четвертымъ и такъ далѣе домогательствами. Онъ упорствуетъ и продолжается это до тѣхъ поръ, пока его высосутъ совершенно и онъ совѣстится или оказывается и вовсе не въ состояніи вернуться... даже въ Чироки-Стрипъ. Наконецъ у него дѣлается разрывъ сердца и его знакомые дѣлаютъ складчину, чтобъ его похоронить. Пожалуста, не перебивай меня: я знаю, что̀ говорю. Развѣ я не былъ счастливъ и уважаемъ тамъ на дальнемъ Западѣ? Ты это хорошо знаешь. Я былъ первымъ гражданиномъ въ Гаукѣ. Меня такъ высоко цѣнили, что я могъ себя считать маленькимъ самодержцемъ, Вашингтонъ; но они не хотѣли оставить меня въ покоѣ. Я долженъ былъ ѣхать посланникомъ въ Лондонъ. Тебѣ извѣстно, какъ губернаторъ и весь штатъ настаивали на этомъ. Наконецъ я согласился, отказываться дольше было нельзя; я долженъ былъ это сдѣлать. Пріѣзжаю сюда. Опоздалъ на одинъ день, Вашингтонъ, и вотъ какъ иногда ничтожные пустяки мѣняютъ весь ходъ исторіи: это мѣсто, мой другъ, было уже занято. Но разъ я пріѣхалъ, приходилось идти на компромиссъ. Я соглашался на Парижъ. Президентъ очень сожалѣлъ и такъ далѣе, но этотъ постъ не принадлежалъ Западу. Я продолжаю сидѣть; нечего дѣлать, пришлось спуститься еще ниже; мы зашли въ нашихъ переговорахъ такъ далеко, что, какъ это ни грустно, пришлось предложить себя въ Константинополь. Замѣть себѣ хорошенько, Вашингтонъ, я нисколько не преувеличиваю. Черезъ мѣсяцъ я просился въ Китай; еще черезъ мѣсяцъ въ Японію; годъ спустя я дошелъ до самыхъ низовъ и долженъ былъ со слезами умолять о самомъ ничтожномъ мѣстечкѣ, какимъ располагаетъ только правительство Соединенныхъ Штатовъ. Я согласился бы даже поступить на должность шлифовальщика кремней въ погребахъ военнаго министерства. Клянусь тебѣ, мнѣ и этого не дали!

— Шлифовальщикъ кремней, это что̀ такое?

— А это должность, которая была создана въ прошломъ

столѣтія во время революціи. Мушкетные кремни для военныхъ постовъ разсылались повсюду изъ Капитолія. Это дѣлается и теперь, несмотря на то, что кремневыя ружья давно брошены и форты разорены. Дѣло въ томъ, что распоряженіе не отмѣнено, о немъ попросту забыли и вотъ, поэтому, города, гдѣ прежде были такіе форты, какъ, напримѣръ, Тиконлерага и прочіе, получаютъ до сихъ поръ ежегодно опредѣленное количество кремней.

— Удивительное дѣло, сказалъ Вашингтонъ задумчиво, послѣ небольшаго молчанія. — Выѣхать на службу посланникомъ въ Англію, при ежегодномъ содержаніи въ двадцать тысячъ долларовъ и затѣмъ не получить даже мѣста шлифовальщика кремней, съ жалованьемъ...

— Три доллара въ недѣлю. Такъ-то бываетъ въ жизни, Вашингтонъ! Вотъ тебѣ вѣрная картина человѣческихъ стремленій и борьбы, а результатъ? Мечтаетъ человѣкъ о дворцахъ и околѣетъ наконецъ въ сточной трубѣ.

Снова наступило задумчивое молчаніе. Затѣмъ Вашингтонъ сказалъ съ искреннимъ участіемъ, звучавшимъ въ его голосѣ:

— Итакъ, выбравшись сюда противъ твоей воли, повинуясь единственно патріотическому чувству, настойчивымъ требованіямъ согражданъ и голосу общественнаго мнѣнія, ты остался на бобахъ?...

— На бобахъ?!

Полковникъ вскочилъ и остался стоя, словно для его удивленія при этомъ вопросѣ не хватало воздуха.

— Какъ на бобахъ, Вашингтонъ? А это по твоему ничего, что я состою пожизненнымъ членомъ и прибавь единственнымъ пожизненнымъ членомъ дипломатической миссіи аккредитованной при величайшей державѣ въ мірѣ? Развѣ это значитъ остаться на бобахъ?

Теперь пришла очередь удивиться и Вашингтону. Онъ молча смотрѣлъ на своего друга, на широкораскрытые глаза и почтительное удивленіе, отражавшееся въ его чертахъ, было краснорѣчивѣе словъ. Оскорбленный въ своей гордости, полковникъ успокоился: съ довольнымъ видомъ онъ сѣлъ на свое мѣсто, нагнулся впередъ и сказалъ рѣшительно:

— Чѣмъ могли въ самомъ дѣлѣ вознаградить человѣка, который отличился превыше всякаго сравненія съ какимъ-либо историческимъ примѣромъ, человѣка, который такъ-сказать передышалъ весь дипломатическій воздухъ? Въ самомъ дѣлѣ, поло-

жимъ, временно и хотя бы только въ качествѣ кандидата, но я прошелъ посты всѣхъ безъ исключенія американскихъ министровъ и консуловъ, начиная съ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Сентъ-Джемскомъ дворѣ и кончая ничтожнымъ мѣстомъ консула на скалѣ покрытой гуано, которому жалованье выплачивается гуаномъ и котораго резиденція провалилась вслѣдствіе вулканическаго изверженія какъ разъ наканунѣ того дня, когда до меня дошла очередь занять это мѣсто? Положительно могу сказать, что для того, чтобы меня вознаградить за подобную безпримѣрную службу, нужно что-нибудь совершенно исключительное и возвышенное... и я это получилъ Вашингтонъ! По единогласному избранію нашей общины, при рукоплесканіяхъ цѣлаго народа, могущественнымъ порывомъ общественнаго мнѣнія, такимъ порывомъ, который въ историческія минуты отмѣняетъ законы и крушитъ государственные уставы, противъ приговора котораго нѣтъ никакихъ возраженій и апелляцій, я былъ избранъ пожизненнымъ членомъ дипломатическаго вѣдомства, чтобы представлять при республиканскомъ правительствѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки всѣ безчисленныя государства и народы земнаго шара. Затѣмъ меня съ факельнымъ шествіемъ проводили домой.

— Изумительно, полковникъ, по истинѣ изумительно!

— Почетнѣе этой должности нѣтъ въ цѣломъ мірѣ.

— Почетнѣе, а также я думаю и могущественнѣе?

— Именно, это и есть подходящее слово! Подумай только: я наморщу лобъ и война готова, я улыбнусь и воюющія націи кладутъ оружіе...

— Но вѣдь это ужасно!... то-есть, я имѣю въ виду отвѣтственность!

— Совершенные пустяки. Отвѣтственность для меня вовсе не бремя. Я къ ней привыкъ. Я къ ней всегда былъ пріученъ.

— Но работа, работа! Вѣдь тебѣ приходится участвовать во всѣхъ засѣданіяхъ?

— Кому? Мнѣ? А что̀ Китайскій императоръ присутствуетъ при всѣхъ совѣщаніяхъ правителей своихъ разнообразныхъ областей? Онъ спитъ дома и только объявляетъ свою волю.

Вашингтонъ помолчалъ съ минуту, затѣмъ тихо вздохнулъ:

— Какимъ гордымъ былъ я всего часъ назадъ и какимъ ничтожнымъ представляется мнѣ теперь мой успѣхъ на общественномъ поприщѣ. Вотъ что̀ мой милый полковникъ: пріѣхалъ я въ

Вашингтонъ затѣмъ... ну въ качествѣ депутата на конгрессъ за Чироки-Стрипъ.

Полковникъ вскочилъ и вдохновенно заговорилъ:

— Руку твою, дружище! Это удивительная новость и я поздравляю тебя отъ всего сердца. Мои предсказанія сбылись: я говорилъ тебѣ всегда, что въ тебѣ есть черты великаго человѣка, что ты рожденъ для высокаго назначенія и достигнешь его. Если мнѣ не вѣришь, можешь спросить Полли.

Вашингтонъ, почти оглушенный этою неожиданною демонстраціей, грустно покачалъ головой:

— Ахъ, мой милый полковникъ, ты жестоко ошибаешься: представлять этотъ ничтожный узенькій заброшенный кусокъ песку и травы то же самое, что̀ представлять билліардную доску, да еще вдобавокъ отъ такого билліарда, на которомъ больше не играютъ.

— О нѣтъ, нѣтъ, мой милый! Это все-таки огромное преимущество и чрезвычайно вліятельное положеніе.

— Чепуха, мой милый полковникъ, я даже не имѣю права подавать го̀лоса...

— Ничего не значитъ; ты можешь говорить рѣчи.

— И этого не могу, тамъ всего населенія двѣсти душъ.

— Что̀ же, отлично, отлично!...

— Собственно говоря они даже не имѣли никакого права меня выбирать. Чироки-Стрипъ не только не штатъ, но даже не территорія: о насъ въ уставѣ нѣтъ никакого постановленія. Оффиціально правительство не имѣетъ о насъ понятія.

— Объ этомъ пожалуста не безпокойся, я вамъ все это приведу въ порядокъ. Я изслѣдую ваше дѣло и устрою, что вась признаютъ особою территоріей.

— Ты это сдѣлаешь, полковникъ? О какъ это великодушно съ твоей стороны и какъ это похоже на тебя, мой старый, вѣрный, добрый другъ!...

На глазахъ у Вашингтона выступили слезы благодарности.

— Считай это такъ же вѣрнымъ, какъ будто это уже сдѣлано, мой милый! Дай руку. Мы запряжемся вмѣстѣ въ эту телѣгу и быстро подкатимъ къ цѣли.

III.

Мистрисъ Селлерсъ вернулась. Она оправилась отъ своего смущенія и начала спрашивать у Гаукинса объ его женѣ и дѣтяхъ, объ ихъ числѣ и такъ далѣе. Допросъ этотъ требовалъ подробнаго отчета обо всемъ радостномъ и горькомъ, пережитомъ бѣдною семьей за цѣлую опредѣляемую статистикой половину человѣческой жизни и притомъ жизни на дальнемъ Западѣ. Полковника вызвали и Гаукинсъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ свою очередь разспросить, какъ издѣвалась судьба надъ этимъ достойнымъ человѣкомъ за послѣднія пятнадцать лѣтъ.

— О, судьба всегда была къ нему жестока; иначе не могло и быть. Что̀ бы онъ ни затѣялъ, неудачи во всемъ.

— Да, я это знаю.

— Какъ видите, онъ не перемѣнился; ни капли не перемѣнился. Онъ все тотъ же Мёльберри Селлерсъ.

— Вижу, вижу.

— Онъ все тотъ же старый неудачникъ съ его широкими планами, мягкимъ великодушнымъ сердцемъ, пламенными надеждами и безпечностью... И всѣ его любятъ, какъ будто это самый счастливый изъ баловней судьбы.

— Это совершенно понятно. Онъ такъ отзывчивъ и добръ, все его существо настолько вызываетъ теплое чувство, что къ нему какъ-то естественно обращаешься со всякою бѣдой и горемъ. Съ нимъ совсѣмъ не стѣсняешься какъ съ другими и передъ нимъ не чувствуешь страха, ни неловкости...

— Таковъ же онъ и посейчасъ; нужно только удивляться, какъ позорно обращались съ нимъ нѣкоторые люди, для которыхъ онъ служилъ лѣстницей при достиженіи ихъ цѣлей. Они тотчасъ же отталкивали его, какъ только онъ имъ становился ненуженъ. Обыкновенно нѣкоторое время ему это было больно: оскорбленная гордость! Замѣтно это потому, что онъ долгое время избѣгаетъ обыкновенно говорить о случившемся. Нѣсколько разъ думала я: это будетъ ему урокомъ, авось станетъ осторожнѣе. Нѣтъ, избави Богъ! черезъ нѣсколько недѣль все забыто, и любой эгоистъ, любой негодяй, появившійся Богъ знаетъ откуда, и умѣющій лишь сдѣлать жалобную рожу, можетъ осѣдлать его и ѣхать на немъ куда угодно.

— Сколько вамъ, я думаю, пришлось изъ-за этого вынести!

— Нѣтъ, я уже къ этому привыкла и пусть уже будетъ лучше такъ, чѣмъ иначе! Если я его называю неудачникомъ, то это только относительно людей, но не для меня. Я даже не знаю, хотѣла ли бы я видѣть его инымъ, чѣмъ онъ сейчасъ? Во всякомъ случаѣ очень инымъ не хотѣла бы. Часто мнѣ приходится его бранить, иногда даже почти ссориться съ нимъ. Но я думаю, я дѣлала бы это и тогда, еслибъ онъ держался иначе. Таковъ ужь мой характеръ. Впрочемъ, я бранюсь меньше, когда у него неудачи, чѣмъ когда ему везетъ...

— Ага, значитъ у него не все же неудачи? спросилъ Вашингтонъ, причемъ лицо его освѣтилось дружескою улыбкой.

— Еще-бы! Иногда онъ, какъ онъ выражается, попадаетъ „на свою линію" и тогда наступаютъ для меня ужасныя хлопоты и безпокойство. Деньги льются, какъ вода. Кто первый ему попадается, тотъ его и сосетъ. Господи! что̀ тогда изображаетъ изъ себя нашъ домъ! Онъ бываетъ биткомъ набитъ всевозможными калѣками, безумными и бродягами; къ намъ собирается всякое отребье, которое уже нигдѣ не можетъ найти себѣ пристанища... Наконецъ счастливая линія кончается. Я обыкновенно спѣшу разогнать большинство этой команды, чтобы не голодать съ ними вмѣстѣ. Въ это время онъ истинно несчастный человѣкъ и я, конечно, тоже. Вотъ не угодно-ли вамъ, напримѣръ, посмотрѣть на нашего стараго Дэниля и на старую Дженни. Когда мы передъ гоной обанкротились, шерифъ продалъ ихъ съ аукціона на Югъ. Послѣ заключенія мира они вернулись съ хлопковыхъ плантацій назадъ къ намъ страшно истощенные, проголодавшіеся и безпомощные, ни къ какой работѣ они совершенно не были способны; мы сами были тогда въ страшной нуждѣ: буквально не хватало иногда хлѣба. Онъ съ такимъ чувствомъ распахнулъ однако передъ ними дверь и такъ имъ обрадовался, какъ будто они ему свалились съ неба по его пламеннымъ мольбамъ. Я отвела его въ сторону и говорю ему: „Мельберри, мы не можемъ ихъ держать; у насъ у самихъ ничего нѣтъ, намъ нечѣмъ ихъ кормить. Онъ посмотрѣлъ на меня, точно я его оскорбила этими словами, и говоритъ: „а что̀ же ихъ выгнать по твоему? Вѣдь они пришли ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ. Видишь ли, говоритъ, Полли, я это довѣріе зарабатывалъ долгими годами моей жизни; такія вещи даромъ не достаются. Это, говоритъ, представь себѣ, мой вексель, по которому приходится платить. Неужели же я могу

отказаться отъ этого долга? Ты видишь, какъ они стары, бѣдны, безпомощны и поэтому"... Но мнѣ уже стыдно стало; я укрѣпилась духомъ и говорю ему: „оставимъ ихъ, Богъ объ насъ позаботится". Онъ былъ ужасно обрадованъ и приготовился, было, начать одну изъ своихъ длинныхъ восторженныхъ рѣчей, но передумалъ и сказалъ коротко: „да, они должны у насъ остаться во всякомъ случаѣ". Это было много лѣтъ тому назадъ, и какъ видите, старики здѣсь и по сейчасъ.

— Но, вѣроятно, они же дѣлаютъ что-нибудь, помогаютъ въ домѣ?

— Боже сохрани, ничего подобнаго! Конечно, они работали бы, еслибы могли; они и увѣрены, что кое-что дѣлаютъ, но только это чистый предразсудокъ. Дэниль отъ времени до времени отворяетъ парадную дверь, иногда одинъ изъ нихъ или оба дѣлаютъ видъ, что сметаютъ пыль, но это бываетъ только тогда, когда имъ хочется послушать, что у насъ говорятъ. По этой же причинѣ появляются они и во время стола. Въ дѣйствительности же намъ приходится держать дѣвочку Негритянку, чтобы ходить за ними и женщину для домашнихъ работъ и тоже для присмотра за старикомъ Дэнилемъ.

— Вотъ уже можно сказать—счастливцы!

— Представьте, и этого нѣтъ. Они спорятъ между собою и ссорятся безпрерывно, главнымъ образомъ изъ-за религіи. Дэниль анабаптистъ, Джинни ревностная методистка и вѣруетъ въ предопредѣленіе, съ чѣмъ Дэниль не согласенъ; поэтому она считаетъ его чуть не атеистомъ. Они поютъ вмѣстѣ гимны, которымъ выучились на плантаціяхъ, постоянно болтаютъ и сплетничаютъ и, пожалуй, дѣйствительно привязаны другъ къ другу; Мёльберри они разумѣется обожаютъ, а онъ смотритъ сквозь пальцы на всѣ ихъ причуды и глупости. Пожалуй, они по своему счастливы. Я съ ними свыклась, да впрочемъ, я вѣдь могу привыкнуть ко всему, въ особенности когда этому помогаетъ Мёльберри. Поэтому я не задаю себѣ никакихъ вопросовъ и заранѣе готова на все, лишь бы онъ былъ живъ и здоровъ.

— У, у! дай Богъ ему поскорѣе попасть опять на свою линію.

— Зачѣмъ? Чтобъ опять собиралъ всѣхъ нищихъ и убогихъ и обращалъ нашъ домъ въ госпиталь? А это онъ навѣрно сдѣлаетъ; я ужь это нѣсколько разъ переживала. Нѣтъ, Вашингтонъ, я бы не желала, чтобъ онъ часто попадалъ „на линію".

— Я думаю, часто, или не часто улыбается ему счастье, въ друзьяхъ у него недостатка быть не можетъ: вокругъ него такъ много людей, которые должны же его хорошо знать.

— Да, Вашингтонъ, это вѣрно, сказала Полли, гордо поднявъ голову. — Могу сказать съ гордостью: нѣтъ ни одного сколько-нибудь выдающагося человѣка, который бы его не любилъ. — Говорю вамъ откровенно: мнѣ стоило большихъ усилій отговаривать его друзей, чтобы не предлагали ему мѣстъ на службѣ и должностей. Вы знаете, что едва ли найдется другой человѣкъ, который бы такъ мало былъ способенъ отказать кому-нибудь, какъ Мельберри. Вы только представьте себѣ моего мужа на службѣ! Господи! Да кажется со всѣхъ пяти частей свѣта сбѣгутся люди, чтобы посмотрѣть на такое чудо. Ну, а я, я бы ужь предпочла выйти замужъ за Ніагарскій водопадъ, чѣмъ остаться съ нимъ. Право было бы покойнѣе...

Послѣ небольшаго раздумья, длившагося съ минуту, мистрисъ Селлерсъ снова вернулась къ предмету разговора и прибавила:

— Вы говорите о друзьяхъ? Да, едва ли у кого-нибудь было ихъ больше, чѣмъ у Мельберри, да еще какихъ друзей! Сколько разъ вотъ на этомъ самомъ стулѣ, на которомъ вы сидите, Вашингтонъ, сиживали Грантъ, Шерманъ, Шериданъ, Джонстонъ, Лонгстритъ, Ли и много, много другихъ...

Гаукинсъ благоговѣйно оглянулся на спинку стула, словно ища на ней вещественнаго отпечатка отъ славныхъ друзей Мёльберри.

— Вотъ какіе у него были друзья, прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Да, и сколько разъ бывали они у насъ.

Онъ еще разъ, словно очарованный, или загипнотизованный обернулся на этотъ стулъ и въ его, вообще мало работавшемъ воображеніи, сверкнула вдругъ картина дикой преріи, прорѣзываемая молніями выстрѣловъ, заволакивающихъ дымомъ горизонтъ. Съ нимъ случилось то же, что со слабымъ по части географіи путешественникомъ, котораго скучающій и равнодушный взглядъ, скользя изъ окна вагона, наталкивается неожиданно на станціонную вывѣску, съ громкимъ названіемъ: „Стрэдфордъ офъ-Эвонъ“.

Мистрисъ Селлерсъ продолжала равнодушно болтать:

— О, они всѣ охотно приходили къ нему поговорить, въ особенности, когда у нихъ бывало тяжело на душѣ, или когда угне-

тали ихъ заботы. У моего Мёльберри такое чудесное сердце и такая свѣжая душа, что онъ можетъ оживить и успокоить, какъ никто. Они сами говорили, что побыть у него, все равно, что съѣздить подышать деревенскимъ воздухомъ. Сколько разъ заставлялъ онъ смѣяться генерала Гранта, а это, смѣю васъ увѣрить, штука не легкая! Какъ блестѣли глаза у Шеридана! Право, можно было подумать, что слова Мёльберри дѣйствуютъ на него такъ же, какъ пушечный громъ. Вся прелесть Мёльберри состоитъ въ томъ, что онъ необыкновенно многограненъ и совершенно свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ. Съ нимъ хорошо всякому и вездѣ. Онъ необыкновенно милый собесѣдникъ и его цѣнятъ повсюду. Подите, напримѣръ, въ Бѣлый Домъ на пріемъ президента, когда Мёльберри тамъ. Даю слово, вы не сразу разберете, кто изъ нихъ кого въ сущности принимаетъ...

— Да, онъ дѣйствительно необыкновенный человѣкъ и всегда былъ такимъ. Скажите, онъ вѣрующій?

— До мозга костей. Онъ думаетъ и читаетъ о религіозныхъ вопросахъ больше, чѣмъ о чемъ бы то ни было другомъ, кромѣ Россіи и Сибири. Между тѣмъ, ханжества въ немъ совсѣмъ нѣтъ...

— А какое его вѣроисповѣданіе?

Она подумала съ минуту и сказала съ трогательною простотой:

— На прошлой недѣлѣ его идеаломъ было магометанство, или что-то въ этомъ родѣ...

Вашингтонъ отправился въ городъ за своимъ багажомъ, ибо гостепріимные Селлерсы не хотѣли слушать никакихъ отговорокъ и требовали, чтобы во все время своего пребыванія здѣсь Вашингтонъ жилъ у нихъ. Скоро вернулся полковникъ и засѣлъ за свою работу. Когда Гаукинсъ явился съ багажомъ, игрушка была только-что кончена.

— Можешь любоваться — готова!

— Скажи мнѣ, Селлерсъ, что̀ это собственно такое?

— Пустяки, мой милый, простая дѣтская игрушка.

Вашингтонъ заинтерссовался:

— Это повидимому цѣлая игра?

— Да, да! Я называю ее „свинки въ стойлахъ". Вотъ тебѣ, кстати: потрудись-ка ихъ разставить...

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ Вашингтону удалось рѣшить задачу и онъ радовался, какъ дитя.

— Чрезвычайно остроумно, мой милый полковникъ:—замѣчательно милое и интересное изобрѣтеніе. Оно можетъ занять человѣка на цѣлый день. Что ты предполагаешь съ нимъ дѣлать?

— Ровно ничего. Возьму привилегію и отложу его въ сторону.

— Напрасно. Это можетъ дать деньги.

Улыбка сожалѣнія промелькнула на лицѣ полковника:

— Да, конечно, сказалъ онъ. — Можетъ принести пустяки, какихъ-нибудь тысячъ сто долларовъ небольше.

Вашингтонъ широко раскрылъ глаза.

— Какъ, сто тысячъ долларовъ, это по твоему пустяки?

Полковникъ всталъ, прошелъ на цыпочкахъ къ полуотворенной двери, плотно ее притворилъ, затѣмъ также тихо вернулся на свое мѣсто и сказалъ вполголоса:

— Ты съумѣешь сохранить тайну?

Вашингтонъ утвердительно кивнулъ головой: онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить.

— Ты, конечно, слыхалъ о заклинаніяхъ и о вызываніи духовъ умершихъ?

Вашингтонъ кивнулъ головой.

— И ты, конечно, ничему этому не вѣрилъ? Ты дѣлалъ отлично, потому что, пока эта штука эксплуатируется невѣжественными шарлатанами, она дѣйствительно ничего не стоитъ. Подозрительный свѣтъ въ темномъ кабинетѣ, разныя глупыя штуки сентиментальнаго характера, появленіе все однѣхъ и тѣхъ же почему-то излюбленныхъ личностей, дѣдушекъ, бабушекъ Эндорской вѣдьмы, Джона Мильтона, Сіамскихъ близнецовъ и тому подобной чертовщины, а главное колоссальный гумбугъ и безстыдная реклама,—все это, мой милый, ужасная пошлость и глупость. Но когда за это возьмется серьезный человѣкъ во всеоружіи знанія и науки, тогда это совсѣмъ, совсѣмъ другое дѣло! Духъ, который отвѣтитъ на его вызовъ, не только появится, но и останется. Соображаешь ты коммерческую сторону этого дѣла, Вашингтонъ?

— По правдѣ говоря, полковникъ, я долженъ тебѣ покаяться, я въ твою идею еще проникнуть не могъ. Ты думаешь вѣроятно, что эти духи, которые останутся на болѣе продолжительное время, будутъ возбуждать въ публикѣ больше интереса и можно будетъ дороже продавать входные билеты за представленія?

— Какія представленія? Пожалуйста, другъ мой, захвати въ себя какъ можно больше воздуху: это будетъ нужно, и слушай

меня внимательно. Не дальше, какъ черезъ три дня, моя система будетъ закончена, и ты увидишь, какъ удивится весь міръ, потому что это будутъ дѣйствительно чудеса. Черезъ три дня ты увидишь, Вашингтонъ, какъ я буду вызывать умершихъ всѣхъ вѣковъ и какъ они будутъ оживать и появляться. Ты думаешь только оживать и появляться? Нѣтъ, они останутся совсѣмъ, здѣсь на землѣ, съ мускулами и кровью, въ томъ самомъ видѣ, какъ были при жизни...

— Селлерсъ, у меня дѣйствительно захватываетъ духъ.

— Теперь ты понимаешь, что̀ на этомъ можно заработать?

— Ей-Богу я не знаю, понялъ ли я тебя?

— Ну такъ слушай. Это будетъ моя монополія. Всѣ они будутъ принадлежать мнѣ. Въ Нью-Йоркѣ двѣ тысячи городовыхъ. Содержаніе каждаго четыре доллара въ день. Я моихъ покойниковъ поставлю на эту службу за два доллара человѣка.

— Замѣчательно! Мнѣ это, признаюсь, не пришло и въ голову. Четыре тысячи долларовъ ежедневно. Теперь я начинаю понимать; но только будутъ ли твои покойники хорошо исполнять свои обязанности?

— Конечно, вѣдь исполняли же они ихъ при жизни!..

— Да, разумѣется, если смотрѣть съ этой стороны...

— Смотри съ какой тебѣ угодно стороны, соображай всѣ обстоятельства, какъ тебѣ угодно, и все-таки мои люди будутъ лучше всѣхъ остальныхъ: вопервыхъ, они не будутъ ни ѣсть, ни пить,—это имъ совсѣмъ не нужно; вовторыхъ, они не пойдутъ сорить деньги въ игорные дома и тайные кабаки: втретьихъ, они не будутъ соблазнять кухарокъ и горничныхъ; вчетвертыхъ, если на кого-нибудь нападутъ въ темной улицѣ негодяи и вздумаютъ его заколоть или застрѣлить изъ-за угла, то попортятъ только мундиры и ничего больше, такъ какъ ты понимаешь, что подобнаго городоваго убить нельзя?

— Да, конечно, полковникъ, если ты въ состояніи поставить такихъ городовыхъ, это дѣло отличное!..

— Я могу поставить любой товаръ. Возьмемъ, напримѣръ, армію, у насъ считается двадцать пять тысячъ человѣкъ. Ежегодный расходъ двадцать два милліона долларовъ. Я воскрешу Римлянъ, вызову Грековъ и за десять милліоновъ долларовъ въ годъ поставлю правительству 10.000 ветерановъ изъ побѣдоноснѣйшихъ легіоновъ всѣхъ вѣковъ. Изъ года въ годъ эти солдаты на воскрешенныхъ лошадяхъ будутъ преслѣдовать Индій-

цевъ и сражаться съ ними и при этомъ ихъ пища и вооруженіе не будутъ стоить ни копѣйки. Европейскія арміи обходятся около двухъ милліардовъ въ годъ. Я замѣню ихъ гораздо лучшими за одинъ милліардъ. Я воскрешу государственныхъ людей всѣхъ временъ и народовъ и создамъ для нашего отечества такой конгрессъ, который мудро и предусмотрительно рѣшитъ всѣ вопросы и котораго, къ слову сказать, мы не имѣемъ съ самаго объявленія независимости, а вѣроятно и не дождемся никогда, пока, вмѣсто нынѣшнихъ, дѣйствительно покойниковъ, не явится настоящій законодательный товаръ. Европейскіе троны замѣщу я изъ самаго лучшаго запаса мудрости и нравственности, какими располагаютъ королевскія гробницы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Ихъ содержаніе по цивильнымъ листамъ я распредѣлю имъ честно и справедливо, удержавъ себѣ только мою законную половину...

— Ахъ, дружище, если только половина изо всего этого похожа на правду, то вѣдь это все милліоны, милліоны!..

— То-есть не милліоны, а милліарды. Пойми, что все это до такой степени близко, до такой степени ощутительно, до такой степени предстоитъ непосредственно, что еслибы теперь пришелъ ко мнѣ кто-нибудь и сказалъ бы: „полковникъ, у меня маленькая заминка въ деньгахъ, не одолжите ли вы мнѣ двухъ милліоновъ долларовъ, я бы сказалъ ему...“ Войдите!

Послѣднее относилось, впрочемъ, къ раздавшемуся стуку у дверей. Вошелъ спѣшно человѣкъ съ энергическою наружностью и большимъ портфелемъ въ рукѣ, вытащилъ какую-то бумагу и подалъ ее Селлерсу съ короткимъ примѣчаніемъ:

— Семнадцатая и послѣдняя повѣстка. Потрудитесь сейчасъ же заплатить три доллара сорокъ центовъ, полковникъ Мёльберри Селлерсъ!

Полковникъ схватился сначала за одинъ, потомъ за другой карманъ, ощупалъ себя со всѣхъ сторонъ и проворчалъ:

— Куда я дѣлъ свой бумажникъ? Здѣсь нѣтъ, здѣсь тоже нѣтъ, вѣроятно я оставилъ его въ кухнѣ; я сейчасъ!...

— Нѣтъ, ужь вы потрудитесь остаться на мѣстѣ и не уходить, покорнѣйше прошу васъ уплатить деньги!

Вашингтонъ предложилъ свои услуги идти искать бумажникъ. Когда онъ ушелъ изъ комнаты, полковникъ сказалъ:

— Собственно говоря, мнѣ придется и этотъ разъ попросить васъ обождать, Сёггсъ. Мнѣ самому кое-кто не заплатилъ...

— Нѣтъ, уже вы себѣ тамъ взыскивайте, какъ хотите, а мнѣ деньги пожалуйте! Очень ужь долго это все тянется!..

Полковникъ безнадежно оглянулъ комнату. Но вдругъ его черты прояснились. Онъ подошелъ къ противуположной стѣнѣ и началъ вытирать носовымъ платкомъ свои ужасныя олеографіи. Затѣмъ снялъ одну изъ нихъ со стѣны, поднесъ ее съ большимъ уваженіемъ къ сборщику, отвернулся и произнесъ:

— Возьмите и уносите, но такъ, чтобъ я не видалъ. Это мой послѣдній Рембрандъ.

— Какой чортъ Рембрандъ! Самая негодная мазня...

— Ради Бога, не говорите такъ, заклинаю васъ: это единственный великій оригиналъ, замѣчательное произведеніе древней школы...

— Какой тамъ школы! Нужна мнѣ очень эта мерзость...

Полковникъ досталъ другое подобное же произведеніе искусства.

— Возьмите ужь и этого послѣдняго, настоящаго Фра-Анжелико...

— Что̀ съ вами дѣлать! Давайте ужь. Еще подумаютъ, что я обокралъ какого-нибудь негра цирюльника...

Когда двери уже захлопывались за сборщикомъ, полковникъ крикнулъ ему вслѣдъ взволнованнымъ голосомъ:

— Пожалуста, закройте чѣмъ-нибудь картины! У Фра-Анжелико слишкомъ нѣжныя краски; того и гляди отсырѣютъ...

Но сборщикъ былъ уже далеко.

Вашингтонъ появился и сообщилъ, что и онъ, и мистрисъ Селлерсъ, и прислуга искали бумажникъ и не нашли. При этомъ онъ прибавилъ, что еслибъ удалось поймать одного человѣка, то не нужно бы было искать никакихъ бумажниковъ.

Селлерсъ навострилъ уши.

— Какого человѣка?

— Тамъ у насъ въ Чирокъ-Лэндѣ его звали однорукимъ Петромъ. Онъ обокралъ банкъ въ Талеква...

— Да развѣ въ Талеква есть банки?

— Есть по крайней мѣрѣ одинъ; въ ограбленіи подозрѣваютъ этого Петра. Онъ ли, или другой кто обокралъ банкъ, но украдено оттуда 20.000 долларовъ, и за поимку вора назначена награда въ пять тысячъ. Ѣхавъ сюда, я, кажется, этого человѣка встрѣтилъ...

— Что̀ ты говоришь! Не можетъ быть!..

— Вѣрно одно: въ первый же день какъ я сѣлъ на желѣзную

дорогу, я встрѣтилъ человѣка, котораго внѣшность подходила довольно близко къ описанію. По крайней мѣрѣ, онъ былъ съ одною рукой и одѣтъ точно такъ же, какъ написано.

— Почему же ты его тотчасъ не схватилъ и не потребовалъ награды?

— Потому что не могъ. Нужно было имѣть приказъ объ его задержаніи. Я намѣревался не упускать его изъ вида и ждать благопріятнаго случая.

— Ну и что̀ же?

— Ушелъ куда-то ночью съ поѣзда.

— Какая досада! Это просто несчастіе.

— Несчастіе, да не совсѣмъ. Онъ все-таки пріѣхалъ съ тѣмъ же поѣздомъ въ Балтимору, хоть я объ этомъ и не зналъ. Когда я ѣхалъ съ вокзала, я увидалъ его около желѣзной рѣшетки съ саквояжемъ въ рукѣ.

— Отлично, значитъ мы его поймаемъ. Мы сейчасъ обдумаемъ какого плана держаться.

— Я думаю сообщить балтиморской полиціи описаніе его примѣтъ.

— Зачѣмъ? Чтобъ она получила за него вознагражденіе?

— Такъ что̀ же дѣлать?

Полковникъ задумался:

— Я тебѣ скажу: Въ Балтиморѣ выходитъ газета „Солнце". Мы помѣстимъ примѣрно такое объявленіе „А. Напиши мнѣ, Петръ, нѣсколько строкъ"... Постой! какой руки-то у него нѣтъ?

— Правой.

— Отлично. Пиши: „Напиши мнѣ, Петръ, нѣсколько строкъ, хотя бы лѣвою рукой. Адресуй X. Y. Z. на главный почтамтъ въ Вашингтонъ. Кто я, ты знаешь". Вотъ мы его и поймали

— Но вѣдь онъ же не будетъ знать отъ кого это?

— Но за то онъ будетъ желать это узнать.

— Да, разумѣется; я объ этомъ не подумалъ. Какъ ты это догадался?

— Я знаю, какова сила человѣческаго любопытства; это очень яркая и рѣзкая черта. Теперь я пойду въ мою комнату, а ты напиши объявленіе, приложи долларъ и прибавь, чтобы дали мѣсто какъ разъ на эту сумму.

IV.

День оканчивался. Весь вечеръ наши друзья посвятили подробному обсужденію, какъ употребить пять тысячъ долларовъ вознагражденія, которые они имѣли получить послѣ поимки однорукаго Петра, установленія его самоличности, допроса и пересылки его въ Талеква на индійскую территорію. Было сдѣлано столько разнообразныхъ предложеній относительно употребленія денегъ, что друзья не могли остановиться рѣшительно ни на чемъ. Наконецъ мистрисъ Селлерсъ до того надоѣли эти разговоры, что она замѣтила: „Ну не безсмыслица ли въ самомъ дѣлѣ жарить кролика раньше чѣмъ онъ пойманъ?“

На время это дѣло оставили, и всѣ разошлись спать.

Утромъ на слѣдующій день Селлерсъ по требованію Гаукинса написалъ объясненіе и сдѣлалъ чертежи къ изобрѣтенной имъ игрѣ для взятія на нее патента, а Гаукинсъ захватилъ съ собою самую игрушку, чтобы попытаться пустить ее въ ходъ.

Въ маленькой старой лавчонкѣ, занимаемой прежде семействомъ негровъ, помѣщался неряшливаго вида янки и трудился надъ починкой, ломаныхъ стульевъ и другой старой мебели. Онъ сначала съ большимъ равнодушіемъ посмотрѣлъ на предложенную ему игрушку, попробовалъ рѣшить задачу самъ; затѣмъ вниманіе его возбуждалось все больше и больше; наконецъ, благополучно добившись цѣли, онъ спросилъ:

— Патентъ взятъ?

— Заявленъ.

— Этого совершенно достаточно. Чтò вы за эту штуку желаете?

— А почемъ ее можно продавать?

— Я думаю, по двадцать пять центовъ.

— Чтò бы вы заплатили за исключительное право продажи?

— Наличными я бы не далъ и двадцати долларовъ, но вотъ чтò вамъ могу предложить. Я пущу вашу игрушку въ продажу и буду вамъ платить по пяти центовъ отъ штуки.

Вашингтонъ вздохнулъ. Еще одна обманутая надежда! Очевидно, что ста тысячами тутъ и не пахнетъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Хорошо, дѣло идетъ; пишите договоръ.

Съ договоромъ въ карманѣ онъ продолжалъ свою дорогу, совершенно перставъ думать о свинкахъ въ стойлѣ, но тѣмъ настойчивѣе углубляясь въ рѣшеніе вопроса, что̀ дѣлать ему съ его половиной наградныхъ денегъ въ томъ случаѣ, если они съ Селлерсомъ не придутъ къ соглашенію относительно подходящаго употребленія всѣхъ пяти тысячъ? Онъ вернулся домой. Ждать пришлось очень недолго. Явился Селлерсъ съ лицомъ попеременно то грустнымъ отъ какого-то необыкновеннаго горя, то сіяющимъ отъ радостнаго волненія. Онъ упалъ на грудь Гаукинса и зарыдалъ.

— О, дорогой другъ мой, раздѣли со мной печаль мою и моей осиротѣлой семьи! Судьба лишила меня послѣдняго родственника и вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ лордъ Росморъ... Поздравь меня!

Онъ обернулся къ своей женѣ, вошедшей въ комнату во время этой сцены, положилъ ей руку на плечо и сказалъ:

— Ради вашей любви ко мнѣ, соберитесь съ духомъ, миледи. Такъ должно было случиться. Это рука Провидѣнія!

Мистрисъ Селлерсъ, которой вовсе не было нужно собираться съ духомъ, сказала:

— Ну какая тутъ потеря? Симонъ Латерсъ былъ хоть и добрякъ, но совершенно безполезный человѣкъ; братъ его и совсѣмъ не стоилъ ни гроша.

Полковникъ продолжалъ:

— Эти противуположныя чувства горя и радости до такой степени потрясли мою душу, что я рѣшительно не въ силахъ заняться дѣлами. Поэтому я попрошу нашего добраго друга извѣстить по телеграфу или почтой лэди Гвендолену и сообщить ей...

— Это что̀ за лэди Гвендолена?

— Ахъ, это наша бѣдная дочь!

— Салли Селлерсъ? Мельберри Селлерсъ, ты помѣшался?

— Пожалуйста, миледи, не забывайте, кто вы теперь и кто я. Храните ваше достоинство и не оскорбляйте моего. Вы сдѣлали бы лучше всего, еслибы не перепутывали нашихъ именъ. Я лордъ, а вы лэди Росморъ.

— Боже милостивый! Нужно же еще и этому случиться! Какъ же мнѣ тебя звать?

— Когда мы съ вами вдвоемъ, то обыкновенныя ласковыя выраженія еще могутъ быть до извѣстной степени допустимы; въ присутствіи другихъ я считаю приличнымъ, чтобы вы называли

меня „милордъ“, а когда вы говорите обо мнѣ, то можете называть меня или „Росморъ“, или „графъ“, или „его свѣтлость“.

— О Господи, какая все это чепуха!

— Голубушка моя! Но вѣдь должны же мы считаться съ нашимъ новымъ положеніемъ и подчиняться насколько возможно его серьезнымъ требованіямъ?

— Хорошо, хорошо! Ты знаешь, что я всегда исполняла твою волю не сопротивляясь. И такъ я къ этому привыкла, милордъ, что хоть я и считаю эту новую твою штуку колоссальнѣйшею глупостью, но дѣлать нечего! Мнѣ ужь поздно начинать съ тобой спорить.

— Узнаю мою вѣрную любимую дорогую жену! Поцѣлуй меня и будемъ друзьями!

— Но Гвендолена? Я не знаю, привыкну ли я когда-нибудь къ этому имени? Я думаю, никто и не пойметъ, что это говорятъ про Салли Селлерсъ. Это имя такое громкое, что будетъ идти къ ней, какъ длинная мантія къ маленькому херувиму. И потомъ, самое имя какое-то иностранное!

— Увѣряю тебя, миледи, что отъ нея не услышишь никакого возраженія...

— Да, это-то вѣрно! Она съ самаго рожденія склонна ко всякимъ романтическимъ бреднямъ. Это ужь не отъ меня къ ней перешло, навѣрно. А тутъ еще помѣстили ее въ дурацкій пансіонъ, гдѣ она не только не вылѣчится и не поправится, а скорѣе наоборотъ...

— Ты слышишь, Гаукинсъ, что̀ она говоритъ? Ровена, Айвенго-колледжъ, да это самый центръ женской образованности въ Америкѣ. Ни подъ какимъ видомъ не примутъ туда дѣвушку, которая не была бы или богата или не имѣла бы своими предками четырехъ поколѣній такъ-называемаго американскаго джентри. Колледжъ этотъ, мой милый, представляетъ собою цѣлый зáмокъ съ башнями и башенками и даже окруженъ рвомъ и валомъ. Всѣ названія взяты изъ романовъ Вальтеръ-Скотта. Вездѣ приличіе блескъ и тонкія манеры. Богатыя дѣвушки держатъ свои экипажи и кучеровъ въ ливреѣ или верховыхъ лошадей и Англичанъ берейторовъ въ застегнутыхъ фракахъ и высокихъ сапогахъ, которые съ бичемъ въ рукахъ ѣздятъ за ними сзади на разстояніи 63 футовъ.

— И прибавьте при этомъ, Вашингтонъ Гаукинсъ, что дѣвушки тамъ не учатся ничему, кромѣ бьющихъ въ глаза глупо-

стей и совершенно антиамериканскихъ предразсудковъ. Посылай, посылай, пожалуста, за своей лэди Гвендоленой. По всей вѣроятности аристократическіе обычаи требуютъ, чтобъ она вернулась домой и въ уединеніи оплакивала этихъ арканзасскихъ бродягъ?..

— Милэди!.. Какія слова!.. Бродяги! Опомнитесь! Noblesse oblige!..

— Хорошо, хорошо... только говори со мной, пожалуста, по человѣчески. Росс... все равно, ты не выдержишь этого тона и непремѣнно собьешься. И не смотри на меня, Бога ради, такъ, точно я сдѣлала какое-нибудь преступленіе. Вѣдь привычки цѣлой жизни въ одну минуту не перемѣнишь. Ну успокойся же, Росморъ... Кажется такъ?.. и позаботься о Гвендоленѣ. Вы, Вашингтонъ, будете писать или телеграфировать?

— Онъ будетъ телеграфировать, милэди.

— Такъ я и думала, проворчала лэди Росморъ, когда мужъ вышелъ изъ комнаты. — Разумѣется нужно, чтобы на телеграфѣ выписали весь титулъ. Право, онъ изъ дочери сдѣлаетъ дуру. Конечно, телеграмму доставятъ; если тамъ есть и другіе Селлерсы, разумѣется никто этого на себя не приметъ. А ужъ за то она постарается извлечь изъ этого все, что̀ возможно. А впрочемъ, вѣдь это такъ простительно. Наряду съ богатыми подругами она, бѣдная, терпѣла вѣроятно много униженій и если теперь она отплатитъ имъ съ процентами, это будетъ совершенно справедливо.

Дѣдъ Донль понесъ телеграмму, такъ какъ, несмотря на то, что въ углу комнаты на видномъ мѣстѣ висѣлъ телефонъ, всѣ усилія Вашингтона установить сообщеніе съ центральною станціей оказались напрасными. Полковникъ ворчалъ, что телефонъ всегда перестаетъ дѣйствовать именно когда онъ нуженъ, позабывъ однако сообщить, что отъ аппарата проволокъ никакихъ не шло; это не мѣшало полковнику впрочемъ въ присутствіи знакомыхъ вести оживленные разговоры съ разными отсутствующими лицами.

Траурная бумага, конверты и печать были заказаны, и наши друзья успокоились.

Послѣ обѣда, пока Вашингтонъ по просьбѣ своего друга завѣшивалъ чернымъ крепомъ портретъ Андрью Джэксона, законный лордъ сообщалъ узурпатору въ Англіи, въ извѣстномъ уже читателю письмѣ, о понесенной домомъ Росморовъ потерѣ. Одно-

временно съ этимъ онъ сообщилъ властямъ въ Дёффи-Корнерсъ въ Арканзасѣ свои распоряженія: пригласить изъ Санъ-Луиса спеціалиста, набальзамировать бренные останки близнецовъ и вмѣстѣ со счетомъ отправить наложеннымъ платежомъ въ Англію къ узурпатору. Затѣмъ онъ нарисовалъ на большомъ листѣ пропускной бумаги гербъ дома Росморовъ, не позабывъ помѣстить также и его девизъ; они отнесли этотъ рисунокъ къ мебельщику-янки и вернулись назадъ съ огромными тесовыми раскрашенными щитами, которые и укрѣпили на наружной сторонѣ дома. Это должно было произвести впечатлѣніе, и дѣйствительно произвело: необычное украшеніе собирало въ теченіе нѣсколькихъ дней цѣлыя толпы жившихъ по сосѣдству праздныхъ негровъ, оборванныхъ ребятишекъ и бродячихъ собакъ.

Новый лордъ безо всякаго удивленія нашелъ въ нумерѣ вечерней газеты, вырѣзалъ и тщательно вклеилъ въ свою записную книжку слѣдующую замѣтку: „Вслѣдствіе одного смертнаго случая, нашъ уважаемый согражданинъ полковникъ Мёльберри Селлерсъ, пожизненный членъ дипломатическаго корпуса, вступаетъ, какъ законный лордъ, въ обладаніе обширнѣйшимъ графствомъ Росморъ, третьимъ по значенію графствомъ Англіи, и возбуждаетъ въ Палатѣ Лордовъ процессъ противъ нынѣшняго незаконнаго владѣльца его земель и титуловъ. За все время траура обычные вечерніе пріемы по четвергамъ въ зàмкѣ Росморъ отмѣняются“.

Лэди Росморъ сдѣлала къ этой замѣткѣ слѣдующее примѣчаніе въ формѣ монолога:

— Вечерніе пріемы! Люди, которые плохо знаютъ моего Мёльберри, могутъ считать его за чудака, между тѣмъ какъ, по моему мнѣнію, это самый необыкновенный человѣкъ, котораго я только знаю. Вообразить себѣ что-нибудь колоссальное и притомъ съ такою быстротой можетъ только онъ одинъ. Ну, кому придетъ въ голову назвать эту старую мышеловку зàмкомъ Росморъ? А у него это дѣлается какъ-то само собою. Конечно, это благословеніе Божіе обладать такою удивительною фантазіей и умѣть быть счастливымъ при всякихъ обстоятельствахъ. Дядя Давидъ Хопкинсъ говорилъ бывало: еслибъ я былъ Жаномъ Кальвиномъ, я бы желалъ знать прежде всего, куда ведетъ мой путь; а еслибъ я былъ Мёльберри Селлерсомъ, я бы объ этомъ ни минуты не безпокоился“.

А лордъ Росморъ говорилъ про себя:

— Чудесное имя, звучитъ отлично. Ужасно жаль, что я не думалъ объ этомъ раньше, прежде чѣмъ писать къ узурпатору. Но мы уже обдумаемъ это, когда придетъ отвѣтъ...

V.

Телеграмма была отправлена, но ни отвѣта, ни дочери не было. Впрочемъ, объ этомъ не безпокоился и этому не удивлялся никто, кромѣ Вашингтона. Послѣ трехдневнаго ожиданія, онъ рѣшился наконецъ спросить у леди Росморъ, какая можетъ быть причина подобнаго опозданія? Она отвѣчала съ полнымъ спокойствіемъ:

— Какой-нибудь капризъ; опредѣлить это заранѣе нельзя. Ни одинъ Селлерсъ не можетъ сказать заранѣе, что̀ онъ сдѣлаетъ, такъ какъ онъ самъ этого не знаетъ, пока не сдѣлалъ. Безпокоиться за нее совершенно напрасно: все будетъ благополучно. Когда она будетъ готова, она или напишетъ, или пріѣдетъ, но что̀ именно, никто впередъ не угадаетъ.

На этотъ разъ было получено письмо. Оно было тотчасъ же передано матери, которая распечатала его совершенно спокойно, безо всякаго волненія и безъ дрожи въ рукахъ, которая замѣчается обыкновенно при вскрытіи запоздавшихъ писемъ, въ отвѣтъ на спѣшныя депеши. Она съ разстановкой и тщательно протерла свои очки, продолжая начатый разговоръ, затѣмъ развернула письмо и начала читать вслухъ:

„Кенильвортъ-Кипъ Редгонтлтъ-Голль
Ровена, Айвенгоколледжъ, четвергъ.

„Дорогая, милая мама, Росморъ!

„О, какая радость! Ты себѣ не можешь представить ничего подобнаго. Ты знаешь, какъ онѣ смѣялись надъ нашими претензіями и какъ я отгрызалась какъ могла, смѣясь надъ ихъ ничтожествомъ. Онѣ говорили, что дѣйствительно пріятно быть законною тѣнью графскаго рода, но быть только тѣнью этой тѣни, да еще притомъ второстепенной или третьестепенной, жалостно. Я отвѣчала всегда: не быть въ состояніи назвать своими предками четыре поколѣнія американской колоніальной бакалейной, галантерейной или соляной аристократіи, — положеніе еще сносное,

но выводить такимъ образомъ свою геніалогію, — я donc! И вдругъ телеграмма. Она имѣла дѣйствіе урагана. Разсыльный принесъ ее какъ разъ, когда мы были всѣ въ сборѣ въ пріемной залѣ Робъ-Рой. Онъ былъ ужасно взволнованъ и закричалъ: „депеша лэди Гвендоленѣ Селлерсъ!“ Еслибы ты посмотрѣла, какъ эти болтушки, представительницы мельхіоровой аристократіи, окаменѣли всѣ вдругъ! Я сидѣла скромно въ уголкѣ, какъ и слѣдуетъ Сандрильонѣ. Я взяла телеграмму, прочла и сдѣлала попытку упасть въ обморокъ. Мнѣ бы это удалось, еслибъ я была сколько-нибудь подготовлена, но меня захватили совершенно врасплохъ. Впрочемъ, я конечно не потерялась и сдѣлала что̀ могла: я зарыдала, прижала платокъ къ глазамъ и убѣжала въ мою комнату, уронивъ, разумѣется, впопыхахъ депешу на полъ. Уходя, я однимъ глазомъ видѣла, какъ онѣ цѣлымъ стадомъ бросились на депешу, и ушла совершенно счастливая.

„Вслѣдъ затѣмъ начались визиты соболѣзнованія; я должна была принять предложеніе миссъ Августы Темпльтонъ-Гамильтонъ уступить мнѣ ея каморку, такъ какъ наплывъ публики былъ огромный, а въ моей коморкѣ, если встанутъ трое, то уже не протиснуться и кошкѣ. Я вся ушла въ свое горе и стойко отклоняла самыя заманчивыя предложенія дружбы; представь себѣ, первою явилась ко мнѣ со слезами и соболѣзнованіемъ эта дерзкая дѣвченка Скимпертонъ, которая обращалась со мной всего презрительнѣе и явно желала первенствовать въ колледжѣ на томъ основаніи, что одинъ изъ ея предковъ назывался Макъ-Алистеръ.

„Ужь и торжествовала же я, ты можешь себѣ представить! Эта Скимпертонъ и еще двѣ другія дуры спорили между собою постоянно о первенствѣ; онѣ почти ничего не ѣли, такъ какъ каждая стремилась сохранить за собою право первою выйти изъ-за стола. На другой день моего траура и уединеннаго сидѣнья (въ это время я сшила себѣ траурный костюмъ) выхожу я къ обѣду... Представь себѣ что̀ случилось: мои три гусенка сидятъ преспокойно и утоляютъ давно мучащій ихъ голодъ: ѣдятъ, ѣдятъ до отвалу, посматриваютъ и ждутъ пока лэди Гвендолена не встанетъ первая. Каково!

„Да, я пережила чудные, великолѣпные дни! Надо тебѣ знать, что ни одна изъ моихъ подругъ по колледжу не была настолько жестока, чтобы задать мнѣ вопросъ, откуда взялось у меня это новое имя? Я думаю, что немногія руководствовались здѣсь

чувствомъ христіанскаго состраданія. Это была скорѣе черта благовоспитанности.

„Какъ только я покончу съ нѣкоторыми старыми счетами и свыкнусь съ этимъ опьяняющимъ туманомъ постигшаго насъ горя, я уложусь и пріѣду къ вамъ. Скажи папѣ, что я его такъ же крѣпко люблю, какъ и мое новое имя: сильнѣе я выразиться не могу. Что за вдохновеніе осѣнило его дать мнѣ депешу! Впрочемъ, эти вдохновенія у него такъ обычны.

„Любящая тебя дочь

Гвендолена.“

Гаукинсъ протянулъ руку, взялъ письмо и пробѣжалъ его еще разъ.

— Отличный почеркъ, сказалъ онъ,—полный жизни и увѣренности. Какія смѣлыя прямыя черты! Ваша дочь должно быть умна. Это видно по почерку...

— О, Селлерсы всѣ очень умны, по крайней мѣрѣ всѣ были бы умны, еслибъ ихъ было больше на свѣтѣ. Даже эти бѣдные Латерсы были бы умнѣе, еслибъ они были чистокровные Селлерсы. У нихъ были нѣкоторыя наши черты, и даже важныя черты но подмѣшанное вино, какъ хотите, не настоящее.

На седьмой день послѣ отсылки телеграммы Вашингтонъ меланхолически спускался внизъ къ завтраку, какъ вдругъ остановился словно пораженный электрическимъ ударомъ, впрочемъ чрезвычайно пріятнымъ. За столомъ сидѣло юное существо, прелестнѣе котораго онъ не видалъ во всю свою жизнь. Это была Салли Селлерсъ, превратившаяся въ лэди Гвендолену и пріѣхавшая ночью. Костюмъ ея показался ему также самымъ красивымъ и очаровательнымъ изо всѣхъ когда-либо имъ видѣнныхъ, какъ съ точки зрѣнія необыкновеннаго вкуса, такъ и по гармоническому сочетанію цвѣтовъ и отдѣлки. Это было утреннее платье, очень недорогое, но, какъ говорятъ въ Чирокъ-Стритѣ, ослѣпительное. Тутъ же стало ему понятно, почему, несмотря на бѣдность и плохое хозяйство Селлерсовъ, въ ихъ домѣ было такъ по душѣ посѣтителю. Вотъ она та волшебница, которая, даже отсутствуя, сообщала всему окружающему свойственную ей прелесть и совершенство!

— Моя дочь, майоръ Гаукинсъ! Она пріѣхали домой, чтобы горевать вмѣстѣ съ нами, поспѣшила сюда, чтобъ облегчить бремя тяжкой утраты виновнику своего существованія. Еслибы

вы знали, какъ она была предана покойному лорду, какъ любила, какъ обожала его!..

— Да перестань, папа, я его никогда въ жизни не видала.

— Да, это правда, я ошибся, это я думалъ про твою мать.

— Это я-то обожала эту копченую треску, этого бездѣльнаго и безполезнаго...

— Такъ это значитъ себя одного имѣлъ я въ виду... благородный бѣднякъ; мы были съ нимъ неразрывные дру...

— Послушайте его только! Мёльберри Сел... виновата, лордъ Росморъ,—чортъ бы побралъ эти скучныя имена, я, кажется, никогда къ нимъ не привыкну, вѣдь я тебѣ тысячу разъ говорила, что если этотъ старый дуракъ...

— Ну, хорошо, хорошо! Не знаю ужь, кто мнѣ пришелъ въ голову, но я отлично помню, что были люди его глубоко уважавшіе. .

— Папа, я подаю майору Гаукинсу руку, а то твое представленіе не будетъ имѣть конца. Я васъ припоминаю, майоръ, хотя, когда мы съ вами видѣлись въ послѣдній разъ, я была еще совсѣмъ маленькою дѣвочкой. Я очень рада видѣть васъ вновь и привѣтствовать, какъ друга нашего дома.

Она съ очаровательною улыбкой закончила свою фразу дружескимъ рукопожатіемъ, выразивъ надежду, что онъ тоже ея не позабылъ.

Майору Гаукинсу была въ высшей степени пріятна эта откровенная сердечность, и онъ сталъ увѣрять Гвендолену, что помнитъ ее лучше чѣмъ собственныхъ дѣтей; онъ пробовалъ даже припоминать кое-какія подробности изъ ея дѣтства, но фразы хромали и не клеились. Происходило ли это отъ чрезмѣрнаго обаянія ея красоты, или оттого, что майоръ Гаукинсъ не былъ въ душѣ убѣжденъ, дѣйствительно ли онъ ее помнитъ, трудно сказать, но его увѣренія были приняты благосклонно, и между собесѣдниками установилась тихая дружба, что̀, впрочемъ, иначе не могло и быть.

Красота молодой дѣвушки была дѣйствительно рѣдкая, почему мы и позволимъ остановиться на ней на минуту. Эта красота происходила не отъ наличности отдѣльныхъ красивыхъ частей лица, глазъ, носа или рта, но отъ ихъ необыкновенно удачнаго общаго сочетанія. При истинной красотѣ гораздо бо́льшую роль играетъ именно эта выразительность всего лица въ его общемъ, равно какъ и нѣжные оттѣнки въ цвѣтѣ кожи. Сочетаніе цвѣтовъ здѣсь самое главное: пестрота и яркость красокъ, сообща-

мая пейзажу вулканическимъ изверженіемъ, можетъ сдѣлать безобразною дѣвушку даже съ очень правильными чертами лица. У Салли Селлерсъ цвѣтъ лица былъ, наоборотъ, выраженъ въ такихъ нѣжныхъ тонахъ, что даже его одного было бы достаточно для серьезной красоты.

Такъ какъ семейный кругъ лорда Росмора съ пріѣздомъ дочери окончательно заполнился, то было рѣшено, что оффиціальный трауръ начнется съ этого дня, и именно въ шесть часовъ вечера, и будетъ оканчиваться вмѣстѣ съ окончаніемъ обѣда.

— Это знатный, старинный и гордый родъ, майоръ! Онъ заслуживаетъ траура, королевскаго траура, я бы сказалъ даже императорскаго. Лэди Гвендолена! ахъ ея уже нѣтъ, — но это все равно, я хотѣлъ попросить ее принести нашъ генеалогическій списокъ; я самъ его принесу и постараюсь дать тебѣ понятіе о томъ, какое значеніе имѣетъ въ исторіи Англіи нашъ домъ. Я изучалъ Борка и нашелъ, что Вильгельмъ Завоеватель былъ родоначальникомъ, — будь добра, моя дорогая, принеси мнѣ эту книгу; она лежитъ на письменномъ столѣ въ нашей спальнѣ; — такъ о чемъ бишь я говорилъ? Да; только Сентъ-Эльбенсы, Бекля и Графтоны занимаютъ мѣсто впереди насъ по старшинству. Всѣ остальные британскіе роды располагаются въ послѣдовательномъ порядкѣ ниже насъ. Благодарю, моя дорогая! — Итакъ, возвращаюсь къ Вильгельму Завоевателю... Позволь, дружище, это что̀ у тебя? Письмо на имя X. Y. Z? Прелестно! Когда ты его получилъ?

— Вчера вечеромъ. Когда ты вернулся домой, я уже спалъ. Ты пришелъ очень поздно. А сегодня, заболтавшись съ лэди Гвендоленой, я о немъ совершенно позабылъ.

— Не правда ли, прелестная дѣвушка? Ея знатное происхожденіе видно во всемъ: въ чертахъ лица, въ походкѣ, въ манерахъ. Но, однако, давай скорѣй письмо! Меня ужасно интересуетъ что̀ онъ пишетъ?..

— Я еще самъ не читалъ, мистеръ Русс.... Росс....

— Говори просто „милордъ", какъ это принято въ Англіи. Ну, давай распечатаемъ письмо и прочтемъ: „Господину „ты знаешь кому". Я думаю, что я тебя узналъ. Подожди десять дней. Пріѣду въ Вашингтонъ самъ."

Большое волненіе выразилось въ чертахъ обоихъ собесѣдниковъ. Наступило короткое нерѣшительное молчаніе. Затѣмъ Гаукинсъ сказалъ со вздохомъ:

— Не можемъ мы десять дней ждать денегъ.

— Нѣтъ, этотъ человѣкъ глупъ! Точно не знаетъ, что у насъ нѣтъ ни гроша.

— А что если ему какимъ-нибудь образомъ объяснить, что въ нашемъ положеніи нельзя терять ни минуты времени?

— Да, да, совершенно вѣрно... что для насъ очень важно, чтобъ онъ пріѣхалъ поскорѣе и что мы...

— Ну, и что мы?

— Ну что мы очень будемъ ему признательны.

— Ну, еще бы!

— Навѣрно, навѣрно! Если мы такъ напишемъ, то, предполагая, что онъ человѣкъ порядочный, которому не чужды участіе и симпатія, онъ явится сюда черезъ сутки. Давай скорѣй бумагу и перо!

Они написали вмѣстѣ до двадцати разныхъ проектовъ объявленія, но ни одинъ изъ нихъ ихъ не удовлетворилъ. Главное, что непріятно бросалось въ глаза, была поспѣшность. Это обстоятельство могло испортить все дѣло и возбудить подозрѣніе Петра; а когда эту поспѣшность старались смягчить, объявленіе теряло смыслъ и становилось безполезнымъ. Наконецъ лордъ бросилъ перо и сказалъ:

— Могу тебя увѣрить моею литературною опытностью, что труднѣе всего скрыть какую-нибудь мысль, когда ее стараешься скрыть. Наоборотъ, если писать съ чистою совѣстью, не желая ничего скрывать, можно во всякое время написать цѣлую книгу, въ которой никто ничего не пойметъ. Такъ всѣ и пишутъ.

Гаукинсъ тоже бросилъ это дѣло, и оба согласились наконецъ, что нужно принять всевозможныя мѣры, чтобы переждать эти десять дней. Скоро показался и лучъ надежды. Такъ какъ они стоятъ уже на твердой почвѣ, то подъ эту обѣщанную въ награду сумму можно сдѣлать заемъ, во всякомъ случаѣ достаточный, чтобы продержаться до полученія денегъ. Тѣмъ временемъ могъ осуществиться проектъ съ воскрешеніемъ покойниковъ, и тогда наступитъ разъ навсегда конецъ всякимъ затрудненіямъ и работамъ.

На слѣдующій день, десятаго мая, между другими событіями случилось слѣдующее. Бренные останки арканзасскихъ близнецовъ покинули Америку, направляясь въ Англію къ лорду Росмору, а сынъ этого лорда Киркендбрейтъ-Лленоверъ-Меркорибэнксъ-Селлерсъ, лордъ Беркли отплылъ изъ Ливерпуля въ

Америку, чтобы свой отказъ отъ графства сложить къ стопамъ законнаго лорда Мёльберри Селлерса въ его зáмкѣ Росморъ, въ Сѣверо-Американскомъ старомъ штатѣ Колумбія.

Черезъ пять дней оба эти многозначительные грузы должны были встрѣтиться посреди океана и снова разлучиться, не подавъ другъ другу никакого знака.

VI.

По окончаніи океанскаго переѣзда близнецы прибыли благополучно и были переданы ихъ высокому родственнику. Было бы совершенно напрасно съ нашей стороны пытаться изобразить бѣшенство стараго лорда: наше перо для этого слишкомъ слабо. Когда онъ наконецъ истощилъ мысленно всѣ проклятія и нѣсколько успокоился, онъ обдумалъ дѣло еще разъ и нашелъ, что у близнецовъ хотя и нѣтъ законныхъ правъ, но нравственныя ихъ права несомнѣнны; все таки же въ нихъ была его кровь и поэтому обойтись съ ними какъ съ простою падалью во всякомъ случаѣ нельзя. Поэтому онъ распорядился устроить имъ отпѣваніе въ зáмкѣ Чольмондли и торжественныя похороны въ фамильномъ склепѣ, рядомъ съ другими величественными ихъ родственниками. Онъ даже самъ присутствовалъ при печальной церемоніи и былъ въ траурѣ, но о траурныхъ гербахъ все-таки не хотѣлъ ничего слышать.

Наши друзья въ Вашингтонѣ считали часы томительныхъ дней, на которые осудилъ ихъ однорукій Петръ, проклиная его поистинѣ не-джентльменское поведеніе. Въ это время Салли Селлерсъ, которая была столь же демократична и практична, сколько лэди Гвендолена мечтательна и аристократична, вела жизнь полную идеальныхъ прелестей и энергической дѣятельности, извлекая сколько можно выгодъ изъ двойственности своей особы. Днемъ Салли Селлерсъ въ уединеніи своей комнаты зарабатывала на хлѣбъ семейству Селлерсовъ, по вечерамъ лэди Гвендолена поддерживала достоинство дома Росморовъ; днемъ она была американски практична, гордясь произведеніями своихъ рукъ и головы и достигаемыми результатами; вечера были ея праздниками, и она переселялась въ чудную фантастическую область, обильно населенную высокопоставленными и даже коронованными тѣнями. Днемъ старая загородная дача была попрежнему полу-

разрушеннымъ сараемъ, вечеромъ она обращалась въ за́мокъ Росморъ.

Въ пансіонѣ почти нечаянно Салли напала на очень важное ремесло. Подруги какъ-то выдумали, будто она сама изобрѣтаетъ модный покрой для своихъ платьевъ. Съ этой минуты у нея не было ни одного свободнаго часа, да она и не желала его имѣть, такъ какъ всякое примѣненіе исключительнаго дарованія даетъ великое наслажденіе, а у Салли въ области модъ были дѣйствительно вкусъ и фантазія. Черезъ три дня по возвращеніи домой она уже нашла себѣ работу, и не успѣлъ еще однорукій Петръ пріѣхать въ Вашингтонъ, а трупы высокородныхъ близнецовъ опуститься въ британскую землю, Салли была уже завалена заказами, и расплаты съ судебными приставами посредствомъ принесенія въ жертву фамильныхъ олеографій сами собой прекратились.

— Это сокровище, говорилъ Росморъ Гаукинсу,—вся въ отца; сейчасъ же за работу безо всякаго ложнаго стыда. Талантъ и сметка на все. Удача во всемъ. Пораженій она не знаетъ. Здѣшній воздухъ сдѣлалъ ее въ высокой степени практичною Американкой. Рожденіе и наслѣдственная кровь могучими чертами обличаютъ въ ней европейскую аристократку, точь-въ-точь какъ я въ денежныхъ дѣлахъ и въ изобрѣтательности я Мёльберри Селлерсъ. Но работа кончилась и что̀ ты видишь? Внѣшность та же, но кто въ срединѣ? Графъ Росморъ, англійскій лордъ...

Каждый день друзья ходили на главный почтамтъ, пока наконецъ не были вознаграждены. Двадцатаго мая вечеромъ они получили письмо для X. Y. Z. Почтовый штемпель былъ вашингтонскій, самое письмо безъ числа. Письмо гласило:

„На Рэппъ аллеѣ за фонаремъ бочка. Если твои намѣренія серьезны, сядь на ней завтра 21 мая 10 часовъ 22 минуты утра. Не раньше и не позднѣе. Я приду.“

Друзья начали горячо совѣщаться надъ этимъ посланіемъ.

— Ты не думаешь ли, сказалъ лордъ,—что онъ боится встрѣтить шерифа съ приказомъ объ арестѣ?

— Почему, полковникъ?

— Потому что это вовсе не мѣсто для свиданій, это вопервыхъ; вовторыхъ, всякій, кому интересно посмотрѣть, кто сядетъ на бочку, можетъ, не подвергаясь никакой опасности, быть замѣченнымъ и, не выказывая, повидимому, никакого интереса, идти мимо или стоять на углу улицы. Не правда ли?

— Да, ясно, что таковъ именно его планъ. Очевидно, это человѣкъ, который не хочетъ выходить и показываться всякому. Словно онъ догадывается о нашихъ намѣреніяхъ... А я было думалъ, чортъ возьми, что онъ станетъ говорить по человѣчески и напишетъ намъ въ какой гостиницѣ онъ остановился!..

— Ты попалъ, Вашингтонъ, какъ разъ попалъ! Да вѣдь онъ намъ это уже сказалъ!

— Какъ такъ? Когда?

— Сказалъ нечаянно, конечно. Вѣдь эта аллея пустой мѣшокъ. На нее выходитъ однимъ бокомъ только отель Гадзби. Ясно, что тамъ онъ и остановился.

— Почему ты такъ думаешь?

— Повѣрь мнѣ, что это такъ! Онъ занялъ очевидно комнату какъ разъ напротивъ фонаря. Въ десять часовъ двадцать двѣ минуты утра онъ самымъ спокойнымъ образомъ будетъ сидѣть у окна за опущенною портьерой и наблюдать. Какъ только ты сядешь на бочку, онъ сейчасъ же скажетъ: „этого молодца я уже видѣлъ на поѣздѣ". Въ одну минуту запакуетъ онъ свой багажъ, и тогда ищи его на другомъ концѣ свѣта.

Гаукинсъ почувствовалъ страшную боль разочарованія.

— Ну такъ значитъ все пропало! Конечно, все такъ и будетъ.

— Нѣтъ этого не будетъ...

— Почему?

— Потому что на масляной бочкѣ засядешь не ты, а я, а ты будешь неподалеку съ полицейскимъ офицеромъ и приказомъ объ арестѣ въ штатскомъ платьѣ... то-есть съ полицейскимъ офицеромъ въ штатскомъ платьѣ. Какъ только онъ выйдетъ и начнетъ со мной разговоръ, подходите и хватайте его.

— Боже милосердный! Что у тебя за голова, полковникъ Селлерсъ! Я во всю жизнь мою ничего подобнаго не могъ бы придумать.

— И ни одинъ лордъ Росморъ, прибавь, начиная отъ Вильгельма Завоевателя и кончая Мельберри Селлерсомъ, ни одинъ изъ насъ не пустился бы на такую штуку. Но съ американской точки зрѣнія это „дѣло", „business", и въ эту минуту лордъ во мнѣ, какъ ты видишь, спитъ. Пойдемъ, я тебѣ покажу даже комнату твоего Петра...

Они прошли часовъ около девяти вечера къ новой гостиницѣ Гадзби и поднялись по аллеѣ до указаннаго фонаря.

— Ну, вотъ видишь, сказалъ торжествующимъ тономъ полковникъ, указывая на весь фронтъ оконъ гостиницы:—не говорилъ я тебѣ?

— Вижу, полковникъ; только которое же окно? Вѣдь здѣсь шесть этажей.

— Какое тебѣ угодно, это рѣшительно все равно; достаточно того, что онъ здѣсь и мы его поймали; теперь иди и подожди меня вонъ тамъ на углу, а я немножко поизслѣдую мѣстность.

Лордъ прошелъ на широкій и чрезвычайно оживленный дворъ гостиницы и, занявъ мѣсто въ уголкѣ, недалеко отъ главнаго крыльца, началъ ждать. Мимо него двигалось множество людей, всѣ члены коихъ были въ полной наличности, и только много времени спустя замѣтилъ онъ фигуру его вполнѣ удовлетворившую. Хотя онъ успѣлъ разглядѣть только спину незнакомца, но это несомнѣнно была искомая личность. Лордъ узналъ Петра по особому покрою пальто, по шапкѣ степнаго пастуха, такъ-называемаго „Каубой", а главнымъ образомъ потому, что одной руки не было и на правомъ плечѣ болтался пустой рукавъ. Наблюдатель остался совершенно доволенъ и поспѣшилъ къ своему союзнику, чтобы подѣлиться съ нимъ открытіемъ.

— Поймали, майоръ, поймали! Теперь ужь онъ отъ насъ не уйдетъ. Я узнàю его за двадцать шаговъ сзади меня. Теперь только достать приказъ объ арестѣ.

Имъ удалось добыть таковой послѣ обычныхъ въ подобномъ случаѣ формальностей. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи наши друзья, счастливые и довольные, вернулись домой и отправились спать въ ожиданіи великихъ успѣховъ слѣдующаго дня.

Подъ кровлей отеля находился еще одинъ жилецъ, молодой родственникъ полковника Селлерса, о пребываніи котораго въ Вашингтонѣ законному лорду не могло придти даже въ голову. Это былъ лордъ Беркли.

VII.

Расположившись въ своей комнатѣ, молодой человѣкъ приготовлялся исполнить священную обязанность всякаго Англичанина, именно, занести въ записную книжку свои впечатлѣнія. Приготовленія эти состояли въ томъ, что лордъ перерылъ весь чемоданъ, разыскивая перо. На столѣ стояла чернильница и нѣсколько перьевъ, но опять же лордъ Беркли былъ Англичанинъ.

Англія фабрикуетъ стальныя перья для девятнадцати двадцатыхъ земнаго шара, но сама не употребляетъ ихъ вовсе. Англичане пишутъ исключительно доисторическими гусиными перьями. Наконецъ милордъ отыскалъ то, что̀ ему было нужно и, кончивъ писать, заключилъ свою замѣтку слѣдующими словами: „Чувствую, что сдѣлалъ большую глупость. Мнѣ нужно было еще передъ отъѣздомъ разстаться съ моимъ титуломъ и выбрать себѣ какое-нибудь другое имя.“ Онъ посмотрѣлъ съ минуту на кончикъ своего пера и продолжалъ писать:

„Я думаю, что всѣ попытки прочно смѣшаться съ народомъ и стать истиннымъ янки могутъ мнѣ не удаться до тѣхъ поръ, пока я не сброшу съ себя ветхаго человѣка и не найду вѣрной защиты въ новомъ имени. Съ грустью и смущеніемъ вижу я, какъ цѣнятъ Американцы знакомство съ лордами и какое вниманіе стараются имъ оказывать. Англійское хамство, положимъ, здѣсь не очень развито, но все-таки его достаточно. Мой титулъ бѣжитъ впереди меня словно глашатай. Я пишу въ книгѣ пріѣзжихъ мое имя безъ всякаго придатка и воображаю себѣ, что пройду за обыкновеннаго не важнаго путешественника. Между тѣмъ, конторщикъ уже кричитъ наверхъ: „Проводите его свѣтлость въ четыреста восемьдесятъ второй нумеръ!“ Не успѣваю я подняться по лѣстницѣ, какъ уже предо мной выростаетъ газетный репортеръ, желающій имѣть со мной, какъ это у нихъ здѣсь называется, „интервью“. Нѣтъ, довольно этого! Завтра же отправляюсь къ американскому претенденту, сдаю ему на руки мои прозвища и титула и начинаю новую жизнь подъ новымъ именемъ.“

Онъ оставилъ книгу на столѣ на тотъ случай, чтобъ имѣть ее быстро подъ рукой, если ночью явятся какія-нибудь новыя впечатлѣнія. Затѣмъ улегся въ постель и тотчасъ же заснулъ.

Часа черезъ два онъ понемногу снова пришелъ къ сознанію вслѣдствіе необыкновеннаго движенія въ коридорахъ и страннаго запаха гари. Окончательно проснувшись, онъ убѣдился, что все это совершается на яву, а не во снѣ. Люди бѣгали по лѣстницамъ, стучали въ двери; слышались крики, выбиваніе оконъ, мольбы и стоны внутри, рѣзкій голосъ брандмейстера снаружи и наконецъ побѣдный трескъ огненной стихіи.

Кто-то сильно застучалъ въ его дверь и крикнулъ: „Пожаръ, спасайтесь скорѣй! Гостиница горитъ!“

Лордъ Беркли вскочилъ съ постели, направляясь впопыхахъ къ комоду съ платьемъ. Но въ темнотѣ и суматохѣ онъ упалъ, зацѣпившись за стулъ, и потерялъ направленіе. Только проползши нѣсколько шаговъ и ударившись головой о столъ онъ могъ встать и оріентироваться, такъ какъ столъ стоялъ почти у самой двери. Схвативъ свое единственное сокровище — записную книжку съ американскими впечатлѣніями, лордъ Беркли выскочилъ изъ комнаты. Онъ бѣжалъ по пустому корридору, направляясь къ красному фонарю, обозначавшему, какъ извѣстно, выходъ. Двери ближайшихъ нумеровъ были открыты, газъ горѣлъ съ полною силой, на стулѣ лежало чье-то платье. Онъ подбѣжалъ къ окну, выбилъ его и черезъ него выбрался на спасательную лѣстницу. Внизу стояла толпа народу, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, освѣщенныхъ красноватымъ свѣтомъ. Могъ ли англійскій лордъ появиться предъ ними въ одномъ бѣльѣ? Разумѣется нѣтъ? А такъ какъ эта сторона дома еще не загорѣлась, то у Беркли было довольно много времени вернуться къ замѣченному имъ платью и одѣться.

Такъ онъ и сдѣлалъ.

Платье пришлось какъ разъ впору, было лишь немного широко и имѣло очень странный покрой. Точно также показалась ему странною форма шляпы. Лѣвый рукавъ пальто надѣлъ онъ безъ затрудненія, но въ правый рука никакъ не могла попасть потому что, какъ оказалось, онъ былъ зашитъ. Лордъ бросился снова къ окну, благополучно спустился по лѣстницѣ и былъ переведенъ полицейскими въ оцѣпленную сторону улицы.

Надѣтое на одну руку пальто и пастушья шляпа возбудили всеобщее вниманіе въ бóльшемъ чѣмъ онъ желалъ объемѣ. Однако, поведеніе толпы было вполнѣ добродушное, чтобы не сказать, почтительное. Лордъ Беркли мысленно занесъ въ свою записную книжку слѣдующую замѣтку:

„Ничто не помогаетъ; они узнаютъ англійскаго лорда въ какомъ угодно костюмѣ и оказываютъ ему уваженіе почти близкое къ страху.“

Какой-то мальчикъ изъ стоявшихъ около него полукругомъ задалъ ему о чемъ-то вопросъ. Лордъ отвѣтилъ; мальчикъ переглянулся со своими товарищами, и до его уха донеслось замѣчаніе:

— Степной пастухъ... Англичанинъ! Странно...

Въ головѣ лорда сложилась новая замѣтка, предназначенная для записной книжки.

— Степной пастухъ? Что̀ это должно означать? Можетъ-быть...

Беркли увидалъ, что многіе собираются его допрашивать и поэтому поспѣшилъ проложить себѣ дорогу сквозь толпу. Онъ распоролъ зашитый рукавъ и снова надѣлъ пальто, отыскалъ себѣ скромный ночлегъ, легъ въ постель и тотчасъ же заснулъ.

На утро онъ внимательно еще разъ осмотрѣлъ платье: оно было почти совсѣмъ новое и чистое, но удивительно страннаго покроя. Въ карманѣ сюртука оказался бумажникъ съ весьма порядочною суммой денегъ: пять ассигнацій по сту долларовъ; около пятидесяти долларовъ мелкими бумажками и серебромъ; пачка табаку, толстый молитвенникъ, не отворившійся и оказавшійся замаскированною фляжкой для водки, записная книжка безъ имени владѣльца, наполненная записями сдѣланными неумѣлою рукой и касавшимися разныхъ словесныхъ условій, пари и торговли лошадьми. Встрѣчавшіяся имена были очень странны, напримѣръ „Шестипалый Джонъ“, „Страшная Тѣнь“, и тому подобныя. Ни писемъ, ни личныхъ документовъ не было.

Молодой человѣкъ серьезно задумался и сообразилъ цѣлый планъ дѣйствій. Его кредитивы сгорѣли. Онъ рѣшилъ воспользоваться заимообразно мелкими ассигнаціями и серебромъ, употребивъ ихъ частію на вызовъ владѣльца, частію на свое пропитаніе, пока удастся достать работу. Затѣмъ онъ послалъ за утреннею газетой, чтобы посмотрѣть, что̀ пишутъ насчетъ пожара.

На первой же страницѣ жирнымъ шрифтомъ была напечатана замѣтка объ его смерти. Репортеръ сообщалъ всѣ подробности, какъ благородный лордъ съ прирожденнымъ ему геройствомъ все время спасалъ задыхавшихся женщинъ и дѣтей, пока наконецъ ему самому не былъ окончательно отрѣзанъ выходъ. Тогда онъ, спокойно скрестивъ руки на груди, повернулся лицомъ къ плачущей и стонущей толпѣ и ждалъ всепожирающаго врага.

„Такъ погибъ въ морѣ огня и дыма, заключалъ репортеръ свою замѣтку, благородный великодушный юноша, наслѣдникъ свѣтлѣйшихъ графовъ Росморовъ, погибъ со славой, оставивъ вѣчную признательность въ сердцахъ спасенныхъ имъ. „Нѣсть больше сея любви, да кто душу свою положитъ за други своя.“

Написано это было такъ возвышенно и благородно, что Беркли почувствовалъ, какъ слезы выступаютъ у него на глазахъ.

— Теперь предо мною все ясно, сказалъ онъ себѣ. —Лордъ Беркли погибъ, и пусть себѣ! Онъ умеръ какъ герой,—это облегчитъ отцу пережить страшный ударъ. Къ претенденту идти теперь не зачѣмъ. Собственно говоря, лучше ничего нельзя было и придумать. Нужно только приискать себѣ новое имя и съ чистою совѣстью вступать въ новую жизнь. Я чувствую первое дыханіе истинной свободы. О, какъ оно свѣжо и живительно! Наконецъ-то я человѣкъ равный своему ближнему! Если мнѣ суждена побѣда, я обязанъ этимъ однимъ лишь своимъ личнымъ достоинствамъ. Если я погибну, значитъ я это заслужилъ. Да, это самый счастливый и гордый день въ моей жизни.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ВОСПОМИНАНІЯ О М. И. ГЛИНКѢ.

I.

Въ недавно появившемся второмъ выпускѣ *Воспоминаній Юрія Арнольда* (Москва, 1892) находится цѣлый рядъ весьма любопытныхъ записей о М. И. Глинкѣ. Само собою разумѣется, что отвѣтственность за вѣрность и точность сообщаемыхъ фактовъ всецѣло лежитъ на г. Арнольдѣ, подписавшемъ свое имя подъ тѣми разсказами, съ которыми мы намѣрены познакомить читателей. Наша задача будетъ состоять въ простой группировкѣ готоваго матеріала. Нельзя однакоже не замѣтить, что все сообщаемое авторомъ о Глинкѣ носитъ отпечатокъ удивительной правдивости.

Въ исходѣ зимы 1836 года „нотный копіистъ“ г. Арнольда, лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка солистъ на тромбонѣ, переписывавшій для нашего автора партитуру задуманной имъ оперы *Цыганка*, сообщилъ ему, что переписываетъ ноты и „для одного господина Глинки“, который *также* сочинилъ *русскую оперу*. Капельмейстеръ русской оперы, извѣстный К. А. Кавосъ, въ домѣ котораго г. Арнольдъ былъ дружески принятъ, подтвердилъ это извѣстіе и добавилъ, что новая опера называется *Жизнь за Царя*. Въ августѣ 1836 года начались репетиціи. Г. Арнольдъ просилъ разрѣшенія присутствовать на нихъ, но Кавосъ отвѣтилъ, что на этотъ счетъ Глинка *é un uomo quasi singolare* [1] и не терпитъ постороннихъ лицъ на репетиціяхъ.

[1] Совсѣмъ особенный человѣкъ.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого разговора, г. Арнольдъ пришелъ рано утромъ къ Кавосу, засталъ у него Глинку, былъ ему представленъ и получилъ отъ композитора желаемое дозволеніе. Начиная съ этого дня и вплоть до перваго представленія *Жизни за Царя* г. Арнольдъ присутствовалъ вмѣстѣ съ Кавосомъ почти на всѣхъ занятіяхъ послѣдняго по подготовленію оперы къ постановкѣ. Любопытно впечатлѣніе, какое производитъ на автора *Воспоминаній* современное исполненіе оперы Глинки на Московской сценѣ:

„И вотъ почему изо всѣхъ оперъ, когда-либо слышанныхъ мною на сценѣ, нѣтъ ни одной, которую я зналъ и понималъ бы такъ хорошо, какъ именно первую оперу Глинки: но по той же причинѣ пересталъ я въ послѣдніе годы посѣщать представленія ея на Московской сценѣ, ибо не могу хладнокровно переваривать своимъ музыкально-эстетическимъ желудкомъ всѣ эти безчисленныя самовольныя измѣненія настоящихъ, драматически и психологически вѣрныхъ интенцій композитора.“

Впечатлѣніе это, разумѣется, чисто субъективное. Но очень вѣроятно, что въ основѣ его лежитъ дѣйствительное и подробное знакомство съ „интенціями“ композитора, которыя нигдѣ не высказываются такъ опредѣленно, какъ на репетиціяхъ. Нужно искренно пожелать, чтобы г. Арнольдъ, въ особомъ прибавленіи къ готовящейся третьей части его *Воспоминаній*, изложилъ всѣ возраженія, какія онъ имѣетъ сдѣлать противъ современнаго исполненія *Жизни за Царя* на Московской сценѣ. Весьма можетъ быть, что онъ сообщитъ очень цѣнныя указанія относительно дѣйствительныхъ намѣреній и желаній самого Глинки по двумъ наиболѣе растяжимымъ и спорнымъ въ каждой операѣ вопросамъ: о *tempo* и нюансировкахъ.

Не менѣе любопытенъ и отзывъ, какой по поводу первыхъ представленій *Жизни за Царя* г. Арнольду пришлось услыхать отъ одного „высокочиновнаго остзейца“, старика лѣтъ за шестьдесятъ:

— Ja, mein Lieber, Glinka seine Oper ist mir *nicht russisch genug*! *Mehr russisch*, mehr russisch verlang'ich! [1]

Въ чемъ однако должно состоять это *mehr russisch*, этого, по словамъ г. Арнольда, „его превосходительство не объяснили“.

---

[1] Да, мой милый, опера Глинки для меня не достаточно *русская*. Болѣе русскаго, болѣе русскаго! Вотъ чего я требую.

Познакомившись съ Глинкой у Кавоса, г. Арнольдъ сдѣлалъ ему визитъ. Тогда это называлось „явиться засвидѣтельствовать свое почтеніе“. Композиторъ представилъ его своей женѣ Марьѣ Петровнѣ, урожденной Ивановой. По словамъ г. Арнольда, она была „писанная красавица“ и очень еще молода. Ей было только 17 лѣтъ, когда Глинка, по возвращеніи своемъ изъ Италіи, женился на ней въ 1835 году. „Въ ней были, пожалуй, и жизнь, и даже жаръ сердечный; она также была и образованною женщиной; но жизнь и жаръ были земнаго свойства, а образованіе свѣтскаго, условнаго только характера; и то и другое не были одухотворены. Геній-Глинка не годился ей въ мужья, а равно и она не годилась ему въ жены. Женитьба ихъ была пагубою для обоихъ.“

Между тѣмъ, г. Арнольдъ послѣ представленія *Жизни за Царя* бросилъ писать свою *Цыганку* и уѣхалъ изъ Петербурга. Онъ возвратился туда лишь въ августѣ 1839 года, когда послалъ на конкурсъ Филармоническаго Общества свою музыку къ балладѣ Жуковскаго *Свѣтлана*. Судьями по конкурсу были: И. И. Фуксъ, Глинка, графъ М. Ю. Віельгорскій, А. Ѳ. Львовъ и князь Одоевскій. Г. Арнольдъ „не утерпѣлъ“ и отправился къ Глинкѣ. Послѣдній состоялъ въ это время капельмейстеромъ придворной капеллы и жилъ въ ея зданіи. Къ удивленію посѣтителя Глинка самъ отворилъ ему двери. Онъ былъ еще въ халатѣ (дѣло происходило въ 11-мъ часу утра), а „на лицѣ лежала тѣнь какой-то тревоги“.

— А-а, это вы! сказалъ Глинка.

Г. Арнольдъ сконфузился и отвѣтилъ, что если мѣшаетъ, то можетъ зайти въ другой разъ.

— То-есть, — но нѣтъ! Оно даже и очень кстати! Oui, très à propos. Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ.

Пришли въ кабинетъ.

— Ну что? началъ Глинка. — Вы, кажется, въ деревнѣ все это время прожили? Гдѣ-то въ степяхъ? Слышали настоящія народныя пѣсни, не такія, какъ тутъ у насъ распѣваютъ въ салонахъ. Eh bien, qu'en dites vous?...[1] A propos! Я вчера только еще что послалъ вашу балладу обратно въ комитетъ.

Г. Арнольдъ счелъ нужнымъ притвориться, что не понимаетъ:

---

[1] Что вы о нихъ скажете?

— Про какую балладу, Михаилъ Ивановичъ, вы говорите? До балладъ я еще не дошелъ.

— Oh! ne faites pas la sainte-nitouche avec moi! [1] засмѣялся Глинка и зашагалъ по комнатѣ (какъ и прежде дѣлывалъ, когда одушевлялся), выдергивая правою рукой изъ-за галстука длинные концы своихъ бакенбардъ.—Я хорошо знаю всѣхъ нашихъ музыкальныхъ писакъ, и способныхъ, и неспособныхъ. Иные говорятъ по-французски, какъ Парижане, ни слова нижегородскаго не примѣшиваютъ, а иные даже кромѣ *бонжуръ* да *моншеръ* ничего не знаютъ иностраннаго. Но всѣ они, когда задумаютъ что-нибудь пѣть *по-русски*, то берутъ какой-нибудь народный напѣвъ, да пере—Оберятъ, или пере—Беллиничаютъ его. Que diable! je connais cela. Et quant à vous, cher ami, vous Fouxez encore un peu, c'est vrai; et cependant vous êtes mon seul adepte. [2] Никто кромѣ васъ не могъ написать ту балладу, о которой я упоминалъ. Ce n'est pas à propos de bottes, ce que je vous dis là! [3]

Г. Арнольдъ началъ отпираться. Глинка разгорячился:

— Trève de ruses! Voilà votre premier motif! [4]

Онъ подошелъ къ фортепіано и заигралъ мотивъ первыхъ стиховъ композиціи г. Арнольда. Вдругъ съ шумомъ растворились двери, къ которымъ, въ глубинѣ комнаты, вели двѣ-три ступеньки, и „на возвышенномъ порогѣ появилась пожилая уже барыня въ широкомъ турецкомъ капотѣ и съ большимъ кружевнымъ чепчикомъ на головѣ“. Это была довольно высокая и плотная фигура, съ весьма полнымъ лицомъ почти вишневаго колорита и съ сверкающими отъ гнѣва свѣтло-сѣрыми глазами. Дама эта остановилась въ дверяхъ и, принявъ грозно-внушительную позу, произнесла „гробовымъ“ голосомъ:

— Михаилъ Ивановичъ! вы, кажется, забываете?

„Глинка сразу сдѣлался мрачнымъ:—ah, oui, c'est vrai. [5] — Затѣмъ, закрывъ инструментъ, онъ повернулся къ привидѣнію и, отвѣсивъ формальный reverence, не безъ нѣкотораго оттѣнка

---

[1] Не разыгрывайте предо мною святой невинности!

[2] Знаю я это! Что касается васъ, любезный другъ, то у васъ еще немного замѣтно вліяніе Фукса, это правда; и все-таки вы мой единственный послѣдователь.

[3] Я говорю вамъ это не зря.

[4] Довольно хитрить! Вотъ вамъ первый мотивъ!

[5] Ахъ, да, это правда.

ироніи сказалъ: de grace, madame, vous me voyez tout confondu! Mais je vous obéis au premier mot et j'ose espérer d'obtenir votre magnanime pardon! Sur cela j'ai bien l'honneur...[1] И онъ отдалъ ей другой, еще болѣе низкій и еще болѣе формальный поклонъ.

Привидѣніе исчезло за дверями. Я былъ очень сконфуженъ и сталъ извиняться, что вѣроятно явился не впопадъ, но Глинка успокоилъ меня, сказавъ, что онъ тутъ самъ виноватъ:

— „N'y faites donc pas attention, cher ami, et pardon si je vous prie sans façons de me laisser seul. J'espère de vous revoir après un certain lapps de temps, et alors je vous expliquerai l'incident d'aujourd'hui. Adieu donc et ne me portez pas rancune".[2]

И дѣйствительно Глинка объяснилъ потомъ г. Арнольду происхожденіе „инцидента", котораго онъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ:

„Въ то самое сентябрьское утро 1839 года, послѣ разныхъ непріятныхъ объясненій и довольно крупнаго, на словахъ, сраженія между пылкимъ и озлобленнымъ Михаиломъ Ивановичемъ и не менѣе горячившеюся его тещей, первый просилъ обѣихъ дамъ освободить его навсегда отъ ихъ присутствія. Глинка затѣмъ удалился въ свой покой, а Якова послали за докторомъ, потому что молодая барыня получила сильный припадокъ истерики. На это-то и намекнула m-me Иванова, когда она грозно произносила: *Михаилъ Ивановичъ, вы забываете!* А Глинка, увлекшись нашимъ разговоромъ о русской національной музыкѣ, дѣйствительно забылъ про всѣ дрязги земной своей жизни."

Въ свою очередь г. Арнольдъ объясняетъ причины, по которымъ разстроилась супружеская жизнь Глинки. Еще до своей женитьбы Глинка познакомился съ двумя братьями Кукольниками, Несторомъ, извѣстнымъ въ то время писателемъ, и Платономъ, числившимся въ какомъ-то департаментѣ. Кукольники, въ особенности Платонъ, до такой степени увлеклись геніальностію

---

[1] Виноватъ, сударыня, вы видите меня совершенно уничтоженнымъ! Но повинуюсь вамъ по первому слову и смѣю надѣяться, что вы меня великодушно простите. За симъ, имѣю честь...

[2] Не обращайте вниманія, любезный другъ, и простите, если я безъ церемоніи попрошу васъ оставить меня одного. Надѣюсь увидать васъ черезъ нѣсколько времени, и тогда я объясню вамъ нынѣшнее происшествіе. Итакъ, прощайте и не сердитесь на меня.

Глинки, что прямо ревновали его ко всякому и ко всякой, къ кому Глинка оказывалъ болѣе расположенія, нежели къ нимъ. „Чтобъ его потѣшать и тѣмъ привязать къ себѣ, они устраивали у себя вечера, на которые собирали изъ обожателей Глинки подходящихъ молодыхъ, или, по крайней мѣрѣ, молодившихся еще людей: поэтовъ, художниковъ, офицеровъ, чиновниковъ. Эта компанія прозвала себя *братіей* двухъ величайшихъ геніевъ Россіи: Глинки и Нестора Кукольника“. Членами *братіи*, кромѣ двухъ Кукольниковъ, были: портретистъ Павелъ Яненко, котораго въ шутку звали *m-r Пьяненко*, потому что на французскихъ его визитныхъ карточкахъ было написано: *M-r P. Ianenko;* каррикатуристъ Н. А. Степановъ; извѣстный Костя Булгаковъ; чиновникъ А. П. Лодій, поступившій впослѣдствіи на сцену теноромъ подъ именемъ Нестерова; отставной поручикъ артиллеріи К. П. Вильбоа; театральный докторъ Гейденрейхъ и другіе.

„Эта *бр тія* собиралась два раза въ недѣлю у Кукольника, на музыкально-литературные вечера, но кромѣ твореній Глинки ничего не исполнялось, такъ же какъ кромѣ сочиненій Кукольника ничего не читалось. Для прохлажденія подавалось красное вино, коньякъ, жженка да шампанское. Иной разъ (какъ разсказывали) для вящшаго утонченія и разнообразія этихъ оргій въ честь поэзіи и музыки являлся и женскій, подъ статъ, персоналъ.“

Въ первый годъ своего супружества Глинка совсѣмъ отсталъ отъ *братіи*, хотя довольно часто посѣщалъ еще Нестора Кукольника, съ которымъ совѣтовался относительно либретто своей оперы. Во все лѣто 1836 года онъ рѣдко показывался даже у Кукольниковъ. Но къ концу 1836 года братья Кукольники (ихъ называли *Клюкельники*) поселились въ томъ же Фонарномъ переулкѣ, гдѣ жилъ Глинка. „Михаилъ Ивановичъ, которому послѣ пресыщенія матеріальнымъ счастьемъ сожитія съ молоденькою женой, стала все болѣе и болѣе ясною дисгармонія между ихъ натурами и стремленіями, началъ все больше и больше удаляться отъ нея, да все чаще бывать у Кукольниковъ, а наконецъ и посѣщать собранія *братіи*. Кончилось тѣмъ, что Глинка и цѣлыя ночи тамъ проводилъ, а далѣе случалось, и нерѣдко, что онъ пропадалъ иногда изъ дома дня на три, на четыре. Сначала жена встрѣчала его со слезами, а потомъ и съ упреками, въ чемъ ей усердно вторила также и безразсудная мамаша ея. Любовь, которая сама по себѣ была только матеріальнаго, весьма поверхностнаго свойства мало-по-малу улетучивалась; нашлись

претенденты на роль домашняго друга, напримѣръ, *батъ Максимушка* (актеръ Максимовъ); а такъ какъ самъ Глинка искалъ развлеченія въ оргіяхъ, которыми оканчивались артистическія собранія *братіи*, то и Марья Петровна начала кокетничать и утѣшаться. Она устраивала у себя парадные рауты, наряжалась, блистала и наслаждалась своими побѣдами. А Глинка *жимался* и *ежился*, по выраженію Кукольника."

Г. Арнольдъ приводитъ любопытныя выписки изъ дневника Кукольника:

„Мишѣ плохо: денегъ нѣтъ и дома скверно. Онъ бѣгаетъ изъ дома, говоритъ, что *домъ его — у насъ*.

„Миша бѣдный! горько ему дома и нѣтъ семейнаго счастія... Какая она ему жена! И что она изъ него сдѣлала?.. Этого милаго, чудеснаго ребенка надо беречь и лелѣять, а она его поминутно раздражаетъ..."

Къ этому случилось, что Глинку охватила новая любовная страсть къ дѣвицѣ Е. Кернъ. Въ свою очередь Марья Петровна все болѣе и болѣе „кокетничала". Положеніе было такъ натянуто, что не могло долѣе продолжаться. Глинка разъѣхался съ женой.

„Пусть кто первый броситъ камень на злосчастную жену", говоритъ г. Арнольдъ, „моя рука—отказывается. За то не боюсь указать на *братію*, а прежде всего на двухъ Кукольниковъ, какъ на тѣхъ, которые не только разрушили семейное счастіе Глинки, но и разстраивали здоровье его и тѣмъ подготовляли преждевременную его кончину."

II.

Въ первое время послѣ разрыва съ женой Глинка поселился у Кукольниковъ, но потомъ переѣхалъ отъ нихъ на Рижское подворье, помѣщавшееся въ Новомъ переулкѣ, противъ дворца Маріи Николаевны, начинавшаго тогда только строиться. Жилъ онъ здѣсь въ подвальномъ этажѣ; подоконники оказывались не выше тротуара передъ домомъ. „Что было поводомъ къ тому, что Глинка словно скрывался въ этой отвратительной конурѣ? Зачѣмъ онъ оставилъ Кукольниковъ?" Г. Арнольдъ ставитъ эти вопросы, но сознается, что „нигдѣ не нашелъ на нихъ разрѣшенія". Онъ склоненъ думать, что это былъ „одинъ изъ

экспромптовъ фантазіи Глинки". Какъ бы то ни было, но авторъ *Воспоминаній* твердо запомнилъ „низенькую комнату съ окрашенными когда-то охрою стѣнами", гдѣ онъ велъ съ Глинкой бесѣды про музыку. Во время этихъ бесѣдъ Глинка „всегда перерождался, оживлялся, забывалъ про житейскія дрязги свои, однимъ словомъ, онъ въ эти минуты являлся въ полномъ блескѣ геніальной своей натуры, могучимъ пророкомъ новыхъ воззрѣній. Эти драгоцѣннѣйшіе, но какъ бы невольно на мои вопросы изъ устъ Глинки изливавшіеся намеки облекались весьма часто въ формулы пиоійскихъ изреченій древняго Дельфійскаго оракула, напримѣръ: *La quinte est l'ame de la mélodie russe; ayez soin d'elle!*[1] Или: *l'harmonie slavonne repose avant tout sur les modes plagales!*[2] Но кто совершенно ожилъ на этой „нищенскій" квартирѣ, такъ это былъ старикъ Яковъ, неизмѣнный слуга Глинки, состоявшій прежде музыкантомъ въ крѣпостномъ оркестрѣ. Онъ понималъ, какое пагубное вліяніе имѣла на Глинку „безалаберная" жизнь среди Кукольниковской братіи и часто дѣлалъ барину выговоры за „губленіе души". Но *братія* твердила Якову одно: „молчи, старый хрычъ! Не твоего, дурака, разсужденія дѣло"! За то когда Глинка живалъ на отдѣльной квартирѣ, Яковъ дѣлался другимъ человѣкомъ, съ привѣтливою улыбкой отворялъ дверь и почти никогда не забывалъ прибавить: „баринъ у себя; пожалуйте-съ"!

Г. Арнольдъ описываетъ наружность Глинки, какимъ онъ зналъ его съ 1836 до 1847 года. По его словамъ, у Глинки была „довольно изящная фигурка", вышиной въ два аршина и два или три вершка. „Голова его, однакоже, своимъ объемомъ не совсѣмъ была въ пропорцію съ этимъ маленькимъ ростомъ. Большой, широкій лобъ и подбородокъ выдавались нѣсколько впередъ, такъ что линія профиля представлялась чуточку вогнутою. Подъ густыми и черными, немного сдвинутыми бровями блистали маленькіе глаза съ темными зрачками, взглядъ которыхъ выражалъ гордость, когда былъ обращенъ на мужчину, но сіялъ масляными блескомъ полнаго умиленія, когда покоился на хорошенькомъ женскомъ личикѣ. Носъ былъ прямой, но не красивый; губы тоненькія и сжатыя. Продолговатое, худощавое лицо, желтовато-матоваго цвѣта, казалось еще блѣднѣе отъ

---

[1] Квинта есть душа русской мелодіи; заботьтесь о ней.

[2] Славянская гармонизація основана прежде всего на плагальныхъ ладахъ.

густыхъ черныхъ волосъ, которые у висковъ были приглажены впередъ, а надо лбомъ нѣсколько поднимались хохолкомъ. Усы и бороду Глинка тщательно брилъ; но слегка подстриженныя бакенбарды тянулись отъ висковъ узкою лентой прямо внизъ, подъ подбородокъ, гдѣ онѣ, выростая на полной свободѣ, образовали довольно длинную косичку, которую Глинка обыкновенно пряталъ за галстукъ".

Автору *Воспоминаній* часто приходилось слышать пѣніе Глинки. „Голосъ у него былъ лирико-теноровый, но не сильный, а даже нѣсколько сиплый; за то былъ онъ довольно выработанный, а исполненіе — вполнѣ художественное. Онъ пѣлъ съ огнемъ, съ декламаціоннымъ выраженіемъ, при образцовой фразировкѣ. Столь же хорошо владѣлъ онъ также и фортепіанною игрой". Къ сожалѣнію, г. Арнольдъ ничего не говоритъ объ импровизаціяхъ Глинки за фортепіано. Существуютъ разсказы о томъ, что импровизаціи эти были по истинѣ удивительныя. Говорятъ, что Глинка могъ импровизировать по цѣлымъ часамъ и совершенно забывалъ въ это время все окружающее.

Осенью 1840 года Глинка опять поселился у Кукольниковъ. Ко времени этого пребыванія въ обществѣ *братіи* относится разсказъ г. Арнольда, очень характерный для наглядной обрисовки того вліянія, какое *братія* имѣла на композитора.

Въ февралѣ или мартѣ 1841 года у Даргомыжскаго былъ вечеръ, на который собралось много гостей. Пріѣхалъ Глинка, а съ нимъ, „какъ и всегда, и свита его, то-есть оба Кукольника, Яненко и нѣсколько членовъ братіи". Исполнили нѣсколько романсовъ Глинки и Даргомыжскаго, а потомъ, во время антракта, мужчины отправились „прохлаждаться" въ кабинетъ хозяина. „Братія прохлаждалась особымъ образомъ: она пила не столько чай, сколько коньякъ, ромъ и красное вино. Черезъ нѣкоторое время большая часть изъ насъ воротилась въ залу. Но Глинка и братія продолжали прохлаждаться. Нѣсколько дамъ просили Даргомыжскаго сыграть одну изъ сонатъ Бетховена, и онъ сѣлъ за рояль и началъ играть. Когда онъ дошелъ до средней части, то ввалилась вдругъ съ шумомъ вся та ватага, да видимо, въ довольно „оживленномъ" состояніи. Несторъ Кукольникъ и Яненко торжественно ведутъ Глинку, а Платонъ, впереди всѣхъ, подбѣгаетъ къ Даргомыжскому и говоритъ:

— „Ну, полноте, Александръ Сергѣевичъ, старую дребедень-то

выводить. Вотъ, послушайте лучше, какъ мы съ Мишей вамъ пѣсню Ильинишны великолѣпно изобразимъ!

„И съ этими словами схвативъ Даргомыжскаго, онъ стащилъ его со стула. Усадивъ Глинку за рояль, братія окружаетъ его; впереди же всѣхъ Яненко, въ позѣ контрабассиста, готовящагося играть *pizzicato* на своемъ инструментѣ. Михаилъ Ивановичъ, немножечко уже (какъ говорится) наготовѣ, затягиваетъ: *Ходитъ вѣтеръ у воротъ*, а Яненко вторитъ, выдѣлывая губами *staccato:* пумъ, пумъ, пумъ... на басовыхъ нотахъ аккомпанемента и усердно работая руками, да ломаясь всѣмъ тѣломъ. На припѣвъ же *ай люли* подхватилъ хоръ во всю силу легкихъ."

Живя у Кукольниковъ, Глинка не могъ работать надъ задуманною имъ новою оперой *Русланъ и Людмила*. Самъ Несторъ Кукольникъ понялъ, наконецъ, что у нихъ „шумно", да и „друзья" не даютъ Глинкѣ достаточно сосредоточиться.

Осенью 1841 композиторъ устроился на отдѣльной квартирѣ, въ домѣ фонъ-Бёкъ, на Гороховой, между Адмиралтейскою площадью и Малою Морскою. Г. Арнольдъ описываетъ рабочій кабинетъ, гдѣ создавалась опера *Русланъ и Людмила*:

„Михаилъ Ивановичъ помѣщался во второмъ этажѣ, на дворѣ, какъ-разъ противъ воротъ. Посреди первой комнаты, довольно большой и высокой, бокомъ ко второму отъ входа окну, стоялъ огромный столъ изъ сосноваго дерева (аршина въ три безъ малаго, пожалуй, въ длину и до полутора аршина въ ширину). На этомъ столѣ стояла большая четыреугольная чернильница и были разбросаны нѣсколько гусиныхъ перьевъ и карандашъ; тутъ же была разложена исписанная тетрадь нотной партитурной бумаги, необыкновенно большаго, продольнаго формата. Сбоку лежали еще двѣ-три такія же, но чистыя тетради. Писалъ онъ довольно мелкія, но красивыя ноты, и также текстъ былъ подведенъ мелкимъ шрифтомъ. Партитуры его имѣли весьма красивый видъ и поправки встрѣчались рѣдко, потому что каждое сочиненіе, прежде чѣмъ онъ принимался писать его, вполнѣ и ясно уже сложилось у него въ головѣ.

„За столомъ, спинкой къ дверямъ, ведущимъ въ спальную комнату, стоялъ плетеный стулъ, а у задней стѣны, насупротивъ оконъ, помѣщалось хорошо мнѣ извѣстное, старое четыреугольное фортепіано. Вся эта очень простая обстановка была, однакоже, самому хозяину, видимо, по душѣ. Разъ какъ-то, показывая на фортепіано, на чернильницу и на перья, онъ полушутя

(но не безъ нѣкотораго убѣжденія въ тонѣ), сказалъ мнѣ: „Voilà ce que l'on paye a cher après ma mort“. [1]

На этой квартирѣ Глинка принималъ Листа и устроилъ „фестиваль“ въ его честь. Но предварительно нужно разсказать исторію ихъ знакомства.

Въ пятомъ концертѣ Листа назначена была „вольная импровизація“ на темы, задаваемыя публикой. Большинство не имѣло привычки писать ноты, другіе—конфузились: въ корзинкѣ нашлось не болѣе 15—16 мотивовъ, очевидно написанныхъ нѣмецкими музыкантами, ибо все это были темы изъ Гайдна, Моцарта, Бетховена, Мендельсона. Листъ объявилъ, что будетъ импровизировать на ту тему, которая встрѣтитъ наибольшее сочувствіе публики и началъ перебирать на роялѣ каждый предложенный мотивъ. Тамъ и сямъ раздавались рѣдкія рукоплесканія. Вдругъ онъ вынулъ изъ корзинки нотный листокъ нѣсколько большаго формата:

— A la bonne heure, сказалъ онъ, voilà deux thèmes à la fois!

Первою темой оказалась пѣснь Вани (*Какъ мать убили*), вторую — маршъ Черномора. Со всѣхъ сторонъ раздались восторженныя рукоплесканія. Листъ повиновался указаніямъ публики и только просилъ позволенія прибавить еще третью тему—русскій національный гимнъ. Послѣ концерта Листъ поѣхалъ къ графу М. Ю. Віельгорскому, узналъ что именно онъ предложилъ эти темы Глинки и, заинтересовавшись композиторомъ, началъ разспрашивать о немъ. Интересенъ отзывъ гр. Віельгорскаго, приводимый г. Арнольдомъ.

— C'est un homme d'un talent énorme, je dirais même un homme de génie; mais il a un caractère tant soit bizarre. Autrefois il venait très souvent me voir; je l'aimais beaucoup et je l'aime encore. Mais voila presque trois ans, qu'après avoir divorcé avec sa femme, il s'est trop lié avec une bande de viveurs-fous, qui l'empêchent de fréquenter la bonne société. On y est allé même jusqu'à lui suggerer la malecontreuse idée, comme quoi je pense à le chicaner, parceque j'ai dit que son dernier oeuvre, Rouslan et Loudmila, quoique beau et charmant comme musique *absolue*, est cependant un *opéra* manqué. Et voila qu'il m'en veut et qu'il m'évite pertinacement. Certes

---

[1] Вотъ за что дорого заплатятъ послѣ моей смерти.

je regrette de tout mon coeur ce malentendu, mais, que diable! est-ce que je pourrai à mon âge aller le chercher parmi ses amis folâtres et le disputer à eux. [1]

Г. Арнольдъ сообщилъ тогда, что Глинка переѣхалъ на отдѣльную квартиру и далъ его адресъ. На другое утро Листъ поѣхалъ къ Глинкѣ. *Кажется* въ сопровожденіи Віельгорскаго, прибавляетъ авторъ *Воспоминаній*. Какъ бы то ни было, но Глинка съ этого времени снова началъ бывать у Віельгорскаго и показываться въ свѣтѣ. Вотъ что̀ онъ пишетъ самъ въ своихъ *Запискахъ*: „меня, отказавшагося отъ свѣта съ ноября 1839 года, снова вытащили въ люди, и забытому почти всѣми русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста.“

Г. Арнольдъ описываетъ мужскую вечеринку, устроенную Глинкой для Листа:

„Большая комната была обставлена соснами и елями, между которыми висѣли пестрые ковры: это все имѣло представлять шатеръ, а вдоль деревьевъ были на полу размѣщены матрасы, покрытые равномѣрно коврами. По срединѣ были установлены три сверху связанные шеста, а къ нимъ прикрѣплена короткая цѣпь, на которой висѣлъ довольно большой котелъ. Старое фортепіано было нѣсколько выдвинуто впередъ и на сей разъ (въ видѣ исключенія) хорошо настроено. Между деревьями висѣло множество цвѣтныхъ фонарей, на фортепіано красовалась пара многоручныхъ шандаловъ съ восковыми свѣчами. Въ другой комнатѣ большой рабочій столъ Глинки, покрытый скатертью, былъ уставленъ множествомъ блюдъ съ горячими кулебяками и разными русскими закусками, да безсчетнымъ числомъ бутылокъ съ различными винами и наливками.“

Сначала занимались музыкой, разсказываетъ г-нъ Арнольдъ.

---

[1] Это человѣкъ громаднаго таланта, скажу болѣе: геніальный человѣкъ. Но у него нѣсколько странный характеръ. Прежде онъ очень часто бывалъ у меня: я очень его любилъ и теперь люблю. Но вотъ почти три года, какъ онъ, разведясь съ женой, слишкомъ сблизился съ сумасшедшею компаніей прожигателей жизни, которая мѣшаетъ ему посѣщать порядочное общество. Дошли до того, что внушили ему несчастную мысль будто бы я иду противъ него потому что сказалъ, что его послѣднее произведеніе, *Русланъ и Людмила*, прекрасное и очаровательное какъ абсолютная музыка, неудачно какъ опера. И вотъ онъ сердится на меня и упорно меня избѣгаетъ. Я, разумѣется, отъ всего сердца сожалѣю объ этомъ недоразумѣніи, но не могу же я, въ мои лѣта, гоняться за нимъ и отбивать его у его шаловливыхъ друзей.

Петровъ спѣлъ арію Руслана, Лодій—разсказъ Финна, самъ Глинка—арію Ратмира, Листъ сыгралъ изъ партитуры оперы: увертюру, персидскій хоръ и маршъ Черномора. Потомъ „закусили и выпили, и вся компанія развеселилась зѣло, въ особенности Глинка и Листъ, да не менѣе того старикъ графъ Михаилъ Юрьевичъ, а болѣе всѣхъ Соллогубъ и Булгаковъ. Глинка произнесъ спичъ, въ которомъ объяснилъ, что дѣятели интеллигенціи всего міра составляютъ одну общую семью—*la Bohême*, и что король этой Цыганіи въ настоящее время никто иной, какъ Листъ, котораго слѣдуетъ чествовать качаніемъ. Листъ, остановивъ стремившихся къ нему, сердечно благодарилъ за сдѣланную ему честь, но замѣтилъ, что костюмы наши не похожи на костюмы подобающіе истымъ Цыганамъ. Графъ Віельгорскій весело разсмѣялся:

„— Sa Majesté bohemienne à raison! a bas les surtouts! au diable les cravattes! [1]

„Подъ общими восторженными возгласами *ура* въ одинъ мигъ исполнилось это приказаніе. Затѣмъ покачали Листа и понесли съ тріумфомъ назадъ въ *таборъ*, то-есть въ большую комнату. Между тѣмъ, Платонъ Кукольникъ уже опорожнилъ въ висящій котелъ съ полдюжины бутылокъ рому и зажегъ его. Въ ожиданіи приготовляемаго крамбамбули, занялись еще музыкой. Глинка съ *братіей* исполнили пѣсню Ильинишны съ *pizzicato obligato* Яненки; графъ Віельгорскій спѣлъ свой романсъ *Бывало*, Булгаковъ сыгралъ свой галопъ и т. д. Наконецъ жженка была готова.

„— Запѣвало впередъ! Осипъ Аѳанасьевичъ, голубчикъ! воскликнулъ Глинка,—*Мы живемъ среди полей*

„Выступилъ нашъ любимецъ, затянулъ пѣсню, а хоръ дружно за нимъ: всѣ, вѣдь, тутъ были, болѣе или менѣе, хорошіе музыканты, и хоровое пѣніе шло гармонично и плавно. А синее пламя въ котлѣ придавало группѣ лежащихъ, или сидящихъ на корточкахъ, или вокругъ стоящихъ импровизованныхъ Цыганъ какой-то особенный, таинственный колоритъ. Долго, долго пѣли и пили мы; это была, пожалуй, оргія Цыганъ, но Цыганъ образованныхъ, оргія, на которую и дѣвушка, не краснѣя, могла бы взглянуть. Листъ былъ въ восторгѣ отъ нашего цыганскаго пѣнія."

Это происходило въ 1843 году, а на слѣдующій годъ Глинка уѣхалъ въ Парижъ и въ Испанію, откуда возвратился не ранѣе 1847 года. Г. Арнольдъ нашелъ его сильно измѣнившимся:

[1] Его Цыганское Величество правъ! Долой сюртуки! Къ чорту галстуки!

болѣзненнымъ и раздражительнымъ. „Но кто мнѣ больно не понравился, такъ это былъ фактотумъ его, Испанецъ-шутъ *донъ-Педро.* Назойливость этого нахальнаго плута мнѣ въ тѣ два раза, что я посѣщалъ Михаила Ивановича, до того надоѣла, что я болѣе не являлся къ Глинкѣ, и съ тѣхъ поръ я болѣе не видѣлся съ нимъ."

Г. Арнольдъ описываетъ исторію созданія оперы *Русланъ и Людмила*, основываясь на *дневникѣ* Н. Кукольника. Исторія эта заслуживаетъ особаго вниманія.

III.

Огромный и полный успѣхъ *Жизни за Царя*, говоритъ г. Арнольдъ,—возбудилъ въ Глинкѣ творческую энергію, и съ самаго начала 1837 года онъ не разъ поговаривалъ о своемъ желаніи написать вторую оперу и о томъ, что ищетъ сюжета для нея. „Кто ему внушилъ идею о Пушкинской поэмѣ *Русланъ и Людмила*—*я не вѣдаю*, но слышалъ позже, что уже въ концѣ того же года выборъ его установился на этомъ сюжетѣ."

Для разрѣшенія этого вопроса нужно обратиться къ *Запискамъ* самого Глинки (С.-Петербургъ, 1887, изд. А. С. Суворина). Записки эти вполнѣ подтверждаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Арнольдомъ изъ дневника Н. В. Кукольника, но въ то же время содержатъ множество любопытныхъ подробностей для исторіи *Руслана и Людмилы*. Въ виду того, что 27 ноября настоящаго года исполнится *пятьдесятъ лѣтъ* со времени перваго представленія этой оперы, происходившаго въ Петербургѣ 27 ноября 1842 года, мы постараемся собрать здѣсь, въ дополненіе къ сообщеніямъ г. Арнольда, въ качествѣ исторической справки, все, что̀ разсказываетъ самъ Глинка про свою оперу.

Итакъ, по словамъ Глинки, первую мысль о *Русланѣ и Людмилѣ* подалъ ему князь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало написать для Воробьевой. „Въ одинъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей *Русланъ и Людмила*, сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагаетъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить это намѣреніе. Айвазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника, сообщилъ мнѣ три татарскіе напѣва; впослѣдствіи два изъ

нихъ я употребилъ для лезгинки, а третій для Andante сцены Ратмира въ третьемъ актѣ оперы *Русланъ и Людмила.*"

Запись эта относится къ 1837 году. На слѣдующій годъ Глинка былъ, по высочайшему повелѣнію, посланъ въ Малороссію для набора пѣвчихъ въ придворную капеллу. Онъ прожилъ лѣто въ Черниговской губерніи, въ имѣніи своего добраго знакомаго Григорія Степановича Тарновскаго. Имѣніе это называлось Качановка. Здѣсь очень много занимались музыкой, и Глинка пишетъ въ своихъ *Запискахъ*:

„Въ портфелѣ моемъ нашлись два N., приготовленные (не знаю когда) для Руслана: *Персидскій хоръ* (Ложится въ полѣ мракъ ночной) и *маршъ Черномора*; обѣ эти піесы слушалъ я въ первый разъ въ Качановкѣ: онѣ были хорошо исполнены: въ маршѣ Черномора колокольчики замѣнили мы рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Димитрій Никитичъ Палагинъ" [1].

Мотивъ *Персидскаго хора* — дѣйствительно персидскій. Въ другомъ мѣстѣ своихъ *Записокъ* Глинка пишетъ:

„Осенью того же (1829) года у Штерича я слышалъ персидскую пѣсню, пѣтую секретаремъ министра Иностранныхъ Дѣлъ Хозрева-Мирзы. Этотъ мотивъ послужилъ мнѣ для хора *Ложится въ поль мракъ ночной*, въ оперѣ *Русланъ и Людмила*".

Въ той же Качановкѣ была написана баллада Финна:

„Сосѣдъ Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ, Н. А. Марковичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и подѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія піесы. Мнѣ очень памятно время, когда я писалъ балладу Финна: было тепло, собрались вмѣстѣ я, Штернбергъ [2] и Марковичъ. Покамѣстъ я уписывалъ приготовленные уже стихи, Марковичъ грызъ перо (не легко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ усердно и весело работалъ своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пѣлъ съ оркестромъ".

Зимой 1838 года, въ Петербургѣ, была написана каватина Гориславы: *Любви роскошная звѣзда*. Самъ Глинка не указываетъ съ точностію времени. Онъ пишетъ: „это было зимой около 1838 или 1839 года". За то время это подробно обозначено въ дневникѣ Кукольника, отрывки изъ котораго приводитъ г. Арнольдъ:

---

[1] Помощникъ учителя пѣнія придворной пѣвческой капеллы.

[2] Художникъ.

„Отъ 4 ноября 1838... Сегодня Петрова[1] знатно отколола новую арію для Руслана—*Любви роскошная звѣзда*—чудо въ своемъ родѣ! Я зналъ, что Миша вретъ, будто бы не будетъ писать оперу: но Муза требуетъ и онъ пишетъ, но какъ-то странно, *безъ либретто и безъ плана*, который у него въ головѣ только,—урывками. Ноетъ, жмется... смотришь — является неожиданно новый нумеръ. И въ каждомъ новомъ нумерѣ искусство сказывается сильнѣе, торжественнѣе, геній блещетъ ярче, полетъ неистощимой фантазіи—шире!"

Отмѣтивъ въ своихъ *Запискахъ* что онъ „не помнитъ" когда и гдѣ написана каватина Людмилы 1-го акта: *Грустно мнѣ, родитель дорогой*, Глинка сообщаетъ однако, что каватина эта уже была исполнена съ оркестромъ и хоромъ въ патріотическомъ концертѣ весной 1839 года, и затѣмъ вполнѣ подверждаетъ только-что приведенныя слова Кукольника:

„Я писалъ оперу *по кусочкамъ и урывками*."

Но причина этому немедленно объясняется:

„Я надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; преждевременная кончина его предупредила исполненіе моего намѣренія."

Едва ли мы сдѣлаемъ ошибку, если предположимъ, что Глинка, глубоко заинтересовавшись словами Пушкина о томъ, что поэма его требуетъ большихъ передѣлокъ для превращенія ея въ оперу, долгое время не рѣшался приступить къ составленію плана, въ которомъ не могъ уже оказать ему содѣйствія великій поэтъ. Дѣйствительно, никто лучше Пушкина не могъ бы дать указаній для либретто *Руслана и Людмилы*. И вотъ Глинка довольствовался пока тѣмъ, что клалъ на музыку отдѣльныя мѣста поэмы, тѣ, которыя при всякомъ планѣ неизбѣжно должны были войти въ составъ оперы.

Наконецъ *планъ* оперы создался. Произошло это случайно и внезапно.

„Въ 1837 или 1838 годахъ", пишетъ Глинка въ своихъ *Запискахъ*, „зимой я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Несторъ Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы, написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану.

---

[1] Контральтистка.

„Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! какъ это случилось? самъ не понимаю.“

Дневникъ Н. Кукольника съ точностію указываетъ день и годъ, когда это случилось:

„Отъ 8 ноября 1838. *Сегодня* для Михайлова дня, въ видѣ сюрприза, два необычайныхъ событія. Бахтуринъ спьяна составилъ планъ *Руслана и Людмилы* и, къ удивленію, весьма удачно,—Миша доволенъ, и прекрасно.“

Въ продолженіе всего 1839 года Глинка, по его собственному признанію, „не принимался“ за свою оперу. Причиной этому были различныя домашія непріятности и волненія. Послѣ разъѣзда съ женой, „все Петербургское бабье“, какъ говоритъ онъ въ своихъ *Запискахъ*, возстало на него и „злословію ихъ не было предѣловъ“. Глинка прятался отъ людей и не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ самыхъ искреннихъ пріятелей. Сюда же присоединялись сердечныя волненія по поводу болѣзни Е. П Кернъ, которой докторъ грозилъ чахоткой. Только проводивъ г-жу Кернъ, уѣхавшую за границу, и поселившись на нѣкоторое время въ имѣніи своей матери, Глинка, въ августѣ 1840 года, началъ „мало-по-малу успокоиваться“, принялся за работу и въ три недѣли написалъ интродукцію *Руслана*, въ которую, между прочимъ, ввелъ подражаніе стуку ножей, вилокъ и тарелокъ, поразившему его во время обѣда по случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Николаевны. Глинка присутствовалъ при этомъ обѣдѣ на хорахъ, дирижируя пѣніемъ придворной капеллы Онъ продолжалъ, несмотря на болѣзнь, работать надъ оперой также и зимой, но дѣйствительную охоту къ труду, или, говоря его словами, „необыкновенное расположеніе къ сочиненію музыки“ почувствовалъ онъ лишь въ концѣ лѣта 1841 года. Онъ очень рѣдко выѣзжалъ и такъ усердно занимался, „что въ короткое время большая часть оперы была готова“. Но тутъ произошло неожиданное обстоятельство. Глинка, „осмотрѣвшись, нашелъ, что *общей связи* между частями новой оперы *не было*“. И вотъ онъ, „чтобъ помочь бѣдѣ“, пригласилъ къ себѣ на обѣдъ нѣсколько друзей, которые должны были оказать ему содѣйствіе. Предоставимъ теперь слово Н. Кукольнику:

„Отъ 10 сентября 1841. Вчера былъ превеселый обѣдъ у Глинки съ прекуріознымъ финаломъ: были мы, то-есть я, Михаилъ Гедеоновъ, Ширковъ, Маркевичъ, en tout, съ хозяиномъ,—восемь человѣкъ. Разговоръ, конечно, былъ главнымъ образомъ

о *Русланѣ.* Миша излагалъ весь планъ съ своими поясненіями; разсуждали, дебатировали, спорили, хохотали; всѣхъ, въ томъ числѣ и Мишу, смущаетъ разрозненность, отрывочность отдѣльныхъ сценъ. Недостаетъ послѣдовательности, общей связи въ ходѣ оперы. И вотъ договорились до того, что рѣшили устроить въ складчину, сообща, эту связь. Я взялся написать стихи для финала оперы и для сцены Ратмира въ третьемъ актѣ, да для аріи *И жаръ и зной.* Гедеоновъ, Ширковъ и Маркевичъ также выбрали по своему вкусу мѣста; даже Миша будетъ сочинять стихи. Выходитъ, что у оперы *Русланъ и Людмила* въ стиховномъ отношеніи будетъ шесть отцовъ: Пушкинъ, Маркевичъ, Ширковъ, М. Гедеоновъ, я и Миша, а съ Бахтуринымъ, иже содѣялъ планъ оперы, и всѣхъ семь наберется. Народная мудрость говоритъ, что *у семи нянекъ дитя безъ головы...* Не случилось бы этого и у насъ. Но нѣтъ: какъ бы мы ни нагрѣшили — геній Миши загладитъ и покроетъ наши грѣхи“.

Въ своихъ *Запискахъ* Глинка добавляетъ нѣкоторыя подробности относительно распредѣленія работы. Самъ онъ написалъ: сцену Фарлафа съ Наиной; рондо Фарлафа и начало финала 3-го дѣйствія. Гедеоновъ написалъ: маленькій дуэтъ между Финномъ и Русланомъ, слѣдующій за балладой Финна: *Благодарю, мой дивный покровитель;* речитативъ Финна въ 3-мъ актѣ: *Витязи, коварная Наина*; молитву въ четыре голоса, которою оканчивается третье дѣйствіе. „Такимъ образомъ“, говоритъ онъ, „стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали: Маркевичъ, В. Ѳ. Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я“. Присоединивъ сюда Бахтурина, сочинившаго планъ, мы опять получимъ „семь нянекъ“, про которыхъ упоминаетъ Кукольникъ.

Дневникъ Кукольника даетъ любопытное указаніе на то, съ какою быстротой работалъ теперь Глинка надъ своею оперой:

„Отъ 3 октября 1841. Вотъ-те разъ! Миша сразу одобрилъ всѣ мои стихи и написалъ на нихъ музыку. Никакой передѣлки и поправки не хочетъ, да оно и невозможно теперь, когда музыка готова. Повремени я два дня отсылкой ихъ къ Глинкѣ— я бы ихъ вычистилъ и этого бы не случилось. Самъ виноватъ, зачѣмъ торопился, другіе едва только теперь отдали свои стихи.“

Чтобы понять удивленіе Кукольника, нужно припомнить, что онъ, по словамъ своего дневника, послалъ пришедшіеся на его долю стихи „на аппробацію“ Глинки *въ тотъ же вечеръ* 10 сентября, когда происходилъ только-что описанный обѣдъ. „Арія

И жаръ и зной, впрочемъ, была у меня и прежде въ ясную набросана. Остальные стихи—чисто-англійскіе, изрядно дрянные; но если Миша одобритъ мысль, то я ихъ вычищу и обдѣлаю.“

Между тѣмъ опера настолько подвинулась, что нельзя было дописывать немногаго оставшагося безъ содѣйствія декоратора и балетмейстера. „Итакъ (въ апрѣлѣ 1842 года, если не ошибаюсь“), пишетъ Глинка, „я явился къ директору Гедеонову съ партитурой, и онъ безо всякихъ разговоровъ принялъ мою оперу, приказалъ сейчасъ же приступить къ постановкѣ ея на сцену и, по моему желанію, вмѣсто единовременнаго вознагражденія 4.000 р. асс., согласился, чтобъ я получалъ разовые, то-есть десятый процентъ сбора за каждое представленіе. Скоро послѣ того отдали мою партитуру въ театральную нотную контору, а когда партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоры были изготовлены, я принялся за разучку моей музыки. Впослѣдствіи (это было уже лѣто) надлежало поладить съ балетмейстеромъ Титюсомъ, человѣкомъ весьма ограниченныхъ способностей. Для этого я затѣялъ дать ему обѣдъ (онъ любилъ покушать), и чтобы болѣе угодить ему, заказалъ у французскаго ресторатора Legrand любимыя его кушанья. На обѣдъ, кромѣ балетмейстера Титюса, пригласилъ двухъ Гедеоновыхъ, Костю Булгакова, какъ пріятнаго и веселаго собесѣдника, и Павла Павловича Каменскаго, служившаго переводчикомъ въ канцеляріи директора театровъ Гедеонова. По нашему мнѣнію, онъ отлично танцовалъ лезгинку. Такъ какъ музыка для танцевъ 4-го дѣйствія была составлена мною изъ восточныхъ мелодій, то я желалъ, чтобы Титюсъ сдѣлалъ и самые танцы въ восточномъ родѣ, танцы же третьяго дѣйствія вполнѣ предоставилъ Титюсу. Обѣдъ удался, и вино произвело свое дѣйствіе: послѣ обѣда Каменскій проплясалъ лезгинку, которая не очень понравилась Французу Титюсу, но онъ согласился поставить этотъ танецъ по моему желанію.“

Титюсъ началъ заниматься составленіемъ танцевъ, и Глинка ходилъ въ театральную школу чтобы соображаться съ его требованіями и передѣлывать, что̀ оказывалось нужнымъ перемѣнить. „Такимъ образомъ“, пишетъ онъ, „въ танцы 3-го дѣйствія я долженъ былъ ввести нѣсколько пошлыхъ фразъ, чтобы ловко было танцовать *enlevé*“. Что касается до постановки оперы вообще, то сыновья директора театровъ, Гедеонова, по собственному признанію Глинки, до такой степени расположили отца въ пользу композитора, что послѣднему разрѣшено было

распоряжаться постановкой по собственному усмотрѣнію. Осмотрѣвъ громадные гардеробы, Глинка рѣшилъ какіе костюмы нужно было сдѣлать вновь, какіе обновить и передѣлать. Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ были сдѣланы по указаніямъ Карла Брюлова. Авторъ *Послѣдняго дня Помпеи* сообщилъ также свои соображенія о декораціяхъ извѣстному декоратору Роллеру. Сдѣланные послѣднимъ эскизы масляными красками были такъ хороши, въ особенности видъ заколдованнаго за́мка Черномора, что Роллера удостоили за него званія академика. Глинка особенно разсчитывалъ на эффектъ этой декораціи, но здѣсь произошло совершенно неожиданное обстоятельство. „Гедеоновъ, возвратясь изъ Москвы", пишетъ Глинка въ своихъ *Запискахъ*, „какъ-то повздорилъ съ Роллеромъ. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу моей оперы. Изъ волшебно-прекрасной, затѣйливой декораціи, которая могла бы занять публику и заставить ее забыть недостатокъ драматическаго дѣйствія оперы, Роллеръ (вѣроятно отъ досады) сдѣлалъ самую пошлую изо всѣхъ декорацій оперы. За́мокъ похожъ былъ на казармы, фантастическіе цвѣты на бокахъ авансцены были безобразны и гадко размалеваны самыми простыми красками и испещрены сусальнымъ золотомъ, сюрпризы были гадкіе. Вмѣсто стола съ различными яствами для Людмилы выходило изъ земли нѣчто въ родѣ налоя съ какимъ-то позолоченнымъ, шевелившимся деревцомъ. Однимъ словомъ, это была не декорація, а западня (attrape) для актеровъ и публики; не только Степанова, но и самая первоклассная актриса не могла бы эффектно выполнить этой сцены. Когда же являлся *неуклюжій* Черноморъ со свитою своею и полковою музыкой, тогда не было мѣста ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ. Декорація послѣдняя 5-го акта не лучше была."

Осенью начались репетиціи. „Тогда оказалось", пишетъ Глинка, „что многіе нумера оперы нужно было сократить, а именно: изъ интродукціи надлежало исключить вторую пѣснь Баяна: *Есть пустынный край*. Равнымъ образомъ все окончательное развитіе (développement et péroraison) главной темы: *Лейся полнѣе, кубокъ златой*, впослѣдствіи нужно было исключить. Въ финалѣ перваго акта сокращенъ хоръ Лелю H-dur въ $^5/_4$. Во второмъ актѣ баллада Финна оказалась нѣсколько длинною; но я не сократилъ ея, и публика впослѣдствіи привыкла ее слушать, какъ она мною первоначально написана. *Хоръ въ головѣ*,

то-есть финалъ 2-го акта, на который я очень разсчитывалъ, рѣшительно не удался, и пѣли его такъ невѣрно, что мнѣ самому было не въ силу слышать его. Въ третьемъ актѣ, вмѣсто написаннаго мною чрезвычайно труднаго антракта, надлежало прямо начать съ хора: *Ложится въ поль мракъ ночной*, котораго первые куплеты поются за кулисами. Въ финалѣ терцетъ: *Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать*, надлежало исключить, потому что онъ замедлялъ ходъ драмы. Въ четвертомъ актѣ сцена Людмилы, за которую во время репетиціи въ залахъ благодарила меня Степанова, на сценѣ совсѣмъ не вышла, и та же Степанова упрекала меня, что я не хорошо разсчиталъ сценическій эффектъ. Въ финалѣ этого и послѣдняго акта надлежало также многое сократить. Увертюру, прямо на оркестръ, я писалъ нерѣдко во время репетиціи въ комнатѣ режиссера."

Дневникъ Кукольника сообщаетъ намъ подробности о душевномъ состояніи Глинки въ это время.

„Отъ 9 ноября 1842. Репетиціи *Руслана* идутъ цѣлыми актами и по два вмѣстѣ; причемъ обнаруживаются *длинноты*, какъ говоритъ Миша, обстоятельство тѣмъ болѣе прискорбное, что трудно рѣшить—какими мѣстами пожертвовать для сокращенія. Но Миша въ отчаяніи; увѣряетъ, что опера никуда не годится! Вольно же ему быть Глинкой, а не Беллини или Россини... Тѣ пишутъ оперы для современной публики, а онъ—для потомства. Въ *Русланѣ*, дѣйствительно, два ужасные недостатка: въ цѣломъ — это слишкомъ геніальное произведеніе для нашей публики: не поймутъ; отдѣльныя части до того восхитительны въ малѣйшихъ деталяхъ, что жаль тронуть что-либо изъ нихъ. Миша не вѣритъ этому и хочетъ выкидывать цѣлыя сцены. Я умоляю его обождать полной репетиціи; тогда виднѣе будетъ."

Тутъ присоединилось новое обстоятельство, которое, по словамъ Глинки, „умножило весьма значительно" его хлопоты и непріятности. Эпизодъ этотъ такъ характеренъ, что о немъ нельзя умолчать.

Около 1840 или 1841 года пресловутый Ѳаддей Булгаринъ часто бывалъ у Кукольника. Глинка былъ съ нимъ не только въ дружескихъ отношеніяхъ, но даже „на ты". Разъ въ Павловскѣ Булгаринъ долго шепталъ что-то на ухо Герману, дирижеру оркестра, между тѣмъ какъ публика ожидала одной изъ своихъ любимыхъ піесъ.

— Не слушайте его, шутливо сказалъ Глинка Герману;—онъ ничего въ музыкѣ не разумѣетъ.

Булгаринъ взбѣсился и завязалъ споръ. Дѣло происходило въ музыкальномъ кіоскѣ, при оркестрѣ и многочисленной толпѣ. Глинка доказалъ и объяснилъ, что Булгаринъ не понимаетъ музыки. Отсюда произошелъ разрывъ между Булгаринымъ и Глинкою.

Сеньковскій, съ которымъ Глинка былъ въ то время очень друженъ, рѣшился, чтобъ отклонить отъ композитора новыя непріятности, помирить его съ злопамятнымъ и мстительнымъ издателемъ *Сѣверной Пчелы*. Онъ пригласилъ обоихъ на обѣдъ; поссорившіеся подали другъ другу руки. Когда зашла рѣчь объ оперѣ Глинки, Булгаринъ „съ притворнымъ видомъ сожалѣнія“ сказалъ:

— Досадно, что такое превосходное произведеніе должно быть ввѣрено артистамъ, которые не въ состояніи исполнить его надлежащимъ образомъ.

Глинка отвѣчалъ на это, что знаетъ артистовъ, для которыхъ пишетъ, сообразуется съ ихъ средствами и вполнѣ доволенъ ими. На этомъ дѣло, повидимому, кончилось. Но черезъ нѣсколько дней, когда Глинка пришелъ на репетицію, Леоновъ отвелъ его въ сторону и таинственно сообщилъ, что актеры сердятся на него:

„Въ самомъ дѣлѣ, когда я взошелъ на сцену, то ясно увидѣлъ, что меня принимаютъ сухо и на всѣхъ лицахъ недовольную мину. Петрова же вскинулась на меня въ гнѣвѣ и разразилась упреками, изъ которыхъ я узналъ, что вышла въ *Сѣверной Пчелѣ* статья объ артистахъ, которая ихъ обидѣла и которую они мнѣ приписывали. Я объяснилъ Петровой, что я никакой статьи не читалъ и не знаю, а что Булгаринъ въ статьѣ, на которую она ссылается, напечаталъ собственно слова свои, сказанныя мнѣ во время обѣда. Видя однакожъ, что мои убѣжденія ни къ чему не служатъ, я отвернулся... и предоставилъ режиссеру вести репетицію. Музыканты также (кромѣ почтенныхъ изъ нихъ, какъ Месса, Альбрехта, Шуберта, Мемеля и другихъ) разозлились на меня за статью Булгарина и начали играть весьма небрежно, что̀ въ особенности замѣтно было въ увертюрѣ и въ финалѣ 5-го дѣйствія.“

16 ноября 1842 года происходила полная репетиція *Руслана*. Она продолжалась, съ нѣкоторыми повтореніями, 8 часовъ. „Ужасно утомительно“, пишетъ Кукольникъ въ своемъ дневникѣ.

„Былъ тоже Гедеоновъ и находитъ необходимымъ сдѣлать большія сокращенія. Жаль, но въ самомъ дѣлѣ невозможно держать публику въ театрѣ 6 часовъ. Віельгорскій дѣлаетъ ужасныя порѣзки, которыя, по мнѣнію Миши, обезображиваютъ оперу.“ Право дѣлать сокращенія предоставилъ Віельгорскому самъ Глинка. По его словамъ, Віельгорскій „нещадно выкраивалъ, и часто лучшія мѣста, приговаривая съ самодовольнымъ видомъ: не правда ли, что я мастеръ дѣлать купюры?“

Чѣмъ ближе подходилъ день перваго представленія, тѣмъ болѣе увеличивались мученія Глинки и тревоги его друзей. Мы находимъ въ дневникѣ Кукольника слѣдующее описаніе господствовавшаго настроенія:

„Отъ 22 ноября 1842 г. День перваго представленія *Руслана* близокъ, и всѣ мы, особенно Миша, въ ужасной тревогѣ. Кругомъ собираются зловѣщія тучи: оперу порѣзали до *nec plus ultra;* декораціи не важны; костюмы — тоже. Графъ Михаилъ Юрьевичъ (Віельгорскій) нажужжалъ Глинкѣ въ уши, что опера неудачная, не пойдетъ. Бѣдный Миша въ отчаяніи; съ нимъ дѣлаются истерическіе припадки, и онъ только и твердитъ, что опера никуда не годится, что еслибы можно было, онъ бы снялъ ее со сцены. Сегодня насъ насмѣшили Платонъ съ Касселемъ: они на Невскомъ проспектѣ заступили дорогу Булгарину и обѣщали поколотить его, если *Русланъ* провалится, благодаря его статьѣ. Фаддей, въ испугѣ, бросился отъ нихъ въ сторону, сѣлъ на извощика и удралъ.“

Относительно перваго представленія *Руслана и Людмилы* и впечатлѣнія, произведеннаго этою оперой, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ очевидцевъ. Глинка пишетъ:

„Когда опустили занавѣсъ, начали меня вызывать, но апплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали и преимущественно со сцены и оркестра“.

Кукольникъ говоритъ въ своемъ дневникѣ: „Первое представленіе прошло вяло, недружно, длинно. Успѣхъ слабый; публика видимо скучала. Миша въ страшномъ волненіи не хотѣлъ даже выходить на вызовы. За то наша компанія, и въ особенности я, вызывали Булгарина, который убоялся угрозы Платона и не былъ въ театрѣ.“

Г. Арнольдъ, подтверждая отзывъ Кукольника, объясняетъ, почему опера прошла вяло и скучно на первомъ представленіи:

„Новая опера никѣмъ изъ самихъ участвующихъ (за исклю-

ченіемъ одного Петрова — Руслана) не была еще вполнѣ понята, и еще менѣе прочувствована. Публика оттого и скучала, что *музыкальная* ея часть не такъ была передана, какъ композиторъ хотѣлъ, а *драматическая* часть (то-есть либретто) оказалось сущею ерундой. Впрочемъ, хотя на первомъ представленіи публика и не выказывала желаемаго и слишкомъ самоувѣренно ожидаемаго энтузіазма, какой увѣнчалъ первое представленіе *Жизни за Царя*, но фіаско рѣшительно не было, а напротивъ, нѣчто *теплѣе* чѣмъ *succès d'estime*, потому что автора дружно вызывали. Но двумъ Кукольникамъ съ братіей вздумалось произвести тутъ скандалъ, а это обратило на себя вниманіе и возбудило общее негодованіе. И опять повредила Глинкѣ болѣе всего пресловутая *братія*".

Начиная съ 3-го представленія опера *Русланъ и Людмила* сдѣлалась капитальною піесой сезона, а съ 27 ноября по Великій Постъ выдержала 32 представленія. Великимъ постомъ Глинка получилъ изъ театральной конторы до 3 тысячъ рублей разовыхъ и „отдалъ ихъ матушкѣ на храненіе". При постановкѣ *Жизни за Царя*, Глинку, какъ извѣстно, обязали въ театральной конторѣ подпиской—не требовать за свою оперу никакого вознагражденія.

С. Васильевъ.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Крестный ходъ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру. — Общественныя паломничества: ихъ значеніе. — Высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ.

Чествованіе памяти преподобнаго Сергія, по поводу 500-лѣтія со дня блаженной его кончины, является въ настоящее время фактомъ церковной жизни первой важности, совершенно заслоняющимъ всѣ другіе факты и явленія, имѣющіе обыденное значеніе. Чествованіе это выразилось въ такой возвышенно-умилительной формѣ, получило оно такой величественный, грандіозный характеръ, что превзошло положительно всякое ожиданіе. Въ эти памятные дни, 21—26 сентября, мы переживали то, что можно переживать только въ великія годины подъема народнаго духа. Мы видѣли волну народную, которая изъ сердца Россіи принесла къ стѣнамъ Сергіевой обители слезы и гимны благодарности тому, кто положилъ основной камень въ созданіи православной Россіи.

Мы видѣли умилительное зрѣлище полнаго *единенія* въ одномъ общемъ дѣлѣ православной части общества съ народомъ: мы видѣли, какъ государственный мужъ и крестьянинъ, профессоръ и безграмотный „простецъ", генералъ и рядовой, свѣтская дама и крестьянка одинаково спѣшили поклониться нетлѣннымъ мощамъ угодника Божія, *сливаясь* всѣ вмѣстѣ въ одинъ общій чудный хоръ общенароднаго прославленія преподобнаго.

Такіе дни не забываются; они записываются въ исторіи письменами и въ жизни народной запечатлѣваются на вѣки, какъ новый вкладъ въ духовную сокровищницу.

Самымъ яркимъ выраженіемъ всенароднаго чествованія препо-

добнаго Сергія былъ торжественный крестный ходъ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру. Мы поэтому остановимся на подробностяхъ этого событія, какъ ихъ передавали ежедневныя газеты.

Крестный ходъ выступилъ изъ Москвы 21-го сентября. Стеченіе народа было небывалое по своимъ размѣрамъ. По мѣрѣ прохожденія крестнаго хода по разнымъ улицамъ города Москвы народъ примыкалъ къ нему сзади, образуя сплошную массу; всякій спѣшилъ присоединиться къ ходу, чтобы проводить его хотя бы до заставы. Когда крестный ходъ тронулся отъ заставы, впереди его шли богомольцы, рѣшившіеся идти вплоть до Троице-Сергіевой лавры. Изъ своей среды они отобрали человѣкъ до ста, знающихъ церковныя пѣсни; и они стали пѣть тропари святымъ угодникамъ. Остальная масса богомольцевъ подпѣвала имъ. Когда крестный ходъ выходилъ изъ Москвы, тучи покрывали небо; сырая погода многихъ удержала въ Москвѣ. Къ полудню тучи разсѣялись, солнце освѣтило торжественное шествіе, засіяли хоругви, и тысячи славословящихъ голосовъ слились съ хоромъ духовенства. Къ вечеру крестный ходъ прибылъ на первый ночлегъ, въ село Мытищи. На другое утро двинулись далѣе. Чѣмъ дальше шелъ крестный ходъ, тѣмъ богомольцевъ прибывало все больше и больше. Въ Мытищахъ ночевало приблизительно около 15.000 народу, а въ пути число ихъ достигло до 50.000. Снова впереди крестнаго хода явились добровольцы-пѣвцы, которые церковными пѣснями воодушевляли шествіе. Дивную картину представляло собою это шествіе. Хоругви слегка покачиваются въ утреннемъ, насыщенномъ парами, воздухѣ; иконы слегка приподняты, блестя своими ризами; уставшіе хоругвеносцы передаютъ хоругви другимъ, а сами садятся для отдыха въ линейки. Впереди на полянахъ показываются дымки отъ костровъ, около которыхъ расположились опередившіе крестный ходъ богомольцы. Крестный ходъ равняется съ этими привалами; подкрѣпившіеся богомольцы присоединяются къ процессіи. Вскорѣ опять они опережаютъ крестный ходъ, и издалека начинаетъ доноситься пѣніе прежде одного голоса, а затѣмъ хоровое — „Милосердія двери отверзи". Между тѣмъ, на встрѣчу процессіи, по сторонамъ полотна желѣзной дороги, попадаются группы встрѣчныхъ паломниковъ, идущихъ поклониться московскимъ святителямъ. Они какъ бы въ отвѣтъ поющимъ, въ свою очередь, поютъ: **„радуйся, Сергіе, великій Чудотворче"**.

По ночамъ въ мѣстахъ стоянокъ зажигались большіе костры, вокругъ которыхъ располагались и мужчины, и женщины, и дѣти. Импровизованные хоры богомольцевъ и ночью оглашали воздухъ пѣніемъ гимновъ и молитвъ. 24-го сентября заря едва занималась, когда торжественное шествіе приближалось ко Кресту, гдѣ было предположено соединеніе крестныхъ ходовъ владимірскаго съ московскимъ. Владимірцы, Суздальцы, Ковровцы со своими хоругвями сплошною стѣной стояли на пути въ ожиданіи Москвичей. Стотысячная масса народа двигалась при пѣніи духовныхъ пѣсней. Вотъ крестные ходы сошлись и преклонились другъ другу хоругвями. Воздухъ потрясся отъ единодушнаго восклицанія изъ сотни тысячъ голосовъ: „Радуйся, Сергіе, великій Угодниче Божій и Чудотворче". Въ двѣнадцать часовъ дня крестный ходъ прибылъ въ лавру. [1]

Кому удалось участвовать въ этомъ великомъ, торжественномъ чествованіи преподобнаго Сергія, тому не забыть этого до конца жизни. Этотъ величественный крестный ходъ, медленно двигающійся къ обители преподобнаго, это религіозное воодушевленіе стотысячной толпы, явившейся только представительницей всей православной Россіи, какая сила вѣры и церковной жизни выразилась въ этомъ торжествѣ! И правду высказалъ одинъ студентъ въ *Моск. Вѣдом.*, говоря о крестномъ ходѣ, что „это не театральное шествіе, обставленное декораціями гдѣ-нибудь въ Италіи или Испаніи, это не экзальтированная нищая толпа, идущая въ крестовый походъ за какимъ-нибудь Вальтеромъ, нѣтъ, это люди любящіе свою отчизну, вѣру и Царя, въ мирѣ и любви идущіе поклониться и благодарить Угодника за 500-лѣтнюю исторію своего государства", и не только за это, добавимъ мы, но и за то, что въ его лицѣ мы видимъ удивительно гармоническое сочетаніе истиннаго гражданина Русской земли съ истиннымъ сыномъ православной церкви. Къ сожалѣнію, это не всѣмъ понятно. Непонятно нашей „интеллигенціи", удѣлъ коей, впрочемъ, разсуждать о государственномъ значеніи преподобнаго Сергія; непонятно и Петербургу, такъ равнодушно и безучастно отнесшемуся къ церковному торжеству.

* * *

---

[1] *Московскія Вѣдомости*, №№ 263, 264, [illegible]

Подвигъ паломничества издавна, чуть ли не съ крещенія Руси, былъ любимымъ подвигомъ русскаго человѣка: тысячи верстъ исходить онъ готовъ съ радостью для поклоненія святынѣ. Въ послѣднее время появился особый видъ этого подвига — паломничества не въ одиночку, а группами лицъ и цѣлыми обществами. Это новое явленіе нашей церковной жизни, крайне симпатичное и полезное для религіознаго воспитанія народа. Крестный ходъ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву лавру былъ грандіознымъ видомъ „общественнаго паломничества". Болѣе обыденные виды того же подвига — это путешествіе на поклоненіе святынѣ или учениковъ какой-либо школы, или какого-либо приходскаго братства, или же просто группы прихожанъ какой-либо церкви со своимъ священникомъ во главѣ. Какъ на примѣръ перваго рода можно указать на „школьный походъ въ Нилову пустынь" учениковъ Татевской школы извѣстнаго С. А. Рачинскаго, умѣющаго положить на всякое свое начинаніе колоритъ не только строго-церковный, но и художественный. Послѣ описанія этого „похода", появившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, мы встрѣчаемъ въ духовныхъ журналахъ очень часто описанія подобныхъ же школьныхъ паломничествъ, причемъ въ этихъ „походахъ" принимаютъ нерѣдко участіе ученики нѣсколькихъ школъ. Такъ, напримѣръ: „завѣдующіе церковно-приходскими школами 3-го благочинническаго округа Мокшанскаго уѣзда закончили 1891—1892 учебный годъ путешествіемъ на богомолье вмѣстѣ съ учениками во Вьясскую пустынь. Родители учащихся не только охотно согласились отпустить своихъ дѣтей, но многіе изъ нихъ, особенно матери, и сами собрались вмѣстѣ съ дѣтьми на богомолье. 29 мая ученики Чертеимской школы грамоты въ сопровожденіи учителя и нѣкоторыхъ изъ родственниковъ отправились въ путь. Въ селѣ Шукшѣ къ нимъ присоединились ученики Шукшинской церковно-приходской школы со своимъ учителемъ, а въ селѣ Лунинѣ они встрѣтились съ учениками Проказнинской церковно-приходской школы и вмѣстѣ продолжали путь до села Ломовки, гдѣ къ нимъ присоединились ученики Назарьевской школы, шедшіе подъ наблюденіемъ завѣдующаго школой священника А. Дроздова, и всѣ вмѣстѣ продолжали путь до Вьясской пустыни, куда и прибыли въ тотъ же день вечеромъ. По селамъ ученики шли стройными рядами, а по полямъ свободно. Многіе изъ крестьянъ, особенно изъ ближайшихъ къ пустыни селъ, узнавъ о цѣли путешествія

мальчиковъ и ихъ руководителей, и сами присоединились къ нимъ. Въ тотъ же день, 29 мая, прибыли въ пустынь ученики Тресвинской и Рождественской церковно-приходскихъ школъ со своими учителями. Для ночлега ученикамъ каждой школы со своимъ учителемъ отведены были въ монастырской гостинницѣ отдѣльныя комнаты. Рано утромъ 30 мая прибыли въ пустынь завѣдующіе вышеозначенными школами священники и о. наблюдатель, а также и ученики Казачье-Пелетминской школы. Всѣхъ учениковъ собралось до двухсотъ, въ томъ числѣ было 25 мальчиковъ изъ раскольниковъ. Къ пяти часамъ утра всѣ мальчики уже были на ногахъ и, какъ только ударили въ колоколъ, всѣ чинно подъ наблюденіемъ учителей отправились въ церковь, гдѣ почти всѣ подали свѣчи къ Владимірской иконѣ Божіей Матери и размѣстились рядами предъ алтаремъ. Отрадно было смотрѣть на этихъ маленькихъ паломниковъ, благоговѣйно стоящихъ во храмѣ и усердно молящихся Всевышнему, а еще отраднѣе было замѣтить, что мальчики изъ раскольниковъ ничѣмъ не отличались отъ православныхъ: они также благоговѣйно стояли въ храмѣ и усердно молились Богу“... (*Церк. Вѣд.* № 31.)

Примѣръ общественныхъ паломничествъ мы видимъ также въ тѣхъ паломничествахъ, которыя предпринимаются отъ времени до времени „обществомъ трезвости“ въ Петербургѣ. Такъ въ это лѣто, съ благословенія высокопреосвященнаго митрополита Исидора, кружкомъ лицъ, принадлежащихъ къ обществу трезвости, съ петербургскимъ священникомъ отцомъ Сергіемъ Слѣпцовымъ во главѣ было совершено паломничество въ Колпино.

„Въ 1 часъ ночи на 21 іюля трезвенники собрались въ церковь братства во имя Пресвятыя Богородицы, гдѣ отцомъ Сергіемъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ, послѣ чего процессія *съ хоругвями и святыми иконами, при пѣніи духовныхъ псалмовъ*, тронулась въ путь. Вслѣдъ за процессіей двигалась телѣга съ провизіей. Первая стоянка произошла на Средней Рогаткѣ, откуда, послѣ краткаго отдыха, паломники, въ количествѣ болѣе *трехъ тысячъ* человѣкъ, направились въ село Славянку. Въ Славянкѣ шествіе встрѣтили съ колокольнымъ звономъ, причемъ на встрѣчу паломникамъ выступило все населеніе. Около церкви былъ отслуженъ молебенъ. Въ Колпино паломники прибыли въ 9½ часовъ утра; на встрѣчу паломникамъ вышло мѣстное духовенство съ хоругвями и святыми иконами. Во время слѣдованія хоръ трезвенниковъ стройно оглашалъ воздухъ

пѣніемъ *Святый Боже*: погода все время была благопріятная, и процессія, двигавшаяся по шоссе, окаймленному лѣсомъ, представляла живописную картину. Въ 10 часовъ утра была отслужена отцомъ Слѣпяновымъ божественная литургія, по окончаніи которой соединившіяся процессіи направились къ часовнѣ чудотворной иконы святителя Николая—въ Ижору, а оттуда обратно въ Колпино. 22 іюня паломники возвратились обратно въ Петербургъ бодрые, веселые, оглашая поля пѣніемъ *Святый Боже* вплоть до самой столицы." (*Церк. Вѣд.* № 30.)

Надо ли говорить, какое большое значеніе въ церковной жизни имѣютъ подобныя общественныя паломничества? Они не только возбуждаютъ религіозное чувство человѣка до воодушевленія, но и развиваютъ чувство *солидарности* и братства, что̀ такъ необходимо въ церковной жизни. А это главное. Благодаря такимъ общественнымъ паломничествамъ, каждый ихъ участникъ привыкаетъ чувствовать себя не одинокимъ существомъ, а членомъ одного цѣлаго и притомъ членомъ неразрывно связаннымъ съ другими членами того же цѣлаго—такое же значеніе имѣетъ въ церковной жизни все то, въ чемъ участвуетъ активно множество лицъ, напримѣръ: общее пѣніе во храмѣ, общее паломничество, постройка общими силами храма и т. п. *Всѣмъ этимъ воспитывается чувство церковнаго братства*. Для дѣтей же школьнаго возраста паломничество имѣетъ еще болѣе значенія: вѣдь впечатлѣнія дѣтскаго возраста кладутъ неизгладимый отпечатокъ на всю жизнь человѣка. Поэтому желательно, чтобъ общественныя паломничества были въ нашей церковной жизни не рѣдкимъ исключеніемъ, а общимъ и постояннымъ явленіемъ.

*
* *

Русская церковь лишилась своего старѣйшаго іерарха, высокопреосвященнаго Исидора, митрополита С.-Петербургскаго и Новгородскаго, скончавшагося 7 сентября. Маститый іерархъ почилъ на 93 году своей жизни, потрудившись 67 лѣтъ въ священномъ санѣ, 58 лѣтъ въ архіерейскомъ и 32 года на посту первоприсутствующаго члена Святѣйшаго Синода. Начавъ свою архипастырскую дѣятельность подъ руководствомъ Московскаго митрополита Филарета, онъ затѣмъ былъ главнымъ участникомъ въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, занимая каѳедру Полоцкой епархіи. Будучи потомъ въ теченіе четырнадцати лѣтъ экзархомъ Грузіи, высокопреосвященный Исидоръ положилъ много

трудовъ на возстановленіе и укрѣпленіе православія въ Закавказскомъ краѣ. Призванный въ 1860 году на каѳедру Новгородскую и С.-Петербургскую, высокопреосвященный Исидоръ по своему положенію имѣлъ первенствующее значеніе во всѣхъ главныхъ событіяхъ Русской Церкви за это время: онъ во главѣ святительскаго собора рукоположилъ болѣе ста епископовъ: освятилъ памятникъ тысячелѣтія Россіи: совершилъ священное помазаніе на царство Самодержца Всероссійскаго: ему же принадлежитъ участіе въ трудѣ перевода Библіи на русскій языкъ. Почившій архипастырь былъ также главнымъ попечителемъ и предсѣдателемъ совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

—Ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Генуэзскія празднества.—Тронная рѣчь Австрійскаго императора.—Русская нота Турціи.—Смуты въ Сербіи.—Еще о профессорѣ Вирховѣ. — Новыя законоположенія.

Маленькая Генуя, мѣсто рожденія великаго человѣка, четыреста лѣтъ тому назадъ открывшаго Америку, устроила въ честь его великолѣпныя празднества.

Ко дню прибытія на эти празднества короля Италіи Гумберта въ Генуэзской гавани собралась громадная эскадра изъ кораблей флотовъ почти всѣхъ европейскихъ державъ.

И вотъ на исторической канвѣ всемірнаго чествованія великаго человѣка давно минувшаго времени съ необыкновенною яркостію выступили неожиданно узоры современнаго политическаго настроенія...

Восторженныя и сердечныя оваціи, которыми Итальянцы встрѣчали французскихъ моряковъ; особенное, исключительное вниманіе, съ которымъ король Гумбертъ относился все время къ представителю Франціи, адмиралу Ріэнье; утонченная любезность и тонкій политическій тактъ, съ которымъ держали себя по отношенію къ Итальянцамъ Французы, отказавшись, напримѣръ, принять депутацію итальянскихъ республиканцевъ и тѣмъ какъ бы еще разъ подчеркивая свое теперешнее нежеланіе касаться образа правленія въ другихъ странахъ и заниматься республиканскою пропагандой; несравненно болѣе мирный, чѣмъ прежде, взаимно-дружелюбный тонъ статей, которыми обмѣнялись по этому поводу итальянскія и французскія газеты, а съ другой

стороны явное безпокойство и необычайно безтактная враждебность статей нѣмецкихъ органовъ, въ родѣ, напримѣръ, статьи *Кельнской Газеты*, депешу о которой, переданную *Агентствомъ Стефани* въ Геную, властямъ пришлось задержать, запретивъ газетамъ упоминать объ этой статьѣ, въ весьма небезосновательнаго опасенія, что возмущенный ею народъ можетъ приняться на улицахъ за избіеніе нѣмецкихъ моряковъ, — все это съ необыкновенною ясностію свидѣтельствуетъ о весьма замѣтномъ и несомнѣнномъ поворотѣ во внѣшней политикѣ Италіи, которая, видимо, все сильнѣе и болѣе начинаетъ тяготиться жалкою ролью игрушки въ рукахъ своихъ союзниковъ, сознавая всю невыгоду этой добровольно принятой на себя роли и стремясь къ достиженію возможно большей самостоятельности...

Тутъ вновь, со всею очевидностію, обнаруживаются тѣ бѣлыя нитки, которыми сшитъ пресловутый тройственный союзъ, и чувствуется вся непрочность ихъ...

Въ этомъ тщеславномъ присвоеніи чудится хоть бы какое-то слабое подражаніе и отголосокъ знаменитой *Кронштадтской эпопеи*, прогремѣвшей въ свое время на весь міръ и впервые съ изумленіемъ и съ тревогою встрепенуться и переглянуться участниковъ этого тройственнаго союза...

* * *

Въ дѣлахъ тройственнаго союза идетъ, повидимому, не особенно благополучно, и участникамъ его приходится уже много поубавить тона, поубавить прежняго непоколебимаго апломба и запальчивой горячности...

Сдержанность, осторожность и скромность должны казаться имъ теперь болѣе умѣстными...

Такого рода сдержанностью и скромностью отличается между прочимъ и та рѣчь, которою императоръ Францъ-Іосифъ открылъ, по обычаю, нынѣшнюю сессію австро-венгерскихъ делегацій.

Рѣчь эта значительно осторожнѣе и сдержаннѣе даже прошлогодней рѣчи, не говоря уже о рѣчахъ предшествующихъ лѣтъ. Всѣ щекотливые вопросы въ ней тщательно обходятся. Ни слова не говорится о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ Австро-Венгріей на Балканскомъ полуостровѣ; нѣтъ ни угрозъ, ни предостереженій, ни поощреній или назиданій по адресу балканскихъ государствъ,

издавна уже любезно взятыхъ Австро-Венгріей подъ свою опеку. О Болгаріи и существующемъ въ ней порядкѣ вещей совершенно умалчивается. Имя Сербіи упоминается лишь по поводу надежды заключить съ нею торговый договоръ на обоюдно-выгодныхъ условіяхъ. Не кидается мрачныхъ взглядовъ въ сторону Россіи; напротивъ, говорится „о мирныхъ отношеніяхъ, установившихся между *всеми* державами" и о томъ, что „потребность народовъ въ покоѣ и заботы о матеріальномъ благосостояніи оказываютъ явно умиряющее вліяніе на международныя отношенія". Заявляется, что „полное довѣріе и взаимодѣйствіе, существующее между Австро-Венгріей и ея союзниками, служитъ и впредь ручательствомъ благодѣтельныхъ мироохранительныхъ результатовъ"; а между тѣмъ одинъ изъ союзниковъ, Италія, какъ мы видѣли, не особенно думаетъ объ этомъ „взаимодѣйствіи" и даже какъ бы нѣсколько отбивается отъ рукъ; да и сама Австро-Венгрія, какъ видно изъ той же рѣчи, своимъ крайне незначительнымъ увеличеніемъ военнаго бюджета (всего четыре милліона флориновъ) какъ бы обманываетъ въ этомъ отношеніи ожиданія Германіи, гдѣ полагали, что Австро-Венгрія должна позаботиться объ усиленіи своей арміи въ размѣрахъ, соотвѣтствующихъ новому германскому военному законопроекту, новой проектированной тамъ реформѣ; и вдругъ — въ Германіи разсчитываютъ издержать на это дѣло полтораста милліоновъ, а въ Австріи едва полтора... Пропорція, мало отвѣчающая успокоительнымъ словамъ о „взаимодѣйствіи" и скорѣе свидѣтельствующая какъ бы о томъ, что Австріи, повидимому, надоѣло тратиться на армію въ угоду Германіи, которую не перестаетъ преслѣдовать призракъ войны на два фронта!

Да, и тутъ, повидимому, начинаютъ сказываться бѣлыя нитки, которыми шитъ пресловутый тройственный союзъ...

Итакъ, тронная рѣчь Австрійскаго императора не даетъ на этотъ разъ государствамъ Балканскаго полуострова ни поощреній, ни назиданій. Что касается назиданій, то они, пожалуй, въ настоящее время были бы и нелишними.

Дѣло въ томъ, что турецкая табакерка, о которой мы говорили прошлый разъ и которую г. Стамбуловъ вполнѣ справедливо предпочитаетъ турецкой виселицѣ, была все-таки несомнѣнною

безтактностью со стороны Оттоманской имперіи. Но Австро-Венгрія, взявшая на себя роль опекунши балканскихъ государствъ и, по всей вѣроятности, далеко нечуждая въ этомъ дѣлѣ тайныхъ поощреній, безъ которыхъ, пожалуй, ничего бы такого и не было, совершенно уклонилась отъ какихъ бы то ни было назиданій...

Роль назидательницы пришлось volens-nolens взять на себя той великой сѣверной державѣ, достоинство которой въ данномъ случаѣ было всѣхъ больше оскорблено. Россіи пришлось напомнить забывшейся, подъ чужимъ вліяніемъ, Блистательной Портѣ объ ея обязанности уважать постановленія Берлинскаго трактата, не принимать съ распростертыми объятіями болгарскихъ проходимцевъ, подогрѣвая въ нихъ неумѣстною любезностью незаконныя надежды, и поостеречься отъ всякихъ дальнѣйшихъ неосторожныхъ шаговъ въ этомъ направленіи.

Твердый, полный мужественнаго достоинства голосъ великой державы, повидимому, достигъ своей цѣли и произвелъ соотвѣтствующее впечатлѣніе...

* * *

Бѣдная Сербія снова переживаетъ тяжелые дни, раздираемая безпощадною борьбою политическихъ партій.

Началомъ сербской смуты на этотъ разъ послужило устроенное г. Ристичемъ паденіе радикальнаго кабинета Пашича и замѣна его милымъ сердцу регента либеральнымъ министерствомъ г. Авакумовича.

Радикалы, оставивъ наконецъ свои внутренніе раздоры, не хотятъ уступить своимъ противникамъ поля безъ борьбы и вовсе не думаютъ примириться со своею отставкой. Устраиваются радикальныя сходки какъ въ провинціи, такъ и въ самомъ Бѣлградѣ; радикальные муниципалитеты городовъ отказываются признать совершившуюся перемѣну въ министерствѣ; регентство съ новымъ министерствомъ не рѣшаются обратиться къ скупщинѣ и тѣмъ поставить свои дѣйствія на законную почву, опасаясь, не безъ основанія, что скупщина легко можетъ оказаться на сторонѣ радикаловъ; происходятъ бурныя, нерѣдко кровавыя, столкновенія; на югѣ Сербіи появляются шайки гайдуковъ, терроризующихъ населеніе и призывающихъ его къ открытому возмущенію противъ правительства; войска, посылаемыя въ мѣста серіозныхъ безпорядковъ, ничего не могутъ подѣлать.

Положеніе несчастной Сербіи становится со дня на день тяжелѣе и не можетъ не внушать искреннимъ друзьямъ юнаго королевства серіозныхъ опасеній за его судьбу и грустныхъ мыслей о всей горечи плодовъ парламентаризма, искусственно пересаженнаго на совершенно, повидимому, непригодную для него славянскую почву...

* * *

Рѣчь профессора Вирхова, которую мы съ удовольствіемъ отмѣтили прошлый разъ въ нашей *Современной Лѣтописи*, и о которой привели дѣльное слово *Южнаго Края*, произвела, повидимому, и въ Европѣ довольно сильное впечатлѣніе, даже, пожалуй, гораздо болѣе сильное и цѣльное, чѣмъ у насъ, гдѣ большинство „руководителей“ нашего общественнаго мнѣнія было, очевидно, немало озадачено и сконфужено этою замѣчательною рѣчью... Давно ли, кажется, у насъ безпощадно осмѣивали тѣхъ изъ наиболѣе самобытныхъ нашихъ мыслителей, которые позволяли себѣ относиться критически къ извѣстной гипотезѣ Дарвина, необыкновенно быстро, легковѣрно и поверхностно, по наслышкѣ, изъ третьихъ-четвертыхъ рукъ усвоенной большинствомъ нашей такъ-называемой „интеллигенціи“, какъ послѣднее и окончательное слово европейской науки? А тутъ вдругъ сама эта европейская наука, да еще устами одного изъ самыхъ извѣстныхъ и авторитетныхъ своихъ представителей, совершенно опровергаетъ эту гипотезу!.. Какъ же тутъ не сконфузиться и не растеряться?..

Отношеніе же Европы къ этой рѣчи, произнесенной въ Москвѣ, оказалось совершенно инымъ.

Вотъ, напримѣръ, что̀ пишутъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* изъ Франціи: „Замѣчательная рѣчь, произнесенная Вирховымъ въ день открытія московскаго съѣзда, появилась въ нашихъ религіозныхъ журналахъ. Вирховъ, съ вѣскою авторитетностью свойственною его имени, сказалъ то, что̀ давно уже думали и говорили многіе менѣе видные дѣятели.“ (*Московскія Вѣдомости*, № 270).

Такъ отнеслись къ рѣчи Вирхова Французы. Нѣмцы тоже не обидились за нее, но за то они обидѣлись на него за другое. Они никакъ не могутъ простить ему, что онъ, по возвращеніи своемъ изъ Россіи, позволилъ себѣ, будучи Нѣмцемъ, напечатать въ журналѣ *Nation* благосклонный и сочувственный отзывъ о „русскихъ варварахъ“, о которыхъ, по мнѣнію большинства его

просвѣщенныхъ соотечественниковъ, ничего кромѣ дурнаго говорить не полагается.

Въ этой статьѣ своей, за которую одна изъ нѣмецкихъ газетъ со злобною ироніей пророчитъ ему русскій орденъ, профессоръ Вирховъ прежде всего старается опровергнуть господствующее на Западѣ убѣжденіе, что Русское правительство скрываетъ истинныя цифры имѣвшейся холерной эпидеміи.

„Напротивъ, говоритъ Вирховъ, оффиціальныя данныя о холерѣ, публикуемыя правительствомъ, отвѣчаютъ истинѣ, насколько это возможно, такъ какъ, разумѣется, при собираніи этихъ данныхъ неизбѣжны ошибки. Гдѣ и когда-нибудь въ большую эпидемію удавалось узнать точную цифру всѣхъ заболѣваній? Приблизительно, конечно, возможно опредѣлить число заболѣваній, особенно въ началѣ, когда бываютъ только единичные случаи; но когда эпидемія достигаетъ своего развитія, и заболѣванія поступаютъ группами, то, разумѣется, регистрировать всѣ случаи становится болѣе затруднительно. Въ Россіи же было сдѣлано все, что только возможно, всѣ способы и всѣ средства для лѣченія, какія доставляетъ современная наука,—все было пущено въ ходъ въ Россіи, и я могу сказать на основаніи собственнаго опыта, что всѣ эти средства примѣнялись въ Россіи съ твердымъ сознаніемъ долга и искусствомъ.“

Въ другомъ мѣстѣ своей статьи Вирховъ говоритъ:

„Очень грустно, что нигдѣ такъ мало не интересуются русскимъ языкомъ, какъ въ Германіи. Даже въ нашихъ пограничныхъ съ Россіей провинціяхъ приходится съ фонаремъ искать людей, понимающихъ по-русски. Когда я съ Эйсмунтомъ представилъ мое засвидѣтельствованіе въ точномъ русскомъ текстѣ, то оказалось, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ чиновниковъ не могъ его прочесть. При такомъ положеніи вещей, конечно, немыслимо двумъ пограничнымъ сосѣдямъ вполнѣ понять другъ друга! Внутри Германіи дѣло хуже—такъ какъ тамъ приходится лишь пользоваться извлеченіями и переводами и, такимъ образомъ, находиться въ зависимости въ своихъ знаніяхъ отъ третьихъ лицъ, которые могутъ намѣренно или даже просто по недостаточному знакомству съ языкомъ представлять истину въ обратномъ видѣ.“

„Мы не можемъ,—говоритъ далѣе профессоръ,—проникнуть замыслы высшихъ руководителей политики и, разумѣется, крайне несовершеннымъ образомъ можемъ оказывать на нихъ вліяніе.

Но мы въ состояніи ясно представить себѣ, что совершается въ народной душѣ, и можемъ много способствовать устраненію недоразумѣній и чувства досады, которое возникаетъ въ ней. Можетъ-быть, мы имѣемъ всѣ основанія жаловаться на то, что пути высшей политики такъ скрыты, но все-таки народъ не долженъ упускать ни одного случая для избѣжанія и устраненія недоразумѣній, если таковыя возникаютъ. Если желаніе мира такъ велико у насъ, какъ это увѣряютъ,—а я нисколько въ этомъ не сомнѣваюсь!—то не слѣдуетъ оставлять непопробованными средства, которыя могутъ возбудить въ народѣ примирительныя чувства. Мы, по крайней мѣрѣ, принявшіе приглашеніе пріѣхать въ Россію, получили за это величайшую благодарность: мы были приняты съ такою сердечностью и съ такимъ широкимъ гостепріимствомъ, что едва ли въ нашемъ отечествѣ найдутся способы, чтобъ отвѣтить на это гостепріимство подходящимъ образомъ. Еще до сихъ поръ русское гостепріимство носитъ на себѣ отпечатокъ чисто восточнаго гостепріимства, и богатство многихъ отдѣльныхъ личностей въ Россіи даетъ возможность изумлять чужестранца непривычною роскошью пріема. Но гостепріимство, которымъ мы пользовались, далеко не было только внѣшнимъ".

Вотъ что говоритъ въ своей статьѣ, не боясь навлечь на себя неизбѣжный гнѣвъ своихъ соотечественниковъ, профессоръ Вирховъ, сумѣвшій, съ безпристрастіемъ и добросовѣстностію человѣка науки, зорко заглянуть въ глаза великому Восточному Сфинксу, котораго зовутъ Россіей, и котораго такъ боятся и не любятъ его западные сосѣди... Это хорошая благодарность за русское гостепріимство.

Но еще большее ему спасибо за то, что онъ сумѣлъ, съ тѣмъ же безпристрастіемъ и добросовѣстностію человѣка науки, смѣло сказать этому Сфинксу свое умное, вѣское, авторитетное слово, по поводу котораго многимъ представителямъ нашей „интеллигенціи" не мѣшаетъ очень и очень призадуматься...

*
* *

За истекающій сентябрь мѣсяцъ изъ памятниковъ законодательной дѣятельности приходится отмѣтить весьма немногое, а именно, всего лишь обнародованную недавно *Конвенцію о выдачѣ преступниковъ, заключенную между Россіей и Великимъ Герцог-*

ствомъ Люксембургскимъ отъ 19 (31) марта 1892 года, по которой обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 17 (29) мая сего же года.

Вопросъ о выдачѣ преступниковъ есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ современной международной жизни: стоитъ только вспомнить изъ недалекаго прошлаго очень яркіе факты отказовъ въ выдачѣ преступниковъ несомнѣнно общаго права, подъ громкимъ покровомъ понятія о политическомъ преступленіи. Поэтому конвенціи эти должны имѣть очень точную и правовую фразировку, и редакцію, и было бы небезполезно, при участіи людей науки, выработать одну общую для нихъ формулу. Мы говоримъ это потому, что въ указанной конвенціи встрѣчаются весьма важныя несовершенства въ изложеніи, которыя могутъ подать въ будущемъ поводъ къ разнообразнымъ и неудобнымъ толкованіямъ. Чтобы не быть голословными, стоитъ только вдуматься въ точный смыслъ второй части положенія ст. I конвенціи, въ связи съ изложеніемъ ст. II, чтобъ ясно понять, какъ мало была обдумана редакція такого важнаго международнаго акта, отъ котораго мы въ правѣ ожидать возможнаго совершенства!

По существу, данная конвенція обусловливаетъ взаимную выдачу преступниковъ только тогда, когда „поводомъ осужденія, привлеченія къ слѣдствію и преданія суду или же судебнаго преслѣдованія служитъ *умышленное* совершеніе преступленія или проступка въ предѣлахъ того государства, которое требуетъ выдачи, и за которое виновный можетъ, по законамъ обѣихъ странъ, подлежать наказанію свыше одного года тюремнаго заключенія". Болѣе законоположеній, имѣющихъ общественный интересъ, за сентябрь мѣсяцъ не обнародовано, что совершенно естественно, такъ какъ дѣятельность высшихъ государственныхъ учрежденій начинается лишь съ октября мѣсяца, заканчиваясь въ іюлѣ. Но уже давно сдержанная печать ревностно подчеркиваетъ будущую важность наступающей осенней сессіи Государственнаго Совѣта и указываетъ на многочисленные законопроекты первостепенной важности, которые, по слухамъ, стоятъ на очереди. Печать весьма интересуется личностью вновь назначеннаго государственнаго секретаря Н. В. Муравьева и вновь назначенныхъ членовъ Государственнаго Совѣта—Половцева, Татищева, Анастасьева, въ связи съ упорно носящимися слухами о предстоящей въ эту сессію борьбѣ, центромъ которой указываютъ дѣла финансовыя,—борьбѣ неожиданно правильно организованныхъ „*партій*", подъ водительствомъ объявившихся „*лидеровъ*", которыхъ эти слухи

называютъ по именамъ—однимъ словомъ, какъ-будто опять оживаютъ парламентскія игры! Нѣкоторыя газеты даже пространно удивляются, что до сихъ поръ засѣданія Государственнаго Совѣта лишены гласности, отъ введенія которой въ это дѣло ожидаютъ много добра. Удивительно, какъ еще не наскучило все это нашимъ „руководителямъ" общественнаго мнѣнія! Нѣтъ, ужь лучше попрежнему — пусть засѣданія Государственнаго Совѣта въ своей благотворной государственной дѣятельности поддерживаются внутренно началами личной доблести своихъ членовъ и сознаніемъ своего великаго, отвѣтственнаго предъ исторіей, положенія, а не боязнью, что̀ скажетъ о дѣятельности его тотъ или другой газетный репортеръ, посѣщающій открытыя для публики *„гласныя"* его засѣданія!

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Перемѣна высшаго состава министерства финансовъ и Министерства Путей Сообщенія. «Journal des Débats» и И. А. Вышнеградскій. — [illegible]

Именные Высочайшіе указы, данные Правительствующему Сенату:

I. 1892 года августа 30. „Члену Государственнаго Совѣта, дѣйствительному тайному совѣтнику Вышнеградскому Всемилостивѣйше увольняемъ, согласно его прошенію, по болѣзни, отъ должности министра Финансовъ съ оставленіемъ членомъ Государственнаго Совѣта."

II. Августа 30. „Управляющему Министерствомъ Путей Сообщенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Витте Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть управляющимъ Министерствомъ Финансовъ."

Такимъ образомъ, обширнѣйшія предначертанія, вытекавшія изъ одной общей мысли — вывести наше отечество изъ плѣненія берлинско-еврейскаго, поставить его финансы въ независимое положеніе, устроить ихъ и укрѣпить — не могли быть окончены И. А. Вышнеградскимъ. Почти нечеловѣческій пятилѣтній трудъ надломилъ здоровье государственнаго мужа. *Journal des Débats*

говоритъ по поводу отставки Ивана Алексѣевича такъ: „Это былъ неустанный труженикъ, безотчетно тратившій силы свои на благо государства. Вспомните, въ какомъ положеніи находилось русское государственное казначейство, когда назадъ тому пять съ половиной лѣтъ И. А. Вышнеградскій принималъ его отъ г. Бунге; вспомните реформы имъ проведенныя, вспомните общирнѣйшія финансовыя операціи имъ совершенныя, — его необычайную дѣятельность, и вы удивитесь, что онъ такъ долго выносилъ трудъ нечеловѣческій.“ Перечисливъ рядъ трудовъ бывшаго министра, журналъ продолжаетъ, что „при концѣ своей дѣятельности онъ имѣлъ несчастіе повстрѣчаться съ отечественными бѣдствіями, независящими отъ воли человѣческой—голодомъ и холерой, кои привели бюджетъ государства къ дефициту, который долженъ былъ быть покрытъ изъ остатковъ прежнихъ лѣтъ; весьма возможно, что эти обстоятельства и вызвали болѣзнь г. министра. Почувствовавъ упадокъ силъ, онъ взялъ на нѣсколько мѣсяцевъ отпускъ. Но возвратившись къ исполненію своихъ обязанностей, онъ убѣдился, что силы его надорваны, и ходатайствовалъ объ увольненіи отъ должности.“

Иванъ Алексѣевичъ, вступивъ въ управленіе Министерствомъ Финансовъ 1 января 1887 года, немедленно приступилъ къ изысканію средствъ для увеличенія государственныхъ доходовъ. [1] Источниками увеличенія послужили гербовый сборъ, актовыя

---

[1] Вотъ цифры приходо-расходовъ государственнаго казначейства за 10 лѣтъ, предшествовавшихъ вступленію И. А. Вышнеградскаго въ должность министра:

	1876	1877	1878	1879
въ рубляхъ приходы:	560.985.254	550.818.580	625.972.735	662.973.822
„ „ расходы:	574.106.018	586.549.603	601.291.521	643.892.258
	— 13.120.764	— 35.731.023	+ 24.681.214	+ 19.081.564

	1880	1881	1882	1883
въ рубляхъ приходы:	652.438.338	687.158.956	708.668.332	710.645.968
„ „ расходы:	694.505.314	732.413.150	709.052.685	723.673.259
	— 42.066.976	— 45.254.194	— 384.353	— 13.027.297

	1884	1885	1886
въ рубляхъ приходы:	709.149.958	765.410.380	782.923.916
„ „ расходы:	727.902.675	806.614.346	832.391.852
	— 18.752.717	— 41.203.966	— 49.467.336

бумаги, акцизъ съ табаку и спирту, торговыя свидѣтельства, выбираемыя акціонерными обществами, промысловые документы, поземельный налогъ въ 22 губерніяхъ, многія статьи таможеннаго тарифа, сборъ со специальныхъ текущихъ счетовъ и казенныя доходныя статьи. По смѣтѣ на 1887 годъ государственные доходы были исчислены его предшественникомъ въ 796.368.844 рубля и предположенъ былъ дефицитъ въ 36.558.634 рубля. Мѣры, принятыя И. А. Вышнеградскимъ, низвели цифру дефицита до 3.516.247 рублей. Смѣта на 1888 годъ предполагала уже избытокъ доходовъ надъ расходами въ 525.205 руб. Въ этомъ году введенъ былъ налогъ на нефтяныя масла и акцизъ съ зажигательныхъ спичекъ, и законченъ этотъ годъ былъ блестяще: избытокъ доходовъ выразился 60.409.839 рублей. 1889 годъ законченъ былъ еще болѣе блестяще, чѣмъ предыдущій: избытокъ приходовъ опредѣлился 86.499.641 рубль; 1890 годъ далъ избытокъ въ 73.059.590 рублей.

Такіе результаты были достигнуты не только увеличеніемъ налоговъ, не только экономіей по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства и сокращеніемъ суммъ на сверхсмѣтныя ассигнованія до 6.000.000 рублей ежегодно[1], но и уменьшеніемъ ежегодныхъ платежей по государственнымъ долгамъ, достигнутымъ путемъ обращенія прежнихъ 5% обязательствъ въ новые 4%.[2]

Кромѣ мѣръ направленныхъ непосредственно къ приведенію въ равновѣсіе приходовъ съ расходами, И. А. Вышнеградскій много труда положилъ на водвореніе надлежащаго порядка въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ: закономъ 15 іюня 1887 года

---

[1] Прежде сверхсмѣтныя ассигнованія назначались въ слѣдующихъ размѣрахъ:

1874 г.	1875 г.	1876 г.	1777 г.	1878 г.
23.695.125	15.703.821	21.616.803	32.892.074	20.552.907
1879 г.	**1880 г.**	**1881 г.**	**1882 г.**	**1883 г.**
38.657.911	56.201.790	45.618.276	34.409.887	29.382.632

[2] Начаты были эти операціи въ 1887 году переработкой банковыхъ билетовъ. Въ 1888 году былъ конвертированъ заемъ 1877 года при помощи золотаго займа во Франціи. Въ 1889 году были обращены 5% консоли I, II, III, IV и VII выпусковъ въ два 4% займа, выпущенные на нарицательный капиталъ въ 485.498.000 рублей золотомъ. Въ 1890 году были превращены въ 4% на 5% англо-голландскіе займы, шестой и седьмой 5% займы и 5% облигаціи казенной Харьково-Кременчугской жел. дороги. Въ 1891 году были конвертированы въ 4% займы 5% рента, 5% банковые билеты I, III, IV и V выпусковъ и первый восточный заемъ.

установлено было, что руководство желѣзнодорожными тарифами съ цѣлью огражденія интересовъ торговли, промышленности, населенія и казны принадлежитъ исключительно правительству. Въ 1888 году всѣ желѣзнодорожныя тарифныя дѣла были переданы въ вѣдомство финансовъ и, наконецъ, 8 марта 1889 года изданъ нынѣ дѣйствующій тарифный законъ, давшій государственному казначейству громадныя сбереженія. Въ этой области ближайшимъ сотрудникомъ Ивана Алексѣевича былъ С. Ю. Витте, въ качествѣ директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, гдѣ онъ работалъ, по словамъ его бывшаго начальника, „больше, чѣмъ можетъ вынести человѣкъ“.

1 іюля 1891 года введенъ въ дѣйствіе нынѣ дѣйствующій строго-покровительственный таможенный тарифъ, основная задача коего способствовать развитію отечественной промышленности. Съ тою же цѣлью бывшій министръ старался пріобрѣсти новые рынки для нашихъ продуктовъ и фабрикатовъ; при немъ сдѣланъ былъ первый опытъ открытія выставокъ русскихъ товаровъ за границей, а именно въ Букурештѣ. По примѣру возврата акциза на спиртъ и сахаръ при вывозѣ ихъ за границу, въ текущемъ году введенъ въ дѣйствіе законъ о возвратѣ пошлинъ на хлопокъ при вывозѣ издѣлій изъ него за границу.

Дабы удовлетворять временныя потребности торговли и промышленности, въ мѣновыхъ знакахъ въ 1888 году было разрѣшено Государственному Банку производить временные выпуски кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе золота, принадлежащаго Государственному Казначейству и Государственному Банку. Въ томъ же году объединена монетная система и изданъ законъ, способствующій развитію винокуренія.

Кромѣ того, измѣненъ уставъ Дворянскаго Банка и уменьшены проценты по ссудамъ его; затѣмъ Дворянскій Банкъ былъ объединенъ съ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита; рѣшенъ былъ вопросъ о ссудахъ подъ хлѣбъ и данъ сильный толчокъ развитію сберегательныхъ кассъ.

Всѣ эти работы, произведенныя Иваномъ Алексѣевичемъ въ теченіе пяти лѣтъ, сопровождались немалымъ противодѣйствіемъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Припомните, какую финансовую войну объявила намъ Германія въ годъ вступленія его въ управленіе Министерствомъ, когда было запрещено имперскому банку выдавать ссуды подъ русскіе фонды и когда были повышены пошлины на вывозимый отъ насъ хлѣбъ. Эта война довела

стоимость полуимперіала въ февралѣ 1888 года до 10 рублей. Вспомните поступокъ парижскаго дома Ротшильдовъ въ минувшемъ году, когда, несмотря на договоръ, онъ отказался отъ реализаціи русскаго займа. Несмотря на все это плоды дѣятельности бывшаго министра выразились къ 1 января 1891 года сбереженіемъ въ 219.000.000 рублей и дали возможность безъ страха приступить къ созиданію великой Сибирской дороги, имѣющей міровое значеніе.

Какъ бы прошелъ минувшій 1891 годъ, еслибъ у кормила финансовъ не было Ивана Алексѣевича, а у кормила путей сообщенія не поставленъ былъ его ближайшій помощникъ, а теперь его преемникъ? Порицателей всякаго дѣла и всякаго человѣка всегда много, и что̀ удивительнаго, что у Ивана Алексѣевича и Сергѣя Юльевича ихъ тьмы? Но не надо бы имъ, этимъ порицателямъ, забывать пословицы: *свою бѣду лопатой не выгребешь, а чужую пальчикомъ разведешь*. Надо радоваться и безконечно быть благодарнымъ Ивану Алексѣевичу, что онъ оставилъ по себѣ преемникомъ истинно-русскаго человѣка, преданнаго нелицемѣрно своему дѣлу. „Вѣрный хранитель завѣщаній своего предшественника, г. Витте будетъ управлять государственнымъ достояніемъ мудро и бережливо, говоритъ *Journal des Débats*. Онъ не замедлитъ возстановить временно нарушенное прошлогоднимъ неурожаемъ равновѣсіе государственнаго бюджета и вызоветъ къ дѣятельности нынѣ почти бездѣйствующія громаднѣйшія природныя средства страны; онъ найдетъ новые рынки, сдѣлаетъ все возможное, чтобъ окончить постройку Сибирской желѣзной дороги. И какъ бы ни были грандіозны его начинанія, онъ съ умѣетъ ихъ исполнить, не нарушая равновѣсія бюджета.“

Интересна характеристика г-на Витте, сдѣланная берлинскою *Boersenzeitung* и австрійскою *Neue Freie Presse*.

„Родившись въ іюнѣ 1849 г., въ городѣ Тифлисѣ, говоритъ первая изъ нихъ, С. Ю. Витте, по окончаніи со степенью кандидата курса на физико-математическомъ факультетѣ Новороссійскаго университета, поступилъ на службу Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ, благодаря своимъ необычайнымъ способностямъ и удивительному организаторскому таланту, который онъ проявилъ въ особенности во время послѣдней Турецкой кампаніи, будучи начальникомъ движенія, дошелъ до высшаго поста, какой существовалъ на желѣзной дорогѣ. Не достигнувъ еще тридцати семи лѣтъ, С. Ю. Витте сдѣлался въ 1886 году

управляющимъ Юго-Западными дорогами, которыя получили при немъ такую образцовую организацію и такъ мастерски разрѣшали задачу служить публикѣ, что, по всей вѣроятности, и въ настоящее время служатъ для большинства русскихъ желѣзныхъ дорогъ недосягаемыхъ примѣромъ.

„Весьма естественно, поэтому, что, когда А. И. Вышнеградскій въ 1888 году создалъ при Министерствѣ Финансовъ департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, чтобы взяться за улучшеніе порядковъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, выборъ его могъ пасть только на такого человѣка, который способенъ былъ вдохнуть новую жизнь въ желѣзнодорожное дѣло, а именно, на С. Ю. Витте. Что сдѣлалъ С. Ю. Витте меньше чѣмъ въ четыре года въ качествѣ директора названнаго департамента и предсѣдателя тарифнаго комитета, уже оцѣнено по достоинству, и здѣсь излишне повторять сказанное, но слѣдуетъ указать на то, что С. Ю. Витте при своемъ тогдашнемъ начальникѣ былъ значительно болѣе, чѣмъ только директоръ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, и что въ послѣдніе годы въ Министерствѣ Финансовъ не существовало ни одного важнаго вопроса, въ области ли финансовъ или торговли, при разработкѣ котораго С. Ю. Витте не принималъ бы дѣятельнаго участія.

„Въ февралѣ 1892 года С. Ю. Витте былъ, какъ извѣстно, назначенъ управляющимъ Министерствомъ Путей Сообщенія, и хотя онъ этимъ Министерствомъ управлялъ не болѣе шести мѣсяцевъ, тѣмъ не менѣе всюду чувствовали, что при немъ наступилъ конецъ „командованію изъ-за зеленаго стола“, что во главѣ Министерства сталъ опытный практикъ и человѣкъ, который зналъ желѣзнодорожное дѣло до мельчайшихъ подробностей. Теперь, когда И. А. Вышнеградскій вынужденъ болѣзнію отказаться отъ управленія Министерствомъ Финансовъ, это послѣднее естественно перешло къ С. Ю. Витте, какъ человѣку, который уже при И. А. Вышнеградскомъ принималъ дѣятельное участіе въ управленіи Министерствомъ и который и въ руководящихъ кругахъ выказалъ себя организаторомъ перваго ранга.

„Нельзя не упомянуть о томъ, что С. Ю. Витте всегда умѣлъ создавать школу. Обладая вѣрнымъ и острымъ взглядомъ, онъ всегда ставилъ подходящихъ людей на подобающее имъ мѣсто и воспитывалъ ихъ далѣе, какъ своимъ примѣромъ, такъ и своими указаніями, такъ что на всѣхъ должностяхъ, которыя онъ до сихъ поръ занималъ, онъ всегда имѣлъ штабъ интеллигентныхъ

и, главнымъ образомъ, исполнительныхъ работниковъ. Всякій дѣльный и порядочный человѣкъ, служащій подъ начальствомъ С. Ю. Витте, глубоко преданъ и привязанъ къ нему. Это объясняется весьма просто тѣмъ, что самъ С. Ю. Витте сохраняетъ вѣрность къ людямъ: кого онъ призналъ достойнымъ и дѣльнымъ, къ тому онъ привязывается со всею силой своего характера и дѣлаетъ все, чтобы проложить ему дорогу."

Neue Freie Presse, сказавъ, что С. Ю. Витте былъ призванъ въ 1889 году И. А. Вышнеградскимъ къ управленію желѣзнодорожнымъ департаментомъ, говоритъ, что „общественное мнѣніе Россіи всю надежду преобразованія желѣзнодорожнаго дѣла связывало съ именемъ Витте. Его имя уже тогда, какъ и въ настоящій моментъ, означало программу. Всѣ попытки предшествовавшихъ лѣтъ, предпринятыя съ цѣлью исправленія безпорядковъ въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ, привели къ плачевнымъ результатамъ. Даже коммиссія, учрежденная въ предсѣдательствѣ графа Баранова, успѣла лишь выработать неудовлетворительный во многихъ частяхъ общій уставъ желѣзныхъ дорогъ и лишь раскрыла всѣ тѣ затрудненія, съ которыми предстояло бороться при введеніи основательной реформы. Для осуществленія же этой реформы призванъ былъ, наконецъ, С. Ю. Витте, который и принялся за работу со свойственною ему одному энергіей. Прежде всего расширены были границы вѣдомства департамента, открытаго при Министерствѣ Финансовъ и директоромъ котораго былъ С. Ю. Витте. Эти границы были проведены такимъ образомъ, что Министерству Путей Сообщенія предоставленъ былъ лишь надзоръ надъ технической, строительною частію и эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ. Управленіе тарифнымъ департаментомъ, попавшее въ руки С. Ю. Витте, вскорѣ дало себя знать, и въ первый разъ въ обширномъ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ почувствовалось присутствіе центральной власти. Въ 1889 году въ Петербургѣ собралась, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте, коммиссія для разработки проекта единообразнаго тарифа, и тогда-то представители желѣзныхъ дорогъ, участвовавшіе въ этой коммиссіи, въ первый разъ убѣдились, что имъ предлагается правительственная программа, не допускающая ни малѣйшихъ уступокъ. Въ относительно короткое время устранены были долго существовавшіе классификаціонная система тарифовъ и хаосъ, вызванный необузданною конкурренціей. Конечно, этому много способствовало то обстоятельство, что правительство успѣло

заблаговременно выкупить нѣсколько важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ линій и пріобрѣло, такимъ образомъ, значительный перевѣсъ надъ представителями акціонерныхъ компаній. Не обошлось при этомъ и безъ нарушеній (?) концессіонныхъ правъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. Но этого невозможно было избѣгнуть, такъ какъ вопросъ шелъ о согласованіи интересовъ государственныхъ съ интересами частныхъ предпріятій, которыя слишкомъ уже злоупотребляли широкимъ истолкованіемъ своихъ правъ, опредѣленныхъ во многочисленныхъ желѣзнодорожныхъ уставахъ и безъ того содержавшихъ въ себѣ крупныя оговорки въ пользу акціонеровъ...

„Рядомъ съ безспорными, выдающимися дарованіями и блестящими результатами, достигнутыми имъ при управленіи Министерствомъ Путей Сообщенія, С. Ю. Витте обладаетъ особенно цѣннымъ для министра Финансовъ качествомъ—высокою честностію, всѣми безпрекословно признаваемою.

„Неукоснительное покровительство національному производству, въ связи съ различными для него преміями, вѣроятно, останется программой и новаго министра, при которомъ попрежнему будутъ продолжаться безпрерывныя колебанія курса валюты. Но надо все-таки ожидать, что нормированіе валюты будетъ болѣе предоставлено положенію денежнаго и торговаго рынковъ, и врядъ ли повторятся разные финансовые фокусы ради поднятія курса рубля.

„Отъ него менѣе чѣмъ отъ кого-либо изъ его предшественниковъ можно ожидать оппозиціи въ вопросѣ объ увеличеніи численнаго состава войскъ и постройкѣ стратегическихъ дорогъ. Напротивъ, если когда-либо Россіи понадобятся средства для проведенія какого-либо великаго плана, С. Ю. Витте окажется на надлежащемъ мѣстѣ. Извѣстно, что финансовыя затрудненія никогда не удерживали ни одного государства отъ веденія войны, когда къ ней вынуждало политическое положеніе. Но извѣстнаго рода нерѣшительность, внушаемая опасеніями послѣдствій войны, все-таки могла бы проявиться, какъ у гг. Рейтерна, Бунге, Абазы, такъ даже и у Вышнеградскаго, но врядъ ли С. Ю. Витте въ рѣшительную минуту будетъ руководствоваться такими соображеніями... Не мало отваги и самоувѣренности проявилъ новый русскій министръ, принявъ въ свои руки финансовый портфель въ виду предстоящихъ разрѣшеній колоссальныхъ задачъ. Сила таланта С. Ю. Витте будетъ испробована, и если интересно соразмѣрить достоинства этого государственнаго человѣка съ величиной задачи,

предстоящей ему для разрѣшенія, то не менѣе заслуживаетъ вниманія,—и не одной только Россіи,—будущая глава исторіи, связанная съ именемъ этого лица."

Такому человѣку отнынѣ ввѣрено Государемъ Императоромъ кормило нашего народнаго хозяйства и ближайшими его сотрудниками будутъ тайный совѣтникъ А. И. Иващенковъ и тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ, назначенные товарищами министра Финансовъ. Директоромъ общей канцеляріи министра Финансовъ назначенъ г. Романовъ. Призванъ также къ дѣятельности и Н. А. Новосельскій въ качествѣ члена совѣта министра Финансовъ. Этотъ призывъ *Гражданинъ* называетъ святымъ дѣломъ. „Горько посмѣялась судьба, говоритъ онъ, надъ этимъ человѣкомъ, который послѣ десятковъ лѣтъ дѣятельности и десятковъ милліоновъ рублей, перебывавшихъ въ его рукахъ, всего лишился, кромѣ покоя своей совѣсти, и, выражаясь словами Гёте, сказанными про талантъ, подобно прекрасному фрукту, сберегся на соломѣ! И всѣ эти незаслуженныя обиды, лишенія и гоненія судьбы Н. А. Новосельскій вынесъ со свѣтлымъ челомъ, съ твердымъ духомъ, и съ добрыхъ устъ его не сошелъ привѣтъ улыбки жизни и не сорвалось *ни разу* горькое слово упрека или злобы! Вотъ почему свято дѣло, задуманное С. Ю. Витте! Оно коснулось человѣка, всю жизнь исповѣдовавшаго вѣру въ христіанскаго Бога и въ минуту несчастія оправдавшаго эту исповѣдь, оно коснулось человѣка, доблестно вынесшаго въ своей жизни два надъ собою испытанія: одно, когда счастливый и богатый онъ всѣхъ дѣлалъ участниками своего счастья; другое, когда несчастный и покинутый всѣми, онъ никого не упрекалъ за свои страданія!

Вотъ почему, повторяю, вѣрю твердо, что такое дѣло, какъ то, съ котораго началъ С. Ю. Витте свой новый путь, ему принесетъ счастье.

„Старикъ, устоявшій въ буряхъ и грозахъ, съ любовью къ людямъ и съ вѣрой въ Бога, вырванный изъ нищеты и забвенія, чтобы быть почтеннымъ за его ярко чистое прошлое, съумѣетъ призвать на того, кто сіе сдѣлалъ, благословеніе Божіе."

Новый министръ Финансовъ принимаетъ бразды правленія при условіяхъ исключительно тяжелыхъ, проистекающихъ, какъ естественное слѣдствіе, отъ плошлогодняго неурожая. Ему предлежитъ исполнить бюджетъ текущаго года, составленный съ дефицитомъ въ 25.123.741 рубль.

Судя по *Вѣстнику Финансовъ* приходо-расходъ Государственнаго Казначейства за первое полугодіе текущаго года выражается сравнительно съ тѣмъ же періодомъ 1891 года такъ:

	Доходъ.	Расходъ.
1891	423.255.000	469.170.000
1892	560.048.000	601.347.000

Увеличеніе расходовъ вызвано, по словамъ *Вѣстника Финансовъ*, главнымъ образомъ отпускомъ изъ кассовой наличности значительныхъ суммъ на продовольствіе населенія, устройство общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ пострадавшихъ отъ неурожая и на другія чрезвычайныя издержки, вызванныя неурожаемъ минувшаго года. Всего израсходовано на означенныя потребности за шесть мѣсяцевъ 74.793.000 рублей, изъ коихъ 52.700.000 руб. относятся къ росписи текущаго года и 22.093.000 рублей составляютъ чрезвычайный расходъ по росписи 1891 года.

Общій итогъ отпуска товаровъ въ Европейской Россіи за первое полугодіе текущаго года опредѣляется въ 166.477.000 руб. противъ 326.653.000 руб. за тотъ же періодъ минувшаго года и 308.987.000—1890 года, что также обусловливается исключительными обстоятельствами минувшаго года. Привозъ къ намъ иностранныхъ товаровъ также сократился. За истекшее полугодіе всего привезено на 174.355.000 руб. противъ 189.024.000 рублей за тотъ же періодъ минувшаго года и 178.626.000 руб.—въ 1890 году.

Но смущаться такимъ результатомъ перваго полугодія не слѣдуетъ, хотя вывозъ хлѣба и по сіе время весьма слабъ. По справедливому мнѣнію г. И. Иванюшенкова, [1] разсчеты спекуляціи, игравшей на пониженіе, были вѣрны: осенній хлѣбъ шелъ и долженъ былъ идти подъ обухъ и бросаться на рынки въ обычное время, независимо отъ того или другаго уровня рыночныхъ цѣнъ, такъ какъ нужда цѣны не знаетъ, а теперь этого хлѣба въ прежнемъ массовомъ количествѣ нѣтъ, ибо отливъ для пополненія продовольственныхъ запасовъ въ общемъ очень великъ.

Это первая причина незначительности поступленія опаснаго хлѣба къ нашимъ внутреннимъ рынкамъ, а затѣмъ есть и другія причины, почему хлѣбъ съ внутреннихъ рынковъ не имѣетъ прежней наклонности быстро идти на портовые рынки.

---

[1] *Гражданинъ.*

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе почтеннаго автора, „что главную роль играетъ истощеніе запасовъ въ теченіе прошлаго года, когда изъ самыхъ крѣпкихъ рукъ хлѣбъ былъ вызванъ на рынокъ черезъ высокія цѣны: запасы эти такъ, или иначе, должны быть, хотя и частію, пополнены въ теченіе текущаго года. Такъ по примѣру прежнихъ, болѣе урожайныхъ, лѣтъ идетъ ссыпка хлѣба въ запасъ во всѣхъ болѣе значительныхъ хлѣботорговыхъ пунктахъ нашихъ внутреннихъ рынковъ.

„Контингентъ слабыхъ продавцевъ сократился вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ, крѣпкіе же продавцы и владѣльцы хлѣба сдерживаются продажей, находя по условіямъ урожая невыгоднымъ для себя данный уровень цѣнъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы сами платили за рожь на мѣстахъ до 1 р. 30 к. и 1 р. 50 коп., а теперь, примѣняясь къ портамъ, нужно бы продавать по 60 — 70 к. пудъ. Экспортныя цѣны южныхъ портовъ держатся 80—85 к., западныхъ 70 к.— 100 к. пудъ, а отъ 20 до 30 к на пудъ падаютъ расходы транспортировки. Само собою разумѣется, что какъ-то неловко продавать свое ниже тѣхъ цѣнъ, какія держались три мѣсяца тому назадъ. Поэтому всѣ, кому есть возможность, и сдерживаются продажей своего хлѣба, выжидая, что̀ скажетъ весна, что̀ скажутъ рынки и, въ особенности, что̀ скажетъ будущее состояніе всходовъ?

„Все это, вмѣстѣ взятое, независимо отъ отсутствія безусловно полнаго урожая, всюду отражается у насъ пока незначительнымъ поступленіемъ хлѣба на рынки, но въ этомъ ничего нежелательнаго и опаснаго не было и нѣтъ.

„Напротивъ, намъ слѣдуетъ радоваться сдержанности продавцовъ и владѣльцевъ. Не говоря уже о томъ, что старый запасъ, а тѣмъ болѣе, какъ показалъ опытъ прошлаго года, старый хлѣбный запасъ никогда не можетъ быть лишнимъ, особенно въ данное время, когда въ большинствѣ хлѣбородныхъ мѣстностей состояніе озимыхъ всходовъ не совсѣмъ хорошо. Плохія извѣстія идутъ съ Кавказа, изъ области Войска Донскаго и др. мѣстъ.

„Наученные горькимъ опытомъ прежнихъ лѣтъ дешевизны, наши внутренніе хлѣбные рынки становятся, наконецъ, на собственныя ноги и не соображаются съ камертономъ когда-то сильной берлинской биржи. Наши рынки начинаютъ вести свою политику, политику сдержанности по отношенію къ хлѣбу, и это съ на-

шей чисто-русской экономической точки зрѣнія очень отрадный симптомъ.

„Хлѣбъ есть, поэтому нечего печалиться о временномъ сокращеніи экспорта. При другихъ условіяхъ хлѣбъ будетъ отправленъ въ свое время и въ свое мѣсто: не бѣда, если онъ перележитъ и выждетъ болѣе лучшихъ условій сбыта.

„Теперь идутъ толки объ облегченіи экспортнаго хлѣбнаго вывоза за границу, и потянутъ его къ портамъ искусственнымъ путемъ пониженія ставокъ провоза. Пониженія ставокъ провоза, въ видѣ ли введенія на зиму навигаціонныхъ тарифовъ, или другимъ путемъ, будетъ весьма нежелательною и убыточною ошибкой. Пониженіе тарифа достанется на долю иностранныхъ потребителей нашего русскаго хлѣба и отразится недоборомъ въ доходахъ желѣзныхъ дорогъ, а денежные интересы желѣзныхъ дорогъ находятся у насъ въ тѣсной связи съ денежными интересами Государственнаго Казначейства.

„Опять повторимъ, что хлѣбъ пойдетъ въ свое время, наверстаетъ задержанное и заплатитъ нормальныя провозныя ставки, а теперь вмѣсто убыточныхъ облегченій экспортнаго вывоза было бы желательно облегченіе провозныхъ условій внутренней хлѣбной переработки, расширеніе и увеличеніе хлѣбнаго движенія не къ окраинамъ, а въ центрѣ страны, такъ какъ расширеніе внутренней хлѣбной переработки гораздо важнѣе заграничнаго сбыта по невыгоднымъ дешевымъ цѣнамъ. Самостоятельность и выдержка должны стоять впереди слабости и послабленій...“

Въ послѣднее время русская и германская печать, говоря объ экспортѣ хлѣба, часто упоминаютъ о якобы готовящемся заключеніи русско-германскаго торговаго договора. Справедливо говоритъ объ этомъ „вопросѣ“ Д. И. Иловайскій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* № 257, что онъ „представляетъ одно изъ самыхъ неудобныхъ наслѣдій оставленныхъ предыдущимъ финансовымъ управленіемъ настоящему; ибо удовлетворить, хотя бы и отчасти, требованіямъ Германіи, все-таки значило бы нанести тяжелый ударъ собственнымъ интересамъ. Если отсталые въ наукѣ экономисты могли доселѣ спокойно—и съ каѳедръ, и въ газетахъ—проповѣдывать свои антинаціональныя доктрины, это было только недоброе слово; а когда нѣкоторые государственные люди пытались имъ слѣдовать, это было уже дѣло, способствовавшее на-

шей явной отсталости въ европейской культурѣ,—что, въ свою очередь, вызвало желѣзную необходимость не терять ни минуты въ колебаніяхъ, но строгимъ, неуклоннымъ покровительствомъ народному труду во всѣхъ его видахъ, елико возможно, наверстать потерянное время".

Возможность заключенія этого договора волнуетъ всѣхъ, кому близко благосостояніе своего отечества, ибо онъ, этотъ договоръ, не можетъ быть оправданъ ни съ экономической, ни съ финансовой точки зрѣнія. Мало ли что сулитъ намъ отъ него еврейско-германская пресса—она на посулы торовата, но, по нашей народной мудрости, *сулиха родня ворихи*.

Къ концу Нижегородской ярмарки всероссійское купечество рѣшилось даже, въ виду слуховъ о возможности заключенія договора, на мѣру чрезвычайную—постановило обратиться съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ на Высочайшее имя о томъ, чтобы къ разсмотрѣнію проекта договора были приглашены представители изъ его среды. И это весьма разумно, ибо до настоящаго времени международные торговые договоры заключались канцелярскимъ порядкомъ, и часто при этомъ безъ соблюденія существеннѣйшихъ потребностей людей торговаго сословія, имѣющихъ работать въ данной странѣ подъ охраной сего договора. Большею частію эти договоры противорѣчатъ другимъ договорамъ и трактатамъ, для насъ обязательнымъ, и для примѣра можно указать на трактатъ плаванія по Дунаю 1883 г. и нашъ договоръ съ Румыніей, кои находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи одинъ съ другимъ и вслѣдствіе чего наши русскіе судохозяева на Дунаѣ терпятъ всяческія невзгоды, даже до личнаго задержанія включительно. Понять, какъ оскорбляется русскій флагъ на водахъ Дуная, можетъ тотъ только, кто былъ этому очевидцемъ.

И нигдѣ русскій судохозяинъ не находитъ защиты, ни въ посольствахъ нашихъ, ни въ консульствахъ, ибо таково свойство нашихъ договоровъ, сочиненныхъ тѣми же посольствами и консульствами.

Нужно ли далеко ходить за примѣрами, давно ли Румыны хотѣли разстрѣлять русское судно за то, что оно, скрываясь отъ бури, вошло съ моря въ Сулинскую пристань. Предлогомъ такой страшной угрозы была въ данномъ случаѣ холера, ну, а кому не памятна стрѣльба пограничной стражи по пароходу *Ольга* подъ Турну-Масурели!? Какъ тогда, такъ и теперь дѣло кончи-

лось тѣмъ, что капитаны пострадавшихъ судовъ должны быть Румынамъ признательны за то, что остались въ живыхъ, а о какомъ-либо удовлетвореніи и рѣчи заводить нельзя.

Такъ ли охраняютъ честь своего флага Англичане! Лѣтъ десять тому назадъ за подобный же теперешнему случай великобританскій посолъ въ Царьградѣ прислалъ къ Сулину военную шхуну, дабы бомбардировать городъ. И тотчасъ же послѣдовало со стороны Румынскаго правительства извиненіе и удовлетвореніе.

Давно ли нашъ *Забіяка* поймалъ въ Берингговомъ морѣ три англійскія судна, занимавшіяся ловлей котиковъ, а уже *Times* совѣтуетъ новому министерству требовать, чтобы русскія власти торжественно осудили дѣйствія капитана *Забіяки* Де-Ливрона, извинились бы за оскорбленіе англійскаго флага и уплатили бы всѣ протори и убытки изловленныхъ г. Де-Ливрономъ пиратовъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ надежду *Гражданина*, „что правительство Англіи воздержится отъ оффиціальныхъ представленій въ Петербургѣ по поводу этого событія; но еслибы случилось противное, то мы въ правѣ надѣяться, что наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ отвѣтитъ въ томъ тонѣ горчаковскихъ преданій, которымъ заставляли молчать иностранные кабинеты даже тогда, когда предметомъ представленій были не такіе „outlaws", какъ котиковые промышленники порта Викторіи или Мельбурна, а дѣйствительно спорные и очень важные вопросы международнаго права".

Для характеристики умѣнья нашего заключать договоры добавимъ еще выдержку изъ статьи г. Н. М-ва (*Русское Богатство* № 7) о Норвежцахъ.

„Норвежцамъ хочется во что бы то ни стало разорить поморовъ, выбросить ихъ изъ строя торговой дѣятельности, завести непосредственныя сношенія съ архангельскими купцами; вотъ почему они даютъ архангельскому купцу Т..... полный грузъ, отпуская его ранѣе другихъ, а суда поморовъ оказываются въ такомъ положеніи, что имъ нѣтъ возможности идти ни въ Архангельскъ, ни въ Петербургъ, а остается только бѣжать на Мурманъ и догружаться. Не мудрено, что колонистъ-Норвежецъ Пильфельдъ успѣваетъ ранѣе другихъ придти въ Петербургъ и продать рыбу по наилучшей цѣнѣ. Кромѣ того, они могутъ думать, что съ уничтоженіемъ паруснаго флота поморовъ — рыба будетъ перевозиться въ Архангельскъ на норвежскихъ судахъ.

„Ни суда и расправы поморамъ искать негдѣ, такъ какъ такова наша конвенція, что она не охраняетъ ихъ правъ.

„Законъ (норвежскій), говоритъ Н. М-въ, даетъ полный просторъ къ стѣсненію Русскихъ, подъ предлогомъ стѣсненія ими промысла туземцамъ. И поморы-промышленники претерпѣвали постоянно отъ Норвежцевъ, которые жаловались на нихъ судьямъ, ленсманамъ, рѣзали ихъ снасти и штрафовали ихъ по облыжнымъ показаніямъ, не принимая во вниманіе никакихъ оправданій или доказательствъ со стороны Русскихъ.

„— Что значитъ, въ такомъ случаѣ, конвенція? спрашивалъ я судью, плавающаго на полицейскомъ пароходѣ *Viking*. — Сегодня вы отмѣните безъ вѣдома парламента одинъ параграфъ конвенціи, не обсудивъ этой отмѣны съ вашимъ правительствомъ; завтра вы отмѣните другой параграфъ. Гдѣ гарантія въ томъ, что на будущее время вы не будете конфисковать имущество помора, даже въ томъ случаѣ, когда онъ устроится въ одномъ изъ упомянутыхъ становищъ? Вы всегда найдете оправданіе, говоря: „ты, поморъ, пришелъ на своей каботажкѣ и устроился въ Гамвикѣ. Хотя это самое отдаленное отъ Вардэ становище, но ты воспользовался амбарами и складами мѣстныхъ жителей, а они не купцы, а промышленники; тогда какъ ты долженъ былъ знать, что тебѣ предоставляется по закону производить „мѣновую торговлю", а не ловлю трески; а „мѣновая торговля" должна производиться при содѣйствіи мѣстныхъ купцовъ въ весеннее время года". Въ такомъ случаѣ, что̀ значатъ всѣ эти конвенціи, дружественные договоры?...

„— Какія конвенціи? перебилъ меня судья...— Какіе трактаты? горячился онъ...— Законы — хотите сказать? но мы, надѣюсь, имѣемъ право измѣнять наши законы по своему усмотрѣнію, не ожидая дозволенія со стороны Русскаго правительства.

„Теперь я понялъ предусмотрительность, съ которою норвежскіе юристы употребляли выраженіе: „впредь до другаго распоряженія", въ началѣ каждаго закона о производствѣ торговли въ Финмаркенѣ, вошедшаго въ международный договоръ, заключенный между Россіей и Норвегіей. Эта дерзость съ которою нарушается договоръ, происходитъ только потому, что никто не хочетъ войти въ положеніе поморовъ и русскихъ промышленниковъ, никто не обращаетъ вниманія на сѣверныя дѣла.

„Отстраняя нашихъ промышленниковъ отъ рыболовства на шнякахъ, задугивая ихъ циркулярами, норвежскіе купцы увѣрены,

что нужда все-таки приведетъ русскихъ крестьянъ въ Финмаркенъ и заставитъ ихъ батрачить. Имъ, то-есть купцамъ, нужны чернорабочіе на бриггахъ (пристаняхъ), въ амбарахъ, въ угольныхъ складахъ, на баржахъ; а Норвежскій народъ рѣшительно протестуетъ противъ чернорабочаго труда. Каждый гражданинъ гор. Вардэ и Вадзэ имѣетъ елу, малую или большую, или листерботъ и промышляетъ на морѣ. А чернымъ трудомъ занимаются русскіе крестьяне."

И что̀ мудренаго, что при такихъ порядкахъ русскому человѣку приходится уступать мѣсто Еврею. Въ прошломъ мѣсяцѣ, мы говорили, что въ Персіи свили себѣ гнѣздо Евреи Поляковы, а теперь приходится указать на Іокагаму (Японія) гдѣ устроились Гинзбурги, взявшіе въ свои руки керосиновое дѣло!.. Скажемъ кстати, что даже представителемъ Русскаго Черноморско-Дунайскаго пароходства въ Сербіи является Еврей! А вѣдь это общество получаетъ правительственную субсидію! Надѣемся крѣпко, что прозорливый взглядъ новаго министра Финансовъ проникнетъ въ эту область запустѣнія и, быть-можетъ, вопросъ о подчиненіи консуловъ непосредственно Министерству Финансовъ, а не Министерству Иностранныхъ Дѣлъ получитъ надлежащее разрѣшеніе, ибо все прошлое даетъ основаніе утверждать, что существующій порядокъ не оправдывается современными интересами нашей внѣшней торговли.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Піеса г. Гнѣдича, подъ названіемъ *Перекати-поле*, въ первый разъ дана была въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на частномъ театрѣ г-жи Горевой. У меня еще сохранилось впечатлѣніе *свѣжести*, какою повѣяло тогда отъ этихъ *силуэтовъ*, какъ въ то время называлась пьеса г. Гнѣдича. Теперь, по афишѣ нашего Малаго Театра, она уже называется *картинами современной жизни*. Признаюсь, мнѣ лучше нравится опредѣленіе *силуэты*. Оно гораздо вѣрнѣе уже въ томъ отношеніи, что у автора на первомъ планѣ находятся наброски типовъ, а не картины быта. Какъ бы то ни было, но я съ большимъ интересомъ отправлялся смотрѣть *Перекати-поле* въ исполненіи артистовъ нашей образцовой сцены. Я былъ увѣренъ, что пьеса выиграетъ отъ этого исполненія — и ошибся. Я не могу сказать, чтобъ исполненіе было плохо. Нѣтъ. Всѣ исполнители очень стараются и всѣ очень добросовѣстно выполняютъ роли, каждый въ предѣлахъ своего замысла. Но однимъ исполнителямъ поручены несоотвѣтствующія имъ роли, а другіе основали подходящія къ нимъ роли на невѣрномъ замыслѣ. *Свѣжесть* впечатлѣнія отъ пьесы не утрачивается. Но самая пьеса тускнѣетъ. Такъ иногда на фотографіяхъ получаются неясныя очертанія рядомъ съ совершенно отчетливыми фигурами. Обстоятельство это очень существенно. Ибо разъ дѣло идетъ о *силуэтахъ*, то малѣйшее передвиженіе линій лишаетъ ихъ характерности.

Содержаніе пьесы разсказывается въ нѣсколькихъ словахъ. Въ имѣніе помѣщика Чагадаева, находящееся въ средней полосѣ Россіи, пріѣзжаетъ погостить товарищъ Чагадаева, нѣкто

Волховской. Это человѣкъ 35 лѣтъ, образованный, владѣющій хорошимъ состояніемъ, но не обладающій способностію избрать какое-либо дѣло и заниматься имъ. Волховской былъ поочередно лаборантомъ, офицеромъ, учителемъ исторіи и географіи, изслѣдователемъ китоловнаго промысла, фотографомъ, литераторомъ, и нигдѣ не нашелъ себѣ удовлетворенія. Его все куда-то тянетъ, онъ нигдѣ не можетъ осѣсться, пустить корни, свить себѣ гнѣздо. Онъ—перекати-поле.

Само собою разумѣется что Чагадаевъ, влюбленный въ свое хозяйство, начинаетъ уговаривать Волховскаго также заняться хозяйствомъ, стать помѣщикомъ. Не менѣе естественно и то, что чувствуя себя совершенно счастливымъ въ семейной жизни, онъ станетъ уговаривать своего товарища жениться, купить имѣніе и поселиться по сосѣдству. Каждый старается заинтересовать другаго *своими* идеалами, устроить близкому человѣку счастіе и довольство такъ, какъ онъ самъ понимаетъ ихъ. Чагадаевъ даетъ Волховскому недѣлю на отдыхъ. Затѣмъ онъ долженъ будетъ серьезно заняться дѣломъ и, для перваго опыта, арендовать у Чагадаева мельницу и поемные луга. Контракту на эти статьи какъ разъ оканчивается срокъ и Чагадаевъ предоставляетъ ихъ Волховскому.

— Я ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, говоритъ Волховской.

— Поймешь, стòитъ только заняться, отвѣчаетъ Чагадаевъ.

Онъ не принимаетъ никакихъ резоновъ. Что̀ такое Волховской? Болѣзненный продуктъ столичной петербургской жизни. Разъ это хилое растеніе попало въ руки Чагадаева, онъ хочетъ во что̀ бы то ни стало пересадить его въ грунтъ, на открытый воздухъ, въ здоровую и питательную почву, помѣстить его въ тѣ условія, въ какихъ онъ находится самъ, открыть ему всѣ преимущества этихъ условій, дать ему все то довольство и счастіе, какое онъ самъ испытываетъ. Неправда-ли, все это совершенно естественно и понятно? Каждый изъ насъ поступилъ бы точно также по отношенію къ пріятелю, который „бьетъ баклуши“ и жалуется что никакъ не можетъ нигдѣ пристроиться.

Но, въ свою очередь, Волховской совершенно послѣдователенъ. Онъ неисправимый скиталецъ, благо средства позволяютъ ему предаваться этому занятію. Онъ только притворяется предъ другими и предъ самимъ собою, будто ищетъ дѣла. Напротивъ, его совершенно удовлетворяетъ ничего-недѣланіе. Онъ красивъ

собою. И вотъ онъ проводитъ цѣлые часы за своимъ туалетомъ, душится, помадится, фикстуарится и ухаживаетъ за женщинами. Такъ поступаетъ онъ и здѣсь. Онъ немедленно влюбляется въ жену Чагадаева и готовъ, для нея, остаться, обзаведтись хозяйствомъ, не только молоть муку, но даже возить на себѣ воду. Жена Чагадаева уже ранѣе предупреждала мужа о томъ, что Волховской ухаживаетъ за нею. Теперь Чагадаевъ случайно слышитъ самъ объясненіе происходящее въ бесѣдкѣ, куда, по случаю дождя, укрылись его жена и Волховской. Что же остается дѣлать?

Волховской оказывается неисправимымъ. Чагадаевъ отговариваетъ его заниматься сельскимъ хозяйствомъ и арендовать у него мельницу и луга, на что Волховскій соглашается съ восторгомъ, такъ какъ ему не удалось главное: заинтересовать собою жену Чагадаева. Волховской уѣзжаетъ. Піеса кончена.

Что это такое?

Въ сущности эпизодъ изъ жизни Волховскаго, глава романа, героемъ котораго является современный Онѣгинъ. Говорятъ, что нѣтъ піесы. Авторъ вовсе и не берется дать намъ большую и правильную піесу, драму или комедію, съ органическимъ развитіемъ главнаго характера и психологическою мотивировкой его. Онъ даетъ намъ только *силуэты*, фигуры въ профиль, рисунокъ въ формѣ арабески, гдѣ главная фигура окружена, все на одной и той же плоскости, фигурами эпизодическими и вводными. Не нужно требовать отъ арабески болѣе того, нежели она можетъ дать. *Свѣжесть* впечатлѣнія, производимаго піесой г. Гнѣдича, достигается, главнымъ образомъ, введеніемъ эпизодическихъ фигуръ. Это также *силуэты*, фигуры только въ профиль. Но они выхвачены прямо изъ жизни. Никто не можетъ быть лучшимъ судьей провинціальной жизни, какъ сами провинціалы. На второмъ представленіи піесы *Перекати поле*, на которомъ я присутствовалъ, знакомый мнѣ помѣщикъ былъ въ восторгѣ именно отъ этихъ эпизодическихъ провинціальныхъ фигуръ, находя ихъ совершенно соотвѣтствующими дѣйствительности. Вотъ эти фигуры: становой приставъ; энергическая помѣщица; мировой судья; деревенскій „кулакъ“; провинціальная барышня. Разсмотримъ ихъ въ отдѣльности, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они появляются въ піесѣ.

Любовь Ивановна Цвѣткова, провинціальная барышня, „лѣтъ двадцатипяти, а можетъ и побольше, одѣта ярко, платье дѣлано

очевидно дома, но съ претензіей на вкусъ и моду". Она никогда не была въ институтѣ, но питаетъ институтское „обожаніе" къ каждымъ усамъ и каждому галстуху, какъ говоритъ про нее жена Чагадаева, безпрестанно останавливающая Любовь Ивановну за „глупости", которыя та говоритъ. Въ сущности это вовсе не *глупости*, а простыя наивности, совершенно искреннія, или же диссонансы рѣчи по отношенію къ общему тону разговора. Вотъ, напримѣръ, первое объясненіе ея съ Волховскимъ, отъ котораго она уже заранѣе пришла въ восторгъ, какъ отъ Петербургскаго „кавалера".

— Позволь, Викторъ Петровичъ, говоритъ Чагадаевъ,—познакомить тебя съ нашею прелестною Любовью Ивановной. Сойдетесь навѣрное, если не заговоритесь оба до полусмерти.

— *Васъ не растрясло?* спрашиваетъ Любовь Ивановна „интереснаго кавалера".

— Порядкомъ, отвѣчаетъ Волховской.—А что̀?

— Вѣдь у насъ какія дороги! Въ прошломъ году везли мертвое тѣло на телѣгѣ, такъ онъ воскресъ.

— Кто?

— Мертвый-то. Такая страсть была. А то предводительша здѣшняя языкъ сбоку совсѣмъ откусила на ухабѣ...

Въ третьемъ актѣ Любовь Ивановна является въ мордовскомъ костюмѣ, который сама себѣ вышила. Волховской хочетъ разсмотрѣть узоръ и беретъ ее за руку:

— Ай, ай! кричитъ Любовь Ивановна и вскакиваетъ.

— Что̀ вы? спрашиваетъ Волховской.

— Я боюсь щекотки!

— Любочка, что̀ съ вами? говоритъ Чагадаева, занятая варкою варенья.

— Нѣтъ вы не знаете, до чего я боюсь, продолжаетъ Любовь Ивановна.—Вотъ если мнѣ бородой по щекѣ или по шеѣ провести, такъ я на весь садъ крикну.

— Любочка, можно ли такія глупости говорить! останавливаетъ ее Чагадаева.

— Ей Богу, душечка,—вы не вѣрите? ей Богу! А это вотъ еще...

— Нѣтъ, ужь пожалуста не разсказывайте...

— Вы любите качаться на качеляхъ? спрашиваетъ Любовь Ивановна у Волховскаго.

— Не особенно.

— Васъ тошнитъ должно-быть?

— Любочка, да полно вамъ, опять останавливаетъ ее Чагадаева.

— Нѣтъ, вѣдь это бываетъ. Вотъ нашъ предводитель не можетъ спиной къ кучеру ѣздить, у него мигрень подымается... Ну, чего вы всѣ хохочете? Ей Богу, вы меня за дуру принимаете...

Несмотря на склонность къ институтскому обожанію, Любовь Ивановна будетъ превосходною женой. Она смотритъ на бракъ очень серьезно, хотя, быть-можетъ, нѣсколько странно формулируетъ свои мысли.

— Повѣдайте намъ грѣшнымъ, зачѣмъ люди женятся? спрашиваетъ ее Волховской.

— Да потому, что вдвоемъ лучше, отвѣчаетъ Любовь Ивановна.

— Отчего же лучше?

— Какъ отчего? вѣдь вотъ лошади и тѣ бѣгутъ дружнѣе въ дышлѣ, чѣмъ въ одиночку.

— Значитъ бракъ своего рода дышло?

— Ну вотъ, вы опять за свои насмѣшки! Ну, а если заболѣетъ одинъ, другой ухаживать будетъ. А одному какъ же?

— За мной скотница Өетинья ходитъ, вставляетъ свое слово мировой судья.

— Вотъ видите! Что̀ хорошаго—скотница! Она должна за коровами смотрѣть, а не за вами. А жена-то уже вся для васъ.

Волховской заявляетъ, въ продолженіи бесѣды, что женщина, выйдя замужъ, лишается нѣкоторыхъ правъ. Не можетъ, напримѣръ, безъ дозволенія мужа отлучаться съ мѣста жительства.

— Да какое же это право, говоритъ Любовь Ивановна.—ужь если я вышла замужъ, такъ ужь въ одномъ мѣстѣ съ мужемъ быть должна.

Это дѣвушка съ элементарными, но очень опредѣленными и твердыми понятіями относительно доступнаго ей круга житейскихъ явленій и отношеній. Довольно трудно рѣшить, къ какому общественному положенію она принадлежитъ. Авторъ не даетъ на это никакихъ указаній и остается прибѣгать къ догадкамъ, причемъ какъ-то инстинктивно является увѣренность въ томъ, что Любовь Ивановна принадлежитъ не къ родовому дворянству, а къ такъ-называемому „среднему“ сословію. Очень можетъ-быть, что она, напримѣръ, дочь какого-нибудь управляющаго большимъ имѣніемъ, бывшаго крѣпостнаго, нажившаго потомъ деньги и

приписавшагося къ мѣщанскому обществу, или даже платящаго гильдію и получившаго званіе купца. Это здоровая, свѣжая, наивная, откровенная и искренняя натура, не получившая образованія, но начитавшаяся романовъ, воспитанная въ мало-культурной домашней средѣ и поэтому кажущаяся глупою въ образованномъ обществѣ, но на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не глупая, превосходная хозяйка, дѣвушка вполнѣ самостоятельная въ предѣлахъ извѣстнаго, хотя быть-можетъ очень тѣснаго круга. Эпизодъ Любови Ивановны кончается тѣмъ, что мировой судья, князь Ханыковъ-Алсуфьевъ, женится на ней.

Князь этотъ представляетъ *силуэтъ* наиболѣе сложный во всей коллекціи автора. Онъ служилъ въ гвардіи, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ свою деревню, сдѣлался мировымъ судьей, распространяетъ въ народѣ наставительныя брошюры нравственнаго содержанія и самъ работаетъ въ полѣ. Онъ весь состоитъ изъ софизмовъ, парадоксовъ и противорѣчій. Это что-то находящееся еще въ періодѣ броженія, не отстоявшееся, не осѣвшее, мутное. Онъ не признаетъ собственности, но въ то же время докторально совѣтуетъ Волховскому „прикрѣпиться" къ землѣ.

— Позвольте, говоритъ Волховской, — но мнѣ сказали, что вы собственности не сочувствуете?

— Ну такъ что же? возражаетъ князь. — Земля не собственность. Земля дана человѣку, чтобы ее обрабатывать. Но такъ какъ даромъ вамъ никто ея не дастъ, то и купите участокъ.

Заходитъ рѣчь о деньгахъ. Князь совѣтуетъ Волховскому „не сорить деньгами", ибо деньги „чума для людей". Любовь Ивановна вступаетъ въ разговоръ:

— Князь все время твердитъ, что деньги только вредъ приносятъ, что съ деньгами хуже. Зачѣмъ же онъ при себѣ свои деньги держитъ? Зачѣмъ вы ваши деньги не раздаете нищимъ?

— Зачѣмъ же я чуму буду разводить на свѣтѣ? отвѣчаетъ князь. — Пусть уже лучше сидитъ она у меня въ шкафу.

— Я мужика вдоль и поперекъ изучилъ, говоритъ князь Волховскому. — Только отъ этихъ полевыхъ работъ и соприкосновеній съ пейзанами такой одёръ всегда въ домъ принесешь, что самому дышать противно.

— Можетъ умыться хотите? предлагаетъ Чагадаевъ.

— Нѣтъ ужь потерплю до дома, отвѣчаетъ князь. — Чортъ знаетъ гадость какая!

Само собою разумѣется, что было бы очень интересно видѣть

на театрѣ подробный анализъ этого новаго типа, причинъ, вызвавшихъ его появленіе, условій, поддерживающихъ его существованіе. Но это не дѣло и не задача силуэта. Въ томъ силуэтѣ, какой рисуетъ предъ нами авторъ, мы видимъ забавнаго чудака, переполненнаго противорѣчіями, добраго малаго по существу, человѣка, котораго первый подвернувшійся серьезный случай можетъ внезапно поставить на другую дорогу. Этого достаточно для силуэта. Князь — живой человѣкъ и вноситъ свою ноту въ звучащій предъ нами аккордъ.

Деревенскій „кулакъ“ Простомолотовъ опять-таки живое лицо. Нѣтъ нужды, что онъ ходитъ въ старомъ кафтанишкѣ, народъ все-таки ломаетъ предъ нимъ шапки и у него развилась амбиція. Когда Чагадаевъ объявляетъ ему, что не согласенъ возобновлять съ нимъ аренды на мельницу, Простомолотовъ упорно добивается причины отказа:

— Человѣкъ я, можно сказать, безъ фальши, художествъ за мною никакихъ, шапки передъ мною народъ ломаетъ, за что̀ же такой афронтъ?

Ему хочется во что̀ бы то ни стало купить у Чагадаева березовую рощу. Тотъ отказываетъ ему на отрѣзъ.

— Рощица-то ужъ очень увлекательная, говоритъ Простомолотовъ,— березы-то какъ на подборъ. Сегодня утромъ шелъ: духъ отъ нихъ какой послѣ грозы-то!

— Что же, говоритъ Чагадаевъ,— ты купишь ее, да нюхать будешь?

— Зачѣмъ нюхать, отвѣчаетъ Простомолотовъ,— мѣсто чудесное. Красоты такой поискать. На срубъ надо.

— Красиво будетъ!

— У меня другая такая была у Митюхина Вражка. Всю вырубилъ. Пеньки до сихъ поръ стоятъ — налюбоваться нельзя на мѣсто. Всѣ въ два обхвата, одинъ къ одному, на цѣлую версту. Красота, сердце радуется! Этакій лѣсъ былъ!

Князь разсказываетъ Волховскому о Простомолотовѣ:

— Вы знаете, какъ сей коммерсантъ сѣномъ торгуетъ? Къ его лугамъ линія желѣзной дороги прилегаетъ. А онъ стога-то на границѣ, на самой чертѣ, поставитъ, да подожжетъ. А потомъ претензію къ Обществу, на 1.000 рублей сѣна сгорѣло, а у него и на 300 не было.

— За такія дѣла можно и въ Сибирь, говоритъ Простомолотовъ.

— Да ты не безпокойся, возражаетъ ему князь, ты знаешь, туда я тебя первымъ кандидатомъ считаю. Вѣдь ты чѣмъ-нибудь изъ двухъ кончишь: либо тузомъ будешь, всю губернію въ руки заберешь, либо въ мѣста наиболѣе отдаленныя водворенъ будешь. Такія рожи, какъ ты, просто не кончаютъ. Я вчера о тебѣ съ прокуроромъ бесѣдовалъ.

— Что́ же мнѣ прокуроръ, когда я чистъ духомъ? отвѣчаетъ Простомолотовъ. Я, ваше сіятельство, о господинѣ прокурорѣ думаю непрестанно, за что́ бы ни взялся, и никакой, доложу вамъ, прокуроръ, съ позволенія сказать, носа не подточитъ.

Становой приставъ Смарагдовъ. „Усы и голова палевые; брови и рѣсницы такія же, щечки розовыя. Галантенъ до приторности.“ Прибавьте къ этой внѣшней характеристикѣ, дѣлаемой авторомъ, что Смарагдовъ на каждомъ шагу вставляетъ въ свою рѣчь французскія слова, и силуэтъ его готовъ. Само собою разумѣется что галантный Смарагдовъ безпрестанно встрѣчаетъ затрудненія тамъ, гдѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ. Необыкновенно характеренъ его разсказъ про „дѣло“, относительно котораго онъ пріѣхалъ посовѣтоваться съ Чагадаевымъ. Эта въ то же время прелестная бытовая картинка.

— Я къ вамъ за совѣтомъ, почтеннѣйшій Михаилъ Алексѣевичъ, осмѣлился васъ побезпокоить. Просто голову потерялъ. У васъ не была госпожа Третьякова? Не слыхали вы о тѣхъ *ужасахъ*, что́ произошли у нея въ деревнѣ?

— Слышалъ о пожарѣ какомъ-то. Говорятъ, потушили скоро.

— *Ужасное обстоятельство*, изъ ряда вонъ выходящее. Вообразите, дѣло происходитъ въ селѣ Кряжневѣ, бывшемъ имѣніи г-жи Третьяковой. Можете себѣ представить, что они, эти мужики, даютъ зарокъ: отнюдь не пьянствовать. N'est ce pas, c'est très agreable? Даютъ зарокъ торжественно на сходкѣ. Ну, понимаете, призываютъ пастыря, образъ ставятъ на столъ, посреди площадки, и составляютъ зарокъ. И такъ длится не болѣе и не менѣе, какъ четыре года. Можете представить—никто не пьетъ! Ближайшій кабакъ чуть не за пять верстъ. Дѣйствительно, надо сознаться, что дракъ, ничего такого у нихъ не слышно. Но вотъ, позапрошлое воскресенье у нихъ происходитъ невозможное событіе. Есть тамъ мужикъ Ксенофонтовъ...

— Знаю. Гадина порядочная.

— Положимъ, гадина, я согласенъ - онъ гадина,— но вы послушайте, что́ произошло. Открываетъ онъ на Ѳоминой недѣлѣ,

вопреки зароку, чтобы кабаковъ не держать, открываетъ у себя въ своемъ домѣ распивочную торговлю. Натурально, мужики возмутились. Говорятъ: „ты, Ксенофонтовъ, понимаешь, долженъ закрыть“. Онъ, какъ собственникъ, основывается на законномъ правѣ, говоритъ: „мнѣ вашъ зарокъ не указъ“. Тѣ — туда сюда. — rien du tout! Ничего не подѣлать. Тогда, можете себѣ представить, что они дѣлаютъ. Позапрошлое воскресенье приходятъ къ нему въ кабакъ, спрашиваютъ пива, вина, начинаютъ пить. Ну-съ, пьютъ. И вдругъ, можете себѣ представить, изъ-подъ пола — дымъ. Этакія струйки черезъ щели. Какъ этотъ дымъ увидали, всѣ, кто былъ въ избѣ, повыскакали и во весь голосъ: пожаръ, пожаръ, пожаръ! Натурально, сбѣжались къ кабаку со всѣхъ сторонъ люди, съ баграми, шестами, топорами. И въ десять минутъ избу снесли до основанія. Посуда перебита, вино выпущено на землю. Когда я пріѣхалъ для разборки, оказывается, что никакого пожара не было, всѣ только подстроили. „Мы“, говорятъ, „себя спасали отъ гибели“, говорятъ — pardon за выраженіе — „если бъ огонь пошелъ, чинить бы“, говорятъ, „налоговъ платить не у кого“. Теперь, можете себѣ представить, госпожа Третьякова держитъ совершенно ихъ сторону. Я пріѣхалъ на разборъ дѣла, она является тоже въ избу и такихъ вещей мнѣ наговорила, что я не только по своему служебному положенію, но и какъ частное лицо не могу перенести. Что же мнѣ дѣлать? Непріятно, но nec plus ultra непріятно. Служебныя обязанности съ одной стороны, отношенія къ помѣщикамъ съ другой стороны...

Въ это время является помѣщица Третьякова, одѣтая въ неизмѣнный плащъ съ капюшономъ. Любезно обращается къ становому:

— Вы что же, батюшка мой, съ колокольчикомъ по уѣзду разъѣзжаете, да кричите, что я мужиковъ бунтовать подбиваю?

— Je vous assure... начинаетъ Смарагдовъ.

— Вы у меня смотрите, чтобъ языкъ за зубами держать. Я вѣдь васъ такого знаю... Вы пользуетесь тѣмъ, что я существо беззащитное, такъ вѣдь я вамъ покажу! Я два слова скажу — и вѣдь конецъ вамъ будетъ. Неправды я не потерплю.

— Боже мой, говоритъ Смарагдовъ, — да какъ же я смѣю. Господь съ вами!

— Да вѣдь я голову прозакладаю, продолжаетъ Третьякова, — что вы сплетничать сюда пріѣзжали. По лицу вашему вижу...

Что̀ же такое эта помѣщица Третьякова, послѣдній изъ эпизодическихъ силуэтовъ піесы? Это владѣлица милліоннаго помѣстья, въ которомъ она живетъ совершенно одна со старухой горничной, чудачка на подкладкѣ самодурства, которое, въ свою очередь, вытекаетъ у нея изъ идеи справедливости, но чудачка пользующаяся во всемъ уѣздѣ авторитетомъ, уваженіемъ и любовью.

— Она баба хорошая, дѣловая баба, вы на нее напрасно, говоритъ Чагадаевъ становому приставу.—Знаете, еслибы такихъ женщинъ было побольше—хо-хо! Это вѣдь отлично, что она васъ всѣхъ въ рукахъ держитъ.

— Вы ко мнѣ, если какое затрудненіе, обращайтесь прямо, говоритъ Третьякова Волховскому. —Сама я существо беззащитное, а другому помогу всегда. Я многимъ помогла. Хозяйство я вѣдь понимаю досконально, потачки никому не даю. Чуть кто обидитъ васъ—ко мнѣ, въ судъ не подавайте, не стоитъ. Законы я лучше судейскихъ знаю, да и прокуроръ мнѣ родня, на внучатной племянницѣ женатъ и думаетъ что я ему наслѣдство оставлю. Пускай думаетъ, мнѣ же лучше...

Волховской заявляетъ, что онъ „врагъ семейной жизни и семейныхъ началъ“.

— Что̀-о? говоритъ Третьякова. —Да какъ вы смѣете при женщинахъ такія неприличности говорить? Васъ въ монастырь на покаяніе за это! Вотъ я напишу преосвященному...

Совершенно естественно, что эта энергическая помѣщица оказываетъ подавляющее вліяніе на „галантнаго“ становаго. Онъ совершенно искренно боится ея, точно также какъ она, совершенно искренно по убѣжденію, требуетъ отъ него, какъ отъ начальства, содѣйствія ей даже въ такихъ случаяхъ, которые совершенно не относятся до его вѣдомства. Но такъ какъ становой увертывается отъ нея, то она преслѣдуетъ его по пятамъ, настигаетъ гдѣ-нибудь, сажаетъ въ свой экипажъ, везетъ къ себѣ и до тѣхъ поръ не выпускаетъ, пока онъ не сдѣлаетъ того, что̀ по ея мнѣнію нужно. Это обращеніе со всѣми жалобами исключительно къ становому имѣетъ свои основанія:

— Я теперь совсѣмъ сбилась, кто чѣмъ завѣдуетъ, говоритъ Третьякова.

Эпизодъ становаго и помѣщицы кончается тѣмъ, что становой, спасаясь отъ Третьяковой, умоляетъ уѣзжающаго Волхов-

скаго дать ему мѣсто въ своемъ экипажѣ и довезти до станціи. Онъ рѣшительно хочетъ проситься о переводѣ его въ другой уѣздъ:

— Чаша переполнена—*дернье цуть*!

Я съ намѣреніемъ подробнѣе остановился на эпизодическихъ силуэтахъ піесы *Перекати-поле*, чтобы подтвердить мои слова *про сложность* впечатлѣнія, производимаго этою піесой. Мнѣ хотѣлось, съ другой стороны, познакомить васъ съ образомъ выраженія дѣйствующихъ лицъ и показать на нѣсколькихъ примѣрахъ, что каждый и каждая говорятъ здѣсь особымъ, соотвѣтствующимъ языкомъ, который какъ нельзя болѣе идетъ къ нимъ и составляетъ спеціальный стиль каждаго изъ нихъ. *Le style c'est l'homme*.

Чтобы не быть однако неправильно понятымъ, я долженъ оговориться относительно термина: *эпизодическія* фигуры. Въ сущности всѣ силуэты г. Гнѣдича находятся на одной плоскости, на какой вообще рисуются силуэты. Эпизодическая фигура совсѣмъ не значитъ въ этомъ случаѣ: менѣе интересная, второстепенная. Говоря по правдѣ, въ піесѣ г. Гнѣдича нѣтъ второстепенныхъ фигуръ. Это одна общая арабеска. Дѣло лишь въ томъ, что Чагадаевъ, его жена и Волховской разматываютъ коротенькую нить дѣйствія, между тѣмъ какъ остальныя лица въ ходѣ піесы участія не принимаютъ. Кромѣ того, нельзя не сознаться, что за исключеніемъ Волховскаго, Чагадаева и Чагадаевой, всѣ остальныя лица чуть-чуть наклонены въ сторону шаржа. Это еще не шаржи. Но они стоятъ какъ разъ на той границѣ, которая отдѣляетъ комическую дѣйствительность отъ такъ-называемыхъ „комическихъ фигуръ“ театральныхъ піесъ. Я вовсе не хочу сказать этимъ, чтобъ авторъ сознательно и преднамѣренно усиливалъ краски. Я только отмѣчаю общій эстетическій законъ. Чудаковатыя, эксцентричныя, оригинальныя, одностороннія фигуры дѣйствительной жизни кажутся намъ въ этой текущей жизни менѣе рѣзкими, ибо особенности ихъ, если можно такъ выразиться, растворяются въ потокѣ неудержимо бѣгущихъ и смѣняющихся явленій, а вниманіе къ нимъ отвлекается массой другихъ характеровъ. На сценѣ, при ограниченномъ пространствѣ времени и дѣйствующихъ лицъ, всѣ эксцентричности, оригинальности и особенности выступаютъ съ удвоенною силой и яркостію. Отсюда во впечатлѣніяхъ зрителя весьма легко рождается впечатлѣніе нѣкоторой преувеличенности. Отсюда же и

особыя требованія, какія налагаетъ на артистовъ сценическое воплощеніе такихъ лицъ.

И вотъ я наконецъ договорился до исполненія піесы *Перекати-поле* и до причинъ моего несогласія съ нимъ.

Вы достаточно знакомы теперь съ характеромъ Любови Ивановны, этой провинціальной наивной дѣвицы, чтобы согласиться относительно необходимости исполненія этой роли актрисой *ingénue*. На Маломъ театрѣ роль Любови Ивановны играетъ г-жа Лешковская, которая едва-едва начала отвыкать отъ манеръ и пріемовъ *mijaurée*. Г-жа Лешковская играетъ очень мило. Но она является какъ бы суррогатомъ въ замѣну актрисы, которой должна была бы дѣйствительно принадлежать эта роль. Это простое недоразумѣніе въ амплуа. По всей справедливости роль Любови Ивановны принадлежитъ г-жѣ Уманецъ-Райской.

Г-жа Никулина играетъ энергическую помѣщицу. Опять очень мило, но это опять не то. Г-жа Никулина очень подвижна. Но подвижность составляетъ лишь одно изъ свойствъ изображаемаго ею лица. Помѣщица Третьякова прежде всего женщина авторитетная. Этой черты г-жа Никулина не даетъ совсѣмъ. Типъ не создается. Остаются одни слова. Вы ожидаете увидать предъ собою женщину въ родѣ Гоголевской Василисы Кашпаровны, тетушки Ивана Ѳедоровича Шпоньки. Вы видите предъ собою небольшую, миловидную фигурку и не вѣрите тому, что̀ она разсказываетъ про себя: какъ она подстерегаетъ въ саду воровъ и стрѣляетъ изъ револьвера въ разбойниковъ, которые лѣзутъ къ ней въ окно. Исполнительница тутъ не при чемъ. Это ошибка въ распредѣленіи ролей.

Роль становаго отдана г. Музилю. Основная черта Смарагдова—„галантность до приторности“ и нѣкоторая сентиментальность. Это совершенно цѣльный характеръ. Г. Музиль дѣлаетъ изъ него условно-комическую фигуру, очень узкую, тогда какъ Смарагдовъ натура расплывчатая. Силуэтъ пропадаетъ. Дуэтъ между энергическою помѣщицей и галантнымъ становымъ транспонируется въ другой тонъ и все-таки оказывается не достаточно слаженнымъ. Получается впечатлѣніе исключительно внѣшняго комизма, даже нѣкоторой натяжки, какую вы совсѣмъ не замѣчаете при *чтеніи* піесы.

Роль Чагадаева исполняется г. Ленскимъ. Чагадаевъ долженъ быть совершенно ясенъ:

— Ты у насъ типъ положительный, говоритъ ему Волховской при своемъ отъѣздѣ.

И онъ совершенно правъ. Чагалаевъ здоровый и ясный человѣкъ, много работающій, но работающій съ толкомъ, сознательно, не зарываясь и не раскидываясь, человѣкъ пользующійся уваженіемъ и вполнѣ его заслужившій, знатокъ своего дѣла, настоящій помѣщикъ. Г. Ленскій внесъ въ эту роль воспоминанія изъ роли Столбцова въ комедіи *Новое Дѣло*. Трудно сказать точнымъ и опредѣленнымъ образомъ въ чемъ они выражаются, но они есть и присутствіе ихъ чувства до такой степени, что вы не станете биться о закладъ относительно того, чтобъ изъ Чагалаева, современемъ, не выработался такой же типъ расплывающагося дѣльца и прожектера, какъ Столбцовъ. Мнѣ кажется что причина такого ощущенія зрителя заключается въ томъ, что г. Ленскій въ различныхъ мѣстахъ вноситъ въ фигуру Чагалаева нѣсколько комической истомы, особенно въ ту сцену, гдѣ отговариваетъ его отъ покупки имѣнія. Его Чагалаевъ не достаточно убѣжденный человѣкъ. Онъ [illegible] и нѣсколько „говорливъ“. Отсюда [illegible], что контрастъ между нимъ и Волховскимъ является [illegible] болѣе [illegible], нежели внутреннимъ. Это [illegible] тѣмъ, что г. Горевъ [illegible] Волховского совершенно [illegible] и притомъ болѣе [illegible], нежели нужно. Волховской [illegible] не серьезный человѣкъ. Это богатый [illegible], охотникъ ухаживать за женщинами [illegible] отъ скуки или по случаю [illegible], быстро и также случайно его бросающій, [illegible], пожалуй даже съ нѣсколько художественною натурой, безъ всякихъ опредѣленныхъ убѣжденій, до извѣстной степени [illegible] и совсѣмъ не [illegible] при случаѣ посмѣяться надъ самимъ собою. Въ немъ нѣтъ никакихъ элементовъ серьезности. Онъ человѣкъ развитой и свѣтскій, такъ-называемый *causeur*, [illegible] туристъ, который [illegible] въ сущности ни отъ чего не усталъ. Волховской г. Горева нѣсколько напоминаетъ петербургскаго чиновника, пользующагося отпускомъ. Очертанія силуэта переставляются.

Вполнѣ безупречны: г. Южинъ въ роли князя Ханыкова-Алсуфьева и г. Поворинъ въ роли „кулака“ Простомолотова. Нельзя не удивиться, какимъ образомъ режиссеръ или товарищи не

укажутъ г-жѣ Александровой, играющей роль горничной у Чагадаевыхъ, на неумѣстность жеста закручиванія усовъ, къ которому прибѣгаетъ исполнительница, разсказывая Любови Ивановнѣ, что у Волховскаго „усики съ такими хвостиками наверху“. Это совершенно дурная манера, тѣмъ болѣе несносная, что она не имѣетъ ни малѣйшаго основанія въ наблюденіяхъ надъ дѣйствительною бытовою жизнію, на какихъ актеръ долженъ основывать свои внѣшніе пріемы при передачѣ на сценѣ прямо бытовыхъ лицъ.

Другая новая піеса нашего Малаго театра принадлежитъ г. Петру Полевому, называется *За право и правду* и представляетъ „бытовую драму въ 5 дѣйствіяхъ начала XVI столѣтія“. Дѣйствіе происходитъ въ Тверской области, а послѣдній актъ — въ самомъ городѣ Твери.

Парамонъ Бахтеяровъ, бояринъ на покоѣ, поселился въ своей вотчинѣ и наводитъ страхъ и ужасъ на сосѣдей. У однихъ онъ отнимаетъ земли, у другихъ—людей, увозитъ женщинъ, врывается въ дома, грабитъ и поджигаетъ. Я не знаю, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ и лишь разсказываю то, что̀ про него говорятъ въ піесѣ. Съ однимъ только человѣкомъ никакъ не можетъ совладѣть Бахтеяровъ. Это его сосѣдъ Рубцовъ, „служилый человѣкъ“, имѣющій на свою вотчину *обѣльную* грамоту, въ силу которой онъ не платитъ никакихъ податей и пользуется разными привилегіями, между прочимъ и правомъ быть судимымъ однимъ намѣстникомъ области. Тогда Бахтеяровъ подговариваетъ вдову посадскаго человѣка Дарью, торговку жемчугомъ, вхожую ко всѣмъ и во всѣ дома, выкрасть у Рубцова эту обѣльную грамоту. Въ награду за услугу, онъ позволитъ жениться на Дарьѣ своему брату Васюку, разорившемуся вотчиннику, который любитъ торговку жемчугомъ и въ котораго та влюблена. Но оказывается, что Васюкъ уже разлюбилъ Дарью, а полюбилъ дочь Рубцова, Глафиру, которую встрѣтилъ гдѣ-то въ монастырѣ на богомольѣ. Васюкъ, въ свою очередь, проситъ Дарью устроить ему свиданіе съ Глафирой. По моему, это очень неблагоразумно: зная свои отношенія къ Дарьѣ, Васюкъ не могъ выбрать болѣе неподходящей посредницы: но я опять-таки только разсказываю то, что̀ происходитъ въ піесѣ. Дарья, изъ мести къ соперницѣ, отбившей у нея любимаго человѣка, выкрадываетъ обѣльную грамоту и устраиваетъ свиданіе Васюка и Глафиры въ лѣсу, гдѣ Глафира падаетъ въ обморокъ, а мать, бросившаяся искать

пропавшую дочь, застаетъ ее въ этомъ видѣ. Глафиру относятъ домой и она, не придя въ память, умираетъ отъ нервнаго потрясенія. Между тѣмъ, приспѣшники Бахтеярова, по какому-то недоразумѣнію, убили въ лѣсу Васюка, не узнавъ его, ибо онъ являлся на свиданіе въ одеждѣ послушника. Тѣло его подбросили на землю Рубцова. И вотъ въ то самое время, какъ Рубцовъ съ женою собирается хоронить свою дочь, къ нимъ въ домъ является Бахтеяровъ вмѣстѣ съ губнымъ старостой, который предъявляетъ Рубцову обвиненіе въ убійствѣ Васюка. Рубцовъ заявляетъ, что губной староста не имѣетъ права, не только суда надъ нимъ, но даже и въѣзда въ его вотчину. Бахтеяровъ требуетъ предъявленія обѣльной грамоты. Грамоты этой не оказывается, ибо она, какъ мы знаемъ, выкрадена Дарьей. Рубцова ведутъ въ тюрьму, не давъ ему похоронить дочери. Въ антрактѣ Бахтеяровъ завладѣваетъ вотчиною Рубцова, а жена послѣдняго начинаетъ хлопотать по всѣмъ инстанціямъ, но все безуспѣшно. Тогда она вызываетъ Бахтеярова на судъ Божій, на поединокъ, изображенію котораго и посвящено послѣднее дѣйствіе. Холопи Бахтеярова не пропускаютъ на мѣсто поединка никого посторонняго. Двукратное обращеніе жены Рубцова къ присутствующей толпѣ съ вызовомъ охотника стать на поединокъ вмѣсто нея, остается безъ отвѣта. Рубцова начинаетъ сама готовиться къ бою, надѣваетъ шлемъ и панцырную рубашку. Наконецъ, на ея третій и послѣдній вызовъ со стѣны откликается какой-то человѣкъ, который никакъ не можетъ пробраться въ ограду поединка. Его впускаютъ. Онъ вступаетъ въ бой съ Бахтеяровымъ и убиваетъ его. Нужно ли добавлять, что человѣкъ этотъ, бьющійся съ лицомъ завѣшеннымъ панцырною сѣтью, есть самъ Рубцовъ, бѣжавшій изъ тюрьмы? Бахтеяровъ, умирая, признается въ своихъ беззаконіяхъ противъ Рубцова. Занавѣсъ.

Во всей этой длинной и крикливой мелодрамѣ изъ старинпаго русскаго быта, гдѣ все доведено до степени крайности, порокъ и добродѣтель, во всей этой мелодрамѣ всего болѣе заинтересовала меня исторія съ обѣльною грамотой, ибо очевидно, что еслибы грамота эта не была выкрадена, то Бахтеяровъ не могъ бы причинить Рубцову тѣхъ золъ, какія онъ причиняетъ ему теперь, не могъ бы засадить его въ тюрьму и отнять его вотчину. Ужели, спрашивалъ я самъ себя, не сохранилось нигдѣ, ни въ какомъ приказѣ слѣдовъ этой обѣльной грамоты? Ужели жена Рубцова, ѣздившая даже въ Москву, не могла и тамъ

возстановить этой грамоты? Сомнѣнія эти неотвязно преслѣдовали меня во все время спектакля, ибо обѣльная грамота упоминается уже въ первомъ актѣ и затѣмъ красною нитью проходитъ черезъ всю піесу. Что касается до самой піесы, то это неумѣлая, а потому и неудачная, попытка познакомить публику съ нравами и бытомъ XVI столѣтія посредствомъ неопытною рукой скомпонованныхъ сценическихъ картинокъ. Если вообще трудно писать для сцены, то трудность эта еще болѣе увеличивается, когда въ рамки извѣстной піесы нужно вложить готовый уже бытовой матеріалъ отдаленнаго прошлаго.

С. Васильевъ.

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Большой театръ открылся въ настоящемъ году, 30 августа, представленіемъ *Руслана и Людмилы*. Театръ былъ совершенно полонъ, какъ всегда бываетъ въ этотъ день, но мы не были въ спектаклѣ, потому что считаемъ *Руслана* одною изъ наиболѣе слабо обставленныхъ у насъ оперъ, по отношенію къ исполнителямъ, да и все исполненіе, вообще, этого геніальнѣйшаго произведенія русской музыки находимъ далеко его недостойнымъ во многихъ отношеніяхъ. Мы уже напоминали нашимъ сценамъ о предстоящемъ въ ноябрѣ настоящаго года пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ *Руслана и Людмилы*; теперь намъ остается только ждать, какъ этотъ юбилей будетъ отпразднованъ.

Въ Большомъ театрѣ думали, было, устроить спеціально московскій юбилей *Жизни за Царя* по случаю пятидесятилѣтія постановки ея на московской сценѣ, но потомъ отказались отъ мысли о спектаклѣ съ юбилейнымъ характеромъ и просто дали *Жизнь за Царя* съ новою постановкой и костюмами, вслѣдствіе чего въ трехъ представленіяхъ оперы цѣны были возвышенныя. Въ 1842 году *Жизнь за Царя* была поставлена въ первый разъ 7 сентября, но такъ какъ у насъ въ настоящее время спектакли наканунѣ большихъ праздниковъ не разрѣшаются, то юбилейное представленіе состоялось въ настоящемъ году 8 сентября. Впрочемъ, называя это представленіе юбилейнымъ, мы повторяемъ только то, что говорилось въ газетахъ, самъ театръ не придалъ ему никакого другаго отличія, кромѣ возвышенныхъ цѣнъ. Мы сами того мнѣнія, что юбилей произведенія искусства можетъ

относиться лишь къ нему самому, а не къ мѣсту его появленія; въ настоящемъ же случаѣ можно было праздновать развѣ пятидесятилѣтіе Москвы со времени ея знакомства съ *Жизнію за Царя*, а не самой оперы, которой идетъ уже 56 годъ.

Оставляя въ сторонѣ юбилейный вопросъ, мы обратимся къ новой постановкѣ *Жизни за Царя* и ея исполненію. Намъ уже раньше случалось упоминать о томъ, что новыя постановки на Императорскихъ сценахъ Москвы и Петербурга отличаются такимъ богатствомъ и пышностью, что въ этомъ отношеніи съ ними едва ли можетъ соперничать какая бы то ни была сцена въ Европѣ; то же самое можно сказать и въ данномъ случаѣ, особенно по поводу польскихъ костюмовъ во второмъ актѣ. Относительно костюмовъ крестьянъ и крестьянокъ села Домнина все-таки придется замѣтить, что въ нихъ характеръ не выдержанъ, а сама Антонида одѣта какъ подмосковная барышня-дачница нашихъ дней, такъ что въ общемъ картина напоминаетъ нѣмецкія олеографіи со сценами изъ русской жизни. Декораціи красивы, но образцами для нихъ опять какъ будто служили дешевыя олеографіи. Ледоходъ въ первомъ актѣ сдѣланъ неудачно. Во второмъ актѣ изображена внутренность православнаго храма, превращеннаго Поляками въ танцовальный залъ; стѣны храма, кромѣ проглядывающихъ ликовъ угодниковъ, расписаны почему-то арматурами,—за развѣшанное оружіе принять эту живопись нѣтъ ни малѣйшей возможности. Декорація монастыря въ четвертомъ актѣ красива, но своимъ мирнымъ покоемъ тихой лунной ночи не совсѣмъ идетъ къ характеру настроенія. Слѣдующая красивая декорація лѣсной глуши еще болѣе грѣшитъ въ этомъ отношеніи. У Глинки между двумя этими картинами есть связующая музыка, во время которой декорація мѣняется, но при теперешней постановкѣ музыки не хватило бы и на пятую долю времени, нужнаго для перемѣны; впрочемъ, всѣ перемѣны и антракты слишкомъ длинны, что составляетъ одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ новой постановки. Вообще новыя декораціи и костюмы по богатству своему представляютъ значительную цѣнность матеріальную, но не художественную.

Мы присутствовали на двухъ изъ трехъ представленій съ возвышенными цѣнами, первомъ и третьемъ, съ различными исполнительницами въ партіяхъ Антониды и Вани. Въ первомъ пѣли г-жи Маркова и Звягина, а въ третьемъ г-жи Фостремъ и Гинкулова; партіи Сабинина и Сусанина исполнялись оба раза

господами Донскимъ и Власовымъ. Г-жа Маркова, только-что ангажированная на сцену Большаго театра, произвела въ партіи Антониды весьма выгодное впечатлѣніе и качествами голоса, и своимъ умѣньемъ, а также вкусомъ и музыкальностію; но все-таки мы думаемъ, что это не вполнѣ ея жанръ и что въ драматическихъ и чисто лирическихъ партіяхъ она еще болѣе выиграетъ. Г-жа Фостремъ въ той же партіи совершенно на своемъ мѣстѣ, и на этотъ разъ она успѣла даже настолько сладить съ русскимъ произношеніемъ, что иностранный акцентъ былъ почти незамѣтенъ. Г-жѣ Звягиной слѣдуетъ совсѣмъ отказаться отъ партіи Вани, которая не удается ей ни въ сценическомъ, ни въ вокальномъ исполненіи. Г-жа Гнѣкулова была значительно лучше прежде всего уже тѣмъ, что ея фигура болѣе подходитъ къ роли, пѣла она также довольно удовлетворительно, хотя особенно блестящимъ исполненіе ея назвать нельзя. Г. Донской отличный Собининъ во всѣхъ отношеніяхъ, и мы готовы признать эту партію и роль лучшими въ его репертуарѣ. Г. Власовъ не болѣе какъ добросовѣстный исполнитель партіи Сусанина: голосъ у него хотя и большой, но тембръ его довольно сухъ, гибкости тоже мало, а потому все выходитъ довольно блѣдно. Почтенный артистъ владѣетъ, однако, все въ предѣлахъ своихъ средствъ и, во всякомъ случаѣ, онъ не портитъ ни партіи, ни роли. Въ общемъ исполненіе *Жизни за Царя* на сценѣ Большаго театра нельзя назвать особенно выдающимся по своимъ достоинствамъ, хотя ни одного изъ исполнителей нѣтъ основанія считать плохимъ: недостаетъ единства, одушевленія, и чѣмъ этотъ недостатокъ обусловливается, мы сказать не умѣемъ, хотя и чувствуемъ его. Просто, кажется, нужно сдѣлать музыкальной сторонѣ исполненія такой же пересмотръ, какой сдѣланъ декораціямъ и костюмамъ, но, конечно, съ художественной стороны. На страницахъ не спеціальнаго журнала нѣтъ возможности вдаваться въ техническія детали, но вообще можно сказать, что въ *Жизни за Царя* допускается слишкомъ значительный произволъ въ урѣзкахъ, темпо и оттѣнкахъ, хотя и гораздо менѣе, нежели въ *Русалкѣ*. Мало обращается вниманія на ансамбли, гдѣ всякій поетъ по-своему, не заботясь о цѣломъ, вслѣдствіе чего не получается полноты впечатлѣнія. Какъ на исключенія можно указать на заключительные аккорды тріо въ первомъ актѣ и молитву въ третьемъ, гдѣ звукъ голосовъ выровненъ и есть единство въ исполненіи.

Новостей въ Большомъ театрѣ, вѣроятно, придется долго ждать.

злополучная идея постановки *Зигфрида* тормозитъ все, а самъ *Зигфридъ* ни съ мѣста, ибо нѣтъ даже исполнителя для заглавной партіи (г. Преображенскій, какъ мы слышали, отъ нея отказался). Мы готовы прямо сказать, что не знаемъ между русскими артистами пѣвца, способнаго вполнѣ совладѣть со сложнымъ и совершенно незнакомымъ у насъ стилемъ послѣднихъ произведеній Вагнера, развѣ поручатъ спѣть Зигфрида г. Барцалу, но тогда не будетъ исполнителя для партіи Миме. Въ настоящее время въ труппѣ Большаго театра находится пѣвецъ г. Верже, отлично знакомый съ операми Вагнера, много пѣвшій въ нихъ, но именно для г. Верже въ *Зигфридѣ* нѣтъ подходящей по роду его голоса партіи и потому г. Верже поетъ, вмѣсто Вагнера, Верди, излюбленнаго композитора нашей сцены, имѣвшей уже въ своемъ репертуарѣ изрядный циклъ его оперъ и дополняющій его возобновленіемъ *Аиды*. Еслибы Верди зналъ какъ его чтутъ на большой московской сценѣ, то онъ, вѣроятно, былъ бы тронутъ этимъ, потому что едва ли даже на миланской *La Scala* имѣется такой богатый выборъ его произведеній въ репертуарѣ. Взамѣнъ новостей репертуара, Большой театръ выпускаетъ новыхъ исполнителей въ прежнихъ операхъ. Кромѣ названныхъ нами г-жи Марковой и г. Верже, въ партіи Изабеллы въ *Робертѣ* пѣла г-жа Ильинская, еще молодая, но подающая хорошія надежды пѣвица. У нея свѣжій, красивый голосъ и большая легкость въ колоратурѣ; къ сожалѣнію, за весь мѣсяцъ она, какъ и г-жа Маркова, выступила только однажды: для начинающихъ свою карьеру артистокъ такія рѣдкія появленія предъ публикой представляютъ условіе весьма неблагопріятное: лучше имѣть хотя бы маленькія партіи, лишь бы не оставаться совсѣмъ вдали отъ сцены и публики. Изъ артистовъ, вновь ангажированныхъ, судьба болѣе всего улыбается г. Клементьеву, пѣвшему въ трехъ большихъ партіяхъ: Германа въ *Пиковой Дамѣ*, Ленскаго въ *Онѣгинѣ* и въ заглавной роли *Фауста*. Мы слышали молодаго артиста лишь въ первыхъ двухъ операхъ и можемъ сказать, что природные задатки у него хорошіе, умѣнья же очень мало какъ въ пѣніи, такъ и въ игрѣ. Намъ случалось много разъ слышать мнѣніе, что на г. Клементьевѣ вредно отражается его прежняя оперсточная карьера, но едва ли это на самомъ дѣлѣ такъ. Во-первыхъ, въ опереткѣ г. Клементьевъ, кажется, пѣлъ очень недолго, а вовторыхъ, оперетка можетъ быть весьма недурною подготовкой для пѣвца, если онъ владѣетъ голосомъ и понимаетъ

сцену или даже просто сознательно стремится къ этому влеченію и пониманію. По нашему мнѣнію, для исполненія въ опереткѣ нужно гораздо больше умѣнія и сценической ловкости, нежели, напримѣръ, для *Трубадура*, и оперетка для пѣвца можетъ быть лучшею школой, нежели подобная опера. Г. Клементьеву просто недостаетъ умѣнія пѣть и держаться на сценѣ, а пріобрѣтетъ ли онъ когда эти таланты — неизвѣстно. Въ партіи князя Гремина въ *Онѣгинѣ* дважды пѣлъ г. Мировъ; голосовой матеріалъ у него превосходный, умѣнія — никакого. Впрочемъ, сравнительно съ г. Клементьевымъ г. Мировъ имѣетъ то преимущество, что голосъ у него неиспорченъ, тогда какъ у перваго уже замѣчаются признаки утомленія. Къ болѣе опытнымъ новичкамъ нашей сцены нужно отнести баритона г. Соколова, имѣющаго красивый, сильный голосъ и порядочно имъ владѣющаго. До сихъ поръ г. Соколовъ выступилъ въ партіяхъ Демона и князя Елецкаго въ *Пиковой Дамѣ* и въ обѣихъ съ большимъ успѣхомъ. Намъ кажется, что г. Соколовъ очень бы годился для партіи Бѣса въ *Черевичкахъ*, а лучшаго Кузнеца Вакулы, нежели г. Донской, едва ли можно и желать; исполнительницы женскихъ партій найдутся, хотя бы г-жа Маркова для Оксаны; богатая и красивая постановка, если только не испортилась въ складѣ, есть налицо, и такимъ образомъ съ небольшими сравнительно хлопотами и заботами репертуаръ могъ бы обогатиться дѣйствительно капитальнымъ произведеніемъ, совершенно незаслуженно забытымъ; впрочемъ, *Черевички*, если не ошибаемся, уже намѣчены къ возобновленію и нужно только пожелать, чтобъ оно не откладывалось въ долгій ящикъ. Въ числѣ дебютантокъ мы пропустили г-жу Соколову, пѣвшую небольшую партію Полины въ *Пиковой Дамѣ* довольно удовлетворительно. Предположено возобновленіе *Донъ-Жуана* Моцарта съ г. Верже въ заглавной партіи: нечего говорить насколько желательно, чтобъ это возобновленіе состоялось по возможности поскорѣе,— давно лежитъ этотъ долгъ на нашей большой оперной сценѣ и давно пора загладить этотъ крупнѣйшій пробѣлъ въ ея репертуарѣ. Существуетъ еще предположеніе поставить *Снѣгурочку* Н. А. Римскаго-Корсакова, которое мы отъ души привѣтствуемъ. Авторъ *Снѣгурочки* составляетъ такое блестящее явленіе среди современныхъ русскихъ композиторовъ, что полное отсутствіе его произведеній на нашей сценѣ до сихъ поръ есть нѣчто необъяснимое. Въ полномъ успѣхѣ *Снѣгурочки* мы не сомнѣваемся,

эта опера навѣрное займетъ мѣсто на ряду съ наиболѣе любимыми произведеніями русскихъ композиторовъ. Сверхъ того, для исполненія партіи Снѣгурочки г-жа Фостремъ по свойствамъ своего таланта чрезвычайно подходитъ, и въ русскомъ оперномъ репертуарѣ для нея едва ли возможно подыскать лучшую партію; остается, слѣдовательно, снова желать, чтобъ это предположеніе поскорѣе исполнилось. Хорошо бы отложить *Зигфрида* до весны, а все остальное дать по возможности скорѣе.

Русское Оперное Товарищество подъ управленіемъ И. В. Прянишникова возобновило свою дѣятельность, 30 августа, постановкой *Жизни за Царя*. Мы уже говорили весной по поводу тогдашнихъ спектаклей Товарищества, что для него главнымъ залогомъ успѣха будетъ самостоятельность репертуара и строгость въ выборѣ произведеній для постановки. Мы остаемся при высказанномъ нами мнѣніи и теперь, даже готовы прибавить, что опытъ перваго мѣсяца спектаклей въ настоящемъ сезонѣ подтверждаетъ наше положеніе. Весной спектакли Товарищества возбуждали большой интересъ, и тогда же можно было убѣдиться, что интересъ этотъ находится въ зависимости, главнымъ образомъ, не отъ исполнителей, а отъ исполняемаго. *Князь Игорь* давался съ измѣнявшимся составомъ, но неизмѣнно привлекалъ публику независимо отъ участія тѣхъ или другихъ артистовъ, успѣвшихъ снискать благорасположеніе слушателей; привлекало всего болѣе само произведеніе. Только въ немногихъ спектакляхъ съ участіемъ П. И. Чайковскаго въ качествѣ дирижера обнаруживалась личная притягательная сила творца *Онѣгина* и *Пиковой Дамы*, облекшаго въ музыкальныя формы эти произведенія Пушкина. Казалось бы, такое указаніе вполнѣ ясно и достаточно выражало отношеніе публики къ новой сценѣ и требованія къ ней. Намъ лично такое отношеніе было очень симпатично; въ немъ проявлялся несомнѣнный запросъ на интересную музыку, внѣ всякой погони за зычными голосами и сверхестественно высокими нотами пѣвцовъ. Товарищество не обратило достаточнаго вниманія на это обстоятельство и начало свой сезонъ съ репертуаромъ изъ хорошихъ, правда, произведеній, но находящихся постоянно въ репертуарѣ Большаго театра. Соперничать съ однимъ изъ богатѣйшихъ средствами художественныхъ учрежденій въ мірѣ,

и притомъ соперничать на совершенно одинаковомъ поприщѣ — есть дѣло болѣе нежели рискованное для частнаго предпріятія, совсѣмъ не обладающаго избыткомъ матеріальнымъ средствъ. А между тѣмъ въ началѣ дѣло стояло какъ будто на этой почвѣ, ибо первоначальный репертуаръ Товарищества состоялъ, кромѣ *Жизни за Царя*, изъ *Фауста*, *Демона*, *Онѣгина* и т. д.; даже *Князь Игорь* явился нѣсколько позднѣе. Нерасчетливость такой системы дѣйствій дала себя почувствовать въ самомъ скоромъ времени, и спектакли въ театрѣ Шелапутина стали посѣщаться сравнительно слабо. Даже появленіе въ репертуарѣ *Князя Игоря* хотя и оживило въ публикѣ интересъ къ сценѣ, но не въ прежней мѣрѣ, тогда какъ теперешнее исполненіе оперы Бородина по ансамблю лучше, нежели было весной. Если въ труппѣ нѣтъ г. Тартакова, за то заглавную партію теперь исполняетъ или г. Прянишниковъ, или г. Гончаровъ. Первый изъ нихъ своимъ артистическимъ талантомъ составляетъ болѣе нежели достаточное вознагражденіе за отсутствіе г. Тартакова, а г. Гончаровъ настолько сдѣлалъ успѣхъ въ исполненіи именно этой партіи, что можетъ удовлетворить даже требовательнаго слушателя. Въ партіи Ярославны теперь поетъ молодая пѣвица, г-жа Цвѣткова, которая во всѣхъ отношеніяхъ очень далеко превосходитъ свою предшественницу по этой роли. Въ составѣ остальныхъ исполнителей замѣтныхъ перемѣнъ не произошло, а хоры стали полнѣе и лучше. Быть-можетъ, Товарищество не успѣло подготовиться къ началу спектаклей и потому обходилось съ общеизвѣстнымъ репертуаромъ, но въ такомъ случаѣ, даже въ смыслѣ матеріальной выгоды, лучше было начать спектакли нѣсколько позднѣе, но съ лучше подготовленнымъ и срепетованнымъ репертуаромъ. Теперь дѣло еще можно поправить и, кажется, Товарищество серьезно выступаетъ на этотъ путь, по крайней мѣрѣ, судя по спектаклямъ послѣднихъ дней.

Первою новостью въ настоящемъ сезонѣ на сценѣ театра Шелапутина былъ *Каменный Гость* Даргомыжскаго, шедшій въ пятницу, 2[illegible] сентября. Это произведеніе при своемъ появленіи, двадцать лѣтъ тому назадъ, встрѣчено было необыкновенно восторженно радикальною фракціей петербургской музыкальной печати, провозгласившей эту оперу высшимъ образцомъ музыкально-драматической композиціи и будущимъ евангеліемъ каждаго русскаго музыканта. Публика, несмотря на превосходное исполненіе *Каменнаго Гостя* на сценѣ Маріинскаго театра въ Петер-

бургѣ, относилась къ нему довольно холодно, и нѣсколько лѣтъ спустя *Каменный Гость* безслѣдно исчезъ со сцены. Дѣлались попытки поставить его въ провинціи, давался онъ и у насъ шесть лѣтъ тому назадъ на сценѣ прежней частной оперы, но все это оканчивалось ничѣмъ, вслѣдствіе безплодности борьбы съ равнодушіемъ публики. Теперь клики восторга совсѣмъ умолкли и не раздаются ни откуда, и *Каменный Гость* встрѣтилъ совсѣмъ неласковый пріемъ со стороны московской печати. Намъ очень жаль, что мнѣніе о послѣдней работѣ Даргомыжскаго складывается такъ невыгодно для нея. Мы никогда не видѣли въ ней чего-нибудь огромнаго, открывающаго новые пути, но намъ многое было симпатично въ этомъ произведеніи, которое напрасно называютъ оперой. *Каменнаго Гостя* удобнѣе было бы назвать музыкально-драматическими сценами, но опернаго въ немъ рѣшительно ничего нѣтъ. Даргомыжскій сдѣлалъ ошибку въ самомъ основномъ пріемѣ композиціи въ данномъ случаѣ: онъ началъ добросовѣстно переводить на музыку каждую отдѣльную фразу текста, стараясь изобразить въ музыкѣ даже отдѣльные предметы, о которыхъ упоминается въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Но при этомъ Даргомыжскій совсѣмъ забылъ о характерахъ, какъ общей основѣ отдѣльныхъ дѣйствій и поступковъ, такъ что Донъ-Жуанъ и Донна-Анна являются лишенными собственнаго индивидуальнаго облика и если изображаютъ кого, то всего больше самого Даргомыжскаго съ его отношеніемъ къ речитативу. Было время безусловнаго отрицанія Моцарта и признанія оперныхъ теорій Вагнера, когда писался *Каменный Гость*, долженствовавшій на практикѣ доказать художественную неправду и несостоятельность *Донъ-Жуана* Моцарта съ его законченными, закругленными формами, аріями, ансамблями, колоратурой и т. д. Но, увы! доказательство оказалось далеко не особенно убѣдительнымъ. Всего неудачнѣе у Даргомыжскаго вышелъ Командоръ. Гамма цѣлыми тонами очень удачно примѣнена въ томъ мѣстѣ, гдѣ Донъ-Жуанъ обращается къ статуѣ — это мѣсто едва ли не лучшее во всей партіи Донъ-Жуана,—но при постоянномъ настойчивомъ возвращеніи она дѣлается нестерпимою, просто какъ антимузыкальный эффектъ, скорѣе смѣшной въ своей уродливости, нежели страшный: это какой-то дѣтскій бука, которымъ хотятъ пугать взрослыхъ. Когда же вспомнишь *Don Giovanni! a cenar teco* у Моцарта, то становится какъ-то оскорбительна возможность сопоставленія того и другаго. У Даргомыжскаго недурно вышла сцена на кладбищѣ и нѣкоторыя

детали въ другихъ. Для исполненія на обыкновенныхъ оперныхъ сценахъ *Каменнаго Гостя* мы считаемъ неудобнымъ, потому что онъ никогда и нигдѣ не можетъ имѣть сколько-нибудь прочнаго успѣха. Какъ бы ни показалось страннымъ послѣ всего высказаннаго нами, но мы считаемъ не только возможною, но даже весьма полезною постановку *Каменнаго Гостя* на консерваторской, напримѣръ, сценѣ, въ качествѣ упражненія въ небольшихъ аріозныхъ формахъ; въ этомъ отношеніи онъ представляетъ матеріалъ единственный въ своемъ родѣ. Если не ошибаемся, предположеніе такого рода существуетъ уже въ Петербургской консерваторіи. На сценѣ Товарищества *Каменный Гость* исполняется очень старательно, и не совсѣмъ удовлетворительны развѣ только исполнители второстепенныхъ партій, въ главныхъ же всѣ болѣе или менѣе на своемъ мѣстѣ. Въ первомъ представленіи было много публики, усердно аплодировавшей артистамъ и вызывавшей ихъ.

Въ понедѣльникъ, 28 сентября, шла опера Понкьелли *Джоконда*. Это произведеніе составляетъ полнѣйшій контрастъ тому, о которомъ мы сейчасъ говорили. Здѣсь культъ красоты формы и внѣшняго эффекта достигаетъ высшей степени и составляетъ господствующій характеръ сочиненія. *Джоконда* доставила своему автору европейскую извѣстность и обошла, кажется, большія оперныя сцены всего міра. Сюжетъ ея заимствованъ изъ трагедіи В. Гюго *Angelo* и составляетъ наборъ всевозможныхъ эффектовъ, утомляющихъ своею холодною натянутостію. Какъ музыкантъ, Понкьелли представляетъ, по нашему мнѣнію, величину сходную съ теперешнею итальянскою знаменитостію, П. Масканьи, съ тою разницей, что первый далеко превосходитъ втораго своимъ техническимъ умѣньемъ и чутьемъ музыкальной красоты, а второй — отличается нѣсколько большею искренностію и теплотой выраженія. Даже въ начальной судьбѣ обоихъ было нѣкоторое сходство: тотъ и другой въ началѣ карьеры были капельмейстерами муниципальныхъ оркестровъ въ различныхъ городахъ Италіи; Понкьелли достигъ извѣстности лишь къ сорокалѣтнему возрасту и умеръ двѣнадцать лѣтъ спустя (въ 1886 году), когда на него еще возлагались большія надежды. Автора *Cavalleria rusticana* безпримѣрная въ лѣтописяхъ музыки издательская реклама вознесла на высоту славы еще въ молодыхъ годахъ, и теперь на него возлагаются надежды, большаго основанія для которыхъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ.

Джоконда опера очень интересная, въ ней есть южная, горячая окраска; съ технической стороны, за исключеніемъ нѣкоторыхъ длиннотъ, особенно въ послѣднемъ актѣ, — она сдѣлана отлично, эффектно инструментована и вообще представляетъ собою очень хорошій образецъ полной внѣшнихъ эффектовъ оперы парижскаго образца, но съ итальянскою мелодическою окраской. *Джокондѣ* недостаетъ искренности и глубины чувства, которое выражается въ ней слишкомъ внѣшними, условными пріемами, но какъ публика, такъ и музыканты могутъ въ ней найти много интереснаго и хорошаго со стороны формы и блеска изложенія. *Джоконда* принадлежитъ къ вымирающему роду парижской большой оперы, родоначальникомъ которой были Мейерберъ и его ближайшій послѣдователь Галеви, съ тою разницей, что по силѣ таланта Понкьелли сравнительно съ Мейерберомъ есть совершенный пигмей. *Джоконда* имѣетъ весьма много общаго съ *Аидой* по внѣшнимъ формамъ, но Верди также далеко превосходитъ талантомъ Понкьелли, одно время почти сдѣлавшагося было его соперникомъ въ Италіи. Исполняется *Джоконда* довольно хорошо, насколько это возможно требовать отъ скромныхъ средствъ сцены Опернаго Товарищества. Наиболѣе бьющій въ глаза недостатокъ заключается въ численной слабости оркестра, которому отведена весьма обширная доля участія въ *Джокондѣ*. Хоры очень хороши и старательно выучены. Постановку можно даже назвать роскошною, особенно для небольшой сцены. Изъ исполнителей всего лучше была г-жа Смирнова въ партіи Лауры; эта талантливая пѣвица способна на выполненіе крупныхъ задачъ и по своему голосу, и по умѣнью. Всѣ другія партіи исполняются болѣе или менѣе удовлетворительно, хотя и безъ особеннаго блеска. Товарищество поступило бы практичнѣе, еслибъ оно выбирало для постановки произведенія болѣе подходящія къ средствамъ его оркестра; въ хорошей оперной литературѣ это одно изъ главнѣйшихъ условій удовлетворительности исполненія. Исключенія должно дѣлать для такихъ, напримѣръ, оперъ, какъ *Майская Ночь* Н. А. Римскаго-Корсакова и т. п.; подобныя оперы, какъ и *Князь Игорь*, сами по себѣ представляютъ такой крупный музыкальный интересъ, что нѣкоторый недочетъ въ силѣ струннаго квартета можно простить и даже не замѣчать его. Но можно также брать оперы изъ стараго классическаго репертуара, а также изъ французскихъ композиторовъ, какъ,

напримѣръ, Обера, Герольда, Галеви (кромѣ большихъ оперъ, менѣе интересныхъ), для которыхъ совсѣмъ не требуется ни большихъ массъ оркестра, ни виртуозности въ отдѣльныхъ его инструментахъ. Намъ кажется, что съ г-жей Цвѣтковой Товарищество могло бы поставить такую прелесть, какъ *Черное Домино* Обера. А такая опера, какъ *Pré aux clercs* Герольда была бы для московской публики совершенною новостью. Всѣ подобныя оперы требуютъ не столько большихъ средствъ отъ исполнителей, сколько умѣнья распоряжаться ими и вести сцену.

Н. Кашкинъ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Моя жизнь во Христѣ. Извлеченіе изъ дневника протоіерея Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго). Изданіе третье, въ двухъ томахъ. Москва. 1892.

Врядъ ли другая какая-либо книга появлялась такъ во-время, какъ эта. И врядъ ли другая какая-либо имѣетъ большее значеніе для нашего времени и нашего общества. Когда индифферентизмъ является общимъ фономъ нашей общественной жизни, когда разслабленные нервы усыпляющимъ образомъ дѣйствуютъ на общественную мысль—властное слово глубочайшей вѣры можетъ имѣть глубокое *отрезвляющее* и возбуждающее вліяніе. Когда на виду у всѣхъ происходитъ наглый торгъ всякимъ сектантскимъ недомысліемъ, тогда особенно цѣнно прямое пастырское слово представителя вселенскаго. свято-отеческаго православія.

Такимъ и является авторъ названной книги. Кто не слышалъ его имени? Въ настоящее время это самый популярный человѣкъ въ Россіи. Одни его благословляютъ, другіе возмущаются, услышавъ одно имя его; одни гордятся имъ, какъ образцомъ и лучшимъ представителемъ православнаго духовенства, другіе въ безсильной злобѣ клевещутъ на него и сочиняютъ литературные пасквили. Къ счастію, первыхъ милліоны, а вторыхъ — жалкія единицы. Но, независимо отъ чувствъ. возбуждаемыхъ этимъ доблестнымъ пастыремъ,—несомнѣнно то. что въ современномъ религіозномъ движеніи нашего общества самымъ главнымъ факторомъ, имѣвшимъ вліяніе на это движеніе, является свѣтлая личность отца Іоанна Кронштадтскаго. Здѣсь не мѣсто объ этомъ распространяться. Достаточно только сказать, что связь религіознаго движенія въ обществѣ съ дѣятельностію отца Іоанна недостаточно для многихъ замѣтна, такъ какъ самая личность отца

Іоанна для очень многихъ до сихъ поръ загадочна и непонятна. Появленіе въ печати дневника Кронштадтскаго пастыря снимаетъ съ него всякій туманный покровъ. Въ этомъ дневникѣ мы находимъ полное объясненіе того, въ чемъ заключается тайна властной духовной силы отца Іоанна, его успѣховъ и популярности. Тайна эта выражается тремя словами: „Жизнь во Христѣ".

Содержаніе разбираемой нами книги есть плодъ тридцати пятилѣтняго служенія отца Іоанна въ духовномъ санѣ, плодъ его постепеннаго духовнаго развитія и самосовершенствованія. Происхожденіе своего дневника самъ авторъ объясняетъ такъ: „Сила моя въ немощи совершается", говоритъ Господь,—и „гдѣ умножился грѣхъ, тамъ преизбыточествуетъ благодать", говоритъ великій Апостолъ. Эта сила и эта благодать Господня и во мнѣ немощномъ и грѣшномъ воспреизбыточествовали во всѣ дни жизни моей, съ ранней юности до настоящихъ дней, и проявлялись осязательно въ чудномъ озареніи души моей свѣтомъ покаянія и молитвы, въ умиленіи сердца и чистыхъ, горячихъ, животворныхъ и сладкихъ слезахъ, скверну сердца очищающихъ. Я старался всегда совершать домашнее и общественное богослуженіе съ яснымъ и глубокимъ пониманіемъ его смысла, съ сильнымъ и горячимъ чувствомъ, съ миромъ въ душѣ. Но есть сильные враги молитвы: это—наши страсти житейскія и начала и власти тьмы, духи злобы поднебесной. Съ этими всезлобными врагами молитвы и всякой правды мнѣ и приходилось вести неравную, упорную и жестокую войну на животъ и на смерть съ самаго начала моего священническаго служенія... При непрестанныхъ внутреннихъ искушеніяхъ я долженъ былъ постоянно обращать духовное мое око внутрь себя, чтобъ усматривать нападенія невидимыхъ враговъ, и, такимъ образомъ, пріучилъ себя почти къ непрестанному духовному созерцанію и тайной молитвѣ и всегдашнему благодаренію Господа за ниспосылаемую мнѣ помощь въ духовной войнѣ. При такомъ характерѣ моей внутренней жизни Господь сподоблялъ меня часто чудныхъ, внутреннихъ озареній и свѣтлыхъ мыслей касательно молитвы вообще и разныхъ предметовъ вѣры и жизни христіанской; и я старался не пропускать ихъ безъ особеннаго вниманія и записывалъ ихъ въ свой дневникъ. Такимъ образомъ, составилось въ теченіе тридцати пяти лѣтъ много рукописныхъ замѣтокъ моихъ объ этихъ предметахъ. Это—самыя бѣглыя, летучія замѣтки, писанныя на всякомъ мѣстѣ то карандашомъ, то чернилами."

Эти „бѣглыя замѣтки“, однако, въ своемъ цѣломъ даютъ намъ кромѣ пониманія духовной жизни отца Іоанна еще объясненіе основныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ христіанства; для этого авторъ пользуется громаднымъ запасамъ своихъ наблюденій и опыта. И кромѣ всего этого „замѣтки“ даютъ еще множество правилъ и практическихъ совѣтовъ христіанской жизни, какъ плодъ духовнаго опыта автора. Мы здѣсь приведемъ нѣсколько такихъ замѣтокъ по разнымъ вопросамъ.

„Кромѣ Господа Іисуса Христа со Отцемъ Его и Святымъ Духомъ нѣтъ для меня блага на землѣ. Онъ—единственное мое блаженство на землѣ. Послѣ Бога нѣтъ для меня на землѣ ничего дороже (какъ и должно быть) души человѣческой,—она всего дороже. Человѣкъ—драгоцѣнное существо,—Самъ Богъ сошелъ для спасенія его на землю“... „Всю жизнь мою и все, чѣмъ живетъ человѣкъ, мои духовныя и тѣлесныя потребности предаю Христу Богу, Промыслителю, Управителю и Спасителю, ибо все въ Его рукахъ. А самъ да исполняю Его заповѣди усердно“... „Что̀ мнѣ нужно? Ничего мнѣ на землѣ не нужно, кромѣ самаго необходимаго. Что мнѣ нужно? Мнѣ нуженъ Господь, нужна благодать Его, царствіе Его во мнѣ. На землѣ, мѣстѣ моего странствія, моего временнаго обученія, нѣтъ ничего собственнаго моего, все Божіе и все временно, назначено къ временнымъ мнѣ услугамъ; убытки мои — достояніе ближнихъ неимѣющихъ. Что̀ мнѣ нужно? Мнѣ нужна истинная, христіанская, живая, дѣятельная любовь, нужно любящее, жалѣющее ближнихъ сердце, нужна радость о ихъ довольствѣ и благополучіи, скорбь о ихъ скорбяхъ и болѣзняхъ, о ихъ грѣхахъ, слабостяхъ, безпорядкахъ, недостаткахъ, несчастіяхъ, бѣдности; нужно сочувствіе теплое, искреннее во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, радость съ радующимися и плачъ съ плачущими. Полно давать мѣсто самолюбію, эгоизму, стараться жить только для себя, и привлекать все только къ себѣ: и богатство, и сласти, и славу міра сего, и не жить, а умирать, не радоваться, а страдать, нося въ себѣ ядъ самолюбія, ибо самолюбіе есть непрестанно подливаемый въ наше сердце веліаромъ ядъ“... Какъ удивительно въ этихъ словахъ вылился духъ отца Іоанна, какъ полно выразилась его жизнь во Христѣ! Сущность этой жизни еще болѣе поясняется въ слѣдующихъ замѣткахъ: „Какое отношеніе между словомъ и дѣломъ? Слово Божіе вызвало изъ небытія въ бытіе міръ видимый и невидимый; слово въ устахъ Бога-Слова было дѣломъ. Потому слово

и дѣло должны быть неразлучны между собою, какъ душа и тѣло неразлучны въ своемъ бытіи. Кто соблюдаетъ и творитъ слово Христово вѣрно и постоянно, *у кого слово есть дѣло, тотъ и теперь творитъ великія и удивительныя дѣла*, и слову его все повинуется: и демоны повинуются, и болѣзни исцѣляются, и нравственность человѣческая созидается" (курсивъ нашъ). „Сколько благодѣяній доставила мнѣ доселѣ вѣра Христова! Не говоря о безчисленныхъ другихъ благодѣяніяхъ, скажу объ одномъ: сколько душевныхъ возмущеній, страстей она прогоняла, и умиротворяла меня! Сколько исправила кривыхъ стремленій сердца! Сколько разъ грѣхи очищены и душа спасена была отъ духовной смерти! И какъ близокъ Господь нашъ къ вѣрующему! Онъ какъ воздухъ, какъ дыханіе устъ нашихъ, дыханіе сердца нашего, души нашей"... „*Господь все для меня:* Онъ сила сердца моего и свѣтъ ума моего; Онъ движетъ сердце мое ко всякому благу; Онъ укрѣпляетъ его; Онъ и мысль благую даетъ мнѣ; Онъ покой и радость; Онъ моя вѣра, надежда и любовь; Онъ пища моя, питіе мое, одежда моя, жилище мое"... (курсивъ нашъ.) „Когда молишься, старайся молиться больше за всѣхъ, чѣмъ за себя одного, и во время молитвы живо представляй всѣхъ людей вмѣстѣ съ собою единымъ тѣломъ, а каждаго въ отдѣльности—членомъ тѣла Христова и твоимъ собственнымъ членомъ; молись за всѣхъ такъ, какъ молишься за себя, съ такою же искренностью и теплотой; ихъ немощи, болѣзни считай своими немощами и болѣзнями; ихъ невѣжество духовное, ихъ грѣхи и страсти—своимъ невѣжествомъ, своими грѣхами и страстями; ихъ искушенія, напасти и скорби многообразныя—своими искушеніями, напастями и скорбями. Такую молитву съ великимъ благоволеніемъ принимаетъ Отецъ Небесный"...

Слѣдующія замѣтки даютъ образецъ практическихъ указаній христіанской жизни, во множествѣ разбросанныхъ по всей книгѣ: „Чтобы христіанинъ жилъ христіанскою жизнью и не угасала въ немъ совершенно жизнь духа, ему необходима молитва домашняя и общественная, необходимо посѣщать съ вѣрою, разумѣніемъ, усердіемъ богослуженіе во храмѣ, какъ необходимо подливать елей въ лампаду, чтобъ она горѣла и не угасала; а такъ какъ молитва искренняя, горячая бываетъ при воздержаніи, то для поддержанія въ себѣ христіанской жизни, или горячности вѣры, надежды и любви, нужны воздержаніе и постъ. Ничто такъ скоро не погашаетъ въ насъ духа вѣры, какъ невоздержаніе, лакомство

и пресыщеніе, и разсѣянная, разгульная жизнь. Я угасаю, умираю духовно, когда не служу въ храмѣ цѣлую недѣлю, и возгараюсь, оживаю душою и сердцемъ, когда служу, понуждая себя къ молитвѣ не формальной, а дѣйствительно духовной, искренней, пламенной"... „Говорятъ: нѣтъ охоты, такъ не молись,—лукавое мудрованіе плотское; не стань только молиться, такъ и совсѣмъ отстанешь отъ молитвы; плоть того и хочетъ. *Царствіе Божіе нудится;* безъ самопринужденія къ добру не спасешься"... „Удивительная вещь: сколько мы ни хлопочемъ о своемъ здоровьѣ, какъ ни бережемъ себя, какихъ самыхъ здоровыхъ и пріятныхъ кушаньевъ ни ѣдимъ, какихъ здоровыхъ напитковъ ни пьемъ, сколько ни отгуливаемся на свѣжемъ воздухѣ, а все въ концѣ концовъ выходитъ то, что подвергаемся болѣзнямъ и тлѣнію. Святые же, презиравшіе плоть, умерщвлявшіе ее безпрестаннымъ воздержаніемъ и постомъ, лежаніемъ на голой землѣ, бдѣніемъ, трудами, молитвой непрестанною, обезсмертили и душу, и плоть свою; наши тѣла, много питаемыя и сластопитаемыя, издаютъ смрадъ по смерти, а иногда и при жизни, а ихъ тѣла благоухаютъ и цвѣтутъ, какъ при жизни, такъ и по смерти. Удивительное дѣло: мы, созидая, разрушаемъ свое тѣло, а они, разрушая, созидали; мы, обливая его благоуханіями, не избѣгаемъ смрада его, а они, не заботясь о благоуханіи тѣла, а о томъ, чтобы душа была благоуханіемъ для Бога, — облагоухали свои тѣла. Братія мои! Поймите задачу, цѣль своей жизни. Мы должны умерщвлять многострастное тѣло или страсти плотскія чрезъ воздержаніе, трудъ, молитву, а не оживлять его и страсти чрезъ лакомство, пресыщеніе, лѣность."

Приведенныя нами выписки достаточно знакомятъ читателя съ характеромъ книги; содержаніе же ея, какъ мы сказали, такъ разносторонне, обнимаетъ такое множество предметовъ, касается такихъ глубокихъ истинъ, что дать отчетъ объ этомъ нѣтъ никакой возможности; пришлось бы выписать всю книгу цѣликомъ.

Отрывочность высказываемыхъ мыслей, ихъ *мозаичность* дѣлаетъ книгу легко читаемою во всякое время; а глубокій лиризмъ, проникающій всѣ замѣтки автора, одушевляетъ самыя отвлеченныя истины, высказываемыя имъ, и усиливаетъ интересъ чтенія. Увѣрены, что книга будетъ настольною у всякаго православнаго христіанина.

І. Ф.

ЭДМОНДЪ ДЕ-АМИЧИСЪ И ЕГО ПОСЛѢДНІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

(Переводъ съ рукописи Н. Чубарова.)

(Окончаніе.)

Подъ заглавіемъ „Открытыя двери въ Италію" (alle Porte d'Italia) Де-Амичисъ собралъ серію интересныхъ историческихъ матеріаловъ, относящихся до исторіи Пьемонта и Савойскаго дома, и въ особенности западной Пьемонтской равнины, гдѣ столько разъ имѣла случай проявиться храбрость Пьемонтскихъ войскъ. Хотя книга эта написана уже десятый годъ, она имѣетъ только четвертое изданіе, что объясняется тѣмъ, что она можетъ интересовать только избранное общество. Книжные успѣхи рѣдко бываютъ пропорціональны дѣйствительному достоинству книги, и наиболѣе заслуженные успѣхи — конечно не самые счастливые! Но критикѣ нѣтъ нужды слѣдовать за успѣхомъ, для нея отрадно воздать должное произведеніямъ мало извѣстнымъ публикѣ, и выяснить ихъ значеніе большее, чѣмъ толпа расположена за ними признавать. „Открытыя двери въ Италію"—книга именно такого сорта!

Въ первой главѣ авторъ вымышляетъ письмо, будто бы написанное жителемъ Пьемонта одному изъ своихъ друзей въ Туринѣ, въ 1675 году, въ тѣ времена, въ которыя живописный городъ стоналъ подъ французскимъ владычествомъ. Письмо написано со страстью и умомъ нашего времени, но суть дѣла относится дѣйствительно къ XVII вѣку. Обвиненіе въ коварствѣ, такъ часто посылаемое Французами по адресу политики Савойскаго дома, имѣетъ свое начало за много столѣтій, но апологія, которую даетъ ей де-Амичисъ, принадлежитъ, дѣйствительно, нашимъ днямъ. Его корреспондентъ, видите ли,—отвѣчаетъ французскому лейтенанту, сдѣлавшему упрекъ властителямъ Савойи въ недостаткѣ искренности въ ихъ отношеніяхъ къ Франціи:

„Было бы очень смѣшно, еслибы бѣлый медвѣдь и медвѣдь черный, напавъ сбоку на хорошую охотничью собаку съ цѣлью сожрать ее, удивлялись бы движеніямъ, которыя дозволило бы себѣ благородное животное, чтобъ уйти отъ ихъ когтей и чтобы стравить ихъ обоихъ!"

Это вѣрное замѣчаніе — единственное справедливое оправданіе, которое должны имѣть въ виду совѣстливые историки, когда дѣло идетъ объ оцѣнкѣ ловкаго поведенія Савойскихъ принцевъ: *Salus publica suprema lex esto*, — постоянно повторяли они за Римлянами!

Но верхъ интереса первой главы — это тайна, окружающая узниковъ, заключенныхъ въ крѣпости Пинжьроль (Pignerol), въ томъ числѣ знаменитаго „Желѣзную маску".

Вторая глава очень симпатично рисуетъ намъ властителей Ахайи, союзниковъ Савойскаго дома, унаслѣдовавшаго ихъ владѣнія и ихъ добродѣтели. Эта исторія возстановлена по большей части на мѣстѣ съ помощью авторскаго воображенія. „Удивительная вещь", восклицаетъ онъ среди этихъ возсозданій прошлаго,—„эта наша горячая привязанность къ призракамъ прошлаго, которые мы же сами вызвали изъ небытія!"

Въ третьемъ очеркѣ де-Амичисъ вводитъ насъ въ сообщество г. де-Больё, потомка того славнаго коменданта, который такъ хорошо защищалъ свой постъ — фортъ св. Бригиты; описаніе мѣстности удивительно симпатично освѣщается красотой разсказа, въ которомъ нужно восхищаться величайшему благородству французскаго дворянина и дворянина итальянскаго, поочередно, вмѣсто похвальбы успѣхами предка надъ непріятелемъ, прославляющихъ подвигъ этого послѣдняго, относясь постоянно справедливо другъ къ другу. Это чисто рыцарская манера такъ разсказывать совсѣмъ мало знакомую и всецѣло достойную быть отмѣченною исторію; это урокъ хорошаго вкуса, которому нужно слѣдовать, великолѣпный примѣръ, достойный подражанія.

Затѣмъ слѣдуетъ поразительное и полное юмора описаніе труднаго восхожденія на форты Фенестреллы, могущественнаго оплота Пьемонтскихъ Альпъ со стороны Дофинэ. Сопровождаемые въ этой экскурсіи поэтомъ Джіакоза, эти братья пьемонтской поэзіи заставляютъ часто звучать въ своихъ взволнованныхъ душахъ струны патріотизма, но всегда сохраняя въ запасѣ, въ своемъ распоряженіи, скромную улыбку на устахъ, чтобы не впасть въ банальность.

Главы, посвященныя Эммануилу Филиберу, могущественному главѣ Савойскаго дома и его пребыванію въ Пинжьролѣ, читаются какъ извѣстныя главы безсмертнаго романа Манцони. Отдавъ всѣ краски своего блестящаго воображенія вымышленному разсказу Испанца—Бенавида, благороднаго солдата, видавшаго близко въ Сен-Квентинѣ герцога Савойскаго, онъ отдается тому восхищенію, которое овладѣваетъ особенно всѣми пьемонтскими сердцами, какъ только вызвана великая фигура принца, освободившаго свое отечество отъ ига двухъ могущественныхъ непріятелей. Волненіе часто охватываетъ читателя, и романтическая исторія, которую авторъ примѣшалъ къ разсказу, еще болѣе увеличиваетъ очарованіе.

Глава, названная „Итальянскою Швейцаріей“ (La Ginevra Italiana), посвящена Торо-Пиллису (Toro-Pillice), главному городу трехъ пьемонтскихъ равнинъ, куда укрылись Вальденцы, гдѣ такъ долго былъ угнетаемъ народъ изъ двадцати тысячъ душъ, у котораго имѣется своя исторія, своя слава и свои мученики! Разсказъ о гнусныхъ гоненіяхъ, которыя въ теченіе столѣтій позорили эти равнины, вызываетъ содроганіе и отвращеніе: это пятно на исторіи Пьемонта, и авторъ вовсе не желаетъ скрыть, или пытаться уменьшить его. И для чего ему было бы освобождать отъ проклятій честныхъ людей цѣлую серію величайшихъ преступленій, сотворенныхъ подъ покровомъ религіи надъ народомъ невиннымъ, этими „Альпійскими Израильтянами“, какъ ихъ называли, храбрымъ, сильнымъ, и добродѣтельнымъ?..

То же впечатлѣніе ужаса производитъ и слѣдующая глава: „Вальденскія Ѳермопилы“—живописная равнина д'Ангронья (d'Angrogna), гдѣ столько разъ, настигнутые фанатиками, Вальденцы-протестанты давали доказательство своей доблести, граничившей съ героизмомъ, одерживая часто, особенно возлѣ Фра дель-Торно (Fra dell-Torno), блистательныя побѣды надъ своими преслѣдователями папистами. Сцена, представляемая пейзажемъ, даетъ основаніе цѣлому ряду блестящихъ описаній, въ которыхъ дѣйствительно талантъ де-Амичиса блистаетъ во всей своей мощи и во всемъ своемъ изяществѣ, въ которыхъ одно описаніе дополняетъ другое, и взаимная ихъ гармонія достигаетъ непередаваемой прелести.

Вся эта историческая книга де-Амичиса отзывается глубокою привязанностью къ Савойскому дому. Но ставъ историкомъ, авторъ часто переходитъ въ роль судьи и становится имъ

совершенно въ драматическомъ разсказѣ, посвященномъ интереснѣйшей маркизѣ де-Спиньо, несчастной подругѣ и тайной супругѣ Виктора Амедея II, въ послѣдніе трагическіе дни этого великаго принца, который окончилъ свою славную карьеру на манеръ короля Лира. Де-Амичисъ подчасъ немного фантазируетъ въ своихъ историческихъ разсказахъ, говоритъ иногда болѣе того, что̀ знаетъ; часто онъ придаетъ дѣйствительнымъ лицамъ, которыхъ выводитъ на сцену, свой личный слогъ, свои чувства и свои вкусы: но основа этихъ вымысловъ справедлива, и обстановка, которая ихъ окружаетъ, всегда жизненна. Художникъ прежде всего, де-Амичисъ часто переходитъ въ описанія, когда кажется ему, что онъ немножко заблудился на почвѣ знанія. Его юморъ совершенно пьемонтскій, но воспитанъ на умахъ двухъ обольстительнѣйшихъ писателей нашего вѣка—Манцони и Д'Азельо, что̀ устраняетъ изъ его описаній все то, что̀ риторическая напыщенность -- эта болѣзнь нашей литературы—могла бы внести туда: — звонкую и пустую высокопарность, безсмысленную игру словъ, общія мѣста. Де-Амичисъ умѣетъ остановиться вовремя, вернуться назадъ, и когда внутреннее чувство говоритъ ему, что его стиль становится надутымъ и принимаетъ оборотъ черезъчуръ напыщенный, ловкимъ маневромъ онъ понижаетъ мало-помалу весь тонъ и вызываетъ на ваши уста улыбку, соединяя, съ изысканнѣйшимъ искусствомъ, элементъ комическій съ трагическимъ: очевидная отрывочность всей главы „Замокъ Кавура" (Rocca di Cavour) объясняется и извиняется этими ловкими обдуманными возвращеніями автора къ спокойному тону, которыя ставятъ его справедливо въ ряды нашихъ величайшихъ писателей!

- -

Сердце (Cuore) —это величайшій образчикъ успѣха итальянской книжной торговли послѣ освобожденія Италіи, три мѣсяца тому назадъ оно шло 128 изданіемъ! Можно предсказать, что черезъ десятокъ лѣтъ оно будетъ имѣть милліонъ читателей. Лучшее ли это произведеніе де-Амичиса? произведеніе, въ которомъ онъ проявилъ болѣе всего таланта? по правдѣ,—нѣтъ!

Онъ съумѣлъ заинтересовать раннюю юность, заставилъ содрогнуться всѣ ея чувства, раскрылъ ея капризы, недостатки, надежды, жилъ ея внутреннею жизнью, наполнилъ ею всю душу. Авторъ разсказываетъ, какъ ребенокъ, проходя начальные классы,

пріобрѣтаетъ привычку писать свой дневникъ, гдѣ онъ день за днемъ записываетъ свои впечатлѣнія, свои горести, радости, свои замѣчанія. Черезъ нѣсколько лѣтъ ребенокъ, ставъ юношей, пересматриваетъ свой дневникъ; онъ исправляетъ его, дополняетъ, — и его отецъ, извѣстный писатель, издаетъ его.

Критика ничуть не обманута этимъ маневромъ, но публика до такой степени живо видитъ предъ собою весь этотъ возстающій, копошащійся, оживающій міръ маленькихъ школьниковъ, что она не видитъ никакихъ веревочекъ, забываетъ сценическую постановку и отдается совершеннѣйшей иллюзіи, словно когда-то были знакомы ей всѣ эти маленькія дѣйствующія лица. Дѣти, естественно, узнаютъ себя въ нихъ; пожилые люди переживаютъ свою жизнь въ этихъ страницахъ и любятъ вспоминать о себѣ; такъ что выходитъ, что книга де-Амичиса написана одинаково для большихъ и малыхъ. Каждая страница, — это воспоминаніе, эскизъ, и даетъ вамъ или сцену или типъ, движеніе непрерывно! Прежде де-Амичисъ черезчуръ выставлялъ намъ на видъ свои собственныя слезы, такъ что въ концѣ концовъ читатель утомлялся; автора поэтому считали немножко монотоннымъ, его манеру немножко женскою. Теперь онъ заботливо вытираетъ слезы, онъ почти совсѣмъ не плачетъ, но все-таки онъ владѣетъ великимъ секретомъ заставить другихъ пролить хотя одну слезинку, только одну тихую и спокойную слезинку, и вотъ онъ мститъ намъ за наши ему упреки въ легкости, съ какою онъ способенъ это дѣлать, часто хитро ловя наши заплаканные глаза, послѣ прочтенія одного изъ его разсказовъ, и короткихъ и трогательныхъ. Де-Амичисъ никогда не былъ писателемъ способнымъ выдерживать долго, онъ быстро устаетъ, но на короткомъ пути, съ маленькою моделью, онъ наблюдаетъ, схватываетъ и все передаетъ, что̀ видитъ. Онъ даетъ выраженіе самой ничтожной физіономіи, самому ничтожному явленію жизни: своею артистическою душой онъ творитъ безконечное число маленькихъ міровъ, то забавныхъ, то трогательныхъ. *Сердце*, — это жанровая модель. Всякая страна, всякая литература можетъ теперь имѣть такую же книгу, бросивъ въ ту же оболочку другія фигуры, набранныя изъ школъ различныхъ странъ; но чтобъ имѣть тотъ же успѣхъ, нужно располагать такимъ же талантомъ представленія.

Послѣ успѣха *Сердца* де-Амичисъ и его издатель поняли, что

самый большой успѣхъ принадлежитъ книгамъ предназначеннымъ для юношества, которое имѣетъ великую нужду въ чтеніи, и въ наше время, по крайней мѣрѣ въ Италіи, никто не знаетъ рѣшительно, какія книги можно ему рекомендовать. Наша бѣдность въ этомъ отдѣлѣ литературы поистинѣ прискорбна: въ Италіи, какъ и внѣ ея, печатаютъ, конечно, множество книгъ предназначенныхъ для школъ, но рѣдко случается, чтобъ эти книги были художественны: слава Богу, если онѣ еще не очень наивны, или не очень скучны! Вообще интересъ этихъ книгъ очень жалкій, и поэтому нужно быть благодарнымъ де-Амичису, который за послѣднее время посвящаетъ свой талантъ произведеніямъ для юношества, изящная и обработанная форма которыхъ не только искупаетъ несерьезность содержанія, но даже придаетъ послѣднему особую плѣнительность.

Романъ одного учителя (Romanzo d'un Maestro), который послѣдовалъ за *Сердцемъ*, считаетъ десять изданій, но очень вѣроятно, что въ настоящую минуту количество изданій этой книги стало еще многочисленнѣе. Представивъ намъ въ *Сердцѣ* личность маленькаго школьника, де-Амичисъ теперь посвящаетъ насъ въ тайны достаточно грустнаго существованія школьнаго учителя въ Италіи. Книга эта имѣетъ благотворное значеніе: на „крестной“ житейской дорогѣ именно могутъ встрѣтиться такіе герои, жизнь которыхъ не имѣетъ ничего изъ ряда вонъ выходящаго; она проходитъ безъ блеска и шума. Черезъ какія муки нужно пройти, пока дойдешь до маршальскаго жезла, который для сельскаго школьнаго учителя равняется достиженію въ тотъ или другой срокъ перехода въ главный городъ провинціи или въ столицу. Какъ обыкновенно, де-Амичисъ наблюдаетъ и отлично знаетъ свой міръ; его вниманіе останавливается, по преимуществу, на лицахъ простыхъ и на оригиналахъ, но отъ времени до времени волны чувства добра и высокихъ побужденій уносятъ разсказчика отъ земли и вносятъ много чувства въ эти спокойныя страницы. Читатель-иностранецъ найдетъ въ *Романѣ одного учителя* интересныя и мало знакомыя стороны итальянской жизни. Жизнь школьнаго учителя вездѣ приблизительно одинакова, состоя изъ страданій и нищеты; рѣдко когда въ нее замѣшается какое-либо благородное движеніе; чтобы придать немножко бодрости борющимся, де-Амичисъ избралъ такого школьнаго учителя, который имѣетъ вѣру въ свое призваніе, а идеализація самого автора дополняетъ

общій тонъ книги. Кстати, вотъ образчикъ благородной рѣчи, сравнивающей семью школьныхъ учителей съ арміей. Убѣжденія учителя Ратти, героя *Романа одного учителя*, и учительницы Галли, раздѣляющей эти убѣжденія, переданы такъ: „Да, онъ принадлежалъ къ этой арміи и могъ гордиться тѣмъ, что принадлежалъ: эта армія имѣла недостатки, но они были недостатками своей собственной страны; они, члены этой арміи, были плохо вооружены и плохо вскормлены, но это гораздо болѣе относилось къ ихъ славѣ, чѣмъ къ стыду; въ рядахъ ихъ видѣли, какъ во всякой арміи, неспособныхъ и трусовъ, но тамъ, по милости Божіей, были цѣлые легіоны героевъ и героинь, предъ которыми всякій благородный человѣкъ долженъ бы былъ преклониться. Онъ зналъ много такихъ, и въ эту минуту ихъ чувства должны бы совпасть: да, правда говорится: никто не въ состояніи сдѣлать такъ много добра, какъ школьный учитель, а нѣтъ выше удовлетворенія, какъ сознаніе сдѣланнаго добра. Самыми счастливыми минутами его жизни, о которой онъ помнитъ, были тѣ, въ которыя у него было ясное сознаніе этой правды. Его старая страсть къ дѣтямъ снова приливала къ его сердцу, въ то время, какъ онъ глядѣлъ предъ собою, и взоръ его встрѣчалъ лицо своей подруги спокойной, которая столько разъ передавала ему эту благородную страсть въ своей пылкой рѣчи!“.... Тутъ наступаетъ идиллія, и авторъ останавливается изъ боязни, конечно, впасть въ банальность. „Всѣ псалмы, говоритъ итальянская пословица, оканчиваются славословіемъ“, а пѣснь любви—славословіе всѣхъ романовъ. Де-Амичисъ, вмѣсто того чтобы самому спѣть ее намъ, предпочитаетъ оставить насъ при одной догадкѣ: эта сдержанность даетъ волю нашему воображенію и въ особенности воображенію учителей и учительницъ итальянскихъ школъ, которые съ удовольствіемъ читаютъ эту книгу. Но истинная прелесть книги не въ этомъ. Какъ и всегда, де-Амичисъ прилагаетъ свой талантъ артиста, чтобы дать намъ очерки многихъ картинъ, схваченныхъ изъ жизни деревни, и его книга въ переводѣ могла бы также заинтересовать иностранныхъ школьныхъ учителей, которые научились бы узнавать своихъ итальянскихъ товарищей по мукамъ, точнѣйшимъ образомъ воспроизведеннымъ первокласснымъ писателемъ. Нѣкоторыя тонкости, схватить которыя возможно только при знакомствѣ съ нравами нашихъ деревень, могутъ ускользнуть быть-можетъ отъ иностранныхъ читателей,

точно такъ, какъ извѣстныя частности *Мертвыхъ Душъ* Гоголя и другіе мѣстные оттѣнки провинціальной русской жизни утрачиваютъ въ иностранномъ переводѣ часть своей прелести. Нѣкоторыя черты, которыя вызовутъ улыбку на устахъ или слезы на глазахъ читателя-Итальянца, оставятъ русскаго читателя равнодушнымъ; но талантъ де-Амичиса такъ блистателенъ, и искусство его, какъ большаго писателя въ созданіи общаго типа изъ анализируемыхъ имъ лицъ, такъ велико, что въ большинствѣ случаевъ его дарованіе заинтересуетъ всякаго развитаго читателя, безъ различія національности.

Его послѣднее произведеніе, только что вышедшее и дополняющее *Сердце* и *Романъ одного учителя*, носитъ слѣдующее заглавіе: *Между школой и домомъ* (Fra Scuola e Casa). Очерки и разсказы. Де-Амичисъ и его издатель отлично выбрали свою публику, міръ читающій съ наибольшимъ интересомъ, міръ наиболѣе доходныхъ читателей—все еще міръ школъ. Каждый учитель пойдетъ на пожертвованія, чтобы прочесть и имѣть книгу де-Амичиса, которая его касается; польщенный тѣмъ, что имъ возбужденъ интересъ такого благороднаго таланта, онъ дѣлаетъ его своимъ любимымъ авторомъ, проповѣдуетъ его всюду. Со спекулятивной точки зрѣнія, всякая книга де-Амичиса, касающаяся школъ, заранѣе обезпечена успѣхомъ; съ точки же зрѣнія удовлетворенія нравственности и воспитанія и де-Амичисъ и его издатель, конечно, нашли лучшимъ для увеличенія эффекта обратиться къ школьнымъ учителямъ. Это благосклонное расположеніе хорошо подготовленной, симпатизирующей публики объясняетъ какимъ это образомъ—книга простыхъ очерковъ, сейчасъ по выходѣ, имѣетъ уже три изданія. Да, каждый очеркъ, въ своемъ родѣ, есть верхъ тонкой наблюдательности ума и душевнаго равновѣсія; таковы напр.: *Библіотека для дѣвочекъ. (Libraio dei Ragazzi)*, или трогательный романъ въ миніатюрѣ, какъ напр.: *Драма въ школѣ* (*Drama nella Scuola*), или напр. хорошенькая сказочка: *Любовь и гимнастика* (Amore e ginnastica). Однако сомнительно, чтобы всѣ бѣдные школьные учителя, которые купятъ послѣднюю книгу для успокоенія совѣсти, признались, что получили достаточно за свои деньги. Общее имѣетъ видъ мозаики, а мозаика имѣетъ свойство никогда не производить большаго впечатлѣнія; такимъ образомъ эту послѣднюю книгу можно разсматривать какъ вѣнецъ цѣлой серіи произведеній и послѣднее слово де-Амичиса къ школьнымъ учителямъ.

Выпуская *Первое Мая* (Il primo Maggio), которое появится въ ноябрѣ мѣсяцѣ, онъ хочетъ обратиться къ другой публикѣ, къ рабочимъ, къ цѣлому страстному народу, котораго, конечно, онъ и увлечетъ своимъ талантомъ. Де-Амичисъ приготовляется уже много мѣсяцевъ къ этой новой кампаніи конференціями, статьями; ожидали даже, что онъ, какъ соціалистъ, вступитъ въ Итальянскій парламентъ; но онъ отстранилъ свою кандидатуру въ Туринскомъ Коледжѣ, онъ пожелалъ остаться работникомъ пера. Можетъ-быть его семейныя обстоятельства не позволяютъ ему оставить свою семью, состоящую изъ жены, бывшей школьною учительницей, и дѣтей, и переселиться изъ Турина. Жизнь депутата слишкомъ поглощаетъ человѣка для того, чтобы писатель, который всѣ рессурсы свои имѣетъ отъ своего пера, могъ бы отдаться этому вихрю. Де-Амичисъ, вѣроятно, рѣшился сохранить свою независимость и поставить свою народную трибуну на книгахъ, которыя онъ думаетъ написать. Намъ остается только пожелать, чтобъ артистическое его чувство сохранило его отъ увлеченій и заблужденій новопосвященнаго въ новую соціальную религію, которой онъ отдалъ съ нѣкотораго времени свое имя, и, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту предполагаетъ посвятить весь свой чудный талантъ.

Анжело де-Губернатисъ.

Римъ. Іюнь 1892

ПО ПОВОДУ ПРОЧИТАННАГО.

(Продолженіе.)

Ora et Labora! *Труды Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.* Выпускъ XXX. Цѣна 1 рубль. Москва. 1892 г.

Прошлый разъ мы высказывали наши мысли о ростовщичествѣ и говорили объ обязанности государства вырвать съ корнемъ это ужасающее зло. Мы снова возвращаемся къ этому вопросу, чтобы выяснить его подробнѣе и попытаться найти такія формы денежныхъ сдѣлокъ, которыя бы, по возможности, устранили самую причинность такого явленія, какъ ростовщичество. Мы говорили, что мѣрой къ уничтоженію ростовщичества, широко раскинувшаго свои корявыя и цѣпкія вѣтви по всему необъятному пространству нашей Россіи, должны служить карательные законы о ростовщичествѣ и ростовщикахъ, причемъ указывали, что понятіе о лихвенныхъ (безнравственныхъ) процентахъ должно быть доведено до своего историческаго maximum'а, то-есть до 6% годовыхъ и безусловно, какъ основа, войти въ систему этихъ карательныхъ законовъ. Конечно, государству необходимо будетъ одновременно оглядѣться въ собственномъ государственномъ хозяйствѣ и прежде всего выполоть тѣ плевелы, которые повыросли въ немъ, въ родѣ, напримѣръ, начисленія на недоимки пеней въ размѣрѣ одного процента въ мѣсяцъ или 12% годовыхъ. Такая величина взимаемаго процента находится въ несоотвѣтствіи съ достоинствомъ государства, которое существуетъ единственно для цѣлей общественнаго блага. Или, неужели можно серьезно думать, что такая пеня, разсматриваемая какъ извѣстное гражданское наказаніе за неисполненіе обязательства, можетъ имѣть воспитательное значеніе или исправительное? На практикѣ вотъ

что̀ бываетъ: бо̀льшая часть государственныхъ платежей (намъ думается, что безошибочно $^2/_3$ всѣхъ платежей) поступаетъ несвоевременно, съ пенями. Такое явленіе, повторяющееся изъ года въ годъ, требуетъ серьезнаго изученія и можетъ быть объясняемо двояко: — или недоимочные плательщики производятъ платежи несвоевременно по доброй волѣ и находятъ даже словно выгоднымъ уплачивать на эти деньги 1% въ мѣсяцъ, тогда никакое наказаніе, какъ видно изъ практики годовъ, не достигаетъ цѣли, или, наоборотъ, что̀ въ дѣйствительности и составляетъ правду — экономическія условія плательщиковъ таковы, что уплата повинностей является, съ одной стороны, дѣломъ не легкимъ, съ другой же стороны неудобнымъ, невозможнымъ въ установленные сроки.[1] Тогда государство должно придти на помощь плательщикамъ, а не взимать на неуплаченный капиталъ 12% годовыхъ. Съ кого, спрашивается, берется эта пеня? очевидно, съ тѣхъ же плательщиковъ, подрывая весьма послѣдовательно, по годамъ, все болѣе и болѣе ихъ податныя силы. Возразятъ, — что̀ же дѣлать государству? вѣдь и ему въ этихъ случаяхъ приходится заимствоваться. Сколько оно платитъ? Предположивъ даже, что временно, вслѣдствіе политическихъ осложненій, эти позаимствованія государствомъ оплачивались бы процентами выше 6%, что̀ имѣетъ уже характеръ исключенія, все же, въ общемъ, государство болѣе 6% годовыхъ за деньги не платитъ, а посему и могло бы взимать съ недоимщиковъ только 6% годовыхъ ($^1/_2$% въ мѣсяцъ), памятуя, что государство существуетъ для блага своихъ подданныхъ. Если сразу было бы трудно отмѣнить подобное начисленіе, справедливость требовала бы, чтобъ изъ этихъ начисленій теперь же отчислялось 6% въ возвратъ дѣйствительнаго ущерба отъ несвоевременнаго поступленія податей, а 6% должны бы были отчисляться въ особый фондъ для покрытія тѣхъ же ущербовъ. Можетъ-быть, наша тягота создала бы облегченіе нашимъ дѣтямъ или внукамъ! Эта пеня въ 12% годовыхъ имѣетъ черезчуръ характеръ коммерческихъ сдѣлокъ; тогда бы, для послѣдовательности, слѣдовало установить скидку тоже 12% годовыхъ за досрочный взносъ податей...

Вообще, какъ только государство внимательно обдумаетъ свое положеніе въ данномъ дѣлѣ — отмѣна пеней 12% годовыхъ и

[1] Въ настоящее время уже разсматривается въ особой коммиссіи вопросъ объ измѣненіи существующихъ сроковъ взноса повинностей. *Прим. Ред.*

установленіе, вмѣсто прежнихъ, пени въ размѣрѣ 6% годовыхъ является дѣломъ совершенно послѣдовательнымъ.

Въ Россіи, государствѣ по преимуществу земледѣльческомъ, благосостояніе котораго можетъ наростать только медленнымъ путемъ составленія сбереженій, накопленія средствъ въ хорошіе годы, хотя бы только для того, чтобы покрывать недоборы плохихъ лѣтъ, вопросъ о процентѣ въ денежныхъ сдѣлкахъ, въ кредитѣ, который можетъ и должно находить земледѣльческое и землевладѣльческое сословіе, есть вопросъ первенствующей важности,—положеніе это не требуетъ особыхъ доказательствъ. А когда на этомъ фонѣ плодится и множится особая разнообразнѣйшая порода ростовщиковъ, положеніе начинаетъ быть и трагическимъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы желаемый законъ о ростовщикахъ и ростовщичествѣ повторилъ старую ошибку въ этомъ направленіи, занялся особымъ огражденіемъ земледѣльческаго сословія вообще. Вотъ что̀ говоритъ авторъ брошюры: „Современные хозяйственные вопросы", о которой мы дали отчетъ въ прошлой бесѣдѣ.

„Обыкновенно при изданіи закона о ростовщикахъ стремятся оградить лишь крестьянъ или городскихъ пролетаріевъ, но Штейнъ [1] справедливо замѣчаетъ, „что тлетворная дѣятельность ростовщиковъ проявляется одинаково вредно и относительно имущихъ классовъ, и людей, живущихъ опредѣленнымъ доходомъ. Здѣсь, во многихъ случаяхъ, ростовщичество переплетается съ шантажемъ. Цѣль, какъ всегда — пріобрѣтеніе чужого имущества или дохода. Средства—самыя сложныя и разнообразныя. Для болѣе успѣшнаго дѣйствія шайки требуется развитіе страстей у жертвы, для чего подставляются мнимые друзья, которые втягиваютъ слабаго человѣка во всякаго рода излишества, а тутъ и является ростовщикъ со своимъ предложеніемъ услугъ."

Такое широкое, повторяемъ, развитіе ростовщическихъ операцій кредита, очевидно, вызывается неправильною постановкой личнаго кредита. Многое множество голосовъ раздавалось и раздается, что великое число основательныхъ, серьозныхъ, выгодныхъ предпріятій или должно держаться при невозможно высокомъ учетномъ процентѣ, или погибнуть, а эти оба положенія, всѣмъ извѣстныя, вызываютъ не много охотниковъ трудиться надъ этими камнями Сизифовъ. И это еще въ области, гдѣ существуетъ

[1] Лоренцъ фонъ-Штейнъ: Der Wucher und Sein Recht. 1880.

все-таки развитая система торговаго кредита, правда доступнаго немногимъ счастливцамъ! А тутъ, рядомъ, землевладѣніе никакъ не найдетъ себѣ нужный до-зарѣзу кредитъ, чуть только восточные мертвые вѣтры, свободно пролетая черезъ необъятныя площади срубленныхъ изъ вѣка лѣсовъ, изсушатъ ему нивы, а въ нихъ корни потомъ политыхъ хлѣбовъ. А земледѣльцы?

Намъ приходилось читать гдѣ-то, что еврейскій кагалъ, заботясь о своихъ единовѣрцахъ, черезъ надлежащіе органы, снабжаетъ ихъ въ извѣстномъ опредѣленномъ для каждаго лица размѣрѣ денежною ссудой на короткій срокъ. Не размѣры взимаемаго при этомъ процента, обусловливаемые особенностями самой народности, заслуживали бы нашего вниманія, а самая идея и начало осуществленія этой мѣры, обезпечивающей Еврею, члену данной общины, возможность имѣть всегда периодическую, но могущественную денежную поддержку. Одно сознаніе увѣренности въ этой поддержкѣ — уже великая сила! Отчего бы государству не попытаться создать нѣчто подобное для своихъ подданныхъ?

Такъ проста эта мысль, что самая простота ея заставляетъ робѣть человѣка, ее высказывающаго: — „отчего-бы государству не попытаться создать....“?

Нѣтъ, государству слѣдуетъ подумать и пора подумать объ установленіи простой, ясной системы внутренняго кредита исключительно въ своихъ рукахъ. Только оно одно имѣетъ и право и возможность преслѣдовать въ этомъ вопросѣ исключительное благо подданныхъ, условіями современной жизни поставленныхъ въ необходимость имѣть этотъ кредитъ. Основнымъ принципомъ внутренней финансовой политики государства можетъ и должно быть стремленіе къ достиженію такого порядка вещей, чтобы всякій нуждающійся получалъ эту помощь отъ государства и его органовъ. Слѣдуетъ помнить, что еще недавно Манчестерская школа область желѣзнодорожнаго дѣла считала исключительно достояніемъ частной акціонерной иниціативы, но сначала Германія, а въ наши дни и наше отечество, владѣютъ неоспоримыми данными, что область эта перерождается въ рукахъ правительственной власти: нужные для этихъ цѣлей капиталы правительство имѣетъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чистый доходъ возрастаетъ въ связи съ болѣе нормальною дѣятельностью общихъ, а не спеціальныхъ тарифовъ, при несо-

личенномъ улучшеніи матеріальной стороны дѣла—улучшеніи путей, подвижнаго состава, передвиженія грузовъ и т. д.

Такъ и въ интересующемъ насъ вопросѣ: отчего бы государству не установить на этомъ принципѣ нѣчто въ слѣдующемъ родѣ:—Принявъ за единицу, положимъ, сословія въ уѣздѣ, дворянское, купеческое и городскихъ обывателей и, наконецъ, крестьянское, обязать ихъ выработать для каждаго изъ сочленовъ своихъ размѣры возможнаго для каждаго личнаго кредита, принимая въ соображеніе имущественное положеніе даннаго лица, землевладѣльца, или служилаго, или торговца, или промышленника за круговою другъ за друга отвѣтственностью? Поясненіемъ этому могутъ служить кредиты, открываемые торговымъ людямъ банковыми учетными комитетами, пріемы, употребляемые нашими крупными коммерческими фирмами для опредѣленія кредитоспособности иногородныхъ и городскихъ покупателей, часто никакого видимаго состоянія, кромѣ очень дѣльной головы и честнаго сердца, не имѣющихъ.

Такіе списки, на право зачисленія въ которые имѣлъ бы право всякій обыватель въ средѣ своего, скажемъ, сословія, послѣ надлежащаго утвержденія и оглашенія во всеобщее свѣдѣніе, замѣнили бы для нихъ въ сферѣ личнаго кредита—залоговыя свидѣтельства кредита вещнаго, и затѣмъ данное лицо въ размѣрѣ разрѣшеннаго кредита могло бы во всякое время получить ссуду изъ мѣстнаго уѣзднаго казначейства за самые умѣренные проценты.

Это только слабый намекъ на то стройное цѣлое, которое могло бы быть выработано на этомъ основаніи, и еслибы когда-либо ему суждено было увидать жизнь, мы желали бы одного, чтобы казначейство брало съ заемщиковъ какое угодно обязательство, только не „вексель“, этотъ чуждый нашему духу и старому обычаю документъ. Возможности осуществленія такой системы кредита, когда дѣйствительная власть въ цѣлой области личнаго кредита перейдетъ въ руки правительства, будутъ всѣми силами противустоять ростовщики и князья всякихъ биржъ, выставляя цѣлыя версты всякихъ затрудненій и страховъ; нужно-ли ихъ бояться? Самое, повидимому, сильное возраженіе сведется къ тому,—откуда государству взять такую уйму денегъ, когда всякій, получивъ кредитъ, пожелаетъ и осуществить его.?

Откуда возьмутся деньги? Не знаю, но знаю, что найдутся. Я помню, мнѣ разсказывалъ одинъ извѣстный золотоискатель и

знатокъ золотой промышленности К., что, по крайней мѣрѣ, половина добываемаго въ Россіи золота, черезъ прінсковыхъ Евреевъ и своихъ русскихъ прінсковыхъ перекупщиковъ за гроши уплываетъ за границу, и что все это возможно совершенно уничтожить развитіемъ старательскихъ артелей съ правильною кредитною поддержкой, надзоромъ и организаціей.

А что артелямъ вѣрить можно—извѣстно правительству, держащему таможенное дѣло въ рукахъ артелей. И тутъ, стало-быть, явятся новыя деньги и не маленькія, а такихъ источниковъ много у насъ на Руси,—стоитъ только оглядѣться хорошенько! Вотъ если желѣзныя наши дороги перейдутъ въ правительственную эксплуатацію, что было намъ возвѣщено уже давно въ программѣ министра Финансовъ И. А. Вышнеградскаго, такъ много сдѣлавшаго добра Россіи, не малое количество денегъ прибавится и тутъ ежегодно у государства.

Я только положительно настаиваю на началѣ круговаго ручательства въ системѣ такого желательнаго кредита. При этомъ только началѣ возможныя потери легко и просто возмѣщаются массой лицъ: — „съ міра по ниткѣ"... для чего возможно начисленіе на годовые проценты извѣстной малой величины, которая бы шла на образованіе особаго резервнаго фонда, на покрытіе этихъ потерь. Повторяемъ, мы далеки отъ мысли представить въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ что-либо законченное по данному вопросу, но мы съ увѣренностью подтверждаемъ, что на вышеуказанныхъ основаніяхъ возможно установленіе въ Россіи стройной системы личнаго государственнаго взаимнаго кредита и такое начало принесетъ съ собою такую массу добра, о которой трудно себѣ составить представленіе! И система эта можетъ быть проведена цѣликомъ, а не частями, не требуя для этого особой, на этотъ случай созданной администраціи,—существующіе органы правительственной власти и власти общественной могутъ раздѣлять между собою многообразную работу по этому дѣлу И тутъ, какъ вездѣ, уцѣлѣвшее помѣстное дворянство, призванное нынѣ занимать такое выдающееся положеніе въ мѣстномъ земствѣ, можетъ стать тою опорой, тою исходною точкой, отъ которой пойдетъ начало организаціи такого государственнаго взаимнаго кредита, который, прежде всего, поддержитъ провинціальное землевладѣніе отъ посягательства всякихъ кулаковъ, ростовщиковъ и прочей ползающей нечести!

Правительство наше и сейчасъ дѣлаетъ многое въ этомъ напра-

вленіи, [1] постепенно очищая созданное отъ недостатковъ, упрощая самую систему пользованія существующими для общества формами кредита. Мы имѣемъ въ виду, еще недавно, въ іюлѣ этого года, обнародованное Высочайшее повелѣніе отъ 29 мая 1892 года, по которому „въ видахъ вящшаго облегченія, разсмотрѣнія просьбъ землевладѣльцевъ, имѣнія коихъ заложены въ Государственномъ Дворянскомъ Земельномъ Банкѣ, объ открытіи имъ въ Государственномъ Банкѣ кредитовъ подъ соло-векселя, на основаніи Высочайше утвержденнаго 24 января 1884 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта“, Высочайше разрѣшено, въ видѣ опыта на одинъ годъ, разрѣшать такія просьбы, не внося ихъ предварительно на обсужденіе учетнаго комитета, въ тѣхъ случаяхъ, когда испрашивается кредитъ не свыше 10% оцѣнки заложеннаго въ Дворянскомъ Банкѣ имѣнія. Пошли Богъ возможно широкаго примѣненія настоящаго закона и его распространительнаго толкованія въ подлежащихъ учрежденіяхъ, такъ какъ редакція закона такого разумнаго, такого благодѣтельнаго, тѣмъ не менѣе создаетъ для заемщиковъ Дворянскаго Банка не *право* „воспользоваться этою льготой, а только *возможность*:—„допустить обсужденіе означенныхъ просьбъ правленіемъ Государственнаго Банка“, какъ говоритъ новый законъ. Такая формулировка положенія на практикѣ, конечно, создастъ ту или другую степень добра единственно въ зависимости отъ состава тѣхъ лицъ, которыя будутъ разрѣшать поступающія ходатайства. Нужно надѣяться, что эти люди сами, и въ лицѣ дальнихъ и близкихъ родныхъ, заслуживающихъ довѣрія знакомыхъ, по знакомству своему съ литературой вопроса (литературой, можно сказать, ежедневною) знаютъ мѣстныя нужды, почти всегда безвыходное положеніе нуждающихся землевладѣльцевъ, и разумнымъ примѣненіемъ своего права быстро создадутъ дѣйствительное облегченіе нуждающимся, положенное въ основаніе самаго Высочайшаго повелѣнія. Такая благодѣтельная мѣра, какъ соло-векселя, для лицъ, владѣющихъ недвижимыми имѣніями, сколько намъ извѣстно изъ практической жизни, не могла привиться до нашихъ дней, такъ велики и продолжительны хлопоты для нуждающихся, пока это благодѣяніе государственное дойдетъ до нихъ. Открытіе

---

[1] Начала меліоративнаго кредита, проектомъ котораго занято въ настоящее время правительство, можетъ только частично удовлетворить общую потребность. *Прим. Ред.*

такого кредита въ малыхъ размѣрахъ для маленькихъ имѣній почти недоступно—одна масса необходимо для этого представляемыхъ документовъ подавитъ скромнаго маленькаго человѣка. Но пусть это сдѣлано и, въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ, томительныхъ ожиданій получается разрѣшеніе на открытіе не необходимаго кредита, а только [illegible] части его! И вотъ кредитъ этотъ, какъ въ большинствѣ случаевъ кредитъ торговый въ банкахъ, остается въ пользованіи сильныхъ, большихъ людей и безъ того никогда въ кредитѣ не имѣвшихъ нужды, или людей сильныхъ связями; масса же, для которой самый законъ явился въ жизнь, осталась внѣ его. Что-то теперь Богъ пошлетъ! А необходимость кредита чувствуется болѣе чѣмъ когда либо:—теперь многіе изъ землевладѣльцевъ средней Россіи будутъ нуждаться, потому что во второй разъ видятъ неурожаи на своихъ поляхъ, сами едва, едва справившись съ послѣдствіями неурожая 1891 года.

Памятенъ будетъ въ жизни нашего поколѣнія этотъ 1891 годъ! Подождетъ онъ своего историка, который въ стройномъ цѣломъ представитъ намъ его мрачную картину. Мы теперь можемъ только въ частяхъ, отрывочно, знакомиться съ его экономическими итогами. Для этого случая драгоцѣннымъ матеріаломъ могутъ послужить вышедшіе недавно *Труды Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. Выпускъ* XXX. *Москва*.

Въ обществѣ весьма мало распространено знакомство съ этими интересными сборниками Московскаго Общества Сельскаго Хозяйство, а между тѣмъ это почтенное учрежденіе даетъ въ трудахъ своихъ массу матеріала, для знакомства съ нашимъ отечествомъ и его экономическою жизнью. Посмотримъ, какое отраженіе получили въ немъ, въ этомъ серьезномъ ученомъ обществѣ, итоги пережитаго 1891 года.

Выпускъ XXX Трудовъ содержитъ въ себѣ журналы засѣданій Общества съ 29 ноября 1891 года по 29 апрѣля 1892 года, всего десяти засѣданій, и нижеслѣдующіе доклады: 1. *Князя А. Г. Щербатова:* „О засухѣ и мѣрахъ борьбы съ нею.“ 2. *Г. И. Аристова:* „Объ орошеніи полей.“ 3. *Д. И. Воейкова*: „Обводненіе Заволжскихъ степей и общественныя работы.“ 4. *В. И. Завадскаго*: „Цѣны на хлѣбъ въ настоящемъ году.“ 5. *М. А. Савельева:* „О мѣрахъ противъ засухъ, бездождія и неурожаевъ въ Россіи.“ 6. *И. І. Шатилова*: „1891 годъ въ батрачномъ хозяйствѣ средней черноземной Россіи.“ 7. *Генерала М. Н.*

Анненкова: „О мѣрахъ къ уменьшенію засухъ". 8. *Письмо князя А. Г. Щербатова:* „По поводу обсужденія вопросовъ въ Императорскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства". Затѣмъ слѣдуетъ: Отчетъ о дѣятельности Общества и его учрежденій за 1891 г., имѣющій уже болѣе частный характеръ.

Въ теченіе всего времени, обнимающаго двѣнадцать засѣданій Общества, мы имѣемъ много докладовъ, съ той или другой стороны касающихся какъ тяжелыхъ экономическихъ условій 1891 года, такъ и причинъ ихъ бытія. Но засѣданіе 24 апрѣля 1892 уже всецѣло посвящено этому вопросу и, по предложенію президента Общества, князя А. Г. Щербатова, обсуждалась цѣлая програма по изученію причинъ неурожая и мѣръ, могущихъ предупредить засухи на будущее время, и Общество постановило: на собранныя по подпискѣ между членами деньги (за неимѣніемъ сверхбюджетныхъ суммъ) командировать лицо, или нѣсколько лицъ, въ пострадавшія отъ неурожая губерніи, чтобы на мѣстѣ собрать свѣдѣнія о неурожаѣ и причинахъ его, по составленной и выработанной программѣ, и 2) программу эту разослать какъ членамъ Общества, такъ и разнымъ учрежденіямъ: сельскохозяйственнымъ обществамъ, губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства и предсѣдателямъ земскихъ управъ въ пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ, вмѣстѣ съ обстоятельнымъ письмомъ, мотивирующимъ какъ цѣли программы, такъ и характеръ желаемыхъ на нее отвѣтовъ.

Система разсылки вопросовъ, съ цѣлью получить возможно большее количество на нихъ отвѣтовъ,—явленіе послѣднихъ годовъ; такъ гр. Л. Н. Толстой разсылалъ свои вопросы за границей, нѣкоторые писатели дѣлали то же. Мы подождемъ результатовъ обобщенія этихъ отвѣтовъ, чтобы высказать мнѣніе о самой системѣ, теперь же не лишнимъ будетъ ознакомить и нашихъ читателей съ этою программой. Вѣроятно, Московское Сельскохозяйственное Общество заинтересовано въ полученіи возможно бóльшаго числа отвѣтовъ, а можетъ-быть кто-либо изъ нашихъ читателей найдетъ возможнымъ и умѣстнымъ послать свои соображенія и сообщенія по этому серьезному, великому вопросу. Вотъ эта программа въ дословной передачѣ:

„1. Къ какой мѣстности (имѣнію, селенію или волости) относятся сообщаемыя вами свѣдѣнія?

„2. Былъ ли прошлогодній неурожай исключительный, или случались такіе же неурожаи раньше?

„3. Былъ ли прошлогодній неурожай такъ пагубенъ вслѣдствіе полнаго недорода въ данной мѣстности, или вслѣдствіе повсемѣстнаго его распространенія?

„4. Слѣдуетъ ли приписать неурожай хлѣбовъ и травы исключительно недостатку атмосферной влаги, или повліяли на неурожай и другія причины, какъ-то: майскіе морозы, горячіе вѣтры, засушившіе хлѣбъ и травы, вредныя насѣкомыя и проч.?

„5. Недостатокъ дождей въ прошломъ году.—было ли явленіе исключительное, или повторялось въ прежніе годы. Если дѣлались метеорологическія наблюденія, то просятъ приложить?

„6. Въ какой періодъ произрастанія повліяла засуха на урожай?

„7. На какіе посѣвы менѣе и на какіе болѣе и при какихъ условіяхъ засуха повліяла?

„8. Было ли замѣчено, чтобы предохраняли отъ дѣйствій засухи близость рѣкъ или прудовъ, лѣсныхъ насажденій, глубокая или улучшенная обработка земли, посѣвъ растеній, пускающихъ глубокіе корни, высѣваемые раньше или позже другихъ смѣшанные посѣвы и т. д.?

„9. Слѣдуетъ ли приписать нужду населенія исключительно неурожаю или тоже экономическимъ условіямъ, повліявшимъ на торговлю хлѣбомъ подъемомъ цѣнъ?

„10. Не наблюдалось ли въ вашей мѣстности вліяніе плужной пахоты на предупрежденіе послѣдствій засухъ?

„11. Слѣдуетъ ли систематично поощрять устройство запрудъ, рытье артезіанскихъ колодцевъ, посадку лѣсныхъ опушекъ?

„12. Необходимы ли для предупрежденія неурожая какія-либо сельско-хозяйственныя узаконенія правительственныхъ мѣръ, учрежденія мѣстныхъ органовъ для содѣйствія и руководства сельской промышленности, командировки спеціалистовъ-консультантовъ?“

Уже въ первомъ своемъ засѣданіи 29 ноября 1891 года Общество заслушиваетъ докладъ своего сочлена М. А. Савельева (бывшаго ученика Земледѣльческой школы), въ которомъ докладчикъ весьма талантливо устанавливаетъ понятіе о томъ, что̀ такое голодъ и его послѣдствія для отдѣльнаго лица, массы лицъ, общества и государства. Картина, рисуемая докладчикомъ, хватаетъ за сердце:

„Жить впроголодь намъ не привыкать стать. Русскій рабочій и вообще искони привыкъ къ объемистой, но малопитательной пищѣ: черный хлѣбъ, картошка, мурцовка, сѣрыя

пустыя щи, такая же похлебка, изрѣдка каша. — вотъ обыкновенное его меню; мясо и сахаръ онъ видитъ лишь по праздникамъ. Единственный болѣе питательный продуктъ крестьянина— это молоко и его производныя. Но за безкормицей, когда сѣно доходитъ до 80 к. за пудъ и дороже, должно уменьшиться и количество домашняго скота, а, слѣдовательно, и въ молочныхъ продуктахъ будетъ недостатокъ. Вмѣсто муки появляются въ продажѣ торица, подсѣвъ, лебеда, цѣной до 70 к. и свыше за пудъ. Въ ржаной мукѣ встрѣчаются подмѣси, фальсификаціи, стало-быть, селянинъ въ голодающихъ губерніяхъ лишается даже и настоящаго ржанаго хлѣба...“

А кто знаетъ, до какого ужаса доходитъ *простота* голодовки въ деревнѣ? Въ городахъ голодный человѣкъ жалуется, требуетъ, шумитъ, своею внѣшностью какъ-то требовательно говоритъ вамъ, что онъ голоденъ, зоветъ васъ на помощь, ну а въ деревнѣ голодъ ходитъ тихо, тихо, съ тѣмъ поразительнымъ спокойствіемъ, съ какимъ, право, представляешь себѣ древнихъ христіанъ, идущихъ на муки! Въ деревнѣ, гдѣ подчасъ другія сутки не ѣдятъ уже — тихо, идущіе по нуждѣ люди двигаются все такъ же, какъ это водилось прежде, и только ужасающая блѣдность лицъ, потухшій блескъ глазъ, да дрожаніе губъ и конечностей выдаетъ предъ вами ихъ состояніе. Спаси Богъ видѣть подобное!....

„Достатокъ хлѣба, продолжаетъ авторъ, его дешевизна, его хорошее качество, какъ главное звено въ той замкнутой, круговой, колѣнчатой цѣпи, которою вращается съ извѣстною скоростью народно-государственное хозяйственное колесо—въ неурожайные годы замѣняется недостаткомъ въ хлѣбѣ, его дороговизной и плохимъ сравнительно качествомъ.“

„Независимо отъ исчисляемаго милліардами рублей убытка, который самъ собою вытекаетъ изъ непроизводительно и безслѣдно пропавшаго чуть не за цѣлый годъ тяжкаго труда десятковъ милліоновъ земледѣльцевъ на десяткахъ милліоновъ десятинъ полей, въ иныхъ мѣстахъ не возвратившихъ даже и сѣмянъ,— являются для государства, какъ слѣдствіе неурожая, еще и косвенные, не менѣе колоссальные ущербы, каковы, напримѣръ: бѣдность и нищета населенія, увеличеніе заболѣваемости, смертности и преступности между голодающими, застой въ промышленности, чуть не кризисъ въ торговлѣ, не говоря уже о сокращеніи годичнаго прироста народонаселенія на 2—3 года или болѣе, и о

финансовыхъ потеряхъ отъ биржеваго курса, въ зависимости отъ ввоза и вывоза товаровъ по внѣшней торговлѣ за это, по истинѣ, тяжелое время. Да и кому вообще неизвѣстно, что неурожай хлѣба, особенно на такой обширной площади, какой былъ въ минувшее лѣто—почти на ⅓ части всей Европейской Россіи—почитается вполнѣ тяжелымъ народнымъ бѣдствіемъ?“ Докладчикъ причину самаго факта неурожая видитъ въ засухахъ. За послѣднія 10 лѣтъ эти засухи, эта безхлѣбица и безкормица стали у насъ чуть не хроническимъ явленіемъ „въ связи съ небывалымъ доселѣ обмелѣніемъ такихъ рѣкъ, каковы: Волга, Донъ, Днѣпръ и другія...“ Причинность же засухъ и обмелѣнія рѣкъ докладчикъ видитъ въ варварскомъ истребленіи нашихъ лѣсовъ, въ пренебреженіи къ самимъ воднымъ хранилищамъ и рѣкамъ, ложно понятой пользѣ осушенія болотъ и разрабатыванія торфа... „Мы какъ бы сами ускорили тѣмъ появленіе засухъ въ предѣлахъ отечества по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе впередъ“, говоритъ онъ.

А какъ печать наша еще недавно ликовала, когда расчищались дунайскія гирла, уничтожались днѣпровскіе пороги, осушались пинскія болота, облегчая и ускоряя такимъ образомъ сливъ текучихъ и стоячихъ водъ въ моря, для сельскаго хозяйства, по крайней мѣрѣ, въ наши дни почти безполезныя, такъ какъ испаряемая ими вода выливается опять на землю часто тогда, когда это совсѣмъ перестало быть нужнымъ! Гдѣ былъ нашъ разумъ тогда! Докладчикъ въ особенности подробно останавливается на вопросѣ объ истребленіи лѣсовъ, краснорѣчиво цифрами доказывая, что мы давно уже расходуемъ лѣса ежегодно значительно болѣе годоваго прироста древесной массы и находитъ, что если правительство не приметъ теперь же многихъ и раціональныхъ мѣръ, то „дѣти и внуки наши будутъ очевидцами еще болѣе гибельныхъ засухъ и притомъ съ такимъ продолжительнымъ бездождіемъ, что вся южная и юго-восточная часть Россіи превратятся въ песчаную степь, тогда какъ рѣки: Волга, Донъ, Днѣпръ и другія займутъ положеніе Аму и Сыръ-Дарьи“.

Конечно, это представленіе немного содержитъ и licentiae poeticae, но оно и въ части своей такъ ужасно, что требуетъ серьезныхъ, спѣшныхъ мѣръ и изученія теперь же условій борьбы съ этимъ новымъ врагомъ человѣчества, имъ же самимъ себѣ вскормленнымъ! Докладчикъ доказываетъ, что выруб-

ленная уже площадь лѣсовъ въ 28 губерніяхъ за сто лѣтъ съ 1766 по 1864 г. лѣсовъ лучшихъ, вѣковыхъ, равна 35.559.000 десятинъ, представляя изъ себя оголенную поверхность въ 340.000 квадратныхъ верстъ (!!), представлявшую водный резервуаръ въ 533.385.000.000 пудовъ или 900.000.000 куб. саж. испарявшейся воды; затѣмъ, въ районѣ тѣхъ же губерній остается только 54.000.000 десят. лѣса, то-есть площадь достаточная „на удовлетвореніе текущихъ потребностей въ деревнѣ не болѣе какъ на 60—70 лѣтъ?“ Законодательныя мѣры объ ограниченіи права вырубки въ лѣсахъ частныхъ владѣльцевъ, охрана защитныхъ, по мнѣнію его, врядъ ли могутъ существенно вліять на измѣненіе существующаго порядка вещей; рекомендуя для этихъ цѣлей искусственное заболачиваніе земель, неотложное и капитальное улучшеніе уже существующихъ судоходныхъ водяныхъ системъ, сооруженіе новыхъ, устройство значительныхъ водохранилищъ съ шлюзами и каналами, какъ на главныхъ рѣкахъ, такъ и на притокахъ ихъ, искусственное облѣсеніе какъ вырубленныхъ площадей во внутренней Россіи, такъ и пустопорожнихъ земель на югѣ въ размѣрахъ крупныхъ, искусственнымъ, а гдѣ нужно и принудительнымъ обязательнымъ орошеніемъ полевыхъ и луговыхъ угодій (при выгодности и полной примѣнимости орошенія устройствомъ артезіанскихъ колодцевъ), вообще „вызвать къ большей дѣятельности всѣ факторы, участвующіе въ построеніи зерна и мяса, то-есть почву, теплоту, свѣтъ, физическій трудъ, техническія знанія, капиталъ и влагу, говоритъ докладчикъ, мы можемъ не иначе, какъ только путемъ искусственной ирригаціи угодій по всѣмъ существующимъ системамъ орошенія, сообразно мѣстныхъ условій того или другаго сельскохозяйственнаго района, призвавъ къ этому въ помощь весь запасъ кинетической тепловой энергіи во всѣхъ ея проявленіяхъ какъ силы: „въ формѣ вѣтра, падающей воды пара, коннаго привода, ручной работы, электричества и пр.“ Съ большимъ искусствомъ и съ большею подробностью и точнымъ знаніемъ дѣла авторъ развиваетъ и доказываетъ свои положенія, и докладъ его имѣетъ огромную цѣну потому еще, что весь проникнутъ горячею вѣрой въ то, что̀ говоритъ онъ.

Въ докладѣ есть весьма интересное краткое сообщеніе о трубномъ водопроводѣ по системѣ Голли, производящемъ искусственный дождь для цѣлей верховаго орошенія, и основанный на примѣненіи центробѣжной силы, „способной разбрасывать невѣроят-

ное количество воды въ кратчайшее время съ одной точки нахожденія..... по радіусу въ 30—40 саженъ, орошая такимъ образомъ въ одинъ пріемъ отъ 1½ до 2 десятинъ культурной площади, тоесть производя надъ этою площадью искусственный дождь столько времени, сколько будетъ желательно хозяину, регулируя при этомъ степень крупности дождевыхъ капель по мѣрѣ надобности особымъ приспособленіемъ." Докладчикъ надъ моделями аппарата проработалъ около семи лѣтъ и послѣ испытанія его въ практическомъ примѣненіи у себя на дачѣ обѣщаетъ результаты доложить Обществу текущею осенью.

Признаемся, мы давно не встрѣчали такой страстной проповѣди, страстнаго призыва къ борьбѣ съ сознаннымъ лишь въ недавнее время зломъ, и докладъ этотъ по достоинству можетъ быть рекомендованъ читателямъ, интересующимся судьбами нашей сельско-хозяйственной культуры и ея успѣхами въ современной жизни, не говоря уже о томъ, что этотъ докладъ обнимаетъ собою цѣлый рядъ точныхъ свѣдѣній о занимающемъ докладчика вопросѣ.

Мѣры, предлагаемыя докладчикомъ, резонны, правдивы, но страдаютъ лишь однимъ: для осуществленія своего онѣ потребуютъ не одного только желанія и рѣшимости, но совмѣстнаго гармоническаго развитія всѣхъ факторовъ, въ отдѣльности участвующихъ... „въ построеніи зерна и мяса." Поэтому-то мы врядъ ли дождемся даже начала этихъ работъ, приведенныхъ въ систему, но вѣроятно будутъ дѣлаться грандіозныя попытки осуществлять въ частяхъ его программу, гдѣ это будетъ полегче, да поудобнѣе.

Съ этой точки зрѣнія небезынтересны и другіе доклады, рекомендующіе разнаго рода мѣропріятія, ведущія къ той же цѣли и доступныя хозяевамъ-практикамъ. Такъ, князь Ал. Гр. Щербатовъ (президентъ Общества) рекомендуетъ въ докладѣ своемъ слѣдующія мѣры:

„1) Углубленіе и распространеніе пахотнаго слоя, въ видахъ задержанія въ почвѣ возможно большаго количества зимней влаги. 2) Травосѣяніе, какъ средство поддерживанія разрыхленія почвы при многопольномъ сѣвооборотѣ. 3) Лѣсныя насажденія на скатахъ вокругъ полей, съ цѣлью воспрепятствованія обнаженію возвышенныхъ мѣстъ отъ снѣга зимними вѣтрами. 4) Принятіе необходимыхъ мѣръ для сохраненія въ исправности русла ручейковъ и рѣчекъ (мѣра очень неопредѣленная и en fait de

рѣчекъ, не всѣмъ доступная). 5) Устройство запрудъ въ оврагахъ въ возможно-большемъ количествѣ.“ Признавая вообще полезность орошенія, о которомъ въ настоящее время такъ много говорятъ, князь Щербатовъ выступаетъ, однако, рѣшительнымъ противникомъ введенія въ Россіи систематическаго орошенія, какъ государственнаго предпріятія, полагая, что при этомъ: „потребность въ столь увеличенномъ производствѣ хлѣба не вызывается чрезмѣрною густотой населенія, что перепроизводство хлѣба поставитъ земледѣліе Россіи въ еще болѣе невыгодныя условія сбыта, къ выгодѣ мануфактурной производительности Западной Европы, что затраты капиталовъ и ихъ амортизація не соотвѣтственно лягутъ на земледѣліе, не могущее давать въ Россіи, напримѣръ, два урожая, и что явленіе засухи все-таки явленіе частное, но не общее“. Эта часть доклада почтеннаго докладчика не можетъ выдержать возраженій, которыя напрашиваются сами собой. Такъ, откуда это слѣдуетъ, что засухи— явленіе частное, когда изъ года въ годъ это явленіе становится почти ритмическимъ? или — врядъ ли возможно голословно ставить вопросъ о немедленномъ же перепроизводствѣ хлѣба къ выгодѣ друзей Европейцевъ.

Мы не остановимся на докладѣ г. Аристова „Объ орошеніи полей“, такъ какъ это прекрасный спеціальный докладъ только какъ прикладное начало входитъ въ циклъ разсужденій о неурожаѣ 1891 года и о причинахъ его. Интересующіеся способами задержанія влаги въ данной мѣстности найдутъ въ немъ очень недурныя указанія, какъ просто осуществлять желаемое. И тутъ повторяется старая человѣческая потребность—считать свое одно хорошимъ. Такъ, г. Аристовъ въ докладѣ своемъ отрицаетъ выгоду почвеннаго орошенія и, наоборотъ, выгоду при поливкѣ съ переносными трубами. А по нашему разуму, хорошо и выгодно то, что̀ мнѣ выгодно, что̀ я одолѣю; впрочемъ, авторъ доклада приходитъ къ тому же выводу, только предполагая, что почвенное орошеніе составляетъ достояніе однихъ богачей (стр. 27).

Докладъ Д. И. Воейкова объ обводненіи заволжскихъ степей и объ общественныхъ работахъ въ высшей степени интересенъ въ томъ же смыслѣ, т.-е. весьма подробно разбираетъ вопросъ о возможности оросительныхъ работъ и объ ихъ цѣлесообразности. Читатели найдутъ въ докладѣ этомъ вообще много интереснаго.

„Русская литература, говоритъ Д. И. Воейковъ,—по вопросу

объ орошеніи и обводненіи вообще очень бѣдна: вопросу этому какъ-то не повезло на нашей родинѣ. Если въ Крыму, а въ особенности на Кавказѣ и въ Средней Азіи, мы встрѣчаемъ замѣчательныя оросительныя работы, то онѣ не были дѣломъ русскаго христіанскаго населенія, а большею частью возведены тѣми послѣдователями Магомета, у которыхъ мы могли бы позаимствоваться многимъ добрымъ и по сложнымъ юридическимъ вопросамъ владѣнія, и пользованія землей. Извѣстно, что европейскіе идеалы о раскрѣпленіи всѣхъ связей между землей и человѣкомъ, о полной подвижности и свободѣ поземельной собственности, не выдержали вѣковаго испытанія: вездѣ оказалось, что эта мнимая свобода несетъ въ себѣ сѣмена худшаго рабства, что плевелы растутъ быстрѣе пшеницы, и что полная свобода поземельной собственности равносильна установленію новаго худшаго крѣпостнаго права,—въ пользу ростовщиковъ и жидовъ. Это побудило лучшіе умы въ Европѣ и Америкѣ работать надъ возстановленіемъ легкомысленно разрушеннаго: гомстеды, неотчуждаемость крестьянскихъ усадьбъ въ Германіи, работы Лепле во Франціи и К. П. Побѣдоносцева у насъ,—вотъ отвѣты людей науки и добра, вотъ то, чѣмъ они пытаются остановить легкомысленный революціонный потокъ. Спокойному мусульманину невѣдомы эти тревоги. Вся земля, со словъ Магомета, принадлежитъ султану, хеливу, хану: право на собственность имѣетъ одна верховная власть. Но народъ довольствуется болѣе реальнымъ правомъ—неотъемлемаго наслѣдственнаго пользованія землей, а это право, въ силу обычая и закона, пріобрѣтаетъ тотъ, кто оживилъ землю, а оживилъ землю тотъ, кто сухую, безплодную степь обратилъ проведеніемъ воды въ производительный участокъ. По магометанскому закону пользованіе этимъ участкомъ можетъ быть отнято у оживившаго или преемника его права не иначе, какъ въ наказаніе, вмѣстѣ съ отнятіемъ и всѣхъ гражданскихъ правъ."

Отрадно слышать въ собраніи ученаго общества такую рѣчь, хотя грустью мнѣ вѣетъ отъ нея! И еще грустнѣе становится, какъ вспомнишь, что въ томъ же Обществѣ, въ 1888 году, усопшій президентъ его, симпатичнѣйшій изъ людей, Іосифъ Николаевичъ Шатиловъ, произносилъ, читая свой докладъ объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній, почти тѣ же слова, указывалъ на мудрость нашихъ заатлантическихъ республиканскихъ друзей, объявившихъ неприкосновеннымъ усадьбы съ минимумомъ при

нихъ земли. Въ своемъ докладѣ покойный президентъ обосновывалъ свое понятіе о заповѣдности имѣній на удивительномъ для того времени указѣ Петра Великаго 23 марта 1714, отмѣненнаго въ царствованіе Анны Іоанновны и ничего общаго съ понятіемъ о майоратахъ не имѣвшаго, но, наоборотъ, узаконявшаго полную *свободу завѣщаній* при условіи: „Всѣхъ недвижимыхъ вещей, то-есть родовыхъ выслуженныхъ вотчинъ и помѣстій, также и дворовъ и лавокъ, не продавать и не закладывать, но обращаться онымъ въ родъ...“

Послѣ долгихъ горячихъ преній Общество постановило признать, что—„осуществленіе ходатайства Полтавскаго дворянства о разрѣшеніи устраивать заповѣдныя имѣнія можно признать за мѣру, могущую дѣйствительно повліять благотворно на сельско-хозяйственное развитіе дворянскаго землевладѣнія“ и какъ дополненіе къ этому положенію, желательность—распространенія права—„устройства заповѣдныхъ имѣній на личныхъ землевладѣльцевъ другихъ сословій“, что принципъ установленія недѣлимаго неотчуждаемаго участка безъ опредѣленія собственно съ сельскохозяйственной точки зрѣнія размѣра его, съ той же точки зрѣнія крайне важенъ — и постановлепіе это осталось забытое въ Трудахъ Общества! (Выпускъ XXIV стр. 56, 57.) Что же, спрашивается, дала намъ жизнь въ этомъ направленіи въ протекшіе затѣмъ годы? Ничего рѣшительно, такъ какъ юридическіе памятники этихъ лѣтъ, по вопросамъ объ учрежденіи заповѣдныхъ имѣній, не содержатъ ни одной общей мѣры, а лишь частныя, на каждый данный случай, причемъ весьма интересно, что всѣ онѣ рѣшительно соединяютъ понятіе заповѣдности съ системой, если можно такъ выразиться — *предопредѣленія* всѣхъ будущихъ наслѣдственныхъ переходовъ, совершенно игнорируя законъ 23 марта 1714 года, устанавливающій ясно понятіе о *русской заповѣдности!* Мы еще вернемся позднѣе къ этому вопросу. А между тѣмъ пора заняться этимъ вопросомъ и не по отношенію одного только крестьянскаго сословія, о неотчуждаемости надѣловъ котораго законъ близокъ къ своему выходу. Все сословіе земледѣльцевъ, разъ оно посвящаетъ свои силы, безразлично—личныя физическія, или умственныя и денежныя, такому труду, какъ труду земледѣльческому, подверженному наистрашнѣйшимъ рискамъ, должно быть поставлено въ такія условія владѣнія землей, которыхъ ничто не могло бы разрушить. Подвижность земельной собственности, когда сегодня я, завтра никому невѣдомый

человѣкъ, расшатываетъ въ корень самую возможность облить свою ниву—своею кровью. Отъ тюрьмы да отъ сумы никто не отказывайся—говоритъ народная мудрость, и въ нашъ многосложный и многострадальный вѣкъ это напоминается намъ ежедневно и въ близкихъ, и въ дальнихъ намъ, и кого же заставишь теперь, создавая что-либо въ деревнѣ, не мучиться ужасною мыслью: а будетъ ли здѣсь жить сынъ мой? и не выдеретъ ли съ корнемъ эти розаны, жасмины, не срубитъ ли эти вѣковые, въ аршинъ въ діаметрѣ дубы, клены, липы, березы какой-нибудь разъѣвшійся Ковыряевъ (если не пресловутый „Колупаевъ“?). И жутко встаютъ въ воображеніи видѣнныя сцены судебной продажи движимости въ деревнѣ: столъ вынесенный на широкій дворъ у параднаго крыльца, разношерстную толпу покупателей, галдящую, шумящую, гдѣ изрѣдка вы встрѣтите шляпу мѣстнаго же землевладѣльца съ сконфуженнымъ, краснымъ лицомъ; судебный приставъ съ птичьею физіономіей, въ цѣпи, побрякивающей мягко при быстрыхъ движеніяхъ его, съ засунутымъ за бортъ сюртука знакомъ... А изъ парадной двери на всю эту сцену смотритъ блѣдное, блѣдное, не молодое лицо женщины, къ которой прижимается тонкій, худой мальчикъ, съ не по лѣтамъ серьезнымъ, какимъ-то безсознательно злымъ, выраженіемъ лица, повторяя, предъ забывшеюся въ грустныхъ воспоминаніяхъ матерью:— „Мама, что̀ они дѣлаютъ?“

А надъ этимъ всѣмъ яркое, яркое солнце осенняго тихаго дня, когда ничто не шелохнется, длинныя, скользящія бѣлыя нити паутинъ, какая-то синева въ воздухѣ, какъ разстаявшій дымъ изъ кадила, послѣ окончанія погребенія разбитыхъ, несбывшихся надеждъ, обманутыхъ ожиданій, обѣщаній!...

И все это результаты тѣхъ невозможныхъ условій, среди которыхъ проходитъ современная жизнь помѣстныхъ землевладѣльцевъ, гдѣ землевладѣлецъ бьется въ потѣ лица своего сначала, чтобъ оплатить проценты въ банкъ, еще недавно, безъ милости и разсужденія продававшаго недвижимыя имѣнія, стоившія десятки тысячъ сверхъ банковаго долга за нѣсколько десятковъ рублей срочной недоимки. Что̀ это такъ—лучшею иллюстраціей служитъ цѣлая образовавшаяся порода жизненныхъ хищниковъ—банковые перекупщики—всѣмъ извѣстные, нажившіе съ грошами огромныя состоянія покупкой имѣній съ торговъ, въ банкахъ. Привходитъ сюда случайное обстоятельство,—неурожай, падежъ скота, градобитіе, болѣзнь въ семьѣ—и вотъ начинаются поиски

за деньгами, которыхъ на первый разъ предложатъ пожалуй болѣе чѣмъ нужно. Является благодѣтельная закладная и при ней „неустоечная запись“ въ солидной цифрѣ, и тогда наступаетъ жизнь подъ ножомъ, до перваго легкаго случая. А тамъ и пошли повѣстки, судебные пристава... Кто изъ насъ не сознавалъ и не знаетъ, что̀ такое современныя „*неустойки*“? Кто не слыхалъ, какъ при взысканіи по закладнымъ присуждались эти неустойки, кто не слыхалъ, что присуждались неустойки по вокселямъ и въ такихъ размѣрахъ,—по векселю въ 5.000 руб.—неустойки 5.000 руб.?! Свобода сдѣлокъ—хотя бы и до очевидности безнравственныхъ!

Здѣсь мы имѣемъ уже чисто твердую почву: еще не такъ давно Московскій окружный судъ и палата отказывали въ присужденіи неустоекъ, за рѣдкими исключеніями, ясно понявъ, что общество до того злоупотребляетъ этою формой самообезпеченія, что тутъ до „звѣринаго образа“ недалеко очень. Сенатъ, во имя какого-то отвлеченнаго начала, никому не нужнаго, неразумнаго афоризма „perreat mundus fiat justitia, отмѣнялъ эти опредѣленія суда и палаты. А самъ Сенатъ состоитъ изъ живыхъ людей, которые тоже должны быть, да еще, какъ *Отцы-Избранники*, чутки къ людскому горю, нуждѣ. А вѣдь говорится: не допускай себя сдѣлать своему ближнему то, чего ты не хочешь, чтобы тебѣ самому сдѣлали! Можно хлопотать о дорогахъ, объ орошеніи, о жилищахъ, но ранѣе всего нужно хлопотать, чтобы выйти изъ нашего звѣрства. Мы хлопочемъ, чтобы каторжники имѣли теплый, здоровый, просторный, свѣтлый уголъ, пробуемъ его пищу и негодуемъ если въ капустѣ попадется что-либо постороннее, а знаете ли вы, что человѣкъ, сегодня объявленный несостоятельнымъ должникомъ, становится завтра въ положеніе церковной крысы и долженъ буквально, а не въ переносномъ только смыслѣ умирать отъ голода?!... У каждаго человѣка что-нибудь да есть, у несостоятельнаго — *ничего нѣтъ!* Поймите, на другой день по объявленіи все его принадлежитъ не ему, а кредиторамъ, которыхъ никто не можетъ принудить дать пропитаніе, одежду и обувь должнику [1]. Положеніе послѣдняго хуже презрѣннѣйшаго положенія послѣдняго нищаго! Въ этихъ законахъ не отзвукъ

[1] Только въ торговой несостоятельности при заключеніи должника подъ стражу, гдѣ по крайней мѣрѣ ему даютъ квартиру, поятъ и кормятъ — конкурсъ обязанъ выдавать содержаніе семьѣ должника.

строгости былыхъ временъ,—та строгость всегда имѣла мудрую причинность,—а здѣсь причинность возмутительная—утрата, потеря денегъ одною стороной и мщеніе за это другою!

Съ момента объявленія несостоятельнымъ лицо теряетъ всѣ свои права, и прежде всего исключается изъ службы, а между тѣмъ законъ различаетъ три вида несостоятельности, изъ которыхъ несостоятельность „*несчастная*“ не влечетъ за собою никакихъ послѣдствій, а, наоборотъ, даетъ право должнику не возвращать своихъ долговъ. Вообще, въ этихъ положеніяхъ такая масса непослѣдовательности, запутанности, темноты, а въ то же время такъ это все направляется на живое лицо, которое попадаетъ подъ дѣйствіе этихъ положеній, что „за человѣка страшно!“... Замѣшались тутъ деньги, и вотъ предъ глазами нашими разыгрываются на законномъ основаніи сцены психологическаго разрыванія должника на части, совершается надъ нимъ безкровное убійство и не одной виновной (sui generis) жертвы, а и близкихъ его—„*роди его*“!

Когда извѣстное лицо совершаетъ преступленіе, напримѣръ, убійство, то до произнесенія приговора онъ все же живое лицо, ни одно изъ его гражданскихъ и человѣческихъ правъ не нарушено, а несостоятельный, можетъ-быть ограбленный тѣми же кредиторами, человѣкъ отдается закономъ на *волю* кредиторовъ и конкурсовъ, этого оригинальнѣйшаго учрежденія. Въ нашей юридической литературѣ много писалось и пишется о правахъ кредиторовъ, объ облегченіи способовъ для нихъ взысканія, гдѣ всѣ *силы земныя* должны имъ помогать, о *пресѣченіи* должнику способовъ уклоненія отъ взысканія, и нигдѣ не говорится, напримѣръ, *о возбужденіи недобросовѣстнаго обвиненія въ несостоятельности, о Шейлокахъ въ кредиторахъ, о возможности для должника упрощенными способами доказывать ростовщическія дѣянія своихъ кредиторовъ* etc. А нужно это, и законодательство должно разработать и эту сторону дѣла. Но *съ чего начать?*

Правда, такой простой вопросъ ставитъ говорящаго въ большое смущеніе, такъ все это органически связано съ массой другихъ вопросовъ, гдѣ опять потребуются исправленія, замѣщенія, измѣненія, какъ въ связи съ главнымъ положеніемъ, такъ и по ихъ внутреннему несовершенству, отъ этого является робость, почти боязнь тронуть. Что̀ тронуть, съ чего начать? Въ добрый часъ,—съ чего случится, что̀ громче вопіетъ къ человѣческому сердцу. Голодъ 1891 года вызвалъ по необходимости цѣлую массу

вопросовъ и положеній новыхъ, и вотъ у насъ сразу по одному Великому Слову Великой Воли Державной создалось цѣлое учрежденіе общественныхъ работъ, съ цѣлою, уже окрѣпшею системой, которая, какъ видно изъ доклада главаря учрежденія, генерала Анненкова, Московскому Сельскохозяйственному Обществу, задалось уже громадною работой.

Докладчикъ, отправляясь отъ положенія, что рѣки мѣняютъ свой характеръ, что̀ и наблюдается повсемѣстно, говоритъ:

„Возможна ли борьба съ этими причинами? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что она не только возможна, но и обязательна.

„Необходимо начать съ охраненія истоковъ рѣкъ, расчистить источники, задержать снѣговую и дождевую воду на поляхъ, запруживая верхніе овраги съ цѣлью образовать скопленіе весенней воды и помѣшать выносамъ земли; наконецъ, нужно запруживать мелкія и среднія рѣки съ цѣлью образовать естественные резервуары.

„Но это только первоначальныя дѣйствія, которыя, будучи проведены систематически и съ должною настойчивостью, несомнѣнно приведутъ къ хорошимъ результатамъ. Дальше же слѣдуетъ идти, руководствуясь великими идеями Петра I, который запруживалъ и болѣе значительныя рѣки съ цѣлью задержать ихъ быстрый ходъ.

„Затѣмъ надлежитъ произвести цѣлый рядъ изслѣдованій по каптажу подземныхъ источниковъ для усиленія ими существующихъ надземныхъ и, наконецъ, выводить часть подземной воды на поверхность при помощи артезіанскихъ колодцевъ для увеличенія влаги, столь необходимой въ агрономическомъ отношеніи, отнюдь не трогая почвенной воды, которая служитъ для той же цѣли.“

Задача огромная, для осуществленія которой потребуются цѣлые годы, и докладчикъ заявляетъ, что „нынѣ же вопросъ этотъ можетъ быть разработанъ только въ самомъ первоначальномъ фазисѣ“, вслѣдствіе чего управленіе общественныхъ работъ остановилось на мысли, „что устройство запрудъ, какъ каптажъ источниковъ, и задержаніе весенней воды, можетъ войти однимъ изъ полезныхъ элементовъ въ ряду тѣхъ общихъ мѣропріятій, которыя столь желательны для устройства воднаго хозяйства. Особое совѣщаніе разрѣшило произвести эти работы въ бассейнѣ верхняго и средняго Дона“.

Какъ осторожно и разумно ставится это дѣло, видно изъ того,

что работамъ предшествовало изслѣдованіе на мѣстѣ особой коммиссіи, въ лицѣ завѣдывающаго общественными работами, профессоровъ *Мушкетова* (геологіи) и *Костычева* (агрономіи), главнаго инженера *Черниховскаго*, двухъ представителей отъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства (дѣйствительные члены Общества Н. А. Грушка и А. М. Катковъ) и мѣстныхъ уполномоченныхъ, послѣ чего „Управленіе общественныхъ работъ рѣшило на первое время избрать Донъ съ его притоками, такъ какъ онъ проходитъ въ предѣлахъ пяти губерній, наиболѣе пострадавшихъ отъ засухи для первоначальныхъ работъ въ смыслѣ увеличенія количества воды".

„Признано было наиболѣе цѣлесообразнымъ запрудить, съ согласія сельскихъ обществъ и землевладѣльцевъ, верховья овраговъ близь деревень и обсадить ихъ деревьями. А такъ какъ отпущенныхъ на каждый уѣздъ шестидесяти тысячъ рублей недостаточно, то рѣшено выбрать непремѣнно въ каждомъ уѣздѣ одну характерную систему рѣчки или оврага и произвести въ ней вполнѣ законченныя работы; въ остальныхъ же мѣстностяхъ—производить работы по мѣрѣ возможности.

„Кромѣ запрудъ въ верхнемъ теченіи Дона и его притоковъ, а также въ каждомъ изъ десяти уѣздовъ, выбранныхъ для производства этихъ работъ съ цѣлью увеличить количество влаги и восполнить два недостающіе дождя въ маѣ и сентябрѣ, предполагается устроить еще двѣ опытныя станціи:

„а) въ *Конь-Колодезь* (Задонскаго уѣзда) при земской сельско-хозяйственной школѣ, гдѣ имѣются характерные овраги, тамъ предполагается каптажъ водъ съ обводненіемъ при помощи валиковъ и снѣжныхъ защитъ.

„б) Близь села *Шовскаго* (Лебедянскаго уѣзда), гдѣ уже въ этомъ отношеніи опыты начались."

Докладъ генералъ-лейтенанта Анненкова въ высокой степени интересенъ. Это уже не простыя разсужденія умнаго человѣка-практика, тутъ въ результатѣ реальное дѣло и потенція на тысячи дѣлъ такихъ же грандіозныхъ, великихъ по своимъ послѣдствіямъ! Всѣ эти соображенія о необходимости заняться попристальнѣе упорядоченіемъ нашего земледѣлія и землевладѣнія раздаются давно; ко всѣмъ намъ хотя не часто отрывками, а все-таки доходятъ свѣдѣнія о гомстетахъ, неотчуждаемости усадьбъ крестьянъ Германіи, о резервуарахъ въ штатѣ Ваеммингъ, гдѣ уже „изо ста милліоновъ десятинъ, подлежащихъ орошенію,

орошено уже въ дѣйствительности 8.300.000 десятинъ" (докл. Д. И. Воейкова), о перепрудахъ р. Муррей въ Австраліи, гдѣ воды подняты для орошенія паровыми машинами въ 72.000 лошадиныхъ силъ и т. п. Доходятъ, но нуженъ у насъ въ Россіи почипъ правительственной власти, и тогда только дѣло можно считать прочнымъ.—Какъ отъ этого не страдаетъ наше самолюбіе, а это всегда такъ будетъ уже потому, что громадная 90.000.000 масса народная въ каждомъ дѣлѣ ожидаетъ этого правительственнаго почина, чтобы тотчасъ тогда проявить всю полноту своей мощи и силъ.

Немалый интересъ въ Трудахъ Общества представляетъ докладъ члена совѣта Общества И. І. Шатилова, обстоятельно и чрезвычайно ясно изложившаго результатъ за 1891 годъ своего хозяйства въ знаменитомъ Моховомъ, Новосильскаго уѣзда, Тульской губерніи, и доказываетъ, что при полномъ неурожаѣ, поразившемъ Новосильскій уѣздъ, при полномъ отсутствіи не только дождей, но даже утреннихъ и вечернихъ росъ, благодаря культурнымъ пріемамъ моховскаго хозяйства, урожай все-таки далъ съ 2.600 десятинъ 11.140 руб. чистаго дохода или 4 руб. 27 коп. кругомъ съ десятины, въ то время какъ кругомъ кромѣ лебеды ничего не родилось. Вотъ что̀ говорилъ, между прочимъ, Шатиловъ:

„Начать устраивать свое имѣніе и своевременно и хорошо обрабатывать его почву доступно каждому, для этого нужны только добрая воля, любовь къ землѣ и, конечно, знаніе.

„На отсутствіи этого начала устройства имѣній и лежитъ весь корень зла теперешнихъ бѣдствій и даже неурожая, явившагося достойнымъ возмездіемъ за то пренебреженіе къ землѣ, хищническій на нее взглядъ, которые преобладали у насъ до сихъ поръ въ Россіи, какъ среди землевладѣльцевъ, такъ равно и среди крестьянъ. Поднять земледѣліе въ Россіи будетъ только тогда мыслимо, когда на смѣну землевладѣльцамъ явятся по частнымъ имѣніямъ „земледѣльцы" и когда крестьянскія общества, видя вблизи себя результаты простыхъ, общедоступныхъ культурныхъ пріемовъ и убѣдясь воочію, насколько они увеличиваютъ урожайность, будутъ, въ свою очередь, перенимать ихъ и примѣнять на своихъ земляхъ."

Почтеннѣйшій докладчикъ указываетъ, кромѣ того, на цѣлый рядъ причинъ, которыя, по его мнѣнію, особенно задерживаютъ какое-либо правильное развитіе крестьянскаго хозяйства, и

первою изъ нихъ считаетъ *кабаки* и сопряженное съ ними пьянство. Старая это истина и всѣмъ извѣстная: въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ кабаковъ, народъ, видимо, богатѣетъ. И совершенно понятно: кабатчикъ долженъ спаивать народъ, чтобъ имѣть свой доходъ отъ дѣла, и время, привычка и дурныя страсти человѣческой природы дѣлаютъ то, что это спаиваніе пріобрѣтаетъ свойства цѣлой системы, подчасъ изумительно виртуозной.

Говорятъ, слѣдуетъ бороться съ этимъ зломъ развитіемъ повсемѣстно грамотности, просвѣщенія? Очень можетъ быть, но это не исключаетъ и возможности и необходимости искоренять пьянство прямымъ уничтоженіемъ кабаковъ въ деревнѣ. Наши деревенскіе обыватели привыкли еженедѣльно, почти поголовно, ѣздить на базаръ въ ближайшіе города, посады, мѣстечки, и будутъ имѣть всегда возможность закупить себѣ водки, если въ ней дѣйствительная поддержка, нужда, какъ закупается соль,—необходимость домашняго обихода. Близость кабака ведетъ къ тому, что пьютъ нехотя, сознавая всю мерзость пьянства, а все-таки пьютъ и пьютъ! И тѣ же пропойцы, на которыхъ, какъ на отпѣтыхъ, давно уже махнули рукой, вдругъ, послѣ закрытія кабака, чуть не въ первые же дни, дѣлаются неузнаваемыми, и вмѣсто стараго отвращенія уже начинаютъ вызывать чувство интереса, какой-то радостной близости! Все это говорилось, писалось на тысячу и одинъ ладъ и осталось „гласомъ вопіющаго въ пустынѣ". Что же принесутъ нынѣшнія времена? А показаніе на новый фазисъ въ дѣлѣ уже существуетъ—мы говоримъ о Высочайше утвержденномъ положеніи Комитета Министровъ, отъ 29 іюня 1892 г., которымъ, между прочимъ, предоставлено право губернаторамъ, „въ видахъ охраненія общественной безопасности и благочинія", вносить на обсужденіе *экстренныхъ* засѣданій губернскихъ по питейнымъ дѣламъ присутствій вопросы „о *закрытіи* тѣхъ отдѣльныхъ *заведеній* съ распивочною продажей крѣпкихъ напитковъ, *которыя влекутъ за собою разореніе крестьянъ*" (журналы эти утверждаются по соглашенію министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ).

Мѣра, несомнѣнно, великая и такая разумная, осторожная по необходимости, но спокойно серьезная, что, горячо привѣтствуя ея появленіе, должно воздержаться отъ какихъ-либо комментарій; пусть время покажетъ, что принесетъ ея приложеніе къ жизни, и каково оно будетъ—это приложеніе.

Слѣдующею, по важности, причиной неуспѣшности крестьян-

скаго хозяйства П. I. Шатиловъ видитъ въ безхозяйственности крестьянъ вообще и въ отсутствіи „какихъ бы то ни было улучшенныхъ пріемовъ обработки почвы, въ особенности относительно своевременности“.

Въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы, крупные землевладѣльцы, не безвинны сами, заставляя эти самыя крестьянскія руки исполнить для насъ *своевременно* работы на нашихъ земляхъ, задерживая тѣмъ ихъ собственныя работы. Я не говорю про Моховское *батрачное* хозяйство, про „батрачное“ хозяйство вообще, но оно существуетъ только въ сильныхъ экономіяхъ, большинство же убирается *кортомою*, или *испольно*—крестьянскими руками и также, сознаться нужно, убирается прескверно! Третьею, наконецъ, причиной, докладчикъ считаетъ отсутствіе близкихъ заработковъ. „Пока по нашимъ экономіямъ“, говоритъ докладчикъ,—„не будутъ жить дѣйствительные земледѣльцы, пока крестьяне не будутъ видѣть подъ глазами улучшенныхъ пріемовъ, и, перенимая ихъ, увеличатъ тѣмъ свою урожайность, пока они не будутъ имѣть близкихъ заработковъ въ этихъ же экономіяхъ, пока питейный доходъ государства не будетъ замѣненъ прямыми налогами, а самое потребленіе вина регулировано и обставлено уголовными строгостями и отвѣтственностью продающихъ его за могущія быть безобразія и пока, наконецъ, общій уровень крестьянскаго умственнаго и нравственнаго развитія не будетъ поднятъ грамотностью и школой, до тѣхъ поръ не помогутъ никакіе элеваторы, общественныя запашки, кредитъ и т. п. . . . .“

Этотъ общій выводъ докладчика страдаетъ нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ своихъ взаимныхъ частей и всего цѣлаго. Такъ, соглашаясь съ наипервѣйшею необходимостью, болѣе того прирожденнымъ долгомъ, быть не только землевладѣльцемъ, но и земледѣльцемъ и жить въ своемъ помѣстьи, быть живымъ примѣромъ и учителемъ менѣе матеріально и духовно одаренныхъ сосѣдей нашихъ отъ мелкаго землевладѣльца до крестьянина земледѣльца, признавая полезность, а подчасъ и строгую необходимость, близкихъ заработковъ для крестьянъ и преимущественно (скажемъ отъ себя) зимнихъ, уничтоженія въ корень кабаковъ съ пополненіемъ доходовъ отъ народнаго пьянства изъ какихъ угодно другихъ источниковъ — не могу я считать мѣрою того же порядка: установленіе регуляризаціи и обставленія уголовными строгостями и отвѣтственностью продающихъ его за могущія быть безобразія“!

Безобразія не должны быть терпимы вообще всюду, это правда, но зачѣмъ тутъ особыя уголовныя строгости, при требуемомъ докладчикомъ ранѣе того „уничтоженіи въ корень кабаковъ“? Далѣе, поднятіе грамотностью и школой уровня крестьянскаго умственнаго и нравственнаго развитія, есть черезчуръ растяжимое понятіе, и во всякомъ случаѣ желательно, но отсутствіе его все же не можетъ еще служить основаніемъ къ повторяемости такихъ ужасныхъ явленій, какъ голодовка 1891 года. Годы полныхъ неурожаевъ при всякомъ состояніи умственнаго и нравственнаго развитія, при самой совершенной культурѣ—все-таки мыслимы. Равнымъ образомъ, устраненіе всѣхъ выше перечисленныхъ причинъ въ цѣломъ не можетъ исключить пользы устройства элеваторовъ, учрежденія общественныхъ запашекъ и проч. мѣры, потому что и эти мѣры должны быть разсматриваемы какъ часть одного цѣлаго—вѣчной борьбы человѣчества со стихійными силами природы.

На нашъ взглядъ не нужно преувеличенія и сгущенія красокъ въ вопросахъ и безъ того мрачныхъ. Врядъ ли кто въ состояніи исчерпать въ одномъ положеніи всѣ причины, производящія данное явленіе—неудовлетворительность крестьянскаго хозяйства. Вѣдь съ тою же достовѣрностью можно указать, какъ на причину явленія, то обстоятельство, что крестьянское сословіе не имѣетъ съ 1861 года никакихъ руководителей въ своей практической жизни, которые были бы къ тому чѣмъ-либо *нравственно обязаны*, а исторія 30 лѣтъ съ того времени протекшихъ намъ показала, что разсчитывать на саморазвитіе народа только потому, что ему дарованы величайшія по человѣческимъ понятіямъ блага народной жизни—въ относительно быстрый промежутокъ времени невозможно, что для этого требуются вѣка. И если мы серьезно, не изъ тенденціозныхъ книжекъ, а собственнымъ опытомъ, станемъ изучать уровень умственнаго и нравственнаго развитія въ европейскихъ народахъ, опередившихъ насъ лѣтъ на 200, какъ это говорятъ, мы не встрѣтимъ много новаго, невиданнаго, кромѣ большей грамотности мѣстами и повсемѣстно—большаго эгоизма, большей черствости, большей злобы и безпощадности въ страшной борьбѣ за существованіе!

То что̀ достигнуто въ Западной Европѣ въ хозяйствѣ, достигнуто въ большинствѣ случаевъ цѣлою развитою системой законодательства о хозяйствѣ, которое тамъ давно имѣетъ свои

отдѣльныя правительственныя учрежденія—министерства, гдѣ все-таки лучшія, вверху жизни стоящія силы, въ соединеніи людей науки, знанія и опыта, были тѣми мощными руководителями, которые направляли сельскохозяйственную дѣятельность народа въ массахъ дѣйствительно разумными путями, устраивая эти самые пути. Стóитъ напр. указать на проведеніе шоссейныхъ дорогъ во Франціи, такъ блистательно выполненное французскимъ правительствомъ; такъ увѣрены мы—правительство Франціи властно и рѣшительно проведетъ систему воднаго орошенія, если это будетъ сознано необходимымъ для благосостоянія страны.

Повторяемъ, указанныя авторомъ причины неудовлетворительности крестьянскаго хозяйства суть дѣйствительно, вопервыхъ, только однѣ изъ причинъ, устраненіемъ которыхъ, вовторыхъ, еще не все будетъ въ этомъ направленіи сдѣлано. Въ этомъ явленіи сойдутся тысячи причинъ несовершенства государственной жизни, требующія и каждая порознь и всѣ вмѣстѣ рѣшительнаго измѣненія, исправленія. Къ чему мнѣ, напримѣръ, масса рождающагося на поляхъ моихъ хлѣба, когда мнѣ его некуда будетъ дѣвать и изъ года въ годъ будутъ скопляться громадныя его остатки, или когда мнѣ этотъ уродившійся хлѣбъ невозможно будетъ доставить за отсутствіемъ хотя бы самыхъ дорогъ?

Однако, все это давно всѣмъ извѣстно: „а только возъ и нынѣ тамъ“!

Всѣхъ причинъ при полномъ добромъ желаніи и возможности мы все-таки не устранимъ—народятся и новыя, наше же дѣло устранять то, чтò сознано необходимымъ устранять, и непрестанно заботиться о массѣ народной, лучше преувеличивая ея безпомощность и нашу нравственную обязанность о ней заботиться.

А что, какъ говоритъ докладчикъ Шатиловъ, „дай Богъ, чтобы настоящій тяжелый годъ открылъ наконецъ глаза всѣмъ землевладѣльцамъ и помогай имъ Богъ скорѣе стать „земледѣльцами“—святая правда, хорошее желаніе! И кажется, подводя итогъ всему вышеизложенному, съ чѣмъ насъ познакомилъ XXX выпускъ Трудовъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, этотъ 1891 годъ многому научилъ насъ, на многое открылъ наши глаза, многое заставилъ даже сдѣлать. А если сюда присоединить еще увѣренные слухи объ имѣющемъ быть въ непродолжительномъ будущемъ

учрежденіи министерства земледѣлія (одна изъ составныхъ частей котораго — управленіе общественныхъ работъ—уже функціонируетъ), готовящейся реформы налоговъ,—послѣдовавшей горячей правительственной поддержки отечественной промышленности и промысловъ, выразившейся въ цѣлой серіи новыхъ законоположеній нынѣшняго года—1891 годъ займетъ видное мѣсто въ будущемъ изложеніи исторіи развитія Россіи въ наше время! Съ этой стороны истекшій голодный годъ сослужилъ огромную службу! Одно сознаніе, что такое великое бѣдствіе вызвало, какъ-то тихо, безъ шумихи, такую колоссальную массу и матеріальныхъ, и нравственныхъ силъ правительства и самого народа, самое это сознаніе есть уже новая прибавившаяся сила въ великой сокровищницѣ народныхъ нашихъ силъ! И вотъ уже недороды нынѣшняго 1892 года воспринимаются спокойно, такъ велика увѣренность въ томъ, что все это найдетъ свою помощь и своевременно и въ надлежащемъ видѣ.

Мы не можемъ заключить нашъ краткій обзоръ XXX выпуска Трудовъ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства не отмѣтивъ того обстоятельства, что постановленіемъ его общихъ собраній 17 и 24 апрѣля сего года введена система назначенія вопросовъ по сельскому хозяйству для обсужденія въ теченіе зимней сессіи и на первую очередь поставлены шесть вопросовъ, признанныхъ наиболѣе важными, именно:

1. О сельскохозяйственномъ образованіи: высшемъ, среднемъ и низшемъ.

2. О вліяніи сельскохозяйственныхъ обществъ на развитіе сельскаго хозяйства.

3. О дѣятельности земствъ по содѣйствію сельскому хозяйству.

4. О распредѣленіи Россіи на сельскохозяйственные районы.

5. О значеніи улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій.

6. О мѣрахъ къ улучшенію русскаго молочнаго скота самого въ себѣ, безъ примѣси крови иностраннаго скота.

По прежнимъ традиціямъ Общество не задавалось такими впередъ назначенными программами, служа каждую минуту живымъ барометромъ сельскохозяйственнымъ нуждамъ, чутко отзываясь на всякое новое сельскохозяйственное явленіе. Лучшею иллюстраціей къ тому служитъ тотъ же XXX выпускъ его Трудовъ, гдѣ напечатано и это новшество. Смѣшно было бы говорить о вредѣ такого направленія, но какъ-то жалко отставать отъ

старыхъ привычекъ, когда ничто не вызываетъ на это! Московское Общество имѣетъ уже старую почти вѣковую исторію (послѣдняя недожитая одна четверть вѣка, по теперешнимъ временамъ, доживется—и не увидимъ!) и дорого своимъ членамъ въ своемъ специфическомъ видѣ. Было бы жалко, напримѣръ, перевести его засѣданія изъ старой, всѣмъ знакомой, скромной залы Смоленскаго бульвара въ любое роскошнѣйшее помѣщеніе вновь строющихся дворцовъ — домовъ Москвы! Избави Богъ ожидать какой-либо вредъ отъ установленія напередъ программы занятій, но ожидать *особой пользы*, какъ это желаетъ выяснить авторъ письма *въ редакцію* (какую?) „по поводу обсужденія вопросовъ въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства“ (стр. 175, выпуска XXX Трудовъ), а тѣмъ болѣе ставить эти вопросы такъ, что „безъ рѣшенія ихъ трудно допустить возможность установленія правильнаго развитія, какъ сельскаго хозяйства вообще, такъ *и сельскохозяйственныхъ обществъ*,“ а слѣдовательно и Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, немножко рискованно. Общество не школа, гдѣ строгая, ритмическая дисциплина вяжетъ всю школьную жизнь въ одно стройное цѣлое, и желать отъ Общества какихъ-то *сочиненій на заданныя темы* совсѣмъ не желательно. По насъ лучше старый порядокъ, когда мы обсуждали то, что̀ загоралось въ душахъ нашихъ докладчиковъ, и темы докладовъ намъ отвѣчали на вопросъ насколько жизненно Общество въ каждую данную минуту, и находятъ ли въ немъ отзвуки явленія сельскохозяйственной жизни и практики?.! И поверхностное знакомство съ Историческою Запиской по Обществу отвѣтитъ намъ утвердительно на этотъ вопросъ. „Война родитъ героевъ“—а жизнь рождаетъ дѣятелей!

Не о „трясеніи основъ“ говоримъ мы, а намъ больно въ этой выставленной программѣ видѣть собственноручную расписку въ отсутствіи у насъ собственной внутренней дисциплины общественныхъ дѣятелей (такъ нами она понята), и съ положеніемъ невозможности безъ нея самаго развитія Общества мы *никогда* не согласимся! Это и слишкомъ смѣло, слишкомъ обидно, и составляетъ неправду, которую членъ Общества, обязанный знать его исторію, говорить не можетъ. Что̀ сдѣлаетъ Общесто по выполненіи этой *выставленной программы*—мы увидимъ, а что̀ оно сдѣлало за три четверти вѣковаго, безпрограммнаго своего су-

шествованія, съ единственною программой своего девиза: *Ora et Labora*, когда оно стояло на стражѣ никому ненужныхъ, невѣдомыхъ сельскохозяйственныхъ нуждъ,—мы знаемъ! И на всякій изъ выставленныхъ программныхъ вопросовъ мы найдемъ въ старыхъ забытыхъ Трудахъ членовъ Общества много отвѣтовъ готовыхъ и вѣчно новыхъ! Ученое Общество должно безстрастно сознавать себя великимъ только на костяхъ своихъ великихъ предковъ!

Н. Чубаровъ.

Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго-церковнаго права.

По поводу сочиненія профессора Н. С. Суворова: *Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права.* Ярославль, 1888. А. Павлова. Москва, 1892.

Мы привыкли читать и думать о западномъ вліяніи на наше общественно-политическое устройство. Apriori считая все западное лучшимъ, если не совершеннымъ, наши юристы, какъ администраторы, такъ и ученые, въ изобиліи переносили оттуда къ намъ и новыя формы общежитія, и новыя законныя рамки для кореннаго русскаго быта. Не подражаніе только, а прямое заимствованіе здѣсь вмѣнялось въ особую заслугу, какъ приближеніе къ образцу. Если нѣкоторыя условія жизни могли быть реформированы на чисто русскихъ основахъ, этого не дѣлалось. Такъ сильно было у насъ ослѣпленіе всѣмъ западнымъ, что мы хватали оттуда готовыя формы, совершенно не разбирая и не обращая вниманія на то, пригодны ли онѣ для насъ, и не можемъ ли мы обойтись и безъ нихъ [1].

Тѣмъ не менѣе, до послѣдняго времени крѣпко было общее убѣжденіе, что въ одной области, именно въ церковной, менѣе всего можно говорить о западномъ вліяніи. Даже болѣе того. Возможны были упреки въ излишнемъ византизмѣ нашей Церкви, въ слишкомъ большомъ вліяніи на нее Востока.

И вотъ, въ наши дни нашелся ученый, который рѣшился заплатить дань Западу и въ нетронутой еще у насъ церковной области.

---

[1] Напримѣръ, опытъ С. А. Рачинскаго доказалъ возможность развитія у насъ трезвости своими домашними средствами. Между тѣмъ „С.-Петербургское Общество трезвости“ организовалось и сочинило уставъ себѣ по финляндскому образцу.

Онъ ограничивается спеціальною областью права и доказываетъ, что въ этой области Русская Церковь вовсе не далека отъ католической и не чужда ей, что послѣдняя въ старину имѣла большое вліяніе на православныя учрежденія первой.

Таковъ смыслъ вышеназванной книги профессора Суворова.

Онъ „подмѣтилъ, — говоритъ А. С. Павловъ.— черты поразительнаго сходства между однимъ средне-вѣковымъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ епитимейникомъ, носящимъ въ рукописяхъ глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отецъ“. Въ виду совершенной неизвѣстности (по крайней мѣрѣ по печатнымъ изданіямъ) какого-нибудь *греческаго* источника для этой „Заповѣди“, профессоръ Суворовъ естественно принялъ ее за прямой переводъ съ упомянутаго латинскаго пенитенціала. Своему открытію ученый канонистъ придаетъ тѣмъ большую важность, что „Заповѣдь св. Отецъ“ несомнѣнно принадлежитъ къ древнѣйшимъ памятникамъ славянской канонической письменности. Если же славянскій памятникъ глубокой древности оказывается прямымъ заимствованіемъ изъ латинскаго источника, то это обстоятельство невольно наводитъ на мысль, что подобныя заимствованія могутъ встрѣтиться и въ другихъ памятникахъ славянской церковной письменности, сходныхъ съ „Заповѣдью“ и появившихся еще до формальнаго раздѣленія Церквей Востока и Запада. И дѣйствительно, профессоръ Суворовъ нашелъ довольно явственные, на его взглядъ, „слѣды западно католическаго церковнаго права“ не только въ упомянутой „Заповѣди“, но и въ слѣдующихъ памятникахъ древне-славянскаго и русскаго церковнаго права: 1) въ такъ-называемомъ „Законѣ судномъ людемъ“; 2) въ разныхъ древнеславянскихъ и русскихъ епитимейникахъ и вообще въ правилахъ о покаяніи и разрѣшеніи отъ грѣховъ; и наконецъ, 3) въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ первымъ двумъ христіанскимъ князьямъ Руси—Св. Владиміру и Ярославу“ (1—2 стр.).

Открытіе весьма любопытное! Что̀ если „еще задолго до того времени, когда въ Московскомъ государствѣ почувствовалась неотложная потребность „прорубить окно въ Европу“, двери на Руси держались довольно широко открытыми для западно-европейскаго вліянія“? [1] Что̀ если только для оппозиціи Западу Греки усвоили извѣстную церковную практику кому-либо изъ своихъ

[1] Слова въ ковычкахъ принадлежатъ профессору Суворову.

восточныхъ пастырей и законодателей, усвоили въ видѣ реакціи латинскимъ учрежденіямъ уже „послѣ того, какъ отношенія между Востокомъ и Западомъ обострились до открытой вражды и до церковнаго раздѣленія?“ Что если такія оппозиціонныя установленія имѣютъ дѣйствительный источникъ свой на Западѣ? Ужь не на Западѣ ли и истинно православная церковная практика? Вѣдь на Константинопольскомъ соборѣ 869 года папскіе легаты заставили же восточную іерархію „вспомнить и примѣнить древнее церковное право,—какъ полагаетъ профессоръ Суворовъ,—и перевести его изъ области историческихъ воспоминаній, сдѣлавшихся теоріей, въ практику“?..

Сомнѣніе брошено тонко, сомнѣніе опасное, потому что оно обосновано, повидимому, на ученыхъ изслѣдованіяхъ и сопоставленіяхъ. Къ счастію для нашей науки и къ великой чести почтеннѣйшаго профессора А. С. Павлова, проф. Суворову дана надлежащая отповѣдь. Его мнимо-научные выводы оказываются произвольнымъ измышленіемъ его фантазіи. Этому раскрытію дѣйствительнаго характера сочиненія проф. Суворова и посвященъ прекрасный ученый трудъ, вышеназванная рецензія извѣстнаго профессора-канониста А. С. Павлова.

Книга его содержитъ введеніе, четыре главы критическихъ изслѣдованій вмѣстѣ съ самостоятельнымъ рѣшеніемъ многихъ попутныхъ вопросовъ, заключеніе и приложеніе.

Поставивъ эпиграфомъ своего труда извѣстное изреченіе книги Притчей (IX, 9)—*даждь премудрому вину, и премудрѣйшій будетъ*, — А. С. послѣдовательно и подробно, съ замѣчательнымъ запасомъ дѣйствительно-ученыхъ свѣдѣній, останавливается на каждомъ выводѣ проф. Суворова и въ результатѣ со всею очевидностью даже для неспеціалиста обнаруживаетъ ихъ произвольность и даже ошибочность. Непривычный читатель только изумляется: какъ это трудъ, предпринятый въ интересахъ европейской науки и, быть-можетъ, оказавшій ей немаловажную услугу, не могъ устоять предъ скромною заботой pro domo sua? (Мнимые слѣды, 22—23 стр.).

Первая глава посвящена изслѣдованію вопроса объ отношеніи „Заповѣди св. Отецъ“ къ латинскому Мерзебургскому пенитенціалу. Въ связи съ этимъ вопросомъ подробно разсматривается предположеніе проф. Суворова о латинскомъ вліяніи на древнеславянскій „чинъ надъ исповѣдающимся“ и на покаянный номоканонъ Іоанна Постника. Подробное изслѣдованіе перваго

вопроса приводитъ къ тому выводу, „что сходство и отчасти даже буквальное тожество славянской „Заповѣди св. Отецъ“ съ латинскимъ, такъ-называемымъ Мерзебургскимъ пенитенціаломъ можетъ быть съ *полною вѣроятностью* объяснено такъ: оба эти разноязычные памятника произошли изъ одного общаго *греческаго* источника, сохранившагося до насъ только въ двухъ отрывкахъ. Этотъ выводъ до нѣкоторой степени подтверждается и ближайшимъ сравненіемъ текста „Заповѣди“ съ текстомъ предполагаемаго латинскаго ея оригинала“ [1] (22 стр.). Что же касается до покаяннаго номоканона Іоанна Постника (а вмѣстѣ съ нимъ и „чина надъ исповѣдающимся“), то и здѣсь всѣ данныя „довольно рѣшительно говорятъ въ пользу сравнительной древности и совершенной независимости этого памятника отъ вліянія латинскихъ пенитенціаловъ. Что касается, въ частности, до того мѣста въ номоканонѣ Постника, — продолжаетъ А. С. Павловъ, — въ которомъ проф. Суворовъ усмотрѣлъ „слѣдъ“ этого вліянія, то по справкѣ съ подлинникомъ оказывается, что оно читается не совсѣмъ такъ, какъ излагаетъ его почтенный авторъ (Суворовъ) — для вящаго, конечно, согласія съ латинскими пенитенціалами. Да еслибъ и оказалось тутъ полное согласіе восточнаго пенитенціала съ западнымъ, то мы, — говоритъ А. С., — оглянувшись назадъ, имѣли бы право сказать: вотъ и еще заимствованіе съ Востока, unde lux для Запада, особенно въ тѣ времена, когда онъ былъ занятъ составленіемъ своихъ пенитенціаловъ“ (48 стр.).

Изслѣдованіе второй главы о „Законѣ судномъ людемъ“ приводитъ къ давнему выводу, что онъ „есть юго-славянская (именно болгарская) компиляція, составленная изъ разныхъ источниковъ византійскаго права, преимущественно — изъ Эклоги императоровъ Льва Исавріянина и Константина Копронима“ (50 стр.). „Нужно, впрочемъ, оговориться, — замѣчаетъ А. С., — что самъ авторъ (Суворовъ), повидимому, сознавалъ слабость доказательствъ западнаго вліянія на обширную редакцію закона суднаго. Свое „сужденіе“ онъ прямо называетъ „гипотетическимъ“ (106 стр.).

Въ третьей главѣ А. С. Павловъ разсматриваетъ разные памятники древне-русской и славянской каноніческой письменности съ мнимыми слѣдами католическаго вліянія, какъ-то:

[1] Въ „Приложеніи“ и приведены эти тексты.

„Въпрошанія“ Кирика, „Заповѣдь св. Отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ и одну сербскую разрѣшительную молитву о публично-кающихся. Дѣйствительно, соглашается А. С., въ составъ „Заповѣди св. отецъ ко исповѣдающимся сыномъ и дщеремъ“ или „устава Бѣлеческаго“, какъ называетъ ее проф. Голубинскій, вошло нѣсколько статей изъ „Заповѣди св. Отецъ“. Послѣдняя же была извѣстна и автору „Въпрошаній“. Но, какъ видно изъ первой главы, на такомъ основаніи невозможно говорить о католическомъ вліяніи, потому что сама „Заповѣдь св. Отецъ“ восточнаго происхожденія (113 стр.). Что же касается того пункта „Въпрошаній“ (о замѣнѣ покаянія служеніемъ литургій), въ которомъ проф. Суворовъ видитъ несомнѣнное заимствованіе изъ латинскаго пенитенціала, то А. С. удивляется: „какая необходимость и въ настоящемъ случаѣ предполагать западное вліяніе, когда извѣстенъ полный текстъ того *юго-славянскаго* епитимейника, изъ котораго Кирикъ прочиталъ своему епископу выше приведенное правило? Все содержаніе этого епитимейника—несомнѣнно греко-восточное“ (114—115 стр.). Нѣтъ католическаго вліянія и въ разрѣшительной молитвѣ. А. С. приводитъ „документальныя свидѣтельства о непрерывномъ существованіи на Востокѣ публичныхъ покаяній, наряду съ эпитиміями, налагаемыми по тайной исповѣди (чего не знаетъ проф. Суворовъ), а также указываетъ греческій подлинникъ чина покаянія или „примиренія“ въ Гоаровомъ изданіи греческаго Евхологіона и жалѣетъ, „что проф. Суворовъ не доискался этого подлинника“ (116—119 стр.).

Четвертая глава посвящена изслѣдованію церковныхъ уставовъ Св. Владиміра и Ярослава. Установивъ бо́льшую древность устава Св. Владиміра (который несомнѣнно существовалъ уже въ XIII вѣкѣ), чѣмъ какую даетъ ему проф. Суворовъ (XIV в.), А. С. Павловъ не находитъ и въ немъ слѣдовъ католическаго вліянія. Послѣдніе проф. Суворовъ видитъ въ постановленіяхъ Владимірова устава о церковной десятинѣ и во включеніи имъ „людей богадѣльныхъ“ въ кругъ лицъ церковнаго вѣдомства, а также въ порученіи духовнымъ властямъ надзора за правильностью торговыхъ мѣръ и вѣсовъ. Но А. С. послѣ тщательныхъ изслѣдованій считаетъ себя „въ правѣ утверждать, что русская церковная десятина взята была не съ западнаго церковнаго образца, а со своего—государственнаго“ (144 — 145 стр.). По поводу же „людей богадѣльныхъ“ А. С. спрашиваетъ: „кому неиз-

вѣстны безчисленныя ксенодохіи, птохотохіи, орфонотрофіи, врефотрофіи, носокоміи, геронтокоміи и другія подобныя благотворительныя учрежденія, которыя по византійскимъ церковнымъ и государственнымъ законамъ всѣ находились въ вѣдѣніи духовной іерархіи: столичныя подчинены были патріарху, а провинціальныя — мѣстнымъ епископамъ? Неужели первые русскіе іерархи, родомъ Греки, съ которыми такъ „часто снимался“ Св. Владиміръ при устроеніи церковныхъ порядковъ на Руси, ни разу не указали ему на этотъ образецъ своей отечественной церкви?“ (145—146 стр.). Точно также А. С. указываетъ, гдѣ „проф. Суворовъ можетъ найти выписки и изъ такихъ византійскихъ государственныхъ законовъ, по которымъ епископы имѣли право участвовать въ выборѣ смотрителей за городскими торговыми мѣрами и вѣсами, а самые эти вѣсы и мѣры хранились въ церквахъ, подъ наблюденіемъ епископовъ“ (148 стр.).

Въ церковномъ уставѣ Ярослава проф. Суворовъ находитъ заимствованія изъ „Заповѣди Св. Отецъ“ и закона суднаго, то-есть, какъ уже извѣстно, мнимые слѣды католическаго вліянія. Поэтому А. С. Павловъ внимательно и подробно останавливается на доказательствѣ старшинства восточной редакціи Ярославова устава предъ западною и вліянія первой на послѣднюю.

Въ заключеніи, подводя итогъ всему сказанному, А. С. Павловъ въ немногихъ выразительныхъ словахъ дѣлаетъ справедливую характеристику изслѣдованій проф. Суворова: „Въ работѣ почтеннаго профессора одно проблемматично, другое—произвольно и натянуто, третье—прямо ошибочно. Сравнительный методъ въ исторіи права,—продолжаетъ онъ,—безспорно вещь весьма хорошая; но пользоваться имъ нужно умѣючи, въ мѣру и осторожно. Нужно знать, что̀ сравнивать и какъ сравнивать, чтобы, при видимомъ сходствѣ юридическихъ институтовъ у двухъ различныхъ народовъ, не дѣлать поспѣшныхъ и опрометчивыхъ заключеній о вліяніи одного права на другое... Попытка проф. Суворова доказала только, что не все оригинальное хорошо и что, „отрѣшившись отъ унаслѣдованной нами отъ предковъ привычки подыскивать образцы для разныхъ явленій древне-русской юридической жизни на греко-славянскомъ востокѣ“, можно договориться до крупныхъ несообразностей съ требованіями науки и съ объективною исторической истиной“ (160—162 стр.).

Мы не будемъ цѣнить научныя и литературныя достоинства труда А. С. Павлова. Извѣстное и авторитетное имя заслужен-

наго профессора даетъ намъ полное право на это. Богатѣйшій запасъ научныхъ свѣдѣній, стройная и послѣдовательная аргументація, ясные до очевидности выводы, прекрасная русская рѣчь, тонкая полемика, подчасъ острая до безпощадности—все это обычныя качества литературныхъ трудовъ А. С. Мы хотѣли бы обратить вниманіе на значеніе его полемическаго сочиненія болѣе общее, а потому близкое для всякаго православнаго читателя. Для этого мы воспользуемся его же собственными словами.

„Замѣчательно,—говоритъ А. С.,—тогда какъ у насъ дѣлается, съ видомъ серьезной учености, попытка поставить древнюю Русь подъ преобладающее вліяніе католическаго запада, а не православнаго востока, на самомъ Западѣ созрѣваетъ сознаніе необходимости ближайшаго изученія Византіи, какъ одного изъ могущественныхъ факторовъ въ исторіи средневѣковой западной культуры. Предполагается основать особый журналъ для византологіи. Будущій издатель этого журнала — профессоръ мюнхенскаго университета Крумбахеръ, авторъ новѣйшей и лучшей *Исторіи византійской литературы*, въ предварительномъ объявленіи о своемъ изданіи пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „Богатая византійская культура, *которая въ большей части Европы и понынѣ еще отражается во множествѣ явленій, а въ Средніе Вѣка плодотворно вліяла на весь Западъ*, требуетъ основательнаго обслѣдованія“. Такъ судитъ ученый западъ—и судитъ, конечно, въ осужденіе намъ. Мы упускаемъ изъ своихъ рукъ научное дѣло, завѣщанное намъ всею нашею исторіей.“

Упрекъ сильный и справедливый. Но и примѣръ иного отношенія къ дѣлу великъ и заманчивъ.

Надо отъ души желать, чтобы наши ученые въ своихъ работахъ поставили на первомъ мѣстѣ заботу pro domo sua и пошли надежнымъ слѣдомъ за почтеннымъ профессоромъ А. С. Павловымъ. „Объективная историческая истина“, оказывается, была бы на ихъ сторонѣ.

Г. Г.

Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ при сельскихъ народныхъ училищахъ. К. В. Бѣлевича. Спб. 1892.

Въ виду особой, уже достаточно сознанной необходимости въ развитіи сельско-хозяйственныхъ знаній у насъ въ Россіи, странѣ, неоспоримо, почти исключительно земледѣльческой, брошюра К. В. Бѣлевича: „Объ устройствѣ школьныхъ хозяйствъ при сельскихъ народныхъ училищахъ“ прочтется съ большимъ интересомъ. Сельскія народныя школы, по мысли автора, наглядно, на примѣрѣ, еще въ большей степени, чѣмъ образцовыя помѣщичьи хозяйства, фермы, земледѣльческія, садоводственныя и др. училища (которыхъ при этомъ еще слишкомъ мало на Россію) должны послужить могучимъ проводникомъ элементарныхъ сельско-хозяйственныхъ знаній въ народную массу. Для этого народныя школы должны быть надѣлены землей; такое надѣленіе школы землей и примѣненіе школы, какъ проводника, въ массы сельско-хозяйственныхъ знаній, по мнѣнію его, не можетъ повредить собственно школьному дѣлу—распространенію грамотности въ народѣ, лишь бы эта идея задалась не слишкомъ широкими требованіями, которыя любятъ выставлять ея поборники. Авторъ высказываетъ тутъ необычайно симпатическую мысль, что надѣленіе школы землей прежде всего обезпечитъ сельскаго учителя, привяжетъ его къ школѣ, къ данной мѣстности; мысль эта такъ удачна, что уже теперь въ сердечныхъ отношеніяхъ народныхъ учителей къ этимъ занятіямъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ состоялось надѣленіе школъ землей, въ сочувственномъ отношеніи къ дѣлу со стороны частныхъ лицъ, обществъ, учрежденій—лежитъ прочная гарантія успѣха дѣла.

Правда, теперешніе сельскіе учителя, незнакомые въ большинствѣ обстоятельно съ дѣломъ преподаванія сельскаго хозяйства, не представляютъ необходимаго для всесторонняго развитія дѣла контингента; но временемъ, путемъ введенія въ программу земскихъ учительскихъ школъ обученія сельскому хозяй-

ству, особыми временными курсами или чтеніями для существующихъ сельскихъ учителей, учрежденіемъ должностей особыхъ спеціалистовъ по сельскому хозяйству, обязанныхъ періодическими поѣздками по уѣзду для однообразнаго направленія веденія дѣла на началахъ знанія и опыта,—нужный успѣхъ дѣла можетъ быть достигнутъ. Переходя затѣмъ къ выясненію, въ чемъ же должно заключаться школьное сельское хозяйство, авторъ весьма остроумно рисуетъ намъ чисто кабинетныя теоріи брошюръ И. И. Мещерскаго (*„О надѣленіи народныхъ школъ землей въ интересахъ школьнаго дѣла и сельскаго хозяйства“. Спб. 1887 г.*; *„Какъ устраивать сады при народныхъ школахъ“. Спб. 1891 г.*), В. А. Александрова (*Объ устройствѣ школьныхъ садовъ при сельскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ 1890*; *Краткое руководство къ устройству и веденію школьныхъ садовъ. Спб. 1892)* и другихъ, гдѣ подробно *трактуется* о возможности восполненія отсюда народныхъ продовольственныхъ запасовъ, о разведеніи розъ, жасминовъ и комнатныхъ цвѣтовъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, напоминая очень маниловскія мечты о мостѣ съ лавками и купцами, и приходитъ къ такому выводу:

По его мнѣнію, въ хозяйствѣ этомъ не должно быть ничего особо сложнаго, недоступнаго скромному пониманію крестьянской среды, и прежде всего, въ виду, конечно, скромныхъ размѣровъ возможной площади школьнаго хозяйства, оно должно сосредоточиваться на огородѣ, гдѣ слѣдуетъ ввести улучшенные пріемы разведенія предметовъ первой необходимости, какъ ежедневной пищи—овощей: лучшихъ сортовъ капусты, огурцовъ, гороху, рѣпы, свеклы, луку, рѣдьки, картофеля и др., затѣмъ для многихъ мѣстностей Россіи—разведеніе небольшаго лѣснаго питомника, какъ источника для обсадки усадьбъ (мѣра противупожарная), а также нашихъ дорогъ. Всѣ продукты съ участка должны идти въ собственность учителя, какъ награда за его трудъ; рабочею силой, необходимою учителю—хозяину для веденія хозяйства, являются ученики школы, причемъ трудъ этотъ долженъ быть направляемъ разумно, учитель долженъ работать съ ними совмѣстно; учебная же программа школы не должна быть обременяема сельско-хозяйственными знаніями, какъ предметомъ самостоятельнымъ: — эти знанія могутъ войти туда косвенно, въ видѣ статей для диктанта, ариѳметическихъ задачъ и др.

Въ заключеніе авторъ даетъ краткій обзоръ того, что̀ уже

сдѣлано въ этомъ отношеніи въ Россіи, черпая свои свѣдѣнія въ богатомъ матеріалѣ „Трудовъ Организаціоннаго Комитета при съѣздѣ русскихъ дѣятелей по технич. образ.“ (IV Секціи.)

На этомъ поприщѣ особенную дѣятельность уже проявили земства: Псковское (Московское въ Верейскомъ уѣздѣ), и губерніи Виленская и Подольская. Что̀ касается до Западной Европы, то наилучшую постановку (на основаніяхъ вышеизложенныхъ) дѣло это получило въ Австріи.

Брошюра К. В. Бѣлевича читается съ большимъ интересомъ: она затрогиваетъ такую хорошую, дорогую для насъ область, и всѣ его воззрѣнія проникнуты большою теплотой, сердечностью, при совершенной ясности, краткости изложенія и простотѣ положеній. Программу имъ предлагаемую можно бы осуществить: она не требуетъ никакихъ особыхъ жертвъ, кромѣ нѣкоторой рѣшимости общественныхъ дѣятелей, въ рукахъ которыхъ сосредоточено сельское образованіе, дать движеніе этому направленію общественнаго сознанія, отраженіемъ котораго мы и признаемъ эту симпатичнѣйшую брошюру.

---

1) *Отзвуки минувшаго*, очерки, разсказы и воспоминанія А. А. фон-Риттера. 1892.

2) *Американскій дядюшка*, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочин. Т. Діесперова. Орелъ. 1892.

Отзвуки минувшаго фонъ-Риттера весьма чисто изданная книжка, печатанная „во второмъ станѣ Московскаго уѣзда“, какъ говоритъ о томъ заглавная страница, въ типографіи В. В. Чичерина, и напечатанная прекрасно. Всѣ ея маленькіе, миленькіе очерки, разсказы и воспоминанія производятъ впечатлѣніе милое, хорошее. Есть между ними совсѣмъ жемчуженки, таковы, напримѣръ, четыре странички: „Забытое“—это прекрасная, грустная элегія, написанная прекрасною прозой:

„Я подошелъ ближе и съ трудомъ разобралъ:

„2 іюня... Маня“.

„Какъ будто кладбищемъ повѣяло отъ этихъ нѣсколькихъ буквъ, Богъ вѣсть кѣмъ, когда и въ память кого начертанныхъ... И это чужое имя точно могильная надпись о давно умершемъ

близкомъ, навела на меня тихую грусть, и я невольно перенесся въ давно минувшее, давно забытое прошлое, въ то прошлое, когда и этотъ барскій домъ, и этотъ садъ кипѣли жизнью широкою, привольною, въ то прошлое, когда по строго-расчищеннымъ песчанымъ дорожкамъ этого, нынѣ заглохшаго парка, рѣзвились барскія дѣти, которыхъ жизнь манила впередъ, обѣщая такъ много свѣтлаго въ будущемъ, въ то прошлое, когда и этотъ кіоскъ еще не былъ печальною руиной и могильнымъ памятникомъ прежняго величія, а служилъ мѣстомъ отдохновенія обитателей тѣхъ хоромъ, которыя также полуистлѣли...“

Да, тихая грусть въ сердцѣ писателя переходитъ часто въ сердце читающаго эти картинки недавняго прошлаго, на которыхъ съ такою любовью останавливается авторъ. Это старое, прошлое—такъ ему дорого! И дорого оно ему не безсознательно, какъ близкое по рожденію, по привычкѣ... Нѣтъ, въ самомъ началѣ (стр. 10) вы встрѣчаете такія слова:

„И какое-то злобное чувство закралось мнѣ въ душу противъ тѣхъ писателей, которые, излагая эпизоды изъ крѣпостнаго права, съ какимъ-то злорадствомъ группируютъ лишь его темныя стороны, умышленно упуская другія—болѣе свѣтлыя, патріархальныя...“

Если внимательно присмотрѣться ко всей послѣдовательности этого ряда очерковъ, вы увидите явно сознательное желаніе дать рядъ лицъ, событій и положеній, гдѣ этотъ свѣтъ и патріархальность дореформеннаго времени выступаютъ съ особою рельефностью. Въ серединѣ своихъ очерковъ авторъ высказываетъ нижеслѣдующее (стр. 63):

„Меня всегда смѣшитъ, когда я слышу розсказни о какихъ-то „звѣрствахъ“, учиняемыхъ въ былое время помѣщиками надъ своими крѣпостными. Въ особенности же смѣшитъ меня, когда на эту тему начинаетъ распространяться наша молодежь, которая и знать не можетъ того времени уже по одному тому, что она тогда „подъ столъ пѣшкомъ“ даже еще ходить не умѣла, какъ родившаяся гораздо позднѣе отмѣны крѣпостнаго права.“

Указавъ затѣмъ на смѣшную, въ этихъ случаяхъ, запальчивость, при полномъ незнаніи самой жизни, или знаніи ея изъ стиховъ „пѣвца народной слезы“, авторъ продолжаетъ:

„Но не столько меня обыкновенно смѣшитъ увлекающаяся молодежь, съ чужихъ словъ искажающая факты, насколько меня возмущаетъ, когда попадаются мнѣ подъ руку, къ счастью давно

уже забытые, прежніе журналы, съ изложенными въ нихъ эпизодами изъ крѣпостнаго права... Гоняясь за дешевою въ то время кличкой „либеральнаго писателя“, сочинители шестидесятыхъ годовъ неистово и въ запуски другъ предъ другомъ заносились въ своихъ описаніяхъ дореформеннаго времени, и тотъ, кто вспомнитъ эпоху „Благосвѣтловыхъ и Благовѣщенскихъ“ съ окружавшею ихъ необузданною литературною кликой, тотъ, конечно, помнитъ, что кто больше вралъ тогда небылицъ на прежнихъ помѣщиковъ, тотъ и имѣлъ большій успѣхъ. Это была не безвредная ложь, какъ, напримѣръ, добродушное, традиціонное вранье юмористическихъ журналовъ, стремящихся лишь наполнить столбцы своихъ изданій и разсмѣшить публику: нѣтъ, эти господа преслѣдовали иную, злую, затаенную цѣль возбудить страсти въ людяхъ мало развитыхъ, систематически возстановляя одно сословіе противъ другаго“...

Чѣмъ дольше мы живемъ, тѣмъ больше и больше приходится слышать такихъ словъ. Страсти улеглись, интенсивность новыхъ интересовъ притупилась, стало необходимо чаще и чаще вкушать отъ „горькаго плода“, родившагося на высокихъ побужденіяхъ, громкихъ словахъ и дѣлахъ, и вотъ, естественно, взоры начинаютъ все чаще и чаще обращаться „туда“, гдѣ лежитъ осужденный, осмѣянный, проклятый міръ прошлаго. Люди, которые все попрежнему остались любящими его, стали подымать голову, и пока еще робко „цитировать“ старое, хорошее изъ этого прошлаго: мало того, явились нелгущіе историческіе документы, памятники,—и настоящая минута стоитъ въ странномъ раздумьѣ сама надъ собою, чувствуя свою виновность предъ великимъ, ею поруганнымъ прошлымъ, тѣмъ прошлымъ, которое въ горячемъ семействениомъ, патріархальномъ складѣ своемъ воспитало эти же сѣмена великихъ мыслей, благотворныхъ побужденій и громкихъ словъ, оказавшихся въ концѣ концовъ яйцами, поучившими довольно-таки, спесивую ихъ, курицу!

Въ добрый часъ, пусть пробуждается въ людяхъ любовь къ этому прошлому, пусть добросовѣстно изучается оно, и пусть не погибнутъ тѣ начала добра и красоты, которыя уцѣлѣли до нашихъ дней среди развалинъ его моральнаго и физическаго склада.

Очерки, разсказы и воспоминанія г. фонъ-Риттера именно рисуютъ намъ многія симпатичныя черты старой помѣщичьей жизни. Очень жаль, что очерки эти такъ коротки, слишкомъ коротки! Всѣ эти картинки современной литературной живописи,

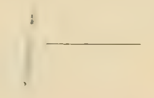
въ полномъ соотвѣтствіи съ настоящею живописью, рисуются какъ-то въ два, три штриха, крупными, отрывистыми мазками. Нѣтъ той тонкой, художественной отдѣлки, которою отличаются работы старыхъ мастеровъ! Все спѣшитъ, всѣ спѣшатъ—куда?!

Воспоминанія свои г. фонъ-Риттеръ собралъ очень добросовѣстно; дѣланнаго, подыграннаго въ нихъ не замѣчается, напротивъ, вездѣ чувствуется теплота, сердечность.

Слогъ г. фонъ-Риттера—вполнѣ изящный, очень легко читаемый, безо всякихъ оттѣнковъ русскаго „декадентизма", которымъ такъ любитъ щеголять современная проза.

Правда, нѣкоторые изъ его очерковъ слишкомъ ужь обыденны по фабулѣ, не искупаемой какими-либо красотами изложенія, и стоятъ какъ-то особнякомъ въ общемъ ряду очерковъ; таковы: „Гроза", „Старое старится", „Подслушалъ"; а „Итоги" такъ и совсѣмъ слѣдовало бы исключить изъ состава книжки: это не очеркъ, разсказъ, воспоминаніе, а скорѣе фельетонная статья рыночнаго, заказнаго юмора и тона,—да извинитъ намъ авторъ рѣзкое слово!

Во всякомъ случаѣ, книжка читается съ большимъ удовольствіемъ. Лучшими очерками слѣдуетъ назвать: „Кучеръ Яшка", „Тибо влюбленъ", „Крокодилъ", „Святки у помѣщика" и „Забытое".

За то изданное въ городѣ Орлѣ, въ прекрасной обложкѣ съ греческою виньеткой, произведеніе господина Т. Діесперова, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи—*Американскій дядюшка*—курьезъ sui generis! Полюбуйтесь на актера Рюмкина, разговаривающаго на невозможномъ жоргонѣ; на ньюіоркскаго негоціанта-милліонера, говорящаго, какъ московскій гостинодворецъ, и отвѣчающаго своему племяннику, который любезно его спрашиваетъ, откуда онъ? „—Изъ Америки, любезнѣйшій".

А этотъ самый племянникъ—Вѣхинъ, „*небогатый землевладѣлецъ, молодой мужчина*", такъ мило принимающій дядюшку-милліонера въ 8—9 часовъ утра со словами: „—Дядюшка, выкушайте винца, сейчасъ и чаю не угодно ли?.."

Затѣмъ слѣдуетъ Madame Вѣхина, которая въ шесть часовъ утра видитъ страшный пророческій сонъ съ медвѣдями

и кричитъ съ испуга: „— Ай, ай!“ такъ что въ сосѣдней комнатѣ, черезъ закрытую дверь, слышно: „*закутавшись въ одѣяло, выходитъ въ гостиную*“, и освѣдомившись, что ожидается дядюшка-милліонеръ, зоветъ свою горничную: „—Дашка! Дашка!?“...

А кучеръ Степанъ, входящій безпрепятственно въ гостиную съ оглоблей въ рукахъ и говорящій такія смѣшныя и умныя вещи: „—Какъ можно? Рази я дуракъ? Турокъ, первое дѣло съ трубкой, второе — съ усами, а Татаринъ больше насчетъ краснаго товару. Такъ я пойду“?

Развѣ это не чудесно?! Правда, немножко все это непонятно и очень грубо, напоминаетъ нѣчто въ родѣ литературнаго „*Singe en gaité*“, но вѣрно есть публика и для такой литературы, и люди, которые будутъ платить даже 75 копѣекъ—цѣну этого „сочиненія“. Вольному воля—спасеному рай!

Н. Б.

